АРТУР ХЕЙЛИ

АЭРОПОРТ

Annotation

Роман современного американского писателя А. Хейли «Аэропорт» воссоздаёт атмосферу работы крупного административно-производственного комплекса. Книга привлекает внимание достоверностью и живостью описаний, доскональным знанием материала, высоким профессиональным мастерством.

- Артур Хейли
  -
  - ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
  - ЧАСТЬ ВТОРАЯ
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
  - ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

        - 1
        - 2
        - 3
        - 4
        - 5
        - 6
        - 7
        - 8
        - 9
        - 10
        - 11
        - 12
        - 13
        - 14
        - 15
        - 16
        - 17
        - 18
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20

- 21

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net

Все книги автора

Эта же книга в других форматах

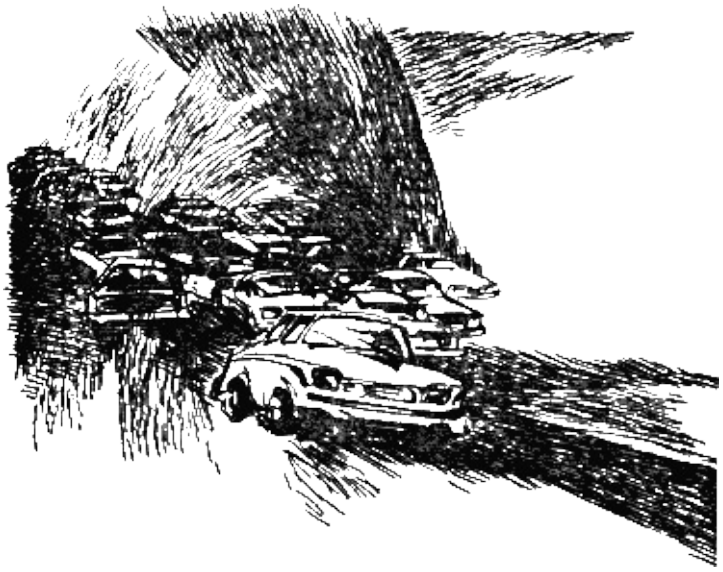
Другие книги серии «Золотой фонд мировой классики»

Приятного чтения!

Артур Хейли
АЭРОПОРТ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
(18:30–20:30)

1



Январь. Пятница. Шесть тридцать вечера. Международный аэропорт имени Линкольна в Иллинойсе был открыт, но все его службы работали с предельным напряжением.

Над аэропортом, как и над всеми Среднезападными штатами, свирепствовал сильнейший буран, какого здесь не было лет пять или шесть. Вот уже трое суток не переставая валил снег. И в деятельности аэропорта, как в больном, измученном сердце, то тут, то там стали появляться сбои.

Где-то на лётном поле затерялся в снегу «пикап» «Юнайтед Эйрлайнз» с обедами для двухсот пассажиров. Невзирая на снег и наступившую темноту, «пикап» искали, но пока тщетно — ни машины, ни шофёра найти не удалось.

Вылет самолёта ДС-8 компании «Юнайтед Эйрлайнз», для которого «пикап» вёз еду, в беспосадочный рейс на Лос-Анджелес и так уже задерживался на несколько часов. А теперь из-за пропавшего «пикапа» он вылетит ещё позже. Впрочем, это был не единственный случай задержки — около сотни самолётов двадцати других авиакомпаний, пользующихся международным аэропортом Линкольна, не поднялись вовремя в воздух.

Объяснялось это тем, что вышла из строя взлётно-посадочная полоса три-ноль: «боинг-707» авиакомпании «Аэрео-Мехикан» при взлёте чуть-чуть съехал с бетонированного покрытия и сразу застрял в раскисшей под снегом земле. Вот уже два часа, как люди бились, стараясь сдвинуть с места огромный лайнер. И теперь компания «Аэрео-Мехикан», исчерпав

собственные ресурсы, обратилась за помощью к «ТВА».

Поскольку полоса три-ноль оказалась заблокированной, командно-диспетчерскому пункту пришлось установить жёсткий контроль над воздухом и ограничить приём самолётов с близлежащих аэропортов Миннеаполиса, Кливленда, Канзас-Сити, Индианаполиса и Денвера. И тем не менее двадцать самолётов кружили над аэропортом, запрашивая о посадке, так как у них кончалось горючее. А на земле в два раза больше машин ждали отправки. И всё же КДП отменил все вылеты, пока не разрядится обстановка в воздухе. В результате у аэровокзала, на рулёжных дорожках и у выходных ворот стояло множество самолётов с запущенными двигателями, уже готовых к взлёту.

На складах всех авиакомпаний скопилось множество грузов, в том числе и срочных, но ни о каких скоростных перевозках, естественно, не могло быть и речи. Инспекторы грузовых перевозок с волнением следили за состоянием скоропортящегося товара — оранжерейных цветов, отправляемых из Вайоминга в Новую Англию; пенсильванского сыра для Аляски; замороженного зелёного горошка для Исландии; живых омаров, которых с Восточного побережья США пересылали через полюс в Европу. Омары эти уже на другой день появятся в меню эдинбургских и парижских ресторанов в качестве «свежих продуктов местных морей», и американские туристы по неведению будут охотно их заказывать. Буран или не буран, а скоропортящиеся товары согласно контракту положено доставлять к месту назначения свежими — и быстро.

Особое волнение у служащих вызывал груз авиакомпании «Американ Эйрлайнз» — несколько тысяч индюшат, которые всего два-три часа назад вылупились из яиц. График их появления на свет и последующей отправки самолётом разрабатывается за много недель до того, как индюшка садится на яйца. По этому графику живые птицы должны быть доставлены на Западное побережье через сорок восемь часов после рождения — предельный срок, в течение которого крошечные существа могут прожить без еды и питья. При соблюдении этих условий доставку удаётся осуществить без потерь. Если же индюшат в дороге покормить, они не только пропахнут сами, — пропахнет и самолёт, так что потом в него несколько дней не войдёшь. И вот теперь график был нарушен уже на несколько часов. Поэтому решили снять один самолёт с пассажирской линии и предоставить его индюшатам — нежный груз получал, таким образом, приоритет над всеми грузами и пассажирами, включая даже «особо важных персон».

В здании аэровокзала царил хаос. Залы ожидания были забиты до

отказа — тысячи пассажиров ждали вылета; одни рейсы задерживались, а другие были и вовсе отменены. Всюду громоздились горы багажа. Огромный центральный зал походил на трибуны стадиона в момент ожесточённого футбольного матча или на универсальный магазин «Мейси» в канун рождества.

Сиявшая обычно на крыше аэровокзала лихая надпись «Международный аэропорт Линкольна — воздушный перекрёсток мира» была сейчас скрыта метелью.

Самое невероятное, подумал, глядя на всё это, Мел Бейкерсфелд, что аэропорт ещё как-то функционирует.

Управляющий аэропортом — высокий, сухощавый, удивительно собранный — стоял в башне у пульта управления снежной командой и всматривался в темноту. Обычно из этой стеклянной комнаты был отлично виден весь аэропорт: взлётно-посадочные полосы, рулёжные дорожки, складские помещения. Правда, все самолёты в воздухе и на земле выглядели, как модели на макете, но силуэты их чётко вырисовывались даже вечером при свете прожекторов. Более широкий обзор открывался только с КДП — командно-диспетчерского пункта, расположенного в той же башне и занимавшего два верхних этажа.

Но сегодня лишь расплывающиеся точки ближних огней слабо мерцали сквозь густую пелену гонимого ветром снега. Да, подумал Мел, о нынешней зиме ещё многие годы будут вспоминать на совещаниях метеорологов.

Родилась эта снежная буря пять дней назад где-то в горах Колорадо. Она возникла в виде снежного смерча высотой с небольшой холм, и метеорологи, вычерчивая для авиалиний карты погоды, либо пренебрегли таким пустяком, либо вовсе его не заметили. И вот, словно в отместку им, смерч стал расти и превратился в настоящее бедствие, в ураган, который помчался сначала на юго-восток, а потом повернул на север.

Он пронёсся над Канзасом и Оклахомой и, словно решив набраться сил, задержался в Аризоне. А на другой день, окрепнув и разъярившись, всей своей мощью обрушился на долину Миссисипи. Но только над Иллинойсом буря разыгралась вовсю: температура упала, и штат сковало холодом — за одни сутки землю покрыл десятидюймовый слой снега.

Сначала над аэропортом шёл лёгкий снежок. Потом он повалил с безудержной силой: не успевали машины расчистить сугробы, как ветер наметал новые. Люди на снегоуборке буквально валились с ног. За последние два-три часа уже нескольких человек пришлось отправить домой, так как они падали от усталости, хотя в аэропорту на случай

подобных чрезвычайных обстоятельств всегда есть где передохнуть и по очереди поспать.

Мел услышал, как стоявший рядом с ними Дэнни Фэрроу, его заместитель, который отвечал сейчас за расчистку снега, вызвал по радиотелефону центр по борьбе с заносами:

— Мы теряем автомобильные стоянки. Вышлите ещё шесть снегоочистителей и команду «Банджо» к «игрек семьдесят четыре»!

Дэнни находился перед пультом управления — собственно, даже не пультом, а скорее широкой доской с тремя консолями. Перед ним и двумя его помощниками, сидевшими справа и слева от него, выстроилась батарея телефонов, телеаппаратов и радиоприёмников. На столе лежали карты, графики и бюллетени, фиксирующие местоположение каждой снегоочистительной машины, равно как и занятых на уборке снега людей. Отдельно фиксировались команды «Банджо», оснащённые специальными снегосгребателями. Сейчас в этой комнате жизнь била ключом, но кончался зимний сезон — и помещение пустело, в нём воцарялась тишина.

Лысина Дэнни поблёскивала, вся в капельках пота, — он непрерывно делал какие-то пометки на крупномасштабной карте аэропорта. Он повторил свою просьбу центру по борьбе о заносами — она прозвучала как его личная мольба; да так оно, наверно, и было. Здесь, наверху, помещался командный пункт. И тот, кто возглавлял его, должен был представлять себе картину в целом, устанавливать очерёдность требований и направлять машины туда, где в них больше нуждались. Сложность заключалась в том — и, должно быть, именно это раздражало Дэнни, потому он так и потел, — что те, кто трудился там, внизу, ведя неустанную борьбу со снегом, не всегда разделяли его точку зрения относительно того, где прежде всего нужна помощь.

— Ясно, ясно!.. Ещё шесть снегоочистителей!.. — послышался в радиотелефоне раздражённый голос с другого конца аэропорта. — Сейчас попросим у деда-мороза. Он тут околачивается где-то поблизости. — Пауза. И более раздражённо; — Умнее ничего не придумали?

Мел взглянул на Дэнни и покачал головой. Он узнал голос в радиотелефоне — это был старший механик, работавший, по всей вероятности, без передышки с тех пор, как начался буран. В такую непогоду трудно держать себя в руках — это понятно. Обычно после напряжённой, снежной зимы механики и дирекция устраивают мужское застолье, так называемый «вечер замирения». Да, уж в этом году непременно придётся такой устраивать.

Дэнни попытался образумить смутьяна:

— Но мы же послали четыре снегоочистителя на поиски этого «пикапа» с едой. Они сейчас должны уже быть свободны.

— Они, конечно, были бы свободны… если бы нашли «пикап».

— Как, его до сих пор не нашли? Да чем же вы там, чёрт бы вас побрал, занимаетесь — ужинаете, что ли, или девчонок щупаете? — И Дэнни тотчас повернул ручку, микшируя звук, чтобы раздавшийся по радиотелефону голос не грохотал в мембране.

— А вы там в своём курятнике имеете хоть какое-нибудь представление о том, что происходит на поле? Не мешало бы всё-таки время от времени поглядывать в окно! У нас же тут как на Северном полюсе — никакой разницы!

— Заткнул бы ты глотку, Эрни, — посоветовал Дэнни. — А то, не ровен час, на таком ветру и простыть недолго.

Слушая этот обмен любезностями, Мел понимал, что хоть и не всё в их перепалке надо принимать всерьёз, однако обстановка на лётном поле действительно тяжёлая. Мел сам всего час назад там проезжал. И хотя пользовался он служебными дорожками и знал весь аэропорт как свои пять пальцев, сегодня ему было не просто ориентироваться и он несколько раз едва не сбился с пути.

Мел ездил в центр по борьбе с заносами, где работа давно кипела вовсю. Если пульт управления можно было бы назвать командным пунктом, то центр по борьбе с заносами являлся чем-то вроде штаба на передовой. Здесь вечно толкались усталые рабочие и десятники — одни взмокшие от пота, другие промёрзшие до костей, и постоянные и временные, — плотники, электрики, водопроводчики, служащие, полицейские. Временных набирали из числа тех, кто работал в аэропорту, и, пока валил снег, платили им полтора жалованья. Все они знали, что надо делать, так как за лето и осень, подобно солдатам, прошли обучение и умели расчищать от снега взлётные полосы и дорожки. Вид рабочих, усиленно машущих лопатами жарким солнечным днём рядом с работающими вхолостую, ревущими снегоочистителями, не раз веселил зевак. Если же кто-то выражал удивление по поводу столь тщательной подготовки, Мел Бейкерсфелд напоминал, что очистить от снега оперативные площадки аэропорта дело нешуточное: ведь это всё равно, что очистить семисотмильное шоссе.

Центр по борьбе с заносами, как и пульт управления здесь, в башне, функционировал только зимой. Это было большое мрачное помещение над одним из гаражей. И властвовал там диспетчер. По голосу, звучавшему сейчас в радиотелефоне, Мел понял, что диспетчера сменили — возможно,

он пошёл поспать в «вытрезвителе», как не без юмора называли в аэропорту общежитие для людей, занятых на снегоуборке.

Радиотелефон снова ожил, и Мел узнал на этот раз голос старшего техника:

— Мы ведь тоже волнуемся по поводу этого «пикапа», Дэнни. Бедняга шофёр может здорово промёрзнуть там, на поле. Хотя с голоду, конечно, не помрёт, если у него котелок варит.

«Пикап» отъехал от «рейсовой кухни» и направился к аэровокзалу часа два назад. Путь его лежал по периметру лётного поля и обычно длился около четверти часа. Но «пикап» так и не прибыл к месту назначения — шофёр явно заблудился и застрял где-то в снегу. «Юнайтед Эйрлайнз» послала за ним поисковую команду, но розыски ни к чему не привели. И теперь за дело взялось руководство аэропорта.

— А этот самолёт «Юнайтед Эйрлайнз» вылетел или нет? Отправился без еды? — спросил Мел.

Дэнни Фэрроу ответил, не отрывая взгляда от карт:

— Командир корабля предоставил решать этот вопрос пассажирам. Сказал, что потребуется ещё час, чтобы подогнать новый «пикап», а на борту есть выпивка, им покажут кино, и в Калифорнии светит солнце. И все высказались за то, чтобы поскорее убраться отсюда. Я бы тоже так поступил.

Мел кивнул. Ему очень хотелось самому взяться за дело и отыскать пропавший «пикап» и шофёра. Но он подавил в себе это желание, хотя любая деятельность была бы для него сейчас благом. Холодная, сырая погода, стоявшая эти несколько дней, возродила боль в покалеченной ноге, напоминая о Корее. Он переменил позу, перенеся всю тяжесть тела на здоровую ногу. Но облегчение было лишь минутным. И боль очень скоро возобновилась.

Постояв немного возле Дэнни, Мел подумал, что правильно поступил, решив не вмешиваться. Дэнни делал всё как надо: снял несколько снегоочистителей, работавших возле аэровокзала, и срочно направил их на дорогу, проложенную по краю поля. Ничего не поделаешь: приходилось отказаться на время от расчистки стоянок для машин, невзирая на любые скандалы. Прежде надо отыскать исчезнувшего шофёра.

Отдавая соответствующее распоряжение, Дэнни предупредил Мела:

— Приготовься к потоку жалоб. Поисковая партия вынуждена будет блокировать окружную дорогу. Придётся задержать все «пикапы» с продовольствием, пока мы не найдём этого парня.

Мел кивнул. Такая уж у него работа, что жалоб не избежать. В этом

случае — тут Дэнни был прав — они посыплются как из рога изобилия, когда компании узнают, что их «пикапы» с продовольствием задержаны в пути, а по каким соображениям — неважно.

Найдутся такие, которые ни за что не поверят, что человек может погибнуть здесь, в центре цивилизации, только оттого, что находится под открытым небом, и тем не менее это вполне может произойти. Далёкие окраины лётного поля не место для прогулок в такую ночь. Если же шофёр решит сидеть в машине с включённым мотором, его быстро занесёт снегом, и он может потом умереть от скопления углекислого газа.

Одной рукой Дэнни держал трубку красного телефона, а другой листал правила поведения на случай чрезвычайных обстоятельств, тщательно составленные, кстати, самим Мелом.

Красный телефон служил для связи с дежурным пожарной команды аэропорта, и Дэнни коротко изложил ему ситуацию.

— А как только мы отыщем «пикап», высылайте туда «скорую помощь» — может, потребуется респиратор или обогреватель, а возможно, и то и другое. Но лучше не выезжайте, пока не будет точно установлено местонахождение «пикапа». А то ещё и вас, ребята, придётся откапывать.

Капельки пота покрывали теперь уже всю лысину Дэнни. Мел понимал, что Дэнни работает у пульта скрепя сердце: ему куда больше по душе то, чем он обычно занимается, планируя деятельность аэропорта, строя гипотезы и логические предположения о будущем авиации. Вот там можно размышлять не спеша, прикинуть заранее все возможности, а не решать проблему с ходу, немедленно. И Мел подумал, что есть люди, которые живут прошлым, а есть такие, как Дэнни Фэрроу, которые бегут от настоящего в будущее. Но счастлив был сейчас Дэнни или несчастлив, он всё-таки справлялся с делом, хоть и потел.

Протянув руку поверх его плеча, Мел взял трубку прямого телефона, связывающего пульт с КДП. Ему ответил руководитель полётов.

— Как там у вас с «боингом семьсот семь» компании «Аэрео-Мехикан»?

— Да всё так же, мистер Бейкерсфелд. Мы уже два часа бьёмся, чтобы сдвинуть его с места. Пока ничего не Получается.

Эта беда случилась, когда стемнело и пилот компании «Аэрео-Мехикан», ведя машину к взлёту, взял по ошибке правее огней, ограждающих рулёжную дорожку. Тут, как на грех, травянистый грунт не имел стока — его собирались сделать, когда кончится зима. А пока под толстым слоем снега находился ещё более толстый слой грязи. И вот, свернув не в ту сторону, стодвадцатитонный самолёт глубоко увяз в грязи.

Когда стало ясно, что нагруженный самолёт своими силами выбраться из этой жижи не сможет, с него сняли разгневанных, ворчащих пассажиров и по грязи и снегу отвели к спешно подброшенным автобусам. С тех пор прошло два часа, а огромный реактивный лайнер всё ещё стоял на прежнем месте, перекрывая собой полосу три-ноль.

— Значит, полоса и рулёжная дорожка всё ещё не введены в строй? — спросил Мел.

— Совершенно верно, — ответил руководитель полётов. — Мы задержали все вылеты у выходных ворот и направляем машины на другие полосы.

— Здорово эта история нарушает график?

— Процентов на пятьдесят. Сейчас у нас десять рейсов дожидаются разрешения выйти на рулёжную дорожку и ещё с десяток ждут, когда им позволят запустить двигатели.

Вот оно, наглядное доказательство того, сколь настоятельно нужны аэропорту дополнительные взлётно-посадочные полосы — ВПП — и рулёжные дорожки, подумал Мел. Уже целых три года он тщетно доказывал необходимость сооружения новой полосы параллельно полосе три-ноль, равно как и других реконструкций. Но Совет уполномоченных под нажимом городских политических боссов неизменно отклонял его предложения. Объяснялось это тем, что городской муниципалитет по каким-то своим соображениям не желал выпускать новый заём, а это, безусловно, потребовалось бы для финансирования такого рода начинаний.

— Беда ещё в том, — добавил руководитель полётов, — что из-за невозможности использовать полосу три-ноль самолёты взлетают над Медоувудом. И оттуда уже стали поступать жалобы.

Мел чертыхнулся. Городок Медоувуд, расположенный на юго-западе от аэропорта, был как заноза у него в мозгу и немало осложнял ему работу. Хотя аэропорт был построен задолго до городка, жители Медоувуда непрестанно, в самой резкой форме жаловались на шум, который создают самолёты, пролетая у них над головой. В эту кампанию вскоре ввязалась пресса, что повлекло за собой новые жалобы и яростные нападки на аэропорт и его руководство. Наконец, после долгих переговоров, после шумихи в печати и, по мнению Мела Бейкерсфелда, серьёзных передержек, где немалую роль уже играла политика, аэропорту и Федеральному управлению авиации пришлось пойти на уступки и обещать, что реактивные самолёты будут пролетать над Медоувудом лишь в крайних и особых случаях. Однако, поскольку взлётно-посадочных полос и так не хватало, это решение значительно сокращало возможности аэропорта.

Более того: решено было, что самолёты, взлетающие в направлении Медоувуда, поднявшись в воздух, будут тотчас принимать меры для уменьшения шума. Но тут начались протесты уже со стороны пилотов, считавших такую меру чрезвычайно опасной. Однако авиакомпании, не желая раздражать публику и вызывать нарекания, требовали, чтобы пилоты выполняли приказ.

Невзирая на это, жители Медоувуда не успокаивались. Их воинственные лидеры продолжали протестовать, устраивать демонстрации, а согласно самым последним слухам, намеревались даже подать на аэропорт в суд.

— Много было звонков по этому поводу? — спросил Мел руководителя полётов. И мрачно подумал о том, что вместо работы снова придётся часами разбирать петиции, вести споры и беспредметные обсуждения, которые всё равно ничего не дадут.

— Да звонков пятьдесят, пожалуй, было. Это те, которым мы ответили, а наверняка были и такие, которых с нами не соединили. Стоит взлететь самолёту, и телефоны у нас начинают звонить, — причём не только те, что значатся в телефонной книжке, но и незарегистрированные номера. Много бы я дал, чтобы выяснить, как их узнают.

— Но я надеюсь, вы сказали тем, кто звонил, что мы вынуждены так поступать из-за особых обстоятельств: во-первых, из-за бурана и, во-вторых, потому что вышла из строя ВПП.

— Мы всё им объясняем. Но это никого не интересует. Они просто не желают, чтобы самолёты летали над ними, — и всё. Есть такие, которые заявляют, что им нет дела до наших проблем, пилоты обязаны уменьшать шум, а они сегодня этого не делают.

— Чёрт возьми, да будь я пилотом, я тоже не стал бы этого делать! — Ну как может здравомыслящий человек, подумал Мел, требовать, чтобы пилот в такую бурю, сразу после взлёта, снижал нагрузку на двигатели? А только это и уменьшает шум.

— Я тоже, — поддержал его руководитель полётов. — Хотя, конечно, всё зависит от точки зрения. Если бы я жил в Медоувуде, может, и я бы рассуждал, как они.

— Вы бы не жили в Медоувуде. Вы бы послушались нас. А мы уже много лет назад предупреждали людей, чтобы они там не строились.

— Да, пожалуй. Кстати, один мой сотрудник сообщил мне, что они там сегодня снова устраивают сборище.

— В такую погоду?

— Да, отменять его они вроде не собираются, и, похоже, что-то они

там затевают.

— Ну, о том, что они затевают, — заметил Мел, — мы очень скоро узнаем.

И всё же, подумал он, если в Медоувуде действительно состоится митинг, жаль, что аэропорт как раз сегодня подбрасывает им новую пищу для трепотни. Туда, конечно, явятся и пресса, и местные политические боссы, и то, что самолёты будут летать у них над головой — хоть это и вызвано необходимостью, — даст им повод для очередных петиций и разглагольствований. Значит, чем скорее полоса три-ноль войдёт в строй, тем лучше будет для всех.

— Через некоторое время я сам выеду на поле, — сказал он руководителю полётов, — и посмотрю, что там происходит. Ждите сообщений с места.

— Есть!

— Кстати, — спросил, переходя к другому, Мел, — мой брат сегодня дежурит?

— Совершенно верно. Кейз сидит у радара — на Западном направлении.

Мел знал, что Западное направление — один из самых напряжённых участков в диспетчерской. Работать на Западном направлении — значит наблюдать за всеми самолётами, садящимися в западном квадранте. Мел помедлил, потом решил, что достаточно хорошо знает руководителя полётов и может задать ему вопрос, который тревожил его сейчас.

— А Кейз в порядке? Не слишком нервничает?

Руководитель полётов ответил не сразу.

— Да, пожалуй, я бы даже сказал, нервничает больше обычного.

Они прекрасно понимали друг друга, ибо младший брат Мела в последнее время был для них обоих источником немалого беспокойства.

— Честно говоря, — сказал руководитель полётов, — я бы очень хотел помочь ему, но не могу. У нас не хватает рук, все загружены до предела. — И добавил: — Включая меня.

— Я знаю. И очень ценю то, что вы не выпускаете Кейза из поля зрения.

— Так ведь при такой работе почти у каждого из нас рано или поздно нервы сдают — тут уж ничего не поделаешь. — Мел чувствовал, как руководитель полётов тщательно подбирает слова. — Иной раз человек падает духом. Но когда такое бывает, мы всегда выручаем друг друга.

— Спасибо. — Услышанное не развеяло тревоги Мела. — Может, я попозже загляну к вам.

— Есть, сэр. — И руководитель полётов повесил трубку.

Это «сэр» было просто данью вежливости. Руководитель полётов не подчинялся Мелу. Он отвечал лишь перед Федеральным управлением авиации, находящимся в Вашингтоне. Тем не менее отношения между диспетчерами и аэропортовским начальством всегда были хорошие, и Мел следил за тем, чтобы они не портились.

Аэропорт — любой аэропорт — это сложный механизм, и управлять им нелегко. Нет такого человека, который отвечал бы за всё, но и самостоятельно функционирующих участков тоже нет: всё переплетено и взаимосвязано. Как управляющий аэропортом, Мел обладал наибольшей полнотой власти, и тем не менее были такие секторы, в работу которых он старался не вмешиваться. Одним из них являлся командно-диспетчерский пункт, другим — представительства авиакомпаний. Мел мог вмешиваться и вмешивался в вопросы, связанные с деятельностью аэропорта в целом или с обслуживанием пассажиров. Он мог, например, приказать авиакомпании снять с двери табличку, которая, по его мнению, сбивала с толку пассажиров или не соответствовала принятым на аэровокзале стандартам. Но то, что происходило за дверью, на которой красовалась эта табличка, естественно, находилось в ведении самой авиакомпании.

Таким образом, управляющему аэропортом надлежало быть не только хорошим администратором, но и тактиком.

Мел положил трубку на рычажок. По другому телефону Дэнни Фэрроу препирался с контролёром автостоянки, издёрганным и совершенно замученным жалобами, которые на протяжении последних часов поступали от владельцев машин, застрявших в снегу. «Да что же это такое, — говорили ему, — неужели ваши начальники в аэропорту не знают, что идёт снег? А если знают, так почему же, чёрт побери, никто не пошевелится и не разгребёт всю эту мерзость, чтобы люди могли вывести свою машину, когда им нужно! Или мы уже лишились своих демократических прав?»

— Скажи им, что мы установили диктатуру!

Ничего не поделаешь, говорил тем временем Дэнни, придётся им подождать, пока машины расчистят снег там, где это важнее. Он подбросит людей и оборудование, как только сможет. Разговор прервали — звонил руководитель полётов с КДП. Получена новая сводка погоды: судя по всему, через час переменится ветер. Значит, придётся работать на других полосах, поэтому нельзя ли ускорить расчистку полосы один-семь, левой. Он постарается, сказал Дэнни. Выяснит, как обстоят дела у «Анаконды», и позвонит.

В таком постоянном, ни на минуту не отпускающем напряжении

работали люди вот уже три дня и три ночи — с тех пор, как начался буран. И в общем-то справлялись. Не удивительно поэтому, что записка, вручённая Мелу посыльным четверть часа назад, лишь усилила его раздражение. Она гласила:

> «м! ршила прдпрдить: комиссия борьбе заносами (по настоянию врн дмррр — почему ваш зять так вас не любит?) готовит разгромную докладную, считает взлётные плсы и рулёжные држки забиты снегом (в.д. считает) из-за взмутительно бзответственнго руководства… докладная винит аэропорт (вас) задержке вылета блшинства самолётов… утверждает, если бы плса была лучше расчищена, 707 не застрял бы… а теперь материальный ущерб понесли все авиакомпании и т. д. и т. п. — ясно?.. словом, где были вы — понятно?.. слезайте со своей верхотуры и угостите меня кофе.
>
> првет
>
> т.».

«Т» означало Таня — Таня Ливингстон, агент по обслуживанию пассажиров компании «Транс-Америка» и приятельница Мела. Он перечитал записку, как перечитывал обычно все послания Тани, которые никогда не мог сразу разобрать: Таня, на чьей обязанности лежала ликвидация недоразумений и недовольства, возникавших у пассажиров, не признавала заглавных букв. В своей борьбе с этими буквами она дошла до того, что уговорила механика «Транс-Америки» снять их с её машинки. Мел слышал, что потом кто-то из её начальства поднял по этому поводу страшный шум: компания-де не потерпит, чтобы её служащие намеренно причиняли ущерб казённому имуществу. Но Тане это сошло с рук. Как, впрочем, сходило с рук всё.

Под «врн дмррр», упоминавшимся в записке, подразумевался капитан Вернон Димирест, пилот всё той же «Транс-Америки». Это был один из опытнейших командиров воздушных кораблей и весьма активный член Ассоциации пилотов гражданской авиации, а в эту зиму он к тому же вошёл в состав комиссии по борьбе с заносами в международном аэропорту Линкольна. Комиссия эта осуществляла надзор за состоянием взлётно-посадочных полос и рулёжных дорожек во время снегопадов и устанавливала их пригодность. В состав комиссии всегда входил кто-то из действующих пилотов.

Помимо перечисленных достоинств, Вернон Димирест обладал ещё

одним качеством — он приходился Мелу зятем, так как был женат на его старшей сестре Саре. Надо сказать, что клан Бейкерсфелдов благодаря бракам и наследственной привязанности к определённой профессии всеми своими корнями и ветвями врос в авиацию, подобно тому как в старину целые семьи были связаны, скажем, с мореходством. Тем не менее между Мелом и его зятем существовали весьма прохладные отношения: Мел недолюбливал Вернона за самодовольство и высокомерие, причём в этом он не был одинок. Недавно Мел и капитан Димирест отчаянно сцепились на заседании Совета уполномоченных, где Димирест выступал от имени Ассоциации пилотов. И Мел заподозрил сейчас, что разгромная докладная составлена его зятем в отместку за поражение на этом заседании.

Сама по себе докладная не слишком волновала Мела. Каковы бы ни были недостатки в работе аэропорта, он знал, что при таком буране многое могло обстоять и хуже. И тем не менее какие-то осложнения эта докладная в его жизнь внесёт. Она будет разослана всем авиакомпаниям, и уже завтра начнутся телефонные звонки и записки с требованием объяснений.

Мел решил на всякий случай к этому подготовиться. Он лично проведёт инспекцию и проверит, как идёт работа по расчистке снега, когда поедет на поле выяснять, насколько продвинулось дело с этим самолётом «Аэрео-Мехикан», застрявшим на полосе.

А тем временем Дэнни Фэрроу уже снова говорил по телефону с центром по борьбе с заносами. Когда он на секунду умолк. Мел сказал:

— Я спущусь в вокзал, а потом выеду на поле.

Он вспомнил о записке Тани и её предложении выпить кофе. И решил зайти к себе в кабинет, а потом, проходя через аэровокзал, заглянуть к ней в «Транс-Америку». При этой мысли у него потеплело на душе.

2

Мел вошёл в служебный лифт, который открывался специальным ключом, и спустился из башни на этаж, где располагалась администрация. В помещениях, прилегавших к его кабинету, стояла тишина, столы стенографисток были пусты, машинки накрыты чехлами, но всюду горел свет. Мел прошёл к себе. Из шкафа, встроенного в стену рядом с широким, красного дерева письменным столом, за которым он днём работал, Мел достал толстое пальто и сапоги на меху.

Собственно, никаких особых дел сегодня в аэропорту у Мела не было. И это было естественно. Тем не менее почти всё время на протяжении этих трёх дней, пока бушевала пурга, он оставался на посту — на всякий случай. «Если бы не эта пурга, — размышлял он, натягивая и зашнуровывая сапоги, — я бы сидел сейчас дома с Синди и детьми».

В самом деле сидел бы?

Сколько бы человек ни старался быть объективным, подумал Мел, он не всегда может понять, что им движет. Наверное, не будь снегопада, нашлась бы другая причина не ехать домой. С некоторых пор главным его желанием стало поменьше там бывать. Работа, конечно, давала ему такую возможность. Она позволяла сколько угодно задерживаться в аэропорту, где в последнее время перед ним возникало немало разных проблем, помимо сегодняшней кутерьмы и неразберихи. И в то же время, если быть честным с самим собой, надо признать, что аэропорт помогал ему избегать ссор, которые неизменно вспыхивали между ним и Синди, как только они оставались вдвоём.

— А, чёрт! — неожиданно громко ругнулся Мел в тишине кабинета.

Тяжело шагая в меховых сапогах, он подошёл к письменному столу. Взглянул на памятку, отпечатанную секретаршей, и понял: так оно и есть. Он вспомнил, что именно сегодня вечером состоится одно из этих нудных благотворительных сборищ, которые посещает его жена. И на прошлой неделе Мел скрепя сердце обещал быть на нём. Предстоял коктейль и ужин в фешенебельном «Лейк Мичиган Инн» (так значилось в памятке). А вот в честь чего устраивают это благотворительное сборище, в памятке сказано не было. Возможно, жена и говорила ему, не он забыл. Да и не всё ли равно! Синди всегда участвовала в одних и тех же сборищах, причём удивительно скучных. Главное, по её мнению, было не в идее, а в общественном положении, которое занимали дамы-благотворительницы,

заседавшие с ней в различных комитетах.

По счастью, сегодня ему, видимо, удастся сохранить мир с Синди: эта затея начинается довольно поздно, и у него ещё есть в запасе два часа, а учитывая скверную погоду, не только он может опоздать. Так что он вполне успеет объехать аэропорт. Затем он побреется и переоденется у себя в кабинете и довольно скоро сможет быть в городе. И всё-таки лучше, пожалуй, предупредить Синди. Мел взял трубку городского телефона и набрал свой домашний номер.

Ответила Роберта, его старшая дочь.

— Привет, — сказал Мел. — Говорит твой старик.

На другом конце провода послышался спокойный голос Роберты:

— Я чувствую.

— Ну, как сегодня было в школе?

— Нельзя ли поточнее, отец? У нас была куча всяких предметов. Что именно тебя интересует?

Мел вздохнул. В иные дни ему казалось, что его домашний очаг рассыпается по частям. К примеру, Роберта сегодня — явно в «кусачем» настроении, как выражалась её мать. Неужели все отцы, подумал Мел, теряют контакт со своими дочерьми, когда им исполняется тринадцать лет? Всего какой-нибудь год назад они были необычайно дружны — как только могут быть дружны отец и дочь. А Мел любил обеих дочерей — и Роберту и младшую Либби. Он часто думал о том, что только благодаря им как-то держится его брак с Синди. Он, конечно, понимал, что с годами у Роберты должны появиться интересы, которых он не сможет ни разделить, ни понять. Он был готов к этому. Но он никак не ожидал, что она так скоро отойдёт от него или будет относиться к нему с таким безразличием и даже пренебрежением. Правда, если смотреть на дело объективно, нельзя не признать, что нелады между ним и Синди не могли не способствовать углублению этой пропасти. Дети — они ведь всё чувствуют.

— Ладно, не будем об этом, — сказал Мел. — Мама дома?

— Уехала. Она сказала: если ты позвонишь, я должна передать, что вы встретитесь в городе и чтобы ты постарался на этот раз не опаздывать.

Мел подавил в себе раздражение. Ну чего злиться: Роберта просто повторяет слова Синди. Он так и слышит, как Синди их произносит.

— Если мама позвонит, скажи ей, что я, возможно, немного опоздаю, но по не зависящим от меня причинам.

На том конце провода царило молчание, и он спросил:

— Ты меня слышишь?

— Да, — сказала Роберта. — Что-нибудь ещё, отец? А то у меня много

домашних заданий.

— Да, кое-что ещё, — не выдержав, рявкнул он. — Будьте любезны, юная леди, изменить тон и проявлять немножко больше уважения к отцу. И ещё одно: наш разговор будет закончен тогда, когда я сочту нужным.

— Как тебе угодно, отец.

— И перестань звать меня отцом!

— Хорошо, отец.

Мел чуть не прыснул со смеху, но сдержался. И спросил:

— Дома всё в порядке?

— Да. Вот только Либби хочет с тобой поговорить.

— Одну минуту. Я как раз хотел сказать тебе: из-за бури я, возможно, не сумею приехать домой. В аэропорту у нас тут бог знает что творится. Поэтому я, наверно, вернусь сюда и буду ночевать здесь.

Снова пауза; казалось, Роберта взвешивала: сказать колкость или нет? Вроде, например: «Может, придумаешь что-нибудь поновее?» Но в конечном счёте решила смолчать.

— Ну, а сейчас я могу позвать Либби?

— Да, можешь. Спокойной ночи, Робби.

— Спокойной ночи.

Послышался шорох — трубка переходила из рук в руки, а затем тоненький, задыхающийся от волнения голосок Либби:

— Папочка, папочка! Ну-ка угадай — что?!

Либби всегда говорила задыхающимся голосом, точно в свои семь лет бегом бежала за жизнью и очень боялась отстать.

— Дай-ка подумать, — сказал Мел. — А-а, знаю: ты сегодня играла в снежки.

— Да, играла. Только это не то.

— Ну, тогда я не знаю. Придётся тебе самой мне сказать.

— Так вот: мисс Керзон сказала, что дома мы должны написать про всё хорошее, чего мы ждём в будущем месяце.

Он с нежностью подумал о том, что вполне может понять энтузиазм Либби. Ей в мире всё казалось волнующим и хорошим, а то, что не было хорошим, быстро отбрасывалось и забывалось. Долго ли ещё продлится у неё эта счастливая пора невинности? — подумал он.

— Прекрасно, — сказал Мел. — По-моему, это очень интересно.

— Папочка, папочка! А ты мне поможешь?

— Ну, если сумею.

— Мне нужна карта февраля.

Мел усмехнулся: Либби создала собственную устную скоропись, и

понятия, которыми она оперировала, бывали порой куда выразительнее привычных слов. Но сейчас это навело Мела на мысль, что не мешало бы ему самому посмотреть карту февральской погоды.

— Календарь лежит у меня на столе, в кабинете.

Мел подробно рассказал ей, как его найти, и услышал топот маленьких ножек. Либби уже ринулась за календарём, забыв про телефон. Положила трубку на рычаг, не сказав ни слова, видимо, Роберта.

Мел вышел из своего кабинета и пошёл по административному этажу, держа на руке толстое тёплое пальто.

Внезапно он остановился и посмотрел вниз, на кишевший, как муравейник, зал, где за последние полчаса, казалось, набралось ещё больше народу. Все кресла для ожидания были заняты. Стойки информации и справочного бюро походили на островки, окружённые морем людей, среди которых было немало военных. Перед стойками регистрации пассажиров вытянулись длинные очереди — иные, извиваясь, уходили так далеко, что конца не было видно. За стойками находилось вдвое больше кассиров и инспекторов — дежурным помогали сотрудники, оставленные из предыдущих смен, и перед ними, как партитура на дирижёрском пульте, лежали расписания рейсов и схемы размещения пассажиров в самолёте.

Задержки с вылетом и изменения маршрутов, вызванные бураном, подвергали серьёзной проверке и расписание рейсов, и человеческое терпение. Внизу, как раз под тем местом, где стоял Мел, находилось отделение компании «Браниф», и какой-то моложавый мужчина с длинными светлыми волосами и жёлтым шарфом вокруг шеи громогласно возмущался:

— Что за наглость: с какой стати я должен лететь в Канзас-Сити через Новый Орлеан?! Вы что — решили перекроить географию? Дали вам капельку власти, так вы совсем рехнулись!

Кассирша, хорошенькая брюнетка лет двадцати двух — двадцати трёх, устало провела рукой по глазам и с профессиональной выдержкой ответила:

— Мы можем направить вас и прямо, сэр, но мы не знаем когда. Погода сейчас такая, что этот кружной путь будет более скорым, а стоимость — та же.

За мужчиной в жёлтом шарфе вытянулись длинной цепью другие пассажиры, и у каждого — свои, совершенно неотложные, проблемы.

Возле стойки компании «Юнайтед Эйрлайнз» разыгрывалась другая пантомима. Хорошо одетый бизнесмен, низко пригнувшись, что-то втолковывал сотруднику компании. Судя по выражению лиц и жестам, Мел

Бейкерсфелд легко мог догадаться, что диалог разворачивался примерно так:

«Мне бы очень хотелось попасть на ближайший рейс».

«Сожалею, сэр, но свободных мест нет. И как видите, у нас большая очередь на разбронирование…»

Тут кассир поднял на клиента глаза и умолк. На стойке перед ним лежал портфель, и бизнесмен — не назойливо, но весьма недвусмысленно — постукивал пластиковым ярлычком по краю портфеля. Такие ярлычки выдаются членам Стотысячемильного клуба, созданного компанией «Юнайтед Эйрлайнз» для своих постоянных пассажиров — элиты, которую стремятся иметь все компании. Выражение лица у кассира тотчас изменилось, и он, очевидно, сказал: «Сейчас что-нибудь устроим, сэр».

Карандаш кассира приподнялся и вычеркнул одну из фамилий в списке пассажиров — человека, приехавшего много раньше и имевшего все основания получить билет, — а вместо него вписал имя бизнесмена. Стоявшие позади него ничего не заметили.

Такое творилось во всех авиакомпаниях, и Мел это знал. Только наивные или очень далёкие от всего люди верят в нерушимость так называемых «списков на очередь» и «списков бронирования» и в беспристрастность тех, у кого они в руках.

Взгляд Мела остановился на группе, явно только что прибывшей из города и как раз входившей в аэровокзал. Все они отряхивались от снега: как видно, метель не только не утихла, а стала ещё злее. Не успел он подумать об этом, как вновь прибывшие уже растворились в сутолоке вокзала.

Лишь немногие из восьмидесяти тысяч пассажиров, ежедневно проходящих через центральный зал, поднимают глаза вверх — туда, где помещается администрация, а сегодня таких было ещё меньше, поэтому почти никто не замечал Мела, стоявшего там и смотревшего вниз. Для большинства пассажиров аэропорт — это авиарейсы и самолёты. Многие, наверно, понятия не имеют о том, что в аэропорту вообще есть служебные кабинеты или какая-либо администрация, в то время как это сложный, хоть и невидимый механизм, состоящий из сотен людей, — механизм, который должен работать для того, чтобы аэропорт мог функционировать.

Но может быть, это и к лучшему, подумал Мел, спускаясь по эскалатору вниз. Если бы люди больше знали, они выявили бы и недостатки в работе аэропорта, и то, какими это чревато для них опасностями, и уже не с таким спокойным сердцем отправлялись бы в путь.

Очутившись в центральном зале, Мел направился к крылу,

занимаемому «Транс-Америкой». Когда он проходил мимо стойки регистрации пассажиров, его окликнул один из инспекторов:

— Добрый вечер, мистер Бейкерсфелд. Вы ищете миссис Ливингстон?

Любопытная штука, подумал Мел: как бы ни были заняты люди, у них всегда найдётся время для сплетен и наблюдения за другими людьми. Интересно, многие ли связывают его имя с именем Тани?

— Да, — сказал он. — Именно её.

Инспектор кивком указал на дверь, на которой значилось: «Только для персонала компании».

— Она там, мистер Бейкерсфелд. У нас тут была маленькая неприятность. Миссис Ливингстон как раз этим занимается.

3

В маленькой гостиной, которую нередко использовали для особо важных персон, громко всхлипывала девушка в форме кассира.

Таня Ливингстон усадила её на стул.

— Успокойся, — деловито сказала Таня, — спешить некуда. Поговорим, когда ты придёшь в себя.

И Таня тоже села, разгладив узкую форменную юбку. В комнате больше никого не было. Слышалось лишь всхлипывание да гудел воздушный кондиционер.

Между двумя женщинами было примерно пятнадцать лет разницы. Девушке едва исполнилось двадцать, а Тане — подходило к сорока. Но глядя на неё, Таня почувствовала, что их разделяет куда большая пропасть. И пропасть эта, объяснялась, видимо, тем, что Таня уже была замужем — хоть и недолго и давно, но всё же была.

Второй раз за сегодняшний день она думала о своём возрасте. В первый раз эта мысль мелькнула у неё, когда, расчёсывая утром волосы, она заметила серебряные нити в своей короткой густой ярко-рыжей гриве. Седины стало куда больше, чем примерно месяц тому назад, когда она впервые обратила на это внимание. И снова, как тогда, она подумала о том, что сорок лет — рубеж, когда женщина должна уже чётко представлять себе, куда и зачем она идёт, — не за горами. А кроме того, она ещё думала, что через пятнадцать лет её собственной дочери будет столько же, сколько этой Пэтси Смит, которая рыдала сейчас перед ней.

Тем временем Пэтси вытерла покрасневшие глаза большим полотняным платком, который дала ей Таня, и, ещё давясь от слёз, произнесла:

— Они бы никогда себе не позволили… так грубо разговаривать дома… даже с женой.

— Это ты про пассажиров?

Девушка кивнула.

— Да нет, многие так разговаривают и дома, — сказала Таня. — Вот выйдешь замуж, Пэтси, возможно, и тебе придётся с этим столкнуться, хоть я и не пожелала бы тебе такого. Видишь ли, когда у мужчины ломаются планы, он ведёт себя, как сорвавшийся с цепи медведь, — тут ты права.

— Я же очень стараюсь… мы все стараемся… весь сегодняшний день и вчера тоже… и позавчера… Но они так с нами разговаривают…

— Ты хочешь сказать, они ведут себя так, будто это ты устроила буран. Специально, чтобы осложнить им жизнь.

— Да… А потом подошёл этот мужчина… До него я ещё как-то держалась…

— Что же всё-таки произошло? Меня ведь вызвали, когда скандал уже кончился.

Девушка постепенно начала успокаиваться.

— Ну… у него был билет на рейс семьдесят два, а рейс отменили из-за непогоды. Мы достали ему место на сто четырнадцатый, но он на него опоздал. Говорит, что был в ресторане и не слышал, как объявили посадку.

— В ресторанах посадку не объявляют, — сказала Таня. — Об этом висит объявление, а кроме того, это напечатано на всех меню.

— Я ему так и сказала, миссис Ливингстон, когда он подошёл ко мне. Но он продолжал грубить. Вёл себя так, точно это я виновата, что он опоздал на посадку. Сказал, что все мы безрукие и спим на ходу.

— А ты вызвала старшего?

— Да, но он был занят. Мы все были очень заняты.

— Что же было дальше?

— Я дала этому пассажиру место в дополнительном отсеке, на рейс двенадцать двадцать два.

— Ну и что дальше?

— Он спросил, какой там будут показывать фильм. Я выяснила, и тогда он сказал, что видел этот фильм. И снова стал мне грубить. Он желал смотреть тот фильм, который должны были показывать на отменённом рейсе. И спросил, могу я ему дать билет на такой рейс, где показывают этот фильм. А ведь у стойки толпилась уйма пассажиров. И кое-кто из них стал громко ворчать, что я-де еле шевелюсь. Ну и вот, когда он снова спросил меня насчёт фильма, тут я… — Девушка помолчала. — Очевидно, это называется — сорвалась.

— И швырнула ему в лицо расписание? — подсказала Таня.

Пэтси Смит кивнула — вид у неё был глубоко несчастный. Казалось, она вот-вот снова заплачет.

— Да. Сама не знаю, что на меня нашло, миссис Ливингстон… Я швырнула ему расписание через стойку. И сказала, пусть сам выбирает себе рейс.

— Надеюсь, — заметила Таня, — ты попала в него.

Девушка подняла на неё глаза. Теперь вместо слёз в них уже появилась смешинка.

— Конечно, попала. — И, словно что-то вспомнив, хихикнула: — Вы

бы видели его физиономию! Он был потрясён. — Лицо её снова приняло серьёзное выражение. — А потом…

— Я знаю, что произошло потом. Ты разрыдалась, что вполне естественно. Затем тебя отправили сюда, чтобы дать выплакаться. Ну, а теперь возьми такси и отправляйся домой.

Девушка в изумлении уставилась на неё.

— Вы хотите сказать… это всё?

— Конечно. А ты что, думала — тебя сейчас уволят?

— Я… я не знаю.

— Мы будем вынуждены тебя уволить, Пэтси, хоть нам это и очень неприятно, — заметила Таня, — если подобная история повторится. Но ты ведь больше не будешь, правда? Никогда?

Девушка решительно замотала головой.

— Нет, не буду. Не могу объяснить почему, но я твёрдо знаю, что во второй раз такого не сделаю.

— Тогда поставим на этом точку. Если, конечно, тебе не хочется узнать, что произошло после того, как тебя увели.

— Очень хочется.

— Один из стоявших в очереди подошёл к стойке и заявил, что всё слышал и видел. У него есть дочь такого же возраста, как ты, сказал он, и если бы кто-то разговаривал так с его дочерью, он бы собственноручно расквасил ему нос. Тогда другой человек из очереди — он оставил свою фамилию и адрес — сказал, что, если тот нахал на тебя пожалуется, пусть его известят и он засвидетельствует, как всё было на самом деле. — Таня улыбнулась. — Так что, как видишь, на свете есть и славные люди.

— Я знаю, — сказала девушка. — Их немного, но когда попадается такой милый, приятный человек, хочется обнять его и расцеловать.

— К сожалению, нам этого нельзя — как нельзя швырять в пассажиров расписанием. Мы должны ко всем относиться одинаково и быть вежливыми, даже когда пассажиры не очень-то вежливы с нами.

— Конечно, миссис Ливингстон.

С Пэтси Смит всё будет в порядке, решила Таня. Девушка не станет подавать заявление об уходе, как это делали другие, попав в подобную передрягу. Более того: сейчас, успокоившись, Пэтси словно прошла закалку, а это ещё пригодится ей в будущем.

Да, подумала Таня, одному богу известно, сколько нужно выдержки, да и твёрдости для того, чтобы работать с пассажирами — на любом посту. Взять хотя бы службу бронирования.

Она понимала, что сотрудникам этой службы в городских отделениях

достаётся, наверно, ещё больше, чем тем, кто работает здесь, в аэропорту. С тех пор как начался буран, им пришлось оповестить по телефону несколько тысяч пассажиров о задержках и изменении расписания. Заниматься этим никто не любит, поскольку подобные звонки неизменно вызывают раздражение и нередко кончаются перепалкой. Такое впечатление, будто задержка вылета или прилёта вдруг пробуждает дремлющий в человеке инстинкт дикаря. Мужчина ни с того ни с сего обрушивает на незнакомую женщину поток оскорблений — даже люди, обычно вежливые и мягкие, становятся язвительными и грубят. Хуже всего почему-то иметь дело с теми, кто летит в Нью-Йорк. Сотрудники отказывались предупреждать по телефону пассажиров на Нью-Йорк о новых задержках или отменах рейсов, — лучше лишиться места, чем подвергать себя граду оскорблений, который, они знали, обрушится на них. Таня частенько задумывалась над притягательной силой, которой обладает Нью-Йорк и которая словно бацилла поражает всякого, кто стремится туда: стоит человеку собраться в путь — и он уже умирает от желания побыстрее добраться до цели.

Таня знала, что когда сегодняшняя лихорадка спадёт, многие подадут прошение о расчёте — и из службы бронирования, и из других служб. Так бывало всегда. Будет и несколько случаев нервного расстройства — преимущественно среди девушек помоложе, более остро реагирующих на бестактность и грубость. Не так-то просто всегда быть вежливой, даже если ты имеешь хорошую тренировку. И, думая об этом, Таня порадовалась, что сумела успокоить Пэтси Смит и девушка теперь уже так не поступит.

В дверь постучали. Она приоткрылась, и на пороге появился Мел Бейкерсфелд. Он был в меховых сапогах, с тёплым пальто, перекинутым через руку.

— Я проходил мимо, — сказал он. — Могу зайти позже, если вы заняты.

— Нет-нет, заходите. — Таня радостно улыбнулась при виде его. — Я скоро освобожусь.

Она внимательно смотрела на Мела, пока он шёл к ней, и подумала: «У него усталый вид». Потом снова повернулась к девушке, заполнила бланк и протянула ей.

— Передай это диспетчеру такси, Пэтси, он отправит тебя домой. Отдохни как следует и выходи завтра на работу. Надеемся увидеть тебя бодрой и жизнерадостной.

Когда девушка ушла, Таня повернулась на вращающемся кресле лицом к Мелу и весело сказала:

— Ну, а теперь здравствуйте.

Мел сложил газету, которую принялся было просматривать, и улыбнулся.

— Привет!

— Получили мою записку?

— Я как раз пришёл затем, чтобы поблагодарить вас. Хотя, наверно, и без того зашёл бы. — И, кивнув на дверь, за которой только что исчезла Пэтси, спросил: — В чём дело? Перенапряжение?

— Да. — И Таня рассказала, что произошло.

Мел хмыкнул.

— Признаться, я тоже устал. Может, и меня отправите домой в такси?

Таня испытующе посмотрела на него. Взгляд её ясных голубых глаз проникал в самую душу. Она сидела, слегка склонив голову, — в лучах света, падавшего с потолка, волосы её отливали медью. Плотно пригнанный форменный костюм подчёркивал женственную округлость её тоненькой стройной фигуры. И Мел уже не в первый раз вдруг почувствовал, до чего она желанна и как ему с ней хорошо.

— Надо подумать, — сказала она. — Что ж, я, пожалуй, отправила бы вас на такси, если бы вы поехали ко мне и согласились у меня пообедать. Я бы приготовила вам, скажем, тушёную телятину.

Он помедлил, взвешивая все «за» и «против», затем с сожалением отрицательно покачал головой.

— Очень бы мне хотелось, но… У нас тут столько неполадок, а кроме того, мне скоро надо быть в городе. — Он поднялся. — Но кофе мы выпить можем.

— Хорошо.

Мел открыл дверь, пропустил Таню вперёд и вышел вслед за ней в шумный, забитый людьми зал.

Стойку «Транс-Америки» осаждала толпа — народу здесь стало ещё больше, чем ранее, когда Мел проходил мимо.

— Придётся поторопиться, — сказала Таня. — Мне ещё два часа дежурить.

И они стали пробираться сквозь толпу, то и дело обходя груды багажа, — Таня шла медленнее обычного, приспосабливаясь к Мелу. Она заметила, что он сильно хромает. И ей захотелось взять его под руку, помочь, но она понимала, что это невозможно. Она ведь в форме, а сплетни и без того распространяются слишком быстро. В последнее время их с Мелом частенько видели в обществе друг друга, и Таня не сомневалась, что машина слухов, работавшая в аэропорту со скоростью доисторического

телеграфа в джунглях или современной счётно-вычислительной машины, уже зарегистрировала это обстоятельство. По всей вероятности, все служащие аэропорта считали, что она спит с Мелом, хотя это было и не так.

Они направлялись сейчас в «Кафе заоблачных пилотов» в центральном зале.

— Кстати, насчёт тушёной телятины, — сказал Мел. — Не могли бы мы устроить это пиршество в другое время? Хотя бы послезавтра?

Танино приглашение застигло его врасплох. Правда, они уже не раз встречались и проводили вместе время — за рюмкой вина или в ресторане за обедом, — но до сих пор Таня не приглашала его к себе. Вполне возможно, что и на этот раз она приглашала всего лишь на обед. Однако… могло быть и иначе.

С некоторых пор Мел чувствовал, что если они будут встречаться не только на работе, их отношения, естественно, могут пойти дальше. Но он не ускорял событий: инстинкт подсказывал ему, что роман с Таней может перерасти в нечто более серьёзное, чем лёгкий флирт, и глубоко увлечь их обоих. А Мелу надо было ещё учитывать свои отношения с Синди. Уладить их будет не так-то просто, если вообще удастся; человек не всегда может справиться со всеми проблемами, которые наваливаются на него. Любопытная штука, подумал Мел: когда брак прочен, завести роман легко, а вот когда брак распадается — гораздо труднее. И всё же слишком было заманчиво приглашение Тани, чтобы пройти мимо него.

— Послезавтра воскресенье, — напомнила она. — Я не дежурю, но если вы сумеете освободиться, то мне это даже удобнее: у меня будет больше времени.

Мел улыбнулся.

— При свечах и с вином?

Он совсем забыл, что послезавтра воскресенье. Но ему всё равно придётся поехать в аэропорт: даже если буран утихнет, он оставит следы. Ну, а Синди — она сама без всяких объяснений не раз уезжала куда-то по воскресеньям.

Таня внезапно отскочила в сторону, уступая дорогу запыхавшемуся человеку, за которым следовал носильщик в красной фуражке, толкавший перед собой тележку, нагружённую чемоданами; поверх них лежали теннисные ракетки и палки для гольфа. «Летит куда-то на юг», — не без зависти подумала Таня.

— О'кей, — сказала она, когда они с Мелом снова оказались рядом. — При свечах и с вином.

Как только они вошли в кафе, разбитная метрдотельша, сразу узнав

Мела, подошла к ним и провела в дальний угол к маленькому столику, на котором стояла дощечка «Занято» и за которым обычно обслуживали администрацию. Опускаясь на стул, Мел зацепился за ножку стола и, покачнувшись, ухватился за руку Тани. Это не укрылось от зоркой метрдотельши, и она усмехнулась. «Машина слухов уже готовит очередной бюллетень», — подумала Таня.

— Ну и толпа, — сказала она, — вы когда-нибудь видели такое? Все эти три дня — просто светопреставление.

Мел окинул взглядом переполненное кафе; сквозь гул голо сов морзянкой прорывался звон посуды. За стеклянной дверью колыхалось неспокойное море голов.

— Если вы считаете, что у нас сегодня столпотворение, — заметил он, — подождите, пока С-5А войдёт в строй.

— Знаю. Мы и сейчас едва справляемся, когда летят «боинги семьсот сорок семь», а если придётся регистрировать сразу тысячу пассажиров… Не приведи господь! — Таня содрогнулась. — А представляете себе, что будет твориться, когда все они начнут получать багаж? Даже думать об этом неохота.

— Не только вам, но и многим другим неохота, хотя им-то следовало бы задуматься — и уже сейчас. — Мела забавляло то, что их беседа, не успев начаться, перескочила на авиацию. Всё, связанное с рейсами и самолётами, притягивало Таню как магнит, и она любила говорить об этом. Любил это и Мел, чем отчасти и объяснялось то, что ему нравилось бывать в её обществе.

— Кто же ещё не желает над этим задумываться?

— Те, в чьём ведении находятся наземные сооружения — аэровокзалы, взлётно-посадочные полосы и рулёжные дорожки. Большинство ведёт себя так, точно реактивные самолёты всегда будут такими, как сейчас. Они считают, что если сидеть тихо и спокойно, новые большие самолёты не появятся и никаких сложностей не возникнет. И перестраивать наземные службы не придётся.

— Но во всех аэропортах идёт такое большое строительство, — задумчиво заметила Таня. — Всюду, куда ни прилетишь.

Мел предложил ей сигарету, но она отрицательно покачала головой. Тогда он закурил сам.

— В большинстве своём это строительство — всего лишь заплаты, небольшие изменения и расширения аэропортов, построенных в пятидесятых или в начале шестидесятых годов. Пока для будущего почти ничего не делается. Есть, конечно, исключения — например, Лос-

Анджелесский аэропорт, или аэропорт Тампа во Флориде, или Даллас-Форт-Уэрт. Это будут первые в мире аэропорты, готовые к приёму новых гигантских реактивных и сверхзвуковых самолётов. Неплохо обстоит дело в аэропортах Канзас-Сити, Хьюстона и Торонто. Есть план реконструкции Сан-Францисского аэропорта, хотя наши политики могут это завалить. Вот, пожалуй, и все в Северной Америке.

— А в Европе?

— В Европе — одно старьё, — сказал Мел, — кроме Парижа. Новый северный аэропорт, который заменит Ле-Бурже, будет, пожалуй, одним из лучших. А в Лондоне такая бестолковщина, какую способны создать только англичане. — Он помолчал, задумавшись. — Впрочем, не надо принижать другие страны: у нас у самих плохи дела. Нью-Йорк в ужасающем состоянии, хотя в аэропорту Кеннеди и производятся некоторые изменения, но слишком уж забито небо над городом. Скоро я сам стану ездить туда только поездом. Вашингтон ещё кое-как справляется, хотя Национальный аэропорт — это жуткая дыра. А вот аэропорт Даллеса — это гигантский шаг вперёд. Рано или поздно и в Чикаго поймут, что они отстали на двадцать лет, — Мел помолчал, подумал. — Помните, в те годы, когда стали летать первые реактивные, что творилось в аэропортах, построенных в расчёте на ДС-4 и «констеллейшн»?

— Помню, — сказала Таня. — Я именно в таком и работала. И в обычные-то дни не протолкнёшься, а когда много рейсов — просто дышать было нечем. Мы ещё говорили, что это всё равно как если б вздумали снимать большое сражение на детской площадке.

— В семидесятых годах, — заметил Мел, — будет хуже, много хуже. И не только из-за обилия пассажиров. Нас задушит другое.

— Например?

— Трудно будет со взлётно-посадочными полосами и диспетчеризацией движения, но это уже особая статья. А главное, чего никак не предусматривают те, кто планирует аэропорты, это то, что скоро — и очень скоро — наступит день, когда грузовые перевозки намного превысят пассажирские. Так было на всех видах транспорта, начиная с каноэ. Сначала перевозят людей и немного груза, а не успеешь оглянуться, и грузы начинают вытеснять человека. В авиации мы уже подошли к этому рубежу, хотя ещё мало кто это сознаёт. Когда грузовые перевозки получат перевес — а это произойдёт в ближайшие десять лет, — наши нынешние представления о том, каким должен быть аэропорт, окажутся безнадёжно устаревшими. Хотите доказательства? Взгляните, куда стремится попасть молодёжь, поступающая на работу в управленческий аппарат авиации. Ещё

совсем недавно почти никто не хотел идти в отделы грузовых перевозок. Это рассматривалось как ссылка, — возможность блеснуть была лишь у тех, кто занимался пассажирами. А теперь это уже не так! Теперь все, у кого есть голова на плечах, хотят работать на грузовых перевозках. Они уже поняли, что в этом — будущее и возможность быстрой карьеры.

Таня рассмеялась.

— Ну, значит, я старомодная, потому что я предпочитаю иметь дело с людьми. Грузовые перевозки как-то…

К их столику подошла официантка.

— Порционных уже нет, и если народ не схлынет, то скоро вообще ничего не останется.

Они заказали кофе, и к нему Таня — лимонный пирог, а Мел — сандвич с яичницей. Когда официантка отошла, Мел усмехнулся.

— Я, кажется, произнёс что-то вроде речи. Извините.

— Наверное, захотелось попрактиковаться. — Она пытливо посмотрела на него. — В последнее время не так уж часто вам приходится произносить речи.

— Да, я ведь больше не президент Совета руководителей аэропортов. Я не езжу ни в Вашингтон, ни в другие места. — Однако не только этим объяснялось то, что Мел нигде больше не выступал и вообще стал менее заметной фигурой. И он подозревал, что Таня знает об этом.

Как ни странно, но именно на одном из выступлений Мела и свела их судьба.

Однажды на совместном совещании, какие изредка проводятся авиакомпаниями, Мел говорил о грядущих изменениях в авиации и об отставании наземных служб от прогресса, намечающегося в воздухе. Он воспользовался совещанием как поводом для того, чтобы «обкатать» речь, которую собирался произнести на общеамериканском форуме через неделю. Таня была там в числе представителей «Транс-Америки» и на другой день прислала ему одну из своих «обезглавленных» записок:

> «мр б.
>
> отличная речь, все мы назмники с удовлтврнием узнали чт творцы аэропортов заснули над чертёжными досками. кто-то должен был это сказать, можно прдложение? речь прзвчит живее, если поменьше тхнки побольше нечет члвков, пассажир в пузе (всё равно самолёта или кита — помните иону?) думает только о себе, не о мироздании, уверена орвилл/уилбер именно об этом думали, как только оторвались от земли. верно?

тл.»

Записка эта не только позабавила Мела, но и заставила призадуматься. А ведь и в самом деле, решил он, всё его внимание сосредоточено на цифрах и системах машин, а люди оказались за бортом. Он пересмотрел набросок речи и переставил акценты, как предлагала Таня. В результате выступление его имело огромный успех — как никогда. Ему горячо аплодировали и широко цитировали потом в газетах и журналах всего мира. Он, разумеется, позвонил Тане и поблагодарил её. С тех пор они начали искать встреч друг с другом.

Вспомнив об этом первом послании Тани, Мел по ассоциации вспомнил и о записке, которую он получил от неё сегодня вечером.

— Спасибо, что вы сообщили мне насчёт докладной комиссии по борьбе с заносами, хоть я и не очень понимаю, как вам удалось увидеть её раньше меня.

— В этом нет ничего таинственного. Её печатали у нас в бюро «Транс-Америки». И я видела, как капитан Димирест просматривал её и усмехался.

— Вернон показал вам докладную?

— Нет, просто листы лежали перед ним, а я умею читать текст вверх ногами. Кстати, вы не ответили на мой вопрос: почему ваш зять так вас не любит?

Мел нахмурился.

— Должно быть, догадывается, что и я не слишком в восторге от него.

— Если хотите, можете ему сейчас об этом сказать, — заметила Таня. — Великий человек здесь собственной персоной. — Она мотнула головой в сторону кассы, и Мел оглянулся.

Капитан Вернон Димирест, высокий широкоплечий красавец, на голову выше всех окружающих, расплачивался по счёту. Хотя он был в обычном штатском костюме — твидовом пиджаке от Харриса и безукоризненно отутюженных брюках, — от всей его фигуры исходило удивительное ощущение властного превосходства («Ну прямо генерал в гражданском платье», — подумал Мел.) Его волевое, с правильными чертами лицо было замкнуто и холодно, — оно не изменилось и тогда, когда он заговорил с другим пилотом «Транс-Америки», стоявшим рядом. Видимо, Димирест давал пилоту указания, потому что тот выслушал его и кивнул. Димирест тем временем окинул взглядом кафе и, заметив Мела с Таней, слегка наклонил голову. Потом посмотрел на часы, ещё что-то сказал пилоту и направился к выходу.

— Видно, спешит, — заметила Таня. — Времени у него действительно

не так уж много. Он летит сегодня рейсом два в Рим.

Мел улыбнулся.

— Рейсом «Золотой Аргос»?

— Вот именно. Я вижу, сэр, вы читаете нашу рекламу.

— А её трудно не читать. — Мел, конечно, знал, как знали миллионы людей, любовавшихся четырёхцветным разворотом в «Лайфе», «Луке», «Посте» и других крупных журналах, что рейс два «Транс-Америки», именуемый «Золотой Аргос», является самым фешенебельным, самым рекламным рейсом этой компании. Знал он и то, что выполняют такого рода рейсы лишь пилоты самого высшего класса.

— К тому же общеизвестно, — заметил Мел, — что Вернон на сегодня один из наиболее опытных наших пилотов.

— О да. Наиболее опытных и наиболее спесивых. — Таня помедлила и всё-таки решилась: — Если вы не прочь послушать сплетни, могу сказать, что вы не одиноки в оценке вашего зятя. Я слышала, как недавно один из наших механиков сказал: жаль, что нет больше у самолётов пропеллеров, тогда хоть была бы надежда, что капитан Димирест попадёт под лопасть.

— Не слишком-то гуманная шутка, — оборвал её Мел.

— Согласна. Я лично больше склоняюсь к мнению президента нашей компании мистера Янгквиста. Насколько мне известно, он сказал про капитана Димиреста так: «Держите этого надутого индюка от меня подальше, но летать я буду только с ним».

Мел усмехнулся. Он знал обоих: да, Янгквист мог сказать такое. Мел, конечно, понимал, что не следовало ему опускаться до обсуждения Вернона Димиреста, но известие о докладной, составленной комиссией по борьбе с заносами, и мысль о неприятностях, которые она ему причинит, всё ещё вызывали у него раздражение. Интересно, подумал он, куда спешит сейчас его зять, — наверно, на какое-нибудь очередное любовное свидание: говорят, он на этот счёт не промах. Мел посмотрел вслед Димиресту, но толпа в центральном зале уже поглотила его.

Сидевшая напротив Таня быстрым движением разгладила юбку. Мел давно подметил эту её привычку, и она ему нравилась. В этом было что-то удивительно женственное, притягивавшее взгляд и заставлявшее вспомнить, что лишь немногим женщинам идёт форма, а Тане она шла и только увеличивала её обаяние.

Мел знал, что некоторые авиакомпании разрешают своим служащим определённого ранга ходить без формы, но в «Транс-Америке» считали, что синий с золотыми нашивками костюм придаёт служащему больше веса. О высоком и ответственном положении Тани свидетельствовали два золотых

кольца с белой каймой, которые украшали её рукав.

Словно угадав мысли Мела, Таня сказала:

— Я, видимо, скоро сниму эту форму.

— Почему?

— Нашему управляющему пассажирскими перевозками предложили аналогичный пост в Нью-Йорке. Заместителя переводят в управляющие, а я подала заявление с просьбой предоставить мне освобождающееся место.

Мел посмотрел на неё со смесью восхищения и любопытства.

— Что ж, я думаю, вы его получите. И пойдёте дальше.

Она удивлённо подняла брови.

— Вы, может, считаете, что я и вице-президентом стать могу?

— А почему бы и нет? Конечно, если захотите. Я имею в виду: если захотите стать начальством.

— Я ещё не уверена, хочу я этого или чего-то другого, — задумчиво ответила Таня.

Официантка принесла еду. Когда она ушла, Таня сказала:

— Правда, у нас, работающих женщин, не всегда есть выбор. Если не хочешь торчать на одном месте до самой пенсии — а многим из нас это вовсе не улыбается, — единственный путь: карабкаться вверх.

— А замужество вы исключаете?

Таня долго и тщательно выбирала кусок лимонного пирога.

— Нет, не исключаю. Но однажды я уже обожглась, значит, могу обжечься и снова. Да и не так уж много претендентов — я имею в виду холостяков — на руку женщины с ребёнком.

— Но может ведь найтись исключение.

— Этак я могу и Ирландский кубок выиграть. Вот что я вам скажу, дорогой Мел, на основе собственного опыта: мужчины предпочитают женщин без обузы. Можете спросить моего бывшего супруга. Если вы, конечно, разыщете его. Мне это пока не удалось.

— Он оставил вас, когда у вас родился ребёнок?

— Что вы! Нет, конечно! Тогда Рою пришлось бы целых полгода заботиться обо мне. По-моему, в четверг я сказала ему, что беременна — я просто не могла больше молчать, — а в пятницу, когда я вернулась домой с работы, уже не было ни Роя, ни его вещей. Вот так-то.

— И с тех пор вы его ни разу не видели?

Она отрицательно покачала головой.

— Но в итоге это намного облегчило развод: ушёл — и всё. И никаких объяснений. Впрочем, нельзя быть совсем уж стервой. Рой не был законченным подлецом. К примеру, он не снял ни доллара с нашего общего

счёта в банке, хотя и мог. Я нередко думала потом, было ли это от доброты или просто он забыл. Так или иначе, все восемьдесят долларов, которые там лежали, достались мне.

— Вы никогда мне об этом раньше не рассказывали, — заметил Мел.

— А следовало?

— Возможно — чтобы я мог посочувствовать.

Она отрицательно покачала головой.

— Если бы вы лучше меня знали, вы бы поняли, что я рассказала вам это сейчас вовсе не потому, что нуждаюсь в сочувствии. В результате всё ведь сложилось для меня не так уж плохо. — Таня улыбнулась. — Я даже могу стать со временем вице-президентом компании. По вашим словам.

За соседним столиком какая-то женщина воскликнула:

— О господи! Ты только взгляни, который час!

Инстинктивно Мел посмотрел на часы. Прошло сорок пять минут с тех пор, как он расстался с Дэнни Фэрроу. Он быстро поднялся на ноги, сказав Тане:

— Подождите меня здесь. Мне надо позвонить.

Возле кассирши стоял телефон, и Мел набрал один из незарегистрированных номеров пульта управления снежной командой. В трубке послышался голос Дэнни Фэрроу: «Обождите!» — прошло несколько секунд, потом Дэнни сказал:

— Я как раз собирался звонить тебе. Насчёт этого самолёта «Аэрео-Мехикан», который блокирует полосу.

— Ну, слушаю.

— Тебе известно, что компания запросила о помощи «ТВА»?

— Да.

— Так вот, им туда нагнали грузовиков, кранов, уйму веялкой техники. Вся взлётная полоса и рулёжная дорожка забиты машинами. Но чёртов самолёт так и не удалось сдвинуть с места. Мне сообщили, что «ТВА» послала за Патрони.

— Рад это слышать, — сказал Мел, — жаль только, что они раньше не додумались послать.

Джо Патрони был главный механик ремонтной бригады «ТВА». Человек это был деловой, динамичный, буквально незаменимый при любых авариях и к тому же большой приятель Мела.

— Да они вроде сразу попытались найти Патрони, — сказал Дэнни. — Но он был дома, и не так-то просто оказалось добраться до него. Говорят, из-за бурана повреждено много телефонных линий.

— Но теперь-то его известили? Ты уверен?

— В «ТВА» утверждают, что он уже выехал в аэропорт.

Мел мысленно прикинул: он знал, что Патрони живёт в Глен-Эллине, милях в двадцати пяти от аэропорта, и даже при идеальных условиях, чтобы добраться оттуда, нужно сорок минут. Сегодня же, когда дороги покрыты снегом и запружены машинами, Джо крупно повезёт, если он управится быстрее чем за полтора часа.

— Да, — сказал Мел, — если кто и сумеет сдвинуть этот самолёт с места, так только Патрони. Но это вовсе не значит, что надо сидеть сложа руки и ждать его. Доведи до сведения всех, что нам нужна ВПП три-ноль — и срочно. — Эта полоса нужна не только для нормальной работы аэропорта, невесело подумал Мел, но и для того, чтобы самолёты не взлетали над Медоувудом. Интересно, кончилось ли уже собрание, которое, по словам начальника КДП, решили устроить медоувудцы?

— Я уже им говорил, — сказал Дэнни. — Могу повторить ещё раз. Кстати, есть и хорошие вести: мы всё-таки нашли этот «пикап» компании «Юнайтед».

— Шофёр в порядке?

— Был без сознания. Машину занесло снегом, а мотор продолжал работать, и, как мы и полагали, скопился угарный газ. Но шофёру сейчас дают кислород, и он, конечно, очухается.

— Хорошо. Я выезжаю на поле, чтобы лично проверить обстановку. Буду радировать оттуда.

— Одевайся теплее, — сказал Дэнни. — Ночь хуже некуда.

Когда Мел вернулся к столику, Таня уже добиралась уходить.

— Подождите, — сказал он, — пойдём вместе.

Она указала на нетронутый сандвич.

— А как же с ужином? Если это, конечно, ужин.

— Пока — да. — Он откусил большой кусок, поспешно глотнул кофе и схватил со стула своё пальто. — А вообще я сегодня ужинаю в городе.

Пока Мел расплачивался, двое служащих «Транс-Америки» вошли в кафе. Один из них, заметив Таню, направился к ней.

— Извините, мистер Бейкерсфелд… Миссис Ливингстон, вас ищет управляющий перевозками. У него к вам срочное деле…

Мел сунул в карман полученную от кассирши сдачу.

— Ну-ка, попробуем угадать. Наверное, опять кто-нибудь швырнул в пассажира расписанием.

— Нет, сэр, — Служащий осклабился. — Если кто сегодня и швырнёт ещё в пассажира расписанием, так это буду я. На восьмидесятом рейсе из Лос-Анджелеса обнаружен безбилетный пассажир.

— И только-то? — Таня была явно удивлена: на всех авиалиниях попадались безбилетные пассажиры, и это никогда не было-поводом для серьёзных беспокойств.

— Видите ли, — сказал инспектор, — на этот раз пассажир, как я слышал, с приветом. Получена радиограмма от пилота, и к выходу выслана охрана. Так или иначе, миссис Ливингстон, вас зовут. — И, дружески кивнув, он пошёл к своему коллеге.

Мел и Таня вышли из кафе в центральный зал. У лифта, который должен был доставить Мела в подземный гараж, где находилась его машина, они остановились.

— Осторожнее ездите по полю, — предупредила его Таня. — Не попадите под самолёт.

— Если попаду, то вы, конечно, об этом скоро узнаете. — Он надел тёплое пальто. — Сегодняшний ваш безбилетник, видно, особенный. Я постараюсь заглянуть к вам перед тем, как ехать в город: интересно, почему подняли такой шум. — Он помедлил и добавил: — По крайней мере, у меня будет повод ещё раз увидеть вас сегодня.

Они стояли очень близко. Внезапно их словно ветром качнуло друг к другу; руки их встретились. Таня мягко сказала:

— Разве для этого нужен повод?

В лифте, спускаясь вниз, он всё ещё чувствовал ласковое тепло её руки и слышал её голос.

4

Джо Патрони, задиристый, крепко сбитый американец итальянского происхождения, главный механик «ТВА», действительно — о чём и было доложено Мелу Бейкерсфелду — выехал в аэропорт из своего ранчо в Глен-Эллине минут двадцать назад. Но, как и предполагал Мел, продвигался он очень медленно.

В какой-то момент «бьюик» Патрони попал в пробку и вообще остановился. Впереди и позади, насколько хватал глаз, стояли машины. Патрони откинулся на сиденье и при свете хвостовых огней передней машины закурил сигару.

Немало легенд ходило об этом человеке — легенд, связанных как с его профессиональными, так и с личными качествами.

Свою рабочую жизнь он начал смазчиком в гараже. Вскоре он выиграл в кости этот гараж у своего хозяина, так что к концу партии они уже поменялись ролями. Правда, молодой парень унаследовал вместе с гаражом несколько серьёзных долгов, включая долг за древний дряхлый биплан, владельцем которого он теперь стал. Обладая незаурядной изобретательностью и хорошими техническими навыками, он починил биплан и начал на нём летать — не взяв ни одного урока, так как это было ему не по карману.

Аэроплан и возня с ним всецело поглотили Патрони — настолько, что он уговорил своего бывшего хозяина ещё раз покидать кости и, дав обыграть себя, вернул ему гараж. Расставшись с гаражом, Джо нанялся на аэродром механиком. Окончил вечернюю школу, стал старшим механиком, а потом мастером с репутацией первоклассного специалиста по ликвидации аварий. Его команда могла сменить в самолёте мотор быстрее, чем это указано в спецификации, причём с гарантией надёжности. Через некоторое время лишь только где-нибудь обнаруживалась неисправность или поломка, тут же говорили: «Вызовите Патрони».

Успеху его способствовало и то, что он никогда не терял времени на дипломатию. Прямо шёл к цели — касалось ли дело людей или самолётов. Не обращал он внимания и на ранги и всем резал правду-матку в глаза, включая и начальство.

Как-то раз — лётчики до сих пор вспоминают об этом — Патрони бросил работу и, ни слова никому не сказав, ни с кем не посоветовавшись, сел на самолёт и улетел в Нью-Йорк. Он вёз с собой большой пакет.

Прилетев в Нью-Йорк, он сначала на автобусе, затем на метро добрался до главной конторы компании «Олимпиен» в центре Манхэттена и там — без всяких объяснений и докладов — прошёл прямо в кабинет президента. Войдя, он развернул пакет и выложил на блестящий полированный стол президента компании разобранный карбюратор, весь в смазке.

Президента, — а он в жизни не слыхал о Патрони, и к нему без доклада никто ещё никогда не входил, — чуть не хватил удар. Но Джо быстро привёл его в чувство.

— Если вы хотите терять самолёты в полёте, можете вышвырнуть меня отсюда. А если нет, садитесь и слушайте.

Президент сел — Джо тем временем раскурил сигару — и стал слушать. Немного погодя он вызвал вице-президента по инженерной части, а тот — ещё немного погодя — приказал произвести соответствующие изменения в карбюраторе, чтобы он не покрывался льдом в полёте: Патрони долгие месяцы тщетно добивался этого, разговаривая на более низком уровне.

Позже Патрони получил благодарность, и случай этот пополнил непрерывно разраставшиеся легенды о нём. Вскоре Джо сделали старшим мастером, а несколько лет спустя — главным механиком компании «ТВА» в аэропорту имени Линкольна.

Ходили легенды и о личной жизни Патрони, в частности, о том, что он каждую ночь занимается любовью со своей женой Мари — так же регулярно, как другие выпивают перед обедом. И это была правда. Собственно, как раз этим он и был занят, когда позвонили из аэропорта насчёт застрявшего самолёта компании «Аэрео-Мехикан» и попросили помочь.

Рассказы о личной жизни Патрони обрастали деталями: любовью он, оказывается, занимался так же, как делал всё — не расставаясь с длинной тонкой сигарой, которую неизменно держал в углу рта. Только это была неправда — во всяком случае, теперь. Мари, потушив не одну загоревшуюся подушку в первые годы их брака, — а она, как бывшая стюардесса «ТВА», умела гасить пожары, — категорически запретила Джо курить в постели. И Джо послушался, потому что любил жену. Впрочем, к тому были все основания. Когда он на ней женился, она была, пожалуй, самой популярной и самой хорошенькой стюардессой во всей авиации и даже теперь, после двенадцати лет брака и трёх родов, всё ещё могла соперничать со многими своими преемницами. Были люди, которые откровенно удивлялись, как это Мари, за которой отчаянно ухаживали и капитаны, и офицеры высоких рангов, могла предпочесть им всем Джо. Но

надо сказать, что Джо, даже когда он только начинал свою карьеру механика, был уже человеком многообещающим и во всех отношениях удовлетворял Мари.

Ко всему этому следует добавить, что Джо никогда не впадал в панику. Он быстро оценивал ситуацию, решал, насколько дело срочное и следует ли ради него немедленно всё бросать. Когда ему позвонили насчёт застрявшего «боинга-707», он нутром почувствовал, что безумной срочности тут нет и можно ещё побаловаться с женой или поужинать, но только одно из двух. И он решил пожертвовать ужином. Через некоторое время Мари, накинув халатик, помчалась на кухню и быстро приготовила Джо несколько бутербродов на дорогу — ведь до аэропорта двадцать пять миль, так что он успеет поесть. Но Джо тут же надкусил один их них.

Его не впервые вызывали в аэропорт после долгого рабочего дня, но сегодня уж больно мерзкая была погода — такой он просто не помнил. Три дня бушевала метель, всюду набралось много снега, и поездка на машине предстояла тяжёлая и опасная. Вдоль улиц высились сугробы, а снег всё валил и валил. На шоссе и на дорогах автомобили еле двигались, а то и вовсе стояли. Хотя «бьюик» Патрони был снабжён специальными шинами для езды по грязи и снегу, колёса всё равно буксовали. «Дворники» и «антиобледенители» плохо справлялись с валившим снегом, стёкла запотевали, а фары освещали лишь совсем небольшое пространство впереди. Застрявшие машины — иные из них были попросту брошены владельцами — превращали езду в гонку с препятствиями. Естественно, лишь острая необходимость могла заставить человека ехать в такую ночь.

Джо взглянул на часы. И его машина, и та, что перед ним, стояли уже несколько минут. Стояли не только они — и дальше впереди, и справа непрерывной цепью выстроились автомобили. Он отметил про себя, что давно уже не видел и встречных машин — должно быть, где-то на дороге произошла авария и застопорила движение всех четырёх потоков. Ладно, решил он, если в ближайшие пять минут ничего не изменится, придётся выйти и посмотреть, в чём дело, хотя так мело и валил такой густой снег, что ему крайне не хотелось высовывать нос наружу. Он ещё успеет намёрзнуться за ночь в аэропорту. А пока он настроил радио на волну рок-н-роллов и, включив его на полную мощность, затянулся сигарой.

Пять минут прошли. Патрони, увидев, что люди выходят из машин и идут куда-то, решил присоединиться к ним. Он прихватил с собой парку на овчине и, застегнув её на все пуговицы, натянул капюшон. Затем поискал сверхмощный электрический фонарь, который всегда был при нём, и открыл дверцу машины — ветер со снегом тотчас ворвались в кабину. Джо

поспешно шагнул наружу и захлопнул за собой дверцу.

С трудом вытаскивая ноги из снега, он двинулся в голову колонны — рядом хлопали дверцы машин, перекликались люди: «Что там стряслось?» Кто-то крикнул: «Произошла авария. Ужас что творится!» Постепенно Джо начал различать впереди мигающие огни, движущиеся тени, которые порой сливались, образуя толпу. Чей-то голос произнёс: «Говорю вам, они не скоро тут расчистят. Мы теперь застряли не на один час». Внезапно из тьмы проступило нечто большое, тёмное, озаряемое красными огнями «мигалок». Мощный автокар с восемнадцатиколесным прицепом лежал поперёк дороги на боку, преграждая движение. Часть груза — судя по всему, ящики с консервами — рассыпалась, и какие-то ловкачи, невзирая на снег, кинулись подбирать банки, — несколько ящиков уже растащили по машинам.

У места аварии стояло два полицейских патрульных автомобиля. Полицейские допрашивали шофёра грузовика, который явно был цел и невредим.

— Я только всего и сделал, что притормозил, — громко оправдывался шофёр. — А эта штука вдруг заскользила и плюх на землю — точно баба, которой приспичило.

Один из полисменов записывал показания в блокнот, и какая-то женщина шепнула стоявшему рядом мужчине:

— Как ты думаешь, он и это записал?

А другая женщина крикнула:

— Ну чего зря писать-то! — Её пронзительный голос перекрыл завывания ветра. — Лучше бы убрали эту штуку с дороги!

Один из полисменов подошёл к ней. Он уже был весь в снегу.

— Если бы вы помогли, мадам, приподнять эту штуку, мы были бы премного вам благодарны.

Кто-то захихикал, а женщина буркнула:

— Только и знаете языком молоть, толстозадые.

С другой стороны к месту происшествия медленно подъехал тягач — на крыше его кабины крутилась янтарная «мигалка». Шофёр воспользовался тем рядом, что отведён для движения в противоположном направлении, поскольку там сейчас не было машин. Грузовик остановился, шофёр выскочил из кабины и при виде размеров автокара с фургоном и положения, в котором он лежал, с сомнением покачал головой.

Патрони протиснулся вперёд. Попыхивая сигарой, ярко рдевшей на ветру, он подошёл к полицейскому и резко хлопнул его по плечу.

— Послушай, сынок, одним тягачом ты это чучело с места не

сдвинешь. Ведь это всё равно, что пытаться поднять кирпич, привязав его синице к хвосту.

Полицейский обернулся.

— Может, оно и так, мистер, да только вокруг полно разлившегося бензина. Так что лучше бы вам потушить сигару.

Патрони и глазом не моргнул — он вообще не обращал внимания на правила и курил где и когда хотел. Он ткнул сигарой в направлении перевёрнутого автокара с прицепом.

— Больше того, сынок, ты будешь лишь терять время — и моё, и своё собственное, да и всех тех, кто тут застрял, — если станешь поднимать эту махину. Тебе надо сдвинуть её на обочину, чтоб возобновилось движение, а для этого нужны три грузовика: один с этой стороны, чтобы толкал, а два — с той, чтоб тащили. — И он пошёл в обход поваленного автокара и прицепа, чтобы с помощью своего электрического фонаря осмотреть их со всех сторон. Как всегда, решая ту или иную проблему, он был всецело поглощён делом. Он снова ткнул в воздух сигарой. — Надо поставить рядом два тягача и подсоединить их тросами к трём точкам. Сначала надо сдвинуть автокар — это можно быстро сделать. Мы спрямим его с прицепом. И тогда третий грузовик…

— Стойте-ка, — перебил его полицейский. И крикнул своему коллеге: — Хэнк, тут один малый явно говорит дело.

Через десять минут Джо уже работал вместе с полицейскими и, по сути, руководил всей операцией. Следуя его совету, по радио вызвали ещё два тягача. А пока шофёр первого тягача под руководством Патрони подсоединял цепи к осям автокара. Всё уже приняло совсем другой вид, стало ясно, что «сдюжим», — словечко это всегда было в ходу, когда за дело брался энергичный главный механик «ТВА».

За это время Патрони не раз вспоминал о том, что вынудило его выехать из дома ночью: ведь его уже давно ждали в аэропорту. Он понимал, что быстрее попадёт туда, если поможет ликвидировать пробку на шоссе. Ведь ни его машина, ни остальные не сдвинутся с места, пока злополучный автокар с прицепом не будет убран с середины шоссе. Повернуть назад и попытаться проехать в аэропорт по другой дороге было тоже невозможно, потому что и сзади стояли автомобили: полицейский сказал Патрони, что вереница их тянется на многие мили.

Он вернулся к себе в машину и по радиотелефону, который ему установило и ежемесячно оплачивало руководство аэропорта, позвонил в технический отдел. Он известил, что задерживается в пути, а в ответ ему сообщили о приказании Мела Бейкерсфелда срочно очистить и ввести в

строй полосу три-ноль.

Патрони дал по телефону несколько советов, но он и сам понимал, что главное — как можно быстрее прибыть на место происшествия самому.

Он снова вылез из «бьюика» — снег всё продолжал валить. Обойдя заносы, уже образовавшиеся вдоль цепочки машин, он вышел на дорогу и чуть ли не бегом припустился по ней; вскоре он с облегчением увидел, что первый из двух дополнительных тягачей уже прибыл.

5

Расставшись с Таней, Мел Бейкерсфелд спустился на лифте в подземный гараж. Его радиофицированная служебная машина горчично-жёлтого цвета стояла неподалёку, в специально отведённом для неё боксе.

Мел выехал на поле недалеко от того места, где находились галереи-гармошки для посадки в самолёт. Ветер и снег со страшной силой тотчас обрушились на ветровое стекло его машины. «Дворники» отчаянно метались туда и сюда, но снег сразу же застилал стекло. В неплотно прикрытое окно вдруг ворвался порыв ледяного ветра и швырнул горсть снега в кабину. Мел поспешно поднял стекло. Уж очень резким оказался переход от уютного тепла аэровокзала к этой дикой злой мгле.

Впереди, там, где кончались галереи-гармошки, замаячили самолёты. Здания аэровокзала перекрывали ветер, здесь не так крутила пурга, и Мел увидел сквозь освещённые окна самолётов, что внутри уже сидят пассажиры. Несколько машин были явно готовы к взлёту — пилоты только ждали указания из диспетчерской, чтобы запустить двигатели, но их задерживали, поскольку была блокирована полоса три-ноль. На поле и на взлётно-посадочных полосах виднелись смутные очертания и навигационные огни других самолётов, только что прибывших и ещё не успевших заглушить двигатели. Их держали в так называемой «предвариловке» — в ожидании, пока освободятся места у галерей-гармошек. То же происходило, наверно, и у семи других отсеков аэровокзала.

Приёмник в машине Мела, работавший двухсторонней связью и настроенный сейчас на приём с земли, внезапно ожил.

— Диспетчер — «Истерну» семнадцатому, — раздался голос одного из воздушных диспетчеров, — даю взлёт с полосы два-пять. Настройтесь на частоту взлёта.

Послышался треск.

— Говорит «Истерн» семнадцатый. Вас понял.

И тотчас чей-то раздражённый голос:

— Земля, я «Пан-Американ» пятьдесят четвёртый, иду по рулёжной дорожке к полосе два-пять. Впереди двухмоторная каракатица — частная «чессна». Жму на тормоза, чтоб не врезаться.

— «Пан-Американ» пятьдесят четвёртый, стоп! — Короткая пауза, и снова голос диспетчера: — «Чессна семьдесят три», говорит диспетчер.

Сверните на первом пересечении направо. Пропустите самолёт компании «Пан-Американ».

И вдруг приятный женский голос:

— Земля, я «чессна семьдесят три». Я сворачиваю. Можешь лететь, «Пан-Американ». У-у, медведь!

Смешок. И голос:

— Спасибо, лапочка. Подмажь губки, пока я взлечу.

И грозный голос диспетчера:

— Диспетчер — всем самолётам! Предлагаю использовать радио только в служебных целях.

Диспетчер был раздражён: Мел это почувствовал, несмотря на обычный, профессионально спокойный тон. Да и кого бы не вывела из себя сегодняшняя погода и эта неразбериха в воздухе и на земле? Мел с тревогой вспомнил о своём брате Кейзе, который сидел сейчас в радарной КДП и принимал самолёты с Запада, самого перегруженного направления.

Из диспетчерской шли непрерывные указания самолётам, и радио работало без передышки. Подождав, пока закончится очередной диалог, Мел включил свой микрофон:

— Наземный диспетчер, говорит машина номер один. Нахожусь у выходных ворот шестьдесят пять, следую в направлении полосы три-ноль, к застрявшему самолёту «Аэрео-Мехикан».

Диспетчер дал указания двум только что севшим самолётам, и Мел услышал:

— Диспетчер — машине номер один. Вас понял. Следуйте за ДС-9 «Эйр-Канады», который выруливает за ворота впереди вас. Остановитесь, не доезжая полосы два-один.

Мел подтвердил приём. Он увидел, как самолёт «Эйр-Канады» вырулил за ворота, — его высокий изящный хвост, поставленный под прямым углом к фюзеляжу, плыл в воздухе.

Здесь, недалеко от выходных ворот, Мел ехал осторожно, внимательно следя за тем, чтобы не столкнуться с «вошками», как в аэропорту называли машины, обслуживающие самолёт на земле. Наряду с обычными машинами было тут сегодня и несколько «собирателей вишен» — грузовиков с подъёмными платформами, насаженными на стальной передвигающийся стержень. Стоя на этих платформах, рабочие сметали снег с крыльев самолётов и разбрызгивали гликоль, чтобы воспрепятствовать образованию льда. И люди и машины были все в снегу.

Мел резко затормозил, чтобы не столкнуться с «душистым фургоном», который мчался ему наперерез, спеша избавиться от своего малоприятного

груза — четырёхсот галлонов, выкачанных из воздушных туалетов. Содержимое фургона вывалят в измельчитель, находящийся в специальном здании, которое старательно обходят остальные служащие аэропорта, а оттуда перекачают в городскую канализацию. Обычно эта процедура занимает мало времени, за исключением тех случаев, когда пассажиры заявляют о потерях — челюстей, сумочек, кошельков, даже туфель, случайно упавших во время полёта в туалет. А это случается иногда раз, иногда — два раза в день. Тогда всё содержимое туалетов приходится пропускать через сито, а уборщикам остаётся лишь надеяться, что утерянные вещи быстро найдутся.

Но Мел понимал, что даже если не будет такого рода потерь, санитарным командам всё равно предстоит основательно поработать этой ночью. Управляющий по опыту знал, что с ухудшением погоды возрастает потребность в туалетах и на земле и в воздухе. Интересно, подумал Мел, многие ли имеют представление о том, что санинспекторы в аэропорту каждый час получают сообщения о погоде и соответственно распределяют уборщиков и запасы туалетной бумаги.

Самолёт компании «Эйр-Канада», за которым следовал Мел, вырулил за пределы аэровокзала и стал набирать скорость. Мел нажал на акселератор, стараясь не отстать. Он как-то увереннее себя чувствовал, когда видел впереди хвостовые огни ДС-9: «дворники» на его ветровом стекле не справлялись со снегом, и он, по сути дела, ехал вслепую. В смотровом зеркальце он заметил надвигавшийся на него сзади силуэт другого реактивного самолёта. По радио зазвучал предупреждающий голос наземного диспетчера:

— «Эр-Франс» четыре-ноль-четыре, между вами и «Эйр-Канадой» — служебная машина.

Только через четверть часа Мел добрался до пересечения рулёжной дорожки со взлётно-посадочной полосой, где застрял самолёт «Аэрео-Мехикан». К тому времени цепочка самолётов, выруливавших для взлёта с двух других действующих полос, осталась уже позади.

Мел остановил машину и вышел. Здесь, в безлюдье и тьме, ветер буйствовал, казалось, ещё безудержнее. Он свистел и завывал над пустынной взлётной полосой. «Появись здесь сегодня волки, — подумал Мел, — я бы ничуть не удивился».

Какая-то призрачная фигура окликнула его из снежной мглы:

— Это вы, мистер Патрони?

— Нет, это не Патрони. — Мел обнаружил, что и ему приходится кричать, чтобы перекрыть вой ветра. — Но Джо Патрони в пути.

Человек подошёл ближе. Он был закутан в доху, и тем не менее лицо у него посинело от холода.

— Мы, конечно, будем рады увидеть Патрони, но чёрт меня побери, если я понимаю, что он тут может сделать. Мы почти всё перепробовали, чтобы вытащить эту махину. — И он показал на самолёт, черневший позади. — Застрял напрочь.

Мел назвал себя и поинтересовался, с кем он разговаривает.

— Моя фамилия Ингрем, сэр. Я старший техник «Аэрео-Мехикан». И признаться, очень бы хотел сейчас, чтоб у меня была другая работа.

Переговариваясь на ходу, они приблизились к застрявшему «боингу-707», инстинктивно ища укрытия под его крыльями и фюзеляжем. Красный свет ритмично мигал под брюхом большого лайнера. При этом неверном свете Мел увидел под снегом раскисшую землю, в которой завязли колёса самолёта. На взлётно-посадочной полосе и прилегающей к ней рулёжной дорожке, словно родственники, столпившиеся у постели умирающего, стояли грузовики и подсобные машины — топливозаправщик, тележки для багажа, почтовый фургон, два автобуса для команды и ревущий передвижной генератор.

Мел поднял воротник пальто.

— Нам совершенно необходима эта взлётная полоса — срочно, сегодня. Что вы для этого сделали?

За эти два часа, доложил Ингрем, с аэровокзала подогнали к самолёту старые трапы и спустили по ним пассажиров. Процесс этот оказался медленным и небезопасным, так как ступеньки едва успевали очищать ото льда — настолько быстро они снова обледеневали. Одну пожилую женщину пришлось даже нести на руках. Детей передавали по цепочке в одеялах. Теперь все пассажиры уехали в автобусах вместе со стюардессами и вторым пилотом. Командир экипажа и первый пилот остались на местах.

— А вы пытались сдвинуть самолёт после того, как сошли пассажиры?

Старший техник кивнул.

— Мы дважды запускали двигатели. Командир корабля включал их на всю мощь, какую считал возможной. Но вытащить самолёт не удалось. Похоже, что он ещё глубже увяз.

— А сейчас что делаете?

— Снимаем груз — вдруг поможет. Большая часть горючего, — добавил Ингрем, — уже откачана топливозаправщиками, а это немало, поскольку баки были заполнены для полёта. Освободили также багажные и грузовые отсеки. Почтовый фургон забрал мешки с почтой.

Мел кивнул. Почта-то улетит — в этом он не сомневался. Почтовое отделение в аэропорту постоянно следило за соблюдением воздушного графика. Там было точно известно, на каком самолёте находятся мешки с почтой, и в случае задержки почтовые служащие мгновенно перебрасывали их с одного рейса на другой. Словом, почте с застрявшего самолёта повезёт куда больше, чем пассажирам. Максимум через полчаса она уже отправится по назначению — в случае необходимости кружным путём.

— Вам не нужна дополнительная помощь? — спросил Мел.

— Нет, сэр, пока нам никто не нужен. У меня тут почти вся наша бригада «Аэрео-Мехикан» — двенадцать человек. Половина из них греется сейчас в автобусе. Но Патрони, конечно, может понадобиться больше народу. Всё будет зависеть от того, что он задумает. — Ингрем повернулся и мрачно посмотрел на неподвижный лайнер. — Если хотите знать моё мнение, дело это долгое, и нам потребуются подъёмные краны, домкраты, а может, и пневматические мешки, чтоб приподнять крылья. Однако большую часть оборудования мы сможем пустить в дело только когда рассветёт. Так что на эту операцию может уйти почти весь завтрашний день.

— Исключено: я не могу вам дать не только завтрашний день, но даже сегодняшнюю ночь, — резко оборвал его Мел. — Полоса должна быть очищена… — Он вдруг умолк, вздрогнув от предчувствия, неожиданно нахлынувшего с такою силой, что ему стало страшно.

По телу его снова прошла дрожь. Что с ним? Да ничего особенного, уверил он себя: это от непогоды, от резкого, холодного ветра на поле. Но странное дело: он ведь не сейчас вышел из машины и, казалось бы, уже должен был привыкнуть к холоду.

С другого конца поля, перекрывая вой ветра, долетел рёв двигателей реактивного самолёта. Шум нарастал и потом сразу стал тише — самолёт взлетел. Это повторилось ещё. И ещё раз. Значит, там всё в порядке.

А здесь? И снова на какую-то долю секунды им овладело предчувствие беды. Даже не предчувствие, а что-то неуловимое, как дыхание надвигающейся серьёзной опасности. Нельзя, конечно, придавать таким вещам значение: интуиции, предчувствиям не место в жизни прагматика. Правда, однажды, много лет назад, у него было точно такое же чувство, будто надвигается нечто неотвратимое, что приведёт к гибельному концу. Мел вспомнил и то, каким оказался этот конец, который он не в состоянии был предотвратить…

Он снова посмотрел на «боинг». Машину засыпало снегом, и очертания её стали расплывчатыми. Собственно говоря, ведь помимо того,

что оказалась заблокированной взлётно-посадочная полоса и приходится взлетать над Медоувудом, ничего страшного не произошло. Ну, увяз в снегу самолёт, но никто при этом не пострадал, никакого материального ущерба не нанесено — словом, ничего особенного.

— Пошли ко мне в машину, — предложил он старшему технику. — Выясним по радио, что происходит.

По дороге он вспомнил, что Синди уже наверняка с нетерпением ждёт его в городе.

Мел не выключал обогревателя, и в машине сейчас было тепло и уютно. Ингрем удовлетворённо крякнул. Он слегка распахнул доху и, нагнувшись, подставил руки под струю тёплого воздуха.

— Машина номер один — пульту снежной команды. Дэнни, я на ВПП три-ноль, у застрявшего самолёта. Позвони в ремонтную «ТВА» и узнай насчёт Патрони. Где он? Когда должен прибыть? Всё.

В ответ заскрипел голос Дэнни Фэрроу:

— Пульт снежной команды — машине номер один. Вас понял. Кстати, Мел, звонила твоя жена.

Мел нажал на кнопку микрофона.

— Она оставила номер, по которому ей звонить?

— Точно.

— Машина номер один — пульту снежной команды. Позвони ей, пожалуйста, Дэнни. Скажи, что, к сожалению, я немного задержусь. Но сначала выясни насчёт Патрони.

— Ясно. Жди.

И радио умолкло.

Мел сунул руку в карман пальто, вытащил пачку «Марлборо» и предложил Ингрему сигарету.

— Спасибо.

Они закурили, глядя на то, как «дворники» ходят туда и сюда по ветровому стеклу.

— Там, наверху, — Ингрем движением головы указал на освещённую кабину самолёта, — эта сволочь капитан, наверно, льёт крокодиловы слёзы в своё сомбреро. Теперь уж он будет следить за синими огнями — глаз от них не оторвёт, как от свечей на алтаре.

— Кстати, ваши наземные команды — из мексиканцев или американцев? — спросил Мел.

— Мы все американцы. Только болваны вроде нас и могут работать в такую чёртову погоду. Вы знаете, куда должен был лететь этот самолёт?

Мел отрицательно покачал головой.

— В Акапулько. И до того, как это случилось, я готов был бы полгода поститься, лишь бы полететь на нём. — Старший техник ухмыльнулся: — А вы представляете себе, каково это было: сел в самолёт, уютно устроился — и на тебе! — вылезай. Слышали бы вы, как чертыхались пассажиры, особенно женщины. Я узнал от них сегодня немало словечек.

Снова ожило радио.

— Пульт управления снежной командой — машине номер один, — раздался голос Дэнни Фэрроу. — Я выяснял у «ТВА» насчёт Патрони. Они связывались с ним, но дело в том, что он застрял по дороге. На шоссе пробка, и он будет не раньше чем через час. Он передал указания. Всё понял?

— Понял, — сказал Мел. — Валяй указания.

— Патрони опасается, как бы самолёт не увяз ещё глубже. Говорит, это легко может случиться. Поэтому считает: если команда не уверена в успехе, пусть лучше ничего не предпринимают, пока он не приедет.

Мел искоса взглянул на Ингрема.

— А как относятся к этому в «Аэрео-Мехикан»?

Старший техник кивнул, давая понять, что там относятся положительно.

— Патрони может делать любые попытки. Будем его ждать.

Дэнни Фэрроу спросил:

— Понял? Всё ясно?

Мел нажал на кнопку микрофона:

— Ясно.

— О'кей. Слушай дальше. «ТВА» срочно вызывает дополнительный персонал для помощи. И ещё, Мел: снова звонила твоя жена. Я передал ей то, что ты сказал.

Мел почувствовал: Дэнни недоговаривает, зная, что его могут услышать и другие, чьё радио включено на частоту аэропортовских служб.

— Ей это не понравилось? — спросил Мел.

— По-моему, нет. — Секундная пауза. — Я советую, как только сможешь, доберись до телефона.

Должно быть, Синди говорила с Дэнни ядовитее обычного, подумал Мел, но тот, как верный друг, не стал сейчас об этом распространяться.

Что же до самолёта, то тут надо ждать Патрони. Его совет — ничего не предпринимать, чтобы самолёт глубже не увяз, — звучит разумно.

Тем временем Ингрем уже застёгивал пальто и натягивал толстые рукавицы.

— Спасибо за обогрев, — сказал он и вышел на ветер и снег, поспешно

захлопнув за собой дверцу машины.

Мел видел, как он бредёт по сугробам, направляясь к машинам, сгрудившимся на рулёжной дорожке.

По радио слышно было, как диспетчер пульта управления снежной командой переговаривается с центром по борьбе с заносами. Мел дождался, пока переговоры закончатся, затем включил микрофон.

— Дэнни, говорит машина номер один. Еду к «Анаконде».

И он двинулся вперёд, осторожно ведя машину сквозь крутящийся снег, в темноте, прорезаемой лишь редкими огнями на взлётно-посадочной полосе.

Снегоуборочная команда «Анаконда», передовой отряд и главное звено в аэропортовской системе борьбы с заносами, находилась в этот момент на взлётно-посадочной полосе один-семь, левой. Сейчас он сам убедится, мрачно подумал Мел, есть ли хоть доля правды в неблагоприятной для него докладной, состряпанной капитаном Димирестом от имени комиссии по борьбе с заносами, или же это лишь его злопыхательские измышления.

6

Предмет размышлений Мела — капитан Вернон Димирест — находился в этот момент в трёх милях от аэропорта. Он ехал на своём «мерседесе-230», и путешествие это по сравнению с тем, которое он проделал ранее — из дома в аэропорт, — было много легче: теперь он выбирал улицы, по которым недавно прошёлся снегоочиститель. Снег, подхлёстываемый ветром, по-прежнему валил вовсю, но здесь он не успел ещё лечь толстым слоем, и потому езда была нетрудной.

Димирест направлялся к скоплению четырёхэтажных зданий неподалёку от аэропорта, известных среди лётчиков под названием «Квартал стюардесс». Именно здесь жили многие стюардессы, работавшие на разных авиалиниях в аэропорту Линкольна. Обычно две-три девушки снимали одну квартиру, и те, кто заглядывал к ним, называли эти квартиры «стюардессиными гнёздышками».

Здесь в часы, свободные от работы, частенько устраивались весёлые пирушки и завязывались романы, регулярно возникавшие между стюардессами и мужской половиной экипажей.

Впрочем, нравы в «стюардессиных гнёздышках» не отличались особой распущенностью — здесь происходило то же, что и везде, где живут одинокие молодые женщины. Разница состояла лишь в том, что развлекались тут и вели себя «аморально». люди, связанные с авиацией.

Оснований для этого было предостаточно. И стюардессы, и члены экипажа — мужчины, с которыми их сталкивала жизнь, — капитаны, первые и вторые пилоты — были все без исключения людьми отменными. Все они занимали определённое место в авиации, выдержав безжалостную конкуренцию и пройдя жёсткий отбор, отсекающий менее способных. В результате такого отбора остаются лишь самые незаурядные. И образуется своеобразное сообщество смекалистых, неглупых людей, любящих жизнь и способных оценить друг друга.

Вернон Димирест за время работы в авиации оценил немало стюардесс — да и его оценили по достоинствам многие. Он то и дело заводил романы с хорошенькими и неглупыми молодыми женщинами, взаимности которых мог бы добиваться монарх или модный киноактёр — и тщетно, потому что стюардессы, с которыми были знакомы — и притом весьма интимно — Димирест и его коллеги-пилоты, не были ни проститутками, ни распутными женщинами. Просто это были весёлые,

компанейские и весьма искушённые в плотских радостях существа, которые умели оценить настоящего мужчину и не отказывались приятно провести время без особых забот и хлопот.

Одной из тех, кто, так сказать, оценил по достоинству капитана Вернона Димиреста, и притом, по-видимому, не на один день, была пикантная, привлекательная брюнетка по имени Гвен Мейген. Она была дочерью английского фермера и десять лет назад, покинув родину, переехала в Штаты. Прежде чем поступить на службу в «Транс-Америку», Гвен некоторое время работала манекенщицей в одном из домов моделей в Чикаго. Возможно, поэтому она умела с таким изяществом и достоинством держаться на людях, ничем не выдавая темперамента, которым отличалась в постели.

К этой-то молодой женщине и направлялся сейчас Вернон Димирест.

Через несколько часов оба они полетят в Рим — капитан Димирест в пилотской кабине в качестве командира экипажа, а Гвен Мейген — в пассажирском салоне в качестве старшей стюардессы. В Риме экипаж получит трёхдневный отдых — «на пересып», в то время как другой экипаж, который сейчас отдыхает в Италии, поведёт самолёт обратно в аэропорт Линкольна.

Слово «пересып» давно вошло в официальный жаргон, которым пользовались служащие авиакомпаний. Тот, кто его изобрёл, по-видимому, обладал чувством юмора, и слово это вошло в обиход: лётчики на отдыхе и буквально и фигурально следовали его значению. Вот и Димирест с Гвен Мейген намеревались интерпретировать его по-своему. Они решили по прибытии в Рим тотчас уехать в Неаполь и устроить там сорокавосьмичасовой «пересып». Это была мечта, идиллия, и Вернон Димирест улыбнулся сейчас, подумав об этом. Он уже подъезжал к «Кварталу стюардесс» и, вспомнив, как удачно для него сегодня всё складывается, улыбнулся ещё шире.

Попрощавшись со своей женой Сарой, которая, как всегда, пожелала ему удачного полёта, он рано приехал в аэропорт. Живи Сара в другом веке, она бы наверняка занималась вышиванием или вязанием в отсутствие своего повелителя. Но она жила в наше время и потому, как только он уедет, она с головой погрузится во всякую светскую чепуху — будет ходить в свой клуб, играть в бридж и писать маслом, то есть займётся тем, что составляет основу её жизни.

Сара Димирест была на редкость бесстрастная и унылая женщина; муж сначала примирился с этими её качествами, а потом — в силу своеобразной извращённости — даже начал их ценить. Когда во время

полётов или романов с более интересными женщинами ему случалось вспомнить о доме, он мысленно — впрочем, не только мысленно, но и в беседах с друзьями — называл своё возвращение к родному очагу: «в ангар на стоянку». Были у его брака и другие преимущества. Пока он существовал, женщины, с которыми Димирест заводил романы, вольны были влюбляться в него по уши и выдвигать любые требования, но ни одна не могла надеяться, что он пойдёт с ней под венец. Таким образом, брак прочно защищал его от скоропалительных решений, которые он в угаре страсти мог Принять. Ну, а Сара… Время от времени он снисходил до интимных отношений с нею, подобно тому как хозяин иной раз бросает старой собаке сахарную кость. Сара покорно отвечала на его посягательства и вела себя как положено, хотя он и подозревал, что и вздохи, и прерывистое дыхание были скорее результатом привычки, чем страсти, и что прекрати он супружеские отношения совсем, её бы это мало тронуло. Не сомневался он и в том, что Сара догадывалась о его похождениях на стороне: она инстинктивно чувствовала, что он ей изменяет, хоть и не располагала фактами. Однако она предпочитала ничего об этом не знать, что вполне устраивало Вернона Димиреста.

Радовало его сегодня и ещё одно — докладная комиссии по борьбе с заносами; воспользовавшись ею, он крепко дал под дых этому надутому индюку, своему шурину Мелу Бейкерсфелду.

Идея такой докладной принадлежала самому Димиресту. Два других представителя авиакомпаний в комиссии сначала держались иной точки зрения: руководство аэропорта, говорили они, делает всё возможное в создавшихся чрезвычайных обстоятельствах. Капитан Димирест утверждал обратное. Наконец ему удалось склонить их на свою сторону, и было решено поручить Димиресту самому написать докладную, что он и сделал, не пожалев яда. Он даже не дал себе труда проверить факты, безоговорочно утверждая, что дело поставлено плохо — и всё: ну, чего ещё проверять, когда вокруг столько снега? Зато уж он постарался пошире разослать докладную, чтобы причинить максимум неприятностей Мелу Бейкерсфелду и как следует досадить ему. Как только докладная будет размножена, её направят вице-президентам всех авиакомпаний, а также в конторы авиакомпаний в Нью-Йорке и в других городах. Зная, как приятно найти козла отпущения и свалить на кого-то вину за неполадки, капитан Димирест был уверен, что телефоны и телетайпы сразу заработают, как только она поступит.

Словом, он отомстил своему родственничку, не без удовольствия подумал Вернон Димирест, — не бог весть как страшно, но всё же

отомстил. Теперь его хромоногий шурин дважды подумает, прежде чем выступать против капитана Димиреста и Ассоциации пилотов гражданской авиации, как он это сделал публично две недели тому назад.

Капитан Димирест развернул свой «мерседес», аккуратно затормозил на стоянке у домов и вышел из машины. Оказывается, он приехал даже немного раньше — на четверть часа раньше, чем обещал Гвен заехать за ней. Тем не менее он решил к ней подняться.

Отпирая наружную дверь ключом, который дала ему Гвен, он вдруг заметил, что тихонько напевает про себя «O Sole Mio»,[1] и улыбнулся. А почему бы, собственно, и нет? Вполне подходящая песенка. Неаполь… тёплая южная ночь, а не снежная, вид на залив при свете звёзд, тихие звуки мандолины, «кьянти» за ужином и рядом — Гвен. И от всего этого его отделяют какие-то двадцать четыре часа. Естественно, что он поёт «O Sole Mio».

И, поднимаясь в лифте, он продолжал напевать. Тут ему вспомнилось ещё одно приятное обстоятельство: его ожидал очень лёгкий полёт.

Хотя капитан Димирест и был командиром экипажа, которому предстояло вылететь в рейс номер два «Золотой Аргос», делать ему сегодня почти ничего не придётся. На этот раз он полетит в качестве пилота-контролёра. Самолёт же поведёт другой пилот — Энсон Хэррис, по рангу почти равный Димиресту. Это он будет сегодня сидеть в командирском кресле слева. А Димирест будет сидеть справа — там, где обычно сидит первый пилот, — и наблюдать за действиями Хэрриса, чтобы потом доложить, как он справился с полётом.

Хэррису был назначен контрольный полёт в связи с тем, что «Транс-Америка» решила перевести его с внутренних линий на международные. Однако прежде он должен был совершить два полёта за океан с пилотом, имеющим ранг инструктора. А Вернон Димирест как раз имел этот ранг.

После того как Хэррис совершит два полёта — а сегодняшний был вторым по счёту, — его проэкзаменует старший пилот, и лишь потом ему доверят международный рейс.

В подобного рода полётах — равно как и во время контрольных полётов, которые регулярно, каждые полгода, обязаны совершать все пилоты всех авиакомпаний, — проводилась тщательная проверка навыков поведения в воздухе и умения летать. Испытания проходили на обычных рейсовых самолётах, и пассажиры могли догадаться об этом, лишь увидев двух капитанов с четырьмя нашивками на рукаве, сидящих в пилотской кабине.

Хотя пилоты по очереди проверяли друг друга, они обычно серьёзно и

требовательно подходили к делу. Так они сами хотели. Слишком многое ставилось на карту — и человеческие жизни, и собственная квалификация, — чтобы из дружеских чувств не хвалить друг друга и не прощать друг другу промахов. Пилот, проходивший проверку, знал, что его действия должны во всём отвечать стандарту. И если он в чём-то этому стандарту не соответствовал, на него поступал неблагоприятный отзыв, что могло повлечь за собой более строгую проверку со стороны старшего пилота авиакомпании, от которого уже зависело, оставить или уволить испытуемого.

Не давая испытуемым никаких поблажек, коллеги, однако, относились к ним с подчёркнутым уважением. Все — кроме Вернона Димиреста.

Димирест же относился ко всем пилотам, проходившим у него испытание, как учитель к провинившимся школьникам, которых надо распечь. Более того: в роли такого школьного учителя Димирест держался неизменно официально, был высокомерен, резок и жесток. Он не скрывал своей убеждённости в том, что никто не может сравниться с ним в искусстве пилотирования. Коллеги, которым приходилось всё это выносить, внутренне кипели от негодования, но выхода не было, и они подчинялись. Зато потом они клялись друг другу, что, когда наступит черёд Димиреста проходить проверку, они будут так придираться к нему, так его третировать, что он не обрадуется. И они старались выполнить свою угрозу — вот только результат всегда был один и тот же: Вернон Димирест безукоризненно вёл самолёт и придраться ни к чему не удавалось.

Вот и сегодня, перед контрольным полётом, Димирест, следуя обычной линии поведения, позвонил Энсону Хэррису домой.

— Вечером будет трудно ехать, — без всякого вступления сказал Димирест. — Я люблю, чтобы мой экипаж был вовремя на месте, и прошу вас выехать заблаговременно в аэропорт. — Энсон Хэррис, который за двадцать два года безупречной службы ни разу не опоздал на работу, едва не задохнулся от возмущения. К счастью, прежде чем он сумел выдавить из себя хоть слово, капитан Димирест повесил трубку.

Всё ещё внутренне негодуя, но не желая дать повод Димиресту в чём-либо его упрекнуть, капитан Хэррис прибыл в аэропорт не за час до вылета, как предписывалось, а почти за три часа. Капитан Димирест увидел его в «Кафе заоблачных пилотов», куда он зашёл после схватки с комиссией по борьбе с заносами. Димирест был в твидовом пиджаке и брюках — форменный костюм, как всегда, висел у него в шкафчике, и он намеревался переодеться позже. А капитан Хэррис, уже немолодой мужчина с проседью, пилот-ветеран, которого молодёжь именовала не иначе, как

«сэр», был в форме «Транс-Америки».

— Привет, Энсон! — Вернон Димирест опустился рядом с ним на табурет у стойки. — Я вижу, вы послушались моего доброго совета.

Капитан Хэррис крепче сжал чашку с кофе, но в ответ сказал только:

— Добрый вечер, Вернон.

— Подготовка к полёту начнётся на двадцать минут раньше обычного, — предупредил его Димирест. — Я хочу проверить, в порядке ли у вас бортовой журнал и на месте ли все инструкции.

Какое счастье, подумал Хэррис, что жена только вчера проверила инструкции и внесла туда последние изменения. Но ещё надо будет просмотреть в экспедиции почту, не то этот мерзавец может потом поставить ему в вину, что он не исправил какой-то пункт, текст которого был утверждён только сегодня. Чтобы чем-то занять руки и успокоиться, капитан Хэррис набил трубку и закурил.

Он почувствовал на себе критический взгляд Димиреста.

— У вас неформенная рубашка.

На секунду Хэррис не поверил, что его коллега говорит это всерьёз. Но когда понял, что тот и не думает шутить, лицо его стало цвета спелой сливы.

Форменные рубашки вызывали крайнее раздражение у пилотов не только «Транс-Америки», но и других авиакомпаний. Рубашки эти приобретались у поставщиков авиакомпании и стоили девять долларов; они были плохо сшиты, притом из материала весьма сомнительного качества. В обычном же магазине можно было купить рубашку куда лучше и дешевле, причём по виду она почти не отличалась от форменной. Многие пилоты ходили поэтому в неформенных рубашках. В том числе и Вернон Димирест. Энсон Хэррис не раз слышал, как презрительно отзывался Димирест о рубашках, поставляемых компанией, и противопоставлял им те, которые носил сам.

Димирест велел официантке подать кофе и примирительно сказал Хэррису:

— Ничего страшного. Я не напишу в рапорте о том, что видел вас в неформенной рубашке. Только переоденьтесь до того, как явитесь на мой корабль.

«Сдержись! — сказал себе Энсон Хэррис. — Великий боже, дай мне силы! Только бы не сорваться — ведь именно этого добивается, сукин сын. Но почему? Почему?»

Ладно. Ладно, решил он про себя: он проглотит обиду, сменит рубашку и наденет форменную. Он не даст Димиресту повода упрекнуть его хоть в

чём-то — пусть даже в самой малости. Правда, не так-то просто будет добыть сегодня форменную рубашку. Наверно, придётся одолжить её — поменяться с кем-нибудь из капитанов или первых пилотов. Когда он скажет, зачем ему это нужно, никто не поверит. Он сам еле поверил своим ушам.

Ну, ничего, у Димиреста тоже будет контрольный полёт… *и пусть он поостережётся… и в очередной раз, и во все последующие*. У Энсона Хэрриса немало хороших друзей среди старших пилотов. И уж он позаботится о том, чтобы Димиреста заставили надеть форменную рубашку, заставили следовать правилам во всём — во всём, вплоть до мелочей… А не то… Эта хитрая сволочь ещё попомнит его, — мрачно подумал Хэррис. Уж он постарается, чтобы попомнил.

— Эй, Энсон! — В голосе Димиреста звучал смешок. — Вы сейчас откусите мундштук у своей трубки.

Ведь и в самом деле чуть не откусил.

Вспомнив сейчас эту сцену, Вернон Димирест хмыкнул. Да, полёт будет лёгкий — для него.

Лифт остановился на четвёртом этаже, и мысли Димиреста вернулись к настоящему. Он вышел в коридор, застланный ковром, и уверенно свернул налево — к квартире, которую Гвен Мейген занимала вместе со стюардессой «Юнайтед Эйрлайнз». Димирест знал от Гвен, что её соседки не будет дома — она улетела в ночной рейс. Он по обыкновению отстучал на звонке свои инициалы азбукой Морзе — точка-точка-точка-тире тире-точка-точка, — затем вошёл, воспользовавшись тем же ключом, которым отпер дверь подъезда.

Гвен была в душе. Он услышал шум воды. Когда он подошёл к двери её спальни, она окликнула его: «Вернон, это ты?» Даже сейчас, перекрывая шум душа, голос её звучал мягко и мелодично. И Димирест подумал: «Не удивительно, что Гвен имеет такой успех у пассажиров». Он сам видел, как они буквально тают — особенно мужчины, — когда она с присущим ей обаянием обращается к ним.

Он крикнул в ответ:

— Да, крошка.

Её тонкое бельё лежало на постели: нейлоновые трусики; прозрачный лифчик телесного цвета и такого же цвета пояс с резинками; комбинация из французского шёлка с ручной вышивкой. Гвен носила обычную форму, но любила, чтобы под ней было дорогое бельё. Кровь быстрее побежала по жилам Димиреста, и он нехотя отвёл глаза от соблазнительных вещиц.

— Я рада, что ты пришёл пораньше, — снова крикнула она. — Мне

хотелось поговорить с тобой до полёта.

— Отлично — время у нас есть.

— Если хочешь, можешь пока приготовить чай.

— О'кей.

Она приучила Вернона к английской манере пить чай в любое время дня, хотя прежде, до их знакомства, он вообще не любил чай. А теперь он так к нему пристрастился, что даже пил чай дома; это крайне удивляло Сару, особенно когда он требовал, чтобы чай был заварен по всем правилам, как учила его Гвен: сначала нагреть чайник, потом кипящей водой заливать чай.

Он прошёл в крошечную кухоньку, где ему было всё знакомо, и поставил чайник на конфорку. Потом отыскал в холодильнике пакетик молока, вылил его в молочник, отпил немного сам, а остальное поставил обратно. Он, конечно, предпочёл бы виски с содовой, но, как большинство пилотов, уже за сутки до полёта не брал в рот ни капли спиртного. По привычке он посмотрел на часы — было без трёх минут восемь. И он машинально подумал о том, что в аэропорту сейчас уже кипит работа и какие-то люди готовят для него элегантный, рассчитанный на больший расстояния «боинг-707», на котором он будет совершать свой пятитысячемильный полёт в Рим.

В ванной закрыли кран, вода перестала литься. И в наступившей тишине Димирест снова стал весело напевать: «O Sole Mio».

7

Резкий, холодный ветер по-прежнему бушевал над аэропортом, по-прежнему валил густой снег.

Сидя в своей машине, Мел Бейкерсфелд вдруг снова почувствовал озноб. Полоса три-ноль и застрявший на ней самолёт остались позади; теперь Мел направлялся к полосе один-семь, левой, по которой только что прошли снегоочистители. Откуда этот озноб? — подумал он. Дают себя знать холод и боль в покалеченной ноге или это опять предчувствие беды, которое возникло у него недавно?

Ногу Мел повредил себе шестнадцать лет назад у берегов Кореи, когда служил в морской авиации и летал с авианосца «Эссекс». Тогда, за полсуток до рокового вылета (он это отчётливо помнил), у него возникло предчувствие беды. Это не был страх — подобно многим своим коллегам, он научился жить рядом с опасностью, — а скорее подсознательная уверенность в том, что на него надвигается что-то неотвратимое и это может кончиться гибелью для него. На другой день в бою с МИГ-15 самолёт Мела подстрелили над морем.

Он сумел немного спланировать, но левая нога у него попала под педаль и там застряла. Самолёт быстро погружался в воду — он шёл ко дну со скоростью кирпича, — и Мел, выхватив охотничий нож, в последнем, отчаянном усилии полоснул по педали и по ноге. Уже под водой ему каким-то чудом удалось высвободить ногу. И он вынырнул, преодолевая адскую боль.

Целых восемь часов его носило по волнам, и он уже начал терять сознание, когда его подобрали. Потом он узнал, что перерезал себе сухожилия, и нога у него перестала сгибаться в щиколотке.

Со временем флотские медики подлечили ему ногу, но с тех пор Мел уже не летал. Правда, боль время от времени вдруг возвращалась, всякий раз напоминая о том, как много лет назад инстинкт предупреждал его о надвигавшейся беде. Вот такое же предчувствие появилось у него и теперь.

Осторожно ведя машину, чтобы не сбиться в темноте с пути, Мел продвигался к полосе один-семь, левой. По словам руководителя полётов, именно эта полоса будет нужна диспетчерам, когда переменится ветер, а он, судя по прогнозам, должен был вот-вот перемениться.

В настоящее время в аэропорту пользовались двумя полосами — два-пять и один-семь, правой. А всего взлётно-посадочных полос было пять. И

здесь, на этих полосах, вот уже три дня и три ночи буран давал аэропорту жестокий бой.

Самой длинной и широкой была полоса три-ноль, перекрытая «боингом» компании «Аэрео-Мехикан». (Если ветер изменится и самолёт будет подлетать с противоположной стороны, её можно заменить полосой один-два.) Она была почти в две мили длиной и шириной с городской квартал; в аэропорту шутили, что с одного её конца не видно другого, потому как Земля-то ведь круглая.

Остальные четыре полосы были на полмили короче и гораздо уже.

С тех пор как начался снегопад, все полосы непрерывно расчищали, освобождали от снега, подметали и посыпали песком. Машины — с ревущими дизелями стоимостью в несколько миллионов долларов — останавливались лишь для заправки или смены обслуживающего персонала. Этой работы никто из пассажиров не видел, потому что самолёты выпускали уже на расчищенную полосу и притом лишь после того, как её поверхность была осмотрена и признана безопасной. На этот счёт существовали очень строгие правила. Полдюйма твёрдого снегового покрова или три дюйма пушистого снега — максимум, что разрешалось оставлять на полосе, используемой реактивными самолётами. Если оставить более толстый покров, снег будет всосан двигателями и они могут заглохнуть.

А жаль, подумал Мел Бейкерсфелд, что снегоуборочные команды не работают на глазах у публики. Зрелище это было грандиозное и захватывающее. Даже сейчас, в буран, в темноте, вид движущихся машин производил внушительное впечатление. Каскады снега гигантской дугой низвергались с высоты ста пятидесяти футов. Они сверкали и переливались в лучах фар и двадцати вращающихся прожекторов, установленных на крышах машин.

В аэропорту эту снегоуборочную команду называли «Анакондой».

У неё была голова, хвост, туловище и все аксессуары змеи, и продвигалась она вперёд, извиваясь, словно в танце.

Во главе ехал «лидер», старший техник аэропортовских служб на легковой машине — ярко-жёлтой, как и все остальные машины «Анаконды». «Лидер» устанавливал скорость движения, которая обычно была довольно большой. В его распоряжении имелось два радиопередатчика, и он поддерживал постоянную связь с пультом управления снежной командой и с диспетчерской. С помощью системы световых сигналов он общался с теми, кто следовал за ним: зелёный сигнал — «набрать скорость», жёлтый — «так держать», красный — «сбавить

скорость», а многократное повторение красного сигнала означало «стоп». «Лидер» обязан был знать назубок всю карту аэропорта и уметь ориентироваться даже в такую тёмную ночь.

За «лидером» — так в оркестре после дирижёра идёт концертмейстер — следовал снегоочиститель номер один; сегодня это был гигант «ошкош» с огромным ножом впереди и другим ножом поменьше — сбоку. Чуть позади и правее снегоочистителя номер один шёл снегоочиститель номер два. Первый снегоочиститель отгребал снег в сторону; второй подбирал всё, что счищал первый, и, добавив своё, отгребал всю массу снега ещё дальше.

За снегоочистителями шёл «сноубласт» — шестьсот ревущих лошадиных сил. «Сноубласт» стоил шестьдесят тысяч долларов и был «кадиллаком» среди снегоочистительных машин. Мощными насосами он всасывал снег, который отгребали оба снегоочистителя, и выбрасывал его могучим каскадом за пределы взлётно-посадочной полосы.

Во втором эшелоне, ещё правее, шли два других снегоочистителя и второй «сноубласт».

За снегоочистителями и «сноубластами» шли грейдеры — пять в ряд — и ножами счищали все неровности, оставшиеся после снегоочистителей. За ножом у грейдеров были установлены крутящиеся щётки. Они подметали полосу, словно гигантская метла.

Следом шли машины с песком. Как только одиннадцать машин очищали от снега пространство, три огромных грузовика с бункерами вместимостью в четырнадцать кубометров каждый ровным слоем разбрасывали песок.

Песок здесь применялся не такой, как везде. Повсюду за пределами аэропорта — на шоссе, на городских улицах и площадях — к песку прибавляют соль, ускоряющую таяние льда. Но этого никогда не делают на поле. Соль разъедает металл, укорачивает его жизнь, а к самолётам относятся более бережно, чем к автомобилям.

Последним в «Анаконде» ехал «хвостовой Чарли» — младший техник на легковой машине. Его обязанностью было наблюдать за строем и подгонять отстающих. Он поддерживал радиосвязь с «лидером», которого подчас и не видел за пеленою снега, в темноте.

Кроме того, было ещё и «окружение»: резервный снегоочиститель — на случай, если какой-нибудь выйдет из строя; ремонтная машина с механиками; цистерны с бензином и дизельным топливом, а также вызываемый в определённое время по радио «пикап» с кофе и пончиками.

Мел дал газ, обогнал «окружение» и притормозил рядом с машиной

младшего техника. Его появление тотчас было замечено. Он услышал, как «лидер» сообщил по радио: «К нам подъехал мистер Бейкерсфелд».

«Анаконда» двигалась быстро — со скоростью сорока миль в час вместо обычных двадцати пяти. «Лидер» явно спешил, учитывая предполагаемую перемену ветра и необходимость в связи с этим срочно подготовить взлётно-посадочную полосу.

Переключив своё радио на волну наземной службы, Мел услышал, как «лидер» докладывает диспетчеру:

— …идём по полосе один-семь, левой, приближаемся к пересечению с полосой два-пять. Прошу разрешения пересечь.

Полоса два-пять действовала — на неё один за другим садились самолёты.

— Наземный диспетчер — «лидеру» «Анаконды»: остановитесь у пересечения. Два самолёта идут на посадку. Не разрешаю, повторяю: не разрешаю пересекать полосу. Подтвердите приём.

Диспетчер произнёс это таким тоном, словно просил прощения. Там, наверху, понимали, как трудно остановиться «Анаконде» и потом снова двинуться вперёд. Но приближавшиеся самолёты, по всей вероятности, снижались вслепую, по приборам, и уже шли на посадку — один за другим. В такую погоду только в случае крайней необходимости диспетчер мог приказать лётчику снова набрать высоту и сделать ещё один круг.

Мел увидел, как впереди вспыхнули и повелительно замигали красные огни: «Анаконда» сбавила скорость и замерла.

Младший техник, весёлый молодой негр, выпрыгнул из своей машины и подошёл к машине Мела. Когда он открыл дверцу, внутрь ворвался ветер — Мел почувствовал его, но не услышал свиста из-за работавших вхолостую дизелей. Младший техник пригнулся к самому уху Мела:

— Послушайте, мистер Би, хотите прокатиться с нами? Я тогда велю кому-нибудь из ребят присмотреть за вашей машиной.

По лицу Мела расплылась улыбка. Все в аэропорту знали, как он любил в свободную минуту посидеть за баранкой тяжёлой машины. «А почему бы и нет?» — подумал Мел. Ведь он выехал на поле для того, чтобы проверить, как убирают снег и соответствует ли это докладной Вернона Димиреста. Теперь ему было ясно, что докладная — сплошная выдумка и всё идёт как надо. Но, может быть, не мешает ещё немного задержаться и понаблюдать «изнутри».

Он кивнул в знак согласия и крикнул:

— О'кей, я поеду на втором «сноубласте».

— Отлично, сэр!

Младший техник включил ручной фонарик и, сгибаясь под напором ветра, пошёл впереди Мела мимо застывших в неподвижности грузовиков с песком и щёток. Мел заметил, что на полосе, расчищенной всего несколько минут назад, уже снова лежит снег. Сзади, с ремонтного грузовика, соскочил человек и бегом направился к машине Мела.

— Поторапливайтесь, мистер Би. Остановка короткая. — Молодой негр посветил фонариком, пока Мел лез наверх. А там, наверху, в кабине «сноубласта», водитель уже поджидал его, распахнув дверцу. Где-то на полпути острая боль в покалеченной ноге вдруг пронзила Мела, но времени пережидать её не было.

Впереди красные огни сменились зелёными: очевидно, оба самолёта сели и прокатили мимо пересечения. «Анаконде» надо было спешить, чтобы пройти через полосу до посадки очередного самолёта, а это могло произойти через минуту или две. Обернувшись, Мел увидел, как младший техник помчался к своему «хвостовому Чарли».

«Сноубласт» уже двинулся и с глухим рёвом набирал скорость. Шофёр бросил искоса взгляд на Мела, опустившегося рядом с ним на одно из двух сидений с мягкой обивкой.

— Здравствуйте, мистер Бейкерсфелд.

— Как дела, Вилл? — Мел сразу узнал в шофёре клерка, который обычно выдавал жалованье в аэропорту.

— Отлично, сэр. Немного устал только.

Он старательно держал дистанцию между своей машиной и третьим и четвёртым снегоочистителями: прожектора на них были отсюда еле видны. Огромные полукруглые ножи «сноубласта» уже заработали, сгребая снег и направляя его к всасывающему устройству. Белый фонтан взвился вверх и, образуя стройную арку, упал за пределами полосы.

Здесь, наверху, было такое ощущение, точно ты находишься на капитанском мостике. Шофёр, совсем как рулевой, легко держал баранку. На панели перед ним мерцало в темноте множество разных дисков и кнопок. Как и на корабле, стремительно двигались скоростные «дворники», расчищая веером налипший на стекло снег и обеспечивая ясную видимость.

— Все, конечно, устали, — заметил Мел. — В утешение могу лишь сказать, что всю жизнь так не будет.

Несколько лет назад в такую снежную бурю аэропорт наверняка бы закрыли. А сейчас он мог работать главным образом потому, что наземная техника — правда, только в этой области — шла в ногу с прогрессом в воздухе. Но много ли таких примеров? Мел мрачно вынужден был

признать, что немного.

— А впрочем, — нарушил молчание шофёр, — неплохо оставить на время счётную машину и поработать на этой; к тому же — чем дольше продержится такая погода, тем больше сверхурочных я получу. — Он нажал на кнопку, и кабина накренилась вперёд, давая ему возможность проверить, как работают ножи. С помощью другой кнопки он слегка изменил их положение и затем выровнял кабину. — Я ведь не обязан этим заниматься — вы это знаете, мистер Бейкерсфелд. Я добровольно сюда пошёл. Мне здесь нравится. Тут как-то… — Он помедлил. — Сам не знаю.

— Ближе к природе? — подсказал Мел.

— Да, пожалуй. — Шофёр рассмеялся. — Может, я снег люблю.

— Да нет, Вилл, не думаю.

Мел повернулся и стал смотреть вперёд — по направлению движения «Анаконды». Да, стихия разбушевалась вовсю. И всё-таки он любил здесь бывать, пожалуй, потому, что на поле, среди этого огромного пустого пространства, когда ты совсем один, чувствуешь себя как-то ближе к полёту — полёту настоящему, в простейшем смысле этого слова, когда человек вступает в борьбу со стихией. А когда слишком долго сидишь в аэропорту или в конторе авиакомпании, утрачиваешь это чувство — тебя захлёстывают вещи второстепенные, не имеющие к авиации отношения. Наверно, всем нам, авиационным чиновникам, подумал Мел, надо время от времени выходить на поле — встать в дальнем конце взлётно-посадочной полосы и почувствовать, как ветер сечёт лицо. Тогда легче нам будет отделить побочное от главного. Да и мозги проветрятся.

Мел нередко выходил вот так на поле, когда ему нужно было подумать, спокойно что-то взвесить наедине с собой. Он не намеревался заниматься этим сегодня, но вдруг обнаружил, что мысль сама заработала: он думал, как это часто бывало с ним в последние дни, о будущем аэропорта и о своём собственном.

8

Всего лет пять тому назад аэропорт Линкольна считался одним из лучших и самых современных в мире. Им восторженно любовались многочисленные делегации, политические деятели с гордостью говорили о нём и чванливо утверждали, что это «последнее слово в авиации» и «символ реактивной эпохи». Политические деятели и сегодня с гордостью говорили о нём, но уже с меньшими основаниями. Большинству из них было невдомёк, что международный аэропорт Линкольна, как и очень многие другие крупные аэропорты, быстро превращался в «гроб повапленный».

Мелу Бейкерсфелду пришло на ум это выражение, когда он ехал в темноте по левой полосе один-семь. Очень точное определение, подумал он. У аэропорта были серьёзные, коренные недостатки, но они находились вне поля зрения публики — только люди причастные знали о них.

Путешественники и посетители международного аэропорта Линкольна видели главным образом основной пассажирский зал — ярко освещённый, снабжённый кондиционерами «Тадж-Махал». Аэровокзал из сверкающего стекла и хрома был просторен и производил внушительное впечатление. Разветвляющиеся коридоры вели в элегантные залы ожидания. Целая сеть служебных помещений окружала пространство, отведённое для пассажиров. В аэровокзале было шесть специализированных ресторанов — начиная от зала, где подавались изысканнейшие блюда на фарфоровых тарелках с золотой каймой, и кончая стойками, где можно на ходу съесть сосиски. Много было баров с притемненным уютным освещением, и других, освещённых неоном, где пьют стоя; много было туалетов. Дожидаясь своего рейса, пассажир мог, не покидая аэровокзала, купить всё необходимое, снять комнату в гостинице или койку, сходить в турецкую баню с массажистом, постричься, отутюжить костюм, вычистить ботинки и даже умереть и быть похороненным фирмой «Бюро святого духа», которая имеет своё отделение на нижнем этаже.

Аэровокзал до сих пор выглядел весьма внушительно. Недостатки начинались там, где начиналась собственно авиация, и касались они прежде всего взлётно-посадочных полос и рулёжных дорожек.

Лишь немногие из восьмидесяти тысяч пассажиров, которые ежедневно прилетали и улетали с этого аэродрома, представляли себе, насколько всё здесь несовершенно — и, следовательно, опасно для жизни.

Уже год назад взлётно-посадочных полос и рулёжных дорожек едва хватало для приёма и отправки самолётов, а сейчас они были перегружены сверх меры. В обычное время на двух главных полосах самолёты взлетали и садились через каждые тридцать секунд. Учитывая жалобы жителей Медоувуда и желание руководства аэропорта пойти им навстречу, приходилось в часы «пик» пользоваться полосой, пересекавшей одну из этих двух. В результате самолёты взлетали и садились на пересекавшихся полосах, и бывали минуты, когда воздушным диспетчерам оставалось лишь затаить дыхание и молиться, чтобы ничего не произошло. Всего неделю назад Кейз, брат Мела, мрачно предрёк:

«Ну, хорошо, мы в диспетчерской лезем из кожи вон и разводим самолёты, когда они буквально на волоске от столкновения, так что пока никакой аварии на этом пересечении не произошло. Но рано или поздно у кого-нибудь из нас на секунду отключится внимание или кто-то что-то неправильно вычислит — и тогда, столкновение неизбежно. Я только молю бога, чтобы это случилось не в моё дежурство и не у меня, потому что случись такое, авария будет не меньшая, чем в Большом каньоне».

Кейз имел в виду как раз то пересечение полос, которое только что миновала «Анаконда». Мел снова посмотрел из кабины «сноубласта» назад. «Анаконда» проехала пересечение, и сквозь поредевший на миг снегопад Мел увидел, как на полосе мелькнули навигационные огни стремительно взлетавшего самолёта, А в нескольких ярдах позади — Мел глазам своим не поверил — уже надвигались огни другого самолёта, который сел, казалось, в ту же секунду.

Шофёр «сноубласта» тоже оглянулся. И присвистнул.

— Ого, эти двое чуть не столкнулись!

Мел кивнул. Самолёты действительно были так близки к столкновению, что у него даже холодок пробежал по коже. Должно быть, диспетчер, дававший указания пилотам обеих машин, предельно сократил допуск. Опытный диспетчер всё правильно рассчитал, но это был риск. Сейчас оба самолёта были уже вне опасности: один — в воздухе, другой — на земле. Но то, что диспетчерам частенько приходилось принимать подобные решения, создавало атмосферу постоянной нервотрёпки.

Мел неоднократно указывал на это Совету уполномоченных и городским боссам, от которых зависит финансирование аэропорта. Он не только ратовал за то, чтобы немедленно приступить к строительству дополнительных взлётно-посадочных полос и рулёжных дорожек, но и убеждал прикупить земли вокруг аэропорта, чтобы постепенно его расширить. Это вызывало бесконечные дискуссии, а порой весьма горячие

споры. Некоторые члены Совета уполномоченных и руководители города смотрели на дело так же, как Мел, но были и такие, которые резко выступали против. Трудно было убедить людей в том, что аэропорт, построенный для реактивных самолётов в конце пятидесятых годов, мог так быстро устареть и что его эксплуатация в таком виде, как сейчас, чревата опасностью для жизни людей. Никого не интересовало то, что так же обстояли дела и в других аэропортах — в Нью-Йоркском, Сан-Францисском, Чикагском и прочих, — политики просто не желали ничего об этом знать.

Мел подумал: может быть, Кейз и прав. Возможно, нужна крупная катастрофа, чтобы общественное мнение всполошилось, как это было в 1956 году, когда произошла авария в Большом каньоне, заставившая президента Эйзенхауэра и конгресс 85-го созыва выделить ассигнования для починки вентиляции в туннелях. Как ни странно, деньги на всякие улучшения, не связанные с оперативной деятельностью, можно было почти всегда получить. Так, например, предложение построить трёхэтажные гаражи мгновенно было одобрено городскими заправилами. Ещё бы: ведь гаражи — это нечто, так сказать, зримое и осязаемое для широкой публики, иными словами, для избирателей. А вот взлётно-посадочные полосы и рулёжные дорожки — другое дело. Каждая новая полоса стоит несколько миллионов долларов, и на строительство её требуется два года, но лишь немногие, кроме пилотов, диспетчеров и руководства аэропорта, знают, в каком состоянии — хорошем или плохом — находится та или иная полоса.

Так или иначе, в аэропорту Линкольна дело скоро дойдёт до точки. Должно дойти. За последние месяцы Мел всё чаще и чаще наблюдал симптомы, указывавшие на приближение критической минуты, и знал, что, когда час пробьёт, придётся решать: либо усиленно развивать наземные сооружения в соответствии с прогрессом в воздухе, либо сидеть сложа руки и смотреть, как другие опережают тебя. В авиации статус-кво не бывает.

Ко всему этому примешивалось ещё одно обстоятельство.

С будущим аэропорта было связано будущее самого Мела. Каким будет аэропорт, таким и престиж Мела в глазах тех, с чьим мнением приходилось считаться.

Ещё совсем недавно все знали Мела Бейкерсфелда как человека, активно выступавшего за логическое развитие наземных сооружений в аэропортах; о нём говорили как о многообещающем молодом даровании в руководстве авиацией. Потом случилась беда, и всё изменилось. С тех пор прошло четыре года, и будущее Мела в глазах других людей — да и в его собственных — уже не было столь ясным и безоблачным.

Событием, столь резко повлиявшим на судьбу Мела, было убийство Джона Ф. Кеннеди.

— Вот и конец полосы, мистер Бейкерсфелд. Вы поедете с нами назад или останетесь? — прервал размышления Мела голос шофёра «сноубласта».

— Что вы сказали?

Шофёр повторил вопрос. Впереди снова замигали красные огни, и «Анаконда» остановилась. Правая половина полосы была очищена от снега. Теперь «Анаконда» развернётся и поедет назад, чтобы расчистить левую половину. Со всеми остановками «Анаконде» требуется от сорока пяти минут до часа, чтобы очистить от снега и посыпать песком одну полосу.

— Нет, — сказал Мел. — Я здесь выйду.

— Есть, сэр.

Шофёр посигналил светом машине младшего техника, и тот сейчас же помчался куда-то. Когда Мел спустился со «сноубласта», его машина уже стояла рядом. С других снегоочистителей и грузовиков тоже спрыгивали люди и бежали к «пикапу» с кофе.

Возвращаясь к аэровокзалу, Мел связался по радио с пультом управления снежной командой и подтвердил Дэнни Фэрроу, что полоса один-семь, левая, скоро войдёт в строй. Потом переключил радио на наземного диспетчера, приглушив звук, — голоса звучали глухо, неразборчиво, не нарушая хода его мыслей.

Когда он сидел в кабине «сноубласта», ему вспомнилось то, что так сильно повлияло на весь ход его жизни.

Было это четыре года тому назад.

Да, уже целых четыре года, с удивлением подумал Мел, прошло с того серого ноябрьского дня, когда он почти машинально, едва понимая, что делает, придвинул к себе стоявший на его столе переносный микрофон — микрофон, которым он редко пользовался и который перекрывал все остальные в аэровокзале, — и, врезавшись в сообщение о прилёте какого-то самолёта, громко объявил — голос его эхом прокатился по огромным залам, где тотчас наступила мёртвая тишина, — объявил всем страшную весть, которую лишь несколько секунд назад узнал из Далласа.

Он говорил, а сам смотрел на фотографию, висевшую на стене его кабинета, — фотографию с надписью: «Моему другу Мелу Бейкерсфелду, который, как и я, жаждет расширить тесные земные границы. Джон Ф. Кеннеди».

Фотографию эту он до сих пор хранит — как хранит многие

воспоминания.

Воспоминания начинались с того дня, когда Мел произнёс речь в Вашингтоне.

В ту пору Мел был не только управляющим аэропортом, но и президентом Совета руководителей аэропортов — самым молодым из всех, кто когда-либо возглавлял этот небольшой, но весьма влиятельный орган, объединяющий администрацию крупнейших аэропортов мира. Штаб-квартира Совета находилась в Вашингтоне, и Мел часто туда летал.

А речь свою он произнёс на Всеамериканском конгрессе по планированию.

Авиация, заявил тогда Мел, является единственной сферой, где с успехом может развиваться международное сотрудничество. Для неё не существует не только идеологических, но и географических границ. Давая возможность людям разных национальностей перемещаться по свету — при том, что стоимость билетов непрерывно снижается, — авиация на сегодняшний день является наиболее реальным средством познания мира, какое изобрёл человек.

Весьма существенную роль тут играет международная торговля. Переброска грузов по воздуху, уже и сейчас достигшая большого размаха, неизбежно будет возрастать. Новые гигантские реактивные самолёты, которые вступят в строй в семидесятых годах, будут самым быстрым и дешёвым средством для переброски грузов; через какие-нибудь десять лет океанские суда поставят в доки как музейные экспонаты: грузовые самолёты вытеснят их — так же, как пассажирские самолёты в своё время нокаутировали «Куин Мэри» и «Куин Элизабет». Возникнет новая торговая армада, которая будет циркулировать по всему миру, неся процветание ныне нищим странам. В техническом отношении, сказал тогда Мел, авиация сможет выполнять эту — и даже большую — роль ещё при жизни тех, кто сейчас уже вступил в зрелый возраст.

Однако, продолжал он, в то время как конструкторы самолётов ткут из тонких нитей мечты плотную ткань реальности, в строительстве наземных сооружений по большей части преобладает либо близорукость, либо неоправданная спешка. Аэропорты, взлётно-посадочные полосы, аэровокзалы созданы по требованиям вчерашнего дня, без всякой — за очень небольшим исключением — попытки предвидеть будущее. Короче говоря, темпы развития авиации либо недоучитываются, либо просто игнорируются. Аэропорты строятся по частям, как попало, в соответствии со вкусами тех или иных городских заправил. Как правило, основная часть средств тратится на аэровокзал, то есть на показуху, и меньшая — на

оперативные участки. Строительство аэропортов никем не координируется и не планируется — ни в национальном, ни в международном масштабе.

«Мы преодолели звуковой барьер, — сказал тогда Мел. — Но мы ещё не преодолели барьера наземного».

Он перечислил области, требующие особого изучения, и призвал к созданию международного органа по проектированию аэропортов — во главе с США и при благосклонном участии президента.

Его речь была встречена овацией — зал стоя аплодировал ему — и вызвала положительный отклик в самых разных кругах и таких газетах, как лондонская «Таймс», «Правда» и «Уолл-стрит джорнел».

На другой день Мел получил приглашение в Белый дом.

Президент принял его очень тепло. Между ними состоялась приятная, непринуждённая беседа в личном кабинете президента на втором этаже. Джон Ф. Кеннеди, как обнаружил Мел, разделял многие его взгляды.

За этой встречей последовали другие, иногда в присутствии «мозгового треста», то есть помощников Кеннеди, — в тех случаях, когда правительство собиралось рассматривать вопросы, связанные с авиацией. После нескольких таких совещаний в Белом доме, за которыми следовали неофициальные беседы с президентом, Мел вполне там освоился. Его отношения с Джоном Ф. Кеннеди, любившим окружать себя знающими, умными людьми, постепенно приобрели самый дружеский характер.

Примерно через год после первой встречи президент спросил Мела, что бы он сказал, если бы его поставили во главе Федерального управления авиации. После своего переизбрания — а это уже считалось делом решённым — Кеннеди намеревался передвинуть Хейлеби, тогдашнего главу Федерального управления авиации, на другой пост. Так вот, согласился бы Мел взять на себя проведение в жизнь тех мер, за которые он так ратовал, ещё не будучи у руководства? Мел сказал, что это было бы очень интересно, и, если ему сделают такое предложение, он не ответит отказом.

Слух об этом, без всякого участия Мела, тотчас распространился. Мела включили в круг «приближённых». И престиж его, уже и так достаточно высокий, ещё больше возрос. Совет руководителей аэропортов снова выбрал его президентом. Совет уполномоченных по его аэропорту основательно повысил ему жалованье. Не достигнув ещё и сорока, он уже стал Маленьким Роландом[2] в авиации.

А через полгода Джон Ф. Кеннеди отправился в своё роковое путешествие в Техас.

В первые минуты Мел был просто ошарашен вестью о гибели

президента; потом зарыдал, как дитя. И лишь позже он понял, что пули убийцы рикошетом сразили и многих других, в том числе его самого. Он обнаружил, что уже не является «своим» в Вашингтоне. Наджиб Хейлеби действительно ушёл из Федерального управления авиации на пост первого вице-президента «Пан-Американ», но Мел не был назначен на его место. К тому времени власть и влияние перешли к другим людям. Как узнал потом Мел, его имя даже не значилось среди кандидатов, предложенных президенту Джонсону на пост главы Федерального управления авиации.

Второй срок пребывания Мела на посту президента Совета руководителей аэропортов прошёл гладко и ровно, и его сменил очередной подающий надежды молодой человек. Поездки Мела в Вашингтон прекратились. Выступал он теперь только перед своими коллегами и в известном смысле воспринял эту перемену с облегчением. Дел в аэропорту у него стало много больше: объём воздушных перевозок резко возрастал. Он усиленно занимался планированием и отдавал немало сил Совету уполномоченных, пытаясь склонить его на свою сторону. Словом, забот хватало — и на работе и дома. Все дни его были заполнены до краёв.

И тем не менее его не покидало чувство, что он упускает время и возможности. Это чувствовали и другие. И Мел пришёл к выводу, что если не произойдёт какой-то коренной перемены, его карьера так и кончится на том, с чего началась.

— Диспетчерская — машине номер один: сообщите местонахождение. — Голос по радио резко вернул Мела к действительности, нарушив ход его мыслей.

Он повернул рычажок и ответил. Он подъезжал к главному зданию аэровокзала — огни его были уже отчётливо видны, несмотря на снегопад. Стоянки для самолётов, как он заметил, были по-прежнему забиты, а у галерей-гармошек, дожидаясь своей очереди, вытянулись вереницей прибывшие самолёты.

— Машина номер один, задержитесь, дайте пройти «Лейк-Сентрал», затем следуйте за ним.

— Говорит машина номер один. Вас понял.

Выждав две-три минуты, Мел въехал в подземный гараж аэровокзала.

Рядом с его «боксом» находилась запертая будка с внутренним телефоном. Мел открыл её своим ключом и набрал номер пульта управления снежной командой. Трубку снял Дэнни Фэрроу.

— Есть что-нибудь новое? — спросил Мел. — Как там обстоят дела с этим самолётом «Аэрео-Мехикан»?

— Всё так же, — ответил Дэнни Фэрроу. — А с КДП просили тебе

передать, что отсутствие в эксплуатации полосы три-ноль на пятьдесят процентов замедляет движение. И всякий раз, как над Медоувудом взлетает самолёт, оттуда поступают жалобы по телефону.

— Придётся медоувудцам потерпеть, — мрачно заметил Мел. Устроят они своё собрание или нет, а он ничего не может сделать, чтобы избавить их от шума. Куда важнее наладить нормальную работу аэропорта. — А где Патрони?

— Да всё там же. По-прежнему на шоссе.

— Но он всё же сумеет добраться?

— Ребята из «ТВА» говорят, что да. У него в машине есть телефон. Так что он поддерживает с ними связь.

— Поставь меня в известность, как только он появится, — распорядился Мел. — Где бы я ни был.

— Насколько я понимаю, ты будешь уже в городе.

Мел помолчал. Собственно, у него не было никаких оснований задерживаться дальше в аэропорту. И тем не менее предчувствие надвигающейся беды, возникшее на поле, почему-то не проходило. Он вспомнил о своём разговоре с руководителем полётов, о самолётах, дожидавшихся своей очереди, чтобы подойти к галереям-гармошкам. И неожиданно для себя решил:

— Нет, я не еду в город. Нам позарез нужна эта полоса, и я не тронусь с места, пока не буду точно знать, что Патрони прибыл и взялся за дело.

— В таком случае, — сказал Дэнни, — я советовал бы тебе сейчас же позвонить жене. Запиши номер.

Мел записал, опустил трубку на рычажок и тотчас набрал городской номер. Он попросил позвать Синди и после недолгой паузы услышал её резкий голос:

— Мел, почему тебя до сих пор нет?

— Извини, я задержался. У нас тут, в аэропорту, столько всяких дел. Такой буран, что…

— Чёрт бы тебя побрал, приезжай сюда и быстро!

Голос жены звучал приглушённо, и Мел понял, что рядом с ней кто-то есть. Тем не менее Синди сумела вложить в эти несколько слов достаточно злости.

Слушая голос жены, Мел иногда вспоминал ту Синди, какую он знал до женитьбы, пятнадцать лет назад. Ему казалось, что она была много мягче тогда. Ведь именно её мягкость, её женственность и покорили его, когда они встретились в Сан-Франциско, куда он приехал в отпуск из Кореи. Синди была актрисой на совсем маленьких ролях (её надежды стать

«звездой» не оправдались и явно не могли оправдаться). Ей поручали всё более и более скромные роли в летних программах и на телевидении, и впоследствии в минуту откровенности она призналась, что замужество явилось для неё счастливым выходом из положения.

С годами это получило несколько иное освещение, и Синди стала играть на том, что она-де пожертвовала ради Мела своей карьерой и отказалась от возможности выйти в «звёзды». Однако в последнее время Синди перестала упоминать о своём актёрском прошлом. Объяснялось это тем, что, как она вычитала в какой-то статье, опубликованной в «Городе и деревне», актрисы, за редким исключением, не числятся в «Справочнике именитых людей», а Синди больше всего на свете хотела видеть там своё имя.

— Я приеду, как только смогу, — сказал ей Мел.

— Это меня не устраивает, — безапелляционно заявила Синди. — Тебе уже давно следовало быть здесь. Ты же прекрасно знаешь, как важен для меня сегодняшний вечер, и ещё неделю назад твёрдо обещал быть.

— Неделю назад я понятия не имел, что разразится такой буран, какого мы шесть лет не видали. У нас вышла из строя очень важная взлётно-посадочная полоса, застрял самолёт — речь идёт о безопасности пассажиров.

— Но там же есть люди, которые на тебя работают! Или ты подобрал себе таких бестолковых помощников, что не можешь оставить их без присмотра?

— Они достаточно толковые, — с раздражением сказал Мел. — Но мне платят за то, чтобы я тоже что-то делал.

— Очень жаль, что только для меня ты ничего не желаешь делать. Не в первый раз я еду на важные для меня собрания, а ты мне всё портишь…

По этому вдруг обрушившемуся на него водопаду слов Мел чувствовал, что Синди вот-вот взорвётся. Он отчётливо представлял себе, как она стоит сейчас, выпрямившись, на высоких каблуках, решительная, энергичная, голубые глаза сверкают, светлая, тщательно причёсанная голова откинута назад, — она всегда была чертовски привлекательна, когда злилась. Должно быть, отчасти поэтому в первые годы брака Мела почти не огорчали сцены, которые устраивала ему жена. Чем больше она распалялась, тем больше его влекло к ней. В такие минуты Мел опускал глаза на ноги Синди — а у неё были удивительно красивые ноги и лодыжки, — потом взгляд его скользил вверх, отмечая всё изящество её ладной, хорошо сложённой фигуры, которая неизменно возбуждала его.

Он чувствовал, как между ними начинал пробегать ток, взгляды их

встречались, и они в едином порыве устремлялись в объятия друг друга. Тогда исчезало всё — гнев Синди утихал; захлёстнутая волною чувственности, она становилась ненасытной, как дикарка, и, отдаваясь ему, требовала: «Сделай мне больно, чёрт бы тебя побрал! Да сделай же мне больно!» А потом, вымотанные и обессиленные, они и не вспоминали о причине ссоры: возобновлять перебранку уже не было ни сил, ни охоты.

Так они не столько разрешали, сколько откладывали разрешение своих разногласий, которые — Мел понимал это уже тогда — носили отнюдь не шуточный характер. И с годами, по мере того как остывала страсть, они стали всё больше отдаляться друг от друга.

Затем уже и физическая близость перестала быть панацеей, а в последний год супружеские отношения между ними вообще почти прекратились. Собственно, Синди, которая всегда отличалась изрядным аппетитом в постели, каковы бы ни были отношения между ними, в последние месяцы, казалось, утратила всякий интерес к плотским радостям. Мела это удивляло. Не завела ли она себе любовника? Вполне возможно, и в таком случае Мелу следовало бы на это реагировать. Но самое печальное заключалось в том, что ему легче было ничего не замечать.

Тем не менее бывали минуты, когда вид разгневанной Синди или звук её повелительного голоса по-прежнему возбуждали его, вызывая желание. Вот и сейчас, слушая, как она честит его по телефону, он почувствовал знакомое волнение.

Улучив удобный момент, он сумел вставить:

— Это неправда, я вовсе не стремлюсь портить тебе удовольствие. Как правило, я всегда езжу, куда ты хочешь, даже если считаю, что это не так уж важно. Мне, например, куда больше хотелось бы проводить вечера дома с детьми.

— Пустая болтовня, — отрезала Синди. — И ты это прекрасно знаешь.

Он почувствовал, как весь напрягся, и рука его крепче сжала телефонную трубку. Затем подумал: а ведь, пожалуй, она права — в известной мере. Ещё сегодня вечером он сам напомнил себе о том, что иной раз задерживается в аэропорту, когда мог бы поехать домой, — задерживается только потому, что ему хочется избежать очередной ссоры с Синди. Разве в таких случаях он учитывал интересы Роберты и Либби, — впрочем, никто, наверное, не считается с интересами детей, когда брак трещит по всем швам. Не надо было ему сейчас говорить Синди о них.

Но сегодня-то дело было не в этом. Он должен оставаться в аэропорту, по крайней мере, до тех пор, пока не будет уверен, что блокированной

полосой занялись всерьёз.

— Послушай, — сказал Мел, — давай уточним одно обстоятельство. Я этого не говорил тебе до сих пор, но в прошлом году я сделал кое-какие подсчёты. Ты просила меня пойти с тобой на пятьдесят семь благотворительных сборищ. Мне удалось пойти на сорок пять, хотя сам бы я, конечно, никогда на них не пошёл. Согласись, что процент получается не такой уж плохой.

— Мерзавец! Что ты там считаешь — я же не в кегли с тобой играю! Всё-таки я твоя жена.

— Полегче на поворотах! — оборвал её Мел. И, чувствуя, как и в нём закипает гнев, добавил: — Кстати, позволь тебе заметить, что ты повысила голос. Или ты хочешь, чтобы все эти милые люди, которые тебя окружают, узнали о том, как ты командуешь мужем?

— А мне плевать! — Но произнесла она это всё же гораздо тише.

— Я прекрасно знаю, что ты моя жена, и потому намерен приехать туда, к тебе, как только смогу. — Интересно, подумал Мел, что бы произошло, если бы Синди сейчас находилась рядом и он мог бы обнять её? Ожила бы старая магия? Пожалуй, нет, решил он. — Так что займи мне место и скажи официанту, чтобы он подержал мой суп на огне. Кроме того, извинись и объясни, почему я задерживаюсь. Я полагаю, кое-кто там, наверно, всё-таки слышал, что существует такая вещь, как аэропорт… Кстати, — внезапно вспомнил он, — а по какому поводу сегодня сборище?

— Я же объясняла тебе на прошлой неделе.

— Ну так скажи ещё раз.

— Коктейль и ужин в рекламных целях — для костюмированного бала, который в будущем месяце проводит фонд помощи детям Арчидоны. Присутствует пресса. Будут снимать.

Теперь Мел понял, почему Синди так хотела, чтобы он приехал побыстрее. При нём у неё больше шансов попасть в объектив фотоаппарата, а затем — и на светскую страничку завтрашней газеты.

— Все остальные члены нашего комитета уже здесь, — добавила Синди, — и почти все с мужьями.

— Но не все?

— Я же сказала: почти все.

— И ты ещё сказала, что это в фонд помощи детям Арчидоны?

— Да.

— Какой Арчидоны? Есть два таких города: один в Эквадоре, другой в Испании. — В колледже Мел увлекался географией, а память у него была хорошая.

Впервые Синди ответила не сразу.

— Ну какое это имеет значение? — с досадой сказала она. — Сейчас не время для идиотских вопросов.

Мел едва удержался, чтобы не расхохотаться. Так, значит, Синди не знает! Ну, конечно, в этом благотворительном мероприятии её интересовало не то, ради чего оно затевается, а кто его затевает.

И он спросил лукаво:

— И сколько писем ты рассчитываешь получить после сегодняшнего вечера?

— Не понимаю.

— Ну что ты, отлично понимаешь.

Человеку, желавшему попасть в «Справочник именитых людей», надо было представить восемь рекомендательных писем от лиц, уже фигурировавших в нём. В последний раз Мел слышал, что Синди набрала четыре.

— Честное слово, Мел, если ты скажешь что-либо подобное — сегодня или вообще когда-нибудь…

— А эти письма будут бесплатные или ты собираешься платить за них, как за два предыдущих? — Он чувствовал, что взял над ней верх. А это бывало редко.

— Это грязная инсинуация, — возмущённо заявила Синди. — Как можно купить себе право на…

— Чушь собачья! — сказал Мел. — Ведь у нас с тобой общий счёт, и мне пересылают все оплаченные чеки. Ты что — забыла?

Наступило молчание.

— Слушай меня! — заявила Синди тихо, звенящим от злости голосом. — Я советовала бы тебе приехать сюда, и побыстрее. Если ты не приедешь или приедешь и будешь ставить меня в глупое положение какими-нибудь своими идиотскими высказываниями вроде тех, которые я только что слышала, между нами всё будет кончено. Ясно?

— Не уверен. — Мел произнёс это нарочито спокойно. Инстинктивно он почувствовал, что это важная минута для них обоих. — Может, ты мне всё-таки объяснишь, что именно ты имеешь в виду.

— Сам поймёшь, — сказала Синди.

И повесила трубку.

Пока Мел шёл из гаража в свой кабинет, гнев его с каждым шагом всё возрастал. Вообще он не так быстро вскипал, как Синди. Но сейчас он был в ярости.

Что именно так бесило его, он и сам не знал. Главным образом, конечно, Синди, но были и другие причины: то, что он в профессиональном плане не сумел как следует подготовиться к вступлению в новую эру авиации; то, что он оказался не способен внушить другим свои убеждения; то, что надежды его не сбылись. Словом, думал Мел, и в личной жизни, и в работе он не достиг ничего. Брак его близок к краху, — во всяком случае, есть все основания так полагать, — а это значит, что он может потерять и детей. Да и аэропорт, где он отвечает за жизни тысяч и тысяч ежедневно доверчиво стекающихся сюда людей, приходит в упадок, несмотря на все его усилия и попытки кого-то в этом убедить. Не удаётся ему удержать дело на том высоком уровне, которого он сумел было здесь достичь.

По пути к себе он не встретил никого из подчинённых. Тем лучше: обратись сейчас к нему кто-нибудь с вопросом, он мог бы ответить резкостью. Войдя в свой кабинет, он сбросил пальто прямо на пол. И закурил сигарету. Вкус у неё был какой-то горький, и он тут же её загасил. Шагнув к столу, он почувствовал, как снова — ещё сильнее, чем прежде, — заныла нога.

Было время — как давно, казалось, это, было, — когда в такие вот вечера, если больная нога начинала его беспокоить, он отправлялся домой, и Синди укладывала его в постель. Сначала он принимал горячую ванну, потом ложился ничком на кровать, и она массировала ему спину и шею холодными крепкими пальцами, пока боль не утихала. Сейчас трудно даже представить себе, чтобы Синди стала этим заниматься, а если и стала бы, едва ли бы это теперь ему помогло. Когда нарушается связь между людьми, она нарушается во всём — не только в том, что люди перестают друг друга понимать.

Сев за стол, Мел опустил голову на руки.

И вдруг, совсем как раньше, на поле, его пронзила дрожь. В эту минуту в тишине кабинета зазвонил телефон. Мел не сразу снял трубку. Звонок продолжал трещать; неожиданно Мел понял, что это звонит красный телефон, который стоит на столике рядом с его письменным столом, — телефон особого назначения. В два прыжка он подскочил к нему.

— Бейкерсфелд слушает.

Он услышал какое-то позвякиванье и шумы на линии: его подключали к нужному номеру.

— Говорит КДП, — услышал он голос руководителя полётов. — У нас в воздухе ЧП третьей категории.

9

Кейз Бейкерсфелд, брат Мела, уже отработал треть своей восьмичасовой смены в радарной КДП.

В радарной буран тяжело сказывался на людях, хотя они и не ощущали его. Стороннему наблюдателю, подумал Кейз, не понимающему, о чём говорят все эти экраны, могло казаться, что буран, бушующий за стеклянными стенами диспетчерской, на самом деле разыгрался за тысячи миль отсюда.

Радарная находилась в башне, этажом ниже застеклённого помещения — так называемой «будки», — откуда руководитель полётов давал указания о передвижении самолётов на земле, их взлётах и посадках. Власть тех, кто сидел в радарной, простиралась за пределы аэропорта: они отвечали за самолёт в воздухе, после того как он выходил из-под опеки местных наземных диспетчеров или ближайшего регионального КДП. Региональные КДП, обычно отстоящие на многие мили от аэропорта, ведут наблюдение за основными авиатрассами и самолётами, следующими по ним.

В противоположность верхней части башни радарная не имела окон. Днём и ночью в международном аэропорту Линкольна десять диспетчеров и старших по группе работали в вечной полутьме, при тусклом лунном свете экранов. Все четыре стены вокруг них были заняты всякого рода оборудованием — экранами, контрольными приборами, панелями радиосвязи. Обычно диспетчеры работали в одних рубашках, поскольку температура зимой и летом была здесь — чтобы не портилось капризное электронное оборудование — около двадцати восьми градусов.

В радарной принято держаться и говорить спокойно. Однако под этим внешним спокойствием таится непрестанное напряжение. Сейчас это напряжение было сильнее обычного из-за бурана — оно особенно возросло за последние несколько минут. Впечатление было такое, точно кто-то до предела натянул и так уже натянутую струну.

Напряжение усилил появившийся на экране сигнал, в ответ на который в диспетчерской сразу замигал красный огонёк и загудел зуммер. Зуммер умолк, но огонёк продолжал мигать. На полутёмном экране вдруг возникла так называемая «двуглавка», похожая на дрожащую зелёную гвоздику: она оповещала о том, что где-то самолёт терпит бедствие. Это был военный самолёт КС-135; находясь высоко над аэропортом, он попал в шторм и запрашивал о срочной посадке. У экрана, на плоском лице которого возник

сигнал бедствия, работал Кейз Бейкерсфелд; к нему тотчас подключился старший по группе. Оба стали срочно давать указания соответствующим диспетчерам — по внутреннему телефону и другим самолётам — по радио.

Руководитель полётов на верхнем этаже был немедленно поставлен в известность о сигнале бедствия. Он, в свою очередь, объявил ЧП третьей категории и оповестил об этом все наземные службы аэропорта.

Экран, на котором сосредоточилось сейчас всеобщее внимание, представлял собой стеклянный круг величиной с велосипедное колесо, горизонтально вмонтированный в крышку консоли. Стекло было тёмно-зелёное, и на нём загоралась ярко-зелёная точка, лишь только какой-нибудь самолёт появлялся в воздухе в радиусе сорока миль. По мере продвижения самолёта передвигается и точка. У каждой точки ставится маленький отметчик из пластмассы. В обиходе отметчики эти называют «козявками», и диспетчеры передвигают их рукой, следуя за продвижением самолёта и изменением его положения на экране. Лишь только в поле наблюдения появляется новый самолёт, он тут же оповещает о себе по радио и соответственно получает своего отметчика. Новые радарные системы сами передвигают «козявок» — на радарном экране появляется соответствующая буква и указание высоты, на которой идёт самолёт. Однако новые системы ещё не были широко внедрены и, как всё новое, имели недостатки, требовавшие устранения.

В этот вечер на экране было необычно много самолётов, и кто-то даже заметил, что зелёные точки плодятся с быстротою муравьёв.

Кейз сидел на сером стальном стуле у самого экрана, низко пригнув к нему длинное тощее тело. В его позе чувствовалось предельное напряжение: ноги так крепко обхватили ножки стула, что, казалось, приросли к нему. В зеленоватом отблеске экрана его глубоко запавшие глаза были как два чёрных провала. Всякого, кто хорошо знал Кейза, но не видел его этак с год, поразила бы происшедшая в нём перемена — изменилось всё: и внешность, и манера держаться. От прежней мягкости, добродушия, непринуждённости не осталось и следа. Кейз был на шесть лет моложе своего брата Мела, но теперь выглядел много старше.

Его коллеги, работавшие с ним в радарной, разумеется, заметили эту перемену. Знали они и её причину и искренне сочувствовали Кейзу. Однако их работа требовала точности. Вот почему главный диспетчер Уэйн Тевис так пристально наблюдал за Кейзом и видел, как нарастает в нём напряжение. Худой длинный техасец с медлительной, певучей речью, Тевис сидел в центре радарной на высоком табурете и через плечи диспетчеров, работавших каждый у своего экрана, наблюдал за происходящим. Тевис

сам приделал к своему табурету ролики и время от времени разъезжал на нём по радарной точно на лошади, отталкиваясь от пола каблуками сшитых на заказ техасских сапог.

Ещё час назад Уэйн Тевис обратил внимание на Кейза и с тех пор не выпускал его из поля зрения. Тевису хотелось быть наготове на случай, если придётся срочно заменить Кейза, а инстинкт подсказывал ему, что такая необходимость может возникнуть.

Главный диспетчер был человек добрый, хотя и вспыльчивый. Он понимал, как может подействовать на Кейза такая замена, и ему очень не хотелось к этому прибегать. Но если будет надо, он это сделает.

Не сводя глаз с экрана, находившегося перед Кейзом, Тевис неторопливо протянул:

— Кейз, старина, ведь этот «Браниф» может столкнуться с «Истерном». Надо бы завернуть «Браниф» вправо, тогда «Истерн» может следовать прежним курсом.

Это Кейз должен был заметить сам, но не заметил.

Главная проблема, над которой лихорадочно трудилась сейчас вся радарная, заключалась в том, чтобы расчистить путь для военного самолёта КС-135, который уже начал спуск по приборам с высоты в десять тысяч футов. Это было нелегко, потому что под большим военным самолётом находились пять гражданских самолётов, круживших на расстоянии тысячи футов друг от друга в ограниченном воздушном пространстве, И все они ждали своей очереди, чтобы приземлиться. А на расстоянии двух-трёх миль от них с каждой стороны летели другие самолёты, и ещё ниже три самолёта уже заходили на посадку. Между ними были оставлены коридоры для взлётов, тоже сейчас забитые самолётами. И вот среди всех этих машин надо было как-то провести военный самолёт. И при нормальных-то условиях это была задача непростая, даже для очень крепких нервов. А сейчас положение осложнялось тем, что на КС-135 отказало радио и связь с пилотом прекратилась.

Кейз Бейкерсфелд включил микрофон.

— «Браниф» восемьсот двадцать девятый, немедленно сверните вправо, направление ноль-девять-ноль.

В такие минуты, как бы сильно ни было напряжение и в каком бы взвинченном состоянии ни находился человек, голос его должен звучать спокойно. А голос Кейза звенел, выдавая волнение. Он заметил, как Уэйн Тевис бросил на него насторожённый взгляд. Но на экране приближавшиеся друг к другу огоньки начали расходиться. Пилот «Бранифа» точно выполнил указание. В решающие минуты — а именно

такой была эта минута — воздушные диспетчеры благодарили бога за то, что пилоты быстро и точно выполняли их указания. Они могут возмущаться и даже нередко возмущаются, потом вслух по поводу того, что им вдруг изменили курс и они вынуждены были сделать внезапный резкий поворот, так что пассажиры полетели друг на друга. Но если диспетчер говорит: «немедленно», они повинуются, а уже потом спорят.

Через минуту-другую «Браниф», как и «Истерн», летевший на той же высоте, получит новые указания. Но прежде надо дать новый курс двум самолётам «ТВА» — тому, что летит выше, и тому, что летит чуть ниже, — а кроме того, самолётам «Лейк-Сентрал», «Эйр-Канады» и «Свиссэйр», только что появившимся на экране. Пока КС-135 не пройдёт на посадку, все эти самолёты будут летать зигзагами в пределах ограниченного пространства, поскольку ни один из них не должен выйти из своей зоны. В известном смысле это напоминало сложную шахматную игру, только в этой игре все пешки находились на разном уровне и передвигались со скоростью нескольких сот миль в час. Причём в ходе игры их надо было не только двигать вперёд, но поднимать или опускать — да так, чтобы каждая фигура отстояла от всех других минимум на три мили по горизонтали и на тысячу футов по вертикали и ни одна из них не вылезала за край доски. А пока шла эта опасная игра, тысячи пассажиров сидели в своих воздушных креслах и с нетерпением ждали, когда же наконец завершится их полёт.

Стоило напряжению на секунду ослабнуть, и Кейз тотчас вспоминал о пилоте военного самолёта — каково-то ему сейчас пробиваться сквозь буран и забитый другими машинами воздух. Наверно, ему очень там одиноко. Таким же одиноким чувствовал себя и Кейз — все люди одиноки, даже в толпе. У пилота есть второй пилот и команда, и у Кейза рядом коллеги — только протяни руку. Но важна не эта близость. Она ничего не значит, когда человек замыкается в своём внутреннем мире, куда никому нет доступа к где он остаётся один на один со своими воспоминаниями, с пониманием и сознанием происходящего, со своим страхом. Совсем один — с той минуты, как появился на свет, и до самой смерти. Всегда, постоянно один.

Кто-кто, а Кейз Бейкерсфелд знал, как одинок может быть человек.

Кейз дал новый курс самолётам «Свиссэйр», «ТВА», «Лейк-Сентрал» и «Истерн». Он услышал, как за его спиной Уэйн Тевис вновь пытался вызвать по радио КС-135. По-прежнему никакого ответа, но сигнал бедствия, посылаемый пилотом КС-135, продолжал мигать на экране. Местонахождение зелёной точки показывало, что пилот чётко выполнял указания, которые были даны ему перед тем, как отказало радио. Он,

естественно, понимал, что диспетчеры тогда смогут предвидеть его действия. Знал он и то, что радар на земле засечёт его местонахождение, и не сомневайся, что все другие самолёты будут убраны с его пути.

Военный самолёт, насколько было известно Кейзу, вылетел с Гавайских островов, не останавливаясь, заправился в воздухе над Западным побережьем и следовал на воздушную базу Эндрюс близ Вашингтона. Однако западнее срединной линии, перерезающей континент, у него отказал один мотор, затем обнаружились неполадки в проводке, побудившие командира самолёта принять решение о незапланированной посадке в Смоки-Хилл, штат Канзас. Но взлётно-посадочные полосы на аэродроме в Смоки-Хилл не были очищены от снега, и КС-135 повернули на международный аэропорт Линкольна. Воздушные диспетчеры проложили военному самолёту трассу на северо-восток, через Миссури и Иллинойс. А затем, когда он находился милях в тридцати от аэропорта имени Линкольна, заботу о нём принял на себя Кейз Бейкерсфелд. Вот тут-то, вдобавок к прочим бедам, на самолёте отказало ещё и радио.

Обычно, в нормальных условиях, военные машины держатся вдали от гражданских аэропортов. Но в такой буран пилот, естественно, запросил о помощи и тотчас получил её.

В тёмной тесной радарной было жарко не только Кейзу. Однако ничто в голосе диспетчеров при переговорах с воздухом не выдавало волнения или напряжения. У пилотов и без того хватает забот. Особенно сегодня, когда буран швырял самолёты и приходилось лететь по приборам, при нулевой видимости, а это требовало всего их умения. К тому же многие пилоты находились в воздухе дольше положенного из-за задержек с посадкой самолётов, а теперь лётное время у них ещё удлинялось.

С каждого диспетчерского поста непрерывным потоком шли по радио приказания: надо было по возможности преградить самолётам доступ в опасную зону. А они ждали, когда наконец им разрешат приземлиться, и число их с каждой минутой всё возрастало. Один из диспетчеров тихим напряжённым голосом бросил через плечо: «Чак, у меня тут пожар. Можешь взять на себя „дельту“ семь-три?» Диспетчеры прибегали к таким переброскам, когда чувствовали, что задыхаются и не в состоянии сами справиться. Другой голос: «Чёрт!.. У меня своих хватает… Подожди!.. Ладно, беру твою „дельту“ на себя». Секундная пауза. «„Дельта“ семь-три, говорит центр наблюдения за воздухом аэропорта Линкольна. Сделайте левый поворот, держитесь направления один-два-ноль. Высота прежняя — четыре тысячи!..» Диспетчеры всегда старались помочь друг другу. Ведь, может, через несколько минут тебе самому потребуется помощь. «Эй, следи

за этим — вон он подлетает с противоположной стороны. О господи! Прямо как на выезде из города в час „пик“…» «„Американ“ четыре-четыре, держитесь того же курса. Сообщите свою высоту!..» «„Люфтганза“ взлетела с отклонением от курса. Уберите к чёрту самолёт из зоны прилёта!» Взлетавшие самолёты направляли в обход зоны бедствия, а вот прибывающие самолёты приходилось держать в воздухе, теряя на этом драгоценное время. Даже после того как чрезвычайная обстановка разрядится, потребуется больше часа, чтобы ликвидировать пробку в воздухе, — это знали все.

Кейз Бейкерсфелд отчаянно старался сосредоточиться, чтобы держать в памяти свой сектор и все самолёты в нём. Нужно было мгновенно запоминать местонахождение самолётов, их опознавательные знаки, типы, скорость, высоту полёта, последовательность посадки — словом, диаграмму, в которой непрерывно происходили изменения и конфигурация которой ни на секунду не застывала. И в более-то спокойные времена напряжение не покидает диспетчера, сегодня же, в такой буран, мозг и вовсе работал с предельной нагрузкой. Самое страшное — «потерять картинку», а такое может случиться, если усталый мозг взбунтуется, и тогда всё исчезнет. Время от времени это и случалось — даже с самыми лучшими работниками.

А Кейз был одним из лучших. Ещё год назад именно к нему обращались коллеги, когда перенапряжение выводило их из игры: «Кейз, тону. Можешь выручить на несколько минут?» И он всегда выручал.

Но в последнее время роли переменились. Теперь коллеги помогали ему, сколько могли, хотя, конечно, есть предел помощи, которую один человек может оказать другому без ущерба для своей работы.

Тем временем надо было давать по радио новые указания. А Кейз был предоставлен самому себе: Тевис вместе со своим высоким табуретом переехал на другой конец комнаты, чтобы проверить другого диспетчера. Мозг Кейза отщёлкивал решения: «Завернуть „Брани ф“ влево, „Эйр-Канаду“ — вправо, „Истерну“ — изменить курс на сто восемьдесят градусов». Приказания были тотчас выполнены: на экране радара светящиеся точки перестроились. «Самолёт „Лейк-Сентрал“ менее скоростной, с ним дело терпит, „Свиссэйр“ — реактивный: может столкнуться с „Истерном“. Надо дать „Свиссэйру“ новый курс, и немедленно — но какой? Да думай же скорее! Завернуть вправо на сорок пять градусов — только на минуту, потом снова выпрямить курс. Не забывай о „ТВА“ и „Ориент“! Появился новый самолёт, идёт с запада на большой скорости — опознавай, находи ему место. Думай, думай!»

Стиснув зубы, Кейз мрачно твердил про себя: «Только не потерять сегодня картинку, только не потерять сейчас, только не потерять».

Боязнь именно сегодня «потерять картинку» объяснялась одним обстоятельством — тайной, о которой не знал никто, даже его жена Натали. Лишь Кейз — один лишь Кейз — знал, что сегодня он в последний раз сидит перед экраном и несёт вахту. Сегодня последний день его работы в пункте наблюдения за воздухом, и скоро этот день подойдёт к концу.

А затем подойдёт к концу и его жизнь.

— Передохните, Кейз, — послышался голос руководителя полётов.

Кейз не заметил, как он вошёл. Он бесшумно возник в комнате и сейчас стоял возле Уэйна Тевиса.

Минуту назад Тевис спокойно сказал руководителю полётов:

— По-моему, Кейз в полном порядке. Был момент, когда я волновался за него, но он вроде сдюжил.

Тевис был рад, что ему не пришлось прибегать к крайней мере и заменять Кейза. Но руководитель полётов тихо сказал:

— Надо всё-таки дать ему передышку. — И, подумав, добавил: — Я сам ему скажу.

Кейзу достаточно было одного взгляда на этих двоих, чтобы понять, почему ему дают передышку. Обстановка не разрядилась, и они боялись, что он не справится. Вот и решили сменить его, хотя ему положено было отдыхать лишь через полчаса. Отказаться? Ведь для диспетчера его класса это оскорбление, тем более что все, конечно, заметят. А потом он подумал: ну чего ради поднимать шум? Не стоит. К тому же десятиминутный перерыв поможет ему прийти в себя. За это время ЧП будет ликвидировано, он вернётся и спокойно доведёт смену до конца.

Уэйн Тевис нагнулся к нему.

— Ли сменит вас, Кейз. — И подозвал диспетчера, только что вернувшегося после положенного по графику перерыва.

Кейз молча кивнул, но продолжал оставаться на месте и давать по радио инструкции самолётам, пока его сменщик «запоминал картинку». На передачу дел одним диспетчером другому уходило обычно несколько минут. Заступавший должен был изучить расположение точек на экране и как следует запомнить обстановку. Кроме того, он должен был соответствующим образом настроиться, напрячься.

Это умение напрячься — напрячься намеренно и сознательно — было особенностью их профессии. Диспетчеры говорили: «Надо обостриться», — и Кейз за пятнадцать лет работы в службе наблюдения за воздухом постоянно видел, как это происходило с ним самим и с другими.

«Надо обостриться», потому что без этого нельзя приступать к работе. А в другое время действовал рефлекс — скажем, когда диспетчеры ехали вместе в аэропорт на служебном автобусе. Отъезжая от дома, все свободно, непринуждённо болтали. На небрежно брошенный кем-нибудь вопрос: «Пойдёшь играть в кегли в субботу?» — следовал столь же небрежный ответ: «Конечно» или: «Нет, на этой неделе не смогу». Однако по мере приближения к аэропорту беседа становилась всё менее оживлённей, и на этот же вопрос в четверти мили от аэропорта уже отвечали лишь коротко; «Точно» или: «Исключено», а то и вовсе ничего.

Наряду с умением обострять мысли и чувства от диспетчера требовались ещё и собранность и железное спокойствие. Эти два требования, трудно совместимые в одном человеке, изнуряли нервную систему и в конечном счёте разрушали здоровье. У многих диспетчеров развивалась язва желудка, что они тщательно скрывали, боясь потерять работу. По этим соображениям они лечились у частных врачей, которым платили сами, вместо того чтобы пользоваться бесплатной медицинской помощью, предоставляемой авиакомпаниями. Они прятали бутылки с «маалоксом» — средством от повышенной кислотности — в своих шкафчиках и во время перерыва втихомолку потягивали белую сладкую жидкость.

Сказывалось это и в другом. Иные диспетчеры, Кейз Бейкерсфелд знал таких, распускались дома, становились мелочными, придирчивыми и, чтобы хоть немного расслабиться после дежурства, устраивали сцены — «для разрядки». Если ещё добавить то, что работали они по сменам и часы отдыха у них всё время менялись, а это чрезвычайно осложняло семейную жизнь, — нетрудно себе представить результат. У воздушных диспетчеров был длинный список разрушенных семей и большой процент разводов.

— О'кей, — сказал диспетчер, заступавший на место Кейза. — Я готов.

Кейз слез с кресла и снял наушники, а его коллега надел их. И, ещё не успев как следует усесться, стал давать указания самолёту «ТВА».

Руководитель полётов сказал Кейзу:

— Брат просил передать вам, что, наверно, заглянет позже.

Кейз кивнул и вышел из радарной; Он не обиделся на руководителя полётов — ведь ему приходилось отвечать за всё — и был сейчас даже рад, что не стал возражать и воспользовался предложенной передышкой. Больше всего на свете Кейзу хотелось закурить сигарету, глотнуть кофе и посидеть одному. Рад был он и тому, раз уж так получилось, что не ему придётся возиться с этим ЧП. Слишком много было у него на счету этих ЧП, чтобы жалеть, что не он распутает ещё и этот узел.

В международном аэропорту Линкольна, как и в любом крупном аэропорту, ЧП возникали по нескольку раз в день. Это могло произойти в любую погоду — не только в такой буран, как сегодня, а при голубых небесах. Когда случалось ЧП, о нём узнавали лишь немногие, потому что, как правило, ЧП завершались благополучно и даже пилотам в воздухе далеко не всегда сообщали, почему тому или иному самолёту не дают посадки или вдруг велят изменить курс. Во-первых, им вовсе и не обязательно было об этом знать, а во-вторых, не было времени давать по радио объяснения. Зато наземные службы — аварийные команды, «скорая помощь» и полиция, а также руководство аэропорта — немедленно оповещались и принимали меры в зависимости от категории бедствия. Первая категория была самой серьёзной и в то же время самой редкой, поскольку бедствие первой категории означало, что самолёт разбился. Вторая категория означала наличие опасности для жизни или серьёзных повреждений. Третья категория, объявленная сейчас, являлась просто предупреждением: соответствующие службы аэропорта должны быть наготове, их услуги могут понадобиться. А вот для диспетчеров ЧП любой категории означало дополнительное напряжение со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Кейз вошёл в гардеробную, примыкавшую к радарной. Сейчас, получив возможность спокойно размышлять, он от души пожелал, чтобы пилот КС-135 и все другие пилоты, находившиеся сегодня в воздухе, благополучно приземлились, несмотря на буран.

В гардеробной, маленькой квадратной комнатке с одним-единственным окном, вдоль трёх стен стояли металлические шкафчики, а посредине — деревянная скамья. У окна висела доска для объявлений, на которой были небрежно наляпаны официальные бюллетени и оповещения различных комиссий и общественных организаций аэропорта. Свет голой лампочки, свисавшей с потолка, казался ослепительно ярким после полутьмы радарной. В гардеробной никого больше не было, и Кейз выключил электричество. На крыше башни стояли прожекторы, и в комнату проникало достаточно света.

Кейз закурил сигарету. Потом открыл свой шкафчик и достал пластмассовое ведёрко, куда Натали укладывала ему завтрак. Наливая из термоса кофе, он подумал: интересно, вложила ли она ему в завтрак записку, а если не записку, то какую-нибудь вырезку из газеты или журнала. Натали частенько это делала — иной раз что-то одно, а иной раз и то и другое, должно быть, в надежде развлечь его. Она много думала об этом с тех пор, как с ним случилась беда. Сначала она прибегала к

простейшим способам, а потом, видя, что это не помогает, к более сложным, хотя Кейз неизменно понимал — и это не трогало его, но и не раздражало, — зачем Натали так поступает и чего она добивается. Впрочем, последнее время записки и вырезки стали появляться реже.

Должно быть, и Натали в конце концов отчаялась. Она уже не находила для него слов, а по её покрасневшим глазам он понимал, что она частенько плачет.

Когда Кейз заметил это, ему захотелось ей помочь. Но как, если он не в состоянии помочь самому себе?

Фотография Натали была приклеена к дверце его шкафчика с внутренней стороны — цветная фотография, снятая самим Кейзом. Он принёс её сюда три года назад. Сейчас при свете, падавшем из окна, на ней почти ничего нельзя было различить, но он так хорошо знал её, что ему не требовалось яркого освещения.

На фотографии Натали была в купальном костюме. Она сидела на скале и смеялась, приложив тонкую красивую руку к глазам, чтобы защитить их от солнца. Её светло-каштановые волосы были отброшены назад, на маленьком задорном личике виднелись веснушки, неизменно выступавшие летом. Вообще Натали Бейкерсфелд была похожа на шаловливую, своевольную дриаду, но в то же время в ней чувствовалась сила волн, и аппарат зафиксировал и то и другое. Она сидела на фоне синего озера, скал и высоких елей. Кейз и Натали отправились тогда на машине в Канаду и проводили отпуск на Халибертонских озёрах, впервые оставив своих детей Брайана и Тео в Иллинойсе с Мелом и Синди. Впоследствии оба вспоминали об этом отпуске как о самых счастливых днях своей жизни. Пожалуй, именно сегодня, подумал Кейз, стоит ещё раз вспомнить об этом.

Из-за фотографии торчала сложенная бумажка. Это была одна из записок, которую Натали сунула ему как-то в завтрак. Было это месяца два-три назад, но почему-то он решил её сохранить. И хотя Кейз наизусть знал содержание записки, он достал её сейчас и подошёл к окну, чтобы прочесть. Это была вырезка из журнала, а под ней — несколько строк, приписанных рукой жены.

Натали многим интересовалась, иногда вещами совершенно неожиданными, и неизменно пыталась приобщить к кругу своих интересов Кейза и мальчиков. Вырезка касалась экспериментов, проводимых американскими генетиками. В ней говорилось о том, что можно замораживать человеческую сперму. При низкой температуре она сохраняется бесконечно долго, совершенно не утрачивая своих свойств.

Затем её можно оттаять и использовать для оплодотворения женщин в любое время — и в наши дни, и через несколько поколений.

Натали под этим приписала:

«Ковчег мог бы быть вдвое меньше, если б Ною
Был известен способ замораживания сперматозоидов
Оказывается, можно иметь сколько хочешь детей,
Лишь бы в холодильнике был мороз посильней.
Я рада, что наши
Родились от папаши и мамаши.
Я счастлива, милый, что нежность и страсть
Имеют над нами по-прежнему власть».

Тогда она ещё пыталась — отчаянно пыталась — вернуть их жизнь в прежнее русло… склеить её, склеить семью… чтобы было так, как раньше. Чтобы нежность и страсть имели над нами по-прежнему власть.

В эту борьбу включился и Мел, пытаясь вместе с Натали вырвать брата из пучины тоски и депрессии, которая всё больше засасывала его.

И что-то в душе Кейза поддалось, откликнулось. В глубине его сознания зажглась искорка воли, он пытался найти в себе силы и выйти с помощью близких из своего оцепенения, ответить любовью на любовь. Но ничего не получилось. Не получилось — впрочем, он знал, что не получится, — потому что в нём не осталось ни чувств, ни эмоций. Он не мог разжечь в себе ни тепла, ни любви, ни даже злости. Только пустота, самобичевание и всеобъемлющее отчаяние.

Теперь, видимо, и Натали почувствовала всю тщету своих усилий — он был уверен, что это так. Наверно, потому она и плачет украдкой.

А Мел? Должно быть, и Мел тоже от него отступился. Хотя, видимо, ещё не совсем — Кейз вспомнил, что сказал ему руководитель полётов: «Ваш брат просил передать вам, что, наверно, заглянет позже».

Было бы куда проще, если бы Мел этого не делал. Кейз почувствовал, что ему сейчас не по силам эта встреча, хотя всю жизнь они были очень близки — как только могут быть близки братья. Приход Мела может всё осложнить.

А Кейз слишком выдохся, слишком устал, чтобы вынести новые осложнения.

Он снова подумал: интересно, вложила ли Натали сегодня записку в его завтрак. И надеясь, что вложила, стал осторожно вынимать еду.

Сандвичи с ветчиной и салатом, коробочка с деревенским сыром, груша, обёрточная бумага. И больше ничего.

Теперь, когда он знал, что никакой записки нет, ему отчаянно захотелось, чтобы она была, — любая записка, пусть даже совсем пустячная. Потом он вдруг вспомнил: ведь он же сам виноват, что её нет, у Натали просто не было времени что-либо написать. Ему нужно было сегодня успеть кое-что сделать до работы, и он уехал из дома раньше обычного. Натали заранее он не предупредил, и ей пришлось в спешке готовить ему еду. В какую-то минуту он даже заявил, что ему вообще ничего не нужно; можно ведь позавтракать в одном из аэропортовских кафетериев. Но Натали, зная, что в кафетериях обычно многолюдно и шумно, а Кейз этого терпеть не может, сказала: «Нет», — и быстро что-то ему приготовила. Она не спросила его, почему он уезжает раньше обычного, хотя он понимал, что это не могло не интересовать её. Но, к счастью для Кейза, вопроса не последовало. Если бы она спросила, ему пришлось бы что-то выдумать, а ему не хотелось в эти последние часы ей лгать.

Времени у него хватило на всё. Он приехал в район аэропорта и снял номер в гостинице «О'Хейген», который забронировал раньше по телефону. Он всё тщательно рассчитал и продумал ещё много недель назад, но не осуществлял своего плана, решив хорошенько поразмыслить, прежде чем приступать к его выполнению. На минуту заглянув к себе номер, Кейз тут же вышел из гостиницы и прибыл в аэропорт как раз к началу дежурства.

Гостиница «О'Хейген» находилась в нескольких минутах езды от аэропорта. Через два с небольшим часа смена Кейза окончится, и он быстро доберётся туда. Ключ от номера лежал у него в кармане, и Кейз вынул его, чтобы удостовериться, что он на месте.

10

Сообщение, полученное Мелом Бейкерсфелдом от руководителя полётов о том, что медоувудцы задумали устроить митинг, оказалось верным.

Этот митинг в зале воскресной школы при медоувудской баптистской церкви — в пятнадцати секундах лёта на реактивном самолёте, поднявшемся с полосы два-пять, — шёл уже полчаса. Начался он позже, чем предполагалось, так как почти всем присутствовавшим — а их собралось человек шестьсот, не считая детей, — пришлось с большим трудом, пешком или на автомобилях, прокладывать себе путь по глубокому снегу. Но так или иначе они явились.

Это было весьма смешанное сборище, типичное для таких мест, где живут люди не очень большого достатка — преимущественно чиновники средней руки, ремесленники и местные торговцы. Были тут и мужчины и женщины, в большинстве своём — ведь это была пятница, начало уик-энда, — одетые кое-как. Исключение составляли лишь полдюжины посторонних да несколько репортёров.

Народу в зале воскресной школы набилось много — стало душно, в воздухе висел дым. Все стулья были заняты, и ещё человек сто, а то и больше стояли.

Уже одно то, что столько людей покинули тёплый дом и пришли сюда в такую непогоду, достаточно ясно свидетельствовало об их заинтересованности и тревоге. А кроме того, все они были разъярены до предела.

Их ярость — столь же ощутимая в зале, как табачный дым, — питалась двумя источниками. Во-первых, у медоувудцев давно уже накопилось раздражение против аэропорта, который день и ночь обрушивал на их крыши и барабанные перепонки оглушительный грохот, нарушавший мир и покой, не дававший ни спать, ни бодрствовать. А во-вторых, этот грохот раздражал их и сейчас, когда на протяжении почти всего митинга собравшиеся то и дело не слышали друг друга.

Правда, они были подготовлены к тому, что так будет. Собственно, из-за этого и созывался митинг и был взят напрокат из церкви переносной микрофон. Однако никто не предполагал, что в этот вечер самолёты будут взлетать как раз над их головой, выводя из строя и человеческие уши, и микрофон. Объяснялось это — о чём собравшиеся не знали, да и не желали

знать — тем, что на полосе три-ноль застрял «боинг-707» и другим самолётам приходилось пользоваться полосой два-пять. А эта полоса была как стрела, нацелена на Медоувуд; самолёты же, взлетавшие с полосы три-ноль, проходили не над самым городком, а стороною.

В наступившем на миг молчании председатель митинга, красный как рак, заорал что было мочи:

— Леди и джентльмены, вот уже много лет мы пытаемся договориться с руководством аэропорта и авиакомпаний. Мы неоднократно отмечали, что аэропорт нарушает мир наших очагов. Мы доказывали с помощью сторонних, незаинтересованных свидетелей, что нормальная жизнь при том звуковом вале, который на нас обрушивают, невозможна. Мы говорили, что наша психика находится под угрозой, что наши жёны, наши дети и мы сами живём на грани нервного расстройства, и многие уже страдают от него.

Председателя, лысеющего мужчину с квадратной челюстью, медоувудского домовладельца и управляющего книгопечатной фирмой, звали Флойд Занетта. Ему было под шестьдесят, и он играл довольно видную роль в делах общины.

Он стоял на небольшом возвышении в конце зала, а рядом с ним сидел безукоризненно одетый мужчина помоложе. Это был Эллиот Фримантл, адвокат. У ног его стоял раскрытый чёрный кожаный портфель.

— Что же делают аэропорт и авиакомпании? — продолжал Занетта. — Я сейчас скажу, что они делают. Они притворяются — притворяются, будто слушают нас. И дают лживые обещания — одно за другим, хотя вовсе не собираются их выполнять. И руководство аэропорта, и Федеральное управление авиации, и авиакомпании — все они лгуны и обманщики…

Слова «обманщики» уже никто не слышал.

Оно потонуло в расколовшем воздух грохоте, который, нарастая в немыслимом крещендо, достиг, поистине чудовищной силы — казалось, чья-то гигантская рука схватила здание и сотрясла его. Многие из сидевших в зале зажали уши руками. Несколько человек боязливо метнули взгляд на потолок. Другие, возмущённо сверкая глазами, принялись что-то горячо обсуждать с соседями, хотя лишь человек, умеющий читать по губам, мог бы их понять, ибо ни одного слова не было слышно. Кувшин с водой на столе у председателя покачнулся и, не подхвати его Занетта, неминуемо упал бы на пол и разбился.

Звук затих почти так же стремительно, как возник. Самолёт «Пан-Американ», вылетевший рейсом пятьдесят восемь, был уже далеко, на расстоянии нескольких тысяч футов от земли, и продолжал забираться всё выше и выше, пробиваясь сквозь буран и мглу к ясным высям, где он ляжет

на курс, чтобы лететь во Франкфурт, в Германию. А за ним по полосе два-пять, высвобожденной для взлётов — над Медоувудом, уже катил самолёт «Континентл Эйрлайнз», рейс двадцать три, направлявшийся в Денвер, штат Колорадо. На соседней рулёжной дорожке стояли цепочкой самолёты, дожидаясь своей очереди на взлёт.

Так было весь вечер — ещё до того, как начался митинг, и теперь медоувудцам, чтобы довести дело до конца, приходилось пользоваться краткими перерывами между оглушительным шумом то и дело взлетавших самолётов.

Пользуясь паузой, Занетта стремительно продолжал:

— Так вот, я сказал, что они лгуны и обманщики. Всё, что происходит здесь сейчас, убедительно свидетельствует об этом. Они обязаны хотя бы принимать меры по приглушению звука, но сегодня даже это…

— Господин председатель, — послышался женский голос из глубины зала, — всё это мы уже слышали. Мы это знаем, и, сколько ни повторяй, ничего от этого не изменится. — Все взоры обратились к говорившей, которая уже поднялась с места. У неё было энергичное, умное лицо; прядь длинных, до плеч, каштановых волос упала ей на лоб, но молодая женщина нетерпеливым жестом отбросила её назад. — А я, как и все остальные, хочу знать, что мы всё-таки можем сделать и на что мы можем рассчитывать?

Раздался взрыв аплодисментов и одобрительные возгласы.

— Будьте любезны, дайте мне закончить… — раздражённо оказал Занетта.

Но ему это не удалось.

Снова оглушительный грохот обрушился на воскресную школу.

Это вышло так смешно, что все расхохотались — впервые за вечер. Даже председатель криво усмехнулся и беспомощно развёл руками.

Как только грохот утих, чей-то мужской голос сварливо буркнул:

— Да продолжайте же!

Занетта кивнул. И продолжал свою речь, выбирая паузы между взрывами грохота, совсем как альпинист, перескакивающий со скалы на скалу. Жители Медоувуда, заявил он, должны отбросить деликатность и попытки договориться с руководителями аэропорта, воззвав к их разуму. Пора перейти в атаку, опираясь на закон. В конце концов, жители Медоувуда — граждане США и обладают определёнными правами, которые сейчас попираются. Чтобы отстоять их, надо обратиться в суд, следовательно, медоувудцы должны быть готовы вести борьбу в суде — борьбу упорную, даже, если потребуется, жестокую. Что же до тактики, то,

по счастью, мистер Эллиот Фримантл, известный юрист, хотя его контора и находится далеко отсюда, в городе, согласился присутствовать на нашем собрании. Мистер Фримантл хорошо знаком с законами о превышении шума, нарушении спокойствия и правильном использовании воздушного пространства, и очень скоро те, кто, невзирая на буран, пришёл на собрание, будут иметь удовольствие услышать этого уважаемого джентльмена. Собственно говоря, он прибыл сюда с готовым предложением…

Слушая эти стереотипные фразы, Эллиот Фримантл ёрзал на стуле. Он легонько провёл рукой по своим аккуратно подстриженным седеющим волосам, пощупал, тщательно ли выбриты подбородок и щёки — а он брился за час до собрания, — и его острый нюх подтвердил, что запах дорогого одеколона, который он всегда употреблял после бритья и облучения кварцем, всё ещё ощущается. Закинув ногу на ногу, он полюбовался двухсотдолларовыми блестящими ботинками из крокодиловой кожи и провёл рукой по складке брюк своего твидового костюма, сшитого на заказ. Эллиот Фримантл давно обнаружил, что клиенты предпочитают процветающих юристов и непроцветающих врачей. Если юрист выглядит процветающим, значит, он умеет добиваться успеха в суде, а ведь как раз успеха и жаждут те, кто затевает тяжбу.

Именно на это и рассчитывал Эллиот Фримантл: он надеялся, что большая часть присутствующих скоро обратится в суд и что он будет представлять их там. А пока он с нетерпением дожидался той минуты, когда эта старая курица Занетта перестанет кудахтать, усядется наконец на место и он, Фримантл, возьмёт слово. Легче всего потерять доверие аудитории или присяжных, если дать им время поразмыслить и догадаться, о чём ты будешь говорить, прежде чем ты раскрыл рот. Остро отточенная интуиция подсказала Фримантлу, что именно это сейчас и происходит. А значит, придётся потрудиться больше обычного, чтобы утвердить свою компетентность и превосходство своего интеллекта.

Собственно говоря, кое-кто из коллег мог бы поставить под сомнение превосходство интеллекта Эллиота Фримантла. Они, пожалуй, могли бы даже возразить, когда председатель назвал его джентльменом.

Коллеги-юристы склонны были порой считать Фримантла эксгибиционистом, добивавшимся высоких гонораров главным образом благодаря врождённому умению подать себя и привлечь к себе внимание. Все, правда, соглашались с тем, что у него был завидный нюх, позволявший откапывать выгодные дела, которые вызывали потом много шума.

Ситуация в Медоувуде возникла словно по заказу для Эллиота Фримантла.

Он где-то прочёл о проблеме, вставшей перед населением этого городка, и попросил знакомых порекомендовать его кому-нибудь из домовладельцев как единственного юриста, способного им помочь. В результате комитет домовладельцев обратился к нему, и то обстоятельство, что они нашли его, а не он — их, дало ему психологическое преимущество, на которое он и рассчитывал. Готовясь к встрече с медоувудцами, он полистал законы и последние решения судов, связанные с проблемой шума и нарушения спокойствия — а надо сказать, что этот вопрос был для него абсолютно новым, — и когда представители комитета прибыли к нему, он уже говорил с ними уверенно, как человек, посвятивший этой проблеме всю жизнь.

Через некоторое время он предложил им план действий, что и привело к данному собранию и его появлению на нём.

Слава богу, кажется, Занетта завершает своё многословное вступление. Оставаясь до конца банальным, он изрёк:

— Итак, я имею честь и удовольствие представить вам…

Не успел Занетта произнести его имя, как Эллиот Фримантл вскочил на ноги. И начал говорить ещё до того, как тот опустил свой зад на стул. По своему обыкновению адвокат обошёлся без вступления.

— Если вы ждёте от меня сочувствия, можете сразу уходить, потому что его не будет. Вы не услышите от меня ни слова сочувствия ни сегодня, ни при других наших встречах, если таковые состоятся. Я не из тех, кто поставляет носовые платки для слёз, потому, что они вам нужны, запаситесь ими сами или подарите их друг другу. Мой бизнес — закон. Закон, и только закон.

Он говорил намеренно резко и знал, что шокирует их, но именно этого он и добивался.

Он заметил, что репортёры подняли на него глаза и обратились в слух. Их было трое за столиком возле президиума, отведённым для прессы: двое молодых людей из крупных ежедневных городских газет и пожилая дама из местного еженедельника. Все трое были ему нужны, и он позаботился о том, чтобы узнать их имена и ещё до собрания перекинуться с ними несколькими словами. И вот карандаши уже забегали по бумаге. Отлично! Эллиот Фримантл при осуществлении любого из своих проектов неизменно высоко ставил сотрудничество с прессой и по опыту знал, что легче всего достичь расположения газетчиков, дав им материал для живого рассказа. Обычно это ему удавалось. Газетчики ценили это куда больше,

чем бесплатную выпивку и еду, и чем живее и колоритнее было дело, тем благоприятнее пресса отзывалась о нём.

Чуть поубавив агрессивности, Фримантл продолжал:

— Если мы решим, что я буду представлять ваши интересы, мне придётся задать вам ряд вопросов — о влиянии шума на ваш дом, ваши семьи, ваше физическое и моральное состояние. Но не думайте, что я стану задавать вам эти вопросы, потому что меня волнует ваша участь. Честно говоря, нисколько. Пора вам узнать, что я чрезвычайно эгоистичен. Если я стану задавать вам эти вопросы, то лишь затем, чтобы выяснить, насколько велик с точки зрения закона нанесённый вам ущерб. А я уже сейчас убеждён в том, что известный ущерб вам нанесён — быть может, даже значительный — и, следовательно, по закону вы имеете право на компенсацию. Однако каких бы ужасов вы мне ни наговорили, я не лишусь сна: благополучие моих клиентов не интересует меня за пределами моей конторы и суда. Но… — Фримантл сделал тут эффектную паузу и выбросил палец вперёд, как бы подчёркивая свои слова: — …но у меня в конторе и в суде вам как моим клиентам я отдам максимум внимания и умения во всём, что касается правовых вопросов. И в этом отношении, если мы, конечно, будем работать вместе, обещаю, что вы будете рады иметь меня на своей стороне, а не на стороне противника.

Теперь Фримантл уже завладел вниманием всего зала. Мужчины и женщины подались вперёд на своих стульях, стараясь не пропустить ни одного его слова, хотя ему всё же пришлось сделать паузу, пока пролетал самолёт. Но были и такие — правда, их оказалось немного, — на чьих лицах появилось выражение враждебности. Фримантл почувствовал, что надо сбавить тон. Он позволил себе улыбнуться — быстрой, мгновенно гаснущей улыбкой — и, снова став серьёзным, продолжал:

— Я сообщаю вам об этом для того, чтобы мы лучше понимали друг друга.

Несколько человек закивали и заулыбались.

— Конечно, если вы хотите нанять более симпатичного малого, который выдаст вам вагон сочувствия, но, быть может, не так уж разбирается в законах, — Эллиот Фримантл пожал плечами, — это ваше дело.

Фримантл внимательно следил за аудиторией и увидел, как солидный мужчина в роговых очках наклонился к сидевшей рядом с ним даме и что-то прошептал. По выражению их лиц Фримантл догадался, что мужчина сказал: «Вот это похоже на дело! Именно это мы и хотели услышать».

Эллиот Фримантл, по обыкновению, сумел весьма точно оценить

настроение собравшихся и рассчитал, как ему себя вести. Он сразу понял, что эти люди устали от общих фраз и изъявлений сочувствия — благожелательных, но малоэффективных. Его же слова, грубоватые и резкие, действовали как холодный, отрезвляющий душ. Теперь, не давая им передышки, чтобы не рассеивалось внимание, надо перейти к иной тактике. Настало время оперировать фактами, привести этим людям положения закона о борьбе с шумом. Чтобы удержать внимание аудитории — а Эллиот Фримантл хорошо знал правила игры, — надо говорить быстро, так, чтобы слушатели еле успевали осознать сказанное, но в то же время могли, хоть и не без напряжения, следить за логикой речи.

— Внимание! — скомандовал он. — Сейчас я буду говорить о специфике вашей проблемы.

Закон о борьбе с шумом, объявил он, непрерывно изучается судами страны. Меняются старые концепции. Согласно новым судебным постановлениям, чрезмерный шум может рассматриваться как нарушение спокойствия и попрание прав собственности. Более того, суды склонны налагать запреты и штрафы в тех случаях, когда такое нарушение прав, включая чрезмерный шум от самолётов, может быть доказано.

Эллиот Фримантл помолчал, пока не стих возникший над головой грохот, и поднял руку.

— Я думаю, вам не составит труда доказать это здесь.

Карандаши всех трёх репортёров за столиком прессы забегали по бумаге.

В Верховном суде США, продолжал Фримантл, уже был такой прецедент. В деле «США против Каузби» суд постановил, что фермер из Гринсборо, штат Северная Каролина, имеет право на компенсацию, поскольку военные самолёты низко пролетают над его домом и «вторгаются» в пределы его собственности. Сообщая о решении по «делу Каузби», судья Уильям О'Дуглас заявил: «…если мы хотим, чтобы землевладелец не только пользовался своей землёй, но и получал от неё удовольствие, он должен иметь право исключительного контроля и над окружающей атмосферой». Тот же принцип был положен в основу и при рассмотрении в Верховном суде другого дела — «Григгс против графства Аллегени». В штатах Орегон и Вашингтон, где соответственно рассматривались дела: «Сорнберг против Портлендского аэропорта» и «Мартин против Сиэтлского аэропорта», были приняты решения о возмещении ущерба за нарушение закона о борьбе с шумом, хотя самолёты и не пролетали непосредственно над домами истцов. Есть и другие города и посёлки, которые либо уже подали, либо собираются подавать в суд,

причём некоторые для подкрепления своих жалоб пользуются магнитофонными записями и киносъёмкой. На магнитофонной плёнке фиксируется уровень шумов, и кинокамеры запечатлевают, на какой высоте летел самолёт. Дело в том, что шум нередко оказывается сильнее, а высота полёта ниже, чем утверждают руководители аэропорта и авиакомпании. В Лос-Анджелесе, например, один домовладелец подал в суд на лос-анджелесский международный аэропорт; он заявил, что, сажая самолёты на полосе, которую недавно протянули чуть ли не до самого его дома, руководство аэропорта обесценило его собственность без всяких на то законных прав. Домовладелец требовал десять тысяч долларов компенсации за нанесённый ущерб. Словом, в суды сейчас поступает всё больше и больше такого рода вёл.

Речь Фримантла была краткой и впечатляющей. Когда он упомянул конкретную сумму — десять тысяч долларов, это, как он и рассчитывал, ещё больше разожгло интерес аудитории. Слова его звучали авторитетно, убедительно и казались основанными на многолетнем опыте. Только сам Фримантл знал, что все эти «факты» почерпнуты из вырезок одной городской газеты, в картотеке которой он провёл вчера два часа.

Были, однако, факты, о которых он умолчал. Решение Верховного суда по поводу фермера Каузби было вынесено двадцать лет назад, и общий ущерб составил смехотворную сумму — семьсот тридцать пять долларов, иными словами, стоимость погибших от шума цыплят. Жалоба лос-анджелесского домовладельца до сих пор в суде не рассматривалась и, возможно, никогда не будет рассмотрена. Зато о гораздо более важном деле — «Баттен против США», по которому Верховный суд принял решение в 1963 году, Эллиот Фримантл намеренно умолчал. А суд тогда постановил, что к слушанию будут приниматься лишь те дела, где речь идёт о «физическом вторжении в пределы собственности», шум же не является таковым. И поскольку в Медоувуде никакого физического вторжения в пределы частной собственности не было, то, исходя из дела Баттена, можно было сделать вывод, что в данном случае обращение в суд обречено на провал.

Однако Фримантл вовсе не собирался делать эти факты достоянием гласности — во всяком случае, до поры до времени; данного юриста вообще не слишком волновал вопрос о том, будет или не будет дело медоувудцев выиграно в суде. Ему нужно было одно: заполучить их в качестве клиентов и притом за максимальный гонорар.

С этой целью он уже подсчитал число присутствующих и мысленно произвёл кое-какие арифметические выкладки. Результат окрылил его.

Из шестисот человек, находящихся в зале, человек пятьсот, а то и больше — домовладельцы. Если учесть, что здесь сидят не только мужья, но и жёны, значит, он может рассчитывать, как минимум, на двести пятьдесят клиентов. Далее: если каждый из них подпишет соглашение, в соответствии с которым он, Фримантл, будет представлять интересы этого клиента за гонорар в сто долларов — а Эллиот Фримантл надеялся, что до конца вечера сумеет это провернуть, — то общая сумма вознаграждения может составить свыше двадцати пяти тысяч долларов.

Ему уже не раз удавались такие трюки. Просто удивительно, чего можно добиться при известной напористости, особенно когда люди накалены и жаждут настоять на своих правах. В портфеле у него лежала довольно солидная пачка бланков следующего содержания: «Настоящее соглашение между …, именуемым (ми) отныне истцом (ами), и Фримантлом и Саем, юристами …, которые берут на себя представительство законных интересов истца (ов) по делу об ущербе, наносимом самолётами, базирующимися на международном аэропорте Линкольна …, составлено в том, что истец (цы) согласен (ны) выплатить указанным. Фримантлу и Саю 100 долларов, в четыре приёма по 25 долларов, с внесением первого взноса немедленно и выплатой остатка поквартально… По успешном завершении тяжбы Фримантл и Сай получают 10 процентов от общей суммы штрафа, выплаченного истцу (ам) за нанесение ущерба…»

Эти десять процентов были вставлены на всякий случай, поскольку едва ли удалось бы добиться какого-либо возмещения. Однако в юриспруденции тоже случаются порою странные вещи, а Эллиот Фримантл старался предусмотреть всё.

— Я информировал вас о существующих законах, — сказал он. — Теперь я намерен дать вам один совет. — И он озарил аудиторию одной из своих редких улыбок, которая вспыхнула и тотчас погасла. — Этот совет будет бесплатным, совсем как рекламный тюбик зубной пасты, но за каждый последующий тюбик уже придётся платить. — Раздался смех, который он резко оборвал мановением руки. — Совет мой заключается в том, что время не ждёт, пора действовать. И действовать немедленно.

Это вызвало аплодисменты и ещё большее одобрение.

— Некоторые, — продолжал Фримантл, — склонны считать, что процедура закона отнимает слишком много времени и растягивается до бесконечности. Нередко это действительно так, но при наличии решимости и хорошего знания законов судопроизводство можно ускорить. В данном случае необходимо немедленно подавать в суд, иначе аэропорт и

авиакомпании смогут сослаться на то, что самолёты взлетают над Медоувудом уже несколько лет, и в шуме, который они производят, нет ничего необычного. — В эту минуту, словно для придания большей весомости его словам, очередной самолёт с грохотом поднялся в воздух. Перекрывая шум, Эллиот Фримантл крикнул: — Повторяю: я советую вам больше не ждать! Решение должно быть принято сегодня. Сейчас!

Моложавый мужчина в пиджаке из альпаки и спортивных брюках, сидевший в одном из передних рядов, вскочил на ноги.

— Скажите же, с чего начать!

— Для начала, если хотите, можете нанять меня представителем ваших законных интересов.

Двести — триста голосов разом ответили:

— Да, хотим.

Теперь, в свою очередь, на ноги вскочил председатель и поднял руку, требуя тишины. Он был явно доволен. Репортёры с интересом наблюдали за возбуждённой аудиторией.

Сработало — как и рассчитывал Эллиот Фримантл. Теперь всё пойдёт по заведённому образцу. В ближайшие полчаса большинство соглашений, лежавших в его портфеле, будет подписано, а остальные унесут домой, там их обсудят и, скорей всего, завтра отправят ему по почте. Эти люди не боялись подписывать бумаги или обращаться в суд: они привыкли к тому и к другому, когда приобретали свои дома. Да и сто долларов — не такая уж крупная сумма. Кое-кому она может даже показаться заниженной. И лишь немногим придёт в голову заняться подсчётом, который проделал в уме Эллиот Фримантл. Но даже если они и поднимут разговор об общей сумме, он всегда может сказать, что столь высокий гонорар объясняется тем, что ему придётся защищать слишком много народу.

К тому же за эти денежки он покажет им недурной спектакль с фейерверком — и в суде, и ещё кое-где. Он взглянул на часы: пора закругляться. Теперь, когда он уже был связан с ними, ему хотелось закрепить эту связь, поставив первый акт пьесы. Как и всё, что он делал до сих пор, это тоже было заранее спланировано и должно было привлечь внимание читателей завтрашних газет куда больше, чем митинг. А кроме того, это явится подтверждением его слов о том, что он не намерен терять зря время.

Актёрами в пьесе будут жители Медоувуда, пришедшие на митинг, а Фримантл рассчитывал, что все присутствующие согласятся покинуть зал и ещё какое-то время побыть вне дома.

Местом действия будет аэропорт.

Время — сегодняшний вечер.

11

Итак, Эллиот Фримантл наслаждался успехом, а приблизительно в это же время бывший строитель-подрядчик по имени Д. О. Герреро, озлобленный и доведённый до крайности своими неудачами, решил сдаться и прекратить борьбу с жизнью.

Герреро находился в пятнадцати милях от аэропорта; он сидел запершись в одной из комнат жалкого, неблагоустроенного дома на южной окраине города. Квартира его помещалась как раз над шумной грязной закусочной на 51-й улице, недалеко от складов.

Д. О. Герреро был худой, долговязый, сутуловатый. На длинном, узком лице с острым подбородком тускло поблёскивали глубоко запавшие глаза, тонкие губы были бескровны, над ними тоненькой полоской выделялись рыжеватые усы. На тощей шее выступал острый кадык. Лоб из-за больших залысин казался даже высоким. Руки вечно что-то крутили, пальцы никогда не знали покоя. Он дымил не переставая, прикуривая одну сигарету от другой. Ему было около пятидесяти, но выглядел он старше. Небритый, в несвежей рубашке, он сидел весь взмокший, хотя в комнате было прохладно.

Герреро был женат уже восемнадцать лет. Брак его принадлежал к числу удачных, хоть и не самых ярких. Д. О. — так, звали его друзья и знакомые — и Инес Герреро относились друг к другу вполне терпимо, и мысль о том, что можно было найти другого спутника жизни, не приходила ни тому, ни другому в голову. Во всяком случае, Д. О. Герреро никогда не интересовался женщинами, бизнес и финансовые дела куда больше занимали его. Однако за последний год в отношениях между супругами образовалась трещина, и Инес, как ни старалась, не сумела её залатать. Объяснялось это отчасти целым рядом неудач в делах, которые привели к тому, что семья от сравнительного благополучия дошла до нищеты: Герреро пришлось расстаться со своим уютным и просторным, хоть и заложенным за большую сумму, пригородным домом и переехать в менее респектабельное жилище, а оттуда — в эту жалкую, продуваемую сквозняками, наводнённую тараканами двухкомнатную квартиру.

Хотя Инес Герреро это крайне огорчало, она бы стойко снесла все беды, если бы муж с каждым днём не становился всё мрачнее и не вскипал по пустякам, так что порой с ним просто невозможно было разговаривать. Недели две назад, вспылив, он ударил Инес, рассёк ей лицо и даже не

попросил прощения, да и потом ни словом не обмолвился, хотя, заговори он об этом, она, конечно, простила бы его. Опасаясь подобных вспышек, она отослала двух детей-подростков, мальчика и девочку, к своей замужней сестре в Кливленд, а сама осталась с мужем и устроилась официанткой в кафе. Работа была тяжёлая, платили мало, но она, по крайней мере, зарабатывала себе на хлеб. Муж, казалось, совершенно не интересовался ею и не замечал отсутствия детей; настроение его становилось всё более подавленным, и он всё больше замыкался в себе.

Сейчас Инес была на работе. Д. О. Герреро находился в квартире один. Он мог бы и не запирать дверь маленькой спальни и всё-таки запер её, чтобы никто не мог ему помешать.

Д. О. Герреро, как и многим другим персонажам этого повествования, предстояло вскоре ехать в аэропорт. У него было забронировано место — что подтверждалось билетом, — на самолёт «Транс-Америки», вылетавший сегодня рейсом два «Золотой Аргос» в Рим. Сейчас билет этот находился в кармане его пальто, которое лежало рядом с ним, на колченогом стуле.

Инес Герреро ничего не знала ни о предстоявшем полёте в Рим, ни о причинах, побудивших мужа решиться на него.

Билет этот давал право на полёт туда и обратно и стоил четыреста семьдесят четыре доллара. Правда, Герреро с помощью обмана удалось получить кредит. Он заплатил всего сорок семь долларов, которые добыл, заложив последнюю ценность своей жены — кольцо её матери (Инес ещё не заметила его исчезновения), — и подписал обязательство выплатить остальную сумму вместе с процентами путём ежемесячных взносов в течение двух лет.

Однако это своё обязательство он вовсе не собирался выполнять.

Ни одна уважающая себя финансовая компания или банк не дали бы Д. О. Герреро взаймы даже на автобусный билет до ближайшего городка, не говоря уже о билете на самолёт, да ещё в Рим. Они бы прежде всего изучили состояние его дел и обнаружили, что он уже многие годы неплатежеспособен и у него куча долгов, а его компания по строительству домов «Герреро контрактинг инкорпорейтед» год назад объявлена банкротом.

Более тщательное расследование выявило бы, что на протяжении последних восьми месяцев, используя имя жены, Герреро пытался сколотить капитал для земельных спекуляций, но и тут потерпел неудачу. Естественно, что при этом он всё больше и больше запутывался в долгах. И вот теперь некоторые подтасовки, на которые он пошёл, а также то обстоятельство, что он по-прежнему числился в банкротах, грозили ему

уголовным преследованием и почти неизбежно тюрьмой. Нависла над ним и другая угроза — менее серьёзная, но столь же неотвратимая: он уже три недели не платил за свою жалкую квартиру, и хозяин грозился завтра выселить его. А если их выселят, им некуда будет деваться.

Д. О. Герреро дошёл до полного отчаяния. Все его средства иссякли.

Общеизвестно, что авиакомпании легко предоставляют кредит, а если выплата долга задерживается, не слишком строги при взыскании его. Одним словом, Герреро всё рассчитал. За многие годы существования авиации выяснилось, что пассажиры ведут себя на удивление честно и большинство авиакомпаний терпит лишь незначительные убытки. Неудачники вроде Д. О. Герреро редко пытаются за их счёт поправить свои дела, поэтому авиакомпании — за отсутствием надобности — не разработали системы, которая позволила бы им вскрыть уловку, использованную Герреро.

С помощью двух простейших приёмов он исключил всякую возможность хотя бы поверхностной проверки своего финансового положения. Во-первых, он изготовил «справку с предприятия», отпечатав её на бланке усопшей компании, которую сам же раньше возглавлял (другой, не той, что обанкротилась), и указав в качестве адреса компании собственный почтовый адрес. Во-вторых, печатая эту справку, он намеренно исказил свою фамилию, поставив букву «Б» вместо «Г»; таким образом, обычная проверка кредитоспособности некоего «Берреро» не могла дать никаких результатов. Затем в качестве удостоверения личности он предъявил билет социального страхования и водительские права, предварительно изменив на обоих заглавную букву своей фамилии, а потом снова написал её так, как надо. И наконец, заполняя долговое обязательство, он постарался поставить подпись неразборчиво, чтобы никто не мог понять — Герреро это или Берреро.

В результате кассир, выдавая ему вчера билет, проставил в нём: «Д. О. Берреро», и Герреро призадумался, взвешивая, как это обстоятельство может отразиться на его планах. Он решил, что всё будет в порядке. Если впоследствии начнётся дознание, то ошибку в одной букве можно объяснить просто опиской. Ничто ведь не доказывает, что он это сделал злонамеренно. Тем не менее он решил, что, регистрируясь в аэропорту, попросит исправить свою фамилию — и в списке пассажиров, и у себя на билете. Ему было крайне важно лететь под собственной фамилией, чтобы тут всё было в ажуре. Так уж он задумал.

А задумал Герреро взорвать самолёт. Вместе с самолётом он, естественно, уничтожит и себя, но это соображение его не останавливало:

он пришёл к убеждению, что его жизнь не приносит больше пользы ни ему, ни другим.

Зато смерть его может принести пользу, а на это-то он и делал ставку. Прежде чем взойти на борт самолёта «Транс-Америки», он застрахует свою жизнь на семьдесят пять тысяч долларов в пользу жены и детей. Он рассуждал: до сих пор он мало что сделал для них, зато этим своим последним поступком сразу им всё возместит. Это будет жертва, продиктованная любовью.

В его исковерканном жизнью, затуманенном отчаянием мозгу не возникло даже и мысли о команде самолёта или о пассажирах, которые полетят вместе с ним и должны будут тоже погибнуть. Подобно многим психопатам, он смотрел на остальных людей лишь как на возможную помеху в осуществлении, его плана.

Ему казалось, что он предусмотрел всё.

То, каким путём он приобрёл билет, уже не будет иметь значения, лишь только самолёт поднимется в воздух. Никто не сможет доказать, что он и не намеревался платить по своему долговому обязательству, и даже если выплывет наружу то, что «справка с предприятия» фальшивая — а по всей вероятности, это всё-таки выплывет, — наличие её докажет лишь, что он получил кредит незаконно. А это само по себе никак не может повлиять на выплату страховой премии, ибо эти два действия юридически не взаимосвязаны.

Ведь он намеренно купил билет туда и обратно, чтобы создать видимость, будто не только намеревался долететь до места назначения, но и вернуться. А рейс в Рим он выбрал потому, что в Италии жил у него двоюродный брат, которого он никогда не видел, но не раз говорил, что хотел бы его навестить, об этом знала Инес. Таким образом, по крайней мере, то, что он отправился именно в Рим, будет выглядеть вполне логично.

Д. О. Герреро уже несколько месяцев вынашивал свой план, в то время как положение его всё ухудшалось. Он тщательно изучил историю авиационных катастроф — те случаи, когда самолёты были взорваны людьми, стремившимися таким путём получить страховку. Число подобных случаев оказалось на удивление большим. Причина взрыва неизменно выявлялась в ходе расследования после катастрофы, и если злоумышленник оставался жив, его привлекали к суду как убийцу. Страховка же, естественно, объявлялась недействительной.

Само собой разумеется, узнать, какой процент неразгаданных катастроф следует отнести за счёт диверсии, не представлялось возможным. Главную роль играло наличие или отсутствие обломков. Если

удавалось найти обломки самолёта, опытные эксперты собирали их вместе и по ним пытались разгадать тайну катастрофы. Как правило, им это удавалось. Значит, рассудил Д. О. Герреро, надо разработать такой план, чтобы не осталось обломков.

По этой-то причине он и выбрал беспосадочный международный рейс в Рим.

Значительная часть трассы рейса два «Золотой Аргос» пролегала над океаном, а там, если самолёт рассыплется в воздухе, ничего уже не найдёшь.

С помощью брошюрок авиакомпании, где для удобства пассажиров указаны воздушные трассы и скорость полёта и вам даже предлагают «определить ваше местонахождение в пути», Герреро высчитал, что после четырёх часов полёта при более или менее благоприятном ветре самолёт будет находиться где-то над центральной частью Атлантики. Герреро намеревался проверить свои расчёты в пути и при необходимости изменить их. Первым делом он установит точное время взлёта, затем будет внимательно слушать объявления, которые в ходе полёта делает командир экипажа по радио. Располагая такой информацией, он без труда сообразит, запаздывает ли самолёт или, наоборот, летит с опережением графика и насколько. После чего в заранее намеченном пункте — примерно в восьмистах милях к востоку от Ньюфаундленда — он произведёт взрыв. И тогда самолёт или то, что от него останется, упадёт прямо в океан.

И никаких обломков никто никогда не найдёт.

Остатки самолёта навсегда будут погребены в таинственных глубинах Атлантического океана. И никаких расследований, никаких последующих выяснений причины гибели самолёта. Живые будут раздумывать, гадать, строить предположения; они могут даже догадаться об истине, но узнать — никто никогда ничего не узнает.

И страховка — за отсутствием доказательства диверсии — будет полностью выплачена.

Весь этот план зиждился на одном — на взрыве. Естественно, взрыв должен быть достаточно сильным, чтобы уничтожить самолёт, и кроме того, что не менее важно, он должен произойти в нужный момент. По этой-то причине Д. О. Герреро решил держать взрывное устройство при себе и сам произвести взрыв. И вот сейчас, запершись в спальне, он изготовлял бомбу, и, хотя, как строитель, привык обращаться с взрывчаткой, за эти четверть часа успел изрядно вспотеть.

Механизм состоял из пяти частей — трёх динамитных шашек, небольшого детонатора с двумя ответвлявшимися от него проводами и

батареи от радиотранзистора. Динамитные шашки были маленькие — каждая дюйм с четвертью в диаметре и восемь дюймов в длину, — но чрезвычайно мощные; в них содержалось сорок процентов нитроглицерина. Герреро скрепил их вместе чёрной изоляционной лентой и для маскировки уложил в коробочку из-под кукурузных хлопьев с аккуратно оторванной боковиной.

Герреро разложил всё, что ему требовалось, в определённом порядке на стареньком покрывале, которым была застелена кровать, где он трудился: деревянную прищепку для белья, две кнопки, квадратик чистого пластика и обрывок верёвки. Это «оборудование», которому предстояло уничтожить самолёт стоимостью в шесть с половиной миллионов долларов, обошлось Герреро меньше чем в пять долларов. И всё, включая динамит, оставшийся от тех дней, когда он работал подрядчиком, было куплено в хозяйственном магазине.

Тут же лежал небольшой плоский чемоданчик, в каких бизнесмены возят свои бумаги и книги. Туда-то и вкладывал сейчас Герреро взрывной механизм. С этим чемоданчиком в руках он войдёт в самолёт.

Устройство он изготовил наипростейшее. Действительно, подумал Герреро, настолько простое, что человек, никогда не имевший дела с взрывчаткой, даже и не поверил бы, что эта штука может сработать. И тем не менее она сработает и разнесёт в щепы самолёт, всё уничтожит.

В одну из динамитных шашек он всунул карандаш, сделав в ней углубление дюйма в полтора, Потом вынул карандаш и вложил детонатор того же диаметра. От него тянулись два изолированных провода. Теперь надо только пропустить по этим Проводам ток — и три шашки динамита взорвутся.

Клейкой лентой он прочно прикрепил коробочку из-под кукурузных хлопьев, в которой лежали динамитные шашки, к внутренним стенкам чемоданчика. Рядом пристроил деревянную прищепку для белья и батарею, которая явится запалом. Прищепка, снабжённая металлической пружинкой, должна была служить рубильником, который в нужный момент пропустит от батареи ток.

Один из проводов от детонатора он подключил к батарее.

Руки у него дрожали. Он чувствовал, как под рубашкой струйками стекает пот. Сейчас, когда детонатор уже вмонтирован в схему, достаточно одной ошибки, одного неловкого движения — и он взорвёт себя, эту комнату и большую часть здания: всё разлетится на куски.

Теперь настала очередь прищепки для белья.

В каждую из ножек он воткнул изнутри по кнопке. Если нажать на

прищепку, ножки вместе с кнопками сойдутся и пропустят ток. А пока он проложил между ними изолятор — кусочек пластика.

Затаив дыхание, он подключил провод от детонатора и динамитной шашки к одной из кнопок на прищепке. Теперь настала очередь взяться за второй провод.

Он переждал, чувствуя, как колотится сердце, потом вытер потные руки платком. Нервы его были натянуты как струны, все чувства обострены до предела. Матрас под ним был тонкий, весь в буграх. Когда он переменил позу, старенькая железная кровать возмущённо взвизгнула.

Он снова принялся за работу. С огромной осторожностью подключил он короткий провод сначала к другой клемме батареи, потом — к другой кнопке. Теперь только квадратик пластика удерживал кнопки на расстоянии, а как только они соприкоснутся, по ним пройдёт электрический ток и произойдёт взрыв.

В пластике толщиною в одну шестнадцатую дюйма у самого края была проделана дырочка. Д. О. Герреро взял шнурок — последнюю часть устройства, ещё лежавшую на постели, — один конец его пропустил через дырочку и крепко завязал, стараясь не сдвинуть пластик. Другой конец он просунул в дырку, которую просверлил в боковине чемоданчика, под ручкой, чтоб не было заметно. Высвободив немного шнурок внутри чемоданчика, он сделал снаружи второй узел — достаточно большой, чтобы шнур не мог уползти назад. Теперь оставалось только сделать петлю с внешней стороны — совсем маленькую, лишь бы просунуть палец, что-то вроде петли висельника в миниатюре, — и отрезать лишнее.

Ну вот, теперь всё готово.

Достаточно пропустить палец в петлю и потянуть за шнурок! В чемоданчике кусок пластика выскочит из прищепки и провода соединятся. По ним пробежит электрическим ток, и раздастся взрыв, оглушающий, разрушительный, всё уничтожающий.

Теперь, когда дело было сделано, Герреро вздохнул с облегчением и закурил сигарету. Он криво усмехнулся, подумав о том, насколько более сложной представляют себе бомбу люди, в том числе и сочинители детективных историй. В книгах он читал о мудрёных механизмах, бикфордовых шнурах, часах, которые тикают, или шипят, или трещат и действие которых можно приостановить, лишь бросив механизм в воду. На самом же деле никаких таких сложностей не требовалось, несколько самых обычных, ничуть не романтических предметов, и вот она — бомба. И притом такая, что взрыв её ничто не способно предотвратить, если он дёрнет за шнурок, — ни вода, ни пуля, ни человеческая отвага.

Зажав сигарету в зубах и щурясь от дыма, Д. О. Герреро осторожно положил в чемоданчик разные бумаги, прикрыв ими динамитные шашки, прищепку, провода, батарею и шнурок. Он позаботился о том, чтобы бумаги в чемоданчике не скользили, а шнурок мог бы свободно двигаться под ними. Даже если по каким-то причинам ему придётся открыть чемоданчик, содержимое его покажется вполне невинным. Он закрыл чемоданчик и запер.

Затем посмотрел на дешёвенький будильник, стоявший у кровати, — его ручные часы давно уже отправились к ростовщику. Было самое начало девятого, до отлёта оставалось меньше двух часов. Пора ехать. Он доберётся на метро до городского аэровокзала и там сядет на аэропортовский автобус. Герреро оставил себе столько денег, сколько требуется на автобусный билет и на страховку — не больше. Тут ему пришла в голову мысль, что нужно ведь время для приобретения страховки в аэропорту. Он быстро натянул пальто, предварительно проверил, лежит ли у него во внутреннем кармане билет на Рим.

Потом отпер дверь спальни, взял чемоданчик и, осторожно неся его, вышел в жалкую, бедную гостиную.

Ещё одно. Письмо Инес. Он отыскал кусочек бумаги и карандаш и, подумав секунду, написал:

«Несколько дней меня не будет. Уезжаю. Надеюсь скоро удивить тебя добрыми вестями».

И подписался: «Д. О.».

Ещё секунду он помедлил, чувствуя, как в нём что-то смягчается. Не слишком он расщедрился на тёплые слова в этой записке, а ведь она подводила черту под восемнадцатью годами супружества. Потом он всё же решил, что хватит и этого; было бы ошибкой сказать больше. Даже если от самолёта ничего не останется, расследование пойдёт своим чередом и список пассажиров будут изучать под микроскопом. Тогда и эту записку, и другие оставшиеся после него бумаги будут тщательно смотреть.

Он положил записку на стол, где Инес не могла её не обнаружить.

Спускаясь по лестнице, Д. О. Герреро услышал голоса и музыку, доносившуюся из автомата в закусочной. Крепко держа чемоданчик, он одной рукой поднял воротник пальто. Под пальцами, сжимавшими ручку, он чувствовал петлю, так походившую на петлю висельника.

На улице, когда он вышел из дома, всё ещё валил снег.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
(20:30–23:00)

1

Вернувшись в тёплую машину, Джо Патрони, главный механик «ТВА», вызвал по радиотелефону аэропорт. Он сообщил, что всё ещё находится в пути — на дороге из-за аварии пробка, — но всё же надеется скоро прибыть. А как там с самолётом «Аэрео-Мехикан», спросил он, всё ещё не вытащили? Нет, сообщили ему, не вытащили, и он нужен позарез: каждые две-три минуты звонят в «ТВА» и спрашивают, где Патрони и долго ли его ещё ждать.

Немного обогревшись, Джо выскочил из машины и, преодолевая буран, увязая в снегу, заспешил по шоссе к месту аварии.

Обстановка вокруг завалившегося автокара с прицепом выглядела так, точно всё это было инсценировано для съёмок широкоэкранной картины. Гигантский фургон по-прежнему лежал на боку, перегораживая четыре полосы шоссе. К этому времени машину уже накрыло толстым слоем снега, и она походила на перевёрнутого мёртвого динозавра. Белый снег, яркий свет прожекторов, «мигалки» — всё это создавало впечатление, что дело происходит днём. Прожекторы были установлены на трёх грузовиках, которые посоветовал вызвать Патрони. Ярко-красные «мигалки» сверкали на крышах полицейских машин, которых за последнее время ещё прибавилось, — казалось, полицейские только и были заняты тем, чтобы

следить за работой «мигалок». Словом, настоящий фейерверк — как на празднике 4 июля.[3]

Сходство со спектаклем стало ещё более разительным, когда прибыла телевизионная группа. Самоуверенные телевизионщики подъезжали по обочине, отчаянно гудя, сверкая вопреки правилам «мигалкой» на крыше своего коричневого фургона. С характерной для людей этой профессии беспардонностью четверо молодчиков принялись командовать, точно эта авария была устроена специально для них и всё дальнейшее должно быть подчинено их желаниям. Полицейские не только не обратили внимания на «мигалку», незаконно установленную на крыше телевизионного фургона, но, повинуясь указаниям съёмочной группы, уже размахивали руками, передвигая грузовики.

А Патрони, прежде чем отправиться к себе в машину звонить по телефону, тщательно разъяснил, где должны встать грузовики, чтобы объединёнными усилиями сдвинуть с места опрокинутый автокар и прицеп. Уходя, он видел, как шофёры грузовиков и выделенные им в помощь рабочие стали подсоединять к автокару и прицепу тяжёлые цепи, которые затем надо будет закрепить, на что потребуется ещё несколько минут. Полиция охотно приняла помощь Патрони, и полицейский лейтенант, прибывший к тому времени на место действия, гаркнул, приказывая шофёрам грузовиков во всём слушаться Джо. Теперь же цепи были сняты, за исключением одной, с которой, осклабившись нацеленному на него телевизионному аппарату, возился в свете прожекторов шофёр грузовика.

За аппаратом и прожекторами толпились пассажиры застрявших машин. Большинство с интересом следили за съёмкой, забыв и о своём желании поскорее сдвинуться с места, и о ночном холоде.

Внезапный порыв ветра швырнул мокрым снегом в лицо Патрони. Он схватился за ворот своей парки, но было уже поздно: снег проник внутрь, и рубашка сразу намокла. Неприятно, но ничего не поделаешь. Патрони добрался до лейтенанта полиции и спросил:

— Кто, чёрт побери, переставил грузовики? Этак они не сдвинут с места и кучу дерьма. Они могут разве что толкать друг друга.

— Да знаю я, мистер. — Лейтенант, высокий, широкоплечий, возвышавшийся как башня над коротконогим, приземистым Патрони, был явно смущён. — Но телевизионщикам хотелось получше всё заснять. Они с местной станции, и им это нужно для сегодняшних новостей — про буран. Вы уж меня извините.

Одни из телевизионщиков в тёплом пальто, застёгнутом на все

пуговицы, поманил лейтенанта, жестом показывая, что хочет снять его на плёнку. Лейтенант вздёрнул голову, несмотря на валивший снег, и с хозяйским видом направился к грузовику, возле которого шла съёмка. Двое полицейских последовали за ним. Став лицом к аппарату, лейтенант принялся размахивать руками, давая указания шофёру грузовика — указания совершенно бесполезные, но могущие произвести внушительное впечатление с экрана.

Патрони же, подумав о том, с каким нетерпением его ждут в аэропорту, почувствовал, что в нём закипает гнев. Он чуть не ринулся на всю эту аппаратуру — так и схватил бы телевизионный аппарат, прожекторы и расколошматил. Мускулы его невольно напряглись, дыхание участилось. Но усилием воли он взял себя в руки.

Патрони отличался буйным, неуёмным нравом; по счастью, его нелегко было вывести из равновесия, но если это случалось, то выдержка и благоразумие покидали его. Всю свою сознательную жизнь он старался научиться владеть собой, но это не всегда ему удавалось, хотя сейчас достаточно было вспомнить об одном случае, чтобы он сумел взять себя в руки.

А тогда он этого сделать не сумел. И воспоминание о том, что произошло, всю жизнь преследовало его.

Во время второй мировой войны Джо служил в авиации и занимался любительским боксом, причём считался опасным противником. Он был боксёром среднего веса и в какой-то момент чуть не стал участником чемпионата ВВС на европейском театре военных действий от своей дивизии.

На матче, устроенном в Англии незадолго до вторжения в Нормандию, ему пришлось выступать против командира самолёта по имени Терри О'Хейл, разнузданного хулигана из Бостона, известного своей подлостью как на ринге, так и вне его. Джо был тогда рядовым авиационным механиком; он знал О'Хейла и не любил его. Это не имело бы значения, если бы О'Хейл не прибег на ринге к одному тщательно рассчитанному приёму — не шептал всё время сквозь зубы: «Ах ты, грязный даго, итальяшка… Ты почему не воюешь на другой стороне, сосунок?.. Ты же ревёшь от восторга, когда они сбивают наши машины, а, даго?» И так далее всё в том же роде. Патрони прекрасно понимал, что это гамбит, попытка вывести его из себя, и пропускал оскорбления мимо ушей, пока О'Хейл вопреки правилам не ударил его дважды в низ живота, судья же, плясавший сзади них, не заметил этих ударов.

Оскорбления, эти два удара в низ живота и невыносимая боль сыграли

своё дело, и Патрони вскипел, на что его противник и рассчитывал. Но он не рассчитывал, что Патрони так стремительно, так яростно и так безжалостно обрушится на него — О'Хейл рухнул и, когда судья отсчитал десять, был уже мёртв.

Патрони не поставили это в вину. Хотя судья не заметил запрещённых ударов, их заметили зрители, стоявшие у ринга. Но даже если бы они и не заметили, всё равно Патрони ведь делал лишь то, что положено — сражался в меру своего умения и сил. Только сам он знал, что на какие-то секунды рассудок ему изменил и он был безумен. Позже, наедине с собой, Джо вынужден был признать: даже понимая, что О'Хейл умирает, он не смог бы совладать с собой.

После этого прискорбного случая он не перестал боксировать и не «повесил свои перчатки на гвоздь», как обычно пишут в романах. Он продолжал драться на ринге во всю силу своих физических возможностей, не стараясь особенно сдерживаться, но тщательно следя за тем, чтобы не пересечь черту между разумом и безумием. Ему это удавалось — он это понимал, ибо стоило ему распалиться, как разум вступал в единоборство со звериным началом и побеждал. Тогда — и только тогда — Патрони ушёл из бокса и уже не ступал на ринг до конца своих дней.

Но одно дело уметь держать себя в руках, а другое — избавиться от подобных вспышек ярости вообще. И когда лейтенант полиции вернулся, вдоволь накрасовавшись перед телевизионным аппаратом, Патрони накинулся на него:

— Вы на целых двадцать минут задержали пробку на дороге. Десять минут ушло у нас на то, чтобы расставить как надо грузовики, и теперь ещё десять минут уйдёт, чтобы вернуть их на прежнее место.

В этот момент над ними раздался шум пролетавшего самолёта — напоминание о том, что Патрони следовало поторапливаться.

— Послушайте, мистер. — Лицо лейтенанта побагровело, хотя оно и так уже было красным от ветра и холода. — Вбейте себе в башку, что командую здесь я. Мы рады любой помощи, включая вашу. Но решения принимаю я.

— Тогда примите же наконец!

— Я буду делать то, что я…

— Ну, нет, вы будете слушать меня. — Патрони горящими глазами смотрел на полицейского, возвышавшегося над ним. Лейтенант, видимо, почувствовав скрытый гнев старшего механика, его привычку командовать, умолк. — В аэропорту очень сложная ситуация. Я говорил вам об этом и говорил, почему я там нужен. — Как бы подчёркивая свои слова, Патрони

ткнул в воздух горящей сигарой. — Может, и у других есть причины спешить, но ограничимся пока тем, что я вам сказал. У меня в машине телефон, и я сейчас же позвоню своему начальству. А оно позвонит вашему. И не успеете вы глазом моргнуть, как вас вызовут по вашему радио и спросят, почему вы изображаете из себя телевизионного героя, вместо того чтобы заниматься делом. Так что решение, как вы изволили выразиться, за вами! Звонить мне по телефону или будем пошевеливаться?

Лейтенант смотрел на Джо и, казалось, готов был испепелить его взглядом. Ему очень хотелось дать волю гневу, но он сдержался. И повернулся всем своим большим телом к телевизионщикам.

— Живо убирайте отсюда всю эту бодягу! Слишком долго вы тут, ребята, копаетесь.

Один из телевизионщиков крикнул через плечо:

— Ещё несколько минут, шеф!

Лейтенант в два прыжка очутился рядом с ним.

— Вы меня слышали? Убирайтесь сейчас же! — Всё ещё разгорячённый стычкой с Патрони, лейтенант пригнулся к нему, и телевизионщик съёжился.

— О'кей, о'кей! — Он поспешно замахал своей группе, и переносные прожекторы потухли.

— Поставить эти два грузовика, как были! — Слова команды пулемётной очередью слетали с губ лейтенанта. Полицейские кинулись выполнять его приказания. А сам он подошёл к Патрони и жестом показал на перевёрнутый фургон: он явно решил, что полезнее иметь Патрони в качестве союзника, чем противника. — Мистер, вы по-прежнему считаете, что нам надо оттаскивать его на обочину? Вы уверены, что мы не сумеем поставить его на колёса?

— Сумеете, конечно, если хотите забаррикадировать дорогу до рассвета. Вам ведь надо сначала разгрузить фургон и только уже потом…

— Знаю, знаю! Забудем об этом. Оттащим его на обочину, а об ущербе будем думать потом. — И, указав на длинную череду застывших в неподвижности машин, лейтенант добавил: — Если хотите рвануть отсюда, как только освободится дорога, выведите машину из своего ряда и подгоните сюда. Дать вам сопровождающего до аэропорта?

Патрони кивнул:

— Спасибо.

Через десять минут последний крюк тяги был укреплён. Тяжёлые цепи протянулись от одного из аварийных грузовиков и обмотались вокруг осей перевёрнутого автокара; прочные тросы соединяли цепи с лебёдкой на

аварийном грузовике. Цепи со второго грузовика подсоединили к прицепу, а третий грузовик поставили за прицепом, чтобы толкать фургон.

Шофёр автокара, пострадавший лишь незначительно, хоть он и перевернулся вместе с машиной, тяжело вздохнул, глядя на происходящее.

— Моим хозяевам это не понравится! Машины-то ведь совсем новенькие. А вы превратите их в лом.

— Только доделаем то, что ты начал, — заметил молодой полицейский.

— Ну ещё бы! Вам-то всё равно, а я потерял хорошую работу, — угрюмо буркнул шофёр. — Может, теперь попробую чего полегче — скурвлюсь и пойду в полицию.

— А почему бы и нет? — осклабился полицейский. — Ты ведь уже и так скурвился.

— Как считаете, можно приступать? — обратился лейтенант к Патрони.

Джо кивнул. И пригнулся, проверяя, хорошо ли натянуты цепи и тросы.

— Только потихоньку, не спеша, — предупредил он. — И сначала тяните автокар.

На первом грузовике заработала лебёдка; колёса грузовика заскользили по снегу, шофёр прибавил скорости, чтобы натянуть цепь. Передняя часть перевёрнутого транспорта застонала, сдвинулась фута на два, отчаянно скрежеща металлом, и снова застила.

Патрони замахал рукой:

— Не останавливайтесь! Сдвигайте с места прицеп!

Цепи и тросы, соединявшие ось прицепа со вторым грузовиком, натянулись. Третий грузовик придвинулся к самой крыше фургона. Колёса всех трёх грузовиков скользили по мокрому, уже плотно утрамбованному снегу. Автокар и прицеп сдвинулись ещё фута на два под нестройное «ура» стоявшей вокруг толпы. Телевизионщики снова заработали; свет их прожекторов создавал дополнительное освещение.

На дороге — там, где прежде лежал фургон, — осталась широкая, глубокая вмятина. Автокар и прицеп вместе со своим грузом были уже серьёзно повреждены, крыша на прицепе с того боку, который протащили по шоссе, смялась. Цена, которую придётся заплатить — страховым компаниям, конечно, — за то, чтоб побыстрее восстановить движение на шоссе, будет немалая.

Два снегоочистителя работали по обе стороны поваленного автокара с прицепом, расчищая накопившиеся со времени аварии сугробы. К этому

времени и машины и люди уже были в снегу — и Патрони, и лейтенант, и полицейские, — словом, все, кто находился под открытым небом.

Моторы грузовиков снова взревели. Из-под колёс, скользивших на мокром, утрамбованном снегу, шёл дым. Медленно, величаво перевёрнутая махина сдвинулась на два-три дюйма, потом на два-три фута и съехала к дальнему краю дороги. Прошло всего несколько секунд, и фургон перегораживал уже не четыре, а лишь одну полосу на шоссе. Теперь три грузовика без труда-сдвинут автокар на обочину.

Полицейские засигналили фонариками, готовясь рассасывать грандиозную пробку, на что у них уйдёт, наверно, не один час. Гул самолёта, пронёсшегося над головой, снова напомнил Патрони, что главная его забота — впереди.

Лейтенант полиции, к которому он подошёл, снял фуражку и стряхнул с неё снег. Потом кивнул Патрони:

— Теперь ваша очередь, мистер, поезжайте.

С обочины на шоссе вырулила патрульная машина. Лейтенант ткнул в неё пальцем:

— Держитесь за машиной. Я сказал им, что вы поедете следом, и велел побыстрее проложить вам дорогу в аэропорт.

Патрони кивнул. Когда он уже садился в свой «бьюик», лейтенант крикнул ему вслед:

— Эй, мистер… Спасибо.

2

Капитан Вернон Димирест отворил дверцу шкафа, отступил на шаг и протяжно свистнул.

Он стоял на кухне у Гвен Мейген, в «Квартале стюардесс». Гвен всё ещё не вышла из душа; дожидаясь её, Димирест решил приготовить чай и в поисках чашек и блюдец открыл шкаф.

Все четыре полки перед ним были плотно уставлены бутылочками. Это были маленькие бутылочки вместимостью в полторы унции, какие авиакомпании выдают пассажирам в полёте. Над большинством этикеток была наклеена марка авиакомпании, и все бутылочки были не откупорены. Быстро произведя в уме подсчёт, Димирест решил, что их здесь штук триста.

Он и раньше видел казённое вино в квартирах стюардесс. Но никогда не видел в таком количестве.

— У нас есть припасы ещё и в спальне, — услышал он за спиной весёлый голос Гвен. — Мы собираем для вечеринки. По-моему, достаточно набрали, правда?

Он не слышал, как она вошла, и обернулся. До чего же она хороша и свежа; с тех пор как начался их роман, всякий раз при виде её он испытывал восхищение. В такие минуты, как ни странно, он, обычно уверенный в своём успехе у женщин, удивлялся, что Гвен принадлежит ему. Она была в узкой форменной юбке и блузке, которые делали её совсем юной. Её живое лицо с высокими скулами было слегка запрокинуто, густые чёрные волосы блестели в электрическом свете. Тёмные глубокие глаза с улыбкой и нескрываемым одобрением смотрели на него.

— Можешь поцеловать меня, — сказала она. — Я ещё не намазалась.

Он улыбнулся: чистый мелодичный голос с английским акцентом придавал ей ещё больше очарования. Подобно многим девушкам, окончившим дорогую английскую частную школу, Гвен усвоила всё благозвучие английских интонаций. Порой Вернон Димирест нарочно втягивал Гвен в беседу — с единственной целью насладиться звучанием её речи.

Но сейчас они стояли, крепко прижавшись друг к другу, и губы её жадно отвечали на его поцелуи.

— Нет! — решительно заявила Гвен, внезапно отстраняясь от него. — Нет, Вернон, не надо. Не сейчас.

— Почему? У нас достаточно времени. — Голос Димиреста звучал глухо, в нём слышалось нетерпение.

— Я же сказала, что мне надо с тобой поговорить, а на то и на другое у нас нет времени. — Гвен заправила блузку, выбившуюся из юбки.

— А, чёрт! — буркнул он. — Доводишь меня чёрт-те до чего, а потом… Ну, ладно, подожду до Неаполя. — Он легонько поцеловал её. — Пока будем лететь в Европу, думай о том, что я сижу в кабине и тихо плавлюсь.

— Ничего, я снова доведу тебя до кондиции. Можешь на меня положиться. — Она рассмеялась и, прильнув к нему, провела длинными тонкими пальцами по его лицу, взъерошила волосы.

— О господи, — вздохнул он, — вот сейчас ты ведёшь себя, как надо.

— Хорошенького понемножку. — И Гвен сняла его руки со своей талии. Потом повернулась и подошла к шкафу, который он открыл.

— Постой, постой. Ты так и не объяснила мне, что это значит. — И Димирест указал на миниатюрные бутылочки с наклейками авиакомпании.

— Это? — Гвен, подняв брови, окинула взглядом четыре уставленные бутылочками полки и придала своему лицу выражение оскорблённой невинности. — Скромные отходы, то, что не потребовалось пассажирам. Неужели, капитан, вы намерены донести на меня и сообщить об отходах?

— Отходы в таком количестве? — иронически проронил он.

— А почему бы и нет? — Гвен взяла бутылочку джина «Бифитер», снова поставила её и взяла другую — виски «Кэнедиен клаб». — А всё-таки одно можно сказать в пользу авиакомпании: алкоголь они покупают самого высокого качества. Хочешь выпить?

Он отрицательно покачал головой.

— Ты могла бы предложить мне кое-что получше.

— Могла бы, если бы ты не изображал из себя строгого судью.

— Я просто не хочу, чтобы ты попалась.

— Никто не попадается, хотя все это делают. Посуди сам: каждому пассажиру первого класса положено две бутылочки; но есть такие, которые выпивают только одну, и всегда есть такие, которые вообще не пьют.

— В правилах сказано, что вы обязаны возвратить неоткупоренные бутылки.

— О господи! Так мы и делаем: возвращаем две-три для вида, а остальные девочки делят между собой. Так же поступаем, мы и с вином. — Гвен хихикнула. — Мы очень любим пассажиров, которые просят вина перед самой посадкой. Тогда можно на законных основаниях откупорить бутылку, налить пассажиру бокал, а остальное…

— Ясно. А остальное унести домой?

— Хочешь взглянуть? — Гвен открыла другую дверцу шкафа. На полках стояло около дюжины бутылок вина.

Димирест усмехнулся.

— Ну и ну!

— Это не только мои. Моя напарница и одна из девчонок, что живёт рядом, дали мне свою долю на сохранение — для вечеринки. — Она взяла его под руку. — Ты ведь тоже придёшь, конечно?

— Если пригласят; наверно, приду.

Гвен закрыла дверцы шкафа.

— Можешь не сомневаться: пригласят.

Они прошли на кухню, и она налила в чашки приготовленный им чай. Он любовался каждым её движением. У Гвен был какой-то удивительный дар даже вот такое чаепитие на ходу обставлять со всей торжественностью.

Теперь, когда она достала из другого шкафа чашки и Димирест увидел, что они тоже с маркой «Транс-Америки», он только усмехнулся. Не следовало ему проявлять такую щепетильность при виде бутылочек с ярлыками авиакомпании, подумал он: в конце концов, уловки стюардесс ни для кого не секрет. Просто его изумило количество бутылочек.

Он знал, что все стюардессы довольно быстро обнаруживают, что экономное расходование припасов в самолётных подсобках может существенно облегчить им жизнь дома. Они приходят в самолёт с полупустыми чемоданчиками, которые затем набивают оставшейся едой, причём первоклассной, поскольку авиакомпании покупают только самое лучшее. Пустой термос отбывает из самолёта полным — со сливками, а порой и с шампанским. Кто-то даже уверял Димиреста, что предприимчивая стюардесса может наполовину сократить свой счёт у бакалейщика. Только на международных рейсах девушки ведут себя осторожнее, так как по правилам все оставшиеся продукты сразу после посадки должны быть уничтожены.

Всё это, разумеется, строго запрещено всеми авиакомпаниями и тем не менее идёт своим чередом.

Стюардессы знают, что по окончании полёта никакой инвентаризации не производится. Во-первых, на это просто нет времени, и, во-вторых, авиакомпаниям дешевле возместить убытки, чем поднимать вокруг этого шум. В результате многие стюардессы сумели за счёт авиакомпании обзавестись одеялами, подушками, полотенцами, льняными салфетками, рюмками и столовыми приборами в поистине ошеломляющем количестве: Вернону Димиресту доводилось посещать «гнёздышки», где почти все

предметы повседневного обихода явно прибыли из кладовых авиакомпаний.

В размышления его вторгся голос Гвен.

— Я вот что хотела сказать тебе, Вернон: я беременна.

Она произнесла это столь небрежно, что смысл её слов не сразу дошёл до его сознания. И потому он ошарашенно переспросил:

— Ты что?

— Беременна: бе-ре-ме…

— Можешь не произносить по слогам, — раздражённо оборвал он её. Но мозг его всё ещё не желал воспринимать услышанное. — Ты в этом уверена?

Гвен рассмеялась своим приятным, серебристым смехом и глотнула чаю. Димирест видел, что она забавляется его растерянностью. Но до чего же она была сейчас желанна и хороша!

— Дорогой мой, — заметила она, — какой старый, как мир, банальный вопрос! Во всех книгах, какие я читала, мужчина в таких случаях задаёт вопрос: «А ты уверена?»

— Чёрт побери, Гвен! — взорвался Димирест. — Ты всё-таки уверена или нет?

— Конечно. Иначе я бы тебе этого не сказала. — Она протянула руку к стоявшей перед ним чашке. — Ещё чаю?

— Нет!

— Всё очень просто, — спокойно сказала Гвен. — Это произошло во время «пересыпа» в Сан-Франциско… Помнишь, мы ещё ночевали в этом роскошном отеле на Ноб-Хилл, где открывается такой вид из окон… Как он назывался, этот отель?

— «Фейрмонт». Да, помню. Продолжай.

— Ну вот: боюсь, я там была неосторожна. Я перестала принимать пилюли, потому что начала от них полнеть, и, кроме того, я считала, что в тот день могу не беспокоиться, но, видно, ошиблась. Словом, из-за моей небрежности теперь во мне сидит крошечный Вернон Димирест, который с каждым днём будет всё расти.

Наступило молчание. Потом он, запинаясь, сказал:

— Вероятно, я не должен об этом спрашивать…

Она прервала его:

— Нет, должен. Ты имеешь право спросить. — Тёмные глаза Гвен открыто и прямо смотрели на него. — Ты хочешь знать, был ли кто-то ещё и уверена ли я, что это твой ребёнок. Так?

— Послушай, Гвен…

Она дотронулась до его руки.

— Не надо деликатничать. Всякий на твоём месте задал бы такой вопрос.

Он с несчастным видом махнул рукой.

— Забудь об этом и извини меня.

— Но я готова тебе ответить. — Она заговорила быстрее и более сбивчиво: — Никого другого не было. И быть не могло. Видишь ли… дело в том, что я люблю тебя. — Впервые она не смотрела на него. И, помедлив, продолжала: — По-моему, я любила тебя… я даже уверена, что любила… ещё до той нашей поездки в Сан-Франциско. Сейчас, когда я думаю об этом, я рада, что это так, потому что надо любить человека, от которого у тебя ребёнок, правда?

— Послушай меня, Гвен. — Он накрыл её руки своими. Пальцы у Вернона Димиреста были сильные, тонкие, привыкшие управлять и подчинять себе, но умевшие и ласкать. И сейчас они ласково гладили её руки. Обычно грубый и резкий с мужчинами, Вернон Димирест был неизменно нежен с женщинами, которые ему нравились. — Нам надо серьёзно поговорить и всё обдумать. — Теперь, придя в себя от неожиданности, он привёл свои мысли в порядок. Ему стало ясно, что делать дальше.

— А тебе ничего не нужно предпринимать. — Гвен вскинула голову, голос её был спокоен. — И, пожалуйста, не волнуйся: я не стану устраивать сцен и осложнять тебе жизнь. Я этого не сделаю. Я ведь знала, на что шла, знала, что это может произойти. Я, правда, этого не ожидала, но так получилось. И я решила сказать тебе об этом сегодня только потому, что ребёнок твой: это часть тебя, и ты должен знать. А теперь, когда ты знаешь, я говорю тебе: можешь не волноваться. Я сама со всем справлюсь.

— Не горячись, я тебе, конечно, помогу. Не воображаешь же ты, что я отвернусь от тебя и сделаю вид, будто это меня не касается. — А про себя он думал: «Главное — не тянуть: чем быстрее избавимся от маленького негодника, тем лучше. Надо бы ещё выяснить, насколько она религиозна: есть ли у неё предубеждения против аборта?» В разговорах с ним Гвен никогда не касалась вопросов веры, но бывает, что люди, от которых меньше всего можно этого ожидать, оказываются вдруг, верующими. И он спросил:

— Ты католичка?

— Нет.

Ну, это уже лучше, подумал он. В таком случае ей, пожалуй, надо побыстрее слетать в Швецию — на это понадобится всего несколько дней.

«Транс-Америка» тут, конечно, поможет — авиакомпании всегда помогают в таких случаях, при условии, что официально им ничего не известно: нужно лишь намекнуть на аборт, но не произносить этого слова. Тогда Гвен сможет полететь на самолёте «Транс-Америки» в Париж, а оттуда «Эр-Франс» доставит её в Стокгольм — по служебному билету, на основе взаимных услуг. Конечно, хоть она и бесплатно полетит в Швецию, всё равно за операцию придётся выложить немалую сумму: среди авиационных служащих даже ходила шутка, что шведы чистят не только внутренности, но и карманы своих пациенток. Всё это, конечно, обошлось бы много дешевле в Японии. Многие стюардессы летят в Токио и делают там аборт за пятьдесят долларов. И даже как будто в клиниках. Но Димиресту почему-то Швеция или Швейцария представлялись более надёжным местом. Если он когда-нибудь сделает стюардессе ребёнка, заявил однажды Димирест, то избавляться от него она будет по первому классу.

Но то, что с Гвен это произошло именно сейчас, было чертовски некстати и нарушало все его планы: он задумал расширять свой дом и уже вышел за рамки бюджета. Ничего не поделаешь, мрачно решил он, придётся продать кое-что из акций — пожалуй, «Дженерал дэйнемикс»: он уже неплохо на них заработал и пора воспользоваться барышом. Надо будет позвонить маклеру, как только они вернутся из Рима… и из Неаполя.

И он спросил:

— Но ты всё же поедешь со мной в Неаполь?

— Конечно. Я так давно мечтала об этом. К тому же я купила новую ночную рубашку. Ты её увидишь завтра вечером.

Он встал из-за стола и ухмыльнулся.

— Бесстыжая девка.

— Бесстыжая беременная девка, которая бесстыдно любит тебя. А ты меня любишь?

Она подошла к нему, и он начал её целовать — в губы, в щёки, в ухо, чувствуя, как напрягаются её руки, обвившие его, шею. И он шепнул:

— Я люблю тебя. — В эту минуту Димирест не сомневался, что говорит правду.

— Вернон, дорогой…

— Да?

Щека, прильнувшая к его щеке, была такая мягкая. Голос звучал глухо — она говорила, уткнувшись ему в плечо:

— Как я тебе сказала, так и будет. Тебе не придётся мне помогать. Только если ты в самом деле захочешь.

— А я и хочу. — Он решил, что позондирует почву насчёт аборта по пути в аэропорт.

Гвен высвободилась из его объятий и посмотрела на свои часики: восемь двадцать.

— Пора, капитан. Поехали.

— Я думаю, ты понимаешь, что тревожиться тебе не о чём, — говорил Вернон Димирест, ведя машину. — Авиакомпании привыкли к тому, что их незамужние стюардессы беременеют. Это случается на каждом шагу. Согласно последнему отчёту, десять процентов стюардесс ежегодно оказываются беременными.

Вот теперь, не без удовольствия отметил он про себя, они уже подходят к сути дела. Прекрасно! Важно отвлечь Гвен от всяких сентиментальных глупостей, связанных с этим будущим ребёнком. Димирест знал: если она расчувствуется, тут, вопреки здравому смыслу, могут произойти самые нелепые вещи.

Он осторожно вёл машину, твёрдо, но бережно держа руль, — он всегда бережно обращался с любым механизмом, будь то автомобиль или самолёт. На окраине города улицы были покрыты толстым слоем снега, хотя их только что расчищали, когда он ехал из аэропорта к Гвен. Снег продолжал валить, и в местах, открытых ветру, особенно там, где не было зданий, громоздились высокие сугробы. Капитан Димирест осторожно огибал их. Ему вовсе не улыбалось застрять где-нибудь по дороге или вылезти хотя бы на минуту из машины, пока они не доберутся до гаража «Транс-Америки».

Гвен, уютно пристроившаяся рядом с ним на кожаных подушках сиденья, недоверчиво спросила:

— Неужели… неужели правда, что ежегодно десять стюардесс из ста оказываются беременными?

— Год на год, конечно, не приходится, но обычно это более или менее так, — подтвердил он. — Таблетки, несомненно, изменили это соотношение, но, насколько мне известно, ненамного. Как один из руководителей нашей ассоциации, я имею доступ к такого рода данным. — Он сделал паузу, дожидаясь реакции Гвен. Но она молчала, и он продолжал: — Нельзя забывать, что стюардессами работают главным образом девушки из ферморского сословия, а если и городские, то из скромных семей. Они росли в глуши, жили более чем заурядно. И вдруг перед ними открывается совсем другая жизнь: новые города, номера в дорогих отелях, встречи с интересными людьми. Словом, они начинают приобщаться к la dolce vita.[4] — Он усмехнулся. — Ну, и в итоге на

донышке бокала иной раз остаётся осадок.

— Какое свинство! — Гвен вспылила впервые за всё время их знакомства. — Какое высокомерие! — возмущённо продолжала она. — Одно слово: мужчина. Так вот, если в моём бокале или во мне кое-что и осталось, то позволь тебе напомнить, что это твоё, и хотя мы вовсе не собирались ничего оставлять, я бы подыскала для этого иное выражение. И ещё: меня, чёрт возьми, отнюдь не устраивает то, что ты сваливаешь меня в одну кучу со всеми этими девочками «из фермерского сословия» и «из скромных семей».

Щёки Гвен горели, глаза сверкали от возмущения.

— Эй! — сказал он. — А мне нравится твоё настроение.

— Что ж, если будешь продолжать в том же духе, тебе не придётся жаловаться на то, что оно у меня изменилось.

— Неужели я говорил такие уж гадости?

— Ты просто невыносим.

— Не сердись, пожалуйста. — Димирест сбавил скорость и остановился у светофора, искрившегося мириадами красных точек сквозь падающий снег. Они молча подождали, пока свет не стал зелёным, ярким, как на рождественской открытке. Когда они двинулись дальше, он мягко сказал: — Ни в какую кучу сваливать тебя я не собирался, потому что ты — исключение. Ты же умница и только по неосторожности попала в беду. Ты сама так сказала. Просто мы, наверно, оба были неосторожны.

— Ладно, хватит об этом. — Вспышка гнева у Гвен уже прошла. — Но никогда не суди обо мне по другим. Я — это я, и никто другой.

Некоторое время они молчали. Затем Гвен задумчиво произнесла:

— Пожалуй, так мы его и назовём.

— Кого и как?

— Я вспомнила о том, что сказала тебе — насчёт того, что во мне сидит маленький Вернон Димирест. Если родится мальчик, мы назовём его Вернон Димирест-младший, как принято у американцев.

Его имя ему не слишком нравилось, и он только хотел было сказать: «Я вовсе не хочу, чтобы мой сын…», но сдержался. Это было бы уже опасно.

— Видишь ли, Гвен, я ведь хотел только сказать, что авиакомпании привыкли к подобным вещам. Ты знаешь о существовании такого документа «один-три», или «Три пункта о беременности»?

Она коротко сказала:

— Да.

Естественно, что Гвен знала об этом документе. Почти все стюардессы

были в курсе того, что авиакомпании могут сделать для них в случае беременности — если, конечно, стюардесса согласится на определённые условия. В компании «Транс-Америка» этот документ обычно называли «3 ПБ». В другой компании он назывался иначе и условия были немного иные, но принцип был везде одинаков.

— Я знала девушек, которые прибегали к его помощи, — сказала Гвен. — Но никогда не думала, что и мне придётся этим воспользоваться.

— Большинство из них, наверно, тоже этого не предполагали. — Димирест помолчал и добавил: — Но ты не должна волноваться. Авиакомпании не склонны это рекламировать, и всё делается шито-крыто. Как у нас со временем?

Гвен приблизила руку с часами к освещённому щитку с приборами.

— Будем вовремя.

Он осторожно вывел свой «мерседес» на среднюю полосу, угадывая её границы под мокрым снегом, и обогнал неуклюжий грузовик. Несколько человек, по всей вероятности аварийная команда, стояли на ступеньке, уцепившись за борт грузовика. Одежда на них была мокрая, они выглядели усталыми и несчастными. И Димирест подумал: «Интересно, как бы они реагировали, если б узнали, что мы с Гвен через несколько часов будем под тёплым неаполитанским солнцем».

— Не знаю, право, — промолвила вдруг Гвен, — не знаю, найду ли я в себе силы воспользоваться этим документом.

Как и Димирест, Гвен понимала, чем руководствовалось аэропортовское начальство, составляя специальный документ на случай беременности стюардесс. Ни одной компании не хотелось расставаться со своими стюардессами. Их обучение стоило дорого, и квалифицированная стюардесса являлась крупным капиталовложением. Да и кроме того, не так-то просто найти подходящих девушек с хорошей внешностью, манерами и обаянием.

Программа помощи была составлена с таким расчётом, чтобы её было легко и просто осуществлять. Если беременная стюардесса не собиралась выходить замуж, она, естественно, стремилась по окончании беременности вернуться на прежнее место, причём авиакомпания обычно была только рада её возвращению. Поэтому, согласно программе, ей предоставлялся официальный отпуск с сохранением занимаемой должности. В отделе же персонала существовали специальные секции, которые заботились об этих молодых женщинах, помогая им, в частности, выбрать больницу, а потом поместить ребёнка на воспитание либо по месту жительства матери, либо в более отдалённом месте — по её желанию. Был тут и психологический

момент: девушка знала, что кто-то подумает о ней и позаботится о её интересах. Случалось даже, что ей давали ссуду. Если после родов стюардессе не хотелось возвращаться на прежнюю базу, её переводили в другое место по её выбору.

За это авиакомпания брала со стюардесс три обязательства — отсюда и название документа: «Один-три».

Во-первых, девушка обязана была оповещать отдел персонала о своём местонахождении в течение всего периода беременности.

Во-вторых, она обязана была сразу после рождения ребёнка отдать его в приют для последующего усыновления. Ей не сообщали, кто его усыновил, и таким образом ребёнок навсегда уходил из её жизни. Авиакомпания, правда, гарантировала соблюдение всех необходимых процедур при усыновлении или удочерении и заботилась о том, чтобы ребёнок попал в хорошую семью.

В-третьих, стюардесса могла воспользоваться программой «Один-три» лишь в том случае, если она сообщала авиакомпании фамилию отца ребёнка. После этого представитель отдела персонала — человек, искушённый в такого рода делах, — немедленно вызывал отца, чтобы добиться от него денежной помощи. Представитель отдела персонала должен был получить у него письменное согласие оплатить расходы по пребыванию стюардессы в больнице и по уходу за ребёнком, а если удастся, то и возместить с его помощью, хотя бы частично, её потери в заработке. Авиакомпании предпочитали, чтобы такие соглашения заключались по доброй воле и без шума. Однако в случае необходимости они могли осуществить нажим на неподатливых отцов, используя свой немалый вес в обществе.

Компании, конечно, почти не приходилось прибегать к таким методам, когда отцом ребёнка был кто-нибудь из членов экипажа — сам командир, или первый, или же второй пилот. В таких случаях, особенно при желании отца сохранить всё в тайне, достаточно было лёгкого увещевания. И тогда уж компания действительно сохраняла всё в тайне. Устанавливалась разумная сумма, которая выплачивалась в течение определённого срока по частям, или же компания вычитала соответствующий процент из жалованья своего служащего. А для того, чтобы избежать излишних расспросов дома, эти вычеты проверились по графе: «Персональные издержки».

Все деньги, полученные таким путём, выплачивались беременной стюардессе. Компания ничего себе не брала.

— Видишь ли, программа тем хороша, — сказал Димирест, — что женщина не чувствует себя одинокой и брошенной.

До сих пор он старательно избегал одного — всякого упоминания слова «аборт». Ни одна авиакомпания не могла, да и не желала открыто связываться с абортом. Советы такого рода обычно давались в неофициальном порядке инспекторами из отдела персонала, которые уже по опыту знали, как это можно устроить. Если девушка решалась на аборт, их задача была помочь ей сделать его в хороших клинических условиях, чтобы она не попала в лапы шарлатанов или плохих врачей, к которым иной раз обращаются доведённые до отчаяния женщины.

Гвен с любопытством посмотрела на своего спутника.

— Скажи мне вот что. Откуда ты так хорошо об этом осведомлён?

— Я же говорил тебе: как один из руководителей нашей ассоциации…

— Всё это так, но это ассоциация лётчиков. И стюардессы не имеют к тебе никакого отношения — во всяком случае, в таком плане.

— Непосредственно мне, конечно, не приходилось этим заниматься.

— Значит, Вернон, ты уже сам попадал в такого рода истории… какая-то стюардесса уже была беременна от тебя… Ведь так. Вернон?

Он нехотя кивнул.

— Да.

— Тебе, конечно, не сложно укладывать к себе в постель стюардесс, этих, по твоим словам, доверчивых сельских девчонок. Или, может, они были из «скромных городских семей»? — В голосе Гвен звучала горечь. — Ну и сколько же их было? Десяток, два? Я не прошу точной цифры — приблизительно.

Он вздохнул:

— Одна, всего одна.

Ему, конечно, невероятно везло. Их могло бы быть гораздо больше, но он сказал правду… почти правду: ведь был же ещё тот случай с выкидышем. Впрочем, это можно не считать.

Движение на шоссе становилось всё интенсивнее по мере того, как они приближались к аэропорту, до которого теперь оставалось всего каких-нибудь четверть мили. Яркие огни огромного аэровокзала даже сквозь снегопад освещали небо.

Гвен сказала:

— Та девушка, которая забеременела от тебя… мне не важно знать её имя…

— Да я и не сказал бы.

— Она воспользовалась этой штукой — документом «Один-три»?

— Да.

— И ты помогал ей?

— Я уже спрашивал тебя: за кого ты меня принимаешь? — нетерпеливо отрезал он. — Конечно, я ей помогал. Если уж тебе непременно надо всё знать, изволь: компания вычитала из моего жалованья определённый процент. Потому я и знаю, как это делается.

Гвен улыбнулась.

— «Персональные издержки»?

— Да.

— И твоя жена знала об этом?

Он помедлил, прежде чем ответить.

— Нет.

— А что произошло с ребёнком?

— Он был отдан на воспитание.

— Кто это был?

— Ребёнок.

— Ты прекрасно понимаешь, о чём я спрашиваю. Это был мальчик или девочка?

— По-моему, девочка.

— По-твоему?

— Я знаю, девочка.

Вопросы Гвен вызвали у него чувство неловкости. Они оживили воспоминания, которые он предпочитал похоронить.

Оба молчали, когда «мерседес» свернул к широкому и внушительному главному подъезду аэропорта. Высоко над входом, залитым ярким светом прожекторов, устремлялись в небо футуристические параболы — творение общепризнанного победителя международного конкурса скульпторов, символизирующее, как тогда было сказано, благородное будущее авиации. Взору Димиреста открылся сложный серпантин шоссейных дорог, «восьмёрок», мостов и туннелей, спроектированных с таким расчётом, чтобы машины могли идти, не снижая скорости, хотя сегодня из-за трёхдневного снегопада они ехали медленнее, чем всегда. Высокие сугробы громоздились даже на проезжей части. Общую сумятицу ещё усиливали снегоочистители и грузовики, старавшиеся удержать снег хотя бы за пределами уже расчищенного пространства.

После нескольких коротких остановок Димирест наконец свернул на служебную дорогу, которая вела к главному ангару «Транс-Америки», где они оставят машину и сядут на автобус для лётного состава.

Гвен вдруг сбросила с себя оцепенение.

— Вернон!

— Да?

— Спасибо за то, что ты был честен со мной. — Она протянула руку и дотронулась до его руки, лежавшей на руле. — У меня всё будет в порядке. Просто слишком много сразу на меня свалилось. И я хочу ехать с тобой в Неаполь.

Он улыбнулся, кивнул, потом на минуту выпустил руль и крепко сжал пальцы Гвен.

— Мы отлично проведём там время. Обещаю тебе, что мы оба запомним эту поездку.

И он постарается, сказал себе Димирест, выполнить обещание. Собственно, это будет не так уж и трудно. Его тянуло к Гвен; ни к кому он ещё не испытывал такой нежности, никто не был ему душевно так близок. Если бы не то, что у него есть жена… И снова, уже не в первый раз, у него мелькнула мысль порвать с Сарой и жениться на Гвен. Но он тут же прогнал эту мысль. Он знал немало своих коллег, переживших подобное, — пилотов, которые после многих лет совместной жизни бросали жён ради более молодых женщин. И в итоге чаще всего оказывались у разбитого корыта с солидным грузом алиментов на плечах.

Так или иначе, во время этого полёта, а может быть, в Риме или в Неаполе, ему придётся провести ещё один серьёзный разговор с Гвен. До сих пор они говорили не совсем в том ключе, как ему бы хотелось, и вопрос об аборте не был затронут.

А пока — мысль о Риме напомнила об этом Димиресту — ему предстояло более неотложное дело: возглавить рейс «Транс-Америки» номер два.

3

Ключ был от комнаты 224 в гостинице «О'Хейген».

В полутёмной гардеробной, примыкавшей к радарной, Кейз Бейкерсфелд вдруг осознал, что он уже несколько минут сидит, уставившись на этот ключ с пластмассовым ярлычком. А может быть, лишь несколько секунд? Возможно. Просто он перестал ощущать течение времени, как и многое другое; утратил способность ориентироваться. Иной раз дома Натали вдруг замечала, что он стоит, застыв, и смотрит в пространство. И лишь когда она озабоченно спрашивала: «Что ты тут делаешь?» — к нему возвращалось сознание, способность действовать и думать.

И тогда — да и сейчас — усталое, измотанное напряжением сознание, должно быть, отключалось. Где-то у него в мозгу был этакий крошечный предохранитель, защитный механизм, вроде того, который отключает мотор при перегреве. Правда, между мотором и человеческим мозгом есть существенная разница: мотор можно выключить и, если нет надобности, больше не включать. Мозг же — нельзя.

Сквозь единственное окно в гардеробную проникало достаточно света от прожекторов, установленных на башне. Но Кейзу свет не был нужен. Он сидел на одной из деревянных скамей, так и не притронувшись к сандвичам, которые приготовила ему Натали, и, глядя на ключ от номера в гостинице «О'Хейген», раздумывал над тем, какой загадкой является человеческий мозг.

Человеческий мозг может рождать смелые образы, создавать поэзию и радары, вынашивать идею Сикстинской капеллы и сверхзвукового самолёта «конкорд». И в то же время мозг — из-за своей способности хранить воспоминания и осознавать происшедшее — может терзать человека, мучить его, не давая ни минуты покоя; только смерть кладёт этому конец.

Смерть… стирающая воспоминания, несущая забвение и покой.

Это и побудило Кейза Бейкерсфелда принять решение сегодня ночью покончить с собой.

Пора уже было возвращаться в радарную. До конца смены оставалось ещё несколько часов, а Кейз заключил с собой договор: довести до конца сегодняшнюю вахту в радарной. Он не мог бы сказать, почему он так решил, — просто считал это правильным и привык быть добросовестным во всём. Добросовестность была у них в крови — это, пожалуй,

единственное, что роднило его с Мелом.

Так или иначе, когда смена окончится — и его последнее обязательство будет выполнено, — ничто уже не помешает ему пойти в гостиницу «О'Хейген», где он зарегистрировался сегодня днём, и, не теряя времени, принять сорок таблеток нембутала которые лежали у него в кармане. Он собирал их по две-три штуки на протяжении нескольких месяцев. Врач прописал ему это снотворное, и каждый раз, когда Натали покупала его в аптеке, Кейз незаметно откладывал и прятал половину. А на днях пошёл в библиотеку и по учебнику клинической токсикологии выяснил, что количество нембутала, которым он располагал, значительно превышало роковую дозу.

Смена его закончится в полночь. Вскоре после этого он примет таблетки и быстро заснёт последним сном.

Он посмотрел на свои ручные часы, повернув циферблат к свету, падавшему из окна. Было почти девять. Пора возвращаться в радарную? Нет, надо ещё немного подождать. Ему хотелось прийти туда совершенно спокойным, чтобы нервы были готовы к любым случайностям, которые могут произойти в течение этих последних оставшихся ему часов.

Кейз Бейкерсфелд снова повертел в руках ключ от номера в гостинице. Комната 224.

Странное совпадение: номер комнаты, которую он снял, оканчивался на «двадцать четыре». Некоторые люди верят в нумерологию, в оккультное значение цифр. Кейз не верил, и тем не менее цифра «двадцать четыре» вторично врывалась в его жизнь.

Первый раз это была дата — 24-е число, и было это полтора года назад. Глаза Кейза увлажнились. День этот врезался в его память, вызывая угрызения совести и душевную тоску всякий раз, когда он вспоминал о нём. Отсюда и возник мрак, окутавший постепенно его сознание, отсюда возникло его отчаяние. Это же привело его к решению покончить сегодня с жизнью.

Летнее утро. Четверг. Двадцать четвёртое июня.

Это был день, точно специально созданный для поэтов, влюблённых и фотографов, снимающих на цветную плёнку, — один из тех дней, которые человек сохраняет в памяти и потом извлекает из неё, как листок старого календаря, когда много лет спустя хочет вспомнить что-то радостное и прекрасное. В Лисберге, штат Виргиния, при восходе солнца небо было таким ясным, что в сводке погоды стояло: «ПИВБ» — на языке авиаторов это значит: «Потолок и видимость безграничны», лишь после полудня то

тут, то там стали появляться облачка, похожие на рваные клочки ваты. Солнце грело, но не пекло, лёгкий ветерок с гор Блу-Ридж приносил аромат клевера.

По пути на работу в то утро — а он ехал в Вашингтонский центр наблюдения за воздухом в Лисберге — Кейз видел дикие розы в цвету. Ему даже вспомнилась строка из Китса, которого он учил в школе: «И пышное цветенье лета…» Она как-то очень перекликалась с этим днём.

Он пересёк границу Виргинии: ехал он из Адамстауна, штат Мэриленд, где они с Натали снимали для себя и двух своих сыновей славный небольшой домик. Крыша его «фольксвагена» была опущена; он вёл машину не спеша, наслаждаясь мягким воздухом и нежарким солнцем; вот впереди показались знакомые низкие современные строения воздушной диспетчерской, он по-прежнему чувствовал себя в необычно размягчённом состоянии духа. Впоследствии он не раз спрашивал себя, не явилось ли это причиной того, что произошло потом.

Даже в главном здании — доме с глухими толстыми стенами, куда не было доступа дневному свету, — Кейзу казалось тогда, что вокруг всё ещё сияет летний день. Среди семидесяти с лишним диспетчеров, сидевших в одних рубашках без пиджаков, царила какая-то атмосфера лёгкости и не чувствовалось напряжения, обычного при их работе. Одной из причин, очевидно, было то, что при такой удивительно ясной погоде им меньше приходилось следить за полётами. Многие некоммерческие самолёты — частные, военные и даже некоторые лайнеры — летели сегодня, пользуясь визуальным наблюдением, иными словами, по методу; «Ты меня видишь — я тебя вижу», когда пилот сам следит за своим местонахождением в воздухе и ему нет нужды связываться по радио с КДП и сообщать, где он находится.

Лисбергский центр играл в авиации важную роль. Отсюда велось наблюдение за движением по всем авиалиниям над шестью восточными прибрежными штатами и давались указания самолётам. Зона наблюдения превышала сто тысяч квадратных миль. Как только самолёт, летящий по приборам, покидал аэропорт в этой зоне, он тут же попадал под наблюдение и контроль Лисберга. И находился под контролем до тех пор, пока не заканчивал полёта или не покидал зоны. Если же какой-то самолёт подлетал к зоне, сведения о нём тотчас поступали от одного из двадцати аналогичных центров, разбросанных по всем Соединённым Штатам. Лисбергский центр считался одним из самых загруженных в стране. В нём осуществлялось наблюдение за южным концом «Северо-Восточного коридора», занимающего первое место в мире по числу самолётов,

пролетающих в течение дня.

Как ни странно, близ Лисбергского центра не было ни одного аэропорта; ближайший, по которому он и назывался, находился в Вашингтоне, то есть на расстоянии сорока миль. Центр — группа низких современных строении с площадкой для машин — был расположен среди виргинских полей; с трёх сторон его окружала возделанная земля. А с четвёртой протекала маленькая речушка под названием Бычий ручей, навеки прославившаяся благодаря двум сражениям Гражданской войны. Кейз Бейкерсфелд как-то раз после работы ходил к этому ручью, размышляя о превратностях судьбы — о прошлом Лисберга и таком непохожем на прошлое настоящем.

В это утро, несмотря на ясный, солнечный день за окном, в просторной и высокой, точно неф собора, главной диспетчерской люди работали как всегда. Диспетчерская — огромное помещение, больше футбольного поля — была, по обыкновению, слабо освещена, чтобы яснее видны были экраны двух-трёх десятков радаров, установленных в несколько рядов и ярусов под нависающими сверху козырьками. Вошедшего прежде всего оглушал шум. Из помещения, где сосредотачиваются данные о полёте и где установлены огромные счётно-вычислительные машины, соответствующая электронная аппаратура и автоматические телетайпы, доносился непрерывный гул и стрекот машин. А над десятками диспетчеров, дающих указания самолётам, стоял непрекращающийся гул переговоров по радио на разных частотах. Шум механизмов и человеческие голоса сливались в монотонный гул, который не затихал ни на секунду, хотя его и приглушали звукопоглощающие стены и потолок.

Над аппаратурой во всю длину диспетчерской был проложен мостик для наблюдения, куда иногда приводили посетителей посмотреть, как внизу идёт работа. Отсюда, с этой высоты, диспетчерская была очень похожа на биржу. Диспетчеры редко смотрели вверх, на мостик: они привыкли ни на что не обращать внимания, чтобы не отвлекаться от работы, а поскольку лишь немногим посторонним разрешали сюда входить, диспетчеры почти никого, кроме друг друга, и не видели. Таким образом, работа в диспетчерской была не только отчаянно напряжённой, но и по-монастырски аскетической — ведь женщин сюда не брали.

В комнате, примыкавшей к диспетчерской, Кейз стащил с себя куртку и вошёл в помещение в свежей белой рубашке, которая была своего рода формой для диспетчеров. Никто не знает, почему диспетчеры работают в белых рубашках — такого правила нет, просто так заведено. Пока Кейз шёл

к своему месту, несколько коллег дружелюбно пожелали ему доброго утра, и это тоже было необычно. В диспетчерской царило всегда такое напряжение, что люди лишь поспешно кивали друг другу или бросали коротко «привет», а иногда обходились и без этого.

Кейз работал в секторе Питтсбург — Балтимор. Наблюдение за сектором осуществляли трое. Кейз был диспетчером на радаре; в его обязанности входило поддерживать связь с самолётами и давать им по радио указания. Два младших диспетчера занимались сбором данных о полётах и связью с аэропортами. Старший по группе координировал деятельность всех троих. В тот день с ними работал стажёр, которого Кейз натаскивал на протяжении нескольких недель.

Вместе с Кейзом Бейкерсфелдом в помещение вошло ещё несколько человек; все они встали за теми, кого пришли сменить: нужно две-три минуты, чтобы «запомнить картинку». Так было у всех экранов по всей диспетчерской.

Став у своего сектора, позади диспетчера, которого он сменял, Кейз сразу почувствовал, как обострилось его восприятие, усилилась работа мысли. Так будет функционировать его мозг в течение ближайших восьми часов, не считая двух коротких перерывов.

Самолётов в небе, как обнаружил Кейз, было, несмотря на дневное время, довольно много, — правда, почти всюду стояла хорошая погода. На тёмной поверхности экрана ярко горело пятнадцать зелёных звёздочек, обозначавших самолёты в воздухе, или «целей», как называли их те, кто работал на радарах. Самолёт «конвейр-440» компании «Аллегени» летел на высоте восьми тысяч футов, приближаясь к Питтсбургу. За этим самолётом на разной высоте летели: ДС-8 компании «Нейшнл», «боинг-727» компании «Американ Эйрлайнз», два частных самолёта — реактивный самолёт «лир» и «фейрчайлд Ф-27» — и ещё один самолёт компании «Нейшнл» — на сей раз турбореактивный «электра». Кейз отметил про себя, что на экране вот-вот появится ещё несколько самолётов — из других секторов, а также те, что должны взлететь с Балтиморского аэропорта. В Балтимор же летел ДС-9 — вскоре он перейдёт в зону наблюдения Балтиморского аэропорта; за ним летел самолёт компании «ТВА», потом самолёт компании «Пьемонт Эйрлайнз», потом какой-то частный самолёт, два самолёта компании «Юнайтед» и самолёт компании «Мохаук». Все они летели на положенной высоте и на достаточном удалении друг от друга, за исключением двух самолётов «Юнайтед», летевших в Балтимор: по мнению Кейза, они, пожалуй, слишком сблизились. Словно прочитав мысли Кейза, диспетчер, всё ещё сидевший у экрана, дал одному из самолётов другой обходной

курс.

— Картинку запомнил, — спокойно сказал Кейз.

Диспетчер, которого он сменял, кивнул и встал с места.

Старший по группе — Перри Юнт — надел наушники и, нагнувшись над Кейзом, стал вглядываться в экран, оценивая ситуацию. Перри, высокий стройный негр, был на несколько лет младше Кейза. Голова у него работала быстро, и он обладал хорошей памятью, способной хранить уйму всевозможной информации и затем выдавать её по частям или всю сразу с точностью счётно-вычислительной машины. В трудные минуты легче дышалось, когда Перри был рядом.

Кейз уже принял три самолёта и передал несколько самолётов другим центрам, когда старший дотронулся до его плеча.

— Кейз, я сегодня контролирую две группы — вашу и соседнюю. Не вышел один человек. У тебя пока всё в порядке?

Кейз кивнул.

— Вас понял. — Он передал по радио коррекцию к курсу самолёту компании «Истерн», затем указал на стажёра Джорджа Уоллеса, опустившегося в кресло рядом с ним. — При мне Джордж — он подстрахует меня.

— О'кей.

Перри Юнт снял наушники и перешёл к соседней группе. Такого рода ситуации возникали и прежде, и всё протекало гладко. Перри Юнт и Кейз уже несколько лет работали вместе, каждый знал, что может вполне положиться на другого.

Кейз повернулся к стажёру, сказал:

— Джордж, запоминай картинку.

Джордж Уоллес кивнул и ближе пригнулся к экрану. Ему было лет двадцать пять, и он уже два года работал стажёром; до этого он проходил военную службу в авиации. Уоллес успел показать, что у него живой, быстрый ум и что он обладает способностью не терять головы в минуты напряжения, Через неделю он должен был стать полноправным диспетчером, хотя практически уже сейчас мог занять этот пост.

Кейз намеренно дал сблизиться самолётам «Американ Эйрлайнз» и «Нейшнл»: он был уверен, что мигом сумеет развести их, если возникнет опасность. Однако Джордж Уоллес сразу заметил непорядок и предостерёг Кейза; тот выправил положение.

Это был единственный надёжный способ проверить способности нового диспетчера. Стажёра иногда специально оставляли одного у экрана и, если возникали сложности, давали ему возможность проявить

изобретательность и справиться самому. В такие минуты диспетчеру-инструктору полагалось сидеть спокойно и, сжав кулаки, обливаться потом. Кто-то однажды сказал: «Это всё равно что висеть в воздухе, зацепившись ногтями за карниз». Решение о том, чтобы вмешаться или вообще подменить стажёра, следовало принимать вовремя — не слишком рано, но и не слишком поздно. Приняв решение вместо стажёра, можно навсегда подорвать у него уверенность в себе, и тогда из него никогда уже не выйдет хорошего диспетчера. С другой стороны, если инструктор не вмешается в нужную минуту, в воздухе может произойти ужасающая катастрофа.

Риск и нервное напряжение при этом так возрастают, что многие диспетчеры отказываются брать стажёров. Они ссылаются на то, что не получают за это ни благодарности, ни дополнительной оплаты. Более того: в случае катастрофы инструктор целиком в ответе. Так зачем же взваливать на себя и ответственность, и дополнительную нагрузку?

Однако Кейз охотно выступал в роли инструктора и терпеливо готовил стажёров. И хотя порой он тоже терзался и потел, но всё же брался за эту работу, потому что считал её необходимой. И сейчас гордился тем, что из Джорджа Уоллеса получается отличный диспетчер.

— Я бы развернул «Юнайтед», рейс двести восемьдесят четыре, вправо, — спокойно сказал сейчас Уоллес, — чтобы он не летел на одной высоте с «Мохауком».

Кейз кивнул и нажал на кнопку микрофона:

— Вашингтонский центр — самолёту «Юнайтед», рейс двести восемьдесят четыре. Сверните вправо, курс ноль-шесть-ноль.

В ответ почти тотчас прохрипело:

— Вашингтонский центр, говорит «Юнайтед», рейс двести восемьдесят четыре. Вас понял: ноль-шесть-ноль.

Там, в ясном небе, где сверкает солнце, на расстоянии многих миль от центра, мощный элегантный реактивный самолёт незаметно свернёт, согласно указаниям, со своего курса, в то время как пассажиры будут по-прежнему спать или читать. И на экране радара ярко-зелёная звёздочка в полдюйма величиной, обозначающая самолёт компании «Юнайтед», начнёт перемещаться в новом направлении.

Под диспетчерской находится комната, уставленная сплошь полками, на которых размещены магнитофоны; диски их величественно вращаются, записывая переговоры между землёй и воздухом, чтобы потом можно было при необходимости поставить плёнку и прослушать. Все указания, которые даёт каждый из диспетчеров, записываются и хранятся. Время от времени старшие по группе весьма придирчиво прослушивают записи. И если что-

то было сделано не так, диспетчера тотчас ставят об этом в известность; диспетчеры, конечно, не знают, когда тот или иной из них попадает под проверку. На двери комнаты с магнитофонами висит табличка, с мрачным юмором оповещающая: *«Старший брат слушает тебя»*.

Время шло.

Перри Юнт то и дело возникал за спиною Кейза. Он по-прежнему наблюдал за двумя группами и возле каждой задерживался — ровно на столько, сколько требовалось, чтобы осмыслить обстановку в воздухе. Положение дел у Кейза, видимо, удовлетворяло его, — гораздо больше времени он проводил возле другой группы, где возникли сложности. Утро шло, и число самолётов в воздухе уменьшалось, — их снова станет больше перед полуднем. Вскоре после 10:30 Кейз Бейкерсфелд и Джордж Уоллес поменялись местами. Теперь стажёр сидел у экрана, а Кейз наблюдал за ним сбоку. Довольно быстро Кейз обнаружил, что не нужен Уоллесу — тот явно уже поднабрался опыта и ничего не упускал из виду. И Кейз, насколько позволяли обстоятельства, расслабился.

Без десяти одиннадцать Кейз почувствовал потребность сходить в туалет. За последние месяцы он перенёс несколько вспышек желудочного гриппа и опасался, что начинается новая. Он поманил Перри Юнта и доложился ему. Старший кивнул.

— Джордж справляется?

— Не хуже ветерана. — Кейз сказал это достаточно громко, чтобы Джордж мог услышать.

— Я присмотрю, — сказал Перри. — Можешь быть свободным, Кейз.

— Спасибо.

Кейз отметил в журнале своего сектора время ухода, Перри нацарапал свои инициалы на следующей строке, тем самым принимая на себя руководство Уоллесом. Через несколько минут, когда Кейз вернётся, эта процедура будет повторена.

Кейз Бейкерсфелд, выходя из диспетчерской, видел, как старший по группе всматривался в экран, слегка опершись на плечо Джорджа Уоллеса.

Уборная, куда направился Кейз, находилась этажом выше. Несмотря на матовое стекло, в неё всё же проникал яркий свет дня. Облегчившись и вымыв руки, Кейз подошёл к окну и распахнул его. Ему захотелось взглянуть, не изменилась ли погода. День сиял по-прежнему.

Задняя стена здания, в которой было прорезано окно, выходила на служебный двор, за ним расстилались цветущие зелёные луга, виднелись деревья. Воздух уже успел нагреться. В знойном мареве стоял навевавший дремоту гул насекомых.

Кейз застыл у окна — уж очень не хотелось ему расставаться с этим радостным, солнечным пейзажем и возвращаться в полумрак диспетчерской. За последнее время нежелание идти в диспетчерскую часто возникало у него — пожалуй, даже слишком часто, — и он подумал, что если признаться по чести, то оно объяснялось не столько полумраком, который там царит, сколько напряжением. Было время, когда Кейз без труда справлялся со своими обязанностями и легко переносил напряжение, которого требовала от него работа. Сейчас же ему приходилось порой заставлять себя работать.

Пока Кейз Бейкерсфелд стоял у окна и раздумывал, «боинг-727» компании «Ориент», следовавший из Миннеаполиса-Сент-Пола, приближался к Вашингтону. В салоне самолёта стюардесса склонилась над пожилым мужчиной. Лицо его было мертвенно-бледно, он молчал, видимо, не в силах произнести ни слова. Стюардесса решила, что у него, должно быть, сердечный приступ. Она поспешила к лётчикам, чтобы оповестить о случившемся командира экипажа. Через несколько минут, по приказу командира, первый пилот запросил Вашингтонский центр наблюдения за воздухом о специальном разрешении совершите срочную посадку в Вашингтонском аэропорту.

Кейз не раз уже задумывался — как задумался сейчас, — сколько ещё сможет выдержать его усталый мозг. Ему недавно исполнилось тридцать восемь. Он работал диспетчером добрых полтора десятка лет.

Самым удручающим было то, что хотя на этой работе человек к сорока пяти — пятидесяти годам полностью изнашивается и чувствует себя стариком, до выхода на пенсию остаётся ещё десять — пятнадцать лет. Многим воздушным диспетчерам это оказывается не под силу, и они не дотягивают до конца.

Кейз знал, как знали и другие диспетчеры, что о влиянии их работы на организм уже давно официально известно. У врачей, которые наблюдают за состоянием здоровья авиационного персонала, накопились горы материалов на этот счёт. В числе болезней, являвшихся прямым следствием профессии диспетчера, фигурировали: нервное истощение, стенокардия, язва кишечника, тахикардия, психические расстройства и множество других, менее тяжёлых заболеваний. Это подтверждали известные медики, занявшиеся по собственной инициативе соответствующими исследованиями. Один из них писал: «Диспетчер проводит долгие ночи без сна, раздумывая, каким чудом ему удалось удержать столько самолётов от столкновения. За истёкший день он сумел избежать катастрофы, но будет ли удача и завтра сопутствовать ему? И вот через какое-то время что-то в

нём отказывает — происходит изменение в его физическом или психическом состоянии, а иногда — и в том и в другом».

Вооружённое этими данными — да и не только этими, — Федеральное управление авиации обращалось в Конгресс с предложением установить для воздушных диспетчеров срок выхода на пенсию в пятьдесят лет или после двадцати лет службы. Двадцать лет работы воздушным диспетчером, утверждали врачи, равняется сорока годам работы в любой другой профессии. Федеральное управление авиации предупреждало законодателей, что от их решения зависит безопасность граждан: на диспетчеров, прослуживших свыше двадцати лет, уже нельзя полагаться. Кейз вспомнил, что Конгресс игнорировал это предупреждение и отказался утвердить законопроект.

А затем и специальная комиссия, созданная президентом, проголосовала против предложения о сокращении срока службы для диспетчеров, и Федеральному управлению авиации, которое тогда находилось при президенте, посоветовали прекратить свои попытки и успокоиться. Официально оно так и поступило. Однако, насколько было известно Кейзу, да и другим тоже, люди, работавшие в Вашингтоне в Федеральном управлении авиации, были убеждены, что этот вопрос снова возникнет, но лишь после того, как по вине усталого диспетчера произойдёт очередная авиационная катастрофа, а то и несколько, и тогда пресса вместе с общественностью поднимут по этому поводу шум.

Мысли Кейза снова перенеслись к расстилавшемуся перед ним пейзажу. День был поистине великолепный, и даже отсюда, из окна уборной, свежесть лугов так и манила к себе. Хорошо бы выйти туда, растянуться и поспать на солнышке. Но, увы, это не для него, и вообще пора было возвращаться в диспетчерскую. Он сейчас и вернётся — вот только постоит ещё немного у окна.

Получив разрешение из Вашингтонского центра, «боинг-727» компании «Ориент» пошёл вниз. Другим самолётам, летевшим ниже, были спешно даны указания либо изменить курс, либо покружить на безопасном расстоянии от снижавшегося самолёта. В возросшем к полудню потоке машин был проложен нисходящий коридор, по которому самолёт компании «Ориент» и продолжал снижаться. Об этом был предупреждён КДП Вашингтонского аэропорта, которому предстояло принять самолёт от Вашингтонского центра и посадить его. А пока полётом этого самолёта и всех прочих машин в этом секторе руководила группа, соседняя с группой Кейза, — та самая, за которой в дополнение к своему основному сектору

наблюдал молодой негр Перри Юнт.

В этот момент в воздушном пространстве всего в несколько миль находилось пятнадцать машин, общая скорость которых составляла семь тысяч пятьсот миль в час. Все они должны, были лететь на известном расстоянии друг от друга. И сквозь их строй надо было провести и посадить самолёт компании «Ориент».

Подобные ситуации возникали по нескольку раз в день, а в плохую погоду — по нескольку раз в течение часа. Иногда чрезвычайное положение создавалось в нескольких местах сразу, и тогда диспетчеры, чтобы различить их, говорили: ЧП-1, ЧП-2, ЧП-3.

Перри Юнт, как всегда спокойно и уверенно, давал указания. Если он включался в работу группы, то на нём лежала обязанность по ликвидации ЧП — он давал указания спокойным, ровным тоном, так что посторонний никогда бы и не догадался о наличии ЧП. Правда, другие самолёты не могли слышать переговоры с самолётом компании «Ориент», так как пилоту ведено было переключиться на специальную радиоволну.

Всё шло хорошо. Самолёт компании «Ориент» спускался по проложенному курсу. Ещё несколько минут — и чрезвычайное положение будет ликвидировано.

Хотя напряжение было предельным, Перри Юнт всё же улучил минуту и переключился на соседнюю группу, которой вообще-то должен был уделять всё своё внимание, чтобы, проверить, как, идут дела у Джорджа Уоллеса. Всё вроде бы обстояло хорошо, однако Перри чувствовал бы себя спокойнее, если бы Кейз Бейкерсфелд был на месте. Он бросил взгляд на дверь. Но Кейз не появлялся.

Кейз тем временем продолжал стоять у раскрытого окна. Он смотрел на поля Виргинии, и ему вдруг вспомнилась Натали. Он вздохнул. Последнее время между ними стали возникать ссоры из-за его работы. Жена то ли не могла, то ли не желала его понять. Её очень беспокоило здоровье Кейза. Она хотела, чтобы он бросил эту работу и, пока ещё молод и не совсем растратил здоровье, нашёл себе другое занятие. Он понимал теперь, что зря делился с Натали своими сомнениями, зря рассказывал ей о коллегах-диспетчерах, преждевременно состарившихся или ставших инвалидами. Натали забеспокоилась — быть может, не без основания. У него же были соображения, мешавшие расстаться с работой, перечеркнуть все эти годы, когда он совершенствовался и набирался опыта, — соображения, которые Натали, да, наверное, и любой другой женщине, трудно понять.

Над Мартинсбергом, штат Западная Виргиния, милях в тридцати к северо-западу от Вашингтонского центра, четырёхместный частный самолёт «бич-бонанза», летевший на высоте семи тысяч футов, свернул с авиатрассы В-166 на авиатрассу В-44. Маленький самолётик с хвостом, похожим на бабочку, летел со скоростью сто семьдесят пять миль в час в Балтимор. Он вёз семейство Редфернов — Ирвинга Редферна, инженера-экономиста, работавшего консультантом по договорам, его жену Мерри и двух детей — Джереми, десяти лет, и Валери, девяти лет.

Ирвинг Редферн был человек педантичный и осторожный. В такую ясную погоду он мог бы летать по методу визуального наблюдения. Однако он счёл более благоразумным лететь по приборам и с тех пор, как покинул свой родной аэропорт в Чарлстоне, штат Западная Виргиния, на протяжении всего полёта поддерживал контакт с соответствующими диспетчерскими пунктами. Только что Вашингтонский центр дал ему новый курс, приказав свернуть на авиатрассу В-44. Он свернул на неё — стрелка его магнитного компаса слегка качнулась и успокоилась.

Редферны летели в Балтимор частично по делам, которые были там у Ирвинга, а частично — чтобы развлечься: вечером они всем семейством собирались пойти в театр. И сейчас, пока глава семьи вёл самолёт, дети и Мерри болтали о том, что они будут есть на обед в аэропорту «Фрэндшип».

Диспетчером, давшим из Вашингтона новый курс Ирвингу Редферну, был Джордж Уоллес, стажёр, уже почти закончивший прохождение практики у Кейза. Он обнаружил самолёт Редферна, как только машина появилась у него на экране в виде яркой зелёной точки, меньшей по размеру, чем остальные, и передвигавшейся медленнее других. Около «бич-бонанзы» никаких других самолётов вроде бы не было, и Редферн мог спокойно лететь дальше. Перри Юнт, старший по группе, в этот момент снова переключился на соседний участок. Теперь, когда самолёт компании «Ориент» был благополучно сдан на попечение КДП Вашингтонского аэропорта, Юнт решил помочь другому своему подопечному развести самолёты, скопившиеся в воздухе. Время от времени он всё же поглядывал на Джорджа, а раз даже спросил: «Всё в порядке?» Джордж Уоллес кивнул, хотя уже взмок от напряжения. Сегодня движение в воздухе возросло что-то раньше обычного.

Неведомо для Джорджа Уоллеса, или Перри Юнта, или Ирвинга Редферна в нескольких милях к северу от авиатрассы В-44 лениво кружил тренировочный самолёт воздушных сил Национальной гвардии марки Т-33. Самолёт был приписан к аэропорту Мартина, близ Балтимора, а

национальный гвардеец, пилотировавший его, занимался вообще-то продажей автомобилей и звали его Хэнк Нил.

Сейчас лейтенант Нил проходил военную переподготовку без отрыва от работы и поднялся в небо один для тренировочного полёта с виражами. Поскольку ему было приказано летать в строго определённой зоне к северо-западу от Балтимора, об этом полёте никого не уведомляли, и Вашингтонский центр понятия не имел о том, что Т-33 находится в воздухе. Всё это прошло бы незамеченным, если бы Нилу не надоело выполнять задание и если бы он не был пилотом-лихачом. Пока его самолёт лениво описывал круги, он время от времени поглядывал наружу и заметил, что забрался немного южнее положенного, тогда как на самом деле довольно далеко отклонился на юг. Несколько минут назад он вошёл в район, контролируемый Джорджем Уоллесом в Лисберге, и появился у него на экране в виде зелёной точки, более яркой, чем та, что обозначала «бич-бонанзу» с семейством на борту. Опытный диспетчер сразу понял бы, что это за точка. А Джордж, занятый другими самолётами, даже не заметил появившегося на экране нового сигнала.

Тем временем лейтенант Нил, летевший на высоте пятнадцати тысяч футов, решил закончить свою практику акробатическим трюком — сделать две мёртвые петли, пару бочек и вернуться на базу. Он круто развернул свой Т-33 и повёл его по кругу, чтобы, согласно правилам, посмотреть, нет ли самолётов над ним или под ним. При этом он ещё больше приблизился к авиатрассе В-44.

Нет, раздумывал тем временем Кейз Бейкерсфелд, жене его, видимо, не понять, что даже если тебе и очень хочется, нельзя вот так взять и уйти с работы. Особенно когда у тебя семья, дети, которых надо учить. А тем более, когда для своей работы ты терпеливо накапливал знания, которые нигде больше не сможешь применить. Есть профессии, позволяющие человеку перейти на другое место и там использовать свой опыт и свои знания. Для воздушного диспетчера это исключено. Его специальность не нужна в частной промышленности, да и вообще он нигде больше не нужен.

Сознание, что ты находишься в капкане — а именно так обстояло дело, — приходило вместе с другими разочарованиями. В их числе была оплата труда. Когда ты молод, полон энтузиазма, горишь желанием работать в авиации, шкала оплаты воздушного диспетчера кажется тебе вполне приемлемой и даже высокой. И только позже начинаешь понимать, насколько она не соответствует той страшной ответственности, которая лежит на тебе. В воздушном флоте наиболее ценными специалистами были

сейчас пилоты и воздушные диспетчеры. Однако пилоты зарабатывали тридцать тысяч долларов в год, тогда как потолком для старшего диспетчера было десять тысяч. Все были убеждены, что меньше пилотам платить нельзя. Но даже пилоты, известные своим эгоцентризмом и умением постоять за себя, считали, что воздушные диспетчеры должны получать больше.

Да и перспективы продвижения по службе у воздушного диспетчера — в противоположность людям многих других профессий — не слишком блестящие. Постов старших по группе очень немного, и лишь редкие счастливчики получают их.

И тем не менее — если ты, конечно, не легкомыслен и не относишься наплевательски к делу, что для диспетчера вообще исключено, — никуда отсюда не уйдёшь. Поэтому, решил Кейз, и он не может уйти. Придётся ещё раз поговорить с Натали: пора ей примириться и понять, что перемены невозможны. Да и не намерен он в этом возрасте заново пробивать себе путь в жизни.

Теперь ему уже действительно пора было возвращаться на место. Взглянув на свои часы, он не без чувства вины обнаружил, что прошло почти пятнадцать минут с тех пор, как он покинул диспетчерскую. Большую часть этого времени он провёл в состоянии какой-то сонной одури, что бывало с ним редко, а сейчас, видимо, объяснялось размагничивающим действием летнего дня. Кейз закрыл окно в уборной. И, выйдя в коридор, поспешно зашагал в главную диспетчерскую.

Высоко над округом Фредерик, штат Мэриленд, лейтенант Нил выровнял свой Т-33 и полетел прямо. Он окинул небрежным взором окружающее пространство: никаких самолётов поблизости не было. Тогда он круто пошёл вниз, начиная первую петлю и последующую бочку.

Войдя в диспетчерскую, Кейз Бейкерсфелд сразу почувствовал, что темп работы изменился. Гул голосов возрос. Все диспетчеры были заняты и уже не поднимали на него глаз, когда он проходил мимо. Кейз расписался в журнале и проставил время, затем встал за Джорджем Уоллесом, «запоминая картинку», стараясь приучить глаза к полутьме диспетчерской, особенно ощутимой после яркого солнечного света. Когда Кейз появился, Джордж буркнул: «Привет!» — и продолжал передавать по радио инструкции самолётам. Через минуту-другую, «запомнив картинку», Кейз сменит Джорджа и сядет на своё место. А всё-таки Джорджу, подумал Кейз, наверно, полезно было побыть одному — он теперь увереннее будет себя

чувствовать. Перри Юнт, наблюдавший за соседней группой, заметил, что Кейз вернулся.

Кейз изучил экран и передвигавшиеся по нему точки — самолёты, опознанные Джорджем, затем переключил внимание на маленькие передвижные указатели курса. В этот момент неопознанная ярко-зелёная точка бросилась Кейзу в глаза. Он резко спросил Джорджа:

— Это что за самолёт рядом с «бич-бонанзой» четыреста третьим?

Лейтенант Нил выполнил первую петлю и бочку. Он снова взмыл вверх на высоту пятнадцати тысяч футов, всё ещё находясь над округом Фредерик, хотя чуть южнее. Он выровнял свой Т-33, резко опустил его носом вниз, вошёл в пике и начал вторую петлю.

— Какой самолёт?.. — Джордж Уоллес взглядом проследил за пальцем Кейза и ахнул. Потом сдавленным голос произнёс: — О господи!

Быстрым движением Кейз сорвал с Джорджа наушники и плечом вытолкнул его из кресла. Затем включил рычажок нужной частоты, нажал кнопку передачи:

— «Бич-бонанза» четыреста третий, говорит Вашингтонский центр. Слева от вас — неопознанный самолёт. Немедленно развернитесь вправо!

Т-33 достиг самой нижней точки петли. Лейтенант Нил взял штурвал на себя и, дав полный газ, стремительно пошёл вверх. А как раз над ним по авиатрассе В-44 летел крошечный «бич-бонанза» с Ирвингом Редферном и его семьёй.

В диспетчерской… затаив дыхание… стиснув зубы… молча следили за сближением ярких зелёных точек.

В наушниках вдруг загрохотало:

— Вашингтонский центр, говорит «бич»… — И всё: связь прервалась.

Инженер-экономист Ирвинг Редферн был довольно опытным пилотом-любителем, но не профессионалом.

Пилот, привыкший водить самолёты по трассе, получив указание Вашингтонского центра, тотчас круто развернул бы самолёт вправо. Он почувствовал бы по голосу Кейза, что это необходимо, и действовал бы, не раздумывая и ничего не выясняя — пока. Пилот-профессионал плюнул бы на все возможные последствия перемены курса, лишь бы — главное! — избежать аварии, потому что этим несомненно объяснялись указания

центра. Позади него, в пассажирской кабине мог пролиться кофе, могли разлететься во все стороны тарелки с завтраком и даже кое-кого могло слегка ранить. Позже могли начаться жалобы, обвинения, быть может, даже расследование со стороны Совета гражданской аэронавтики. Но при минимальном везении все остались бы живы. Для этого достаточно было быстро отреагировать — и всё. Семейство Редфернов в таком случае тоже не погибло бы.

У пилотов-профессионалов, благодаря тренировкам и опыту, рефлексы действуют быстро и точно. Ирвинг Редферн этим качеством не обладал. Человек он был педантичный, учёного склада, привыкший сначала думать, а потом действовать, и действовать при этом по всем правилам. Поэтому прежде всего он подумал о том, что надо подтвердить Вашингтонскому центру получение радиограммы. На это и ушло у него две или три секунды — всё время, каким он располагал. Т-33, выходя из петли, взмыл вверх и протаранил «бич-бонанзу» — раздался визг металла, и левое крыло отлетело. Т-33, тоже тяжело повреждённый, некоторое время ещё продолжал лететь вверх по инерции, но его передний отсек стал рассыпаться. И тогда лейтенант Нил, ещё не очень понимая, что происходит — а он лишь на миг уловил очертания промелькнувшего мимо другого самолёта, — выбросился из кабины и повис на раскрывшемся парашюте. Под ним, потеряв управление и нелепо крутясь в воздухе, «бич-бонанза» с семейством Редфернов падал вниз.

У Кейза дрожали руки, когда он снова нажал кнопку микрофона:

— «Бич-бонанза» четыреста третий, говорит Вашингтонский центр. Вы меня слышите?

Джордж Уоллес стоял подле Кейза, губы его безмолвно шевелились. В лице не было ни кровинки.

Пока они, застыв от ужаса, смотрели на экран, зелёные точки на нём сблизились, произошла яркая вспышка, и всё погасло.

Перри Юнт, почувствовав что-то неладное, подъехал к ним на своём табурете:

— В чём дело?

У Кейза пересохло во рту, он с трудом произнёс:

— По-моему, произошло столкновение в воздухе.

Вот тогда-то и раздался этот голос, возникнув словно из кошмарного сна, и все, кто его слышал, дорого бы дали, чтобы никогда его не слышать, но теперь он уже на всю жизнь врезался в их память.

В обречённом «бич-бонанзе», который, крутясь, летел на землю, Ирвинг Редферн, по-прежнему сидя в кресле пилота, — возможно, непроизвольно, а возможно, в отчаянной попытке хоть что-то сделать, предпринять, — нажал на передаточную кнопку своего микрофона, и радио заработало.

В Вашингтонском центре ожил консольный динамик, который включил Кейз, как только возникло ЧП. Сначала раздался грохот, потом пронзительные, отчаянные крики, от которых стыла кровь. В диспетчерской все головы повернулись к консоли. Лица побелели. Джордж Уоллес истерически всхлипывал. Старшие по группам, бросив свои посты, кинулись к группе Кейза.

И вдруг, перекрывая эти крики и шум, отчётливо и ясно раздался голос, испуганный, одинокий, молящий. Сначала не все слова можно было разобрать. Только потом, когда снова и снова прокручивали ленту магнитофона, различили все слова и опознали голос — он принадлежал девятилетней девочке, Валери Редферн.

— …Мамочка!.. Папочка!.. Помогите мне, я не хочу умирать… Милый боженька, я же хорошая… Пожалуйста! Я не хочу…

По счастью, передача на этом оборвалась.

«Бич-бонанза» упал и сгорел у селения Лиссабон, штат Мэриленд. Ни одного из четверых пассажиров нельзя было опознать, и то, что от них осталось, похоронили в общей могиле.

А лейтенант Нил благополучно опустился на парашюте в пяти милях от места катастрофы.

Все три диспетчера, имевшие отношение к трагедии, — Джордж Уоллес, Кейз Бейкерсфелд и Перри Юнт, — были тотчас отстранены от работы до окончания расследования.

Стажёра Джорджа Уоллеса впоследствии полностью оправдали, так как в момент катастрофы он ещё не получил квалификации диспетчера. Тем не менее его уволили с государственной службы и навсегда запретили работать в воздушной диспетчерской.

Вся ответственность пала на молодого негра Перри Юнта. Комиссия по расследованию на протяжении многих дней и недель гоняла ленту на магнитофоне, изучала доказательства и проверяла решения, которые Юнту пришлось принимать в течение секунд в обстановке страшного напряжения, и наконец решила, что ему следовало не уделять столько

времени самолёту компании «Ориент», а заняться лучше наблюдением за Джорджем Уоллесом во время отсутствия Кейза Бейкерсфелда. То обстоятельство, что Перри Юнт по доброй воле нёс двойную нагрузку, от чего он вполне мог бы отказаться, — не было принято во внимание комиссией. Юнту вынесли порицание и понизили его в звании.

Кейза Бейкерсфелда полностью оправдали. Комиссия по расследованию особо постаралась отметить, что Кейз официально отпросился с дежурства, что просьба его была оправдана и что, покидая помещение и возвращаясь на свой пост, он, согласно инструкции, расписался в журнале. Более того: по возвращении он сразу уловил угрозу катастрофы и попытался её предотвратить. Комиссия отметила умение быстро ориентироваться и действовать, хотя это и не предотвратило катастрофы.

Первоначально вопрос о том, сколько времени отсутствовал Кейз в диспетчерской, не возникал. Но ближе к концу расследования Кейз, чувствуя, как складываются дела Перри Юнта, сам попытался заговорить об этом и принять на себя всю тяжесть вины. Его любезно выслушали, но было совершенно ясно, что комиссия рассматривает его показания лишь как благородный поступок — и ничего больше. Кейза даже не дослушали до конца, как только стало ясно, куда он клонит. В окончательном докладе комиссии о нём вообще не было сказано ни слова.

Воздушные силы Национальной гвардии провели собственное расследование, в ходе которого выяснилось, что лейтенант Хэнк Нил по легкомыслию нарушил приказ оставаться в районе Миддлтаунской воздушной базы и приблизился на своём Т-33 к авиатрассе В-44. Однако доказать, где именно он находился, не представлялось возможным, поэтому никаких обвинений против него выдвинуто не было. И лейтенант продолжал продавать автомобили, а по уик-эндам — летать.

Когда Перри Юнт узнал о решении комиссии, с ним случился нервный шок. Пришлось положить его в больницу, в психиатрическое отделение. Здоровье его уже пошло было на поправку, когда вдруг он получил по почте из анонимного источника отпечатанный типографским способом бюллетень, который издавала некая правая группа в Калифорнии, выступавшая, в частности, против предоставления неграм гражданских прав. В бюллетене содержалось намеренно искажённое описание редферновской трагедии. Перри Юнт был изображён там невеждой и тупицей, не способным понять возложенной на него ответственности и оставшимся безразличным к гибели семейства Редфернов. Этот инцидент, утверждал бюллетень, должен послужить предостережением

«добросердечным либералам», которые помогают неграм получать ответственные посты, никак не отвечающие их умственным способностям. Бюллетень призывал «гнать метлой» всех негров, работающих воздушными диспетчерами, «пока не повторилось ещё раз такое».

В любое другое время человек, обладавший умом Перри Юнта, внимания бы не обратил на этот бюллетень — ну, стоит ли связываться с маньяками? Но Юнт не вполне ещё поправился, и бюллетень оказал на него роковое действие: состояние его резко ухудшилось, и он надолго застрял бы в больнице. Однако правительственная комиссия отказалась оплачивать больничные счета на том основании, что его болезнь не была вызвана травмой, полученной при исполнении служебных обязанностей. Юнта выписали из больницы, но в диспетчерскую он не вернулся. Кейз слышал, что он нанялся на работу в балтиморский портовый бар и стал сильно пить.

Джордж Уоллес вообще исчез с горизонта. Ходили слухи, что он записался в армию — на сей раз в пехоту, а не в авиацию — и что у него серьёзные неприятности с военной полицией. Говорили, что Уоллес частенько ввязывался в ссоры и драки и при этом делал всё, чтобы его избили. Впрочем, слухи эти ничем не подтверждались.

Что же до Кейза Бейкерсфелда, то какое-то время казалось, что жизнь его потечёт по-прежнему. Когда расследование закончилось, ему разрешили возобновить работу — на прежнем месте и в прежней должности. И он вернулся в Лисберг. Коллеги, понимая, что трагедия, случившаяся с Кейзом, легко могла произойти с любым из них, относились к нему дружелюбно и сочувственно. И первое время всё шло хорошо.

После того как ему не удалось привлечь внимание комиссии к тому, что в тот роковой день он слишком долго проторчал в уборной, Кейз больше ни с кем на эту тему не заговаривал, даже с Натали. Однако память об этом прочно засела в его мозгу.

Натали была внимательной и любящей женой. Она понимала, что Кейз травмирован и что после такого шока человек не может сразу прийти в себя, и всячески старалась подстраиваться под его настроение: она болтала и была оживлена, когда чувствовала, что ему это по душе, и молчала, когда он молчал. Оставаясь наедине с Брайаном и Тео, Натали терпеливо объясняла сыновьям, почему они должны бережно относиться к отцу.

Кейз не мог не понимать и не ценить усилий Натали. И тактика её могла бы дать результаты, если бы не одно обстоятельство: воздушному диспетчеру необходим сон. Кейз же мало спал, а случалось, что и не спал всю ночь.

Когда же он засыпал, его преследовал один и тот же кошмар: ему

снилась диспетчерская в Вашингтонском центре за несколько минут до воздушной катастрофы… сближающиеся точки на экране… он слышал свой собственный голос, дающий по радио указания… затем — крики и голос маленькой Валери Редферн…

Иногда сон несколько видоизменялся. Вот Кейз хочет шагнуть к своему месту, чтобы сорвать с головы Джорджа Уоллеса наушники и предупредить Редферна, но ноги его не слушаются, все его движения замедленны, точно воздух вокруг загустел и надо взламывать его. Мозг Кейза работал с невероятной чёткостью; если бы только быстрее двигаться, он успел бы, предотвратил бы трагедию… Но как он ни старался, как ни напрягал все силы, наушники слишком поздно оказывались у него в руках. В другой раз ему удавалось вовремя схватить наушники, тогда отказывал голос. Если б только он мог произнести хоть слово, он бы успел предупредить, спасти их. Он напрягал лёгкие, голосовые связки, посылая им мысленный приказ, но ни звука не вылетало из его горла.

Словом, так или иначе, кончался сон всегда одним и тем же — последними словами, долетевшими по радио с «бич-бонанзы», которые Кейз столько раз слышал с магнитофонной ленты во время расследования. Он просыпался и, лёжа рядом со спящей Натали, думал, вспоминал, мечтая о чуде — чуде, которое изменило бы прошлое. А потом он уже боялся заснуть, гнал от себя сон, чтобы избежать кошмара и новой пытки.

Вот тогда-то в тишине ночи совесть и стала всё чаще и чаще напоминать ему об украденных у работы минутах — роковых минутах, когда он мог и должен был раньше вернуться на своё место, но по беспечности не сделал этого, погружённый в думы о своём, личном. Кейз ведь знал то, чего не знали другие: что трагедия с Редфернами произошла по его вине, а вовсе не по вине Перри Юнта. Перри оказался случайной жертвой, жертвой стечения обстоятельств. Он был другом Кейза и не сомневался, что, будучи человеком добросовестным, тот быстро вернётся в диспетчерскую. Кейз же, зная, что его друг работает за двоих, понимая, какое это дополнительное бремя, задержался намного дольше, чем требовалось, и тем подвёл Перри: в итоге Перри Юнт оказался во всём виноват и пострадал вместо Кейза.

Перри Юнт стал козлом отпущения.

Но Перри всё же остался жив. А Редферны погибли. Погибли потому, что Кейз размечтался, наслаждаясь солнечным теплом, оставив недостаточно опытного стажёра справляться с обязанностями, которые лежали на нём, Кейзе, и к выполнению которых он был более подготовлен. Конечно же, вернись он раньше, он обнаружил бы Т-33 задолго до того, как

самолёт приблизился к машине Редфернов. Это несомненно. Ведь он сразу заметил его, как только вернулся, но было уже поздно.

Снова и снова… час за часом, будто привязанная к жёрнову, мысль Кейза возвращалась в ночи к изначальной точке, терзая его, доводя до безумия невыносимой болью, угрызениями совести. Порой он засыпал в изнеможении — и опять кошмар, и опять он просыпался.

Мысль о Редфернах ни днём, ни ночью не покидала его. Ирвинг Редферн, его жена, дети стояли перед глазами Кейза, хотя он никогда в жизни не видел их. Собственные дети — Брайан и Тео — живые и здоровые, были как бы вечным для него укором. Ему казалось, что он виноват даже в том, что живёт, дышит.

Бессонница, потеря душевного равновесия стали вскоре сказываться на его работе. Он утратил быстроту реакции, начал колебаться, прежде чем принять решение. Раза два он даже «терял картинку» и вынужден был обращаться за помощью к коллегам. Впоследствии он понял, сколь тщательно за ним всё время наблюдали. Его начальники по опыту знали, что может произойти, к каким последствиям приводит переутомление.

Его вызывали к начальству, неофициально дружески с ним беседовали — это ничего не дало. Тогда по рекомендации Вашингтона и с согласия самого Кейза его перевели с Восточного побережья на Средний Запад, в международный аэропорт имени Линкольна, надеясь, что перемена места благотворно скажется на нём. Проявляя такую гуманность, чиновники учитывали и то, что старший брат Кейза, Мел, работает в этом аэропорту управляющим и, возможно, сумеет как-то повлиять на него. Натали, хотя и любила Мэриленд, без малейших возражений переехала на новое место.

И ничто не помогло.

Чувство вины не покидало Кейза, как не покидали его и кошмары — они только усугубились, приобрели иные формы, но не изменились по существу. Спать без снотворного, выписанного приятелем Мела, он уже не мог.

Мел понимал, что происходит с братом, но далеко не всё: Кейз по-прежнему ни словом не обмолвился о своём затянувшемся пребывании в уборной в Лисбергском центре. Через некоторое время Мел, видя, как ухудшается состояние брата, настоятельно посоветовал ему сходить к психиатру, но Кейз отказался. Рассуждал он весьма просто. Что толку искать какую-то панацею, какое-то заклинание, которое избавило бы его от чувства вины, если сам он сознаёт свою вину и ничто на земле или на небе, никакая клиническая психиатрия ничего тут не могут изменить?!

Состояние Кейза всё ухудшалось, так что под конец уже и Натали, при

всём её умении применяться к обстоятельствам, стало невмоготу. Натали знала, что он плохо спит, но она понятия не имела о его кошмарах. И потому, потеряв терпение, она как-то раз спросила с досадой:

— Мы что, теперь до конца жизни должны носить власяницу? И мы уже не можем ни повеселиться, ни посмеяться? Если ты намерен и дальше так жить, то учти: я так жить не стану, и я не позволю, чтобы Брайан и Тео жили в такой атмосфере.

Кейз молчал, и Натали продолжала:

— Я уже не раз говорила тебе: наша жизнь, наш брак, дети — всё это куда важнее твоей работы. Если она тебе не по силам, зачем себя изнурять? Брось и займись чем-то другим. Я знаю, ты всегда говоришь мне: у нас будет меньше денег, и полетит пенсия. Но это же ещё не всё в жизни. Как-нибудь справимся. Трудностей я не боюсь, Кейз Бейкерсфелд, и примирюсь с ними. Возможно, я и похнычу, но совсем немного, а больше так жить нельзя. — Она еле сдерживала слёзы, но, совладав с собой, докончила: — Предупреждаю тебя, надолго меня не хватит. Если ты будешь упорствовать, тебе придётся жить дальше одному.

Впервые Натали намекнула на возможность разрыва. И тогда же Кейзу впервые пришла в голову мысль о самоубийстве.

Потом эта мысль утвердилась и переросла в решение.

Дверь погружённой во мрак гардеробной распахнулась. Щёлкнул выключатель. Кейз сощурился от яркого света над головой: он снова был в башне международного аэропорта имени Линкольна.

В комнату вошёл другой диспетчер — тоже на перерыв. Кейз спрятал в ведёрко сандвичи, к которым так и не притронулся, запер шкафчик и направился назад, в радарную. Его коллега с любопытством поглядел ему вслед. Ни тот, ни другой не произнесли ни слова.

Интересно, подумал Кейз, посадили ли тот военный самолёт, у которого отказало радио. Скорее всего, что посадили и экипаж при этом не пострадал. Во всяком случае, Кейз надеялся, что всё сошло благополучно. Ему очень хотелось, чтобы в этот вечер хоть у кого-то что-то было хорошо.

Направляясь к радарной, он сунул руку в карман и нащупал ключ от номера гостиницы, желая лишний раз удостовериться, что он на месте. Скоро этот ключ понадобится ему.

4

Прошёл почти час с тех пор, как Таня Ливингстон рассталась с Мелом Бейкерсфелдом в центральном зале аэропорта. Но даже и сейчас — хотя с тех пор произошло немало событий — она всё ещё чувствовала прикосновение его руки и вспоминала, каким тоном он ей сказал, когда они ехали в лифте: «По крайней мере, у меня будет повод увидеть вас сегодня ещё раз».

Тане хотелось верить, что и Мел тоже помнит об этом и найдёт время заглянуть к ней, хотя она знала, что ему надо ехать в город.

«Повод», о котором упомянул Мел, заключался в известии, полученном Таней в кафе. «На борту рейса восемьдесят обнаружен заяц, — пояснил Тане сотрудник „Транс-Америки“. — Вас вызывают. — И добавил: — Как я слышал, придётся вам повозиться: на этот раз заяц вроде с приветом».

Сотрудник оказался прав.

Сейчас Таня снова была в маленькой гостиной, расположенной позади стоек «Транс-Америки», где ещё совсем недавно она успокаивала агента по продаже билетов — Пэтси Смит. Теперь же вместо Пэтси перед ней сидела маленькая старушка из Сан-Диего.

— Вы, видно, не новичок в этом деле, — заметила Таня. — Верно?

— Ну, конечно, моя дорогая. Я уже не раз так летала.

Старушка удобно расположилась в кресле; сложив на коленях ручки, она теребила отороченный кружевами носовой платочек. Вся в чёрном, в старомодной блузке с высоким воротником, она вполне могла бы сойти за чью-то прабабушку, собравшуюся в церковь. На самом же деле она была поймана с поличным, когда летела без билета из Лос-Анджелеса в Нью-Йорк. Безбилетные пассажиры, прочитала где-то Таня, попадались ещё в семисотом году до рождества Христова на кораблях финикийцев, бороздивших восточную часть Средиземного моря. Тогда в случае поимки их ждала смерть: взрослым вспарывали живот, а детей живьём сжигали на жертвенном огне.

С тех пор наказания стали менее жестокими, и число «зайцев», естественно, не уменьшилось.

Интересно, подумала Таня, представляют ли себе люди — кроме, конечно, узкого круга сотрудников авиакомпаний, — какого размаха достигла «заячья эпидемия» с тех пор, как появились реактивные самолёты

и резко возросли количество пассажиров и скорость их передвижения. По всей вероятности, никто и понятия об этом не имеет. Авиакомпании усиленно стараются хранить тайну из опасения, как бы обнародование этих данных не ударило по ним же и не привело к тому, что «зайцев» станет ещё больше. Тем не менее кое-кто уже раскусил, что проехать без билета крайне просто; к числу таких людей принадлежала и старушка из Сан-Диего.

Звали её миссис Ада Квонсетт — Таня проверила это по карточке социального обеспечения, которую предъявила ей старушка — и она, несомненно, спокойно долетела бы до Нью-Йорка, если бы не допустила промаха. Она поведала своему соседу по креслу, что летит без билета, и тот сообщил стюардессе. Стюардесса доложила командиру корабля, который, в свою очередь, радировал об этом в ближайший аэропорт, и кассир с охранником уже поджидали самолёт в международном аэропорту имени Линкольна, чтобы снять с борта старушку. Её привели к Тане, в обязанности которой входили и объяснения с «зайцами», когда компании удавалось их поймать.

Таня привычным жестом разгладила свою узкую форменную юбку.

— Ну, ладно, — сказала она, — расскажите-ка лучше, как было дело.

Старушка разжала и снова сжала ручки — кружевной платочек при этом немного переместился.

— Видите ли, я вдова, и у меня есть дочь — она замужем и живёт в Нью-Йорке. Временами мне становится очень одиноко и хочется повидать её. Тогда я еду в Лос-Анджелес и сажусь на самолёт, который летит в Нью-Йорк.

— Вот так просто — садитесь и летите? Без билета?

Миссис Квонсетт была явно возмущена.

— Ах, душенька, откуда же мне взять денег на билет! Я живу на то, что получаю по специальному обеспечению, да ещё на маленькую пенсию за покойного мужа. Я могу заплатить только за автобус из Сан-Диего до Лос-Анджелеса — вот и всё.

— А в автобусе, значит, вы платите?

— Ну, конечно. Там народ суровый. Я как-то раз попыталась купить билет до первой остановки, а поехать дальше. Но они в каждом городе проверяют билеты, и шофёр обнаружил, что мой билет уже недействителен. Они очень некрасиво себя вели тогда. Совсем не то, что служащие авиакомпании.

— Интересно, — спросила Таня, — а почему вы не воспользовались аэропортом Сан-Диего?

— Да боюсь я, душенька: знают они меня там.

— Вы хотите сказать, что вас уже ловили в Сан-Диего?

Старушка потупилась.

— Да.

— А вы летали без билета и на самолётах других компаний? Не только нашей?

— Ну, конечно. Но «Транс-Америка» нравится мне больше всех других.

Тане очень хотелось, чтобы голос её звучал сурово, но выдержать нужный тон было трудно: казалось, речь шла о прогулке до ближайшего магазина на углу. И тем не менее ей удалось с бесстрастным лицом спросить:

— Чем же вам так нравится «Транс-Америка», миссис Квонсетт?

— Да видите ли, уж очень разумные люди работают у вас в Нью-Йорке. Я вот поживу недельку-другую у дочки и решаю, что пора домой. Иду в вашу компанию и всё им рассказываю.

— И вы рассказываете всё как есть? Что прилетели в Нью-Йорк без билета?

— Ну, конечно, милочка. Тогда меня спрашивают, когда я прилетела и номер рейса — я всегда это записываю, чтобы не забыть. Потом они смотрят в какие-то бумаги.

— В журнал, — подсказала Таня. «Неужели этот разговор происходит наяву, а не во сне», — мелькнула у неё мысль.

— Да, душенька, по-моему, как раз так это и называется.

— Продолжайте, пожалуйста.

Старушка удивлённо посмотрела на неё.

— А что же ещё продолжать-то? После этого они отправляют меня домой. Обычно в тот же день, на одном из ваших аэропланов.

— И всё? И никто ничего не говорит вам?

Миссис Квонсетт мило улыбнулась — ну прямо как если бы сидела за чайным столом у викария.

— Иной раз случается, конечно, что и пожурят. Скажут, что я плохо себя вела и не должна больше так поступать. Но ведь это же пустяки, правда?

— Нет, — сказала Таня. — Это вовсе не пустяки.

Самое невероятное, подумала Таня, что всё это правда. Авиакомпании знают, что такие случаи нередки. «Заяц» спокойно садится в самолёт — а есть много способов туда попасть — и тихо сидит до отлёта. Поймать его довольно трудно, если только он не забредёт в «первый класс», где лишний пассажир сразу заметен, или если самолёт вдруг окажется забитым до

отказа. Да, конечно, стюардессы пересчитывают пассажиров по головам, и их цифра может не сойтись с количеством пассажиров по списку, который вручает экипажу контролёр у выхода на поле. В этот момент могут возникнуть подозрения, что кто-то летит без билета, но тогда перед контролёром, производящим посадку, встаёт вопрос: либо он выпускает самолёт, но отмечает в журнале, что подсчёт по головам не совпал с количеством выданных билетов, либо он должен заново проверять билеты у всех находящихся на борту.

Такая проверка билетов может занять добрых полчаса, а каждая минута пребывания на земле самолёта стоимостью в шесть миллионов долларов обходится в огромную сумму. Кроме того, нарушается расписание движения — и данного самолёта, и всех, следующих за ним. Да и пассажиры, которым предстоит пересадка или которые спешат к определённому часу, начинают злиться и выходить из себя, а командир корабля, понимая, что рушится его репутация пунктуального лётчика, злится на сотрудника компании. Сотрудник начинает думать, что, может, он и ошибся. Да к тому же, если он не докажет, что у него были достаточно веские основания для задержки самолёта, ему грозит «баня» от управляющего перевозками. В итоге пусть даже безбилетник будет обнаружен, но потеря в долларах и нервах намного превысит стоимость поездки одного человека.

Поэтому авиакомпании в таких случаях делают единственно разумную вещь: закрывают двери и отправляют самолёт.

На этом обычно всё и кончается. В полёте стюардессам уже не до проверок, а по окончании пути пассажиры не станут ждать, пока у них проверят билеты. В результате «заяц» без всяких неприятностей и расспросов спокойно выходит из самолёта.

Рассказывая Тане о том, каким способом она возвращается домой, маленькая старушка ничего не прибавила. Авиакомпании считают, что безбилетников быть не должно, а если таковые всё же попадаются, значит, виноваты сами компании, не сумевшие этому помешать. Потому-то авиакомпании и возвращают безбилетников туда, откуда они прилетели, и поскольку нет иного выхода, нарушители, как все пассажиры, получают обычное место и обычное обслуживание, включая еду.

— А вы симпатичная, — сказала миссис Квонсетт, — я сразу узнаю симпатичных людей, с первого взгляда. Только вы моложе большинства сотрудников, которых мне приходилось встречать.

— Вы имеете в виду тех, кто возится с безбилетниками и плутами?

— Совершенно верно. — Старушку просто невозможно было смутить.

Она одобрительно оглядела Таню. — На мой взгляд, вам не больше двадцати восьми.

Таня коротко отрезала:

— Тридцать семь.

— А выглядите вы всё же очень молодо, хоть и видно, что женщина зрелая. Это, наверно, оттого, что вы замужем.

— Оставьте вы свои штучки, — сказала Таня. — Это вам-не поможет.

— Но вы всё-таки замужем.

— Была. Когда-то.

— Какая жалость! У вас могли бы быть прелестные детки. С такими же золотисто-рыжими волосами.

С золотисто-рыжими — возможно, но без седины, подумала Таня. Седину эту она заметила утром. А что до детей, то она могла бы сказать, что у неё есть ребёнок, который сейчас дома и, надо надеяться, спит. Вместо этого она сурово сказала миссис Квонсетт:

— Ведь это бессовестно — то, что вы делаете. Обманываете, нарушаете закон. Вы хоть понимаете, что вас можно отдать под суд?

Впервые на детски-наивном старческом личике промелькнула победоносная улыбка.

— Но этого же никто не сделает, правда? За это под суд не отдают.

Продолжать, видимо, не имело смысла. Таня, как и миссис Квонсетт, отлично знала, что авиакомпании никогда не отдают под суд «зайцев», так как связанная с этим шумиха может принести куда больше вреда, чем пользы.

Правда, если порасспросить как следует старушку, от неё можно получить информацию, которая наверняка пригодится в будущем.

— Миссис Квонсетт, — сказала Таня, — вы столько раз летали бесплатно на самолётах «Транс-Америки», что, думается, могли бы немного нам помочь.

— С большой радостью.

— Я бы хотела знать, как вы попадаете на борт самолёта.

Старушка улыбнулась.

— Видите ли, душенька, есть разные способы. И я стараюсь по возможности их менять.

— Ну, расскажите мне всё-таки.

— Так вот: как правило, я стараюсь приехать в аэропорт заранее, чтобы получить посадочный талон.

— Разве это так просто?

— Получить посадочный талон? Ну что вы, очень даже просто. Сейчас

авиакомпании вместо посадочных талонов часто используют конверты от билетов. Так вот я подхожу к какой-нибудь стойке и говорю, что потеряла свой конверт и не могут ли они дать мне другой. Я выбираю стойку, где побольше народу и обслуживающий персонал очень занят. И мне всегда дают.

Ещё бы не дать, подумала Таня. Это вполне естественная просьба, и её часто слышишь. С той только разницей, что в отличие от миссис Квонсетт другие пассажиры просто хотят иметь свежий конверт для своего билета — без всякого тайного умысла.

— Но ведь конверт-то вам выдаётся пустой, — заметила Таня. — Он же не заполнен.

— Я сама его заполняю — в дамском туалете. У меня всегда с собой несколько старых посадочных талонов. Так что я знаю, где и что надо писать. И всегда держу в сумочке толстый чёрный карандаш. — Положив кружевной платочек на колени, миссис Квонсетт открыла сумочку из чёрных бусин. — Видите?

— Вижу, — сказала Таня и, потянувшись к сумке, извлекла карандаш. — Не возражаете, если я оставлю это себе?

Миссис Квонсетт сделала слегка оскорблённое лицо.

— Но это же мой. Впрочем, если он вам нужен, я, конечно, могу купить другой.

— Продолжайте, — сказала Таня. — Итак, у вас есть посадочный талон. Что происходит дальше?

— Я направляюсь к тому месту, откуда должна идти посадка на аэроплан.

— К выходу?

— Совершенно верно. Я дожидаюсь той минуты, когда молодой человек, который проверяет билеты, очень занят — а он всегда занят, когда на посадку проходит сразу большая группа, — тогда я проскальзываю мимо него — и прямо в аэроплан.

— А если кто-нибудь попытается вас остановить?

— Кто же станет меня останавливать, если у меня есть посадочный талон?

— Даже стюардессы не проверяют?

— Они молоденькие девочки, душенька. Обычно они болтают друг с другом, а если и уделяют кому-то внимание, то лишь мужчинам. Их интересует только номер рейса, а уж я стараюсь, чтобы номер был правильный.

— Но вы сказали мне, что не всегда пользуетесь посадочным талоном.

Миссис Квонсетт покраснела.

— Тогда, видите ли, мне приходится прибегать к небольшим уловкам. Иногда я говорю, что мне надо пройти, чтобы проститься с дочкой — почти все компании разрешают это, вы же знаете. Или, если аэроплан прилетел откуда-нибудь и здесь у него только стоянка, я говорю, что хочу вернуться на своё место, а билет, мол, оставила в аэроплане. Или говорю, что тут мой сын только что прошёл на посадку и забыл свой бумажник, ну и мне надо его отдать. В таких случаях я всегда держу в руке бумажник, и это действует лучше всего.

— Да, могу себе представить, — сказала Таня. — Я вижу, вы очень тщательно всё продумали. — Теперь у неё есть материал на целый бюллетень для контролёров и стюардесс, — размышляла она. И тут же усомнилась: а будет ли от этого бюллетеня какой-нибудь толк?

— Это я унаследовала от моего покойного супруга… Он преподавал геометрию и всегда говорил, что каждый угол надо учитывать.

Таня в упор посмотрела на миссис Квонсетт. Она что, издевается над ней? Но лицо старушки из Сан-Диего оставалось невозмутимо спокойным.

— Есть ещё одна чрезвычайно важная вещь, о которой я вам не сказала.

В другом конце комнаты зазвонил телефон. Таня встала, чтобы снять трубку.

— Эта старая перечница всё ещё у вас? — раздался голос управляющего перевозками. Он отвечал за все виды перевозок, которые осуществляла компания «Транс-Америка» через аэропорт имени Линкольна. Обычно это был спокойный, добродушный человек. Сегодня же голос его звучал раздражённо. На нём, естественно, не могли не сказаться эти трое суток, когда вылеты самолётов задерживались, приходилось объясняться с пассажирами и предлагать им другие маршруты, не говоря уже о бесконечных требованиях, поступавших из главной конторы компании на Восточном побережье США.

— Да, — ответила Таня.

— Удалось из неё выудить что-нибудь полезное?

— Немало. Я пришлю вам отчёт.

— Когда будете его отсылать, не забудьте о заглавных буквах, чтобы его можно было прочесть.

— Слушаюсь, сэр.

«Сэр» прозвучало столь ядовито, что на другом конце провода на минуту воцарилось молчание. Потом УП буркнул:

— Извините, Таня. Я, видно, пережал — очень мне досталось сейчас

из Нью-Йорка. Вот я и повёл себя с вами, как мальчишка-стюард, которому попалась под ноги кошка, — только вы, конечно, не кошка. Могу я вам чем-нибудь помочь?

— Мне нужен билет на сегодня в один конец до Лос-Анджелеса для миссис Ады Квонсетт.

— Это так зовут старую курицу?

— Совершенно верно.

УП кисло произнёс:

— Очевидно, за счёт компании?

— Боюсь, что да.

— Больше всего мне противно то, что придётся отправить её раньше честных людей, которые живыми деньгами заплатили за свои билеты и уже столько часов ждут возможности вылететь. Но я думаю, что вы правы: лучше побыстрее сбросить этот груз с плеч.

— Я тоже так думаю.

— Я велю зарезервировать один билет. Можете забрать его в билетной кассе. Только не забудьте предупредить Лос-Анджелес, чтобы они вызвали аэропортовскую полицию и выдворили эту старую калошу из аэропорта.

— А может, она мать Уистлера,[5] — вполголоса заметила Таня.

УП хмыкнул.

— Так пусть Уистлер и покупает ей билет.

Таня улыбнулась и повесила трубку. Затем повернулась к миссис Квонсетт.

— Вы не рассказали мне ещё об одной важной вещи — насчёт того, как вы ведёте себя уже в самолёте.

Старушка явно медлила. Когда Таня, разговаривая по телефону, упомянула об обратном билете в Лос-Анджелес, миссис Квонсетт поджала губы.

— Вы ведь уже сказали мне почти всё, — не отступалась Таня. — Так заканчивайте. Если, конечно, есть что добавить.

— Безусловно, есть. — Миссис Квонсетт утвердительно кивнула. — Я хотела вам ещё сказать, что лучше всего не выбирать больших рейсов — ну, тех, что через всю страну и без посадок. Они часто бывают забиты до отказа и даже в туристском классе вам дают номер места. Тогда всё сложнее, хотя мне много раз пришлось летать и такими рейсами, потому что не было других.

— Значит, вы выбираете не прямые маршруты. Но неужели вас не обнаруживают на посадках?

— Я притворяюсь, будто сплю. Ну и меня, конечно, не беспокоят.

— А на сей раз побеспокоили?

Тонкие губы миссис Квонсетт растянулись в усмешке: у неё был такой сокрушённый вид.

— Всё из-за этого человека, который сидел со мной рядом. Такой оказался мерзкий человечишка. Я доверилась ему, а он тут же выдал меня стюардессе. Вот и доверяй после этого людям.

— Миссис Квонсетт, — сказала Таня, — я надеюсь, вы слышали, что мы намерены отправить вас назад в Лос-Анджелес.

В серых старческих глазках мелькнул огонёк и погас.

— Слышала, душенька. Я боялась, что этим кончится. Но можно мне пока выпить чайку? Я уж тогда пойду, а вы скажите, когда мне надо вернуться…

— Ну нет! — Таня решительно замотала головой. — Одна вы никуда не пойдёте. Чаю выпить вы можете, но только с вами будет один из сотрудников. Я сейчас пошлю за кем-нибудь, чтобы вы ни минуты не были одна, пока не сядете в самолёт и не улетите в Лос-Анджелес. Стоит только отпустить вас — и я знай, что будет дальше. Мы и глазом не успеем моргнуть, как вы будете сидеть в самолёте на Нью-Йорк.

По враждебному взгляду, который миссис Квонсетт метнула на неё, Таня поняла, что угодила в точку.

Через десять минут всё было сделано. Для миссис Квонсетт зарезервировали место на рейс сто три, вылетавший в Лос-Анджелес через полтора часа. Рейс был беспосадочный, так что она никак не могла выйти из самолёта в пути и повернуть назад. Управляющему перевозками в Лос-Анджелесе было сообщено обо всём по телетайпу; соответствующая записка лежала для команды рейса сто три.

Маленькую старушку из Сан-Диего поручили заботам сотрудника «Транс-Америки», недавно нанятого юноши, который по возрасту годился ей во внуки. Этому сотруднику, которого звали Питер Кокли, Таня дала самые точные указания:

— Будете находиться при миссис Квонсетт до момента отлёта. Она говорит, что хочет выпить чаю. Отведите её в кафе и дайте ей поесть, если она попросит, хотя в полёте будет подан ужин. И что бы она ни делала, будьте при ней. Если ей понадобится пойти в туалет, ждите у дверей и ни при каких обстоятельствах не выпускайте её из виду. Когда настанет время отлёта, подведите её к выходу, пройдите вместе с ней к самолёту и сдайте с рук на руки старшей стюардессе. Не забудьте напомнить, чтобы ей ни под каким предлогом не разрешали выходить из самолёта. Это хитрющая старушенция, так что будьте бдительны.

Выходя из комнаты, старушка схватила молодого сотрудника под руку и повисла на нём.

— Надеюсь, вы не станете возражать, молодой человек. Старые люди нуждаются в опоре. А вы мне так напоминаете моего дорогого зятя. Он был вот такой же красавец, хотя теперь он, конечно, много старше вас. Вообще ваша компания, я смотрю, подбирает очень приятных людей. — И миссис Квонсетт с укором поглядела на Таню. — Во всяком случае, таких у вас большинство.

— Запомните, что я вам сказала, — напутствовала Таня Питера Кокли. — У неё неиссякаемый запас всяких трюков.

— Не очень-то это любезно с вашей стороны, — холодно парировала миссис Квонсетт. — Я уверена, что молодой человек сам сумеет составить обо мне мнение.

Молодой сотрудник смущённо улыбался.

— Хоть вы и вели себя не очень красиво, душенька, знайте, что я на вас не сержусь, — сказала Тане миссис Квонсетт и с этими словами вышла из комнаты.

Через несколько минут Таня покинула маленькую гостиную, где она провела сегодня уже два объяснения, и вернулась в контору «Транс-Америки». Было без четверти девять. Сев за свой стол, она подумала: интересно, разделалась ли компания с миссис Адой Квонсетт или им ещё придётся с ней возиться. Таня не была уверена, что на этом удастся поставить точку. И на своей машинке без заглавных букв она принялась печатать записку управляющему перевозками.

«упр. првзками
от: тани ливигстн…
предмт: мамочка уистлера»

И остановилась, задумавшись: где-то сейчас Мел и зайдёт ли к ней.

5

Нет, решил Мел Бейкерсфелд, не может он сегодня вечером ехать в город.

Мел сидел у себя в кабинете на административном этаже. Он задумчиво барабанил по столу, где стояли телефоны, связывавшие его с различными службами аэропорта.

Взлётно-посадочная полоса три-ноль всё ещё была перекрыта самолётом «Аэрео-Мехикан». В результате положение создавалось критическое и приходилось задерживать всё большее число самолётов — как в воздухе, так и на земле. Возникала реальная угроза того, что в ближайшие два-три часа придётся закрыть аэропорт.

А пока самолёты продолжали взлетать над Медоувудом, этим осиным гнездом, что немало осложняло и без того сложную ситуацию. Все телефоны аэропорта и командно-диспетчерского пункта разрывались от звонков медоувудскнх жителей — тех, кто остался дома и горестно сетовал на свою участь. Но куда больше было тех (сообщили Мелу), кто находился сейчас на митинге протеста, и уже прошёл слух — об этом несколько минут назад передал руководитель полётов, — что вечером недовольные собираются устроить демонстрацию в аэропорту.

Здесь только не хватает демонстрантов, мрачно подумал Мел.

Правда, одно было утешительно: ЧП третьей категории можно было считать ликвидированным, поскольку военный самолёт КС-135 благополучно приземлился. Но когда одно ЧП кончается, никто не может поручиться за то, что тут же не возникнет другого. Мела не оставляло какое-то смутное беспокойство, предчувствие беды, посетившее его на поле час назад. И это ощущение, трудно определимое или объяснимое, не покидало его. Но было предостаточно и реальных причин, побуждавших его оставаться на работе.

Конечно, Синди, которая всё ещё ждёт его на этом своём благотворительном шабаше, поднимет дикий шум. Но она и так уже зла на него за то, что он задерживается, а если он и вовсе не приедет — что ж, побушует немного больше, только и всего. Так что, пожалуй, лучше выдержать первый натиск сейчас и дать Синди немного излить свою ярость. Бумажка с номером телефона, по которому можно её вызвать, всё ещё лежала у него в кармане. Он достал её и набрал номер.

Как и раньше, он прождал несколько минут, прежде чем Синди

подошла к телефону, но, к его удивлению, никакого извержения вулкана не последовало, — вместо этого были холод и сухость. Она молча выслушала Мела, пытавшегося объяснить ей, почему он не может покинуть аэропорт. И когда ожидаемого взрыва не произошло, он вдруг начал запинаться и бормотать что-то нечленораздельное, малоубедительное даже для него самого. Он умолк.

Последовала пауза, затем Синди холодно спросила:

— Ты всё сказал?

— Да.

Голос у неё звучал так, точно она говорила с кем-то малознакомым и глубоко ей омерзительным:

— Я не удивляюсь, потому что и не ждала, что ты приедешь. Когда ты сказал, что скоро будешь, я не сомневалась, что ты врёшь, как всегда.

— Я вовсе не врал и не как всегда, — вспылил он. — Я ведь уже говорил сегодня, сколько раз я выезжал с тобой…

— Ты как будто заявил, что ты всё сказал.

Мел умолк. Какой смысл спорить?

— Я слушаю тебя, — устало произнёс он.

— Так вот, я пыталась сказать тебе, когда ты меня прервал — тоже, как всегда…

— Синди, ради всего святого!..

— …что, почувствовав враньё, я немного пораскинула мозгами. — Она помолчала. — Ты говоришь, что задерживаешься в аэропорту?

— По-моему, именно об этом и идёт у нас разговор…

— Надолго?

— До полуночи… а может быть, и на всю ночь.

— Тогда я к тебе приеду. Можешь не сомневаться. Нам надо поговорить.

— Послушай, Синди, ни к чему это. Не время сейчас и не место.

— Ничего, время вполне подходящее. А то, что я хочу тебе сказать, может быть сказано где угодно.

— Синди, ну, пожалуйста, будь благоразумна. Я согласен: нам многое надо обсудить, но…

Мел умолк, вдруг поняв, что говорит сам с собой. Синди уже повесила трубку.

Мел, в свою очередь, положил трубку на рычаг и какое-то время сидел молча, — в кабинете царила полная тишина. Затем, сам не зная почему, он снова снял трубку и во второй раз за этот вечер набрал свой домашний номер. Раньше к телефону подходила Роберта. На этот раз трубку сняла

миссис Себастьяни, которая обычно сидела с детьми, когда родителей не было дома.

— Я просто хотел проверить, всё ли в порядке, — сказал Мел. — Девочки уже легли?

— Роберта легла, мистер Бейкерсфелд. А Либби собирается.

— А вы не позовёте Либби к телефону?

— М-м… разве что на минуту, если вы обещаете, что не будете долго разговаривать с ней.

— Обещаю.

Миссис Себастьяни, как всегда, ужасно педантична, подумал Мел. Она требует повиновения не только от детей, но и от всего семейства. Глядя на её тихого, как мышь, супруга, который появлялся иногда вместе с ней, Мел спрашивал себя, неужели эта пара способна испытывать супружеские страсти. Пожалуй, нет. Миссис Себастьяни никогда не допустила бы такого.

Он услышал шлёпанье ног Либби по полу.

— Папочка, — спросила Либби, — а наша кровь всё время бегает по телу без остановки — всегда, всегда?

Либби, как правило, задавала самые неожиданные вопросы. Она находила новые темы с такой же лёгкостью, с какой ребёнок находит рождественские подарки под ёлкой.

— Не всегда, деточка, ничто не бывает вечно. Кровь циркулирует в нас, пока мы живём. В твоём тельце кровь циркулирует уже семь лет — с тех пор как сердечко начало биться.

— А я чувствую своё сердечко, — сказала Либби. — Оно у меня в коленке.

Мел хотел было объяснить ей, что сердце находится не в коленке, хотел рассказать, что есть у человека пульс, артерии и вены, потом передумал. Ещё успеется. Пока человек чувствует, что у него бьётся сердце — где бы оно ни билось, — уже хорошо. Либби всегда инстинктивно тянулась к самому существенному — порой у него возникала мысль, что её маленькие ручонки достают звёзды истины с небес.

— Спокойной ночи, папочка.

— Спокойной ночи, моя радость.

Мел по-прежнему не понимал, зачем позвонил домой, но после этого звонка ему, несомненно, стало легче.

Что же до Синди, то, приняв решение, она обычно выполняла его и, следовательно, вполне могла нагрянуть в аэропорт. Впрочем, пожалуй, это и к лучшему. Перед ними стоит серьёзная дилемма: сохранять хрупкую

скорлупку их брака ради детей или нет. И здесь они смогут поговорить наедине, вдали от ушей Роберты и Либби, которые и так уже слышали немало их ссор.

Собственно, сейчас никаких срочных дел у Мела не было, просто надо на всякий случай находиться на посту, вот и всё, Он вышел из своего кабинета на галерею и посмотрел вниз, в центральный зал, где по-прежнему бурлила толпа.

Пройдёт совсем немного лет, размышлял Мел, и аэровокзал придётся коренным образом перестраивать. Необходимо что-то придумать — и срочно, — чтобы изменить систему посадки в самолёт и высадки пассажиров. Когда люди по одному идут на посадку или покидают самолёт, это занимает много времени. Стоимость же пребывания на земле самолётов, строительство которых с каждым годом обходится всё дороже, — непрерывно возрастает. Поэтому и конструкторы, и те, кто составляет рейсы, стараются, чтобы машины больше летали, ибо это приносит доход, и меньше стояли на земле, ибо тут никакого дохода нет — одни расходы.

Уже разрабатывается идея создания «пассажирских контейнеров» по принципу грузового «иглу», используемого компанией «Американ» для загрузки своих самолётов. У многих других авиакомпаний есть разновидности этой системы.

«иглу» представляет собой контейнер, по форме и размеру точно соответствующий фюзеляжу самолёта. Его заранее загружают, затем поднимают до уровня фюзеляжа и за несколько минут вставляют в самолёт. В грузовом самолёте — в противоположность пассажирскому — фюзеляж представляет собой пустую коробку. Теперь, когда такой самолёт прибывает в аэропорт, из него быстро вынимают «иглу» и вставляют новый. С минимальной затратой времени и труда огромный самолёт можно быстро разгрузить, снова загрузить и подготовить к вылету.

Можно было бы создать «пассажирские контейнеры» по тому же принципу, и Мел уже видел разработку этой идеи в чертежах. Это будут маленькие удобные секции с вмонтированными в них сиденьями, куда пассажиры будут садиться прямо у регистрационной стойки. Затем контейнеры с пассажирами по конвейерной ленте, вроде той, по которой сейчас движется багаж, — будут переброшены к месту посадки. Там их вставят в самолёт, прилетевший, быть может, всего несколько минут назад и уже успевший выгрузить контейнеры с прибывшими пассажирами.

Когда контейнеры с пассажирами встанут на место, окошки в них точно совпадут с окошками фюзеляжа. Двери в каждом контейнере

автоматически уйдут в стены, чтобы стюардессы и пассажиры могли беспрепятственно переходить из одной секции в другую. В самолёт будут доставлены и новые подсобки со свежими запасами пищи, питья и новой сменой стюардесс.

Со временем можно настолько усовершенствовать систему «пассажирских контейнеров», что пассажиры будут занимать свои места в контейнере уже на городском аэровокзале, а также перемещаться с одного самолёта на другой и даже из одного аэропорта в другой.

Примерно в этом же направлении работает мысль тех, кто в Лос-Анджелесе трудится над созданием «поднебесного салона». Такой салон, вмещающий сорок пассажиров, сможет передвигаться и как автобус и как геликоптер. На дорогах — и на шоссе, и на городских улицах — он будет идти на своём моторе; добравшись же до ближайшего гелипорта, превратится в контейнер, вставляемый в большой геликоптер, — словом, сам сможет передвигаться между аэропортами.

И всё это будет, думал Мел. Если не совсем такое, то что-то похожее. Самые фантастические мечты так быстро становились реальностью, что это поистине завораживало тех, кто работал в авиации.

Крик, донёсшийся откуда-то снизу, из зала, нарушил раздумья Мела.

— Эй, Бейкерсфелд! Эй, там, наверху!

Мел опустил взгляд и поискал глазами, кто его зовёт. Определить это было трудно, так как человек пятьдесят задрали голову и смотрели вверх. Но через какое-то время Мел всё же обнаружил кричавшего. Это был Иган Джефферс, высокий стройный негр, в узких, обтягивающих фигуру бежевых брюках и рубашке с короткими рукавами. Он отчаянно махал тёмной жилистой рукой.

— Спускайтесь, Бейкерсфелд! Вы меня слышите? Тут неприятности. Мел улыбнулся. Джефферс, имевший концессию на чистку обуви в аэровокзале, был личностью весьма своеобразной. С широкой нахальной усмешкой на некрасивом лице он мог сказать человеку любую гадость, всё сходило ему с рук.

— Я вас слышу, Иган Джефферс. А может, вы сюда подниметесь?

Усмешка стала шире.

— Чёрта с два, Бейкерсфелд. Я концессионер, не забывайте об этом.

— Если забуду, вы тут же процитируете Акт о гражданских правах.

— Правильно, Бейкерсфелд. А теперь спускайте сюда вашу задницу.

— А вы не распускайте язык у меня в аэропорту.

Но в общем-то Мела всё это забавляло, и, отойдя от балюстрады, окружавшей галерею, он зашагал к служебному лифту. А Иган Джефферс

продолжал стоять внизу.

У Джефферса в аэровокзале было четыре киоска для чистки обуви. Это была далеко не главная концессия — куда более крупные концессии имели владельцы автостоянки, ресторана и газетных киосков, которые приносили поистине астрономические доходы по сравнению с доходами чистильщика обуви По Иган Джефферс, некогда сам чистивший ботинки на тротуаре, самозабвенно считал, что только его концессия даёт возможность аэропорту сводить концы с концами.

— У нас контракт — у меня с аэропортом. Верно?

— Верно.

— Так вот в этой хитрой бумаженции сказано, что я обладаю ис-клю-чи-тель-ным правом чистить здесь обувь. *Ис-клю-чи-тель-ным*. Верно?

— Верно.

— Значит, правильно я сказал вам, что у вас неприятности. Пошли, Бейкерсфелд.

Они пересекли центральный зал, направляясь к эскалатору, который вёл вниз и по которому Джефферс сбежал, перескакивая через ступеньку. По дороге он весело махал каким-то людям. Мел следовал за ним на некотором расстоянии, чтобы не перетруждать ногу.

Иган Джефферс указал вниз — на стойки компаний «Хертц», «Эвис» и «Нейшнл», дававших автомобили внаём.

— Вот! Полюбуйтесь, Бейкерсфелд! Вот кто отбирает у меня клиентов — у меня и у тех ребят, которые работают на меня.

Мел вгляделся повнимательнее. Возле стойки компании «Эвис» красовалась зазывная надпись:

ЧИСТИТЕ ОБУВЬ, НАНИМАЯ МАШИНУ, —

ПОЛЬЗУЙТЕСЬ НАШИМИ УСЛУГАМИ!

МЫ СТАРАЕМСЯ ИЗО ВСЕХ СИЛ!

А рядом со стойкой находилась электрическая машина для чистки обуви, установленная таким образом, чтобы человек, разговаривая с клерком, мог ею пользоваться, как гласила надпись на табличке.

Мела это позабавило, и в то же время он понимал, что Иган Джефферс нрав. Закон был на стороне этого балагура. В его контракте чёрным по

белому написано, что никто, кроме него, не имеет права чистить обувь в аэропорту, так же как Джефферс, например, не имеет права давать внаём машины или продавать газеты. Каждый концессионер приобретал таким образом исключительные права в обмен на существенную долю своих доходов, которые он отдавал аэропорту.

Иган Джефферс остановился в отдалении, а Мел направился к стойке. По дороге он вытащил из кармана свою особую книжечку, в которой значились домашние телефоны ответственных сотрудников аэропорта. Был тут телефон и управляющего компании «Эвис». При его приближении девушка за стойкой автоматически включила улыбку.

— Разрешите мне воспользоваться вашим телефоном, — сказал Мел.

Она возразила:

— Сэр, это телефон не для публики…

— Я — управляющий аэропортом. — Мел протянул руку, снял трубку и набрал номер. Такие случаи, когда его не узнавали в собственном аэропорту, бывали нередко. Ведь работа Мела в основном протекала, так сказать, за кулисами, не на глазах у публики, так что те, кто обслуживал пассажиров, редко видели его.

Слушая гудки в трубке, он подумал о том, как было бы хорошо, если бы и остальные проблемы решались так же легко.

Телефон прозвонил раз двенадцать, прежде чем послышался голое управляющего компании «Эвис»:

— Кен Кингсли слушает.

— А если бы мне нужна была машина? — спросил Мел. — Где вы пропадали?

— Играл с сынишкой в поезд. Это отвлекает меня от мыслей, об автомобилях. И людях, которые по поводу их звонят.

— С сынишкой? Хорошо, наверное, иметь мальчишку, — сказал Мел. — У меня вот только девочки. Ваш мальчик интересуется машинами?

— Восьмилетний гений. Если вам понадобится человек, чтобы управлять этим вашим игрушечным аэропортом, дайте мне знать.

— Непременно, Кен. — И Мел подмигнул Игану Джефферсу. — Впрочем, ваш малыш может уже и сейчас взяться за дело. Например, установить дома машину для чистки обуви. Я случайно знаю, где есть одна лишняя. Впрочем, и вы тоже.

В трубке наступило молчание. Затем послышался вздох.

— И почему это вам, ребята, вечно хочется задушить честную инициативу?

— Главным образом потому, что мы людишки мелочные и премерзкие.

Но мы можем и всерьёз стать такими. Кстати, помните графу в контракте, где сказано, что любые изменения во внешнем виде стойки и рекламы подлежат утверждению руководства аэропорта? А потом есть ещё одна графа насчёт того, что нельзя ущемлять права других арендаторов.

— Понял, — сказал Кингсли. — Иган Джефферс раскрыл свою пасть.

— И, скажем прямо не для того, чтобы кричать «ура».

— О'кей, ваша взяла. Сейчас велю моим людям убрать эту чёртову штуку. Делать это с крейсерской скоростью?

— Не обязательно, — сказал Мел. — Достаточно будет, если вы уберёте машину в ближайшие полчаса.

— Ну и мерзавец же вы.

Но Мел слышал, как управляющий «Эвиса» хмыкнул, вешая трубку.

Иган Джефферс одобрительно закивал, по обыкновению широко осклабившись. А Мел невесело подумал: «Я всем приятель и друг в аэропорту. Только и делаю, что улаживаю чьи-то дела». Хотелось бы ему уладить и свои собственные.

— Пятёрка, Бейкерсфелд, — сказал Джефферс. — Смотрите только, чтоб больше этого не было. — И, всё так же широко улыбаясь, он деловито зашагал к эскалатору, ведущему наверх.

Мел не спеша последовал за ним. В центральном зале больше всего народу теснилось у стоек «Транс-Америки», возле табличек с надписью:

РЕГИСТРАЦИЯ ПАССАЖИРОВ

ТОЛЬКО НА РЕЙС ДВА «ЗОЛОТОЙ АРГОС»

БЕСПОСАДОЧНЫЙ ДО РИМА

Неподалёку Таня Ливингстон оживлённо разговаривала с группой пассажиров. Она помахала Мелу и через минуту-другую подошла к нему.

— Просто вздохнуть некогда — тут у нас сумасшедший дом. Я думала, вы уже давно в городе.

— У меня изменились планы, — сказал Мел. — А я думал, вы уже Отдежурили.

— УП попросил задержаться. Хотим отправить «Золотой Аргос» по расписанию. Это якобы необходимо для престижа, а я подозреваю, что просто капитан Димирест не желает ждать.

Мел усмехнулся.

— Вот тут вы необъективны. Впрочем, это и со мной случается.

Таня жестом указала на небольшое возвышение, окружённое круглой стойкой.

— Если я не ошибаюсь, это главный предмет вашей свары с зятем? Из-за этого капитан Димирест так зол на вас, правда?

За стойкой, на которую указывала Таня, продавали страховые полисы. Возле неё находилось человек десять, заполнявших бланки страховок на случай катастрофы в воздухе. За стойкой две хорошенькие девушки — одна из них яркая блондинка с пышным бюстом — выписывали полисы.

— Да, — признал Мел, — из-за этого главным образом у нас и шли раздоры — во всяком случае, последнее время. Вернон и Ассоциация пилотов гражданской авиации считают, что надо ликвидировать страховые стойки в аэропортах, а также машины по продаже страховых полисов. Я же держусь иного мнения. Мы с ним сцепились из-за этого на заседании Совета уполномоченных. И Вернон никак не мог пережить — да и до сих пор не может, — что я тогда взял верх.

— Я слышала об этом. — Таня испытующе посмотрела на Мела. — Мы тоже не все согласны с вами. В данном случае мы считаем, что капитан Димирест прав.

Мел покачал головой.

— Нет, тут у нас с вами разные точки зрения. Я много об этом думал: доводы Вернона просто несостоятельны.

Они показались Мелу несостоятельными ещё в тот день, месяц назад, когда Вернон Димирест появился в международном аэропорту Линкольна на заседании Совета уполномоченных. Вопрос обсуждался по настоянию Вернона, выступавшего от имени Ассоциации пилотов гражданской авиации, которая вела кампанию за то, чтобы запретить продажу страховок в аэропортах.

Мел помнил это заседание во всех подробностях.

По вторникам утром в конференц-зале аэропорта обычно собирался Совет уполномоченных. На этот раз все пять уполномоченных были налицо: миссис Аккерман, хорошенькая брюнетка, домохозяйка, попавшая в Совет, судя по слухам, потому, что была любовницей мэра, и четверо мужчин — университетский профессор, председатель Совета, два местных дельца и профсоюзный деятель в отставке.

Заседал Совет на административном этаже в конференц-зале, стены которого были обшиты красным деревом. В одном конце зала на возвышении сидели уполномоченные в откидных кожаных креслах за

элегантным овальным столом. А ниже стоял менее элегантный стол. За ним сидел Мел Бейкерсфелд в окружении начальников служб. Рядом находился стол для прессы, а другой конец зала был отведён для публики, поскольку заседания Совета формально считались открытыми. Места для публики, как правило, пустовали.

В тот день единственным посторонним, находившимся в зале, помимо уполномоченных и аппарата, был капитан Вернон Димирест в своей нарядной форме с четырьмя золотыми нашивками, ярко сверкавшими при свете, падавшем сверху. Он сидел в части зала, отведённой для публики, разложив подле себя на двух стульях книги и бумаги. Совет любезно решил послушать сначала капитана Димиреста, а уж потом приступить к повседневным делам.

Димирест встал. Он обратился к Совету в своей обычной самоуверенной манере, лишь изредка заглядывая в записи. Он выступает здесь, заявил Димирест, от имени Ассоциации пилотов гражданской авиации, поскольку является председателем местного её отделения. Однако излагает он своё собственное мнение, правда, разделяемое большинством пилотов всех компании.

Уполномоченные откинулись в своих креслах и приготовились слушать.

Продажа страховок в аэропорту, сказал Димирест, является нелепым архаизмом, сохранившимся с той поры, когда авиация только делала свои первые шаги. Само присутствие стоек страховых компаний и машин по продаже страховок в залах аэропорта оскорбительно для гражданской авиации, которая, если учитывать налетанный километраж, является наиболее безопасным из всех видов транспорта.

Разве человеку, отправляющемуся в путешествие по железной дороге или на автобусе, или же садящемуся на океанский лайнер, или выезжающему на собственной машине из гаража, суют под нос специальные страховки на случай смерти или увечья? Конечно же, нет!

Тогда почему это происходит в авиации?

Димирест сам ответил на свой вопрос. Это происходит потому, заявил он, что страховые компании знают, где можно хорошо поживиться, «а на последствия им плевать».

Гражданские самолёты являются сравнительно новым средством сообщения, поэтому многие считают путешествие по воздуху рискованным, хотя уже доказано, что в самолёте человек подвергается меньшей опасности, чем у себя дома. Это врождённое недоверие к авиации стремительно возрастает, стоит произойти очередной катастрофе. Трагедия

неизбежно производит сильное впечатление, вычёркивая из памяти то обстоятельство, что куда чаще смерть и увечье настигают человека более привычным путём.

Собственно, то обстоятельство, что летать совсем не опасно, заметил Димирест, подтверждается самими страховыми компаниями. Пилотам, которые, естественно, летают куда больше пассажиров, продают страховку по обычному тарифу, а при групповом приобретении страховок пилоты платят даже меньше, чем публика.

И тем не менее страховые компании, поощряемые алчностью аэропортовских властей, с покорного согласия авиакомпаний, продолжают жиреть на страхе и доверчивости пассажиров.

Мел слушал, сидя за своим столом, и про себя отметил, что шурин очень ясно и точно излагает вопрос, хотя, конечно, замечание об «алчности аэропортовских властей» не слишком мудрое. Двое или трое уполномоченных, в том числе миссис Аккерман, насупились.

Однако Вернон Димирест, казалось, не заметил впечатления, произведённого его словами.

— А теперь, сударыня и господа, мы подходим к самому главному и существенному.

Дело в том, сказал он, что безответственная продажа страховок в аэропорту любому пассажиру и члену экипажа, которые могут без труда приобрести их как через представителя страховых компаний, так и благодаря машинам, — «страховок, сулящих крупные суммы, почти состояния, в обмен на несколько долларов», представляет собой подлинную опасность и для пассажиров и для команды.

И Димирест возбуждённо продолжал:

— Эта система — если можно назвать системой то, что оказывает обществу столь плохую услугу, — а большинство пилотов считает, что это так, — предоставляет преступникам и маньякам золотую возможность заниматься саботажем и массовыми убийствами. Цель при этом у них может быть наипростейшая: поживиться самим или дать возможность поживиться наследникам.

— Капитан! — Миссис Аккерман выпрямилась в своём кресле. По тону её и по выражению лица Мел понял, что она всё это время пережёвывала про себя замечание Димиреста об алчности аэропортовских властей и теперь дошла до точки кипения. — Капитан, мы уже очень долго слушаем ваши рассуждения. А есть у вас факты, подкрепляющие всё это?

— Конечно, сударыня. И фактов много.

Вернон Димирест тщательно подготовился. С помощью выкладок и

диаграмм он показал, что катастрофы, происшедшие в воздухе вследствие насилия или взрыва бомб, составляют полтора случая в год. Побудительные мотивы у преступников разные, но чаще всего — возможность получить деньги по страховке. Были, конечно, и такие случаи, когда бомбы не взрывались или их удавалось обнаружить; были аварии, наводившие на мысль о саботаже, но доказательства отсутствовали.

Димирест перечислил нашумевшие катастрофы: самолёты компании «Кэнедиен Пасифик» — в 1949 и в 1965 годах; «Уэстерн» — в 1957 году; «Нейшнл» — в 1960 году и подозрение на саботаж — в 1959 году; два самолёта компании «Мехикан» в 1952 и 1953 годах; Венесуэльской компании — в 1960 году; компании «Континентл» — в 1962 году; компании «Пасифик» — в 1964 году; компании «Юнайтед» — в 1950-м, 1955-м и подозрение на саботаж — в 1965 году. В девяти из этих тринадцати случаев все пассажиры и команда погибли.

Правда, когда ясно, что авария произошла из-за саботажа, все страховки тотчас аннулируются. Короче говоря, нормальные, читающие газеты люди поняли, что саботаж не окупается. Узнали они и то, что даже если катастрофа случилась в воздухе и не осталось никого в живых, но удалось найти остатки самолёта, можно установить, произошёл ли в самолёте взрыв и отчего.

Однако, напомнил уполномоченным Димирест, бомбы и саботаж — дело рук людей, отнюдь не нормальных. Это люди аморальные, психопаты, одержимые преступной идеей, бессовестные убийцы. Как правило, они мало информированы, а если, что и знают, то мозг психопата так устроен, что он думает лишь о своей навязчивой идее и видоизменяет факты так, как ему заблагорассудится.

Тут, миссис Аккерман снова вмешалась, уже не скрывая, своей неприязни к Димиресту:

— Я не уверена, капитан, что кто-либо из нас достаточно компетентен, чтобы рассуждать о процессах, происходящих в мозгу психопата.

— А я и не рассуждаю, — нетерпеливо оборвал её Димирест. — Да и не в том дело.

— Извините, но вы *всё-таки* рассуждаете. И я считаю, что дело именно в этом.

Вернон Димирест вспыхнул. Он привык быть хозяином положения, чьи действия не оспариваются, и не сумел сдержать свой необузданный нрав.

— Сударыня, вы от природы глупы или строите из себя идиотку?

Председатель Совета резко застучал молотком по столу, а Мел

Бейкерсфелд чуть не расхохотался.

Что ж, подумал Мел, на этом можно, пожалуй, поставить точку. Вернону лучше заниматься своим лётным делом, в котором он большой мастак, а не дипломатией — надо же с таким треском провалиться. Шансы на то, что Совет уполномоченных хоть что-то предпримет в соответствии с просьбой Димиреста, были сейчас равны нулю с минусом… во всяком случае, если не прийти ему на помощь. Какую-то секунду Мел колебался. Димирест наверняка понял, что слишком далеко зашёл. Однако ещё есть время обернуть всё шуткой, над которой все посмеются, включая Милдред Аккерман. А Мел обладал даром сглаживать противоречия, давая возможность обеим сторонам спасти лицо. К тому же он знал, что Милли Аккерман благосклонна к нему — они отлично ладили, и она всегда внимательно прислушивалась ко всему, что говорил Мел.

А потом Мел решил: пошёл он к чёрту. Случись такая штука с ним, Мелом, шурин вряд ли пришёл бы ему на помощь. Так что пусть Вернон сам выбирается из той каши, которую заварил. А он, Мел, через некоторое время просто выскажет своё мнение.

— Капитан Димирест, — холодно заметил председатель Совета, — ваше последнее замечание ничем не оправдано и вообще ни к месту. Прошу вас взять свои слова обратно.

Димирест был всё ещё возбуждён, щёки его пылали. Секунду подумав, он кивнул.

— Хорошо, я беру свои слова обратно. — И взглянул на миссис Аккерман. — Прошу даму извинить меня. Возможно, она понимает, что для меня, как и для большинства пилотов гражданской авиации, это чрезвычайно больная тема. Когда тебе самому всё настолько очевидно… — И он умолк, не закончив фразы.

Миссис Аккерман смотрела на него горящими от возмущения глазами. Плохо он извинился, подумал Мел. Теперь при всём желании ничего уже не сгладишь.

— Капитан, а чего вы, собственно, от нас хотите? — спросил один из уполномоченных.

Димирест шагнул к возвышению.

— Я призываю вас, — сказал он проникновенно, — ликвидировать страховые машины и продажу страховок у стоек, я хочу, чтобы вы обещали, что не будете больше сдавать места в аренду страховым компаниям.

— Вы хотите ликвидировать продажу страховок вообще?

— В аэропортах — да. Могу добавить, сударыня и господа, что сотни пилотов гражданской авиации призывают и другие аэропорты поступить

так же. Кроме того, мы обращаемся в Конгресс с просьбой принять меры и объявить вне закона продажу страховок в аэропортах.

— Какой смысл вводить такой запрет в Соединённых Штатах — ведь гражданская авиация существует и в других странах!

Димирест слегка улыбнулся.

— А мы ведём эту кампанию в международном масштабе.

— Что значит — в международном?

— Нас активно поддерживают пилоты сорока восьми стран. Большинство из них считает, что если в Северной Америке — в Соединённых Штатах или в Канаде — будет сделан первый шаг, другие страны последуют их примеру.

Всё тот же уполномоченный скептически заметил:

— Я бы сказал, что слишком многого вы хотите.

— Должны же пассажиры иметь право приобрести страховку, если они того хотят, — вставил председатель.

Димирест кивнул.

— Конечно. Никто и не говорит, что они не имеют на это права.

— Не, вы именно так говорите, — снова заявила о себе миссис Аккерман.

Димирест поджал губы.

— Сударыня, кто угодно может застраховать свою жизнь на время путешествия. Нужно лишь позаботиться об этом заранее, обратившись к страховому агенту или даже в бюро путешествий. — Он обвёл взглядом уполномоченных. — Сейчас многие страхуют свою жизнь на случай возможной катастрофы в пути и пользуются всеми видами транспорта, зная, что они застрахованы на всю жизнь. А застраховаться так можно разным путём. Например, все крупные кредитные общества — «Клуб гастрономов», «Американ экспресс», «Carte Blanche»[6] — предоставляют своим членам постоянную страховку на время путешествия; страховка эта автоматически возобновляется каждый год, и за неё, естественно, взимают определённую плату.

Почти у всех деловых людей, пользующихся воздушным транспортом, продолжал Димирест, есть, по крайней мере, одна из вышеупомянутых кредитных карточек, так что отмена продажи страховок в аэропортах не причинит неудобств или сложностей деловым людям.

— К тому же при общей страховке и платить приходится мало. Я это знаю по собственному опыту. — Вернон Димирест помолчал и добавил: — Самое при этом важное, что такую страховку выдают не сразу. Заявление рассматривается опытными людьми, и проходит день, а то и два, прежде

чем тебе выдадут страховку. Это позволяет выявить психопата, маньяка, человека неуравновешенного, и задуматься над тем, что он замышляет. И ещё об одном следует помнить: человек ненормальный или неуравновешенный действует обычно под влиянием импульса. И здесь, в аэропорту, где страховку можно приобрести с помощью машины или у стойки — быстро, без расспросов, — этот импульс скорее может проявиться.

— Мне кажется, мы все усвоили ваши доводы, — резко перебил его председатель. — Вы начинаете повторяться, капитан.

Миссис Аккерман закивала.

— Я тоже так считаю. Мне лично хотелось бы услышать, что скажет мистер Бейкерсфелд.

Все уставились на Мела.

— Да, — подтвердил он, — у меня есть на этот счёт некоторые соображения. Но я предпочёл бы изложить их после того, как капитан Димирест закончит своё выступление.

— А он уже закончил, — заявила Милдред Аккерман. — Мы ведь только что решили, что он всё сказал.

Один из уполномоченных рассмеялся, председатель постучал молотком.

— Да, пожалуй, верно… Так что прошу вас, мистер Бейкерсфелд.

Мел встал, а Вернон Димирест, злой как чёрт, вернулся на своё место.

— Думаю, начать надо с того, — сказал Мел, — что я смотрю иначе почти на всё, о чём говорил здесь Вернон. Наверное, это можно назвать внутрисемейными разногласиями.

Уполномоченные, знавшие о родстве Мела и Вернона Димиреста, заулыбались, и Мел почувствовал, что атмосфера, которая ещё несколько минут назад была напряжённой, разрядилась. Он привык к такого рода заседаниям и знал, что лучше всего держаться неофициально. Вернон тоже мог бы об этом знать, если бы потрудился спросить.

— Тут есть несколько обстоятельств, о которых мы не можем не думать, — продолжал Мел. — Прежде всего давайте посмотрим фактам в лицо. Большинству людей присуще врождённое чувство страха перед полётом, и я убеждён, что это чувство будет существовать всегда, независимо от того, как далеко мы шагнём по пути прогресса и насколько обеспечим безопасность. Единственное, в чём я согласен с Верноном, это в том, что у нас весьма высокий уровень безопасности.

И вот из-за этого врождённого страха, продолжал Мел, многие пассажиры чувствуют себя уютнее, увереннее, когда у них в кармане лежит

страховка на полёт. Они хотят иметь её, И хотят иметь возможность приобрести её в аэропорту, что подтверждается огромным количеством страховок, которые пассажиры приобретают в машинах и у страховых стоек. Собственно, пассажиры должны иметь право — в этом и состоит свобода — да и возможность купить страховку, если они того хотят. Что же до приобретения страховок заблаговременно, то, как правило, большинство людей об этом просто не думает. А кроме того, добавил Мел, если страховки на полёт будут продавать только заранее, аэропорты, в том числе аэропорт имени Линкольна, потеряют значительную часть своих доходов. При упоминании о доходах Мел усмехнулся. Уполномоченные усмехнулись тоже.

Мел прекрасно понимал, что в этом главное. Слишком велик был доход от концессий страховым компаниям, и отказываться от него просто невозможно. Аэропорт имени Линкольна получал ежегодно полмиллиона долларов комиссионных с проданных страховок, хотя лишь немногие покупатели отдавали себе отчёт в том, что аэропорт берёт двадцать пять центов с каждого доллара, уплаченного за страховку. Однако страховки занимали лишь четвёртое место в доходах аэропорта — после доходов от автостоянок, ресторанов и компаний, дающих машины напрокат. Другие большие аэропорты получали примерно такой же доход от страховок, а иногда и больший. Хорошо Вернону Димиресту, заметил Мел, говорить об «алчных аэропортовских властях», но такого рода суммы не сбросишь со счёта.

Мел решил не развивать своих мыслей насчёт страховок. Достаточно уже того, что он сказал о доходах. Уполномоченные, знакомые с состоянием финансовых дел аэропорта, и так все поймут.

Он заглянул в свои записи. Тут были цифры, которые накануне сообщила ему одна из страховых компаний, имеющая концессию в Линкольнском аэропорту. Мел не просил у них этих данных. Да и вообще никому не говорил, кроме своей секретарши, о том, что сегодня речь пойдёт о страховках. Но чиновники страховой компании каким-то образом все узнали — просто удивительно, как они всё узнают, — и быстро подготовили материал для защиты своих интересов.

Мел не воспользовался бы их данными, если бы они противоречили его собственному, беспристрастному мнению. По счастью, они совпадали.

— Теперь, — сказал Мел, — насчёт саботажа — потенциального и иного. — Он увидел, что члены Совета насторожились. — Вернон тут уже много об этом говорил, но должен сказать — а я слушал его внимательно, — что большинство его соображений кажутся мне

преувеличенными. Ведь таких случаев, когда в воздухе произошли катастрофы, подстроенные людьми, специально приобретшими для этого страховку, весьма немного.

Капитан Димирест вскочил со своего места.

— О господи, да сколько же нужно катастроф, чтобы мы стали с этим считаться?!

Председатель резко застучал молотком.

— Капитан… Прошу вас!

Мел выждал, пока Димирест успокоится, и затем ровным голосом продолжал:

— Раз задан такой вопрос, я на него отвечу: «Нисколько». Но при этом напрашивается другой вопрос: а что, катастрофы прекратятся, если в аэропорту перестанут продавать страховки? — Мел выждал, чтобы до сознания присутствующих дошли его слова, затем продолжал: — Можно, конечно, утверждать, что катастрофы, о которых идёт речь, никогда бы не произошли, прекрати мы продажу страховок в аэропортах. Иными словами, что все эти катастрофы — преступления, совершённые под влиянием импульса, возникшего благодаря той лёгкости, с какою можно приобрести страховки в аэропорту. Можно считать, что даже заранее задуманные преступления не были бы совершены, если бы страховки не приобретались так просто. Таковы, насколько я понимаю, аргументы Вернона и его Ассоциации. — Мел бросил взгляд на своего шурина, но тот по-прежнему сидел злой и насупленный. — Главная слабость его аргументации, — продолжал Мел, — состоит в том, что вое это основано на предположениях. Мне лично кажется, что если человек задумал совершить преступление, его не остановит то, что он не может купить страховку в аэропорту, — ведь он может приобрести её в любом другом месте, сам Вернон говорит, что это просто.

Иными словами, пояснил Мел, страховка при саботаже играет лишь второстепенную роль. Подлинные же побудительные мотивы гнездятся в стародавних человеческих слабостях — любовных неудачах, алчности, банкротстве, желании совершить самоубийство.

Мотивы эти, заявил Мел, существуют столько, сколько существует род людской, уничтожить их невозможно. Поэтому те, кто заинтересован в безопасности полётов и в предотвращении саботажа, должны стремиться не к тому, чтобы ликвидировать продажу страховок в аэропортах, а к тому, чтобы усилить меры предосторожности в воздухе и на земле. Одной из таких мер может быть ограничение продажи динамита — главного средства, используемого на сегодня большинством тех, кто устраивает

катастрофы в воздухе. В качестве другой меры следует совершенствовать приборы, способные «учуять» взрывчатку в багаже. Один такой прибор, сообщил Мел внимательно слушавшим его уполномоченным, уже находится в стадии экспериментального опробования.

Третья мера — на которой, кстати, настаивают компании, страхующие пассажиров в полёте, — должна состоять в осмотре багажа до полёта, как это делают таможенники. Правда, добавил Мел, эта последняя мера связана с явными трудностями.

Мы должны, продолжал он, жёстче соблюдать существующие законы, которые запрещают перевозить оружие на гражданских самолётах. Кроме того, учитывая возможность подстроенной аварии, надо пересмотреть конструкцию самолётов, чтобы Они Не разваливались при взрыве. В этой связи есть, например, такая идея — и она тоже принадлежит страховой компании: предлагается укрепить (и соответственно — утяжелить) стенки багажного отделения, хотя это и повлияет на общий вес самолёта и снизит доходы авиакомпаний.

Федеральное управление авиации, подчеркнул Мел, специально изучало вопрос о продаже страховок в аэропортах и выступило против запрещения их продажи. Мел взглянул на Вернона Димиреста — лицо у него было по-прежнему злое. Оба знали, что это «изучение» вызывало протесты у пилотов, поскольку проводил его чиновник страховой компании, сам занимавшийся продажей страховок в аэропорту, и его беспристрастность была весьма сомнительна.

Страховая компания дала Мелу ещё и другие данные, но он решил на этом поставить точку. К тому же эти неиспользованные им доводы были менее убедительны. Он сомневался даже в целесообразности укрепления багажного отсека, хотя всего минуту назад внёс такое предложение. Кому пойдёт на пользу увеличение веса самолёта — пассажирам, авиакомпаниям или опять-таки страховым обществам? Зато все остальные доводы он считал достаточно весомыми.

— Итак, — в заключение сказал он, — нам предстоит решить, следует ли лишать публику — на основании в общем-то одних предположений — тех услуг, которые ей явно нужны.

Мел едва успел опуститься на своё место, как Милдред Аккерман решительно объявила:

— Я считаю, что не следует. — И бросила на Вернона Димиреста победоносный взгляд.

К ней присоединились остальные уполномоченные, после чего решено было устроить перерыв и отложить рассмотрение других дел до

послеполудня.

В коридоре Вернон Димирест ждал Мела.

— Привет, Вернон! — произнёс Мел и быстро добавил, не давая шурину вставить хоть слово: — Надеюсь, ты на меня не в претензии? Ведь даже у друзей и у родственников порою могут быть разные мнения.

Слово «друзья» было преувеличением. Мел Бейкерсфелд и Вернон Димирест никогда не любили друг друга, несмотря на то, что Димирест был женат на сестре Мела, Саре, причём оба знали об этой взаимной неприязни; в последнее же время эта неприязнь переросла в открытую вражду.

— Конечно, чёрт побери, я на тебя в претензии, — сказал Димирест. Злость уже не так кипела в нём, но глаза смотрели жёстко.

Уполномоченные, выходившие из конференц-зала, с любопытством поглядели на них. Они шли обедать. И через несколько минут Мел присоединится к ним.

— Людям твоего склада, привязанным, точно пингвины к земле, к своим столам, легко так рассуждать, — презрительно изрёк Димирест. — Вот если бы вы так часто летали, как я, вы бы держались иной точки зрения.

— Я не всю жизнь летал за столом, — резко бросил Мел.

— О, бога ради, не корми меня этой манной кашей про героя-ветерана. Сейчас ты на нулевой отметине, и то, как ты думаешь, подтверждает это. В противном случае ты бы смотрел на всю эту историю со страховками так, как смотрит любой уважающий себя пилот.

— Ты имеешь в виду именно «уважающий себя», а не самовлюблённый? — Если Вернону хочется поупражняться в колкостях, что ж, Мел готов поддержать разговор. В коридоре было пусто, и их не могли услышать. — Вся беда с вами, пилотами, в том, что вы привыкли считать себя полубогами, капитанами заоблачных высот и потому уверены, будто и мозги у вас особенные. Так вот, они у вас самые обыкновенные — только что напичканы специальными знаниями. Иной раз мне кажется, что они у вас вообще атрофировались — слишком долго вы сидите без дела в разреженном воздухе, пока машину ведёт за вас автоматический пилот. Поэтому когда кто-то высказывает своё мнение и это мнение, как выясняется, не совпадает с вашим, вы ведёте себя, точно балованные дети.

— Я пропускаю всё это мимо ушей, — сказал Димирест, — хотя если кто и ребёнок здесь, так это ты. К тому же отнюдь не беспристрастный.

— Ну, вот что, Вернон…

— Ты же сам употребил это слово, — презрительно фыркнул

Димирест. — Беспристрастное мнение — как же, держи карман шире! Да ты же пользовался сейчас данными страховой компании! Ты же читал по бумажке, подготовленной ими! Я видел это с того места, где сидел, и знаю, потому что у меня есть копия. — И он ткнул пальцем в кипу книг и бумаг, которые держал под мышкой. — Ты даже не потрудился пристойности ради сам подготовиться к выступлению.

Мел вспыхнул. Шурин действительно поймал его. Он должен был сам подготовиться или хотя бы критически отнестись к данным страховой компании и перепечатать те из них, которыми намеревался пользоваться. Да, конечно, дел у него последние дни было больше обычного, но это не оправдание.

— Когда-нибудь ты ещё об этом пожалеешь, — сказал Вернон Димирест. — И если это произойдёт и я буду при сём присутствовать, я напомню тебе о сегодняшнем дне и нашем разговоре. А до тех пор постараюсь встречаться с тобой лишь при крайней необходимости.

И прежде чем Мел успел что-либо сказать, шурин его повернулся и пошёл прочь.

Вспомнив об этом сейчас, когда он стоял с Таней в центральном зале аэропорта, Мел — в который раз — подумал, правильно ли он тогда себя вёл и не лучше ли было не обострять отношений с Верноном. В глубине души он чувствовал, что нельзя так держаться. Он мог не соглашаться с зятем — Мел и сейчас не видел оснований менять свою точку зрения, — но можно было вести себя ровнее и не допускать бестактности: пусть этим занимается Вернон Димирест, а не он. Мел.

С того дня они ни разу не встречались, — собственно, Мел увидел Димиреста в аэропортовском кафе сегодня вечером впервые после того заседания. Мел никогда не был особенно близок со своей старшей сестрой Сарой, и они редко навещали друг друга. Однако рано или поздно Мелу и Вернону Димиресту придётся встретиться и либо уладить свои разногласия, либо, по крайней мере, прекратить распрю. И чем скорее это случится, тем лучше, подумал Мел, вспомнив о том, в каких резких выражениях была составлена докладная комиссии по борьбе с заносами, безусловно, инспирированная Верноном.

— Я бы не стала вспоминать об этой истории со страховками, — заметила Таня, — если бы знала, что это может увести вас так далеко от меня.

А ведь его мысли отвлеклись от Тани всего на секунду, но она сразу это уловила — как остро она чувствует всё, что связано с ним. Никто ещё

не обладал такой способностью угадывать, о чём он думает. Как же они, значит, духовно близки друг другу.

Он чувствовал, что Таня наблюдает за ним — она смотрела на него мягко, понимающе, но под этой мягкостью таилась большая женская сила, таились чувства, которые, как подсказывал Мелу инстинкт, могли вспыхнуть ярким пламенем. И ему захотелось, чтобы их близость стала ещё полнее.

— Нет, это не увело меня далеко от вас, — сказал Мел. — Наоборот, только приблизило. И мне очень хочется, чтобы вы были со мной. — Их взгляды встретились, и он добавил: — Всегда и везде.

И Таня с присущей ей прямотою ответила:

— Я тоже этого хочу. — И слегка улыбнулась. — Давно хочу.

Он еле удержался, чтобы не предложить ей сейчас же бросить всё и уехать куда-нибудь, в спокойное, тихое место… скажем, к ней домой… и плевать на последствия! Но Мел знал, что не может он себе этого позволить, — и смирился. Пока не может.

— Давайте встретимся позже, — сказал он ей. — Сегодня. Не знаю ещё когда, но сегодня. Не уезжайте домой без меня. — Ему хотелось схватить её, сжать, притянуть к себе, почувствовать её тепло, но вокруг них бурлила толпа.

Она протянула руку, и пальцы её слегка коснулись его руки. Его словно пронизало электрическим током.

— Я буду ждать, — сказала Таня. — Я буду ждать столько, сколько вы захотите.

Через минуту она уже была далеко, и толпа пассажиров, теснившаяся у стоек «Транс-Америки», поглотила её.

6

Хотя Синди Бейкерсфелд очень решительно разговаривала с Мелом полчаса назад, она ещё совсем не была уверена, как поведёт себя дальше. Вот если бы подле неё был кто-то, с кем можно было бы посоветоваться! Стоит ей всё-таки ехать сегодня в аэропорт или не стоит?

Синди одиноко размышляла над этой непростой проблемой среди гула и гомона, царивших на коктейле, организованном фондом помощи детям Арчидоны. Как же ей всё-таки быть? До сих пор она почти весь вечер переходила от группы к группе, оживлённо болтая, здороваясь со знакомыми, знакомясь с теми, кто её интересовал, — и всё время её не покидала мысль, что она здесь сегодня без спутника. А сейчас и вовсе она стояла в задумчивости одна.

Синди размышляла: идти на ужин без Мела или какого-нибудь другого мужчины ей не хотелось. Значит, надо либо ехать домой, либо разыскать Мела и устроить ему сцену.

По телефону она заявила Мелу, что приедет в аэропорт и всё ему выложит. Но Синди понимала, что если она туда явится, объяснение будет нешуточным и может наступить разрыв, окончательный и необратимый. Здравый смысл подсказывал ей, что рано или поздно такой разговор между ними неминуем, — так чем скорее он будет позади, тем лучше. К тому же тогда решатся и некоторые побочные проблемы. Однако пятнадцать лет брака не отбросишь так же легко, как выбрасывают отслуживший своё дождевик из пластика. Каковы бы ни были их недостатки и причины разногласий — а Синди могла бы насчитать таковых немало, — когда два человека столько лет прожили вместе, их связывают узы, которые трудно порвать.

Даже и сейчас Синди верила, что её брак с Мелом можно спасти, если оба они как следует постараются. Вопрос в другом: хотят ли они этого? Синди была убеждена, что она этого хочет — при условии, конечно, что Мел пойдёт на уступки, однако до сих пор он не соглашался на её требования, и она сомневалась, чтобы он мог измениться, как ей бы того хотелось. Если же ни на какие уступки Мел не пойдёт, дальнейшая совместная жизнь немыслима. Последнее время уже и интимные отношения, когда-то восполнявшие многое, отошли в прошлое. Что-то и тут разладилось, хотя Синди не понимала почему. Мел по-прежнему возбуждал её — даже и сейчас, стоило подумать о нём, как в ней вспыхнуло

желание. Но всякий раз, когда возникала возможность близости, духовная отчуждённость брала верх. В итоге — во всяком случае, у Синди — это вызывало раздражение, злость, а потом плоть начала заявлять о себе так громко, что ей просто необходим стал мужчина. Какой угодно. Любой.

Она одиноко стояла среди плюша и бархата салона при ресторане отеля «Лейк Мичиган», где проходил приём для представителей прессы. Вокруг неё говорили преимущественно о буране и о том, как трудно было всем сюда добраться. Но они-то приехали, подумала Синди, а вот Мел — нет. Время от времени где-то рядом раздавалось: «Арчидона», и Синди вспомнила, что она так и не выяснила, какой же Арчидоне она благодетельствует — эквадорской или испанской. («Чёрт бы тебя побрал, Мел Бейкерсфелд, подумаешь, какой выискался умник!..»)

Чья-то рука дотронулась до её локтя, и незнакомый голос любезно осведомился:

— Вы ничего не пьёте, миссис Бейкерсфелд? Могу я вам что-нибудь принести?

Синди обернулась. Перед ней стоял репортёр по имени Дерик Иден, которого она немного знала. Его комментарии часто появлялись в «Санди-таймс». Как большинство людей этой профессии, он держался легко и уверенно, с чуть рассеянным видом. Синди и раньше обращала на него внимание — как и он на неё.

— Спасибо, — сказала Синди. — Американского виски с водой, только воды поменьше. И называйте меня, пожалуйста, по имени. По-моему, вы знаете, как меня зовут.

— Конечно, Синди.

Глаза репортёра с откровенным, нескрываемым восхищением смотрели на неё. «Собственно, почему бы и нет?» — подумала Синди. Она знала, что сегодня хорошо выглядит, изящно одета и тщательно подмазана.

— Я мигом вернусь, — сказал ей Дерик Иден, — так что, пожалуйста, никуда не уходите, раз уж я вас нашёл. — И он стремительно направился к бару.

Дожидаясь его возвращения, Синди оглядывала переполненный зал. И вдруг поймала на себе взгляд немолодой дамы в шляпе с цветами. Синди тотчас просияла и улыбнулась приветливейшей из улыбок, — дама кивнула и отвела глаза. Это была журналистка светской хроники. Рядом с ней стоял фотограф, и они явно решали, кого снимать для разворота в завтрашних газетах. Вот дама в шляпе с цветами поманила к себе нескольких благотворительниц, и они столпились вокруг неё, любезно улыбаясь, стараясь держаться как можно непринуждённее, тогда как сами были рады-

радешеньки, что выбор пал именно на них. Синди понимала, почему её обошли: одна — она ничего собой не представляла; а вот будь здесь Мел, сразу приобрела бы вес. Мел кое-что значил в жизни города. Но самое возмутительное, что Мелу на успехи в свете было глубоко наплевать.

В другом конце комнаты засверкали вспышки фотоаппарата; дама в шляпе усиленно строчила имена и фамилии. Синди готова была расплакаться. Ведь она участвовала *почти во всех благотворительных начинаниях* … трудилась, не жалея сил, заседала в скучнейших комиссиях, выполняла всю неблагодарную работу, от которой отказывались дамы, занимавшие в обществе более высокое положение, а теперь — пожалуйста, о ней и думать забыли…

(«Чёрт бы тебя побрал, Мел Бейкерсфелд! Чёрт бы побрал этот сволочной снег! Провались ты к чёртовой матери, поганый, разбивающий браки аэропорт!»)

Тем временем газетчик возвращался с двумя стаканами в руках — для Синди и для себя. Пробираясь сквозь толпу, он увидел, что Синди наблюдает за ним, и улыбнулся. Чувствовалось, что он уверен в себе. Насколько Синди знала мужчин, он, должно быть, сейчас прикидывал, есть ли у него шансы переспать с ней сегодня. Журналисты — народ дошлый и наверняка неплохо разбираются в психологии отринутых, одиноких жён.

Синди, глядя на Дерика Идена, тоже кое-что прикидывала в уме. Лет тридцать с небольшим, решила она: достаточно зрел, чтобы быть человеком опытным, и в то же время достаточно молод, чтобы женщина изощрённая могла его кое-чему поучить. Вроде бы неплохо сложён. Он будет внимателен, возможно, даже нежен и уж, конечно, — щедр. И при этом явно готов идти на сближение: он дал ей это понять ещё до того, как отправился за напитками. Двум людям, если они не чурбаны и одинаково смотрят на вещи, нетрудно наладить контакт.

Всего несколько минут назад она раздумывала, куда ей ехать — домой или в аэропорт. Сейчас, казалось, намечался третий, более интересный вариант.

— Извольте.

И Дерик Иден протянул ей стакан. Она взглянула — ого, сколько виски! Наверно, он велел бармену налить побольше. Нет, право же, мужчины слишком прямолинейны.

— Спасибо. — Она отхлебнула немного, глядя на него поверх края стакана.

Дерик Иден приподнял свой стакан и улыбнулся.

— Очень шумно здесь, правда?

Для человека пишущего, подумала Синди, он на редкость неоригинален. По его расчётам, она сейчас должна сказать: «Да», и тогда он предложит: *«А почему бы нам не поехать куда-нибудь, где поспокойнее?»* Текст, который последует за этим, тоже нетрудно предугадать.

Синди решила потянуть время и ещё глотнула виски.

Она размышляла. Конечно, если бы Лайонел был в городе, она бы не стала возиться с этим газетчиком. Но Лайонел, к которому она всегда обращалась за утешением в периоды семейных бурь и которого держала при себе на случай, если с Мелом дело дойдёт до развода, — а Лайонел готов был хоть завтра жениться на ней, — сейчас находился в Цинциннати (а может быть, в Колумбусе?) и занимался тем, чем занимаются архитекторы, когда выезжают куда-нибудь по делам; вернётся он только дней через десять, а то и позже.

Мел не знал о романе Синди с Лайонелом — во всяком случае, точно ничего не знал, хотя, наверное, подозревал, что у неё есть любовник. Но, как догадывалась Синди, ему, по всей вероятности, это было глубоко безразлично. Просто теперь он мог больше времени отдавать аэропорту и совсем не думать о ней, — надо сказать, этот чёртов аэропорт портил им жизнь не хуже иной любовницы.

Но не всегда было так.

В начале их брака, когда Мел только что расстался с флотом, Синди очень гордилась им. Он стал быстро подниматься по ступенькам, ведущим к командным постам в авиации, и Синди радовалась этому продвижению, радовалась его новым постам. Служебное положение Мела укреплялось, вместе с ним укреплялось и положение Синди — естественно, общественное: в ту пору они почти каждый вечер бывали на людях. Синди от имени их обоих принимала приглашения на коктейли, ужины, премьеры, благотворительные вечера, а если на один вечер выпадало сразу два светских события, Синди решала, которое важнее, и отклоняла другое приглашение. Для молодого человека, делающего карьеру, ведь так важно быть на виду, общаться с имеющими вес людьми. Даже Мел это понимал. И он покорно всюду следовал за Синди.

Беда была в том, как поняла теперь Синди, что они с Мелом ставили перед собою разные цели. Мел видел в светской жизни лишь средство для удовлетворения своего профессионального честолюбия: главным для него была карьера, а светские обязанности — лишь временное орудие для достижения этой цели. Синди же видела в карьере Мела своего рода

пропуск в более высокие и могущественные светские слои. Сейчас, оглядываясь назад, она порой думала, что если бы они тогда, вначале, лучше понимали друг друга, то могли бы прийти к какому-то компромиссу. К сожалению, этого не произошло.

Разлад между ними начался примерно в то время, когда Мела, уже занимавшего пост управляющего аэропортом имени Линкольна, избрали к тому же ещё и президентом Совета руководителей аэропортов.

Синди была вне себя от счастья, узнав, что её муж приобретает вес и влияние в Вашингтоне. А когда его стали вызывать в Белый дом и у него установились непосредственные отношения с президентом Кеннеди, Синди стала готовиться к появлению в высшем вашингтонском свете. В розовых мечтах она уже видела, как гуляет — и фотографируется — с Джекки, или Этель, или Джоан[7] в Яннис-порте или на лужайке Белого дома.

Но ничего подобного не произошло. Ни Мел, ни Синди никакого участия в светской жизни Вашингтона не принимали, хотя и могли бы. Больше того, по настоянию Мела они отклоняли даже те приглашения, которые получали. Мел считал, что в своей области сумел сделать себе имя и ему нет нужды заботиться об укреплении своего положения в свете, — кстати, это никогда его особенно не волновало.

Когда Синди это поняла, она взорвалась, и между ними произошла грандиозная ссора. Это было ещё одной ошибкой с её стороны. Мел мог бы сдаться на уговоры, а гнев Синди обычно заставлял его лишь твёрже стоять на своём. Разлад между ними продолжался целую неделю — с каждым днём Синди вела себя всё стервознее и тем лишь ухудшала дело. Стервозность была одним из недостатков Синди, и она это знала. Большую часть времени она старалась сдерживаться, но порой, сталкиваясь с равнодушием Мела, не могла взять себя в руки, и её бешеный темперамент одерживал верх — так произошло и сегодня, когда она говорила с мужем по телефону.

После этой недели бесконечных препирательств они стали ссориться чаще и уже не скрывали своих отношений от детей, да и едва ли сумели бы скрыть, даже если б захотели. Как-то раз, к стыду их обоих, Роберта вдруг объявила, что теперь после школы будет ходить к подруге, «потому, что вы ссоритесь и мешаете мне готовить уроки». Однако постепенно в доме установилось некое подобие равновесия. Время от времени Мел сопровождал Синди на те или иные светские рауты, но только если заранее ей это обещал. А вообще он подолгу задерживался в аэропорту и редко появлялся дома. Предоставленная в значительной мере самой себе, Синди — как не без издёвки говорил Мел — с головой ушла в «мелкую

благотворительность» и занялась «штурмом светских вершин».

Что ж, возможно, Мелу это и в самом деле казалось глупым, думала Синди. Но право, надо же чем-то себя занять, а кроме того, ей нравилась борьба за положение в свете — собственно, к этому и сводилась её деятельность. Мужчинам легко критиковать — у них есть чему посвятить себя. Мел, например, занят своей карьерой, аэропортом, другими обязанностями. А что прикажете делать Синди? Сидеть целый день дома и вытирать пыль?

Синди не питала иллюзий по поводу своего ума. Она не обладала большим интеллектом и понимала, что во многих отношениях не может сравниться с Мелом. Но тут, собственно, ничего нового не было. В первые годы их брака Мел находил её глупости забавными, теперь же — а в последнее время он только это и делал — лишь издевался над ней. Реалистичнее стала смотреть Синди и на свои актёрские возможности: конечно же, из неё никогда не получилось бы «звезды». В прошлом она, правда, любила намекать на то, что, если бы не замужество, она достигла бы в театре больших высот. Но это была лишь форма самообороны, стремление напомнить — в том числе Мелу, — что она не просто жена управляющего аэропортом, но и личность. В глубине же души Синди знала: в своей актёрской карьере она никогда бы не поднялась выше второстепенных ролей.

А участие в светской жизни — в мизансценах, разыгрываемых местным обществом, — было Синди по силам. Оно давало ей ощущение собственной значимости, делало её личностью. И хотя Мел издевался над ней и отнюдь не считал, что Синди чего-то достигла, она всё-таки сумела взобраться на несколько ступенек вверх по общественной лестнице и была принята в кругу достаточно известных в свете людей. Которых иначе никогда бы не встретила, да и на такие приёмы, как сегодня, уж конечно, не могла бы попасть… Вот только сейчас ей очень нужен был Мел в качестве спутника, а он, думая прежде всего о своём чёртовом аэропорте, не появился.

Мел, сумевший завоевать престиж и прочное положение в обществе, никогда не понимал стремления Синди к самоутверждению. Да теперь уже и не поймёт.

Однако Синди продолжала идти своим путём. У неё тоже были планы на будущее, которые — она знала — приведут в семье к страшной схватке, если они с Мелом останутся вместе. Дело в том, что Синди лелеяла честолюбивую мечту вывести в свет обеих своих дочерей — сначала Роберту, а потом Либби — на котильоне в Пассаване, блистательном

событии сезона, открывающем светскую карьеру для родовитых иллинойских девиц. Естественно, что как мать дебютанток Синди и сама привлечёт к себе внимание.

Однажды она вскользь упомянула о своём намерении в разговоре с Мелом, и тот, как и следовало ожидать, вспылил: «Только через мой труп!» В наш век устраивать балы для дебютанток с их глупыми квохчущими мамашами — это же смешно, заявил он Синди. Слава богу, этот снобистский обычай уже отмирает как анахронизм и кастовая традиция, с которой нация, к счастью, разделывается, хотя — судя по людям вроде Синди — недостаточно быстро. Он же, заявил Мел, хочет, чтобы его дети воспитывались в духе равенства с другими людьми, а не росли самовлюблёнными эгоистами, уверенными, что они занимают привилегированное положение в обществе. И так далее.

Вопреки обыкновению, Мел, обычно кратко и чётко формулировавший свои взгляды, тут говорил долго и пространно.

А вот Лайонел считал, что это правильная затея.

Фамилия Лайонела — Эркарт. И в жизни Синди он занимал далеко не главное место — маячил где-то на обочине в виде вопросительного знака.

Любопытно, что свёл Синди с Лайонелом сам Мел. Он представил их друг другу на одном официальном завтраке, куда Лайонела пригласили потому, что он как архитектор что-то делал для города, а Мела — из-за его причастности к аэропорту. Они были шапочно знакомы друг с другом уже несколько лет.

После этого завтрака Лайонел стал звонить Синди, и они несколько раз вместе обедали и ужинали, потом стали встречаться чаще, а со временем у них завязались и более интимные отношения.

В противоположность многим мужчинам, легко смотрящим на роман с женщиной, Лайонел чрезвычайно серьёзно воспринял свою связь с Синди. Он жил один — с женой он расстался несколько лет назад, но разведён не был. Теперь он хотел получить развод в надежде, что Синди разведётся с мужем и они поженятся. К тому времени, когда у него созрело это решение, он уже знал, что брак Синди весьма непрочен.

У Лайонела никогда не было детей, и теперь, сказал он Синди, он очень об этом сожалеет. Правда, они с Синди ещё вполне могут завести ребёнка, если не станут тянуть и быстро поженятся. При этом он, конечно, будет более чем счастлив создать семейный очаг для Роберты и Либби и всемерно постарается заменить им отца.

Синди откладывала окончательное решение по разным причинам — главным образом потому, что надеялась наладить отношения с Мелом, в

какой-то мере вернуть прошлое. Нельзя сказать, чтобы она всё ещё была влюблена в Мела: Синди успела обнаружить, что с возрастом начинаешь более скептически относиться к любви. Но она привыкла к Мелу. Привыкла видеть его рядом — так же, как Роберту и Либби; а кроме того, подобно многим женщинам, Синди страшилась кардинальных перемен в своей жизни.

Когда-то она считала, что развод и новый брак могут повредить её положению в обществе. Однако теперь она изменила на этот счёт мнение. Множество людей разводятся и ни на минуту не исчезают со светского горизонта: сегодня мы встречаем даму с одним мужем, а уже через неделю — с другим. Синди даже стало казаться, что человек, ни разу не прошедший через развод, производит унылое впечатление.

К тому же брак с Лайонелом мог укрепить позиции Синди в обществе. Лайонел с большей охотой, нежели Мел, посещал всякие светские сборища и вечера. Да и происходил он из родовитой семьи, пользовавшейся уважением в городе. Мать Лайонела, словно вдовствующая императрица, всё ещё царила в ветхом особняке, где допотопный дворецкий громогласно возвещал о посетителях, а горничная с распухшими от артрита руками обносила гостей чаем на серебряном подносе. Лайонел как-то водил туда Синди. Он сообщил ей потом, что она произвела хорошее впечатление и он уверен: ему удастся убедить мать, когда настанет срок, поддержать кандидатуры Роберты и Либби для участия в котильоне.

Словом, так как разлад с Мелом не сглаживался, а углублялся, всё говорило за то, что Синди следовало решиться и связать себя с Лайонелом, если бы… если бы не одно обстоятельство. Как мужчина Лайонел никуда не годился.

Он очень старался быть на высоте и, случалось, даже поражал её силой своей страсти, но, как правило, больше походил на часы с незаведенной пружиной. Однажды вечером, после неудачной встречи у него в спальне, которая оставила у них обоих неприятный осадок, он мрачно заявил: «Если бы ты знала меня в восемнадцать лет!.. Мне удержу не было…» Но, к сожалению, Лайонелу минуло не восемнадцать, а сорок восемь.

Синди прекрасно понимала, что если она выйдет замуж за Лайонела, страсть, которая сейчас бросала их в объятия друг друга, иссякнет, как только они поселятся вместе. Конечно, Лайонел постарается возместить отсутствие страсти чем-то другим — он человек добрый, широкий, внимательный, — но разве этого достаточно? Чувства Синди далеко ещё не угасли, — она и вообще-то была натурой пылкой, а в последнее время её

желания и аппетиты даже возросли. Но ведь и с Мелом у неё уже не было близости — так не всё ли равно? В конечном счёте Лайонел всё-таки больше устраивал её.

Значит, надо выходить замуж за Лайонела Эркарта и спать с кем-нибудь на стороне. Последнее, конечно, трудновато будет осуществить, особенно сразу после замужества, но если осмотрительно себя вести, то всё же можно. Она знала немало мужчин и женщин, даже довольно высокопоставленных, которые жили вот так же, сохраняя брак и находя удовлетворение вне стен домашнего очага. Ведь удавалось же ей обманывать Мела. Он мог, конечно, подозревать её в неверности, но Синди была убеждена, что Мел не знает ничего определённого — ни о Лайонеле, ни о ком-либо ещё.

Ну, а как ей быть сегодня вечером? Ехать ли в аэропорт, чтобы объясниться с Мелом, как она намеревалась? Или провести вечер с этим репортёром Дериком Иденом, который стоял сейчас подле неё и ждал?

Синди пришло в голову, что, пожалуй, можно осуществить и то и другое.

Она улыбнулась Дерику Идену.

— Извините, пожалуйста, что вы сказали?

— Я сказал, что здесь очень шумно.

— О, да.

— И я подумал, не сбежать ли нам с этого ужина и не поехать ли куда-нибудь, где потише.

Синди едва удержалась, чтобы не расхохотаться. Но вместо этого лишь сказала:

— Хорошо.

Она окинула взглядом салон, где толпились приглашённые и устроители коктейля. Фотографы перестали щёлкать аппаратами — значит, оставаться дольше не имело смысла. Можно, тихонько, незаметно уйти.

Дерик Иден спросил:

— Вы на машине, Синди?

— Нет. А вы?

Из-за непогоды Синди приехала на такси.

— А я на машине.

— Прекрасно, — сказала она. — Давайте уйдём порознь. Ждите меня в своей машине, я выйду из главного подъезда через четверть часа.

— Давайте лучше через двадцать минут: мне ещё надо сделать два-три звонка.

— Очень хорошо.

— У вас есть какие-нибудь пожелания? Насчёт того, куда бы вы хотели поехать.

— Это уж решайте сами.

Секунду помедлив, он спросил:

— Вы предпочитаете сначала поужинать?

Её позабавило это «сначала»: всё должно быть ясно — он хотел, чтобы она понимала, на что идёт.

— Нет, — сказала Синди. — У меня мало времени. Мне нужно быть ещё в одном месте.

Она почувствовала, как взгляд Дерика Идена скользнул по её фигуре и снова вернулся к её лицу. Казалось, она даже услышала, как у него перехватило дыхание, — ещё бы, так повезло.

— Вы грандиозная женщина, — сказал он. — Но я до конца поверю своему счастью, только когда вы выйдете из подъезда.

Произнеся это, он повернулся и незаметно исчез из салона. Через четверть часа Синди последовала за ним.

Она взяла в гардеробе своё манто и, выходя из отеля, плотно закуталась в него. На улице по-прежнему сыпал снег и ледяной пронизывающий ветер гнал позёмку по просторам набережной и шоссе. Погода напомнила Синди об аэропорте. Она твёрдо решила, что сегодня непременно поедет туда, но было ещё рано — всего половина десятого, — и времени впереди достаточно… хватит на всё.

Из-под козырька подъезда вышел швейцар и притронулся к фуражке:

— Такси, мэм?

— Нет, пожалуй, не надо.

В эту минуту на стоянке вспыхнули фары одной из машин. Она тронулась с места, слегка пошла юзом на рыхлом снегу и подкатила к подъезду, где ждала Синди. Это был «шевроле» семилетней давности. За рулём сидел Дерик Иден.

Швейцар распахнул дверцу, и Синди села в машину. Когда дверца захлопнулась, Дерик Иден сказал:

— Извините, что здесь так холодно. Мне надо было сначала позвонить в газету, а затем позаботиться о том, чтобы нас приняли там, куда мы едем. Я сам только что залез в машину.

Синди вздрогнула и плотнее закуталась в манто.

— Остаётся только надеяться, что там, куда мы едем, будет тепло.

Дерик Иден, не глядя, сжал её пальцы. А заодно сжал и колено, на котором лежала её рука. Прикосновение было мгновенным — и обе его руки уже снова лежали на руле. Он тихо произнёс:

— Вам будет тепло — это я обещаю.

7

До вылета самолёта «Транс-Америки» рейсом два «Золотой Аргос» оставалось сорок пять минут; в машине шли последние приготовления к беспосадочному пятитысячемильному полёту в Рим.

Вообще подготовка к этому полёту длилась многие месяцы, недели и дни. Непосредственные же приготовления шли уже сутки.

Самолёт, вылетающий из любого крупного аэропорта, подобен реке, когда она впадает в море. По пути к морю река вбирает в себя все притоки, а каждый приток, в свою очередь, вбирает в себя те, что поменьше. Таким образом, в устье река представляет собою конгломерат всего, что в неё влилось. Если перевести это на язык авиации, то река, когда она впадает в море, подобна воздушному лайнеру в момент взлёта.

Для рейса два был избран «боинг-707-320В» за номером 731-ТА. Несли его четыре реактивных двигателя фирмы «Пратт энд Уитни», позволяющие развить скорость 605 миль в час. При Максимальной загрузке самолёт мог пролететь 6 тысяч миль, или — по прямой — расстояние от Исландии до Гонконга. Он мог поднять в воздух 199 пассажиров и 25 тысяч американских галлонов горючего, — иными словами: вместимость бассейна средней величины. Стоил самолёт 6,5 миллиона долларов.

Два дня назад номер 731-ТА вылетел из Западной Германии, из Дюссельдорфа, и за два часа до посадки в международном аэропорту имени Линкольна у него перегрелся двигатель. Командир корабля на всякий случай велел его выключить. Никто из пассажиров и не догадывался, что они летели на трёх двигателях вместо четырёх; да, собственно, самолёт в случае необходимости мог лететь и на одном. Сел он вовремя.

Однако аварийная бригада «Транс-Америки» была поставлена по радио в известность о случившемся. Поэтому группа механиков поджидала машину, и как только пассажиры вышли, а груз сняли, самолёт покатили в ангар. Пока он ехал к ангару, специалисты-диагностики уже трудились вовсю, отыскивая причину неполадки, которую, кстати, удалось довольно быстро найти.

Пневматический воздуховод — стальная труба, проходящая вокруг повреждённого двигателя, — лопнул во время полёта. Необходимо было снять двигатель и заменить его. И сделать это сравнительно просто. Куда сложнее ликвидировать последствия того, что произошло за те несколько минут, пока перегревшийся двигатель ещё работал и чрезвычайно горячий

воздух попал в гондолу двигателя. Этот горячий воздух мог повредить сто восемь пар контактов электрической системы самолёта.

Тщательное обследование контактов показало, что, хотя некоторые из них и перегрелись, ни один серьёзно не пострадал. Случись такое в автомобиле, автобусе или грузовике, машину можно было бы пускать в эксплуатацию без промедления. Но авиакомпании не могут рисковать. Поэтому было решено заменять все сто восемь пар контактов.

Смена контактов требует высокой квалификации. Это работа дотошная, медленная, так как всего два человека могут одновременно находиться в тесной гондоле двигателя. А сначала надо ведь выявить парные провода и только уже потом подсоединить их к контактам. Работу приходилось вести без остановки, днём и ночью, — одни электрики сменяли других.

Всё это обойдётся «Транс-Америке» не в одну тысячу долларов: высококвалифицированный труд стоит дорого, да и самолёт не приносит дохода, пока стоит на земле. Но компания безоговорочно шла на потери — все компании мирятся с подобными потерями во имя безопасности.

«Боинг-707» за номером 731-ТА, который должен был лететь на Западное побережье, затем назад и потом лететь в Рим, сняли с рейса. Об этом сообщили диспетчерам, и те произвели быструю перестановку в расписании, чтобы заполнить пустоту. Они отменили стыкующийся рейс, а пассажиров отправили самолётами конкурирующих компаний. Свободного самолёта у «Транс-Америки» не было. Ведь речь шла о реактивных самолётах, стоящих несколько миллионов долларов, и компании запасных машин не имеют.

Диспетчеры, однако, требовали, чтобы механики подготовили «боинг-707» для вылета в Рим рейсом два, а до этого оставалось тридцать шесть часов. Один из вице-президентов компании лично позвонил из Нью-Йорка главному механику «Транс-Америки» и услышал в ответ: «Если сумеем подготовить его для вашего спокойствия, то подготовим». А в самолёте уже трудились механики и электрики под надзором квалифицированного мастера — все они знали, как важно быстрее закончить работу. Тем временем набирали вторую бригаду для ночной смены. Обе бригады будут работать сверхурочно, пока всё не сделают.

Вопреки всеобщему убеждению, механики всегда интересуются тем, как ведут себя в полёте машины, которыми они занимались. Осуществив сложную или сверхурочную работу — как в данном случае, — они следят за полётом машины, проверяя себя. И если с самолётом всё в порядке, как обычно бывает, это доставляет им большое удовлетворение. Пройдут

месяцы, и как-нибудь, глядя на самолёт, подруливающий к аэровокзалу, кто-нибудь из них заметит: «Вон прилетел восемьсот сорок второй. Помните, сколько мы с ним повозились тогда… Похоже, вроде вылечили».

И вот целых полтора дня на самолёте номер 731-ТА устраняли неполадки — работа, по самому своему характеру исключающая спешку, шла в нём, однако, с максимальной быстротой.

За три часа до вылета последняя пара контактов была соединена. Ещё час ушёл на то, чтобы сменить капоты вышедшего из строя двигателя и опробовать все двигатели на земле. Потом, самолёт надлежало опробовать в воздухе и лишь тогда выпускать в рейс. К этому времени из диспетчерской уже то и дело раздавались звонки: будет номер 731-ТА готов к вылету в рейс два или нет? Если нет, то пусть техники так и скажут, чтобы билетная служба знала о возможности длительной задержки и могла предупредить пассажиров до того, как они вы едут из дома.

Постучав по дереву, старший механик сказал, что если в воздухе не произойдёт осложнений при опробовании, самолёт будет готов вовремя.

Он и был готов — но в самую последнюю минуту. Старший пилот «Транс-Америки», всё это время находившийся на месте, поднял машину в воздух и сквозь снеговые тучи вывел её в ясное небо. После возвращения он сказал: «Вы, ребята, в жизни не догадаетесь, что там, наверху, есть луна», и подписал документ о том, что самолёт годен для полёта. Пилоты, служащие в аэропорту, любят выполнять такого рода поручения, так как это позволяет им набрать нужное количество лётных часов, не слишком удаляясь от письменного стола.

Когда испытательный полёт был окончен, до вылета машины в рейс оставалось так мало времени, что старший пилот подрулил прямо к выходу сорок семь, где должен был загружаться рейс два «Золотой Аргос».

Словом, техники справились, — а на их долю частенько выпадали испытания подобного рода, — но еле-еле уложились во времени.

Как только самолёт стал у ворот, его окружили рабочие и засуетились вокруг него, как муравьи.

Прежде всего предстояло загрузить еду. За час с четвертью до вылета диспетчер позвонил на кухню и заказал питание в соответствии с числом предполагаемых пассажиров. Сегодня в первом классе будет всего два свободных места, зато туристский класс будет заполнен лишь на три четверти. Первому классу, как всегда, выдаётся шесть лишних порций; туристскому же классу — по количеству пассажиров. Таким образом, пассажиры первого класса, если захотят, могут попросить вторую порцию ужина, а пассажиры туристского класса не могут.

Хотя количество пассажиров точно учитывалось, тем не менее, если в последнюю минуту появлялся дополнительный пассажир, он не оставался без еды. Дополнительную порцию — в том числе и специальную еду для религиозных евреев — всегда можно взять из специальных шкафчиков, расположенных у выхода на поле. Если пассажир вошёл в самолёт, когда уже закрывались двери, его питание вносят на подносе следом за ним.

Погружают на борт и ящики со спиртным, которые сдают стюардессам под расписку. Пассажирам первого класса спиртное дают бесплатно; пассажиры туристского класса платят доллар за стакан (или соответствующую сумму в иностранной валюте), если им неизвестно одно обстоятельство. А обстоятельство это заключается в том, что стюардессы не получают мелочи для сдачи и, по инструкции, если у них нет сдачи, они должны дать пассажиру выпить бесплатно. Есть пассажиры, которые многие годы летают в туристском классе и пьют бесплатно — они просто протягивают пятидесяти- или двадцатидолларовую бумажку и утверждают, что меньше у них нет.

Пока на борт загружают еду и напитки, идёт проверка и других припасов. А на самолёте должно быть несколько сот разных предметов, начиная с детских пелёнок, одеял, подушек, гигиенических пакетов и кончая Библией. Всё это выдаётся без возврата. По окончании полёта компания не производит инвентаризации; ни одного пассажира, выходящего из самолёта со свёртком в руке, не остановят: если для нового рейса чего-то будет не хватать, запасы просто пополнят — и всё.

Самолёту дают также комплекты газет и журналов. В полёте всегда можно получить газету — за одним исключением. Служащие «Транс-Америки» обязаны следовать твёрдо установленному правилу: если на первой странице описана воздушная катастрофа, газета на борт не поступает и все номера её выбрасываются. Этого правила придерживаются и многие другие авиакомпании.

Однако сегодня на борту самолёта, вылетавшего рейсом два, было полно газет. Главным событием дня был трёхдневный буран, разразившийся над Средним Западом, и его последствия.

В аэропорту началась регистрация пассажиров, и на борт стал поступать багаж. Сданный пассажиром чемодан по системе транспортёрных лент переправляется от регистрационной стойки в помещение, находящееся глубоко под выходными воротами, которое грузчики из багажного отделения называют между собой «львиной клеткой». Это название объясняется тем (во всяком случае, так утверждают люди, работающие в багажном отделении, после нескольких рюмок вина),

что только храбрые или наивные способны сдать то, что им дорого, в багаж. Случается, что чемоданы — как это явствует из показаний их глубоко расстроенных обладателей, — раз попав в «львиную клетку», исчезают навсегда.

В «львиной клетке» за поступлением каждого чемодана наблюдает дежурный. Взглянув на прикреплённый к ручке ярлык с указанием места назначения, он нажимает на соответствующую кнопку, и автоматический рычаг хватает чемодан и ставит его на платформу рядом с другим багажом, отправляемым тем же рейсом. Затем команда, обслуживающая багажное отделение, переправляет весь багаж на самолёт.

Система отлично продумана, и всё идёт хорошо — если она работает без сбоя. К сожалению, часто бывает наоборот.

С багажом — этого не отрицает ни одна авиакомпания — дело обстоит хуже всего. В эпоху, когда человеческий гений мог создать капсулу величиной с лодку и послать её в межпланетное пространство, ни один из пассажиров, летящих из одного города в другой, не может быть уверен в том, что его багаж прибудет одновременно с ним, да и вообще благополучно доберётся до Пайн-Блафа, штат Арканзас, или Миннеаполиса-Сент-Пола. Поразительное количество багажа — по крайней мере, один чемодан из каждой сотни — улетает не по адресу, или задерживается в пути, или теряется вообще. Чиновники в аэропортах лишь горестно разводят руками — просто непостижимо, отчего такая путаница с багажом. Специалисты периодически изучают систему регистрации багажа, применяемую компаниями, и периодически улучшают её. Однако никто ещё не додумался до такой системы, которая была бы безупречна или хотя бы близка к безупречности. В результате во всех авиакомпаниях — в каждом крупном аэропорту — есть люди, которые занимаются только розысками пропавшего багажа. И надо сказать, что эти люди редко сидят без дела.

Многоопытный дошлый пассажир всегда старается проверить, правильно ли указано место назначения на бирке, которую прикрепил к его чемодану при регистрации агент компании или носильщик. Очень часто на бирках бывает указан не тот город. Бирки прикрепляются с поразительной быстротой. Но если даже с биркой всё в порядке, у пассажира возникает ощущение лотереи, когда его чемодан исчезает из поля зрения, — в эту минуту он может лишь надеяться, что когда-нибудь где-нибудь снова увидит свой чемодан.

Как раз сегодня в международном аэропорту имени Линкольна — хотя никто ещё этого не знал — с багажом рейса два уже не всё обстояло

благополучно. Два чемодана, которые должны были лететь в Рим, в этот самый момент грузили на борт самолёта, улетавшего в Милуоки.

А в самолёт, вылетавший рейсом два, непрерывным потоком шёл груз — так же как и почта. Почты было девять тысяч фунтов; разноцветные нейлоновые мешки летели в итальянские города — Милан, Палермо, Ватикан, Пизу, Неаполь, Рим; другие — в места более отдалённые, названия которых словно сошли со страниц дневника Марко Поло, — Занзибар, Хартум, Момбаса, Иерусалим, Афины, Родос, Калькутта…

Чем больше почты, тем выгоднее это было для «Транс-Америки». По радио как раз объявили, что вылет самолёта компании «Бритиш Оверсиз Эйруэйз», который должен был подняться в воздух сразу после самолёта «Транс-Америки», задерживается на три часа. Инспектор, отвечавший за погрузку почты и непрерывно следивший за графиком вылета, тут же приказал перебросить почту с самолёта британской авиакомпании на самолёт «Транс-Америки». Это, естественно, не понравится британской компании, поскольку перевозка почты чрезвычайно выгодна и за неё идёт большая драка. Все авиакомпании имеют своих представителей в почтовом отделении аэропорта, которые обязаны наблюдать за потоком почты и добиваться того, чтобы «справедливая доля её» — а то и большая — попадала на самолёты данной компании. У почтовиков среди представителей компаний есть свои фавориты, и они следят за тем, чтобы дела у фаворитов шли хорошо. Но если вылет какого-нибудь самолёта задерживается, тут уж дружба не в счёт. В таких случаях в силу вступает непреложное правило: почту отправляют вне очереди ближайшим самолётом.

В аэровокзале, в нескольких стах футах от «боинга-707», вылетавшего рейсом два, находилась диспетчерская «Транс-Америки». В помещении было шумно, между столами сновали люди, звонили телефоны, стрекотали телетайпы, светились экраны телевизоров. Те, кто работал здесь, отвечали за подготовку к полёту рейса два и всех других рейсов «Транс-Америки». Сегодня, когда все графики были сбиты из-за бурана, здесь стоял кромешный ад — так в голливудских фильмах изображают редакцию какой-нибудь газеты в старые времена.

В углу помещался стол диспетчера по загрузке, заваленный грудами бумаг. За ним сидел молодой мужчина с бородой и с немыслимой фамилией Фермпхут. В свободное от работы время Фермпхут занимался абстрактной живописью: свои последние шедевры он создавал, выливая краску из банок прямо на холст и потом катался по нему на детском велосипеде. Поговаривали, что по субботам и воскресеньям он балуется наркотиками, к

тому же от него всегда дурно пахло. Последнее обстоятельство крайне досаждало его коллегам, работавшим в диспетчерской, — где сегодня было жарко и душно, несмотря на то, что на улице свирепствовал буран, — и Фреду то и дело напоминали, что человеку надо почаще мыться.

Зато у Фреда Фермпхута были совершенно поразительные способности к математике, и начальники его клялись, что он лучше всех справляется с загрузкой самолёта. В данную минуту он руководил загрузкой рейса два.

Самолёт (время от времени изрекал Фред Фермпхут своим коллегам по дежурству, которые уже осатанели от его высказываний) — «он ведь как птица: и в ту сторону, дружище, может накрениться, и в другую. И если ему не помочь, он так накренится, что раз — и перевернуться может. Только я, детка, зорко за этим слежу».

Вся хитрость заключалась в том, чтобы правильно распределить груз в самолёте и таким образом обеспечить его балансировку и устойчивость в воздухе. Фреду Фермпхуту надлежало определить, сколько груза может взять на борт рейс два (или любой другой самолёт) и где этот груз должен быть размещён. Ни один мешок с почтой, ни один чемодан не устанавливался в самолёте без его ведома. В то же время он должен был думать о том, чтобы как можно больше набить груза в самолёт. «Из Иллинойса в Рим, дружище, — мог бы сказать Фред, — это длиннющее спагетти. И деньжат тут надо выколотить побольше, чем на мармелад».

В работе Фреду помогали диаграммы, сводки, выкладки, счётная машина, ежеминутно поступающие данные, радиотелефон, три обычных телефона — и безошибочный инстинкт.

Инспектор, наблюдавший за погрузкой, только что по радио запросил разрешения поместить ещё триста фунтов почты в передний отсек.

— Валяй! — благословил его Фред Фермпхут.

Он разгрёб бумаги на столе в поисках списка пассажиров, который за последние два часа значительно вырос. При загрузке самолёта авиакомпания исходит из среднего веса пассажира примерно в сто семьдесят фунтов зимой и на десять фунтов меньше летом. И эта средняя всегда оказывается правильной — за одним исключением: когда летит футбольная команда. Могучие игроки путают все расчёты, и диспетчерам по загрузке приходится выводить новую среднюю в зависимости от того, насколько хорошо знает диспетчер команду. Бейсболисты или хоккеисты в этом отношении не представляли проблемы: они тоньше или меньше и соответственно меньше весят. Сегодня же, судя по списку, рейсом два летели только обычные пассажиры.

— Можешь загружать почту, детка, — сказал Фред Фермпхут в микрофон. — А вот гроб передвинь в хвостовую часть: я вижу по накладной, что мертвец был не из худеньких. Потом там есть ещё ящик с генератором от Вестингауза. Помести его посредине, а остальной груз расположи вокруг.

Задача, стоявшая перед Фермпхутом, была в последний, момент осложнена просьбой, поступившей от экипажа рейса два: дать им ещё две тысячи фунтов топлива для манёвров на земле и разбега. Сегодня на поле всем самолётам приходилось подолгу стоять с заведёнными моторами, дожидаясь взлёта. А мотор реактивного самолёта, работающий на земле, пьёт горючее, как тридцать страдающих от жажды слонов, и капитанам Димиресту и Хэррису не хотелось тратить на земле драгоценные галлоны горючего, которые могут им пригодиться в воздухе по дороге в Рим. Следовательно, Фреду Фермпхуту надо было учитывать, что, возможно, не всё дополнительное топливо, которое сейчас заправляли в баки, расположенные в крыльях номера — 731-ТА, будет израсходовано до взлёта и максимально допустимый взлётный вес может быть превышен. Вопрос в том — насколько.

Существует ведь предел загрузки при взлёте, однако каждая авиакомпания старается загрузить самолёт как можно больше, чтобы получить максимальный доход. Грязные ногти Фреда Фермпхута плясали по клавишам счётной машины, быстро производя калькуляцию. Получив итоговую цифру, он задумался, теребя свою бородёнку, и от усилий, видимо, вспотел, так как в комнате вдруг распространился неприятный запах.

Решение взять дополнительное топливо капитан Вернон Димирест принял за последние полчаса. Или, вернее, позволил принять капитану Энсону Хэррису, а потом — главная-то ответственность всё-таки лежала на нём — одобрил его решение. Вернону Димиресту доставляло удовольствие играть сегодня пассивную роль, когда всю работу выполнял за него другой, а он лишь командовал. До сих пор Димирест не отменил ни одного из решений Энсона Хэрриса, что и не удивительно, поскольку Хэррис и по опыту и по званию отнюдь не уступал Димиресту.

Хэррис был мрачен и раздражён, когда они во второй раз столкнулись с Димирестом в ангаре «Транс-Америки». Димирест усмехнулся про себя: Энсон Хэррис всё-таки надел форменную рубашку, хотя требование Димиреста было сущей придиркой, и сейчас Хэррис то и дело раздражённо проводил пальцем за воротником. Дело в том, что капитан Хэррис поменялся рубашками с одним первым пилотом, который согласился

выручить его, а потом с удовольствием рассказывал об этом капитану своей машины.

Но через несколько минут Хэррис уже не думал об этом. Будучи профессионалом до самых своих мохнатых седеющих бровей, он понимал, что нельзя лететь, если в лётной кабине царит атмосфера вражды.

В комнате для команды оба капитана проверили свои почтовые ящики, в которых, как всегда, лежала груда почты, в том числе предписания компании, которые надо прочесть, прежде чем они взлетят. Остальное — памятки главного пилота, врача, отдела исследований, бюро картографов и т. д. — они просмотрят потом, дома.

Пока Энсон Хэррис вносил два-три исправления в свой бортовой журнал, — а Димирест заявил, что будет проверять его, — Вернон изучал график работы команды.

График составляется ежемесячно. В нём указано, когда капитаны, а также первый и второй пилоты должны лететь и по каким маршрутам. Аналогичный график существует и для стюардесс и висит в отведённом для них служебном помещении в конце центрального зала.

Каждый пилот в начале месяца высказывает свои пожелания относительно маршрута, по которому он хотел бы лететь, при этом просьбы старших пилотов удовлетворяются в первую очередь. Димирест всегда получал то, о чём просил, так же как и Гвен Мейген, которая занимала среди стюардесс не менее высокое положение. Благодаря этой системе пилоты и стюардессы могли устраивать «эскапады» — вроде того, как Димирест и Гвен заранее наметили лететь сегодня вместе.

Энсон Хэррис быстро внёс исправления и захлопнул бортовой журнал. Вернон Димирест ухмыльнулся.

— Я полагаю, что журнал у вас в порядке, Энсон. Я изменил решение: не буду его смотреть.

Капитан Хэррис и виду не подал, будто это задело его, только крепче сжал губы.

В комнату вошёл второй пилот по имени Сай Джордан, молодой парень с двумя нашивками. Он был авиационный инженер, но также и квалифицированный пилот. Высокий, тощий, с ввалившимися щеками, придававшими его физиономии унылый вид, он производил впечатление человека, страдающего от недоедания. Стюардессы всегда наваливали ему гору еды, но это ничуть не помогало.

Первому пилоту, который обычно летал вместе с Димирестом, сегодня было ведено остаться дома; тем не менее, поскольку у него контракт с компанией и он член профсоюза, он всё равно получит своё, как если бы

слетал туда и обратно. В отсутствие первого пилота Димирест будет выполнять часть его обязанностей, остальное ляжет на Джордана. Машину большую часть времени будет вести Энсон Хэррис.

— О'кей, — сказал Джордан двум другим лётчикам, — давайте двигаться.

У двери ангара ждал служебный автобус, заиндевевший, с запотевшими стёклами. В нём сидели пять стюардесс, которые должны были лететь этим рейсом, и когда Димирест и Энсон Хэррис в сопровождении Джордана влезли в автобус, раздалось стройное: «Добрый вечер, капитан… Добрый вечер, капитан!..» Вместе с пилотами в машину ворвался порыв ветра со снегом. Шофёр поспешно захлопнул дверь.

— Привет, девочки! — Вернон Димирест весело помахал рукой и подмигнул Гвен.

— Добрый вечер, — чинно приветствовал их Энсон Хэррис.

Ветер подгонял автобус, медленно тащившийся вдоль края поля по расчищенной дороге, по обе стороны которой высились горы снега. По аэропорту прошёл слух о передряге, в которую попал «пикап» компании «Юнайтед», и потому все шофёры теперь проявляли осторожность. Пока автобус продвигался к месту назначения, огни аэровокзала, словно прожекторы, светили ему сквозь мглу. Далеко впереди на поле непрерывно садились и взлетали самолёты.

Автобус остановился, и команда высыпала из него, спеша юркнуть в ближайшую дверь. Это было крыло аэровокзала, где размещались службы компании «Транс-Америки», и дверь находилась на уровне земли. А выход на поле — в том числе и выход сорок семь, через который шла посадка на рейс два, — находился этажом выше.

Стюардессы отправились по своим делам, а три пилота — в международную контору «Транс-Америки».

Диспетчер, по обыкновению, уже подготовил для них всю информацию, какая может понадобиться команде в полёте. Он развернул листы на стойке, и три пилота склонились над ними. По другую сторону стойки сидело с полдюжины клерков, которые собирали со всего мира информацию о воздушных трассах, обстановке в аэропортах и погоде, — эти сведения могут понадобиться вечером другим самолётам «Транс-Америки», вылетающим в международные рейсы. В противоположном конце центрального зала помещалась такая же диспетчерская для внутренних рейсов.

В этот-то момент Энсон Хэррис, постучав концом трубки по сводке с данными загрузки, потребовал, чтобы им дали дополнительно две тысячи

фунтов топлива для манёвров на земле. При этом он поглядел на второго пилота Джордана, который как раз проверял график потребления горючего, и на Димиреста. Оба кивнули в знак согласия, и диспетчер выписал наряд для передачи его в отдел, ведающий заправкой.

К команде присоединился метеоролог компании. Это был бледный молодой человек, которому очки без оправы придавали сугубо учёный вид, — при взгляде на него казалось, что он вообще никогда не выходит на улицу и понятия не имеет о том, какая стоит погода.

— Ну, что обещают сегодня ваши компьютеры, Джон? — спросил Димирест. — Надеюсь, там, наверху, погода лучше, чем у нас тут?

В последнее время для прогнозирования погоды и составления планов полётов всё больше и больше применялись счётно-вычислительные машины. В «Транс-Америке», да и в других компаниях, этим занимались и люди, служа своего рода связующим звеном между машинами и экипажами, но дело шло к тому, что люди скоро перестанут заниматься прогнозом погоды и уступят место машинам.

Метеоролог разложил карты погоды и покачал головой.

— Боюсь, что ничего хорошего вас не ждёт до середины Атлантики. У нас тут скоро будет немного полегче, но поскольку вы летите на восток, вы как раз попадёте в ту полосу непогоды, которая уже прошла над нами. А циклон простирается от нас до Ньюфаундленда и дальше. — Он карандашом наметил протяжённость циклона. — Кстати, на вашем пути два аэропорта — Детройтский и Торонтский; там условия ниже нормы, и потому оба закрыты.

Диспетчер пробежал глазами кусок телетайпной ленты, которую только что вручил ему один из служащих.

— Добавьте к этому Оттаву, — вставил он, — они там тоже закрываются.

— В южной половине Атлантики, — продолжал метеоролог, — всё вроде бы в порядке. Как видите, есть небольшие разрозненные циклоны над южной Европой, но они едва ли затронут вас на той высоте, на какой вы будете лететь. В Риме ясно и солнечно, и такая погода продержится там несколько дней.

Капитан Димирест склонился над картой южной Европы.

— А как в Неаполе?

Метеоролог удивлённо посмотрел на него.

— Но вы туда не летите.

— Нет, просто меня это интересует.

— Давление там такое же высокое, как и в Риме. Погода будет

хорошая.

Димирест широко улыбнулся.

Молодой метеоролог произнёс целую учёную речь — о сменах температуры, областях высокого и низкого давления, направлении ветра на разной высоте. Он рекомендовал при полёте над Канадой держаться севернее обычного, чтобы избежать сильного лобового ветра, который дует на южных широтах. Пилоты внимательно слушали его. Выбор наилучшей высоты и курса, производится ли он с помощью компьютера или с помощью обычных вычислений, сделанных человеком, подобен игре в шахматы, в которой интеллект может восторжествовать над природой. Все пилоты достаточно натасканы в этой области, как и метеорологи компаний, которые куда тоньше понимают, что требуется для того или иного курса, чем их коллеги, заседающие в Бюро погоды Соединённых Штатов.

— Как только позволит вам груз горючего, — продолжал метеоролог «Транс-Америки», — я бы рекомендовал лететь на высоте тридцать три тысячи футов.

Второй пилот сверился с графиком: номер 731-ТА сможет забраться на такую высоту лишь после того, как они сожгут определённую часть своего большого запаса горючего.

Через несколько минут второй пилот доложил:

— Мы сможем достичь высоты в тридцать три тысячи футов где-то возле Детройта.

Энсон Хэррис кивнул. Его шариковая ручка с золотым наконечником стремительно летала по бумаге — он заполнял план полёта, который через несколько минут передаст на КДП. После этого КДП сообщит, может ли самолёт лететь на выбранной им высоте, и если нет, то предложит другую. Вернон Димирест, который обычно сам занимался своим планом полёта, пробежал глазами заполненный Хэррисом бланк и подписал его.

Подготовка к отлёту рейса два, казалось, шла хорошо. Похоже, что, несмотря на буран, пассажиры, вылетающие рейсом «Золотой Аргос», которым так гордится «Транс-Америка», вовремя отправятся в свой далёкий путь.

Когда три пилота подошли к самолёту, у входа их встретила Гвен Мейген.

— Вы слышали? — спросила она.

— О чём? — спросил Энсон Хэррис.

— Задерживаемся на час. Об этом только что сообщили контролёру на выходе.

— А, чёрт! — вырвалось у Вернона Димиреста. — Вот проклятье!

— Судя по всему, — добавила Гвен, — многие пассажиры ещё находятся в пути. Должно быть, из-за заносов. Кое-кто из них звонил сюда, и диспетчер по отправке решил дать им добраться.

— Значит, и посадку тоже решили задержать? — спросил Энсон Хэррис.

— Да, капитан. Рейс не объявлен. И не будет объявлен ещё, по крайней мере, полчаса.

— Ну что ж, — передёрнул плечами Хэррис. — Будем отдыхать. — И он направился к пилотской кабине.

— Я могу вам принести кофе, если хотите, — предложила Гвен.

— Я лично выпью кофе на аэровокзале, — сказал Вернон Димирест. И, обращаясь к Гвен, добавил: — Не хотите пойти со мной?

Она помедлила.

— Что ж, пожалуй.

— Идите, идите, — сказал Хэррис. — Мне кофе может принести которая-нибудь из ваших девушек, а времени у вас — вагон.

Через минуту Гвен, стуча каблучками, уже шагала рядом с Верноном Димирестом по отсеку «Транс-Америки», направляясь в центральный зал.

А Димирест тем временем рассудил про себя, что, может, оно и к лучшему — эта отсрочка на час. До сих пор все его мысли были заняты предстоящим рейсом, и он вообще не думал о Гвен и её беременности. Но сейчас за кофе и сигаретами они смогут продолжить начатый разговор и, быть может, удастся поднять вопрос об аборте — тема, к обсуждению которой он пока ещё не приступал.

8

Д. О. Герреро прикурил сигарету от ещё тлевшего окурка. Несмотря на все старания сдержаться, руки его дрожали. Он страшно волновался и был до крайности напряжён. Как и раньше, когда он собирал свою бомбу, он чувствовал, как пот струйками сбегает у него по лицу и под рубашкой.

Волновался он из-за того, что попадал в цейтнот: времени до отлёта рейса два оставалось очень мало. Оно утекало, как песок в песочных часах, и уже много-много песка ушло из стеклянной колбы.

Герреро сидел в автобусе, направлявшемся в аэропорт. Полчаса тому назад автобус вышел на шоссе Кеннеди, откуда, если быстро ехать, можно добраться до международного аэропорта имени Линкольна за четверть часа. Но шоссе, как и все остальные дороги штата, замело снегом, задерживавшим движение машин. Если они и двигались, то медленно, а больше вообще стояли.

Ещё до выезда из города десятку пассажиров, сидевших в автобусе, — а все они спешили на рейс два, — было сообщено о том, что вылет задерживается на час. Но при той скорости, с какой они двигались, они могли протащиться до аэропорта ещё целых два, а то и три часа.

Поэтому в автобусе волновался не один Герреро.

Многие, как и он, зарегистрировались на городской станции у стойки «Транс-Америки». Тогда у них ещё был большой запас времени, но сейчас, из-за бесконечных задержек, они начали волноваться и вслух рассуждать, будет самолёт ждать их или улетит.

От шофёра ничего толком нельзя было добиться. В ответ на вопросы он говорил, что обычно, если автобус, выехавший с городской станции, опаздывает, самолёт задерживают до его прибытия. Но в такую погоду всякое, конечно, возможно. Компания ведь может решить, что автобус застрял надолго, — а такое вполне может случиться, — и отправить самолёт. К тому же, добавил шофёр, поскольку народу в автобусе немного, похоже, что большинство пассажиров на этот рейс уже находится в аэропорту. Так часто бывает, когда люди летят за границу, пояснил он: пассажиров провожают родственники, которые и везут их на своих машинах.

Словом, в автобусе только и разговору было — успеют они или не успеют, однако Д. О. Герреро сидел нахохлившись и молчал. Большинство пассажиров были, видимо, туристы. Исключение составляло лишь

итальянское семейство — муж, жена и трое детишек, оживлённо болтавших на своём языке.

— Вот что, друзья, — заявил через некоторое время шофёр, — по-моему, вы можете не волноваться. Впереди вроде намечается просвет, так что, пожалуй, приедем в самый раз.

Однако автобус по-прежнему продолжал ползти.

Д. О. Герреро сидел на банкетке двойного сиденья в третьем ряду позади шофёра. Драгоценный чемоданчик спокойно лежал у него на коленях. Он пригнулся, как делал уже не раз за время пути, стараясь пронзить взглядом тьму, окружавшую автобус, но сквозь двойные диски, расчищенные большими, непрестанно постукивающими «дворниками», виднелась лишь нескончаемая цепочка хвостовых огней, скрывавшаяся вдали за пеленою снега. Хотя он весь вспотел, тонкие бледные губы его были сухи, и он то и дело проводил по ним языком.

Герреро ведь никак не устраивало приехать «в самый раз». Ему нужно было приехать хотя бы минут за десять или пятнадцать, чтобы успеть приобрести страховку. Он проклинал себя за то, что не выехал в аэропорт раньше, — тогда он мог бы не спеша всё сделать. Правда, когда он разрабатывал свой план, ему казалось, что правильнее всего купить страховку в последнюю минуту и таким образом свести до минимума возможность каких-либо расспросов или проверок. Но при этом он не учёл непогоды, хотя должен был бы предусмотреть такую возможность — ведь на дворе стояла зима. Это-то неумение учитывать все существенные обстоятельства и их возможные изменения и губило Д. О. Герреро, то и дело приводя к крушению его грандиозных планов. Насколько он понимал, вся беда заключалась в том, что, составляя тот или иной план, он почему-то был твёрдо уверен в безошибочности своих расчётов. Поэтому он никогда не делал допуска на случайность. Больше того, с горечью подумал он сейчас: он так ничему и не научился на опыте прошлого.

Теперь, когда он приедет в аэропорт — если, конечно, самолёт к тому времени не улетит, — он первым делом подойдёт к стойке «Транс-Америки» и отметится там. Затем он потребует, чтобы ему дали время купить страховку. Но при этом произойдёт самое нежелательное: он привлечёт к себе внимание, а это один раз уже произошло из-за глупейшей оплошности, которую он допустил.

Он не взял с собой багажа — ничего, кроме маленького плоского чемоданчика, в котором лежала бомба.

При регистрации в городе кассир спросил его:

«Это ваш багаж, сэр?» — и указал на гору чемоданов,

принадлежавших человеку, стоявшему за ним.

«Нет. — Д. О. Герреро помедлил и, приподняв над стойкой чемоданчик, показал его кассиру. — У меня… мм… вот только это».

Брови кассира взлетели вверх.

«Вы летите в Рим без багажа, сэр? Ничего не скажешь: путешествуете налегке. — Он указал на чемоданчик. — Это вы сдаёте?»

«Нет, нет, благодарю вас».

В эту минуту Д. О. Герреро хотел только одного: получить поскорее свой билет, отойти от стойки и проскользнуть в аэропортовский автобус. Но кассир ещё раз с любопытством посмотрел на него, и Герреро понял, что теперь тот его запомнил. Он сам сделал так, чтобы его физиономия врезалась в память кассира, а ведь ему ничего не стоило прихватить с собой чемодан. Конечно, он поступил так подсознательно. Никто этого не знал, но сам-то Д. О. Герреро знал, что самолёту не суждено долететь, а следовательно, никакой багаж не потребуется. Но для виду он должен был взять багаж. Теперь, когда после гибели самолёта начнётся расследование, вспомнят, что один пассажир — а именно он — летел без багажа, об этом будут говорить, это будут пережёвывать. И это лишь подкрепит те подозрения, которые к тому времени могут возникнуть у расследователей на его счёт.

Но если никаких обломков не останется, напомнил он себе, что же они смогут доказать?

Ничего! И страховой компании придётся платить.

О господи, да неужели этот автобус никогда не доберётся до аэропорта?

Маленькие итальянцы с шумом и криками носились по проходу. Их мать, сидевшая на несколько рядов позади Герреро, о чём-то непрерывно болтала с мужем на своём тарабарском языке. На коленях у неё сидел младенец и не переставая отчаянно орал. Ни муж, ни жена не обращали на него ни малейшего внимания.

Нервы у Герреро были натянуты как струна. Его так и подмывало схватить ребёнка и придушить. Он еле сдерживался, чтобы не крикнуть: «Да заткнитесь же, заткнитесь!»

Неужели они ничего не предчувствуют?.. Неужели эти идиоты не понимают, что сейчас не время для глупой болтовни?.. Ведь всё будущее Герреро — во всяком случае, будущее его семьи, успех его столь мучительно разработанного плана, — всё, всё зависит от того, за сколько времени до вылета самолёта автобус прибудет в аэропорт.

Один из детей — мальчик лет пяти или шести, с приятным умненьким

личиком — поскользнулся в проходе и упал боком на пустое сиденье рядом с Д. О. Герреро. Пытаясь удержаться, чтобы не соскользнуть на пол, мальчик взмахнул рукой и задел чемоданчик, лежавший на коленях у Герреро. Чемоданчик поехал, и Герреро еле успел подхватить его. С перекошенным от ярости лицом он замахнулся на ребёнка.

Мальчик, широко раскрыв глаза, посмотрел на него. И нежным голоском произнёс:

— Scusi.[8]

Герреро усилием воли овладел собой. Ведь за ним могли наблюдать. Если он не будет осторожен, он снова привлечёт к себе внимание. Откопав в памяти слова, которые он слышал у итальянцев, работавших на его стройках, он с трудом произнёс:

— E troppo rumorosa.[9]

Ребёнок покорно наклонил головку:

— Si,[10] — и продолжал стоять.

— Ну, ладно, ладно, — сказал Герреро. — Потолковали, и хватит. Давай сыпь отсюда! Se ne vada.[11]

— Si, — повторил мальчик. Он смотрел прямо в глаза Герреро, и тому стало не по себе: он вдруг осознал, что ведь и этот мальчик, и другие дети будут на борту самолёта. Ну и что же? Нечего поддаваться сентиментальности: ничто уже не в силах изменить его намерения. К тому же, когда это случится, когда он дёрнет за шнурок под ручкой своего чемоданчика и самолёт разлетится на куски, никто — особенно дети — не успеет ничего осознать.

Мальчик повернулся и пошёл назад, к матери.

Наконец-то! Автобус покатил быстрее… ещё быстрее! Сквозь ветровое стекло Герреро видел, что машин впереди стало меньше, хвостовые огни их быстрее убегали вперёд. Значит, они ещё могут… вполне могут… вовремя прибыть в аэропорт, так что он успеет купить страховку, не привлекая к себе внимания. Но времени будет очень мало. Только бы у стойки страховой компании не оказалось много народу!

Он заметил, что маленькие итальянцы вернулись на свои места, и похвалил себя за то, что сумел сдержаться. Если бы он ударил ребёнка — а ведь он чуть не ударил, — пассажиры подняли бы шум. Хоть этого он избежал. Жаль, конечно, что он обратил на себя внимание при регистрации, но, поразмыслив как следует, Герреро решил, что пожалуй, непоправимого вреда себе не нанёс.

А может, всё-таки нанёс?

Новые тревоги стали одолевать Герреро.

А что, если агент, регистрировавший его билет и удивившийся отсутствию багажа, вспомнил сейчас об этом? Герреро чувствовал, что ему не удалось тогда скрыть волнения. А что, если агент заметил это и заподозрил неладное? Он вполне мог поделиться с кем-нибудь своими сомнениями, скажем, со старшим инспектором, и тот, возможно, уже позвонил по телефону в аэропорт. Быть может, в эту минуту кто-то — полиция? — уже поджидает автобус; его, Герреро, начнут расспрашивать, заставят открыть чемоданчик и обнаружат страшную улику. Впервые Герреро задумался над тем, что будет, если его поймают с поличным. Наверняка арестуют, посадят в тюрьму. Потом он решил: прежде чем это произойдёт… если к нему подойдут, если станет ясно, что его планы рушатся… он дёрнет за шнурок и взорвёт себя вместе со всеми, кто окажется поблизости. Он вытянул пальцы, нащупал петлю под ручкой чемоданчика и сжал её. И сразу почувствовал себя увереннее. А теперь хватит об этом — надо переключиться на другое.

Интересно, подумал он, нашла ли уже Инес его записку.

Она её нашла.

Инес Герреро, еле волоча от усталости ноги, вошла в жалкую квартиру на 51-й улице и первым делом сбросила натёршие ноги туфли, а потом намокшие от талого снега пальто и платок. Она чувствовала, что простудилась, и всё тело у неё ныло от усталости. Работать сегодня было особенно тяжело, клиенты придирались больше обычного, а чаевых она получила меньше. И всё это усугублялось тем, что она до сих пор ещё не вполне освоилась со своими обязанностями.

Два года назад, когда семейство Герреро жило в симпатичном уютном домике в пригороде, Инес, вообще-то не отличавшаяся красотой, выглядела молодо и мило. С тех пор время и обстоятельства быстро наложили отпечаток на её лицо, и теперь она казалась много старше своих лет. Сегодня вечером, живи Инес в собственном доме, она прибегла бы к помощи горячей ванны, которая неизменно помогала ей обрести душевное равновесие в тяжёлые минуты жизни, а их за время замужества было у неё достаточно. Правда, дальше по коридору находилась ванная комната на три квартиры, но она не отапливалась, в ней гуляли сквозняки, краска со стен облезла, а газ то и дело затухал, если автомат не подкармливать четвертаками. Инес сразу отказалась от мысли идти туда. Она решила посидеть немного в жалкой гостиной, а потом лечь спать. Мужа дома не было, и она понятия не имела, где он.

Прошло какое-то время, прежде чем она заметила записку на столе в гостиной:

«Несколько дней меня не будет. Уезжаю. Надеюсь скоро удивить тебя доброй вестью. Д. О.».

Многое в муже перестало удивлять Инес: он и раньше не отличался последовательностью, а теперь вообще словно лишился ума. Естественно поэтому, что всякая добрая весть удивила бы Инес, да только она не могла поверить в такую возможность. Слишком много честолюбивых планов мужа пошатнулось и рухнуло у неё на глазах.

Особенно озадачила её первая половина записки. Куда это Д. О. мог отправиться на несколько дней? Не менее таинственно выглядело и другое: где он взял на это деньги? Два дня назад они подсчитали всё, что у них было в наличии. Оказалось — двадцать шесть долларов и несколько центов. Кроме денег, у ник была всего одна вещь, которую взяли бы в заклад, — кольцо матери Инес. До сих пор она сумела его сохранить, но, возможно, скоро придётся с ним расстаться.

Из этих двадцати шести долларов Инес взяла восемнадцать на еду и для уплаты части долга за квартиру. Она видела, какое отчаяние отразилось на лице Д. О., когда он сунул в карман оставшиеся восемь долларов и мелочь.

Хватит ломать себе голову, решила наконец Инес, пора ложиться. Она до того устала, что даже не вспомнила о детях, хотя уже больше недели не имела вестей из Кливленда от сестры, у которой они жили. Инес выключила свет в гостиной и вошла в тесную, жалкую спаленку.

Она никак не могла найти ночную рубашку. В шатком комодике всё было вверх тормашками, точно кто-то там рылся. И свою рубашку Инес обнаружила лишь в том ящике, где лежали рубашки Д. О.; это были его последние три рубашки, значит, если он и уехал, то не прихватил с собой даже смены белья. Под одной из рубашек лежал сложенный листок жёлтой бумаги. Инес вытянула его и развернула.

Листок оказался бланком, заполненным на машинке, — в руках у Инес была копия. Пробежав её глазами, она в изумлении опустилась на кровать. Потом внимательно прочла снова, желая удостовериться, что не ошиблась.

Это было соглашение о рассрочке, предоставляемой Д. О. Берреро — она заметила, что фамилия написана неправильно, — авиакомпанией «Транс-Америка». Согласно этому соглашению, «Берреро» получил билет туристского класса для поездки в Рим и обратно; он заплатил за него сорок семь долларов наличными, а остальную сумму — четыреста двадцать семь долларов плюс проценты — обязывался выплатить частями в течение двух

лет.

Уму непостижимо!

Инес озадаченно смотрела на жёлтый листок. В её мозгу один вопрос сменялся другим.

Прежде всего, зачем понадобился Д. О. билет на самолёт? А если понадобился, то почему в Рим? И откуда он собирается брать деньги? Не сможет он расплатиться даже в рассрочку, хотя то, что он прибег к рассрочке, было, по крайней мере, понятно. Д. О. Герреро уже не раз брал на себя всякого рода обязательства, которые не в состоянии был выполнить: долги не тревожили его так, как Инес. Но долги долгами, а вот откуда он взял сорок семь долларов? В бумаге было сказано, что он их уплатил. Однако два дня назад Д. О. категорически заявил, что выложил ей всё без остатка, а Инес знала, что, каковы бы ни были его грехи, он никогда ей не лгал.

Тем не менее эти сорок семь долларов откуда-то всё же взялись. Откуда же?

И тут она вспомнила про кольцо — оно было золотое, с бриллиантиком, оправленным в платину. До позапрошлой недели Инес всегда носила его, но последнее время руки у неё стали опухать, она сняла кольцо и спрятала в коробочку, а коробочку положила в один из ящиков комода. Во второй раз за этот вечер она стала шарить по всем ящикам. И коробочку нашла, ко пустую. Значит, Д. О. добыл эти сорок семь долларов, заложив кольцо.

Сначала Инес стало жалко кольца. С ним многое было для неё связано: оно было последним хрупким звеном, соединявшим её с прошлым, с её разбросанной по свету семьёй, с покойной матерью, чью память она так чтила. С практической же точки зрения это кольцо, хоть и не великая ценность, могло ей пригодиться на чёрный день. Имея его, она знала, что, как бы скверно ни сложилась жизнь, кольцо прокормит их какое-то время. Теперь его не стало, а вместе с ним исчезла и эта жалкая уверенность.

Итак, Инес знала, откуда взялись деньги, уплаченные за билет, — но зачем вообще этот билет понадобился? Почему Д. О. вдруг решил лететь? И почему в Рим?

Сидя на кровати, Инес старалась рассуждать логически. И на какое-то время даже забыла об усталости.

Инес никогда не отличалась особым умом. Будь она женщиной умной, она, наверное, не могла бы прожить с Д. О. Герреро почти двадцать лет. Да и теперь не работала бы официанткой в кафе за ничтожную плату. Но, медленно и тщательно всё взвесив, Инес могла инстинктивно прийти к

правильному заключению. Особенно когда это касалось её мужа.

И вот сейчас скорее инстинкт, чем разум, подсказывал ей, что Д. О. Герреро попал в какую-то беду — беду куда более серьёзную, чем всё, что случалось с ним до сих пор. Два обстоятельства убеждали её в этом: неразумность его поступков в последнее время и длительность путешествия, которое он предпринял; при том положении, в каком находился сейчас Герреро, только отчаянная, сумасбродная затея могла подвигнуть его на поездку в Рим. Инес прошла в гостиную и, взяв записку, перечитала её. За время их супружества она получила от него немало записок и сейчас чувствовала, что эта записка имеет какой-то скрытый смысл.

Дальше этого домыслы её не шли. Но с каждой минутой в ней росло убеждение, что она должна, обязана что-то предпринять.

Инес и в голову не приходило плюнуть на всё и предоставить Д. О. Герреро своей судьбе: заварил кашу — пусть сам расхлёбывает. Она была женщина простодушная, прямолинейная. Восемнадцать лет тому назад она соединила свою судьбу с Д. О. Герреро «на счастье и на горе». И то, что эта совместная жизнь обернулась большей частью «горем», нисколько не умаляло, с точки зрения Инес, её долга перед мужем.

Медленно, осторожно разматывала она нить, выстраивая последовательность событий. Прежде всего надо выяснить, улетел Д. О. или нет, и если ещё не улетел, то попытаться остановить его. Инес понятия не имела, когда Д. О. покинул дом и сколько часов назад была написана его записка. Она снова взглянула на жёлтый бланк — там ничего не было сказано насчёт того, когда улетает самолёт; правда, можно позвонить в «Транс-Америку». И Инес стала поспешно натягивать на себя ещё не высохшую одежду, которую сбросила всего несколько минут назад.

У неё снова заболели ноги, как только она надела туфли, а в промокшем пальто было зябко, но она сделала над собой усилие и спустилась вниз по узкой лестнице. В заплёванном холле под дверь намело снега, и он тонким слоем лежал на полу. Инес увидела, что на улице сугробов стало ещё больше, чем прежде, когда она возвращалась домой. Как только она вышла из помещения, холодный резкий ветер обрушился на неё, швырнул ей снегом в лицо.

В квартире у Герреро не было телефона, и, хотя Инес могла позвонить из автомата в закусочной на нижнем этаже, она решила не заходить туда, чтобы не встречаться с хозяином, который был также владельцем этого дома. Он грозился завтра выбросить их из квартиры, если они не уплатят всей задолженности. Об этом Инес тоже старалась сейчас не думать, хотя

теперь ей придётся утрясать всё самой, если Д. О. Герреро не вернётся к утру.

Магазин, где стоял автомат, находился в полутора кварталах. Шагая по сугробам, образовавшимся на нерасчищенных тротуарах, Инес направилась туда.

Было без четверти десять.

В автомате болтали две девчонки, и Инес прождала минут десять, пока он освободился. Когда же она набрала номер «Транс-Америки», ей сообщили, что все линии заняты, и попросили подождать. Она ждала, а магнитофонная лента снова и снова повторяла, что надо подождать; наконец резкий женский голос спросил, что ей угодно.

— Извините, пожалуйста, — сказала Инес, — я хочу спросить насчёт самолётов на Рим.

И, точно кто-то нажал кнопку, мгновенно раздался голос, отбарабанивший, что самолёты «Транс-Америки» совершают беспосадочные рейсы в Рим из международного аэропорта имени Линкольна по вторникам и пятницам; а через Нью-Йорк — с пересадкой — можно вылететь в любой день; дама желает забронировать себе место сейчас?

— Нет, — сказала Инес. — Нет, сама я лететь не собираюсь. Это насчёт мужа. Вы сказали, если самолёт в пятницу… значит, сегодня?

— Да, мадам. Рейс два «Золотой Аргос». Самолёт вылетает в десять часов по местному времени, но сегодня вылет задерживается из-за метеорологических условий.

Из будки автомата Инес видны были часы в магазине. Они показывали пять минут одиннадцатого.

Она быстро спросила:

— Значит, самолёт ещё не вылетел?

— Нет, мадам, пока ещё не вылетел.

— Извините… — И, как с ней часто бывало, Инес вдруг от растерянности забыла все слова. — Извините, мне очень важно знать, летит ли мой муж на этом самолёте. Его зовут Д. О. Герреро. И…

— Простите, но нам не разрешено давать такую информацию.

Голос был любезен, но твёрд.

— Вы, наверное, меня не поняли, мисс. Я спрашиваю насчёт мужа. Это говорит его жена.

— Я отлично вас поняла, миссис Герреро, мне очень жаль, по таковы правила компании.

Мисс Янг, как и другие сотрудники, прекрасно знала правила и

понимала, почему они введены. Объяснялось это тем, что многие бизнесмены брали с собой секретарш или любовниц под видом жён, так как авиакомпании дают на семью скидку. Некоторым подозрительным жёнам пришло в голову навести справки, что повлекло за собой неприятности для клиентов. Попавшиеся таким образом мужчины жаловались потом на то, что компании ведут себя вероломно и подводят своих клиентов, в результате чего было установлено правило, запрещавшее разглашать фамилии пассажиров.

— Неужели нет никакого способа… — начала Инес.

— Никакого.

— О господи!

— Насколько я понимаю, вы полагаете, что ваш супруг улетает нашим вторым рейсом, но не уверены в этом, так? — спросил голос.

— Да, да, совершенно верно.

— В таком случае единственное, что вам остаётся, миссис Герреро, это отправиться самой в аэропорт. По всей вероятности, посадка ещё не началась, так что если ваш супруг там, вы его увидите. Если же посадка уже произведена, дежурный у выхода поможет вам. Но надо спешить.

— Хорошо, — сказала Инес. — Если ничего другого не остаётся, попытаюсь поехать туда. — Она даже не подумала о том, сумеет ли добраться до аэропорта, который находился в двадцати с лишним милях от её дома, меньше чем за час, да ещё в буран.

— Одну минуту. — Голос звучал нерешительно, как-то более человечно, словно отчаяние Инес по проводам дошло до той, которая говорила с ней. — Я не должна этого делать, миссис Герреро, но я вам кое-что подскажу.

— Пожалуйста.

— В аэропорту, когда вы подойдёте к выходу на поле, не говорите, что вы думаете, будто ваш муж в самолёте. Скажите, что вы знаете, что он там, и хотели бы сказать ему несколько слов. Если его там не окажется, вы сразу это выясните. Если же он там, вам легче узнать у дежурного то, что вас интересует.

— Спасибо, — сказала Инес. — Большое, большое спасибо.

— Пожалуйста, мадам. — Голос снова зазвучал так, словно исходил от машины. — Всего вам хорошего. И благодарю за то, что обратились к «Транс-Америке».

Опуская трубку на рычаг, Инес вспомнила, что, когда подходила к магазину, у входа остановилось такси, и сейчас она увидела шофёра в жёлтой фуражке с высоким верхом. Он стоял у стойки и, беседуя с каким-

то человеком, пил содовую воду.

Такси обойдётся, конечно, недёшево, но если она хочет попасть в аэропорт до одиннадцати, то это, пожалуй, единственная возможность.

Инес подошла к стойке и дотронулась до локтя шофёра.

— Извините, пожалуйста.

Шофёр обернулся.

— Да? Что надо? — У него было неприятное лицо с обвисшими небритыми щеками.

— Скажите, сколько может стоить такси до аэропорта?

Шофёр, прищурившись, окинул её оценивающим взглядом.

— Отсюда? Долларов девять-десять по счётчику.

Инес повернулась и направилась к двери. Слишком это было дорого — больше половины того, что у неё осталось, да к тому же она ведь вовсе не была уверена, что Д. О. летит именно этим самолётом.

— Эй, послушайте-ка!

Шофёр быстро проглотил воду и ринулся вслед за Инес. Он нагнал её уже у выхода.

— А сколько вам не жалко?

— Не в этом дело, — Инес опустила голову. — Просто… просто я не могу столько заплатить.

— Некоторые думают, что на такси можно задарма кататься, — фыркнул он. — Путь-то ведь не ближний.

— Я знаю.

— А зачем вам туда надо? И почему бы вам не поехать на автобусе?

— Мне очень нужно… очень важно быть там… до одиннадцати.

— Ну, ладно уж, — сказал шофёр, — уступлю вам. За семёрку свезу.

— Мм… — Инес колебалась. Семь долларов составляли больше половины того, что она намеревалась завтра дать домохозяину, чтобы хоть немного утихомирить его. А жалованье в кафе она получит не раньше конца будущей недели.

— Лучшего предложения не ждите, — нетерпеливо прервал её размышления шофёр. — Так поедете или нет?

— Да, — сказала Инес. — Да, поеду.

— Ну, ладно. Тогда садитесь.

Пока Инес залезала в машину, шофёр, усмехаясь, смёл метёлочкой снег с окон и ветрового стекла. Дело в том, что, когда Инес подошла к нему, он уже окончил работу и собирался ехать домой. А жил он у аэропорта. Теперь же он поедет не пустой. И кроме того, он солгал, сказав ей, сколько это будет стоить по счётчику: отсюда до аэропорта это стоило бы меньше

семи долларов. Зато ему удалось представить дело так, будто он предлагает пассажирке выгодную сделку, и теперь он сможет ехать, не опуская флажка, а семь долларов положит себе в карман. Ехать с пассажиром, не опустив флажка, запрещалось, но ни один полицейский, рассудил про себя шофёр, не заметит этого в такой кромешной тьме.

Словом, подумал ловкач-шофёр, он за один присест надует и эту глупую старую ворону, и эту сволочь — своего хозяина.

— А вы уверены, что мы успеем доехать до одиннадцати? — в волнении спросила его Инес, когда машина тронулась с места.

Шофёр, не оборачиваясь, буркнул:

— Раз я сказал, значит, так и будет. Не отвлекайте меня разговорами.

Однако сам он вовсе не был уверен в том, что они успеют доехать. Дорога была плохая, движение медленное. Они, конечно, могут и успеть, но в таком случае приедут в обрез.

Прошло тридцать пять минут, а такси, которым ехала Инес, всё ещё ползло по заснеженному, запруженному машинами шоссе Кеннеди. Инес сидела сзади, напряжённо выпрямившись, нервно сжимая и разжимая пальцы; она думала лишь о том, сколько ещё они будут ехать.

А в это время аэропортовский автобус с пассажирами рейса два свернул к крылу отлетов аэропорта имени Линкольна. Автобус, выбравшись из потока медленно двигавшихся машин, успел нагнать время, и сейчас часы над аэровокзалом показывали без четверти одиннадцать.

Когда автобус остановился, первым из него выскочил Д. О. Герреро.

9

— Захватите с собой микрофон с усилителем, — скомандовал Эллиот Фримантл. — Он нам может очень пригодиться.

Жители Медоувуда, собравшиеся в воскресной школе Медоувудской баптистской церкви, были предельно возбуждены. Искусно подогреваемые Фримантлом, они собирались двинуться в международный аэропорт имени Линкольна.

— Не говорите мне всякой чепухи насчёт того, что сейчас слишком поздно или что вы не хотите туда ехать, — заявил Эллиот Фримантл своей аудитории несколько минут назад. Он стоял перед ними уверенный, безукоризненно одетый — в элегантном костюме и блестящих ботинках из крокодиловой кожи. Его тщательно подстриженные волосы лежали волосок к волоску. Собравшиеся готовы были следовать за ним куда угодно, и чем резче он говорил, тем, казалось, больше им нравился.

Он продолжал:

— И чтобы никаких дурацких отказов. Я не желаю ничего слышать насчёт детей, оставленных на попечение чужой женщины, или старушки-тёщи, или что на плите стоит рагу: меня это абсолютно не интересует, да и вас сейчас не должно интересовать. Если ваша машина застряла в снегу, плюньте на неё и поезжайте в чужой. Помните: я еду сегодня в аэропорт ради вас и постараюсь причинить им там как можно больше неприятностей. — Он помолчал, выжидая, пока очередной самолёт с грохотом пронесётся над головой. — Честное слово, пора кому-нибудь это сделать.

Последние слова его вызвали взрыв аплодисментов и смех.

— Мне нужна ваша поддержка. Я хочу, чтобы вы были там — все были. И теперь я спрашиваю вас просто и напрямик: едете вы со мной или не едете?

Зал сотрясло громовое: «Да!» Все вскочили, громко выражая своё одобрение.

— Прекрасно, — сказал Фримантл, и в зале тотчас наступила тишина. — Давайте в таком случае предварительно кое-что уточним.

Он уже говорил им, напомнил он, что Медоувуд может добиться некоторого облегчения, если не полного избавления от шума, создаваемого аэропортом, лишь законным путём, передав дело в суд. Однако слушание дела должно проходить не при закрытых дверях и не в каком-нибудь

захудалом полупустом зале, а с максимальным привлечением внимания и сочувствия публики.

— Как же мы добьёмся такого внимания и сочувствия? — Фримантл помолчал и сам ответил на свой вопрос: — Мы добьёмся этого, если изложим нашу точку зрения так, чтобы она стала достоянием гласности. Тогда, и только тогда, средства, используемые для привлечения внимания общественности, — пресса, радио и телевидение — дадут нашей позиции должное освещение, как мы того хотим. Журналисты славные люди, — продолжал он. — И мы вовсе не требуем, чтобы они разделяли нашу точку зрения, мы лишь просим честно изложить её, а я по собственному опыту знаю, что они умеют это делать. Правда, если дело принимает драматический оборот, нашим друзьям-репортёрам легче будет его осветить.

Три репортёра, сидевшие за столом прессы, заулыбались, и Фримантл добавил:

— Что ж, мы постараемся создать сегодня такой драматический оборот.

Говоря всё это, Эллиот Фримантл зорким глазом не переставал наблюдать за тем, как его бланки продвигаются по залу — домовладельцы должны были подписать их, чтобы он мог представлять интересы медоувудцев в суде. По его подсчётам, уже добрая сотня была подписана и возвращалась к нему. Он видел, как из карманов извлекались шариковые ручки, мужья и жёны, склонившись над документом, подписывали его, тем самым обязуясь уплатить ему, Фримантлу, сто долларов. Фримантл ликовал: если прикинуть, то сотня заполненных бланков означала десять тысяч долларов ему в карман. Не такой плохой гонорар за один вечер, учитывая, что в итоге он получит гораздо больше.

Надо ещё немного занять их разговором, пока они подписывают бланки, решил он.

Развитие событий в аэропорту, сказал Фримантл своим слушателям, он просит предоставить ему. Он надеется, что удастся встретиться с руководством аэропорта: во всяком случае, он намерен устроить в аэровокзале такой спектакль, который запомнят надолго.

— Вас же я прошу лишь об одном: держитесь вместе и возвысьте свой голос, когда я подам сигнал.

Он предупредил их, однако, чтобы не было беспорядков: ни у кого завтра не должно быть повода сказать, будто делегация медоувудцев нарушила хоть в чём-то закон.

— Конечно, — многозначительно улыбнулся Фримантл, — мы можем

создать им некоторые затруднения — насколько я понимаю, в аэропорту сегодня и так уйма народу и много дел. Но тут уж ничего не попишешь.

Снова раздался смех. Фримантл чувствовал, что люди готовы идти за ним.

Ещё один самолёт пронёсся у них над головой, и Фримантл умолк, выжидая, пока стихнет грохот.

— Прекрасно! Двинулись! — Фримантл простёр руки, точно Моисей реактивного века, и продекламировал, переврав цитату: — «Мне обещаний много надо бы сдержать и много сделать, пока лягу на кровать».

Кто-то рассмеялся, кто-то крикнул: «Пошли!», все поднялись со своих мест и направились к дверям.

В эту минуту взгляд Фримантла упал на портативный микрофон с усилителем, взятый напрокат в Медоувудской баптистской церкви, и он велел прихватить систему с собой. Флойд Занетта, председатель собрания, которого Фримантл полностью затмил, кинулся выполнять его указание.

Фримантл же тем временем поспешно засовывал в портфель подписанные бланки. Он уже успел произвести в уме подсчёт и понял, что ранее ошибся: в портфеле у него лежало свыше ста шестидесяти бланков, значит, он получит более шестнадцати тысяч долларов. Да ещё немало народу подходили пожать ему руку и заверяли, что вышлют ему бланки вместе с чеками утром по почте. Фримантл ликовал.

Он не обдумал заранее, как вести себя в аэропорту, точно так же как не планировал и хода этого митинга. Эллиот Фримантл не любил сковывать себя жёсткими рамками планов. Он предпочитал импровизировать — развязать событие, а потом направить его по тому или иному пути в зависимости от собственной выгоды. Этот метод уже сработал сегодня, и он не видел оснований, почему бы ему не сработать ещё раз.

Главное — держать медоувудцев в убеждении, что они получили динамичного лидера, который со временем добьётся для них желаемого результата. Больше того: надо держать их в этом убеждении до тех пор, пока они не внесут деньги за все четыре квартала, как это предусмотрено в подписанных имя бланках. А когда Эллиот Фримантл положит денежки в банк, их мнение о нём будет ему уже не столь интересно.

Таким образом придётся подогревать атмосферу в течение десяти или одиннадцати месяцев. Ничего, энергии у него хватит. Надо будет провести ещё несколько митингов и собраний вроде сегодняшнего, потому что это попадает в печать. А выступления в суде в печать часто не попадают. Хотя он сам всего несколько минут назад говорил, что решать проблему надо с помощью закона, судебные заседания обычно бывают неинтересны и порой

не приносят пользы. Конечно, он постарается ввернуть несколько ссылок на историю, хотя лишь немногие судьи нынче способны понять тактику, которой пользуется Фримантл для привлечения внимания, и, как правило, резко обрывают адвокатов.

Но это всё не суть важно; надо только помнить, — а он всегда помнит, — что главное в подобного рода делах — забота о преуспеянии Эллиота Фримантла и о его хлебе насущном.

Он увидел, что один из репортёров — Томлинсон из «Трибюн» — звонит по автомату; рядом стоял другой репортёр. Отлично! Значит, городские газеты уже оповещены о предстоящем событии и оставят место для рассказа о том, что произойдёт в аэропорту. Больше того: если предварительная договорённость сработает, там будет и телевидение.

Толпа начала расходиться. Пора было двигаться в путь!

10

У залитого светом главного въезда в аэропорт красная «мигалка» полицейской машины погасла. Машина, расчищавшая Джо Патрони путь по шоссе, сбавила скорость, и полицейский, сидевший за рулём, свернул на обочину, жестом показывая главному механику «ТВА», чтобы он проезжал. Патрони нажал на акселератор. Проносясь мимо, он приветственно помахал сигарой и дважды просигналил.

Хотя последний отрезок пути Патрони проделал на большой скорости, у него ушло свыше трёх часов на то, чтобы покрыть расстояние от своего дома до аэропорта, тогда как обычно на это требовалось сорок минут. И ему хотелось хоть немного наверстать упущенное время.

Невзирая на снег и гололедицу, он стремительно вывернул из потока направлявшихся к аэровокзалу машин и помчался по боковой дороге к ангарам аэропорта. Возле надписи «Ремонтная служба „ТВА“» он круто завернул свой «бьюик» вправо. В двухстах-трёхстах ярдах впереди тёмной громадой вздымался ремонтный ангар «ТВА». Главные ворота были открыты, и Патрони въехал внутрь.

В ангаре стоял наготове «пикап» с шофёром; он дожидался Патрони, чтобы отвезти его на поле к самолёту «Аэрео-Мехикан», всё ещё перегораживавшему полосу три-ноль. Выбравшись из своей машины, Патрони остановился лишь затем, чтобы раскурить сигару, невзирая на надписи «Не курить», и тут же втиснул своё грузное тело в «пикап».

— А ну, сынок, крутани-ка стрелкой по циферблату, — сказал он шофёру.

«Пикап» стремительно вылетел из ангара; Патрони, не теряя времени, связался по радио с КДП. Как только освещённый ангар остался позади, шофёр стал держаться ближе к сигнальным огням вдоль края полосы, единственному ориентиру в этой белой мгле, указывавшему на то, где кончалась асфальтовая поверхность и где начиналась. По команде с КДП они ненадолго задержались у полосы, на которую, взметнув облако снега, сел ДС-9 компании «Дельта» и покатил в грохоте останавливающегося реактивного двигателя. Наземный диспетчер дал разрешение пересечь очередную взлётно-посадочную полосу и спросил:

— Это Патрони?

— Точно.

Последовала пауза — диспетчер давал указания другим машинам.

Затем снова раздался его голос:

— Наземный диспетчер вызывает Патрони. Тут вам записка от управляющего. Готовы к приёму?

— Валяйте.

— Передаю текст: «Джо, ставлю коробку сигар против двух билетов на танцы, что тебе не вытащить сегодня эту машину с ВПП три-ноль. Но хочу, чтобы ты выиграл». Подпись: «М. Бейкерсфелд». Конец текста.

Патрони, хмыкнув, нажал на кнопку микрофона.

— Патрони — наземному диспетчеру. Передайте ему, что пари принято. — И, положив на место радиомикрофон, он обратился к шофёру: — Да пошевеливайся же, сынок. У меня теперь есть стимул сдвинуть этот самолёт.

У пересечения с полосой три-ноль старший техник «Аэрео Мехикан» Ингрем, с которым ранее разговаривал Мел Бейкерсфелд, подошёл к «пикапу». Он по-прежнему кутался в парку, стараясь защитить лицо от резкого ветра со снегом.

Патрони откусил кончик новой сигары, но на этот раз не стал её раскуривать, а быстро вылез из «пикапа». По дороге он снял в машине калоши и переобулся в тяжёлые меховые сапоги. И хотя сапоги были достаточно высокие, снег, в который он сошёл, был ещё выше.

Патрони закутался в парку и кивнул Ингрему. Они были едва знакомы.

— Привет! — крикнул Патрони: ему приходилось напрягать голос, чтобы перекрыть вой ветра. — Давайте-ка мне факты.

Ингрем стал докладывать, а Патрони смотрел на крылья и фюзеляж застрявшего «боинга», который вздымался над ними, как гигантский сказочный альбатрос. Под огромным брюхом самолёта всё ещё ритмично мигал красный свет. А возле него стояли грузовики и служебные машины, в том числе автобус для команды и ревущий передвижной генератор.

Старший техник кратко изложил, что было предпринято: он сообщил, что пассажиров сняли с самолёта и лётчики пытались вытащить его силою двигателей. Когда это не получилось, решили максимально разгрузить самолёт — снять почту, багаж, слить большую часть топлива обратно в цистерны. Затем была предпринята вторая попытка вытащить самолёт опять-таки с помощью собственных двигателей, но и она закончилась неудачей.

Жуя незажженную сигару, — редкий случай, когда Патрони сделал уступку соображениям предосторожности, поскольку в воздухе сильно пахло авиационным бензином, — главный механик «ТВА» подошёл к самолёту. За ним следовал Ингрем, а вскоре к ним присоединились и

несколько рабочих, которые до сих пор сидели в автобусе, скрываясь от непогоды. Патрони стоял, разглядывая самолёт; тем временем один из рабочих включил переносные прожекторы, установленные полукругом перед носом самолёта. При свете сразу обнаружилось, что мощные шасси лайнера глубоко ушли в видневшуюся под снегом чёрную грязь. Самолёт застрял на участке, обычно покрытом травой, в нескольких ярдах от полосы три-ноль, близ пересечения с рулёжной дорожкой — той самой, мимо которой проскочил самолёт «Аэрео-Мехикан» из-за темноты и бурана. Просто не повезло, подумал Патрони, что земля здесь такая сырая и даже трёхдневный снегопад и холод не сковали её. Поэтому обе попытки оторвать самолёт от земли собственными силами привели лишь к тому, что он ещё глубже увяз. Сейчас гондолы всех четырёх двигателей под крыльями почти лежали на земле.

Не обращая внимания на снег, который крутило вокруг него словно в фильме «На юг со Скоттом», Патрони раздумывал, прикидывал различные варианты.

Он решил, что ещё есть шанс вытащить самолёт, запустив все двигатели. Это скорее всего могло бы дать результат. Если же ничего не получится, придётся прибегнуть к помощи подъёмных мешков — одиннадцати мешков из нейлона, которые размещаются под крыльями и фюзеляжем и надуваются воздухом, нагнетаемым под давлением. Вслед за мешками под колёса самолёта подводятся тяжёлые домкраты и затем под ними выкладывается твёрдый настил. Но процесс это длительный, трудоёмкий и сложный. Патрони очень надеялся, что удастся этого избежать.

— Придётся сделать перед машиной глубокие и широкие подкопы, — объявил он. — Мне нужны траншеи по шести футов шириной перед каждым из колёс. И чтобы эти траншеи шли под небольшим углом вверх. — Он резко повернулся к Ингрему. — Копать придётся изрядно.

Старший техник кивнул.

— Это уж точно.

— Когда подкоп будет закончен, мы включим двигатели и рванём вперёд на полную мощность всеми четырьмя. Это должно сдвинуть его с места. А когда он сдвинется и полезет вверх по траншее, мы завернём его вот сюда. — И носком тяжёлого сапога он прочертил по мокрому снегу эллиптическую линию, ведущую к-бетонированной дорожке. — И ещё одно: надо положить перед колёсами как можно больше толстых брёвен. Найдутся у вас такие?

— Есть немного, — сказал Ингрем. — На одном из грузовиков.

— Сбросьте их и пошлите шофёра — пусть поищет ещё. Пусть опросит все компании и службы аэропорта.

Наземные рабочие, находившиеся рядом с Патрони и Ингремом, крикнули, чтобы и остальные вылезали из автобуса. Двое из них сняли покрытую снегом парусину с грузовика, который привёз сюда инструменты и лопаты. Лопаты тотчас раздали теням, двигавшимся за полукругом ярких огней. Снег порой мел с такою силой, что людям трудно было разглядеть друг друга. Они ждали лишь приказания, чтобы приступить к делу.

У дверцы в передний отсек «боинга» всё ещё стоял трап. Патрони указал на него.

— Хозяева там?

— На борту, — буркнул Ингрем, — Сам идиот командир и первый пилот.

Патрони в упор посмотрел на него.

— Они доставили вам много хлопот?

— Дело не в том, что они мне доставили или чего не доставили, — заметил Ингрем, — а в том, что они ни черта не хотят делать. Когда я прибыл на место, я сказал, чтобы они дали двигателям полную тягу, как вы сейчас говорили. Если бы они это сразу сделали, думаю, самолёт бы уже выбрался отсюда. А они струсили и только ещё глубже засадили его в грязь. Командир допустил большую промашку и сознаёт это. И теперь он до смерти боится, как бы не поставить машину на нос.

— Будь я на его месте, — усмехнулся Джо Патрони, — я бы тоже, наверное, этого боялся. — Он так обкусал свою сигару, что она вся размахрилась. Он бросил её в снег и сунул руку в карман парки за другой. — Я позже поговорю с командиром. Внутренний телефон подключён?

— Да.

— Вызовите в таком случае кабину экипажа. Сообщите им, что я приступил к делу и скоро буду у них там, наверху.

— Есть. — И, подойдя к самолёту, Ингрем скомандовал двадцати наземным рабочим, стоявшим у машины: — А ну, ребята, начинайте копать!

Патрони сам схватил лопату, и вот уже полетели в сторону снег, земля, грязь.

Пока он по внутреннему телефону переговаривался с пилотом, сидевшим в своей кабине высоко над ними, Ингрем вместе с одним из механиков уже укладывал застывшими, онемевшими руками первую доску в ледяную грязь у колёс самолёта.

На взлётном поле — когда ветер менял направление и менялись границы видимости — вдруг появлялись огни садящегося или взлетающего самолёта, и пронзительный вой реактивных двигателей оглушал работающих. Но рядом с ними полоса три-ноль оставалась пустынной, на ней царила тишина.

Патрони прикинул: потребуется, наверное, около часа, прежде чем удастся сделать необходимый подкоп, включить двигатели «боинга» и попытаться выкатить большой лайнер. Значит, надо менять рабочих, рывших двойные траншеи, которые уже начали приобретать необходимую форму, — пусть по очереди греются в автобусе, всё ещё стоявшем неподалёку на рулёжной дорожке.

Было уже половина одиннадцатого. Если повезёт, подумал Патрони, то вскоре после полуночи он уже будет дома, в своей постели — с Мари.

И, стремясь приблизить желанную минуту, а также чтобы согреться, Патрони ещё усерднее принялся кидать снег и грязь.

11

В «Кафе заоблачных пилотов» капитан Вернон Димирест заказал чашечку чая для Гвен и чёрный кофе — для себя. Кофе — так уж положено думать — поддерживает тонус. Прежде чем они сядут в Риме, за этой чашкой чёрного кофе последует ещё десять — двенадцать. И хотя пилотировать самолёт должен был сегодня Энсон Хэррис, Димирест отнюдь не собирался устраивать себе отдых и распускаться. В воздухе он редко допускал такое. Как большинство опытных пилотов, он прекрасно сознавая, что только те из авиаторов достигли преклонного возраста и спокойно почили в своей постели, кто на протяжении всей службы держался начеку и был готов к любой неожиданности.

— Мы что-то очень уж молчаливы сегодня, — прозвучал в его ушах приятный, с мягким английским акцентом голос Гвен. — Мы, кажется, не произнесли ни единого слова с тех пор, как вошли в аэровокзал.

Всего несколько минут назад они покинули взлётное поле, когда стало известно, что вылет откладывается ещё на час. Им удалось захватить укромный столик за перегородкой в глубине кафе, и теперь Гвен, держа в руке раскрытую пудреницу, глядела в зеркало и поправляла волосы, выбившиеся пышной волной из-под элегантной шапочки стюардессы. Взгляд её тёмных выразительных глаз скользнул по лицу Вернона.

— Я молчу, потому что думаю, только и всего, — сказал Димирест.

Гвен облизнула губы, но не тронула их губной помадой: служебные правила строго-настрого запрещают стюардессам пользоваться косметикой в общественных местах. К тому же Гвен вообще редко прибегала к ней: у неё был превосходный цвет лица с очень нежным румянцем — счастливый дар, которым природа награждает многих англичанок.

— Думаешь? О чём же? О тяжкой травме, которую нанесло тебе известие, что у нас с тобой будет ребёночек? — Гвен ехидно улыбнулась и отбарабанила скороговоркой: — Капитан Вернон Уолдо Димирест и мисс Гвендолин Элайн Мейген сообщают о том, что в непродолжительном времени они ожидают появления на свет их первого ребёнка, ммм… кого именно? Нам это пока неизвестно, разумеется. И станет известно только через семь месяцев. Ну что ж, не так уж долго ждать.

Димирест не произнёс ни слова, пока официантка подавала им кофе и чай, потом взмолился:

— Ради бога, Гвен, постарайся же быть серьёзной.

— А зачем нам это? Тем более раз это не нужно мне. Ведь если кому и следовало бы тревожиться, так, наверное, мне.

Димирест уже собирался возразить, но Гвен отыскала его руку под столом. Выражение её лица смягчилось.

— Не сердись. Я понимаю, что это в самом деле несколько ошеломляющая новость… для каждого из нас.

Именно этого признания Димирест и ждал. Он сказал, осторожно выбирая слова:

— Ничего особенно ошеломляющего в этом нет. Более того, нам совершенно не обязательно обзаводиться ребёнком, если мы этого не хотим.

— Понятно, — бесстрастно произнесла Гвен. — Я всё ждала, как и когда ты к этому подберёшься. — Она щёлкнула крышкой пудреницы и спрятала её в карман. — Когда мы ехали в машине, это уже чуть-чуть не сорвалось у тебя с языка, верно? Но в последнюю минуту ты передумал.

— Что я передумал?

— Ну брось, Вернон! К чему это притворство? Мы же оба прекрасно понимаем, что ты имеешь в виду. Ты хочешь, чтобы я сделала аборт. С тех пор как ты узнал, что я беременна, ты ни о чём другом не думаешь. Разве не так?

Вернон неохотно кивнул:

— Верно.

Манера Гвен прямо и решительно ставить точки над «i» всегда неприятно его обескураживала.

— Так в чём же дело? Или, по-твоему, я первый раз в жизни слышу об абортах?

Димирест невольно оглянулся, но шум разговоров, звон посуды, как всегда, заглушал голоса.

— Я не был уверен в том, как ты к этому отнесёшься.

— А я и сама ещё не уверена. — На этот раз и Гвен заговорила серьёзно. Опустив глаза, она рассеянно смотрела на свои руки, на свои сплетённые пальцы — тонкие, длинные, гибкие пальцы, которые всегда приводили Димиреста в восхищение. — Я ведь тоже думала об этом. И всё же — не знаю.

Это его приободрило. Во всяком случае, она не отрезала ему сразу все пути, решительного отказа пока не последовало.

Он старался говорить спокойно, рассудительно:

— Право же, это единственный разумный выход. Ситуация, конечно, не особенно приятная, но, по крайней мере, всё очень быстро останется

позади, а если с медицинской точки зрения всё будет сделано как надо, то это совершенно безопасно и не грозит никакими осложнениями.

— Я знаю, — сказала Гвен. — Всё страшно просто. Сейчас у тебя это есть, а потом раз — и уже нет ничего. — Она поглядела ему в глаза. — Правильно?

— Правильно.

Димирест отхлебнул кофе. Возможно, всё уладится гораздо проще, чем он предполагал.

— Вернон, — мягко проговорила Гвен, — а ты думал о том, что там, во мне, — живое человеческое существо? Живое, понимаешь, маленький человечек? Уже сейчас. Мы любили и зачали, и теперь — это мы, частица нас, тебя и меня. — Её глаза были полны тревоги, они искали у него ответа, он никогда ещё не видел у неё таких глаз.

Он сказал намеренно резко:

— Это неверно. Зародыш на этой стадии развития ещё не человек. Он ещё не оформился как человек. Позже — да, но пока ещё нет. Он не дышит, не чувствует, не живёт сам по себе. Сделать аборт — особенно в самом начале — вовсе не значит отнять у человека жизнь.

Гвен вспылила так же, как в машине, когда они ехали в аэропорт:

— Ты хочешь сказать, что позже это будет выглядеть уже не так безобидно? Если мы не поторопимся и ребёнок начнёт оформляться и у него уже будут пальчики на ручках и ножках, тогда аборт будет выглядеть несколько более безнравственно? Убить такое существо будет вроде бы менее этично? Так, Вернон?

Димирест покачал головой.

— Я этого не говорил.

— Но так выходит.

— Может быть, только я не это имел в виду. Ты выворачиваешь мои слова наизнанку.

Гвен вздохнула.

— Просто я рассуждаю как женщина.

— И никто не имеет на это больше права, чем ты. — Он улыбнулся и окинул её взглядом. Через несколько часов они будут уже в Неаполе… Он и Гвен… Эта мысль волновала его.

— Я же люблю тебя, Вернон. Люблю, понимаешь?

Теперь он отыскал под столом её руку.

— Я знаю. Именно потому это и трудно для нас обоих.

— Дело в том, — произнесла Гвен медленно, словно думая вслух, — что я ещё никогда не была беременна, а пока это не случится, каждая

женщина невольно сомневается, она не уверена в себе: а вдруг ей это не дано. И когда неожиданно открывается, как мне сейчас, что да, ты можешь стать матерью, — это как подарок, возникает такое чувство… Только женщина может его понять. Кажется, что произошло что-то непостижимое — огромное и замечательное. И вдруг у нас с тобой обстоятельства складываются так, что мы должны разом покончить с этим, отказаться от такого чудесного подарка. — Её глаза затуманились слезами. — Ты понимаешь, Вернон? Понимаешь?

Он ответил ласково:

— Да, мне кажется, я понимаю.

— Разница между нами в том, что у тебя уже есть ребёнок.

Он покачал головой.

— У меня нет детей. Сара и я…

— Я говорю не о твоей семье. Но у тебя был ребёнок. Ты сам мне рассказывал. Девочка. Ещё тогда пришлось прибегнуть к нашей программе «Три пункта о беременности». — Едва заметная усмешка тронула губы Гвен. — Ребёнка усыновили, но всё равно где-то есть живое существо, в котором продолжаешься ты.

Вернон молчал.

Гвен спросила:

— Ты когда-нибудь думаешь о ней? Хочется тебе узнать, где она, какая она?

Лгать не было смысла.

— Да, — сказал Вернон. — Бывает.

— А есть у тебя возможность что-нибудь о ней узнать?

Вернон снова покачал головой. Однажды он пытался навести справки, но ему сказали, что после того, как ребёнок усыновлён, все прежние документы уничтожаются. Значит, он не сможет ничего узнать… никогда.

Гвен пила чай и поверх края чашки поглядывала по сторонам. Вернон почувствовал, что она уже вполне овладела собой, в глазах не было слёз.

Она улыбнулась и сказала:

— Ах, друг мой, как много я причиняю тебе беспокойства.

Он ответил — на этот раз вполне искренне:

— Дело не только в моём беспокойстве. Главное — поступить так, как будет лучше для тебя.

— Ну, что ж, вероятно, в конце концов, я поступлю так, как подсказывает здравый смысл. Сделаю аборт. Но я должна сначала всё это обдумать, обсудить.

— Если ты придёшь к такому решению, я тебе помогу. Но нельзя

раздумывать слишком долго.

— Вероятно, да.

— Послушай, Гвен, — сказал Вернон, стараясь укрепить её в этой мысли, — это же делается быстро и в смысле здоровья ничем тебе не грозит, ручаюсь. — Он принялся рассказывать ей о шведской клинике, сказал, что возьмёт на себя все расходы, а администрация авиакомпании пойдёт навстречу и доставит её туда.

— Когда мы будем лететь обратно, я уже приму решение, обещаю тебе, — мягко сказала Гвен.

Вернон взял со столика счёт, и они встали. Гвен уже нужно было спешить, чтобы быть на месте и встречать пассажиров, отлетавших рейсом два.

Когда они выходили из кафе, Гвен сказала:

— Вероятно, мне ещё очень повезло, что я имею дело с таким человеком, как ты. Многие мужчины просто бросили бы меня без лишних слов.

— Я никогда тебя не брошу.

Но он уже знал теперь наверняка, что бросит её. Когда всё — и Неаполь и аборт — будет позади, он порвёт с Гвен, положит конец их связи; он постарается сделать это как можно деликатнее, но разрыв должен быть окончательным и полным. Осуществить это будет не слишком трудно. Придётся, конечно, пережить несколько неприятных минут, когда Гвен узнает о его намерении, но она не из тех, кто устраивает сцены, он уже убедился в этом теперь. Так или иначе, он с этим справится, да ему и не впервой — он уже не раз успешно выпутывался из любых интрижек.

Хотя, правду сказать, с Гвен дело обстояло иначе, чем с другими. Ни одна женщина не занимала его так, как она. Ни с одной женщиной не было ему так хорошо. Расстаться с ней будет ему нелегко, и он знал, что впоследствии ещё не раз у него возникнет соблазн изменить своё решение.

И всё же он его не изменит. Придя к какому-либо решению, Вернон Димирест неуклонно его выполнял. Да, так было всегда. Он воспитал в себе самодисциплину, и она вошла у неге в привычку.

К тому же здравый смысл подсказывал ему, что если он в ближайшее время не порвёт с Гвен, потом у него не хватит на это сил. И тогда не спасёт никакая самодисциплина: он просто не сможет отказаться от неё. А если так, значит, он будет связан по рукам и ногам. Тогда уже ему самому потребуется узаконить их отношения, и это повлечёт за собой тяжёлую ломку всей жизни: семья, работа, душевный покой — всё полетит к чёрту. А ведь он твёрдо решил, что надо этого избежать. Лет десять — пятнадцать

тому назад это, пожалуй, ещё было возможно, но не теперь.

Он тронул Гвен за локоть.

— Ступай вперёд. Я сейчас приду.

В главном зале в поредевшей на мгновение толпе пассажиров он заметил фигуру Мела Бейкерсфелда. Вернона Димиреста не пугало, что его увидят вместе с Гвен, тем не менее было бы глупо афишировать их отношения перед родственниками.

Вернон видел, что его шурин погружён в разговор с лейтенантом Недом Ордвеем — молодым, славным и весьма энергичным негром, начальником полицейского отделения аэропорта. Вполне возможно, что Мел, поглощённый разговором, и не заметит его. Это вполне устраивало Димиреста, который совершенно не стремился к такой встрече, хотя и не собирался намеренно её избегать.

Гвен скрылась — лишь на мгновение в толпе мелькнули её стройные ноги с тонкими щиколотками… O Sole Mio… Скорей бы уж Неаполь!

Чёрт побери! Мел Бейкерсфелд всё-таки увидел его.

— Я искал вас, — говорил лейтенант Ордвей Мелу. — Мне сейчас стало известно, что к нам должны пожаловать гости. Сотни две-три, а может, и больше.

Сегодня начальник полиции аэропорта был одет в форму. Высокий рост и осанка делали его внушительным, похожим на вождя какого-нибудь африканского племени, вот только голос у него звучал неожиданно мягко.

— У нас и так уже немало гостей, — сказал Мел, окидывая взглядом шумный, заполненный людьми зал и направляясь к своему кабинету. — Их даже не сотни, а тысячи.

— Я имею в виду не пассажиров, — сказал Ордвей. — Я говорю о тех, что могут причинить куда больше хлопот.

Он рассказал Мелу о митинге протеста, состоявшемся в Медоувуде. Теперь, после закрытия митинга, большинство его участников направляются в аэропорт. Об этом митинге в Медоувуде и о том, какие он преследует цели, лейтенанту Ордвею сообщили репортёры телевидения и попросили разрешения установить свои камеры в здании аэровокзала. Переговорив с ребятами из телевидения. Ордвей позвонил приятелю из газеты «Трибюн», и тот вкратце изложил ему суть репортажа, который только что передал в редакцию репортёр, присутствовавший на митинге.

— А, чёрт! — проворчал Мел. — Надо же было им выбрать именно сегодняшний вечер! Нам и без них хватает забот.

— Мне кажется, они именно на это и рассчитывают: надеются, что при

такой обстановке им удастся большего добиться. Вот я и подумал, что мне следует, пожалуй, предупредить вас, потому что они, наверное, захотят разговаривать с вами, а также, возможно, и с представителями Федерального управления авиации.

Мел сказал угрюмо:

— Федеральное управление уходит в подполье всякий раз, как только начинаются какие-нибудь осложнения вроде этих. И появляется на свет божий лишь после того, как прозвучит отбой.

— Ну, а вы как? — Полицейский усмехнулся. — Вы тоже намерены уклониться?

— Нет. Можете передать им, что я готов принять их представителей. Человек пять-шесть, не больше, хоть я и считаю, что в такой момент это пустая трата времени. Я же ничего не могу предпринять, решительно ничего.

— Вы понимаете, — сказал Ордвей, — если не возникнет беспорядков и не будет нанесено материального ущерба, я не имею законного права удалить их отсюда.

— Разумеется, я это понимаю, но разговаривать с этой толпой не намерен. Тем не менее надо любой ценой избежать возникновения беспорядков. Если они даже будут вести себя агрессивно, позаботьтесь, чтобы с нашей стороны никакой агрессивности не было — во всяком случае, без крайней нужды. Не забывайте, что здесь будут представители прессы, и я не хочу давать кому-либо повод изображать из себя жертву.

— Я уже предупредил своих ребят. Они постараются отделываться шутками, а джиу-джитсу приберегут про запас.

— Отлично.

Мел знал, что может положиться на Неда Ордвея. Полицейские функции в аэропорту Линкольна осуществлялись отделением городской полиции, работающим самостоятельно, а лейтенант Ордвей воплощал в себе лучшие черты молодого, идущего в гору полицейского. Он уже год возглавлял полицию аэропорта, и можно было ожидать, что в скором времени его переведут с повышением в управление городской полиции. Мел думал об этом с сожалением.

— Ну, а помимо этой медоувудской истории как идут дела? — спросил Мел. Он знал, что имевшиеся в распоряжении Ордвея полицейские, числом около сотни, работают, как почти все в аэропорту, сверх положенного с тех пор, как начался буран.

— В основном, как обычно. Пьяных несколько больше, чем всегда, да две-три драки. Но это из-за того, что вылеты задерживаются, а ваши бары

торгуют вовсю.

Мел усмехнулся.

— Не нападайте на бары. Аэропорт получает отчисления с каждого выпитого стакана, а мы в этих доходах очень и очень нуждаемся.

— Так же, как и авиакомпании, насколько, я понимаю. Во всяком случае, судя по количеству пассажиров, которых они стараются протрезвить, чтобы их можно было взять на борт самолёта. И тут уж они обычно прибегают к моему снадобью.

— Кофе?

— Разумеется. Стоит только захмелевшему пассажиру появиться у регистрационной стойки, как ему тотчас приносят чашку кофе и вливают в глотку. Авиакомпании до сих пор никак не могут взять в толк одной простой вещи: накачивая пьяного кофе, они добиваются только того, что этот пьяный долго не угомонится. Чаще всего именно тогда им приходится прибегать к нашей помощи.

— Ничего, вы, я думаю, с этим справляетесь.

Мел знал, что полицейские Ордвея набили себе руку в обращении с пьяными, которых — если они не вели себя буйно — редко подвергали штрафу. Чаще всего это были бизнесмены или коммивояжёры, возвращавшиеся домой после заключения какой-либо изнурительной сделки, измочаленные борьбой с конкурентами и легко пьянеющие после двух-трёх порций виски. Если экипаж самолёта отказывался принять пьяного на борт — а капитаны, за которыми в этих случаях оставалось последнее слово, обычно были непреклонны, — его отводили в камеру предварительного заключения и оставляли там, пока он не протрезвится. После чего отпускали его на все четыре стороны — чаще всего порядком сконфуженного.

— Да, вот ещё что, — сказал полицейский. — Ребята с автомобильной стоянки говорят, что там как будто обнаружено ещё несколько брошенных машин. В такую погоду трудно сказать наверняка, но мы постараемся это проверить, как только будет возможность.

Мел поморщился. В последнее время на стоянках стало появляться всё больше и больше брошенных за ненадобностью машин. Это приняло характер форменного бедствия во всех аэропортах при больших городах. Когда какая-нибудь старая колымага полностью выходит из строя, отделаться от неё на редкость трудно и с каждым годом становится всё труднее и труднее. Сборщики железного лома и старья уже до отказа забили свои помещения и не желают больше ничего принимать — разве что за плату. Таким образом, перед владельцем автомашины возникала

проблема: либо платить за то, чтобы от неё избавиться, либо арендовать какой-нибудь сарай, либо найти такое местечко, где можно бросить машину без риска, что тебя отыщут и возвратят её по принадлежности. И стоянки в аэровокзалах оказались как раз таким удобным местом.

Старую машину пригоняли в аэропорт, а потом украдкой снимали с неё номер и уничтожали всё, что могло навести на след владельца. Уничтожить номер, выбитый на моторе, при этом, разумеется, не удавалось, но искать владельца по номеру было слишком сложно и потому нерентабельно. В результате аэропорт вынужден был заниматься тем, чего не желал делать владелец машины: оплачивать расходы по вывозу машины на свалку, и притом в самом срочном порядке, так как она даром занимала платное место на стоянке. В последнее время в международном аэропорту Линкольна ежемесячные расходы по избавлению от брошенных машин выросли в довольно значительную сумму.

Разговаривая с Ордвеем, Мел в оживлённой толпе пассажиров, заполнявшей зал, заметил капитана Вернона Димиреста.

— А в общем, я считаю, что мы в боевой готовности и можем с честью принять ваших гостей из Медоувуда, — весело сказал лейтенант Ордвей. — Я сообщу вам, когда они прибудут. — И, дружелюбно кивнув, начальник полицейского отделения пошёл по своим делам.

Вернон Димирест, в форме компании «Транс-Америка», как всегда уверенно и твёрдо шагая, направлялся в сторону Мела. Мел почувствовал, как в нём снова вспыхнуло раздражение: ему вспомнилась неблагоприятная докладная комиссии по борьбе с заносами, о которой он уже слышал, но ознакомиться с которой ещё не успел.

Димирест, по-видимому, не намерен был задерживаться, но Мел сказал:

— Добрый вечер, Вернон.

— Привет. — Тон был холодный, безразличный.

— Я слышал, что ты у нас стал теперь большим специалистом по расчистке снега.

— Не надо быть большим специалистом, чтобы видеть, когда работают спустя рукава, — резко ответил Димирест.

Мел сделал над собой усилие и произнёс спокойно:

— А ты имеешь хоть какое-нибудь представление о том, сколько тут было снега?

— Вероятно, такое же, как и ты. Ознакомление с метеосводками входит в мои обязанности.

— В таком случае ты должен знать, что за последние двадцать четыре

часа в аэропорту выпало десять дюймов осадков, не говоря уже о том снеге, который выпал раньше.

Димирест пожал плечами.

— Так уберите его.

— Мы это и делаем.

— Медленно, чёрт побери, и плохо.

— По официальным данным, ещё не было случая, — не отступал Мел, — когда бы максимальное количество осадков, выпавших здесь за сутки, превысило двенадцать дюймов. И двенадцать было катастрофой. Жизнь аэропорта замирала. Мы сейчас включились в борьбу и отстояли аэропорт. Нет ни одного аэропорта, который лучше бы справился с этим снегопадом, чем мы. Все наши снегоуборочные машины до единой укомплектованы людьми и работают круглосуточно.

— Значит, у вас недостаточно машин.

— Честное слово, Вернон, у кого же может хватить машин, когда такая метель бушует три дня! Конечно, можно использовать сколько угодно машин, но никто не покупает снегоочистители в расчёте на чрезвычайную ситуацию — никто, у кого есть хоть крупица здравого смысла. Приобретается экономически рентабельное, оптимальное количество, а затем в особых, чрезвычайных случаях в ход пускают весь наличный инвентарь и выжимают из него всё, что он может дать. Именно это и делают мои служащие, и делают, чёрт побери, превосходно!

— Ну что ж, — сказал Димирест, — у тебя своё мнение, у меня — своё. На мой взгляд, вы делаете недостаточно. Так я и написал в своей докладной.

— Я полагал, что это докладная не твоя, а комиссии. Или ты вытеснил всех остальных, чтобы иметь возможность свести счёты со мной?

— Как работает комиссия, это уж наше дело. Выводы комиссии — вот что должно тебя интересовать. Копию докладной ты получишь завтра.

— Весьма признателен. — Вернон даже и не пытается отрицать, отметил про себя Мел, что эта докладная направлена персонально против него. — Что бы вы там ни написали, это ничего не меняет, — продолжал Мел. — Докладная создаёт лишь ненужные осложнения и в этом смысле достигнет своей цели, если именно это тебе нужно. Завтра мне придётся потратить какое-то время на то, чтобы доказать, сколь ты невежествен в некоторых областях.

Мел разгорячился, он уже не пытался скрыть раздражения, и это вызвало у Димиреста усмешку.

— Однако тебя это всё-таки задело за живое, а? Не очень-то у тебя

ловко получилось насчёт твоего драгоценного времени и бессмысленных осложнений. Я с удовольствием вспомню об этом завтра, когда буду греться на итальянском солнышке. — И, продолжая усмехаться, Димирест зашагал прочь.

Впрочем, усмешка вскоре сбежала с его лица, брови сдвинулись.

Причиной этого был вид стоек страховой компании в центральном зале: здесь сегодня работа кипела вовсю, и именно это вызвало недовольство капитана Димиреста, напомнив ему, сколь эфемерна была его победа над Мелом Бейкерсфелдом — пустяк, в сущности, булавочный укол. Пройдёт неделя, и неблагоприятное заключение комиссии будет предано забвению, а стойки страховой компании останутся на своих местах. И, следовательно, настоящую победу всё же одержал его чопорный шурин, наголову разбивший все доводы Димиреста на заседании Совета уполномоченных и оставивший его с носом.

За страховыми стойками две молоденькие девушки — одна из них блондинка с очень пышным бюстом — торопливо заполняли страховые полисы; в очереди стояло человек пять-шесть, и почти все уже приготовили и держали в руках деньги. Вот они — живые доходы страховых компаний, угрюмо подумал Димирест. Он ни секунды не сомневался, что автоматы, расположенные в разных концах аэровокзала, тоже работают вовсю.

Интересно, есть ли среди этих страхующихся пассажиры его корабля, подумал Димирест. Его так и подмывало спросить и, если ответ будет утвердительный, попытаться отговорить их, изложив свои доводы. Однако он тут же отказался от этой мысли. Однажды Вернон Димирест уже пробовал проделать подобную штуку — пытался уговорить отлетавших пассажиров не приобретать страховых полисов в аэропорту. Но это привело лишь к тому, что на него поступили жалобы и он получил хороший нагоняй от руководства компании. Хотя самим авиакомпаниям выдача страховых полисов в аэропорту была не больше по душе, чем пилотам, им приходилось занимать в этом вопросе нейтральную позицию вследствие оказываемого на них с разных сторон давления. С одной стороны, управления аэропортов утверждали, что они не могут лишиться отчислений, получаемых ими от страховых компаний. В этом случае, заявляли они, авиакомпаниям придётся возмещать им эти потери за счёт повышения стоимости пользования взлётно-посадочными полосами. С другой стороны, авиакомпании боялись восстановить против себя пассажиров, которые явно будут недовольны, если их лишат привычного для них способа приобретать страховые полисы. Таким образом, пилотам оставалось лишь вести борьбу в одиночку — и шишки сыпались только на

их головы.

Размышляя над этим и наблюдая за работой агентов, капитан Димирест задержался на несколько секунд возле страховых стоек. Он заметил, что в очереди прибавился ещё один пассажир — нервозного вида мужчина, долговязый, сутуловатый, с тоненькими рыжеватыми усиками. В руках у него был чемоданчик. Пассажир, как видно, очень спешил и волновался. Он то и дело поглядывал на часы и был явно расстроен тем, что впереди него столько людей к страховым агентам.

Димирест подумал с негодованием: «Этот тип прибежал сюда в последнюю минуту. Ну и плюнул бы на страховку и шёл бы к самолёту».

Однако ему самому пора уже быть в пилотской кабине, напомнил себе Димирест и быстро зашагал к выходу на лётное поле. В любую секунду могут объявить посадку. Ну вот, пожалуйста!

— Объявляется посадка в самолёт, вылетающий в Рим рейсом два «Золотой Аргос».

Капитан Димирест задержался в аэровокзале дольше, чем предполагал Он ускорил шаг. Объявление о посадке продолжало звучать, перекрывая шум зала.

12

— …посадка в самолёт, вылетающий в Рим рейсом два «Золотой Аргос». Экипаж готов принять пассажиров на борт. Всех пассажиров, прошедших регистрацию, просят…

Разные люди слушали объявление о посадке, и для кого-то оно означало одно, а для кого-то — совсем другое. Для одних оно звучало совершенно обыденно, было лишь прелюдией к ещё одной скучной деловой поездке, от которой они, будь на то их коля, с удовольствием отказались бы. Для других в нём было что-то многообещающее, манившее к приключениям, а ещё кому-то оно сулило скорое окончание пути, возвращение домой. Одним оно несло разлуку и печаль, другим, наоборот, обещало радость встречи. Были и такие, которые, слушая это объявление, думали не о себе: улетали их родственники или друзья, а для них самих названия городов звучали загадочно и маняще, рождая смутные образы каких-то отдалённых уголков земли, которых они никогда не увидят. Кое-кто слушал объявление о посадке со страхом; лишь немногие — с безразличием. Объявление было сигналом, означающим, что процесс отлёта, в сущности, начался. Самолёт приведён в готовность, пора подняться на борт, мешкать нельзя. Лишь в крайне редких случаях авиакомпании задерживали отлёт из-за отсутствия какого-либо пассажира. Пройдёт ещё немного времени, и самолёт окунётся в непривычную для человека стихию, взмоет в небо, и именно потому, что в самом этом факте есть что-то противоестественное, объявление о посадке всегда несёт в себе привкус приключений и романтики.

Однако в том, как рождаются эти объявления, нет ничего романтического. Их делает машина, слегка смахивающая на музыкальный автомат. Разница в том, что в неё не бросают монеты, а нажимают кнопки. Кнопки эти помещаются на пульте контрольно-информационного пункта, этакого миниатюрного КДП. Каждая авиакомпания имеет свой КДП, и все они расположены над главным залом ожидания. Служащая авиакомпании последовательно нажимает нужные кнопки, приводя в действие машину, и машина принимается за дело.

Почти все объявления — если не считать случаев, выходящих за рамки обычного, — даются с магнитофонных лент по заранее сделанным записям. Хотя на слух каждое объявление воспринимается как нечто единое, в действительности оно всегда состоит из трёх отдельных записей. В первой

объявляется номер рейса и маршрут; во второй говорится о посадке на самолёт — предварительное оповещение, начало посадки или конец; в третьей указывается зал ожидания и номер выхода на лётное поле. Поскольку все три записи следуют одна за другой без перерыва, они звучат как нечто единое целое — чего и стремятся достигнуть.

Люди, которым претит бездушная автоматизация и механизация всего на свете, радовались, когда порой эта машина ломалась. Случалось, механизм заедало, и тогда пассажиры, вылетавшие в трёх-четырёх различных направлениях, скапливались у одного и того же выхода. Сотни, а то и тысячи нетерпеливых, растерянных пассажиров создавали такую толчею и суматоху, что служащие аэровокзала вспоминали эти минуты, как чудовищный кошмар.

Сегодня автомат, объявлявший посадку на рейс два, работал исправно.

— *…Пассажиров, прошедших регистрацию, просят проследовать в Синий вестибюль «Д» к выходу сорок семь.*

Сейчас тысячи людей, находящихся в аэровокзале, слышали объявление о рейсе два. Некоторых оно не касалось вовсе, других — в большей или меньшей степени, но ещё до истечения суток для кое-кого из тех, кого оно пока совсем не интересовало, это объявление приобретёт далеко немаловажное значение.

Слышали это объявление и сто пятьдесят с лишним пассажиров рейса два. Те, кто уже успел зарегистрироваться, поспешили к выходу сорок семь, а кое-кто из сильно запоздавших ещё только отряхивался от снега.

Объявление о посадке ещё продолжало звучать в галерее-гармошке, когда старшая стюардесса Гвен Мейген уже принимала на борт первую партию пассажиров — несколько семей с маленькими детьми. Она оповестила об этом по внутреннему телефону капитана Энсона Хэрриса и приготовилась к предстоящему через несколько минут наплыву пассажиров. А капитал Вернон Димирест, опережая пассажиров, быстро прошёл вперёд и захлопнул за собой дверь пилотской кабины.

Энсон Хэррис вместе со вторым пилотом Саем Джорданом уже начали подготовку к полёту.

— Привет, — сказал Димирест. Он опустился на правое сиденье и взял контрольный лист проверки. Джордан вернулся на своё место позади.

Мел Бейкерсфелд всё ещё находился в главном зале, когда была объявлена посадка на рейс «Золотой Аргос». Он вдруг припомнил, что командир этого корабля — Вернон Димирест, и от души пожалел, что не

сумел использовать ещё одну возможность пойти на мировую со своим зятем или хотя бы смягчить существующую между ними неприязнь. Теперь их отношения даже ухудшились. Мел старался отдать себе отчёт, в какой мере он в этом виноват. Он готов был признать, что отчасти, конечно, виноват. В столкновениях с Верноном всегда проявлялись наиболее дурные стороны характера Мела. Он и сам не понимал, отчего это происходило, но всё же был искренне убеждён в том, что большинство их стычек — дело рук не его, а Вернона. Отчасти это происходило потому, что Вернон был о себе преувеличенно высокого мнения и злился, когда кто-нибудь не желал признавать его превосходства. Очень многим из знакомых Мелу пилотов — особенно капитанам лайнеров — была присуща эта черта.

Мел всё ещё не мог успокоиться, вспоминая, как Вернон после совещания Совета уполномоченных разглагольствовал о том, что с Мелом-де нечего разговаривать: он и ему подобные — это «земляные черви, протиратели брюк, с мозгами и душой пингвина». Можно подумать, чёрт побери, что в пилотировании самолёта есть нечто не доступное простым смертным!

Тем не менее сегодня вечером Мелу очень хотелось бы хоть на несколько часов снова стать пилотом и улететь, так же вот, как Димирест, — в Рим. Ему припомнилась фраза, оброненная Верноном по поводу итальянского солнца, в лучах которого он будет завтра греться. Мелу бы это сейчас тоже не повредило — во всяком случае, было бы, пожалуй, приятнее, чем составление авиационных графиков здесь, в аэропорту. Сегодня крепкие цепи, приковавшие его к земле, казались ему более тяжёлыми, чем обычно.

Расставшись с Мелом Бейкерсфелдом, лейтенант полиции Нед Ордвей вернулся в свой маленький кабинет, примыкавший к главному залу аэропорта. Он выслушивал по телефону доклад дежурного из полицейского отделения аэропорта, когда в распахнутую дверь до него донеслось сообщение о посадке на рейс два. Патрульная полицейская машина сообщала: на автомобильную стоянку прибыло такое количество частных машин, до отказа набитых людьми, что стоянка не в состоянии их вместить. Как удалось выяснить, большинство машин прибыло из Медоувуда — с участниками митинга протеста, о котором Ордвей был уже оповещён. Дежурный сержант сообщил, что, согласно распоряжению лейтенанта, в здание аэровокзала сейчас прибудет полицейское подкрепление.

Почти рядом с кабинетом лейтенанта Ордвея в зале ожидания миссис Ада Квонсетт, старушка из Сан-Диего, прервала на мгновение свою беседу

с юным Питером Кокли и прислушалась к объявлению о посадке на самолёт, отлетающий в Рим.

Миссис Ада Квонсетт и её сопровождающий сидели на одной из стоявших рядами, обитых чёрной кожей скамеек. Миссис Ада Квонсетт пространно, описывала достоинства своего покойного супруга примерно в таких выражениях, в каких королева Виктория могла бы говорить о принце Альберте:

— Это был такой прелестный человек, такой умный, такой красавец. Судьба соединила нас, когда он был уже в летах, но в молодости он, по-моему, должно быть, походил на вас.

Питер Кокли глуповато усмехнулся — последние полчаса он только это и делал. С тех пор как он покинул Таню Ливингстон, получив распоряжение стеречь эту старушенцию, пока она не сядет в самолёт, который отвезёт её обратно в Лос-Анджелес, их разговоры состояли преимущественно из монологов миссис Квонсетт, причём Питер Кокли неоднократно в весьма лестных выражениях сравнивался с покойным Гербертом Квонсеттом. Эта тема уже порядком утомила Питера. Ему было невдомёк, что именно этого и добивалась хитроумная Ада Квонсетт.

Питер Кокли украдкой зевнул. Определяясь на службу в авиакомпанию «Транс-Америка» на должность агента по обслуживанию пассажиров, он представлял себе свою работу совсем иначе. Сейчас он чувствовал себя круглым идиотом, сидя здесь в новой, с иголочки, форме и выполняя роль няньки, приставленной к безобидной болтливой старой даме, которая вполне могла бы быть его прабабушкой. Скорее бы уж кончилась эта пытка. И надо же, чтобы так не повезло: вылет самолёта на Лос-Анджелес, как и многие другие рейсы, задерживался из-за снегопада, — не будь этого, старушка уже час назад находилась бы в пути. Питер томился и мечтал о том, чтобы поскорее объявили посадку на её самолёт. Между тем объявление о рейсе два продолжалось, внося приятное, хотя и краткое, разнообразие в их беседу.

Юный Питер Кокли уже успел забыть напутственное предостережение Тани Ливингстон: «Хорошенько запомните то, что я вам сказала… У неё неиссякаемый запас уловок».

— Подумать только! — воскликнула миссис Квонсетт, когда объявление о посадке было закончено. — Самолёт в Рим! Ах, аэропорт — это необычайно увлекательно, не правда ли? Особенно для такого молодого интеллигентного человека, как вы. Ах, Рим… Мой бесценный покойный супруг всегда мечтал, что мы когда-нибудь посетим вместе этот удивительный город. — Миссис Квонсетт вздохнула, понуро сложила

ручки, зажав в ладонях крошечный кружевной платочек. — Увы, нам так и не удалось там побывать.

Миссис Квонсетт продолжала болтать, а мозг её тем временем с точностью добротных швейцарских часов отстукивал мысли. Сейчас ей требовалось только одно: как-нибудь ускользнуть от этого младенца в форме. Он уже явно томился и скучал, но, невзирая на скуку, продолжал торчать здесь. Необходимо было придумать что-то такое, чтобы скука переросла в потерю бдительности. И с этим нельзя было мешкать.

Миссис Квонсетт отнюдь не отказалась от своего первоначального намерения — пробраться в самолёт, отлетавший в Нью-Йорк. Она внимательна прислушивалась ко всем объявлениям по радио, но пока не видела ни малейшей возможности попасть ни на один из пяти объявленных рейсов, ибо для этого ей прежде всего надо было освободиться от своего юного стража. Будет ли ещё один рейс на Нью-Йорк, прежде чем объявят посадку в самолёт на Лос-Анджелес, она не знала, а её должны были отправить обратно на этом самолёте, что ей отнюдь не улыбалось.

Нет, раздумывала миссис Квонсетт, что угодно, лишь бы не возвращаться сегодня в Лос-Анджелес. Что угодно, хотя бы даже… Неожиданная мысль осенила её… Хотя бы даже полететь в Рим!

Секунду она колебалась. А почему бы и нет? Она нагородила сегодня кучу небылиц про своего Герберта, но одно было верно: они действительно как-то раз рассматривали вместе открытки с видами Рима… И если даже ей не удастся проникнуть дальше римского аэропорта, всё равно она там побывает и ей будет что рассказать Бланш, когда она в конце концов доберётся до Нью-Йорка. К тому же будет так приятно провести за нос эту рыжую сучку — старшего агента по обслуживанию пассажиров… Однако что же ей сейчас предпринять? Через какой, кстати, выход объявили посадку? Как будто бы через сорок седьмой из Синего вестибюля «Д»? Да, миссис Квонсетт была уверена, что не ошиблась.

Самолёт, разумеется, может быть полон, может не оказаться ни единого свободного места, и тогда уже не проедешь «зайцем». Но на такой риск всегда приходится идти. Притом, чтобы сесть в самолёт, отлетающий в Италию, вероятно требуется паспорт, но всё это надо ещё проверить. А если тем временем объявят рейс на Нью-Йорк…

Главное, не сидеть тут сложа руки, а предпринять хоть что-нибудь.

Миссис Квонсетт внезапно прижала к груди свои хрупкие, морщинистые ручки.

— О боже мой! — воскликнула она. — О боже мой! — Ухватившись дрожащими пальцами за высокий ворот старомодной блузки, она пыталась

его расстегнуть; из груди её вырывались негромкие протяжные стоны.

Молодой агент поглядел на неё с тревогой.

— Что с вами, миссис Квонсетт? Что случилось?

Ада Квонсетт закрыла глаза, затем широко раскрыла их и с трудом перевела дыхание несколько раз подряд.

— Извините. Мне что-то нехорошо. Дурнота какая-то.

Питер Кокли спросил озабоченно:

— Могу я вам чем-нибудь помочь? Может быть, позвать доктора?

— Я не хочу вас затруднять…

— Ну, это пустяки…

— Нет. — Миссис Квонсетт с усилием покачала головой. — Лучше я просто отдохну немножко в дамской комнате. И всё, мне кажется, пройдёт.

Молодой агент поглядел на неё с сомнением. Ему вовсе не хотелось, чтобы эта старушенция скончалась у него на руках, а она, по-видимому, могла в любую минуту окочуриться. Повернувшись к ней, он спросил с беспокойством:

— Вы так думаете?

— Да, да, конечно. — Миссис Квонсетт решила, что она не должна привлекать к себе внимание здесь, в главном зале. Слишком много тут посторонних глаз… — Пожалуйста, помогите мне подняться… Большое спасибо… Теперь, если разрешите, я возьму вас под руку… Мне кажется, дамская комната где-то тут рядом. — Направляясь туда, она издала ещё несколько негромких стонов, что заставило Питера Кокли испуганно на неё воззриться. Но она тут же постаралась успокоить его: — У меня уже бывали подобные приступы. Я знаю, что это скоро пройдёт.

Возле дверей дамской комнаты она выпустила руку Питера Кокли.

— Вы такой милый, заботитесь о старушке… В наши дни молодёжь… Ах, боже мой! — Пересаливать не следует, сказала она себе, сейчас всё в самую меру. — Вы подождёте меня здесь? Не уйдёте никуда?

— Нет, нет. Не уйду.

— Спасибо вам. — Она отворила дверь и скрылась за ней.

В дамской комнате находилось десятка два женщин. Сегодня здесь везде толчея, всюду переполнено, даже в туалетах, подумала миссис Квонсетт. Теперь ей требовалась чья-то помощь. Она внимательно оглядела поле действия и остановила свой выбор на моложавой женщине в бежевом костюме — по виду мелкой служащей, — эта женщина явно никуда не спешила. Миссис Квонсетт обратилась к ней:

— Простите меня, пожалуйста, но мне что-то нехорошо. Не могу ли я попросить вас об одолжении? — Миссис Квонсетт прижала дрожащие

ручки к груди, потом закрыла и широко раскрыла глаза, словом, повторила всё то, что проделывала для Питера Кокли.

Незнакомка мгновенно прониклась участием.

— Разумеется, охотно. Может быть, проводить вас…

— Нет… Ничего… — Миссис Квонсетт опёрлась о раковину, она, видимо, с трудом держалась на ногах. — Единственное, о чём я вас попрошу, это передать кое-что. Тут за дверью стоит молодой человек в форме «Транс-Америки». Его зовут мистер Кокли. Пожалуйста, попросите его… да, пусть он всё же позовёт доктора.

— Хорошо, я скажу ему. Но мне придётся вас на минуточку оставить, ничего?

Миссис Квонсетт кивнула.

— Ничего, благодарю вас. Вы ведь сейчас же вернётесь… и скажете мне, нашли ли его.

— Разумеется.

Через минуту посланная возвратилась.

— Он тут же пошёл за доктором. А теперь, по-моему, вам бы следовало прилечь. Вам уже лучше?

Миссис Квонсетт перестала опираться о раковину.

— Вы говорите, он ушёл?

— Да, он сразу же пошёл за доктором.

Ну, теперь остаётся только отделаться от этой особы, подумала миссис Квонсетт. Ода снова судорожно открыла и закрыла глаза.

— Я понимаю, что слишком обременяю вас… вы были так добры… но моя дочка ждёт меня у главного входа…

— Вы хотите, чтобы я позвала её? Привести её сюда?

Миссис Квонсетт прижала кружевной платочек к губам.

— Я была бы бесконечно вам признательна, но так злоупотреблять вашей любезностью…

— Я уверена, что вы сделали бы то же самое для меня. Как я узнаю вашу дочь?

— На ней длинное светло-сиреневое пальто и маленькая белая шляпка с жёлтыми цветочками. И собачка на поводке — французский пудель.

Женщина улыбнулась.

— По таким приметам найти её будет нетрудно. Я скоро вернусь.

— Вы *удивительно* добры.

Когда женщина ушла, Ада Квонсетт выждала минуты две-три. Будем надеяться, с искренним сочувствием подумала она, что эта бедняжка не потратит слишком много времени на розыски воображаемой дамы в светло-

сиреневом пальто, с французским пуделем на поводке.

Удовлетворённо улыбаясь, маленькая старушка из Сан-Диего вышла из дамской комнаты и проворно зашагала прочь. Никто не задержал её, и она тут же растворилась в шумной беспокойной толпе пассажиров, заполнявшей аэровокзал.

Теперь нужно было найти Синий вестибюль «Д» и выход сорок семь.

Объявление о посадке в самолёт, вылетающий рейсом два, прозвучало для Тани Ливингстон, как для игрока в гандбол — сообщение о смене ворот. Уже четыре самолёта «Транс-Америки» готовились подняться в воздух, и ей надлежало следить за тем, чтобы при посадке на все рейсы соблюдался порядок. Мало того: у неё только что произошло довольно неприятное столкновение с одним пассажиром, прилетевшим из Канзас-Сити.

Весьма агрессивно настроенный пассажир возбуждённо сыпал словами и утверждал, что кожаный чемодан его жены, который появился на круглом конвейере для ручного багажа с большой дырой на боку, был повреждён в результате небрежности обслуживающего персонала. Таня не верила ни единому его слову — дыра по всем признакам явно была старой, но она предложила удовлетворить претензии пассажира тут же на месте, уплатив ему наличными, как делали представители всех авиакомпаний, в том числе и «Транс-Америки». Трудности возникли из-за невозможности договориться о приемлемой для обеих сторон сумме. Таня считала возможным уплатить тридцать пять долларов, что, по её мнению, превышало истинную стоимость чемодана; пассажир настаивал на выплате ему сорока пяти долларов. В конце концов сговорились на сорока, поскольку жалобщик не подозревал, что агентам по обслуживанию пассажиров даётся право при особенной назойливости пассажиров удовлетворять их претензии в размерах шестидесяти долларов. Даже в тех случаях, когда можно было заподозрить мошенничество, авиакомпании считали, что быстрая расплата на месте обходится дешевле, чем отнимающие много времени пререкания. По правилам, агенты-контролёры должны были брать на заметку повреждённый багаж при регистрации, на деле же это выполнялось редко. В результате некоторые пассажиры, искушённые в этих вопросах, пользовались своей осведомлённостью, чтобы заменить изношенный чемодан на новый.

Таня всегда с неохотой выплачивала деньги — пусть не свои, а авиакомпании, — в тех случаях, когда предполагала жульничество.

Разделавшись со скандалистом, надо было уже срочно заниматься пассажирами рейса два, которые всё ещё продолжали подъезжать к

аэровокзалу. По счастью, пассажирский автобус успел прибыть из города за несколько минут до окончания посадки, и пассажиров направили в вестибюль «Д» к выходу сорок семь. Через две-три минуты Таня сама должна была пойти туда же на случай, если в последнюю минуту появится какой-нибудь запоздавший пассажир и возникнут затруднения с посадкой его в самолёт.

Д. О. Герреро всё еще продолжал стоять в очереди за страховым полисом, а по радио уже объявили посадку на рейс два.

Торопливый, запоздавший пассажир, бросившийся в глаза капитану Вернону Димиресту, был не кто иной, как Герреро с маленьким, плоским, похожим на портфель чемоданчиком, в котором он нёс бомбу.

Соскочив с автобуса, Герреро бросился прямо к стойке страховой компании и оказался в очереди пятым. Две девушки обслуживали пассажиров с такой медлительностью, что от этого можно было рехнуться. Одна девушка — пышногрудая блондинка в блузке с очень глубоким вырезом — уже бог знает сколько времени вела переговоры со своей клиенткой, пожилой дамой. Девушка, как видно, уговаривала клиентку застраховаться на более крупную сумму; клиентка колебалась. Судя по всему, очередь Герреро подойдёт минут через двадцать, не раньше, а к тому времени посадка на рейс два может уже закончиться. Но Герреро понимал одно: он *должен* застраховать свою жизнь и *должен* попасть в самолёт.

В объявлении о посадке говорилось, что она будет производиться через выход сорок семь. Герреро уже сейчас следовало бы находиться там. Он почувствовал, что его начинает трясти озноб, а рука, сжимавшая чемоданчик, стала липкой от пота. В двадцатый раз он поглядел на часы в вестибюле. Прошло уже шесть минут с тех пор, как по радио объявили посадку на рейс два. Ещё немного, и прозвучит последнее предупреждение… дверь самолёта захлопнется… Необходимо было что-то предпринять — и срочно.

Герреро бесцеремонно протиснулся вперёд. Он уже не думал о том, что его невежливое поведение может привлечь к себе внимание: ему было не до того. Один из стоявших в очереди запротестовал:

— Эй, дружище, мы ведь тоже спешим. Разве вы не видите — здесь очередь.

Но Герреро, пропустив эти слова мимо ушей, обратился к пышногрудой блондинке:

— Будьте добры… На мой самолёт уже объявлена посадка. На тот, что отлетает в Рим. Мне нужна страховка. Я не могу ждать.

Протестовавший пассажир из очереди вмешался:

— Так лети не страхуясь. В следующий раз будешь приезжать загодя.

У Герреро чуть не сорвалось с языка: *«Следующего раза уже не будет!»* Но вместо этого он снова взмолился:

— Прошу вас!

Он ждал резкого отпора, но, к его удивлению, блондинка сочувственно улыбнулась.

— Вы летите в Рим?

— Да-да. Посадка уже объявлена.

— Я знаю. — Она снова улыбнулась. — Самолёт «Транс-Америки» рейс два «Золотой Аргос».

Невзирая на владевшее Герреро беспокойство, от его внимания не укрылось, что девушка говорила с венгерским акцентом и в голосе её звучали волнующие нотки.

Он постарался взять себя в руки и сказал спокойно:

— Да, именно на этот самолёт.

Девушка обратилась к стоявшим в очереди — теперь её улыбка уже предназначалась им:

— У этого пассажира в самом деле очень мало времени. Я думаю, вы не станете возражать, если я сначала обслужу его.

Всё в этот вечер складывалось так неудачно, что Герреро едва поверил своим ушам: неужели на этот раз ему повезло? Один из стоявших в очереди негромко буркнул что-то, но протестовавший ранее пассажир промолчал.

Девушка достала чистый бланк и улыбнулась клиентке, с которой только что вела разговор:

— Это займёт всего минуту.

Теперь Герреро увидел, что её улыбка снова предназначена ему, и вдруг почувствовал магическую силу этой улыбки и понял, почему никто из стоявших в очереди не стал особенно протестовать. Когда девушка, улыбаясь, посмотрела ему в глаза, Герреро, вообще не слишком падкий до женщин, почувствовал, что обезоружен, что тает, как воск. К тому же у неё был такой пышный бюст, какого он, кажется, отродясь не видел.

— Меня зовут Банни, — сказала девушка с иностранным акцентом. — А вас? — Она уже взяла шариковую ручку, приготовившись писать.

Банни зарекомендовала себя в аэропорту как чрезвычайно ловкий страховой агент.

Она обожала всевозможные конкурсы, особенно те, в которых победа приносила материально ощутимые результаты. Именно поэтому работа

страхового агента нравилась ей, ведь страховая компания время от времени устраивала для своих сотрудников конкурсы с выдачей премий. Один из таких конкурсов был уже объявлен и заканчивался сегодня вечером.

Памятуя об этом конкурсе, Банни и отнеслась столь отзывчиво к Герреро, когда он объявил, что летит в Рим. Объяснялось это тем, что Банни не хватало сорока очков, чтобы получить на конкурсе вожделенную премию — электрическую зубную щётку. Она уже пришла было в отчаяние — казалось, до конца смены ей не удастся набрать недостающую сумму очков: все выписанные сегодня страховые полисы были на внутриконтинентальные рейсы, которые не приносили много очков и, следовательно, давали маленькие премии. Вот если бы ей удалось застраховать этого отлетавшего за границу пассажира на максимальную сумму, она сразу получила бы двадцать пять очков и тогда набрать остальные очки не составило бы труда. Теперь вопрос был в том, на какую сумму намерен застраховаться этот пассажир и удастся ли ей, Банни, уговорить его на максимальную.

Обычно ей это удавалось. В таких случаях Банни действовала без затей: она просто пускала вход свою самую обольстительную улыбку, придвигалась поближе к клиенту, давая ему возможность вдоволь налюбоваться на её пышный бюст, и разъясняла, какую выгоду извлечёт он из этой страховки, если повысит её на сравнительно небольшую сумму. В большинстве случаев эта тактика достигала желанной цели и завоевала Банни репутацию весьма удачливого страхового агента.

Как только Герреро продиктовал Банни по буквам свою фамилию, она спросила:

— Какого рода страхование имеете вы в виду, сэр?

Герреро судорожно глотнул слюну.

— Я хочу застраховать свою жизнь… на семьдесят пять тысяч долларов.

Едва он произнёс эти слова, как во рту у него пересохло. Его внезапно охватил страх: ему показалось, что он привлёк к себе внимание всех стоявших в очереди и все глаза теперь прикованы к нему. Он чувствовал, как его пробирает дрожь, и был уверен, что это не может остаться незамеченным. Чтобы скрыть свой испуг, он попытался закурить, но руки у него так тряслись, что и это удалось ему с трудом. К счастью, девушка-агент, уже державшая шариковую ручку над графой «сумма страховки», по-видимому, ничего не заметила.

Она сказала:

— Это будет стоить два доллара пятьдесят центов.

— Что?.. Ах да, понимаю. — Герреро справился наконец со спичками и сигаретой и полез в карман за последними остававшимися у него деньгами.

— Но это же слишком незначительная сумма. — Банни медлила проставить цифру. Она ещё больше наклонилась вперёд, бюст её ещё ближе придвинулся к клиенту. Она заметила, что он опустил глаза и обалдело смотрит в одну точку. Все мужчины одинаковы. Некоторых — она это просто чувствовала — так и тянет пустить в ход руки. Этот клиент, однако, не такого сорта.

— Незначительная? — с сомнением переспросил Герреро. — Я полагал… Мне казалось, что это максимальная сумма.

Клиент явно нервничал — теперь даже Банни это бросилось в глаза. Должно быть, трусит перед полётом, рассудила она и одарила его своей ослепительной улыбкой.

— Что вы, сэр! Вы можете застраховаться на триста тысяч долларов. Большинство пассажиров так и страхуются, а стоить это будет десять долларов. Право же, это совсем небольшие деньги за такую страховку. — Её улыбка продолжала сверкать: ответ клиента мог принести ей лишних двадцать очков; от его ответа зависело, станет она обладательницей электрической зубной щётки или нет.

— Как вы сказали?.. Десять долларов?..

— Да, всего только. За страховку в триста тысяч долларов.

«Этого я не знал», — пронеслось в голове у Герреро. Он всё время считал, что семьдесят пять тысяч долларов — самая крупная сумма, на какую можно застраховать свою жизнь в аэропорту с билетом на заокеанский рейс. Он почерпнул эти сведения из страхового бланка, взятого им месяца два назад в другом аэропорту. Сейчас он припомнил, что тот бланк был из страхового автомата. А ему и в голову не пришло, что агенты страхуют на значительно более крупные суммы. Триста тысяч долларов!..

— Да, конечно, — взволнованно сказал он. — Да, пожалуйста…

Банни сияла.

— На максимальную сумму, мистер Герреро?

Он уже готов был кивком выразить согласие, как вдруг сообразил, что судьба вновь сыграла с ним злую шутку. А наберётся ли у него десять долларов?

— Обождите минутку… мисс! — воскликнул он и принялся шарить по карманам, извлекая из них всю мелочь.

В очереди начали проявлять нетерпение. Уже выражавший прежде недовольство пассажир обратился к Банни:

— Вы же говорили, что это займёт всего минуту!

Герреро удалось наскрести четыре доллара семьдесят центов.

Два дня назад, когда Герреро и Инес сложили вместе все оставшиеся у них деньги, Герреро взял себе восемь долларов и немного мелочи. После этого он заложил кольцо Инес и приобрёл билет на самолёт, в результате чего у него осталось ещё несколько долларов, сколько именно — он не помнил, к тому же их этих денег ему пришлось платить потом и за еду, и в метро, и в автобусе, который вёз его сюда… Он твёрдо знал, одно: нужно будет заплатить за страховку два с половиной доллара, и эти деньги он тщательно берёг, спрятав их в отдельный карман. О прочих деньгах ему не приходило в голову беспокоиться: он считал, что как только сядет в самолёт, они станут ему не нужны.

— Если у вас не хватает наличных, — сказала Банни, — можете выписать чек.

— Я оставил свою чековую книжку дома. — Он лгал: чековая книжка лежала у него в кармане. Но он не мог выписать чек — банк опротестует его, и страховка погорела.

А Банни не отступалась:

— Вы можете заплатить в итальянской валюте, мистер, Герреро. Я пересчитаю ваши лиры на доллары по паритетной таблице.

Герреро растерянно пробормотал:

— У меня нет итальянских денег… — И тут же проклял себя. *В городе, регистрируя билет, он заявил, что летит в Рим без багажа. Теперь, как круглый идиот, во всеуслышание признался, что у него вообще нет денег — ни американских, ни итальянских.* Кто же отправляется в путешествие за океан без единого цента, без валюты и без всякого багажа? Конечно, только тот, кто знает заранее, что самолёту не суждено долететь да места назначения.

Но Герреро тут же приободрился, сообразив, что эти два обстоятельства — регистрация багажа и страховка — никак не связаны одно с другим, связь между ними существует только в его мозгу. Даже если когда-нибудь и свяжут их воедино, это уже не будет иметь значения, будет слишком поздно.

Он сказал себе — уже в который раз с тех пор, как покинул дом: никакие подозрения ничего не изменят. Всё решает одно — бесследное исчезновение самолёта, а стало быть, полное отсутствие каких-либо улик. И, как ни удивительно, невзирая на свой последний промах, он вдруг почувствовал себя увереннее.

Он прибавил ещё несколько мелких монет к лежавшей перед ним

кучке денег, и вдруг произошло чудо: в одном из внутренних карманов нашлась пятидолларовая бумажка.

Уже не пытаясь больше скрыть волнение, Герреро воскликнул.

— Вот, пожалуйста! Теперь должно хватить!

Оказалось даже, что остаётся ещё почти на доллар мелочи сверх требуемой суммы.

Однако теперь и Банни начали одолевать сомнения. Клиент ждал, надо было проставить на страховом бланке сумму в триста тысяч долларов, а Банни колебалась.

Пока Герреро лихорадочно шарил по карманам, она внимательно наблюдала за ним и видела его лицо.

Странно, конечно, что человек улетает в Европу без гроша в кармане, но, в конце концов, это его личное дело — мало ли какие могут быть тому причины. Значительно больше насторожили Банни его глаза. Она уловила в них что-то, граничащее с отчаянием или безумием, а когда с человеком творится такое, Банни вполне могла это распознать. Она видела, как это бывает с людьми. Да и сама не раз находилась на грани отчаяния, хотя теперь ей и казалось, что годы бедствий отодвинулись куда-то в необозримую даль.

В компании, где работала Банни, существовали строгие правила, обязательные для всех сотрудников: если пассажир, страхующий свою жизнь перед полётом, казался неуравновешенным, был неестественно возбуждён или пьян, страховой агент должен был сообщить об этом администрации соответствующей авиакомпании. Теперь перед Банни стоял вопрос: принадлежит данный случай к тем, о которых говорится в правилах, или нет?

Она не была в этом уверена.

Постоянно действующая инструкция страховых компаний не раз подвергалась обсуждению среди страховых агентов. Многих из них она возмущала, а иные просто игнорировали её, считая, что их обязанность — страховать пассажиров, а заниматься психоанализом они не обучены и не нанимались. Некоторые пассажиры всегда нервничают перед полётом, как же можно, не имея специальной подготовки, распознать, где обычный страх, а где неуравновешенность, граничащая с ненормальностью? Сама Банни никогда не докладывала о пассажирах, находившихся во взвинченном состоянии; ей памятен был случай, когда одна служащая задержала в подобных обстоятельствах выдачу полиса клиенту, а тот оказался вице-президентом авиакомпании и был взволнован тем, что у его жены начались роды. И потом из-за этого возникла куча неприятностей.

И всё же Банни продолжала колебаться. Чтобы скрыть свою нерешительность, она начала пересчитывать деньги, полученные от пассажира. Ей хотелось спросить Мардж, девушку, работавшую за соседней стойкой, не показалось ли ей, что с этим пассажиром что-то неладно. Но, по-видимому, Мардж ничего не заметила. Она энергично заполняла свой бланк — тоже спеша набрать побольше очков.

Наконец Банни приняла решение, подсказанное ей жизненным опытом. Да, жизненный опыт научил её приспосабливаться к обстоятельствам, обуздывать праздное любопытство и не задавать ненужных вопросов. Задавая вопросы, невольно встреваешь в чужие дела, а именно этого и следует избегать, когда у человека своих проблем по горло.

И Банни не стала задавать лишних вопросов, тем самым разрешив одну из своих проблем — как выйти на первое место в конкурсе и получить электрическую щётку. Она застраховала жизнь Д. О. Герреро на время его полёта в Рим на сумму в триста тысяч долларов.

Герреро отправил страховой полис по почте своей жене Инес и поспешил к выходу сорок семь, чтобы сесть в самолёт, отлетавший в Рим.

13

Таможенный инспектор Гарри Стэндиш не слышал объявления о посадке в самолёт, вылетающий рейсом два, но ему было известно, что такое объявление сделано. В таможенный зал эти объявления не транслировались, поскольку здесь находились лишь пассажиры, прибывшие из-за границы, а не наоборот, и поэтому Стэндиш получил свою информацию по телефону от «Транс-Америки». Он знал, что посадка на рейс два началась, что производится она через выход сорок семь и лайнер поднимется в воздух ровно в двадцать три ноль-ноль.

Стэндиш всё время поглядывал на часы: он собирался подойти к выходу сорок семь, но не по служебной обязанности, а чтобы попрощаться с племянницей. Джуди, дочка его сестры, улетала на год в Европу для завершения образования, и Стэндиш обещал сестре, жившей в Денвере, проводить племянницу. Он уже посидел немного в главном зале ожидания с этой славной, уравновешенной восемнадцатилетней девушкой и сказал, что непременно найдёт её, чтобы попрощаться перед самым отлётом.

А пока что инспектор Стэндиш пытался довести до конца одно чрезвычайно нудное дело — на редкость беспокойный выдался у него сегодня денёк.

— Вы совершенно уверены, мадам, что вам не следует внести кое-какие поправки в ваше заявление? — сдержанно спросил он костлявую даму весьма надменного вида, многочисленные чемоданы которой лежали раскрытыми на таможенном столе.

— Насколько я понимаю, вы предлагаете мне изобрести какие-то небылицы взамен чистой правды, которую я вам сказала, — раздражённо ответствовала дама. — Боже мой, вы все здесь так недоверчивы, так подозрительны. Право, можно подумать, что мы живём в полицейском государстве.

Гарри Стэндиш пропустил этот выпад мимо ушей, как полагалось видавшему виды таможенному чиновнику, и вежливо ответил:

— Я вам ничего не предлагаю, мадам. Я просто спросил, не желаете ли вы внести кое-какие поправки в заявление, сделанное вами по поводу этих вещей, платьев, свитеров и мехового жакета.

Дама — в паспорте она значилась как миссис Гарриет дю Барри-Моссмен, проживающая в Эванстоне и возвращавшаяся домой после месячного пребывания в Англии, Франции и Дании, — ответила ледяным

тоном:

— Нет, и не подумаю. Более того, когда я расскажу адвокату моего мужа об учинённом мне допросе…

— Прекрасно, мадам, — сказал Гарри Стэндиш. — В таком случае не будете ли вы так любезны подписать этот бланк. Если желаете, я могу объяснить вам, для чего это необходимо.

Платья, свитеры и меховой жакет были разложены на открытых чемоданах. Меховой жакет — соболий — ещё недавно красовался на плечах миссис Моссмен. Когда инспектор Стэндиш появился в таможенном зале у стола номер одиннадцать, он попросил миссис Моссмен снять жакет, чтобы можно было получше его рассмотреть. Несколько минут назад красная лампочка, вспыхнувшая на стенной панели возле входа в главный таможенный зал, послужила для Стэндиша сигналом. Каждому из таможенных столов соответствовала своя лампочка; когда она загоралась, это означало, что у того или иного дежурного таможни возникли затруднения и он нуждается в помощи старшего инспектора.

Сейчас молодой дежурный, первым имевший дело с миссис Моссмен, стоял рядом с инспектором Стэндишем. Большинство пассажиров, прибывших из Копенгагена на самолёте ДС-8 Скандинавской авиакомпании, уже прошли таможенный досмотр и покинули зал, и только эта хорошо одетая американка всех задерживала, утверждая, что не приобрела в Европе ничего, кроме духов, кое-какой бижутерии и туфель. Всего на девяносто долларов, иными словами — на десять долларов меньше суммы, не облагаемой таможенным сбором. Однако молодой таможенник усомнился в её правдивости, и он вызвал Стэндиша.

— С какой стати должна я что-то подписывать? — спросила миссис Гарриет дю Барри-Моссмен.

Стэндиш посмотрел на часы под потолком. Было без пятнадцати одиннадцать. Он ещё мог успеть, покончив с делами этой дамы, попрощаться с племянницей, пока самолёт не улетел. Он терпеливо разъяснил:

— Просто чтобы облегчить дело, мадам. Мы ведь просим вас только письменно подтвердить то, что вы уже сообщили нам на словах. Вы сказали, что эти платья были вами приобретены…

— Сколько же раз должна я повторять одно и то же? Я покупала их в Чикаго и в Нью-Йорке перед отъездом в Европу. Так же, как и свитеры. А этот жакет — подарок и куплен в Соединённых Штатах. Мне подарили его полгода назад.

«И зачем только люди так поступают?» — недоумевал Гарри Стэндиш.

Он ни секунды не сомневался, что утверждения этой дамы сплошная ложь.

Начать с того, что со всех платьев — а их было шесть, и все дорогие — были спороты ярлыки. Никто не сделает такой вещи без особой нужды. Женщины обычно гордятся марками фешенебельных фирм. К тому же покрой платьев был несомненно французский, так же как и мехового жакета, хотя к его подкладке и была довольно неумело пришита марка магазина «Сакс» с Пятой авеню. Однако пассажиры, вроде миссис Моссмен, не понимали, что квалифицированный таможенник и без фабричной марки может определить, где изготовлен тот или иной предмет. Покрой, швы, даже то, как вшита молния, — для намётанного глаза всё равно что знакомый почерк и столь же явно выдают автора.

То же самое можно было сказать и о трёх превосходных свитерах. На них тоже отсутствовали фабричные марки, и они были типично английской тускло-коричневой расцветки; такие свитеры не продаются в Соединённых Штатах. Можно было безошибочно утверждать, что они куплены в Шотландии. Когда крупные американские универсальные магазины заказывают за границей такого рода свитеры, шотландские фирмы поставляют им товар более яркой расцветки, пользующийся большим спросом на американском рынке. Каждому таможеннику всё это хорошо известно не только в теории, но и на практике.

Миссис Моссмен спросила:

— Предположим, я подпишу этот бланк, что дальше?

— После этого вы будете свободны, мадам.

— И могу взять с собой мои вещи? Все?

— Да.

— А если я откажусь подписать?

— Тогда мы будем вынуждены задержать вас, пока не закончим расследование.

После некоторого колебания миссис Моссмен сказала:

— Хорошо, заполняйте бланк, я подпишу.

— Нет, мадам, вы должны заполнить сами. Вот здесь, пожалуйста, проставьте название предмета, а в этой графе — где он был, по-вашему, приобретён. Пожалуйста, укажите названия всех магазинов, а также фамилию лица, подарившего вам этот меховой жакет…

Гарри Стэндиш подумал: в его распоряжении остаётся не больше минуты — уже без десяти одиннадцать. Ему вовсе не хотелось прибежать к выходу на поле в тот момент, когда дверь самолёта захлопнется. Но его нюх таможенника…

Он ждал. Миссис Моссмен заполнила бланк и подписала его.

Завтра один из служащих таможни займётся проверкой сделанного миссис Моссмен заявления. Платья и свитеры будут временно реквизированы: их направят для опознания в магазины, где, по словам миссис Моссмен, они были приобретены; соболий жакет предъявят в магазине «Сакс» на Пятой авеню, и фирма, вне всякого сомнения, не признает его своим изделием… Миссис Моссмен ещё не подозревала о том, какую беду навлекла она на свою голову: ей придётся заплатить крупную пошлину и сверх того почти наверняка — большой штраф.

— Имеются у вас ещё какие-либо предметы, мадам, о которых вы хотели бы упомянуть в декларации? — спросил инспектор Стэндиш.

Миссис Моссмен возмущённо отрезала:

— Разумеется, нет!

— Вы в этом уверены?

Таможенным инспекторам предписывается всячески способствовать добровольному признанию пассажиров. Намеренно заманивать их в ловушку не разрешается — если, конечно, они сами не лезут в неё.

Не удостоив Стэндиша ответом, миссис Моссмен только презрительно тряхнула головой.

— В таком случае, мадам, — сказал инспектор Стэндиш, — не будете ли вы любезны открыть сумочку?

Только тут эта самоуверенная особа впервые проявила некоторую растерянность.

— Но, насколько мне известно, дамские сумочки никогда не осматривают. Я прохожу через таможню не в первый раз.

— Как правило — нет. Но за нами сохраняется это право.

Только в особых, крайне редких случаях таможенники прибегают к досмотру дамских сумочек, так же как и карманов мужских костюмов или пальто. Предложить пассажирке показать содержимое сумочки — случай из ряда вон выходящий. Но когда какой-либо субъект проявляет чрезмерное упрямство, таможенники становятся упрямыми тоже.

Миссис Гарриет дю Барри-Моссмен с большой неохотой открыла сумочку.

Гарри Стэндиш обследовал губную помаду и золотую пудреницу. Вынув пластинку с прессованной пудрой, он извлёк из-под неё кольцо с бриллиантом и рубином и сдул с него остатки пудры. В сумочке оказался начатый тюбик с кремом для рук. Разогнув нижнюю часть тюбика, Стэндиш увидел, что им пользовались не с того конца. Подавив тюбик в верхней части, возле колпачка, он нащупал внутри что-то твёрдое. Когда же эти горе-контрабандисты изобретут что-нибудь новенькое, с досадой

подумал он. Всё то же старьё, надоевшие трюки. Сколько он их перевидал на своём веку!

Миссис Моссмен побелела. От её высокомерия не осталось и следа.

— Мадам, — сказал инспектор Стэндиш, — я должен покинуть вас ненадолго, но я вернусь. К тому же теперь вся эта процедура займёт ещё некоторое время. — Он обратился к молодому таможеннику, стоявшему рядом: — Тщательно проверьте всё. Вспорите подкладку в сумке, проверьте дно чемоданов и швы на всех предметах одежды. Составьте опись. Ну, в общем, вы сами знаете…

Он уже направлялся к двери, когда миссис Моссмен окликнула его:

— Инспектор!

Стэндиш остановился.

— Да, мадам?

— Насчёт этого жакета и платьев… возможно, я что-то напутала. Я действительно купила их за границей и также ещё несколько вещиц.

Стэндиш покачал головой. Как это люди не понимают, что нельзя заходить слишком далеко — ведь потом уже не может быть и речи о каком-либо соглашении. Он заметил, что молодой таможенник тем временем обнаружил ещё что-то.

— Пожалуйста!.. Прошу вас… мой супруг…

Инспектор Гарри Стэндиш отвернулся, чтобы не видеть бледного, потерянного лица миссис Моссмен, и поспешно вышел из таможенного зала. Самым коротким путём — по служебному проходу под залом ожидания — он направился к вестибюлю «Д», к выходу сорок семь. По дороге он раздумывал над тупоумием миссис Гарриет дю Барри-Моссмен и ей подобных. Впиши она честно меховой жакет и платья в декларацию, пошлина была бы не столь уж велика, особенно для явно богатой женщины. Молодой таможенник не стал бы затевать дело из-за одних свитеров, даже если бы и заметил, что они куплены за границей, и уж, конечно, никто бы не подумал открывать её сумочку. Таможенники знают, что многие пассажиры, возвращаясь на родину, стараются что-то провезти контрабандой, но смотрят на это сквозь пальцы. Более того: если к их помощи прибегают, они иной раз даже дают пассажирам советы, указывая, какие облагаемые наиболее высокой пошлиной предметы включить в декларацию так, чтобы получилась сумма, не подлежащая обложению, а пошлину заплатить лишь за те предметы, на которые она не так высока.

Попадались с поличным, штрафовались, а порой и привлекались к судебной ответственности преимущественно непомерно алчные люди, вроде миссис Моссмен, которая во что бы то ни стало хотела провезти всё

даром. И Гарри Стэндиша угнетала мысль о том, что таких, как она, слишком много.

Он с облегчением обнаружил, что посадка на рейс два ещё не закончилась и контролёр у выхода продолжает проверять билеты последних пассажиров. Форма таможенника давала Стэндишу пропуск в любую часть аэропорта, и занятый проверкой билетов контролёр едва взглянул на него, когда он подходил. Стэндиш заметил, что контролёру помогает рыжеволосая молодая женщина — старший агент по обслуживанию пассажиров, он даже припомнил её фамилию: миссис Ливингстон.

Стэндиш прошёл в салон туристского класса, улыбнувшись стюардессе, стоявшей у входа в самолёт:

— Я на минутку. Смотрите не увезите меня с собой.

Он разыскал свою племянницу Джуди — она сидела на третьем месте у окна. Два места по другую сторону прохода занимала молодая пара с ребёнком, и Джуди развлекалась, забавляя малышку. Как во всех салонах туристского класса, здесь было тесно, душно, да и кресла расположены так близко одно к другому, что негде повернуться. Инспектор Стэндиш сам путешествовал по воздуху редко, а когда это случалось, тоже брал билет туристского класса и каждый раз страдал от клаустрофобии. Он отнюдь не завидовал всем этим людям, которым предстоял сейчас утомительно-однообразный десятичасовой перелёт.

— Дядя Гарри! — воскликнула Джуди. — Я уж думала, вы не придёте. — Она положила ребёнка на колени матери.

— Я пришёл пожелать счастливого пути, — сказал Стэндиш. — Надеюсь, удача будет сопутствовать тебе весь год, а когда будешь возвращаться домой, смотри не пытайся провезти контрабанду.

Джуди рассмеялась.

— Ни в коем случае, дядя Гарри. Прощайте.

Она подставила ему лицо для поцелуя, и он нежно чмокнул её в щёку. Он был спокоен за Джуди. Вторая миссис Моссмен из неё не получится — он был в этом уверен.

Дружелюбно кивнув стюардессам, таможенный инспектор покинул самолёт. Вернувшись в зал ожидания, он задержался у выхода, наблюдая за происходящим. Последние минуты перед отлётом, особенно когда самолёт отправляется в дальний рейс, всегда действовали на инспектора Стэндиша тревожно и завораживающе, как, впрочем, и на многих людей. Внезапно из репродуктора донеслось сообщение: *«Заканчивается посадка в самолёт „Транс-Америки“, вылетающий рейсом два „Золотой Аргос“»*.

Пассажиров у выхода теперь оставалось только двое. Рыжеволосая миссис Ливингстон проглядывала какие-то бумаги, контролёр проверял билет предпоследнего пассажира — высокого блондина в верблюжьем пальто, без шляпы. Пройдя проверку, высокий блондин по галерее-гармошке направился к туристскому отсеку самолёта. Миссис Ливингстон вернулась в главный зал.

Наблюдая всё это, инспектор Стэндиш почти бессознательно обратил внимание на фигуру, неподвижно стоявшую у окна спиной к выходу на лётное поле. Стэндиш увидел, что это старушка — маленькая, хрупкая, немного растерянная. На ней был чёрный, несколько старомодный костюм, в руках — сумочка из чёрных бусин. У этой старушки был до того трогательно-беззащитный вид, что Стэндиш невольно подумал: как могла такая пожилая женщина оказаться здесь в столь поздний час и совсем одна?

Старушка направилась к контролёру «Транс-Америки», производившему посадку на рейс два; двигалась она необыкновенно проворно и легко. До Стэндиша долетели обрывки её разговора с контролёром, прорывавшиеся сквозь шум уже запущенных двигателей:

— Прошу вас… Мой сын только что поднялся в самолёт… Такой высокий блондин без шляпы, в пальто из верблюжьей шерсти… Он забыл бумажник… Здесь все его деньги.

Стэндиш заметил, что старушка держит в руке какой-то предмет, похожий на мужской бумажник.

У контролёра был усталый вид, что нередко бывает в последние секунды посадки. Он нетерпеливо поглядел на старушку, протянул руку, чтобы взять бумажник, затем поглядел снова, внимательнее, передумал и что-то торопливо сказал, мотнув в сторону галереи-гармошки. До Стэндиша долетело только:

— …попросите стюардессу.

Старушка улыбнулась, кивнула, направилась к галерее и вскоре скрылась из глаз.

Все эти наблюдения инспектора Стэндиша заняли не больше минуты. И тут он увидел ещё одного пассажира — долговязого сутулого человека, который почти бегом пересекал вестибюль, направляясь к выходу сорок семь. Стэндиш успел рассмотреть худое костлявое лицо и тоненькие рыжеватые усики. В руках у пассажира был плоский чемоданчик.

Стэндиш уже собирался уходить, но приостановился; что-то в поведении этого пассажира привлекло его внимание. Быть может, то, как он держал чемоданчик, как судорожно прижимал его к боку. Слишком много людей прошло через таможню на глазах у Гарри Стэндиша. Некоторые из

них вели себя точно так же, как этот долговязый, и почти всякий раз это означало, что они стараются что-то утаить. Если бы этот человек прилетел с одним из международных рейсов, Стэндиш попросил бы открыть чемоданчик и проверил бы его содержимое. Но этот пассажир не прилетел в Соединённые Штаты, а, наоборот, улетал.

В сущности, какое инспектору Стэндишу до него дело?

И всё же… какой-то инстинкт, какое-то особое, шестое чувство, присущее почти всем таможенникам, а может быть, и особое отношение Стэндиша к этому рейсу, которым улетала Джуди, удержало инспектора на месте, приковало его взгляд к чемоданчику, столь бережно оберегаемому долговязым пассажиром.

Д. О. Герреро несколько воспрянул духом после того, как ему повезло со страховкой, и теперь чувствовал себя уже более уверенно. Подойдя к выходу на лётное поле и увидев, что посадка в самолёт ещё не закончена, он сказал себе: ну, теперь наконец все трудности остались позади, и с этой минуты всё пойдёт как по маслу. И действительно, словно в подтверждение этих слов, при проверке документов у выхода никаких затруднений не возникло. Как Герреро и предполагал с самого начала, внимание контролёра привлекло к себе небольшое расхождение между его паспортом и фамилией на билете, где вместо «Герреро» стояло «Берреро». Мельком взглянув на паспорт, контролёр тут же внёс поправку в свой список пассажиров, исправил фамилию на билете и принёс извинение за оплошность:

— Прошу прощения, сэр, иногда при заказе билета получаются такие описки.

Ну вот, всё в порядке, с удовлетворением подумал Герреро: фамилия его указана правильно, и, когда придёт сообщение о том, что самолёт, улетевший в рейс два, бесследно исчез, никакой путаницы с установлением его личности не возникнет.

— Приятного путешествия, сэр. — Контролёр возвратил ему билет и указал на галерею-гармошку, ведущую в туристский отсек самолёта.

Когда Герреро входил в самолёт, всё так же бережно прижимая к боку чемоданчик, оба двигателя правого борта были уже запущены.

Место в самолёте было им зарезервировано на городской станции — кресло возле окна, третье от прохода, и стюардесса помогла ему отыскать его. Пассажир, сидевший у прохода, привстал, и Герреро протиснулся на своё место. Среднее кресло между ними было ещё свободно.

Герреро застегнул ремень и бережно положил чемоданчик на колени.

Его место оказалось примерно в середине туристского салона на левой стороне. Остальные пассажиры ещё продолжали устраиваться, ставили ручной багаж, вешали пальто. Несколько пассажиров толпились в проходе. Одна из стюардесс, беззвучно шевеля губами, пересчитывала пассажиров, и на лице у неё было написано: «Хоть бы уж вы все угомонились наконец».

Почувствовав, что страшное напряжение, в котором он находился с той минуты, как покинул свою квартиру, стало ослабевать, Герреро откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Он по-прежнему крепко сжимал в руках чемоданчик, но дрожь в пальцах понемногу проходила. Не открывая глаз, он нащупал под ручкой чемоданчика роковую петлю из шнура и тотчас почувствовал себя ещё увереннее. Вот так он и будет сидеть не шевелясь, подумалось ему, а часа через четыре потянет за этот шнур и взорвёт основательный заряд динамита, скрытый в чемоданчике. Успеет ли он в это мгновение осознать происходящее? — спросил он себя. Будет ли какая-то доля секунды… какой-то миг… чтобы насладиться сознанием своего триумфа? А затем наступит милосердное небытие…

Теперь, когда он уже был на борту и чувствовал себя во всеоружии, ему не терпелось, чтобы самолёт поднялся в воздух. Он открыл глаза: стюардесса ещё продолжала вести подсчёт.

В салоне туристского класса в эту минуту находились две стюардессы. Маленькая старушка из Сан-Диего миссис Ада Квонсетт, спрятавшись в дамском туалете, слегка приотворила дверь и не спускала глаз с них обеих.

Миссис Квонсетт было хорошо известно, что стюардессы перед полётом пересчитывают пассажиров и что именно эта минута наиболее опасна для едущих без билета. Но если удаётся избежать разоблачения во время подсчёта, тогда шансы на то, что всё сойдёт благополучно, сильно возрастают.

К счастью, подсчёт производила другая стюардесса, не та, с которой миссис Квонсетт пришлось объясняться, когда она ступила на борт самолёта.

Миссис Квонсетт ещё до этого пережила несколько неприятных минут, обнаружив, что эта рыжеволосая стерва — старший агент по обслуживанию пассажиров — торчит возле выхода сорок семь. Благодарение небу, она убралась оттуда прежде, чем закончилась посадка, а одурачить контролёра было совсем нетрудно.

После этого миссис Квонсетт, обратившись к стюардессе, встречавшей пассажиров у входа в самолёт, повторила вымышленную историю с забытым бумажником. Стюардесса, которой Приходилось отвечать на

десятки вопросов хлынувших в самолёт пассажиров, отказалась взять бумажник, услыхав, что в нём «куча денег», а именно на это и рассчитывала миссис Квонсетт. Ей было предложено (как она и ожидала) самой разыскать своего сына и отдать ему бумажник — и притом побыстрей.

Высокий блондин, игравший, сам того не подозревая, роль «сына» предприимчивой старой дамы, усаживался в это время на своё место в одном из передних рядов. Миссис Квонсетт сделала несколько шагов по направлению к нему, но не слишком спешила приблизиться. Она украдкой наблюдала за стюардессой, стоявшей в дверях, стараясь улучить минуту, когда её внимание будет отвлечено, что в скором времени и произошло.

Миссис Квонсетт умела применяться к обстоятельствам. Она увидела неподалёку пустое место, которое можно было занять, однако тут среди пассажиров произошло движение, и проход к одному из туалетов оказался свободным. Через несколько минут, слегка приотворив дверь туалета, миссис Квонсетт обнаружила, что стюардесса, встречавшая пассажиров, куда-то скрылась, а подсчёт начала вести другая.

Когда стюардесса, продолжая считать, дошла до конца прохода, миссис Квонсетт вышла из туалета и, пробормотав извинение, быстро проскользнула мимо неё. Она слышала, как стюардесса досадливо прищёлкнула языком. «Значит, — сообразила миссис Квонсетт, — сосчитала и меня». Но пока этим дело и ограничилось.

Впереди, слева от прохода, миссис Квонсетт увидела незанятое среднее кресло в одном из трёхместных рядов. Обладая немалым опытом по части полётов «зайцем», маленькая старушка из Сан-Диего давно успела заметить, что именно эти средние места чаще всего остаются свободными, если проданы не все билеты; объяснялось это тем, что большинство пассажиров предпочитает сидеть у прохода или возле окна.

Устроившись в кресле, миссис Квонсетт слегка наклонила голову и постаралась как можно меньше бросаться в глаза. Она не слишком обольщалась надеждой, что ей удастся до конца остаться незамеченной. В Риме начнутся различные формальности — с паспортом, с таможенным досмотром, и тут уж ей от них не ускользнуть: это ведь не то что прилететь без билета из Сан-Диего в Нью-Йорк. Однако, если повезёт, она всё же побывает в Италии, что само по себе достаточно увлекательно, после чего ей ещё предстоит приятное путешествие обратно, а пока что в полёте её будут вкусно кормить, покажут какой-нибудь фильм… Потом, возможно, завяжется приятная беседа со спутниками…

Ада Квонсетт с любопытством поглядывала на своих соседей. Она

успела заметить, что оба её спутника — справа и слева — мужчины; впрочем, на соседа справа она пока что избегала смотреть, чтобы не поворачиваться лицом к стюардессам, которые сейчас медленно шли навстречу друг другу по проходу, заново — уже вдвоём — производя подсчёт пассажиров. А вот на своего спутника слева миссис Квонсетт нет-нет да и бросала украдкой взгляд: делать это было тем более просто, что он отдыхал, откинувшись на спинку кресла, и глаза его были закрыты. Это был худой, костлявый мужчина; глядя на его землистое лицо с рыжеватыми усиками и тощую шею, миссис Квонсетт подумала, что хороший плотный обед ему бы не повредил.

Мужчина держал на коленях чемоданчик, и миссис Квонсетт заметила, что, хотя глаза у него были закрыты, пальцы крепко сжимали ручку чемоданчика.

Стюардессы закончили подсчёт. Из салона первого класса появилась ещё одна стюардесса, и все трое начали торопливо о чём-то совещаться.

Пассажир, сидевший слева от миссис Квонсетт, открыл глаза. Его пальцы всё так же крепко сжимали чемоданчик. Старушка из Сан-Диего, всю жизнь отличавшаяся любопытством, невольно подумала: «Интересно, что это у него там?»

Возвращаясь к себе в таможню — на этот раз через пассажирский вестибюль аэровокзала, — инспектор Гарри Стэндиш никак не мог забыть о человеке с чемоданчиком. Стэндиш не имел права останавливать этого человека. За пределами таможенного зала служащие таможни могли задержать пассажира лишь в том случае, если последний как-то пытался избежать таможенного досмотра. Человек же, которого инспектор видел у выхода, под эту категорию никак не подпадал.

Инспектор Стэндиш мог, разумеется, сделать другое: сообщить по телеграфу в итальянскую таможню приметы пассажира и свои подозрения о том, что этот человек, возможно, везёт контрабанду. Но Стэндиш не был уверен, что ему следует это делать. Таможни различных государств редко сотрудничают друг с другом — гораздо чаще между ними наблюдается профессиональное соперничество. Такое соперничество существует даже между американской и канадской таможнями, и не раз случалось, что таможенники Соединённых Штатов, получив секретную информацию о партии бриллиантов, переправляемых контрабандой в Канаду, по некоторым соображениям не ставили об этом в известность канадскую таможню. Вместо этого агенты сыскной полиции Соединённых Штатов выслеживали подозреваемых в контрабанде лиц по их прибытии в Канаду,

держали их под наблюдением, но арестовывали лишь в том случае, если они вновь пересекали границу Соединённых Штатов. Объяснялось это следующим: вся контрабанда остаётся в той стране, где она захвачена, и ни одна из таможен не желала делиться своей добычей.

И Стэндиш решил, что он не станет посылать телеграмму в Италию, но сообщит о своих подозрениях представителям «Транс-Америки»; пусть сами принимают меры.

Стэндиш увидел миссис Ливингстон, старшего агента по работе с пассажирами, которая тоже только что присутствовала при посадке на рейс два. Она разговаривала с одним из пилотов и группой пассажиров. Гарри Стэндиш подождал, пока они не ушли.

— Привет, мистер Стэндиш, — сказала Таня. — Надеюсь, у вас в таможне поспокойнее, чем здесь.

— Ну, не особенно, — ответил Стэндиш, вспомнив миссис Гарриет дю Барри-Моссмен, которую, вероятно, всё ещё продолжали допрашивать в таможенном зале.

Таня заметила, что таможенник хочет ей что-то сказать. Однако Стэндиш колебался. Порой ему казалось, что он придаёт слишком большое значение своим инстинктивным подозрениям, превращается в сыщика-любителя. Однако ведь в большинстве случаев его подозрения подтверждались.

— Я случайно видел посадку на ваш рейс два, — сказал Стэндиш. — И кое-что показалось мне подозрительным. — Он бегло описал Тане внешность худого долговязого человека, который как-то странно прижимал к себе чемоданчик.

— Вы думаете, что он везёт контрабанду?

Стэндиш улыбнулся.

— Если бы он не улетал, а прилетел к нам с одним из международных рейсов, я бы это в два счёта выяснил. А тут я могу вам сказать только одно, миссис Ливингстон: этот человек не хочет, чтобы кто-нибудь знал, что у него там, в чемоданчике.

Таня задумалась на минуту, потом сказала:

— Не очень представляю себе, что я могу тут предпринять. — Если даже пассажир и вёз контрабанду, расследование этого едва ли входило в круг её обязанностей.

— Да, по всей вероятности, ничего, но поскольку вы работаете в контакте с нами, я решил сказать вам о своих подозрениях.

— Благодарю вас, мистер Стэндиш. Я сообщу о ваших наблюдениях управляющему перевозками, а он, быть может, сочтёт нужным поставить

об этом в известность командира корабля.

Инспектор Стэндиш отошёл. Таня поглядела вверх на часы — было без одной минуты одиннадцать. Она поспешно поднялась на административный этаж аэровокзала, где помещалась контора «Транс-Америки». Пытаться перехватить самолёт, пока он выруливает, было уже поздно: через несколько секунд он поднимется в воздух. Вероятно, УП сейчас у себя. Он может связаться с капитаном Димирестом по радио, пока самолёт ещё на земле, — если, конечно, найдёт её сообщение заслуживающим внимания. Таня прибавила шагу.

УП на месте не оказалось, но, к своему удивлению, она увидела там Питера Кокли.

— Что вы тут делаете? — резко спросила Таня.

Молодой агент, которого так ловко провела за нос старушка из Сан-Диего, смущённо поведал о случившемся.

Одураченный Питер Кокли только что получил уже один нагоняй. Доктор, которого он понапрасну притащил в дамскую комнату, был разъярён и не постеснялся в выражениях. Бедняга Кокли явно ждал такой же нахлобучки и от миссис Ливингстон. Предчувствие его не обмануло.

Таня вышла из себя.

— Ах ты, чёрт! Я же предупреждала вас, что у этой пройдохи куча всяких уловок, — обрушилась она на Питера.

— Правильно, миссис Ливингстон, вы предупреждали, да я, видите ли…

— Теперь поздно об этом говорить. Свяжитесь по телефону со всеми выходами. Предупредите их, чтобы они следили в оба за очень скромной с виду старушкой в чёрном… ну, вы знаете, как её описать. Она хочет попасть в Нью-Йорк, но может попытаться сделать это каким-нибудь кружным путём. Если её обнаружат, пусть контролёр задержит её и позвонит сюда. И что бы она там ни говорила, что бы ни придумывала, ни в коем случае не пропускать её ни на один самолёт. Ступайте займитесь этим, а я пока что оповещу по телефону другие авиакомпании.

— Слушаюсь, мэм.

В кабинете было несколько телефонов. Питер Кокли подошёл к одному. Таня — к другому.

Таня знала на память номера телефонов «ТВА», «Американ Эйрлайнз», «Юнайтед Эйрлайнз» и «Ориент»: у всех четырёх компаний были прямые, беспосадочные рейсы до Нью-Йорка. Прежде всего Таня связалась с Дженни Хенлайн, занимавшей такую же должность в «ТВА». Она слышала, как Питер Кокли в это время говорил:

— Да, совсем старенькая… вся в чёрном… Да, с виду никак не скажешь…

Таня почувствовала, что она вступает в своеобразное единоборство с хитроумной и изобретательной миссис Адой Квонсетт. «Кто же кого в конце концов перехитрит?» — подумала Таня.

Она уже забыла и о разговоре с таможенным инспектором Стэндишем, и о своём намерении разыскать УП.

А на борту самолёта, вылетавшего рейсом два, капитан Вернон Димирест кипел от возмущения.

— Какого чёрта они нас держат?

Оба правых двигателя — третий и четвёртый — самолёта номер 731-ТА уже работали. Они ещё не были запущены на полную мощность, но их гул и вибрация отдавались в теле самолёта.

Несколько минут назад пилоты получили по внутреннему радиотелефону от инспектора, наблюдающего за погрузкой, подтверждение на запуск третьего и четвёртого двигателей; однако подтверждения на запуск первого и второго двигателей, расположенных с того борта самолёта, где производилась посадка, ещё не было получено; в соответствии с существующим порядком эти двигатели не запускаются до тех пор, пока все двери самолёта не будут закрыты. Одна красная лампочка на панели приборов, мигнув, потухла две минуты назад — это означало, что задняя дверь надёжно закрыта и задняя галерея-гармошка уже отведена от самолёта. Но вторая красная лампочка ещё продолжала гореть, указывая на то, что передняя дверь продолжает оставаться открытой, и, бросив взгляд в заднее окно кабины, можно было убедиться, что передняя галерея-гармошка ещё не убрана.

Обернувшись на сиденье, капитан Димирест сказал второму пилоту Джордану:

— Отворите дверь.

Сай Джордан сидел позади двух первых пилотов у панели приборов контроля работы двигателей. Высокий, худощавый, он слегка приподнялся, потянулся и распахнул дверь из кабины в салон первого класса. Они увидели стоявших в салоне стюардесс и среди них — Гвен Мейген.

— Гвен! — крикнул Димирест. Когда Гвен подошла, он спросил: — Какого чёрта мы задерживаемся, что происходит?

Гвен казалась озабоченной.

— Число пассажиров в туристском классе не сходится ни с количеством проверенных билетов, ни с пассажирской ведомостью; мы

пересчитали дважды.

— А инспектор, наблюдающий за погрузкой, ещё здесь?

— Здесь, он проверяет наш подсчёт.

— Пусть придёт сюда, я хочу сказать ему два слова.

На этой стадии подготовки к полёту постоянно возникала проблема разделения ответственности. Номинально командир корабля уже считался вступившим в свои права, однако он не мог ни запустить двигатели, ни тронуться с места без санкции инспектора, наблюдающего за погрузкой. Оба они — как командир, так и инспектор — были равно заинтересованы в одном и том же: чтобы самолёт поднялся в воздух точно по расписанию. В то же время каждый выполнял свои обязанности, и это приводило к разногласиям.

Инспектор почти тут же появился в кабине; его чин можно было определить по одной серебряной нашивке на рукаве.

— Послушайте, приятель, — сказал Димирест. — Я знаю, что у вас есть свои трудности, но они есть и у нас. Сколько нам ещё торчать здесь?

— Я только что распорядился вторично проверить у пассажиров билеты, капитан. В салоне туристского класса на одного человека больше, чем следует.

— Прекрасно, — сказал Димирест. — А теперь я сообщу вам кое-что. Каждую лишнюю секунду, что мы здесь торчим, мы понапрасну жжём топливо в третьем и четвёртом двигателях, запустить которые дали разрешение вы… Драгоценное топливо, необходимое нам сегодня в ночном полёте. Так что, если наш самолёт сейчас же не поднимется в воздух, я глушу двигатели и посылаю за топливом, чтобы пополнить баки. И ещё одно вам не мешает знать: с КДП только что сообщили, что у них появилось «окно»; если мы сейчас начнём выруливать, нам немедленно дадут разрешение на взлёт. Через десять минут положение может измениться. Теперь решайте. Жду. Что вы скажете?

Инспектор колебался. Любое из решений было чревато неприятными последствиями. Он знал, что капитан прав, поднимая вопрос о топливе; глушить же сейчас двигатели и пополнять баки — значит по меньшей мере ещё на полчаса задержать вылет, который и без того был отложен на час, а всё, это стоит денег. С другой стороны, на дальнем международном рейсе число принятых на борт пассажиров обязательно должно соответствовать числу предъявленных билетов. Если на борту самолёта действительно будет обнаружен безбилетный пассажир, это послужит достаточным оправданием для задержки. Но если «зайца» не окажется и выяснится, что при проверке и подсчёте просто произошла какая-то путаница, — а это

вполне возможно, — УП оторвёт ему голову.

Инспектор принял решение, которое напрашивалось само собой. Обернувшись к открытой двери, он распорядился:

— Прекратите проверку билетов. Самолёт выруливает на старт.

Когда дверь кабины захлопнулась, Энсон Хэррис, ухмыляясь, крикнул в трубку радиотелефона стоявшему внизу дежурному:

— Могу запускать второй двигатель?

В трубке задребезжало в ответ:

— Запускайте второй!

Передняя дверь самолёта захлопнулась. Красная лампочка в кабине мигнула и погасла.

Второй двигатель загудел и перешёл на мерное глухое урчание.

— Могу запускать первый двигатель?

— Запускайте первый.

Галерея-гармошка, словно отрезанная пуповина, отделилась от фюзеляжа и откатилась к зданию аэровокзала.

Вернон Димирест запросил по радио у наземного диспетчера разрешение выруливать на старт.

Загудел и заработал первый двигатель.

Капитан Энсон Хэррис, пилотировавший самолёт и занимавший левое сиденье, утвердил ноги на педалях руля поворотов и носками нажал на тормоз, приготовившись вырулить на взлётную полосу и поднять самолёт в воздух.

За окнами продолжала бушевать метель.

— Самолёт «Транс-Америка» рейс два, говорит наземный диспетчер. Разрешаю выруливать к взлётной полосе…

Гул двигателей возрос.

Вернон Димирест думал: «Рим… Потом Неаполь… Ну, вот мы и летим туда!»

Было ровно двадцать три часа по среднеевропейскому времени, когда в вестибюле «Д» к выходу сорок семь опрометью бросилась какая-то женщина.

Она задыхалась и не могла произнести ни слова, — впрочем, задавать вопросы было уже бесполезно.

Выход на поле был закрыт. Таблички, оповещавшие о рейсе два «Золотой Аргос», сняты. Самолёт выруливал на взлётную полосу.

Беспомощно опустив руки, Инес Герреро растерянно смотрела на удалявшиеся красные огни.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
(23:00–1:30)

1

Как всегда в начале полёта, старшая стюардесса Гвен Мейген испытала чувство облегчения, когда передняя дверь самолёта захлопнулась; ещё несколько секунд — и самолёт тронется с места.

Лайнер в аэропорту подобен приехавшему погостить родственнику, находящемуся в рабской зависимости от настроений и капризов хозяев дома. Свободная, независимая жизнь не для него. Он уже не принадлежит самому себе; он уже, как лошадь, стреножен шлангами, подающими топливо; какие-то люди, которые никогда не поднимаются с ним в воздух, снуют вокруг.

Но как только двери герметически закрыты и воздушный корабль тронулся с места, он снова в своей стихии. И перемену эту особенно остро ощущают члены экипажа; они возвращаются в привычную, хорошо знакомую обстановку, в которой могут действовать самостоятельно и умело выполнять то, чему их учили. Здесь никто не вертится у них под ногами, ничто не мешает их работе. Они точно знают свои возможности и пределы этих возможностей, ибо в их распоряжении приборы самого высокого класса и действуют они безотказно. И к ним возвращается уверенность в себе. Они опять обретают чувство локтя, столь существенное для каждого

из них.

Даже пассажиры — во всяком случае, наиболее чуткие — настраиваются на новый лад, а когда самолёт поднимается в воздух, эта перемена становится ещё более ощутимой. При взгляде сверху вниз, с большой высоты, повседневные дела и заботы представляются менее значительными. Некоторым, наиболее склонным к самоанализу, кажется даже, что они освобождаются от бренности земных уз.

Но у Гвен Мейген, занятой обычными предвзлетными приготовлениями, не было времени предаваться размышлениям подобного рода. Пока остальные четыре стюардессы занимались хозяйственными делами, Гвен по трансляции приветствовала пассажиров на борту самолёта. Она старалась, как могла, чтобы приторно-фальшивый текст, записанный в руководстве для стюардесс (компания настаивала, чтобы он читался в начале каждого полёта), звучал по возможности естественно:

— «Командир Димирест и экипаж самолёта искренне желают, чтобы в полёте вы отдыхали и не чувствовали неудобств… сейчас мы будем иметь удовольствие предложить вам… если в наших силах сделать ваш полёт ещё более приятным…»

Поймут ли когда-нибудь руководители авиакомпаний, что большинству пассажиров эти объявления в начале и в конце каждого полёта кажутся скучными и назойливыми!

Гораздо важнее были объявления относительно кислородных масок, запасных выходов и поведения при вынужденной посадке. С помощью двух других стюардесс, проводивших демонстрацию, Гвен быстро справилась с этой задачей.

Самолёт всё ещё бежал по земле. Гвен заметила, что сегодня он бежит медленнее, чем обычно. Понятно: снегопад и заторы. Она слышала, как вьюга бьёт в окна и фюзеляж.

Оставалось сделать ещё одно объявление — наиболее неприятное для экипажа. Такие сообщения делались перед каждым вылетом из Нью-Йоркского, Бостонского, Кливлендского, Сан-Францисского аэропортов, а также международного аэропорта имени Линкольна и всех остальных аэропортов, расположенных вблизи населённых пунктов.

— «Вскоре после взлёта вы, заметите уменьшение шума двигателей вследствие уменьшения числа их оборотов. Это вполне нормальное явление, и проистекает оно из нашей заботы о тех, кто живёт вблизи аэропорта и его взлётных полос».

Последнее утверждение было ложью: снижение мощности двигателей являлось не только ненормальным, но и нежелательным. В

действительности это была уступка — по мнению некоторых, своего рода расшаркивание перед общественным мнением, — но чреватая опасностью для самолёта и для пассажиров, и пилоты ожесточённо боролись против этой меры. Многие из них, рискуя своим служебным положением, отказывались подчиняться этому распоряжению.

Гвен слышала, как Вернон Димирест в узком кругу пародировал такого рода объявления:

«Леди и джентльмены! В наиболее трудный и ответственный момент взлёта, когда нам необходима вся мощность двигателей и когда дел у нас в кабине по горло, нас заставляют резко сократить число оборотов и производить крутой взлёт тяжело нагруженного самолёта с минимальной скоростью. Это совершенно идиотская затея, за которую любой курсант с позором вылетел бы из авиаучилища. И тем не менее мы проделываем это по приказу наших хозяев и Федерального управления авиация, проделываем потому, что кучка людей, построивших свои дома вблизи аэропорта, когда он уже существовал, настаивает на том, чтобы мы поднимались в воздух, задержав дыхание. Им наплевать на требование безопасности, наплевать на то, что мы рискуем своей жизнью и вашей. Так что мужайтесь, ребята! Пожелаем же друг другу удачи и помолимся богу!»

Гвен улыбнулась, вспомнив об этом. Многое в Верноне вызывало у неё восхищение. Его энергия, эмоциональность. Когда что-нибудь по-настоящему затрагивало Вернона, он становился неукротимым в своём стремлении к цели. Даже в своих недостатках он был прежде всего мужчиной. И ни его задиристость, ни самомнение ничего не меняли в отношении к нему Гвен. К тому же он умел быть нежным и на пылкую страсть отзывался не менее пылко — уж Гвен ли этого не знать. Она ещё не встречала мужчины, от которого ей бы так хотелось иметь ребёнка. И при мысли об этом у неё сладко защемило сердце.

Ставя микрофон на место в переднем салоне, она заметила, что движение самолёта замедлилось, — значит, они уже подрулили к взлётной полосе. Истекали последние минуты, когда ещё можно подумать о чём-то своём, — потом долгие часы она не будет принадлежать себе. Когда они поднимутся в воздух, не останется времени ни для чего, кроме работы. Помимо выполнения своих непосредственных обязанностей по обслуживанию пассажиров первого класса, Гвен должна ещё руководить остальными четырьмя стюардессами. На многих международных линиях ответственными за работу стюардесс назначают мужчин, но «Транс-Америка» поручала эти обязанности опытным стюардессам, таким как Гвен.

Самолёт остановился. Гвен видны были в окно огни другого самолёта впереди; ещё несколько машин выстроились цепочкой сзади. Передний самолёт уже выруливал на взлётную полосу. Рейс два следовал за ним. Гвен опустила откидное сиденье и пристегнулась ремнём. Остальные стюардессы тоже сели на свои места.

Снова промелькнула в голове всё та же щемящая мысль: ребёнок Вернона. И снова всё тот же неотвязный вопрос: аборт или… Да или нет? Быть или не быть ребёнку?.. *Самолёт вырулил на взлётную полосу.* Оставить ребёнка или сделать аборт?.. *Шум двигателей нарастал, переходя в рёв. Машина устремилась вперёд. Через несколько секунд они поднимутся в воздух…* Да или нет? Даровать жизнь или обречь насмерть? Как сделать выбор между любовью и повседневной реальностью, между чувством и здравым смыслом?

Обстоятельства сложились так, что Гвен Мейген могла бы не делать последнего объявления относительно уменьшения шума двигателей.

Пока они катили по рулёжной дорожке, Энсон Хэррис сказал Вернону Димиресту:

— Я сегодня не намерен выполнять требования насчёт шума.

Вернон Димирест, только что вписавший в журнал полученный по радио маршрут полёта, — обязанность, обычно выполняемая первым пилотом, — кивнул.

— Правильно, чёрт побери. Я бы тоже плюнул на них.

Большинство пилотов этим бы и ограничилось. Однако Димирест в соответствии со своим педантичным нравом, пододвинул к себе бортовой журнал и в графе «Примечания» записал: «ПШМ (противошумовые меры) не соблюдены. Основание: погода, безопасность».

В дальнейшем эта запись могла привести к осложнениям, но Димирест только приветствовал такого рода осложнения и готов был встретить их с открытым забралом.

Огни в салоне были притушены. Предполётная проверка закончена.

Временный затор в движении оказался им на руку: они вырулили на взлётную полосу два-пять быстро, без задержек, с которыми пришлось столкнуться в этот вечер многим самолётам. Но позади них уже снова создавался затор, цепочка ожидавших своей очереди самолётов росла, на рулёжные дорожки один за другим выкатывали всё новые машины.

По радио с командно-диспетчерского пункта непрерывным потоком поступали указания наземного диспетчера рейсовым самолётам различных авиакомпаний: «Юнайтед Эйрлайнз», «Истерн», «Американ», «Эр-Франс», «Флаинг тайгер», «Люфтганза», «Брани ф», «Континентл», «Лейк-Сентрал»,

«Дельта», «ТВА», «Озарк», «Эйр-Канада», «Алиталия» и «Пан-Америка». Перечень пунктов назначения звучал так, словно диспетчер листал страницы индекса географического атласа мира.

Дополнительное топливо, затребованное Энсоном Хэррисом на случай, если в предвзлетный период они истратят больше обычного, в конце концов оказалось неизрасходованным. Но даже при таком количестве топлива их общая загрузка по подсчёт там, которые второй пилот Джордан только что произвёл — и ещё не раз произведёт и сегодня, и завтра перед посадкой, — не превышала взлётной нормы.

Оба пилота — и Димирест и Хэррис — настроились на волну наземного диспетчера.

На взлётной полосе два-пять прямо перед ними самолёт «Бритиш Оверсиз Эйруэйз» получил разрешение подняться в воздух. Он двинулся вперёд, сначала медленно набирая скорость, затем всё быстрее и быстрее. Мелькнули голубая, золотая, белая полосы — цвета британской авиакомпании — и скрылись в вихре снежной пыли и чёрного выхлопного дыма. И тотчас вслед за этим раздался размеренный голос диспетчера:

— «Транс-Америка», рейс два, выруливайте на взлётную полосу два-пять и ждите. На полосу один-семь левую садится самолёт.

Полоса один-семь левая пересекала полосу два-пять. Одновременное пользование обеими полосами несомненно таило в себе опасность, но опытные диспетчеры умели так разводить взлетающие и идущие на посадку самолёты, что в точке пересечения никогда не могло оказаться двух самолётов сразу и вместе с тем не терялось зря ни секунды драгоценного времени. Пилоты, слыша по радио, что обе полосы находятся в работе, и учитывая опасность столкновения, со скрупулёзной точностью выполняли все указания диспетчеров.

Вглядевшись в снежную вьюгу, Димирест различил огни снижающегося самолёта.

Энсон Хэррис быстро и умело вывел машину на полосу два-пять и нажал кнопку своего микрофона.

— Говорит «Транс-Америка», рейс два. Вас понял. Вырулился и жду. Вижу идущий на посадку самолёт.

Садившийся самолёт ещё не успел пронестись над их взлётной полосой, как снова раздался голос диспетчера:

— «Транс-Америка», рейс два, взлёт разрешаю. Давай, давай, друг.

Последние слова не входили в диспетчерскую формулу, но для пилотов и диспетчеров они означали одно и то же: *«Ну же, взлетайте, чёрт побери! Ещё один самолёт идёт на посадку»*. Уже мелькнули в

опасной близости от земли чьи-то чужие огни, стремительно приближавшиеся к полосе один-семь.

Энсон Хэррис не стал медлить. Он нажал на педали тормозов, затем сдал все четыре сектора газа вперёд почти до упора, давая двигателям полную тягу.

— Уравняйте тягу, — распорядился он; Димирест между тем подобрал положение секторов, при котором все четыре двигателя получали топливо поровну; ровное гудение их постепенно переходило в грозный рёв. Хэррис отпустил тормоза, и 731-ТА рванулся с места.

Вернон Димирест передал на КДП:

— «Транс-Америка», рейс два, пошёл на взлёт, — и тут же отдал от себя штурвал, в то время как Хэррис, левой рукой управляя носовым колесом, правой взялся за секторы газа.

Самолёт набирал скорость. Димирест крикнул:

— Восемьдесят узлов![12]

Хэррис кивнул. Бросив носовое колесо, взялся за штурвал. В снежном вихре промелькнули огни взлётной полосы. На скорости сто тридцать узлов Димирест — в соответствии с произведённым заранее расчётом — сообщил Энсону Хэррису, что критическая скорость, при которой ещё можно отменить взлёт и остановить лайнер в пределах взлётной полосы, достигнута. Превысив эту скорость, самолёт мог идти только на взлёт… Но вот он уже перешёл за эту грань и продолжал набирать скорость. Пересечение взлётных полос осталось позади, справа сверкнули огни идущего на посадку самолёта — ещё мгновение, и он пересечёт полосу в том месте, где только что был их лайнер. Риск плюс точный расчёт снова оправдали себя; только пессимисты могут думать, что когда-нибудь такой риск… На скорости сто пятьдесят четыре узла Хэррис взял на себя штурвал. Носовое колесо приподнялось, самолёт находился в положении отрыва от земли. Ещё мгновение, и, набирая скорость, он поднялся в воздух.

— Убрать шасси, — приказал Хэррис.

Димирест протянул руку и толкнул вверх рычаг на центральной панели управления. Звук убираемого шасси прокатился дрожью по фюзеляжу, и створки люков, куда ушли колёса, со стуком захлопнулись.

Самолёт быстро набирал высоту — он уже поднялся на четыреста футов над землёй. Ещё несколько секунд, и он уйдёт в ночь, в облака.

— Закрылки на двадцать градусов.

Выполняя команду пилотирующего, Димирест перевёл селектор с отметки тридцать на двадцать. Когда закрылки, облегчая набор скорости,

слегка приподнялись, самолёт на какой-то миг «просел», и возникло ощущение падения как бы в воздушную яму.

— Закрылки убрать.

Теперь закрылки были полностью убраны.

Димирест мысленно отметил для своего последующего рапорта, что ни разу за время взлёта он ни в чём не мог упрекнуть Энсона Хэрриса, безупречно поднявшего лайнер в воздух. Да ничего другого он от него и не ждал. Несмотря на все свои недавние придирки, Вернон Димирест знал, что Хэррис пилот экстра-класса, столь же пунктуальный в работе, как он сам. Именно поэтому Димирест предвкушал, что сегодняшний ночной перелёт в Рим будет лёгким и приятным.

Прошло всего несколько секунд с тех пор, как они оторвались от земли. Продолжая забираться всё выше, самолёт пролетел над краем взлётного поля; огни аэродрома уже едва приметно мерцали сквозь снежную пелену. Энсон Хэррис перестал глядеть в окно и сосредоточил всё своё внимание на приборах.

Второй пилот Сай Джордан, наклонившись вперёд со своего кресла бортмеханика, взялся за секторы газа, чтобы уравнять тягу всех четырёх двигателей.

В облаках сильно болтало — начало полёта не могло доставить пассажирам особого удовольствия. Димирест выключил световое табло «не курить», оставив табло «Пристегните ремни» гореть до тех пор, пока лайнер не достигнет высоты, на которой прекратится болтанка. Тогда либо сам Димирест, либо Хэррис сделают обращение к пассажирам. Пока им было не до этого, сейчас пилотирование самолёта приковывало к себе всё внимание.

Димирест доложил по радио на КДП:

— Делаем левобортовой вираж, курс один-восемь-ноль; высота — тысяча пятьсот футов.

Он заметил усмешку, пробежавшую по губам Энсона Хэрриса при словах «левобортовой вираж» вместо обычного «левый вираж». Димирест выразился правильно, но не по уставу. Это была его собственная, димирестовская, манера выражаться. Такого рода словечки были в ходу у многих пилотов-ветеранов — в них проявлялось их бунтарство против бюрократического языка командно-диспетчерских пунктов, который в современной авиации стал считаться как бы обязательным для всего лётного состава. Диспетчеры нередко узнавали того или иного пилота по таким вот словечкам.

Несколько секунд спустя рейс два получил по радио разрешение

подняться на двадцать пять тысяч футов. Димирест подтвердил приём; Энсон Хэррис продолжал набирать высоту. Ещё несколько минут, и они вырвутся на простор, высоко над снежным бураном, туда, где тишина и звёзды.

Слова «левобортовой вираж» не прошли незамеченными на земле — их услышал Кейз Бейкерсфелд.

Кейз возвратился в радарную часа полтора назад. До этого он некоторое время провёл в гардеробной, совершенно один, перебирая в уме прошлое и укрепляясь в принятом решении, а рука его то и дело машинально нащупывала в кармане ключ от номера в гостинице «О'Хейген». Помимо этого всё его внимание было сосредоточено на экране радара. Сейчас он осуществлял контроль за передвижением самолётов, прибывших с востока, и работа его требовала максимального внимания.

Рейс два не попадал непосредственно в сферу его наблюдений. Однако другой диспетчер находился от него всего в нескольких футах, и в промежутке между двумя своими приёмами Кейз уловил знакомое выражение «левобортовой вираж» и узнал голос Вернона. До этой минуты Кейз понятия не имел о том, что Вернон Димирест летит сегодня куда-то, да и не мог этого знать. Кейз никогда не был особенно близок с Верноном, хотя таких трений, как у них с Мелом, между Кейзом и Димирестом не было.

Вскоре после того, как самолёт, вылетавший рейсом «Золотой Аргос», поднялся в воздух, Уэйн Тевис, главный диспетчер радарной, подъехал на своём кресле к Кейзу.

— Пять минут передышки, старик, — сказал он. — Я тебя подменю. К тебе твой брат пожаловал.

Сняв наушники, Кейз обернулся и различил в углу в полумраке фигуру Мела. А он так надеялся, что Мел сегодня не придёт. Кейз боялся, что ему трудно будет выдержать напряжение этой встречи. Но внезапно он почувствовал, что рад приходу Мела. Они с братом всегда были друзьями, и, конечно, они должны проститься, хотя Мел и не будет знать, что это прощанье… Вернее, поймёт это только завтра.

— Привет! — сказал Мел. — Шёл мимо, решил — загляну. Как дела?

Кейз пожал плечами.

— Да вроде всё в порядке.

— Выпьешь кофе? — Мел по дороге прихватил с собой из ресторана две порции кофе в бумажных стаканчиках. Он протянул один стаканчик Кейзу, другой поднёс к губам.

— Спасибо. — Кейз был благодарен брату и за кофе и за передышку. Теперь, оторвавшись хотя бы ненадолго от экрана, он ощутил мгновенное облегчение — напряжение, нараставшее в нём за последний час, стало спадать. Он заметил — словно смотрел со стороны, — что его рука, державшая стаканчик с кофе, дрожит.

Мел окинул взглядом радарную. На Кейза он старался не смотреть: слишком взволновало его напряжённое выражение осунувшегося лица и эти круги под глазами. Кейз сильно изменился за последние месяцы, а сегодня, подумалось Мелу, выглядел особенно плохо.

Всё ещё продолжая думать о брате, Мел мотнул головой, указывая на сложное оборудование радарной.

Интересно, что сказал бы старик, если бы попал сюда.

«Старик» — это был их отец, Уолд Бейкерсфелд по прозвищу Бешеный, авиатор старой школы, летавший на открытых бипланах, неутомимый опрыскиватель посевов, ночной почтальон и даже парашютист. Последнее — когда приходилось особенно туго с деньгами. Бешеный был современником Линдберга,[13] дружком Орвилла Райта[14] и летал до конца своей жизни, оборвавшейся внезапно во время съёмок трюкового полёта в голливудском боевике: трюк закончился катастрофой, которая должна была произойти лишь на экране, а произошла в жизни. Случилось это, когда Мел и Кейз были ещё подростками, но «бешеный» папаша успел внушить им, что для них не может быть жизни вне авиации, и, став взрослыми, они продолжали придерживаться этого взгляда. Отец не очень-то удружил своему младшему сыну, не раз думал потом Мел.

Кейз, не отвечая Мелу, только покачал головой, что, впрочем, не имело особого значения, так как вопрос был чисто риторический. Мел просто тянул время, обдумывая, как бы половчее подойти к тому, что больше всего занимало сейчас его мысли. В конце концов он решил действовать напрямик.

Понизив голос, он сказал:

— Кейз, ты нездоров, выглядишь скверно. Да ты и сам это знаешь, так к чему притворяться? Если позволишь, я с радостью тебе помогу. Что у тебя стряслось? Может, обсудим вместе? Мы ведь всегда были откровенны друг с другом.

— Да, — сказал Кейз, — так было всегда.

Он пил кофе, стараясь не глядеть на Мела.

Упоминание об отце, хотя и обронённое вскользь, странно взволновало Кейза. Он хорошо помнил Бешеного: добывать деньги отец никогда не умел, и семья Бейкерсфелдов постоянно сидела на мели, но детей своих он

любил и охотно с ними болтал, особенно об авиации, что очень нравилось обоим его сыновьям. После смерти Бешеного Мел заменил Кейзу отца. На Мела во всём можно было положиться. Он обладал превосходным здравым смыслом, чего не хватало их отцу. Он всю жизнь заботился о Кейзе, но никогда не делал этого нарочито, никогда не перегибал палку, как это часто случается со старшими братьями, которые тем самым подавляют чувство собственного достоинства у подростков.

Мел всем делился с Кейзом и даже в пустяках был к нему внимателен и чуток. Так оно оставалось и по сей день. Вот и сейчас — принёс кофе, подумал Кейз, но тут же остановил себя: нечего распускать слюни из-за чашки кофе только потому, что это последнее свидание. Мелу не спасти его от одиночества и мучительного чувства вины. Даже Мел не в состоянии вернуть к жизни маленькую Валери Редферн и её родителей.

Мел кивком показал на дверь, и они вышли в коридор.

— Послушай, старина, — сказал Мел, — тебе необходимо отключиться от всего этого… И, пожалуй, даже надолго. Может быть, не только отключиться, может быть, уйти отсюда совсем.

Кейз улыбнулся — первый раз за всё время их разговора.

— Это тебе Натали напела.

— Натали способна мыслить очень здраво.

Какие бы затруднения ни испытывал сейчас Кейз, подумал Мел, ему явно повезло, что у него такая жена. Мысль о золовке привела Мелу на память его собственную жену, которая в это время находилась, по-видимому, где-то на пути в аэропорт. Нет, это нечестно — сравнивать свою супружескую жизнь с чужой, чтобы представить её себе в невыгодном свете, подумал Мел. Однако порою от этого трудно удержаться. Отдаёт ли Кейз себе отчёт в том, как удачно сложилась в этом отношении его жизнь, подумал Мел.

— И вот ещё что, — сказал он. — Я никогда раньше не спрашивал тебя об этом, но, пожалуй, сейчас пришло время. Мне кажется, ты не рассказал мне всего, что произошло тогда в Лисберге… во время катастрофы. И, должно быть, ты не рассказывал этого никому, а я прочёл все протоколы. Было там что-нибудь ещё, о чём ты не упомянул?

— Было, — сказал Кейз после секундного колебания.

— Да, я это почувствовал. — Мел говорил осторожно, боясь произнести лишнее слово. Этот разговор мог иметь решающее значение для них обоих, и Мел это сознавал. — Но я рассуждал так: если бы ты хотел, чтобы я узнал больше, то сам бы мне рассказал, а раз ты молчишь, значит — не моё это дело. И тем не менее бывает так, что когда тебе кто-то

очень дорог… как, например, брат… нельзя успокаиваться на том, что тебя это не касается: нельзя — даже если твоего вмешательства не хотят. И я пришёл к выводу, что не стану больше оставаться в стороне. — Помолчав, он спросил мягко: — Ты меня слушаешь?

— Да, — сказал Кейз, — я тебя слушаю. — А сам думал: можно ведь положить конец этому разговору — он же бесцелен. И, вероятно, надо сделать это сразу, сейчас. Извиниться, сказать, что ему необходимо вернуться в радарную. Мел решит, что можно будет продолжить разговор позже, он ведь не знает, что никакого «позже» не будет.

— В тот день в Лисберге, — настойчиво повторил Мел. — То, о чём ты никогда не говорил, — это имеет отношение к тому, как ты себя теперь чувствуешь, к тому, что с тобой происходит? Имеет, да?

Кейз покачал головой.

— Оставим это, Мел. Прошу тебя!

— Значит, я прав. Значит, одно к другому имеет отношение, так ведь?

Какой смысл возражать против очевидности, подумал Кейз.

— Да.

— Ты не хочешь рассказать мне? Но тебе же придётся рано или поздно поделиться с кем-то. — Голос Мела звучал просительно и вместе с тем настойчиво. — Ты не можешь вечно жить с этим — что бы оно ни было, — вечно носить это в себе. С кем же тебе лучше поделиться, как не со мной? Я пойму.

Ты не можешь носить это в себе… С кем же тебе лучше поделиться, как не со мной?

Кейзу казалось, что голос брата доносится к нему из какой-то дальней дали, словно с другой стороны глубокого, гулкого ущелья, и даже лицо брата словно бы отодвинулось куда-то далеко-далеко. И там, на той стороне ущелья, были ещё другие люди — Натали, Брайан, Тео, Перри Юнт, старые друзья Кейза, с которыми он уже давно потерял связь. Но только Мел, единственный из всех, тянулся к нему оттуда, из этой дали, пытался перекинуть мост через разделявшую их пропасть. Однако пропасть была очень уж широкая. Кейз долго, слишком долго был одинок.

И всё же…

Кейз спросил, и собственный голос показался ему чужим:

— Ты хочешь, чтобы я рассказал тебе об этом здесь? Сейчас?

— А почему бы нет? — решительно сказал Мел.

И правда: почему бы нет? Что-то пробуждалось в душе Кейза — желание излить свою боль, даже если это ни к чему не приведёт, ничего, ничего не изменит… Но так ли это? Ведь для чего-то придумана же

исповедь, катарсис, покаяние, отпущение грехов. Только в том-то и суть, что исповедь приносит избавление, искупление, а для Кейза искупления нет и не может быть — никогда. По крайней мере, так он чувствует… Но теперь ему уже хотелось узнать, что же скажет Мел.

Что-то поднималось со дна души Кейза, что-то глубоко запрятанное там.

— Никакой особой причины скрывать это у меня нет, — с расстановкой произнёс он. — Почему бы действительно не рассказать тебе? Это не займёт много времени.

Мел промолчал. Инстинкт подсказывал ему, что одно неверное слово может изменить настроение Кейза, спугнуть признание, которого Мел так долго ждал, которое он так стремился услышать. Мел думал: если только ему удастся узнать, что мучает Кейза, может быть, они вдвоём сумеют сладить с этим. И, судя по виду брата, нужно, чтобы это произошло как можно скорей.

— Ты читал протоколы, — сказал Кейз. Голос его звучал тускло. — Ты только что сам это сказал. Тебе известно почти всё, что случилось в тот день.

Мел молча кивнул.

— Только одного ты не знаешь, и никто не знает, кроме меня; об этом не говорилось на расследовании, а я думаю об атом день и ночь… — Кейз умолк.

Казалось, он больше ничего не скажет.

— Бога ради! Ради самого себя, ради Натали, ради меня — дальше!

— Да-да, сейчас, — сказал Кейз.

Он начал описывать то утро в Лисберге, полтора года назад, — обстановку в воздухе, когда он ушёл в туалет. Старшим по их группе был тогда Перри Юнт, а непосредственно на месте Кейза остался стажёр. «Сейчас, — подумал Кейз, — я признаюсь ему, как замешкался в туалете, как вернулся на место с опозданием и своей небрежностью и отсутствием чувства ответственности погубил людей, скажу, что вся трагедия Редфернов произошла исключительно по моей вине, а винили в ней других». Теперь, когда Кейз получил наконец возможность облегчить душу признанием, сделать то, к чему так давно стремился, он почувствовал вдруг, что ему становится легче.

Мел слушал.

Внезапно в конце коридора распахнулась дверь. Раздался голос руководителя полётов:

— Мистер Бейкерсфелд!

Руководитель полётов направлялся к ним, шаги его гулко звучали в коридоре.

— Мистер Бейкерсфелд, вас разыскивает лейтенант Ордвей. И пульт управления снежной командой. Просят вас связаться с ними. Привет, Кейз, — добавил он.

Мелу захотелось крикнуть, приказать ему замолчать, попросить, чтобы они все повременили, оставили его вдвоём с Кейзом ещё хоть немного. Но он знал, что теперь это уже ничего не даст. При первых же звуках голоса руководителя полётов Кейз умолк на середине слова — мгновенно, словно кто-то нажал кнопку и выключил звук.

Кейз так и не успел повиниться перед братом в том, что считал своим преступлением. Машинально отвечая на приветствие руководителя полётов, он думал с удивлением: зачем вообще он пошёл на этот разговор? Чего он надеялся достигнуть? Ведь ничего нельзя исправить и ничего нельзя забыть. Никакое признание — независимо от того, кому он его сделает, — не может убить память. Призрачная надежда искупить вину на миг забрезжила было перед ним, и он сделал попытку за неё ухватиться. Но всё это пустой самообман. Быть может, даже лучше, что их разговору помешали.

И снова Кейз почувствовал своё одиночество — он был закован в него, как в невидимую броню. Снова он был один на один с неотвязными мыслями, а у них была своя тайная камера пыток, куда никто, даже его брат, не имел доступа.

Оттуда, из этой камеры пыток — вечных, нескончаемых пыток, — путь к спасению был только один. И он уже избрал для себя этот путь и пойдёт по нему до конца.

— По-моему, ваше присутствие не помешало бы им там, Кейз, — сказал руководитель полётов.

Это был упрёк в самой мягкой форме. Кейз сегодня уже позволил себе одну передышку, а каждая его отлучка из радарной неизбежно повышала нагрузку, ложившуюся на остальных. Вместе с тем это служило напоминанием Мелу — быть может, даже бессознательным, — что ему, как управляющему аэропортом, надлежит находиться не здесь.

Кейз сдержанно поклонился и что-то пробормотал. Мел беспомощно смотрел вслед удалявшемуся брату. Он услышал от него достаточно, чтобы понять: необходимо во что бы то ни стало узнать больше. Когда и как можно будет теперь это сделать? — думал он. Минуту назад ему удалось прорвать замкнутость Кейза, его скрытность. Может ли повториться такое? Чувство безнадёжности охватило Мела.

Сегодня уж, во всяком случае, он ничего больше от Кейза не добьётся.

— Очень сожалею, мистер Бейкерсфелд. — Словно прочитав мысли Мела, руководитель полётов развёл руками. — Стараешься для общего блага. Это не всегда просто.

— Я понимаю. — Мел с трудом подавил вздох. Что поделаешь, остаётся только надеяться, что такой случай ещё представится, а пока что — за дело.

— Пожалуйста, повторите, кто меня искал? — попросил Мел.

Руководитель полётов повторил.

Мел не стал звонить по телефону, а спустился этажом ниже и зашёл к Дэнни Фэрроу. Тот по-прежнему сидел за пультом управления снежном командой.

Мелу пришлось решить вопрос о том, чью стоянку самолётов — какой из конкурирующих авиакомпаний — следует расчистить в первую очередь; затем он осведомился, как обстоит дело с блокированной полосой три-ноль. Там пока всё было без перемен, если не считать того, что прибыл Патрони и взял на себя руководство по освобождению взлётно-посадочной полосы три-ноль, всё ещё заблокированной «боингом-707» компании «Аэрео-Мехикан». Патрони только что доложил по радио, что предпринимает новую попытку убрать самолёт и надеется осуществить это в течение часа. Патрони пользовался репутацией первоклассного аварийного механика, и Мел решил, что задавать ему лишние вопросы ни к чему.

Занимаясь этими делами, Мел вспомнил, что его просили связаться с лейтенантом Ордвеем. Видимо, лейтенант находился где-то в здании аэровокзала, и Мел велел разыскать его и соединить их по радио. Через несколько секунд он услышал голос Ордвея. Мел думал, что лейтенант хочет сообщить ему что-то по поводу медоувудской делегации, но его предположение не оправдалось.

— Народ из Медоувуда всё продолжает прибывать, — сообщил Нед Ордвей в ответ на вопрос Мела. — Но они ведут себя смирно и пока что не спрашивали про вас. Я вам сообщу, если они потребуют свидания с вами.

Выяснилось, что лейтенант звонил по поводу какой-то женщины, которую задержал один из его полицейских. Женщина бесцельно бродила по центральному залу и плакала.

— Мы не могли добиться от неё толку, но она не совершила ничего недозволенного, и мне не хотелось препровождать её в отделение. У неё и без того очень расстроенный вид.

— Что вы сделали?

— Здесь сейчас не так-то легко отыскать спокойный уголок… — Голос Ордвея звучал несколько смущённо. — Так что я усадил её в вашей приёмной. А потом стал разыскивать вас, чтобы предупредить.

— Хорошо. Вы оставили её одну?

— С ней был один из наших людей, но, возможно, уже ушёл. Она же совершенно безобидна, за это я ручаюсь. Мы скоро к ней наведаемся.

— Я сейчас вернусь к себе, — сказал Мел. — Посмотрим, будет ли от меня какой-нибудь толк.

«Смогу ли я больше преуспеть в разговоре с посторонней женщиной, чем с родным братом? — подумал он. — Как бы не получилось ещё хуже». Мысль о том, что Кейз был так близок к признанию, всё ещё не давала Мелу покоя.

— А вы узнали, как зовут эту женщину? — спросил он, помолчав.

— Да, это мы узнали. Что-то испанское, минуточку, я записал. — Наступила пауза, потом снова раздался голос лейтенанта Ордвея: — Герреро. Её зовут миссис Инес Герреро.

— Вы хотите сказать, что миссис Квонсетт находится на борту рейса два? — недоверчиво спросила Таня Ливингстон.

— Боюсь, что именно так, миссис Ливингстон. Старушка небольшого роста, по внешности точь-в-точь, как вы её описываете, — сказал контролёр, производивший посадку на рейс два. Он, Таня Ливингстон и Питер Кокли, всё ещё не оправившийся от поражения, нанесённого ему его подопечной — миссис Адой Квонсетт, находились в кабинете управляющего пассажирскими перевозками.

Контролёр явился сюда минуту назад, после того как Кокли передал по телефону на все выходы к самолётам «Транс-Америки» сообщение по поводу неуловимой миссис Квонсетт, так его одурачившей.

— Мне просто и в голову не пришло, что тут какой-то обман, — сказал контролёр. — Мы и других провожающих пускали сегодня к самолётам, и все вернулись. Ведь нагрузка-то была ужас какая, — добавил он в своё оправдание. — Мне пришлось работать за двоих, вот только вы и помогли немного. Людей не хватает. Да вы и сами знаете.

— Знаю, — сказала Таня. Она вовсе не собиралась перекладывать на кого-то свою вину. Если уж кто и был виноват в том, что произошло, так только она.

— Не успели вы уйти, миссис Ливингстон, как появилась эта старушка и залепетала что-то насчёт своего сына… Он, видите ли, бумажник забыл. Даже показала мне этот бумажник. Но так как, по её словам, в нём были

деньги, я сказал, чтобы она передала его сама.

— Она на это и рассчитывала. Она систематически проделывает такие штуки.

— Я ведь этого не знал, потому и пропустил её к самолёту. Больше я о ней и не вспомнил, пока не позвонили по телефону.

— Она вас одурачила, — сказал Питер Кокли и покосился на Таню. — И меня тоже.

— Нипочём бы не поверил. Даже и сейчас как-то не верится. — Агент с сомнением покачал головой. — Но только она на борту, это уж как пить дать. — Он рассказал, что число пассажиров разошлось с количеством проданных билетов. Но инспектор, наблюдавший за погрузкой, решил не задерживать из-за этого вылет.

— Значит, они, видимо, уже взлетели, — быстро сказала Таня.

— Да, они уже в воздухе. Я проверил, когда шёл сюда. А даже если ещё и не взлетели, всё равно вряд ли повернули бы обратно, особенно в такую ночь.

— Да, они бы не повернули. — И трудно представить себе, подумала Таня, чтобы самолёт изменил курс и возвратился в аэропорт из-за миссис Ады Квонсетт. Куда дешевле и проще свозить миссис Квонсетт в Рим и обратно: ведь если бы они решили вернуться и высадить «зайца», это удовольствие обошлось бы им, кроме потери времени, ещё в несколько тысяч долларов. — У них будет посадка для заправки?

Таня знала, что иногда самолёты трансатлантических рейсов совершают непредусмотренные заправочные посадки в Монреале или Ньюфаундленде. Тогда можно было бы снять миссис Квонсетт с самолёта и лишить её удовольствия прокатиться в Италию.

— Я запрашивал контору компании, — сказал контролёр. — Нет, они летят прямо. Без посадки.

— Чёрт бы побрал эту старуху! — воскликнула Таня.

Итак, Ада Квонсетт слетает в Италию и обратно; там наверняка получит ночлег и питание — и всё за счёт компании. Да, она недооценила решимость старушки любой ценой помешать им отправить её обратно на Западное побережье, сердито думала Таня. И кроме того, она ошиблась, предположив, что миссис Квонсетт будет стремиться попасть только в Нью-Йорк.

Таня вынуждена была признаться себе, что из этого состязания на сообразительность миссис Квонсетт вышла победительницей. С необычным для неё ожесточением Таня пожелала, чтобы авиакомпания в виде исключения притянула миссис Квонсетт к ответственности. Но она

знала, что этого не произойдёт.

Питер Кокли начал было что-то говорить, но Таня оборвала его:

— А, замолчите!

Кокли и контролёр ушли, и через несколько минут управляющий перевозками вернулся к себе в кабинет. УП — Берт Уэзерби — напористый, неутомимый человек, которому уже давно перевалило за сорок, прошёл нелёгкий путь, начав с приёмщика багажа. Обычно довольно обходительный, с живым чувством юмора, сегодня он был раздражителен и придирчив — трёхдневное напряжение давало себя знать. Он нетерпеливо выслушал сообщение Тани, которая постаралась всю ответственность взять на себя, лишь вскользь упомянув об оплошности Кокли.

Взлохматив рукой редкие седеющие волосы, Уэзерби сказал:

— Приятно отметить, что вы не отправили с этим самолётом всех желающих прокатиться в Европу. Вот такие недосмотры и ставят нам палки в колёса. — Помолчав, он добавил резко: — Вы прошляпили, вы и расхлёбывайте. Свяжитесь с КДП, попросите их поставить командира рейса два в известность о случившемся. Что он предпримет, меня не касается. Я бы лично вышвырнул эту старую каргу за борт на высоте тридцать тысяч футов. Впрочем, это его дело. Кстати, кто там командир корабля?

— Капитан Димирест.

Управляющий перевозками застонал.

— Только этого не хватало. Вот уж кто будет доволен, что мы так опростоволосились. Тем не менее предложите ему препроводить старуху под охраной в полицейское отделение. Если итальянская полиция захочет посадить её за решётку, тем лучше. После этого свяжитесь с представителем нашей компании в Риме. Ему придётся заняться этой дамочкой, когда она туда прилетит, и будем надеяться, что его помощники окажутся более толковыми, чем мои.

— Будет исполнено, сэр, — сказала Таня.

И принялась было рассказывать о том, что таможенный инспектор Стэндиш заметил какого-то подозрительного субъекта с чемоданчиком, улетавшего тем же рейсом два. Но Уэзерби прервал её на середине фразы:

— Бросьте вы! Чего хотят таможенники — чтобы мы выполняли за них работу? Плевать мне на то, что он там провозит: это не наша забота. Если таможенников интересует, что у него в чемоданчике, пускай попросят итальянскую таможню проверить, а нас это не касается. Не стану я, чёрт возьми, задавать неуместные и, быть может, оскорбительные вопросы пассажиру, честно заплатившему за свой билет.

Таня медлила. Мысль об этом пассажире с чемоданчиком почему-то не давала ей покоя, хотя сама она не видела его в глаза. Ей приходилось слышать о таких случаях, когда… Такое предположение нелепо, разумеется…

— Я всё думаю, — проговорила она, — а что, если у него там вовсе не контрабанда…

Но управляющий перевозками резко оборвал её:

— Я уже сказал: нас это не касается.

Таня вышла.

Вернувшись к себе, она села за стол и начала составлять радиограмму командиру рейса два капитану Димиресту о безбилетной пассажирке миссис Аде Квонсетт.

2

Синди Бейкерсфелд откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза. Она ехала на такси в аэропорт и даже не замечала — впрочем, ей это было безразлично, — что метель всё ещё метёт и такси ползёт еле-еле из-за постоянных заторов. Синди не спешила. Чувство физического довольства, даже блаженства («Кажется, это называется эйфория», — промелькнуло у неё в голове) разливалось по её телу.

Синди вспоминала Дерика Идена.

Дерика Идена, с которым она встретилась на благотворительном коктейле; Дерика Идена, который принесён тройную порцию американского виски (она к нему почти не притронулась) и тут же (а у него было с ней лишь шапочное знакомство) сделал вполне недвусмысленное предложение без малейшего намёка на романтику; Дерика Идена — второразрядного репортёра «Санди-таймс»; Дерика Идена — с его небрежными манерами, потрёпанной физиономией, чудовищным помятым костюмом (а его видавший виды, грязный и внутри и снаружи «шевроле»!); Дерика Идена, подцепившего Синди на крючок в такую минуту, когда ей было на всё наплевать, когда ей нужен был мужчина, любой мужчина, пусть даже самый никудышный; Дерика Идена, неожиданно оказавшегося самым восхитительным, самым утончённым любовником, с которым не шёл в сравнение ни один из тех, с кем Синди прежде была близка.

О нет, так у неё ещё не было ни с кем, никогда! О боже, боже, думала Синди. Если достижимо на земле совершенное чувственное блаженство, то она его испытала сегодня вечером. И теперь, узнав, что такое Дерик Иден, — дорогой Дерик! — она уже мечтала о новой встрече с ним, о частых встречах… И какое это счастье — сознавать, что и он (Синди в этом ни минуты не сомневалась) мечтает сейчас о встрече с ней.

Откинувшись на спинку сиденья, Синди перебирала в памяти всё, что произошло с ней за последние два часа.

В этом своём чудовищном, старом «шевроле» Дерик привёз её из ресторана отеля «Лейк Мичиган» в небольшую гостиницу неподалёку от Мерчендайз-Март. Швейцар окинул автомобиль презрительным взглядом, но Дерик Иден, кажется, даже и не заметил этого, а в вестибюле их встретил ночной администратор. Синди поняла, что один из телефонных звонков Дерика был сюда, к нему. Никаких формальностей, никакой регистрации: ночной администратор прямо провёл их в комнату на

одиннадцатом этаже. Оставил им ключ, коротко пожелал «доброй ночи» и ушёл.

Комната была не слишком уютная, но чистая; мебель старомодная, довольно строгая, со следами от потушенных сигарет. Двуспальная кровать. На столике возле кровати — неоткупоренная бутылка шотландского виски, содовая вода, лёд. На подносе карточка с надписью: «С лучшими пожеланиями от администрации». Дерик Иден поглядел на карточку и сунул её в карман.

Когда потом Синди спросила его про эту карточку, он сказал:

— Случается, гостиница оказывает представителям прессы услуги. Причём мы не берём на себя никаких обязательств: газета на это не пойдёт. Но иногда репортёр или какой-нибудь сотрудник газеты может в своём репортаже упомянуть для рекламы данную гостиницу или наоборот: в случае какого-нибудь неприятного происшествия, скажем, со смертельным исходим, — а они боятся этого как чумы, — обойти название гостиницы молчанием. Повторяю, никаких обязательств с нашей стороны. Просто мы делаем, что можем.

Они выпили, немножко поболтали, снова выпили, и Дерик стал её целовать. Очень скоро она вдруг почувствовала, какие у него необыкновенные ласковые руки: сначала он долго, нежно перебирал её волосы, отчего у неё вдруг заколотилось сердце и мурашки побежали по всему телу; потом медленно, о, как медленно… руки скользнули ниже, и тут у Синди внезапно возникло предчувствие чего-то необычайного…

Он начал раздевать её — с деликатностью, казалось, совсем ему не свойственной, — и она услышала его шёпот: «Не надо спешить, Синди, нам будет хорошо…» Но когда они уже лежали в постели, Синди, охваченная блаженной, тёплой истомой («Вам будет тепло», — пообещал он ей в автомобиле), вдруг утратила выдержку и воскликнула: «Ну же, ну, прошу тебя, прошу, я больше не могу!» Но он был упрям, настойчив, хотя и нежен. «Нет, можешь, можешь. Ты должна, Синди». И она подчинилась, самозабвенно отдав себя ему во власть, и он повёл её — словно ребёнка за руку — медленно, шаг за шагом к блаженному краю пропасти, порой замедляя шаг, порой отступая, и тогда ей казалось, что они, растворившись друг в друге, плавают высоко над землёй. И снова на шаг ближе к краю, но нет, ещё нет, и весь путь повторяется снова, и сладкая мука почти непереносима, и наконец оба мгновенно достигают края, и симфония страсти, в едином слитном аккорде идёт крещендо, подобная гимну. И Синди кажется: если бы можно было по желанию избирать себе конец жизни, она сейчас приказала бы сердцу не биться. Ведь такое мгновение не

повторится никогда.

Впоследствии Синди оценила в Дерике ещё одно качество — полное отсутствие какого бы то ни было притворства. Минут черёд десять, когда сердце Синди перестало колотиться так бешено и дыхание сделалось ровнее, Дерик приподнялся на локте, закурил сигарету, дал закурить ей и сказал:

«А мы с тобой можем показать класс, Синди. — Он усмехнулся. — Нужно поскорее сыграть ответный матч и потом повторять их почаще».

Синди расценила это как двоякое признание: то, что произошло, лежит в области чистой физиологии, их соединило чувственное влечение, не больше, и не следует притворяться друг перед другом, будто это не так; и вместе с тем, достигнув редкого, абсолютного слияния в страсти, они открыли, что в сексуальном отношении созданы друг для друга. Отсюда вывод: они должны оберегать тайно обретённый ими райский сад и посещать его по первому зову.

Такое положение вещей вполне устраивало Синди.

Она не была уверена, что у неё с Дериком найдётся много общего за пределами спальни, и, уж конечно, такой победой не похвастаешься в обществе. Особенно над этим не раздумывая, Синди инстинктивно чувствовала, что она больше потеряет, чем приобретёт, если будет открыто появляться в сопровождении Дерика. К тому же он успел ей намекнуть, что его брак вполне прочен, хотя, как догадывалась Синди, в сексуальном отношении Дерик мог бы пожелать себе лучшего партнёра. А тут Синди готова была искренне ему посочувствовать, так как сама находилась в таком же точно положении.

Словом, Дерик Иден был драгоценной находкой — только, имея с ним дело, не следовало вторгаться в область чувств. Что ж, Синди будет им дорожить. Она решила не предъявлять слишком больших требований и не позволять себе слишком часто предаваться любовным утехам с Дериком. Встреча, подобная сегодняшней, оставляет такой след, что она долго будет жить одними воспоминаниями. Нужно делать вид, будто добиться свидания с ней не так-то просто, сказала она себе. Чтобы он томился без неё так же сильно, как она без него. Тогда эта связь может длиться годы.

И ещё Синди с удивлением обнаружила, что встреча с Дериком как-то внутренне расковала её.

Теперь, когда её сексуальный аппетит мог быть сверх всякого ожидания удовлетворён на стороне, она могла легче, без предвзятости, сделать выбор между Мелом и Лайонелом Эркартом.

Её брак с Мелом уже явно зашёл в тупик. Они стали чужими друг

другу и душой и телом. Ссоры вспыхивали между ними по любому поводу. Мела, по-видимому, уже ничто не интересовало, кроме его чёртова аэропорта. И от этого их взаимное отчуждение росло с каждым днём.

Лайонел, который был во всём, за исключением постели, именно тем, что нужно, хотел жениться на ней и требовал развода.

К светским успехам Синди Мел относился с презрительным раздражением. Тут он не только ничем не хотел ей помочь — он мешал.

Лайонел же занимал высокое положение в светских кругах Иллинойса, не видел ничего смешного в стараниях Синди вскарабкаться повыше и вполне готов был (и мог) прийти ей на помощь.

Однако до этой минуты Синди ещё колебалась: пятнадцать лет брака с Мелом, воспоминания о том, как им было хорошо Друг с другом когда-то, были тому причиной. Она подсознательно продолжала надеяться, что прошлое — и прошлую страсть — ещё можно вернуть. Теперь она поняла, что надежда эта призрачна.

Правда, в сексуальном отношении Лайонел, отнюдь не был находкой. Но и на Меле надо было теперь поставить крест. Если же пренебречь этой стороной вопроса (появление Дерика Идена, хорошего племенного жеребца из неизвестной конюшни, надёжно укрытого от посторонних глаз, давало ей такую возможность), Лайонел сразу укладывал Мела на обе лопатки.

Синди выпрямилась и открыла глаза. Она не будет принимать окончательного решения, пока не переговорит с Мелом. Синди вообще не любила принимать решения и неизменно оттягивала это до последней минуты. А тут ещё неосознанно мешало многое: дети, воспоминания о прожитых с Мелом годах — далеко не всё ведь было плохо, и невозможно полностью вычеркнуть из сердца человека, которого ты когда-то пылко любила.

Такси уже давно выехало из предместья, но Синди только теперь придвинулась к окну, вглядываясь в темноту, стараясь определить, где они находятся. Ей это не удалось. В запотевшее окно виден был только снег и множество медленно двигавшихся автомобилей. Ей показалось, что они где-то на шоссе Кеннеди, — но где?

Она заметила, что шофёр такси наблюдает за ней в зеркальце. Такси она взяла в стороне от гостиницы, из которой они с Дериком вышли порознь, придя к заключению, что с этого момента и впредь им следует проявлять осторожность. Впрочем, о чём бы она ни подумала сейчас, мысли её возвращались к Дерику, и перед ней возникало его лицо.

— Это парк Портейдж, — сказал шофёр. — Мы уже подъезжаем к аэропорту, теперь скоро.

— Очень хорошо.

— А машин туда катит — тьма-тьмущая. Им там, в аэропорту, тоже небось не сладко приходится в такую метель.

«А, чёрт с ними! — подумала Синди. — Все точно помешались на этом аэропорте, ни о чём другом говорить не могут». Но она промолчала.

У центрального входа в аэровокзал Синди расплатилась с шофёром и поспешила скрыться за дверью, спасаясь от порывистого ветра, хлеставшего в лицо мокрым снегом. Она пробиралась сквозь толпу, стараясь обойти довольно большую группу людей, которые, должно быть, готовились к какому-то публичному выступлению, судя по тому, что один из них устанавливал микрофон. Негр-полицейский — Синди не раз видела его с Мелом — разговаривал с несколькими людьми из этой группы, по-видимому, официальными её представителями. Полицейский очень решительно тряс головой, с чем-то не соглашаясь. Синди не слишком всё это интересовало — ничто здесь вообще не могло всерьёз заинтересовать её, — и она пошла дальше, к административным помещениям.

Там во всех комнатах горел свет, хотя многие из них были пусты; не слышно было ни треска пишущих машинок, ни обычного гомона, как днём в рабочие часы. «Хоть у кого-то хватило здравого смысла уйти на ночь домой», — подумала Синди.

В приёмной перед кабинетом Мела сидела какая-то женщина средних лет в тёмной поношенной одежде. Она примостилась на узеньком диванчике и невидящим взглядом смотрела прямо перед собой: казалось, она даже не заметила появления Синди. Глаза у неё были красные и опухшие от слёз. Должно быть, она блуждала где-то в самую метель, и одежда и туфли у неё промокли насквозь.

Синди скользнула по женщине равнодушным взглядом и прошла в кабинет. В кабинете никого не было. Синди села на стул и стала ждать. Прошло несколько минут; Синди закрыла глаза и снова предалась приятным воспоминаниям о Дерике Идене.

Минут десять спустя Мел стремительно вошёл в кабинет — Синди заметила, что он прихрамывает сильнее, чем обычно.

— О! — Мел, казалось, был удивлён, увидев Синди, и, обернувшись, прикрыл за собой дверь. — Вот уж никак не думал, что ты в самом деле приедешь.

— Ты, конечно, предпочёл бы, чтобы я не приезжала.

Мел покачал головой.

— Просто я по-прежнему считаю, что этим мы ничего не достигнем — во всяком случае, не достигнем того, что у тебя, по-видимому, засело в

голове. — Он пытливо поглядел на жену, стараясь разгадать истинную цель её приезда. Он уже давно привык к тому, что уразуметь побуждения Синди — дело довольно сложное, поскольку обычно они весьма далеки от того, чем могли показаться с первого взгляда. Вместе с тем он невольно отметил про себя, что сегодня она необыкновенно хороша, просто ослепительна, глаза так и сияют. Как жаль, что всё это теперь уже не может его взволновать.

— В таком случае, не скажешь ли ты, что засело у меня в голове?

Он пожал плечами.

— Мне казалось, что тебе хочется затеять ссору. А на мой взгляд, у нас их достаточно бывает дома, чтобы устраивать ещё и здесь.

— Вероятно, нам всё-таки *придётся* устроить и здесь, поскольку ты почти не бываешь дома.

— Я бывал бы дома чаще, если бы атмосфера там была более спокойной.

Вот, мы разговариваем всего несколько секунд, а уже начали цапаться, подумала Синди. По-видимому, мы просто не в состоянии разговаривать даже минуту, не переходя на личности.

Тем не менее она не удержалась и спросила:

— В самом деле? Обычно ты выставляешь другие причины. Ты вечно утверждаешь, что тебе абсолютно необходимо находиться в аэропорту — иной раз даже все двадцать четыре часа суток. Ведь тут же, судя по твоим словам, ежесекундно происходит что-то немыслимо важное.

— Сегодня это действительно так, — сухо сказал Мел.

— Но не всегда же?

— Ты хочешь знать, остаюсь ли я здесь иной раз потому, что предпочитаю не возвращаться домой? Да.

— Наконец-то ты хоть честно в этом признался.

— А когда я всё-таки прихожу домой, ты непременно начинаешь тащить меня на какое-нибудь идиотское сборище, как, например, сегодня вечером.

Синди вспыхнула.

— Так, значит, ты с самого начала не собирался появляться там сегодня?

— Нет, собирался. Я же тебе сказал. Но…

— Вот именно «но». — Синди уже еле сдерживалась. — Но рассчитывал на то, что опять, как всегда, вовремя подвернётся что-нибудь и ты сможешь увильнуть. И в то же время будешь иметь алиби, которое хотя бы для тебя будет выглядеть убедительным, поскольку меня ты уже ни в

чём не убедишь. Я-то знаю, что ты притворщик и лгун.

— Потише, Синди!

— И не подумаю!

Они разъярённо глядели друг на друга.

Что же такое случилось с нами, думал Мел, как мы до этого дошли? Вздорим, пререкаемся, как дурно воспитанные подростки. Мелочные укоры, злобные подковырки, и сам он ведёт себя ничуть не лучше Синди. Ссоры ведь принижают их обоих! Неужели так всегда бывает в совместной жизни, когда чувства начинают остывать? Помнится, кто-то сказал, что распадающийся брак выявляет всё самое дурное в обоих супругах. У него с Синди так и получилось.

Он постарался взять себя в руки.

— Я не считаю себя ни лжецом, ни притворщиком. Но, возможно, ты отчасти права, что я рад любому поводу избавиться от светских развлечений, которых, как тебе известно, терпеть не могу. Но я это делаю бессознательно.

Синди молчала, и он заговорил снова:

— Можешь верить или не верить, но я действительно намеревался встретиться с тобой сегодня вечером — во всяком случае, предполагал. Возможно, на самом деле я вовсе этого и не хотел, как ты говоришь. Не знаю. Знаю только, что не я устроил этот снегопад, а когда он начался, тут уж стало твориться такое, что я — и это истинная правда — обязан был оставаться здесь. — Он кивком указал на дверь приёмной. — Взять хотя бы, к примеру, эту женщину, которая дожидается там. Я должен принять её и уже сказал об этом лейтенанту Ордвею. С ней, по-видимому, случилась какая-то беда.

— Беда случилась у твоей жены, — сказала Синди. — Эта женщина может и подождать.

Мел кивнул.

— Хорошо.

— Слишком далеко всё зашло, — сказала Синди. — У нас с тобой. Не так ли?

Он ответил не сразу, боясь слишком поспешных решений и вместе с тем понимая, что раз уж вопрос поставлен ребром, было бы глупо отрицать истину.

— Да, — сказал он наконец. — Боюсь, что так.

Синди тотчас ухватилась за это.

— Если бы ты мог перемениться! Встать на мою точку зрения. Но нет: всегда, всю жизнь на первом плане ты — чего ты хочешь или не хочешь.

Если бы ты мог считаться с тем, чего хочется мне…

— И шесть вечеров в неделю высиживать в чёрном галстуке, а седьмой вечер — в белом?

— Хотя бы и так, а почему бы и нет?

Щёки Синди пылали, она смотрела на Мела, властно вскинув голову. Мел любил её такую — горячую, непокорную; даже если её гнев бывал направлен против него, он невольно восхищался ею. Даже сейчас…

— Мне кажется, я могу сказать слово в слово то же самое, — ответил он. — Если бы ты могла перемениться, ну и всё такое прочее. К несчастью, люди не меняются — во всяком случае, не меняются в главном. Они только приспосабливаются. В этом, по-видимому, и заключается сущность брака — два человека приспосабливаются друг к другу.

— Этот процесс не должен быть односторонним.

— А у нас так и не было, что бы ты ни говорила, — сказал Мел. — Я старался приспособиться, и, как мне кажется, ты тоже. Не знаю, кто делал в этом направлении больше усилий. На мой взгляд — я, а на твой взгляд — должно быть, ты. Важно другое: мы старались долго, но безуспешно.

Синди проговорила задумчиво:

— Вероятно, ты прав. То, что ты сейчас сказал… Я сама так же считаю. — Она помолчала и добавила: — Думаю, нам лучше разойтись.

— Ты в этом уверена? Это шаг серьёзный. — Даже сейчас, подумал Мел, она виляет, не хочет взять решение целиком на себя, ждёт, чтобы он облегчил ей это. Он едва не усмехнулся. Хотя, по правде говоря, ему было не до смеха.

— Уверена, — сказала Синди. И повторила твёрдо: — Да, уверена.

Мел сказал спокойно:

— Что ж, тогда, вероятно, это правильное решение.

На секунду Синди заколебалась:

— Ты в этом уверен тоже?

— Да, — сказал он. — Уверен.

Казалось, Синди была обескуражена тем, что всё произошло так быстро, что не возникло спора. Она сказала:

— Значит, решено?

— Да.

Они всё так же с вызовом смотрели друг на друга, но раздражение прошло.

— А, чёрт побери! — Мел качнулся, словно хотел сделать шаг к жене. — Мне жаль, что всё так получилось, Синди.

— Мне тоже. — Однако Синди не двинулась с места. Теперь её голос

звучал более уверенно. — Но это наиболее разумный выход, не так ли?

Мел кивнул.

— Да, по-видимому, так.

Значит, всё кончено. Оба понимали это. Оставалось обсудить условия развода.

Синди уже начала строить планы.

— Роберта и Либби останутся со мной, но ты, разумеется, всегда сможешь навещать их. Я не буду этому препятствовать.

— Я в этом не сомневался.

Да, конечно, думал Мел, это естественно: девочки должны остаться с матерью. Ему будет очень не хватать их, особенно Либби. Никакие свидания, пусть даже самые частые, не могут заменить жизни под одной крышей изо дня в день. Ему вспомнился сегодняшний разговор по телефону с младшей дочуркой. Что это Либби попросила у него? Карту февраля. Ну что ж, она у него уже есть: февральская погода готовит им несколько сюрпризов.

— Мне придётся нанять адвоката, — сказала Синди. — Я, тебе сообщу, когда решу, кого взять.

Мел кивнул. Все ли браки, думал он, заканчиваются таким буднично-деловым разговором, если супруги решают разойтись. Вероятно, так уж положено в цивилизованном мире. Во всяком случае, Синди, казалось, с поразительной быстротой снова обрела уверенность в себе. Опустившись на тот же стул, на котором она сидела вначале, она раскрыла пудреницу и, глядя в зеркальце, стала приводить в порядок лицо. В уголках её рта заиграла улыбка. Мелу даже показалось, что её мысли уже где-то далеко. Мел всегда думал, что в такого рода ситуациях женщины проявляют большую эмоциональность, чем мужчины, однако по Синди этого никак нельзя было сказать, тогда как сам Мел едва удерживался от слёз.

Он услышал голоса и шаги в приёмной. Раздался стук в дверь.

— Войдите! — крикнул Мел.

Вошёл лейтенант Ордвей. Увидев Синди, он сказал:

— Ох, извините, миссис Бейкерсфелд!

Синди подняла на него глаза и отвернулась, не произнеся ни слова. Ордвей, почувствовав, что явился некстати, нерешительно переминался с ноги на ногу.

— Я, пожалуй, зайду попозже.

Мел спросил:

— А что вы хотели, Нед?

— Там вся эта компания из Медоувуда — протестуют против шума. В

центральном зале их собралось человек двести, и подходят ещё. Все хотят разговаривать с вами, но я сделал, как вы просили: предложил им направить к вам делегацию. Они выбрали шесть человек, и с ними увязались три репортёра. Я разрешил репортёрам прийти тоже. — Полицейский кинул взгляд в сторону приёмной. — Они все ждут вас там.

Мел понимал, что делегацию надо принять. Но как же ему не хотелось сейчас ни с кем разговаривать!

— Синди, — с мольбой произнёс он, — это не займёт много времени. Ты подождёшь? — Она ничего не ответила, и он добавил: — Прошу тебя!

Она продолжала молчать, полностью игнорируя их обоих.

— Если это очень не вовремя, — сказал Ордвей, — я скажу им, чтобы они пришли в другой раз.

Мел покачал головой. Он уже связал себя обещанием принять делегацию.

— Нет уж, давайте их сюда. — Полицейский шагнул к двери, и Мел вдруг спохватился: — Ох, я же не поговорил с этой женщиной… Забыл, как её зовут.

— Герреро, — сказал Ордвей. — И вам не придётся с ней, разговаривать. Когда я шёл сюда, мне показалось, что она собирается уходить.

Делегаты от Медоувуда — четверо мужчин и две женщины — гуськом вошли в кабинет. За ними следом — трое репортёров. Один был из «Трибюн» — подвижный моложавый мужчина по фамилии Томлинсон, который обычно вёл все репортажи из аэропорта для своей газеты на любые связанные с авиацией темы. Мел хорошо его знал и уважал за точность и непредвзятость сообщений. С остальными двумя репортёрами Мела связывало лишь шапочное знакомство. Тут была пожилая дама из местного еженедельника и совсем ещё молодой человек из «Сан-Таймс».

В отворённую дверь Мелу был виден лейтенант Ордвей: он разговаривал с женщиной, с этой миссис Герреро, — она стояла и застёгивала пальто.

Синди продолжала сидеть всё в той же позе.

— Добрый вечер. — Мел отрекомендовался и сказал, указывая на диваны и стулья: — Прошу садиться.

— А мы и присядем, — сказал один из вошедших, аккуратно причёсанный мужчина в дорогом костюме — по-видимому, руководитель делегации. — Но должен вас предупредить: мы пришли сюда не для того, чтобы поболтать в уютной обстановке. Нам есть что вам сказать в лоб, напрямик, и мы ждём от вас такого же прямого ответа, без увёрток.

— Постараюсь удовлетворить ваше желание. С кем имею честь говорить?

— Меня зовут Эллиот Фримантл. Я адвокат. Представитель этих людей и всех, кто собрался там, внизу.

— Ну что ж, мистер Фримантл, — сказал Мел. — Почему бы вам не приступить прямо к делу?

Дверь в приёмную всё ещё была раскрыта. Мел заметил, что дожидавшаяся его женщина ушла. Нед Ордвей вошёл в кабинет и притворил за собой дверь.

3

Самолёт, вылетевший рейсом два «Золотой Аргос» из международного аэропорта имени Линкольна, уже двадцать минут находился в воздухе и продолжал набирать высоту. Через одиннадцать минут, когда самолёт будет над Детройтом, он достигнет тридцати трёх тысяч футов, и подъём закончится. Машина уже вышла на трассу, которая длинным кружным путём приведёт её в Рим. Последние несколько минут самолёт летел в спокойных слоях атмосферы, снежная буря осталась далеко внизу. Впереди и ещё выше в небе висел ущербный месяц, словно покачнувшийся фонарь, и всё пространство было в звёздах — ярких, мерцающих.

В пилотской кабине напряжение первых минут полёта разрядилось. Капитан Хэррис уже сделал пассажирам сообщение по трансляции. Все трое пилотов были заняты обычными делами, связанными с большим перелётом.

За спиной у Хэрриса и Димиреста под столиком второго пилота громко зазвучали позывные. В тот же миг на радиопанели, расположенной над рычагами дросселей, замигала жёлтая лампочка. Это означало вызов по спецсвязи — особой радиосистеме, дававшей возможность связываться почти с каждым из лайнеров, словно по личному телефону. Все лайнеры «Транс-Америки», так же как и других крупных авиакомпаний, имеют собственные позывные, передаваемые и принимаемые автоматически. Сигналы, только что полученные самолётом номер 731-ТА, не могли быть приняты или услышаны никаким другим воздушным кораблём.

Энсон Хэррис переключился с волны воздушной диспетчерской на соответствующую волну и подтвердил:

— Рейс два «Транс-Америки» слушает.

— Рейс два, говорит диспетчер «Транс-Америки» из Кливленда. Передаю командиру вашего экипажа сообщение от УП международного аэропорта Линкольна. Сообщите готовность принять передачу.

Хэррис видел, что Вернон Димирест тоже переключился на нужную волну, и придвинул к себе блокнот.

Хэррис передал:

— Мы готовы, Кливленд. Продолжайте.

Сообщение было составлено Таней Ливингстон и касалось миссис Ады Квонсетт — пассажирки, пробравшейся без билета на рейс два. Оба пилота с улыбкой выслушали описание маленькой старушки из Сан-Диего.

Сообщение заканчивалось просьбой подтвердить её присутствие на борту самолёта.

— Проверим и сообщим, — передал Хэррис и снова переключился на волну воздушного диспетчера. Вернон Димирест и второй пилот Сай Джордан, слушавший сообщение через динамик, установленный над его сиденьем, рассмеялись.

— Чушь, не верю, — сказал Сай Джордан.

— А я верю! — Димирест усмехнулся. — Все они там — ослы, и эта старая курица обвела их вокруг пальца! — Он нажал кнопку вызова по внутреннему телефону салона первого класса. — Передайте Гвен, — сказал он стюардессе, которая взяла трубку, — чтобы она пришла сюда.

На его губах всё ещё играла усмешка, когда дверь кабины отворилась и вошла Гвен Мейген.

Димирест прочёл ей вслух описание миссис Ады Квонсетт, переданное по радио.

— Видели вы среди пассажиров такую особу?

Гвен покачала головой.

— Я ещё почти не заглядывала в туристский салон.

— Пойдите и проверьте, там ли эта старушка. Её нетрудно будет узнать.

— А если она там, то что я должна сделать?

— Ничего. Придите и доложите.

Гвен отсутствовала всего несколько минут. Когда она вернулась, на лице её тоже играла улыбка.

— Ну что?

Гвен кивнула.

— Она там. В кресле четырнадцать. В точности такая, как её описали, только ещё более карикатурная.

— Сколько ей лет с виду? — спросил Сай Джордан.

— Лет семьдесят пять, не меньше, а может, и все восемьдесят. Прямо какой-то диккенсовский персонаж.

Энсон Хэррис сказал не оборачиваясь:

— Скорее уж персонаж из «Мышьяка и старых кружев».

— Она действительно летит «зайцем», капитан?

Хэррис пожал плечами.

— Так передали из аэропорта. Поэтому у вас и были расхождения в количестве пассажиров и проданных билетов.

— Это же очень легко проверить, — сказала Гвен. — Я могу пойти и попросить её предъявить билет.

— Нет, — сказал Вернон Димирест. — Этого не нужно делать.

Все посмотрели на него с любопытством, однако в кабине было слишком темно, чтобы разглядеть выражение его лица. Хэррис повернулся к своим приборам, второй пилот возвратился к наблюдению за расходом топлива.

— Минутку, Гвен, — сказал Димирест. Гвен стояла, ожидая, пока он записывал полученное по радио сообщение. — От нас требовалось только одно: проверить, находится ли старуха на борту нашего самолёта. Прекрасно, она здесь, и я сообщу об этом воздушному диспетчеру. Думаю, они приготовят ей соответствующую встречу в Риме, и тут уж мы ничего поделать не сможем, если б даже и захотели. А пока — раз старушенция залетела так далеко и мы не намерены возвращаться из-за неё обратно — зачем превращать для неё в пытку оставшиеся восемь часов полёта? Пусть летит без нервотрёпки. Может быть, перед посадкой в Риме мы откроем ей, что её хитрость обнаружена. Тогда это не будет для неё таким потрясением. А пока что пусть получает удовольствие от полёта. Пусть бабушка пообедает и спокойно посмотрит фильм.

— Знаете, — сказала Гвен, задумчиво глядя на Вернона, — бывают минуты, когда вы мне положительно нравитесь.

Гвен вышла. Димирест, всё ещё посмеиваясь, переключился на другую волну и передал сообщение диспетчеру Кливленда.

Энсон Хэррис раскурил трубку, включил автопилот и сказал сухо:

— Вот уж никогда не думал, что старые дамы по вашей части. — Он сделал ударение на слове «старые».

Димирест усмехнулся.

— Конечно, я предпочитаю молодых.

— Так мне приходилось слышать.

Сообщение о безбилетной пассажирке и разговор с Хэррисом привели Димиреста в отличное расположение духа. Он сказал беззаботно:

— Всему свой черёд. Скоро и нас с вами запишут в разряд пожилых.

— Меня уже записали. — Хэррис исчез в клубах дыма. — С некоторых пор.

Оба пилота сдвинули в сторону один наушник, чтобы иметь возможность нормально разговаривать и вместе с тем не пропустить позывных. Шум двигателей, стойкий, но не оглушительный, как бы отгораживал их от остального мира.

— А вы, кажется, не ходок, верно? — заметил Димирест. — Я хочу сказать — не любитель бегать на сторону. Я видел, как вы на отдыхе сидите, уткнувшись в книгу.

Теперь уже усмехнулся Хэррис.

— Иногда я ещё, кроме того, хожу в кино.

— И с чего вы такой праведник?

— Моя жена была стюардессой на ДС-4. Там мы познакомились. Она видела, что творится вокруг: беспорядочные связи, беременности, аборты — всю эту грязь. А потом её назначили старшей, и ей не раз приходилось помогать эту мерзость расхлёбывать. Словом, когда мы поженились, я дал ей слово… Понятно какое. И я его держу.

— Ну зато и нарожали ребятишек.

— Верно.

Хэррис снова включил автопилот. Разговаривая, оба пилота — в соответствии с инструкцией и по привычке — не сводили глаз с приборов, которые мгновенно зарегистрировали бы малейшую неполадку в самолёте и дали бы о ней знать. Никаких отклонений от нормы не было.

Димирест спросил:

— Сколько же их у вас? Шестеро?

— Семеро. — Хэррис улыбнулся. — Четверо было запланировано, а трое сверх плана. Но и это неплохо.

— А вот те, что не были запланированы… Вы ни разу не думали о том, чтобы от них избавиться, пока они ещё не появились на свет?

Вопрос вырвался у Вернона Димиреста непроизвольно. Он сам удивился, зачем он это спросил. Видимо, два предшествующих разговора с Гвен навели его на мысль о детях. Всё же; это было; очень непохоже на него — много раздумывать над тем, что так очевидно и просто, как хотя бы этот аборт, который должна сделать Гвен.

— Вы имеете в виду аборт? — спросил Хэррис и сразу отвёл глаза.

— Да, — сказал Димирест. — Я именно это имел в виду.

— Так я вам отвечу: нет! — резко сказал Хэррис. И добавил уже более спокойным тоном: — У меня на этот счёт вполне определённая точка зрения.

— Потому что это запрещено религией?

Хэррис покачал головой.

— Я атеист.

— Какими же вы тогда руководствуетесь соображениями?

— А вам очень хочется знать?

— Почему бы и нет? У нас ещё целая ночь впереди, — сказал Димирест.

Они прислушивались к происходившим по радио переговорам между КДП на земле и самолётом «ТВА», поднявшимся в воздух почти тотчас

следом за ними и направлявшимся в, Париж, Лайнер летел в десяти милях позади них и на несколько тысяч футов ниже. Они набирали высоту — то же делал у лайнер.

Большинство опытных пилотов, слушая переговоры по радио с другими самолётами, всегда мысленно держат перед глазами картину движения самолётов в зоне их полёта. Димирест и Хэррис оба добавили последние зафиксированные ими сведения к имевшимся ранее. Когда радиоразговор воздуха с землёй закончился, Димирест напомнил Хэррису:

— Я слушаю.

Хэррис проверил курс и высоту и принялся набивать трубку.

— Я довольно много занимался историей общественных отношений. Заинтересовался ею ещё в колледже, и с тех пор так и пошло. Быть может, вы тоже?

— Нет, — сказал Димирест. — Ровно настолько, насколько это было необходимо.

— Так вот. Если вы проследите историю человечества, вам сразу бросится в глаза: весь прогресс на земле совершается ради одной-единственной цели — сделать каждого индивидуума более гуманным. Всякий раз, когда цивилизация поднимается на новую ступень, человечество становится немного лучше, немного просвещеннее, потому что люди начинают больше заботиться друг о друге, больше уважать личность другого. В те эпохи, когда этого не происходит, человечество откатывается назад. Каждый отрезок истории, если вы вглядитесь в него, доказывает эту истину.

— Приходится верить вам на слово.

— Вовсе нет. Есть множество тому примеров. Рабство было уничтожено, потому что люди научились уважать человеческую личность. По той же причине перестали казнить детей и был установлен хабеас корпус, и теперь люди хотят достичь справедливости для всех или по возможности приблизиться к этому. И в наше время большинство тех, кто выступает против смертной казни, хотят того же, не столько в интересах казнимого, сколько в интересах общества, которое, отнимая у человека — у любого человека — жизнь, тем самым наносит непоправимый вред себе, то есть каждому из нас.

Хэррис умолк. Наклонившись вперёд так, что натянулись ремни, он всматривался из полумрака кабины в окружавшую их ночь. В ярком свете луны чётко выступали громады облаков далеко внизу. При такой сплошной облачности — вплоть до середины Атлантического океана, согласно сводке — земли не будет видно на всём пути их следования. Где-то на несколько

тысяч футов ниже промелькнули огни самолёта, летевшего в противоположном направлении, и скрылись.

Второй пилот Сай Джордан, подавшись к дросселям, увеличил подачу топлива двигателям, так как самолёт набирал высоту.

Димирест подождал, пока Джордан закончит, и снова обратился к Хэррису:

— Но аборт — это не смертная казнь.

— Не скажите, — возразил Хэррис. — Если вдуматься, то можно прийти к иному выводу. И в том и в другом случае речь Идёт об уважении к человеческой жизни, жизни отдельного индивидуума, о том, каким путём развивалась и будет развиваться цивилизация. Не странно ли, что мы ратуем за отмену смертной казни и одновременно за разрешение абортов. И никто не замечает, насколько это нелепо: требовать уважения к человеческой жизни и в то же время распоряжаться ею как вещью, лишённой ценности.

Димиресту вспомнились слова, сказанные им этим вечером Гвен, и он повторил их снова:

— Нерожденное дитя ещё не наделено жизнью. Это не индивидуум, это эмбрион.

— А позвольте узнать, видели вы когда-нибудь абортированного ребёнка? — спросил Хэррис. — То, что вынуто из чрева?

— Нет, не видел.

— А мне довелось однажды. Он лежал в стеклянной банке с формальдегидом в шкафу у моего приятеля-доктора. Не знаю, откуда он у него взялся, только приятель сказал мне, что если бы жизнь этого эмбриона не оборвали, если бы его не абортировали, получился бы нормальный ребёнок, мальчик. Да, это был эмбрион, как вы изволили выразиться, и вместе с тем это был уже маленький, вполне сформированный человечек: забавное личико, ручки, ножки, пальчики, даже крошечный пенис. Знаете, что я почувствовал, глядя на него? Мне стало стыдно. Я подумал: а где же, чёрт подери, был я, где были все порядочные, ещё не утратившие человеческих чувств люди, когда совершалось убийство этого беззащитного существа? Потому что совершилось именно убийство, хотя мы обычно избегаем употреблять это слово.

— Я же не предлагаю, чёрт побери, вынимать из утробы матери ребёнка, когда он уже сформировался!

— А вам известно, — спросил Хэррис, — что через восемь недель после зачатия у зародыша уже намечено всё, чему положено быть у новорождённого ребёнка? А на третьем месяце зародыш даже выглядит как

ребёнок. Так где тут можно провести границу?

— Вам бы следовало стать адвокатом, а не пилотом, — проворчал Димирест. Однако этот разговор невольно заставил его задуматься: на каком месяце может быть сейчас Гвен? Он прикинул: если это случилось в Сан-Франциско, как она утверждает, тогда, значит, восемь-девять недель назад, и, если верить Хэррису, у неё в чреве — почти полностью сформировавшийся ребёнок.

Подошло время для очередного рапорта на КДП. Вернон Димирест выполнил это сам. Они поднялись уже на тридцать две тысячи футов над землёй, подъём был почти закончен, ещё несколько секунд — и они пересекут границу Канады и пролетят над югом провинции Онтарио. Детройт и Виндзор, два города-близнеца по обе стороны границы, обычно издалека встречали их яркими всполохами огней. Но сегодня кругом был непроглядный мрак, и только где-то внизу — затянутые облаками города. Димирест вспомнил, что детройтский аэропорт закрыли перед самым их взлётом. В обоих городах сейчас бушевала вьюга, передвигавшаяся на восток.

Димирест знал, что там, у него за спиной, в пассажирских салонах Гвен Мейген и другие стюардессы разносят напитки по второму разу, а в салоне первого класса — ещё и горячие закуски на дорогих фарфоровых тарелочках.

— Этот вопрос глубоко меня волнует, — сказал Энсон Хэррис. — Не обязательно быть религиозным человеком, чтобы верить в нравственность.

— Или вынашивать идиотские идеи, — проворчал Димирест. — Ну, что ни говорите, а те, кто разделяет вашу точку зрения, неминуемо потерпят фиаско. Всё сейчас идёт к тому; чтобы облегчить возможность делать аборты. Вероятно даже, их будут производить свободно, узаконенным порядком.

— Если это произойдёт, — сказал Хэррис, — мы сделаем шаг назад, к печам Освенцима.

— Чушь! — Димирест оторвался от бортового журнала, куда он занёс только что полученные данные о местонахождении самолёта. Он уже не скрывал раздражения, которое вообще легко прорывалось у него наружу. — Существует много доводов в пользу абортов: случайное зачатие, например, которое обрекает ребёнка на нищету, на прозябание без надежды выбиться в люди, ну, и другие случаи — изнасилование, кровосмешение, слабое здоровье матери…

— Особые обстоятельства не могут приниматься в расчёт. Это всё равно что сказать: «Ладно, мы с некоторыми оговорками узаконим

убийство, если вы приведёте убедительные доводы в пользу его необходимости». — Хэррис возмущённо покачал головой. — И к чему говорить о нежеланных детях? Эта проблема может быть решена противозачаточными мерами. Теперь это доступно каждому, независимо от его имущественного положения. Но если произошла оплошность и новая жизнь уже зародилась, значит, возникло ещё одно человеческое существо, и вы не имеете права выносить ему смертный приговор. А что касается участи, которая его ждёт, то никто из нас не знает своей судьбы; но когда нам дарована жизнь — счастливая или несчастная, — мы стремимся её сохранить, и мало кто хочет от неё избавиться, сколь бы ни был он несчастен. С нищетой надо бороться, не убивая нерождённых младенцев, а улучшая условия жизни.

Хэррис помолчал, потом заговорил снова:

— А опираясь на экономический фактор, можно зайти очень далеко. Следуя такой логике, кто-то захочет убивать психически неполноценных или монголоидных младенцев, едва они появятся на свет, умерщвлять стариков, безнадёжно больных и общественно бесполезных лиц, как это делают в Африке, оставляя их в джунглях на съедение гиенам… Мы же не делаем этого, потому что ценим жизнь человека и уважаем его достоинство. И должны ценить и уважать их всё больше и больше, если верим в развитие и прогресс.

На альтиметрах перед каждым из пилотов стрелка дошла до тридцати трёх тысяч футов. Самолёт набрал заданную высоту. Энсон Хэррис перевёл машину в горизонтальный полёт, а Сай Джордан снова отрегулировал подачу топлива двигателям…

Димирест досадовал на себя — не к чему было затевать этот ненужный спор.

— У вас мозги набекрень — вот в чём ваша беда, — сказал он Хэррису и, чтобы положить спору конец, нажал кнопку вызова стюардессы. — Пусть нам подадут закуски, пока пассажиры первого класса не сожрали всё.

— Неплохая идея, — поддержал его Хэррис.

Несколько минут спустя Гвен Мейген, получив распоряжение по телефону, принесла три тарелочки с аппетитной горячей закуской и кофе. На всех лайнерах «Транс-Америки», как и на большинстве самолётов других американских авиакомпаний, пилотов обслуживают молниеносно.

— Спасибо, Гвен, — сказал Вернон Димирест, и, когда Гвен наклонилась, подавая кофе Энсону Хэррису, он скользнул взглядом по её талии и ещё раз убедился в том, что она не: претерпела ни малейших

изменений: что бы ни происходило там, внутри, талия была такая же тонкая, как прежде. К чёрту, Хэрриса с его стариковскими рассуждениями! Разумеется, Гвен должна сделать аборт, как только они вернутся.

В шестидесяти футах от кабины экипажа, в салоне туристского класса миссис Ада Квонсетт была погружена в оживлённую беседу с пассажиром, сидевшим справа от неё — симпатичным мужчиной средних лет, гобоистом из Чикагского симфонического оркестра, как ей удалось выяснить.

— До чего это замечательно — быть музыкантом! Такая творческая профессия! Мой покойный муж был без ума от классической музыки. Он сам немножко поигрывал на скрипке — по-любительски, конечно.

Миссис Квонсетт чувствовала, как приятная теплота разливается по её телу после рюмочки хереса, за которую заплатил гобоист, а он уже осведомлялся, не хочет ли она повторить.

Миссис Квонсетт согласилась, сияя улыбкой:

— Вы необыкновенно любезны; мне бы, вероятно, следовало отказаться, но я не откажусь.

Пассажир, сидевший от неё слева — мужчина с тоненькими рыжеватыми усиками и тощей шеей, — был менее общителен, По правде говоря, он просто обескураживал миссис Квонсетт. В ответ на все её попытки завязать разговор она слышала только какое-то односложное невнятное бормотание; он всё так же апатично сидел, не меняя позы и держа чемоданчик на коленях.

Когда всем подали напитки, миссис Квонсетт подумала, что, возможно, теперь её сосед слева разговорится. Не тут-то было. Он взял у стюардессы порцию шотландского виски, уплатил за него, вытащив из кармана кучу мелочи и отсчитав, сколько требовалось, и одним глотком проглотил содержимое стакана. Благодушно настроенная после рюмки хереса, миссис Квонсетт сказала себе: «Бедняжка, верно, у него неприятности, надо оставить его в покое».

Она заметила, однако, что человек с тощей шеей внезапно оживился, как только один из пилотов начал, вскоре после взлёта, делать сообщение относительно маршрута, скорости и продолжительности полёта и вдаваться ещё в различные подробности, к которым миссис Квонсетт почти никогда не прислушивалась. Пассажир же слева тотчас сделал какие-то пометки на обороте конверта, а затем достал одну из карт «Установите ваше местонахождение», какими снабжает пассажиров авиакомпания, и расстелил её на своём чемоданчике. Он углубился в изучение карты, делая на ней пометки карандашом и время от времени поглядывая на часы.

Миссис Квонсетт всё это казалось каким-то глупым ребячеством — на то и штурман где-то впереди, чтобы беспокоиться, туда ли летит самолёт, куда ему положено лететь.

Миссис Квонсетт снова переключила своё внимание на гобоиста, который принялся рассказывать, что лишь совсем недавно, слушая симфонию Брукнера не из оркестра, а из концертного зала, он сделал для себя открытие: в тот момент, когда в партии духовых идёт «пом-тидди-пом-пом», скрипки играют «аади-дли-аа-даа». И он для наглядности промурлыкал обе мелодии.

— Как замечательно! Никогда бы не подумала! Просто невероятно! — воскликнула миссис Квонсетт. — Моему покойному мужу было бы очень интересно познакомиться с вами, хотя вы, разумеется, много его моложе.

Она уже приканчивала вторую рюмку хереса и чувствовала себя наверху блаженства. «Я выбрала чудесный рейс, — думала миссис Квонсетт. — Такой замечательный аэроплан и такое хорошее обслуживание. Стюардессы вежливые, заботливые, и пассажиры все такие милые, если не считать этого, что сидит слева, ну, да бог с ним». Скоро, по расчётам миссис Квонсетт, должны были подать обед, а потом показать фильм — кто-то сказал, что с Майклом Кейном, её любимым актёром, в главной роли. Ну, чего ещё желать от жизни?

Миссис Квонсетт заблуждалась, полагая, что где-то там впереди сидит штурман. Никакого штурмана не было. «Транс-Америка», как и большинство крупных авиакомпаний, больше не пользовалась услугами штурманов даже при трансатлантических перелётах — его заменяли многочисленные радары и система радиоуправления, установленная на всех современных лайнерах. Пилоты вели самолёт, пользуясь указаниями, поступающими с земли, с контрольно-диспетчерских пунктов.

Впрочем, если бы на борту самолёта находился, как в прежние времена, штурман, вычисленное им местонахождение самолёта почти совпало бы с результатами Герреро, хотя последний достиг их путём весьма приблизительного расчёта. Герреро ориентировочно высчитал, когда они будут пролетать над Детройтом, и его предположения оказались правильными; он убедился в этом, слушая очередное сообщение командира экипажа о том, что скоро они пролетят над Монреалем, затем над Фредериксоном в Нью-Брансуике, затем над Кейп-Реем и несколько позже над Ньюфаундлендом. Командир был настолько любезен, что сообщил даже скорость полёта, что облегчало дальнейшие подсчёты Герреро.

Восточный берег Ньюфаундленда, по расчётам Герреро, должен

остаться позади через два с половиной часа. Но до этого командир корабля, вероятно, сделает ещё одно сообщение о местонахождении лайнера, так что правильность подсчёта можно будет на всякий случай проверить, после чего Герреро, так было у него задумано, подождёт ещё час, давая самолёту залететь подальше над Атлантическим океаном, и, дёрнув за шнурок, взорвёт динамит. При этой мысли пальцы его, лежавшие на чемоданчике, невольно напряглись.

Теперь, когда кульминационный момент был уже близок, ему захотелось ускорить его наступление. Может быть, в конце концов, не обязательно, подумал он, выжидать так долго. Как только они пролетят Ньюфаундленд, можно действовать.

От хорошей порции виски он несколько успокоился. Правда, сев в самолёт, он уже почувствовал себя увереннее, однако, как только они оторвались от земли, нервное напряжение в нём стало снова нарастать, и особенно когда эта въедливая старая кошка начала приставать к нему с разговорами. Герреро не желал вступать ни с кем в контакт — ни сейчас, ни потом: хватит, все связи с окружающим миром для него уже порваны. Ему хотелось одного: сидеть и мечтать о том, как Инес и двое его ребятишек получат в самом непродолжительном времени, надо полагать, такую крупную сумму, какой он никогда в жизни не держал в руках, — триста тысяч долларов.

А пока что он бы с удовольствием выпил ещё виски, но у него не было денег. После того как ему пришлось заплатить за страховку больше, чем он предполагал, мелочи едва хватило на одну порцию виски. Значит, придётся обойтись без выпивки.

Герреро снова закрыл глаза. Теперь он старался представить себе, какое впечатление произведёт на Инес и ребятишек сообщение о деньгах. Они будут ему благодарны за то, что он застраховался в их пользу, хотя и не узнают всей правды — не узнают, что он пожертвовал ради этого жизнью. Впрочем, у них может зародиться подозрение. Ему хотелось верить, что в этом случае они правильно расценят его поступок; впрочем, всякое может быть; он знал, что люди иногда крайне неожиданно и странно реагируют на благодеяния.

Удивительное дело: когда он думал об Инес и о детях, ему никак не удавалось представить себе их лица. Словно он думал о ком-то, кого знал лишь понаслышке.

Он вознаградил себя, рисуя в воображении знак американского доллара, цифру три, повторенную несколько раз, и бесконечное множество нулей. Должно быть, тут он задремал, потому что, открыв глаза и быстро

взглянув на часы, увидел, что прошло уже двадцать минут, и услышал голос стюардессы — красивой брюнетки, говорившей с английским акцентом. Наклонившись к нему, стюардесса спрашивала:

— Вам можно подавать обед, сэр? В таком случае разрешите убрать ваш чемоданчик.

4

При первом же взгляде на адвоката Эллиота Фримантла, явившегося во главе депутации от жителей Медоувуда, Мел Бейкерсфелд почувствовал к нему инстинктивную неприязнь. А ещё через десять минут эта неосознанная антипатия переросла в чувство отвращения.

Казалось, адвокат сознательно старался держаться как можно более вызывающе и оскорбительно. Беседа ещё не началась, а он уже, как бы вскользь, проронил, что «не потерпит никаких увёрток — разговор должен идти начистоту», на что Мел возразил очень мягко, хотя и был возмущён в душе. И в дальнейшем каждое слово Мела наталкивалось на недоверие, иронию или прямую грубость. Мел видел, что этот человек нарочно пытается его разозлить, вывести из себя и спровоцировать на какое-нибудь неосмотрительное высказывание в присутствии репортёров. Раскусив его стратегию, Мел вовсе не хотел попадаться на удочку. Он сделал над собой усилие и продолжал говорить рассудительно и вежливо, как всегда.

Фримантл выступил с протестом против того, что он охарактеризовал как «бессердечное равнодушие управления аэропорта к состоянию здоровья и благополучию моих клиентов — добрых семейных граждан, жителей Медоувуда».

Мел возразил, что ни служащие аэропорта, ни авиакомпании, эксплуатирующие этот аэропорт, не заслуживают обвинения в бессердечии и равнодушии.

— Напротив, — сказал он, — мы признаём, что проблема шума существует, и прилагаем все усилия, чтобы с нею справиться.

— В таком, случае, сэр, ваши усилия крайне ничтожны! Что же вы практически сделали? — вопросил Фримантл. — Насколько я и мои клиенты можем видеть — и слышать, — все ваши усилия сводятся к пустым заверениям, которые не стоят ни гроша. Совершенно очевидно, что все вы здесь плевать хотели на наши жалобы, почему мы и намерены возбудить против вас дело.

Это обвинение неосновательно, заявил Мел. Была разработана схема, дающая возможность исключать из пользования взлётно-посадочную полосу два-пять, непосредственно нацеленную на Медоувуд, во всех случаях, когда вместо неё может быть использована другая полоса. Поэтому полоса два-пять используется теперь преимущественно для посадки, что не создаёт большого шума для Медоувуда, но зато

чрезвычайно затрудняет бесперебойную работу аэропорта. Помимо этого, пилотам всех авиалиний дана инструкция применять меры для снижения шума при взлёте в направлении Медоувуда с любой, даже самой отдалённой, взлётной полосы, немедленно после отрыва от земли. Командно-диспетчерский пункт следит за выполнением инструкции.

Затем Мел добавил:

— И вот что вам необходимо уяснить себе, мистер Фримантл: это ведь не первая наша встреча с местными жителями. Мы уже не раз обсуждали наши взаимные проблемы.

— Надо полагать, что в предыдущих встречах откровенного разговора не состоялось, — огрызнулся Фримантл.

— Даже если и так, то вы теперь вполне восполнили этот пробел.

— Мы намерены восполнить не только этот пробел, но и потерю времени, и сил, и обманутое доверие, — ведь всё это произошло отнюдь не по вине моих клиентов.

Мел решил не спорить. Такого рода пререканием ни та, ни другая сторона ничего не достигнет — разве что прибавит популярности Эллиоту Фримантлу. Мел заметил, что карандаши репортёров бойко строчат по бумаге. Что-что, а как делать себе рекламу и давать ходкий материал для прессы — это адвокат, по-видимому, неплохо знал.

Про себя Мел решил, что постарается как можно быстрее, не выходя, разумеется, из рамок учтивости, положить конец этим переговорам. Он всё время остро ощущал присутствие Синди; она продолжала сидеть, как сидела в момент появления депутации, только теперь всем своим видом показывала, что её одолевает скука: всё, что имело хоть какое-то отношение к служебным делам Мела, неизменно нагоняло на неё тоску. Впрочем, на этот раз Мел готов был ей посочувствовать. Появление медоувудцев он и сам воспринимал сейчас как непрошеное вторжение в его личную жизнь, и притом в самый сложный для него момент.

В то же время Мела не оставляла тревога за Кейза. Как там у него на КДП идут сейчас дела? Может быть, ему следовало настоять, чтобы Кейз прервал работу, и продолжить свою беседу с ним, которая, кажется, могла дать результаты, если бы не помешал руководитель полётов. Пожалуй, и сейчас ещё не поздно… Но разговор с Синди не был закончен, и ей, конечно, он должен отдать предпочтение перед Кейзом. А тут ещё этот зловредный адвокат продолжает упражняться в красноречии…

— Поскольку вы изволили упомянуть эти, с позволения сказать, меры, которые вы применяете для приглушения звука, разрешите поинтересоваться, что с ними стряслось сегодня вечером? — язвительно

осведомился Эллиот Фримантл.

Мел вздохнул.

— Третьи сутки свирепствует снежный буран. — Он окинул взглядом остальных членов депутации. — Мне кажется, каждому из вас это очевидно. Буран создаёт сложности. — Он рассказал, что взлётно-посадочная полоса три-ноль заблокирована, отчего возникла необходимость временно пользоваться для взлёта полосой два-пять, а это, неизбежно, не могло не отразиться на Медоувуде.

— Всё это распрекрасно. Мы знаем, что бушует пурга, мистер Бейкерсфелд, — сказал один из медоувудцев — лысеющий мужчина с квадратной челюстью, с которым Мел уже встречался раз на другом обсуждении проблемы аэропортовских шумов. — Но когда вы летаете у меня над головой, мне ей-богу, не легче от того, что я знаю причину этого безобразия — будь то пурга или ещё что. Кстати, меня зовут Флойд Занетта, и я был председателем на том собрании…

— Если вы позволите, мне бы хотелось обратить здесь внимание на одно обстоятельство, прежде чем мы пойдём дальше, — как бы невзначай вмешался Эллиот Фримантл. Адвокат явно никак не намерен был ни на секунду уступить кому-либо руководящую роль на этом обсуждении. Он обратился к Мелу, одновременно бросив взгляд в сторону репортёров: — Дело не только в шуме, который сотрясает дома и барабанные перепонки жителей Медоувуда, хотя и он достаточно губителен для здоровья — расшатывает нервы, лишает детей нормального сна… Ваш аэропорт физически вторгается…

На этот раз Мел позволил себе прервать адвоката:

— Вы в самом деле считаете, что единственный выход из возникшей сегодня ситуации — это закрыть аэропорт?

— Я не только так считаю и предлагаю вам этот выход, но мы можем даже заставить вас закрыть аэропорт. Я только что заявил, что аэропорт физически вторгается в жизнь граждан. Я докажу это в суде от имени моих клиентов, и мы выиграем процесс!

Остальные члены делегации, в том числе и Флойд Занетта, одобрительно закивали.

Эллиот Фримантл сделал паузу, чтобы дать своим словам поглубже проникнуть в сознание слушателей, а сам тем временем обдумывал, размышлял. Пожалуй, он зашёл достаточно далеко. Досадно было лишь то, что, несмотря на все его усилия, управляющий аэропортом не потерял самообладания. Он уже не раз, и часто не без успеха, пользовался этим методом. Метод оправдывал себя, потому что если его оппоненты теряли

самообладание, они неизбежно падали в глазах репортёров, а именно этого он преимущественно и добивался. Но Бейкерсфелд, несмотря на то, что адвокат явно сумел ему сильно досадить, был слишком опытен и умён, чтобы попасться на эту удочку. Ну, ничего, думал Фримантл, кое-чего я всё же достиг. Он тоже заметил, что репортёры прилежно записывают его слова, которые (утратив свой язвительно-нравоучительный тон) будут выглядеть совсем неплохо в печати — лучше даже, казалось ему, чем его предыдущая речь на собрании в Медоувуде.

Фримантл сам, конечно, понимал, что всё это — лишь пустое жонглирование словами, которое по существу ничего не даёт. Даже если бы ему удалось склонить на свою сторону Бейкерсфелда — что было весьма маловероятно, — всё равно Бейкерсфелд был бы бессилен что-либо сделать. Аэропорт существовал и будет существовать в том же виде и там, где он есть. Смысл же этого ночного визита заключался отчасти в том, чтобы привлечь к себе внимание публики, а главным образом (с точки зрения самого Фримантла) в том, чтобы показать жителям Медоувуда, какого стойкого поборника своих интересов они имеют в его лице, что должно было обеспечить непрерывный приток новых соглашений и чеков в контору Фримантла и Сая.

Обидно, конечно, что оставшиеся внизу жители Медоувуда не могут слышать, как он, отстаивая их интересы, даёт жару этому Бейкерсфелду. Ну ничего, они прочтут это в завтрашних газетах. К тому же Эллиот Фримантл вовсе не считал, что здесь и завершится ночная схватка Медоувуда с аэропортом. По окончании этих переговоров он выступит по телевидению — он обещал это ребятам из телекомпании, которые не могли тащить сюда своё оборудование и тоже ждут внизу. По его расчётам (и по его же предложению), телевизионные камеры сейчас уже должны быть установлены в центральном зале, и, хотя этот негр, лейтенант полиции, заявил, что не допустит никаких демонстраций, он, Фримантл не сомневался, что если ловко повести дело, его выступление может вызвать и демонстрацию.

Минуту назад он заявил, что намерен возбудить дело в суде, а несколько ранее в тот же вечер заверил жителей Медоувуда, что на это в первую очередь и направлена вся его деятельность. «Прежде всего я уповаю на суд и закон, — сказал он им. — Только на закон, и ни на что больше». Разумеется, это была неправда. Но вся политика Эллиота Фримантла строилась на том, чтобы уметь, когда нужно, сблефовать.

— Какие меры вы в рамках закона примете, это, разумеется, ваше дело, — сказал Мел Бейкерсфелд. — Тем не менее я должен напомнить

вам, что закон оставил за аэропортами — поскольку они выполняют общественно полезную и необходимую функцию — право на существование вблизи населённых пунктов.

Фримантл поднял брови:

— А я и не знал, что вы тоже адвокат.

— Я не адвокат и к тому же совершенно уверен, что вы это знаете.

— Ну, я было на минуту усомнился, — ехидно ухмыльнулся Эллиот Фримантл. — Потому что я-то, видите ли, адвокат и имею некоторый опыт в этих вопросах. Более того, могу заверить вас, что есть прецеденты, когда дело было решено в пользу моих клиентов. — И, так же, как на предыдущем собрании, он отчеканил весьма внушительно звучащий перечень судебных процессов: «Соединённые Штаты против Каузби», «Григгс против графства Аллегени», «Сорнберг против Портлендского аэропорта», «Мартин против аэропорта „Сиэтл“».

Мела это позабавило, хотя он и не подал виду. Он прекрасно помнил все эти процессы. Помнил он и другие, где суд принял прямо противоположное решение, но об этих процессах Фримантл либо не был осведомлён, либо по каким-то причинам решил их не упоминать. Мел подозревал последнее, но вовсе не намерен был вступать в юридические дебаты. Для этого, если потребуется, место в суде.

Однако Мел отнюдь не намерен был оставлять последнее слово за адвокатом, к которому он с каждой минутой проникался всё большей антипатией. Обращаясь ко всей делегации в целом, он объяснил, почему не желает касаться сейчас юридической стороны вопроса, но добавил:

— Однако коль скоро мы здесь собрались, я хотел был сказать несколько слов о работе любого аэропорта и о шуме вообще.

Тут Синди зевнула, и он это заметил.

Фримантл тотчас перебил его:

— Сомневаюсь, чтобы в этом была какая-либо необходимость. Мы намерены теперь…

— Позвольте! — Это уже прозвучало весьма внушительно. Мел отбросил наконец свой учтиво-мягкий тон. — Следует ли понимать это так, что после того, как я терпеливо вас выслушал, вы и остальные члены вашей делегации не расположены оказать такую же любезность мне?

Медоувудцы переглянулись. Один из них — всё тот же Флойд Занетта, сказал:

— Я так полагаю, что мы должны…

Мел произнёс резко:

— Я жду ответа от мистера Фримантла.

— Право, я не вижу причин повышать голос и вести себя неучтиво, — уклончиво сказал адвокат.

— В таком случае, почему же вы только этим и занимаетесь с той минуты, как переступили порог моего кабинета?

— Я этого не нахожу…

— А вот я нахожу.

— Вам не кажется, что вы слишком горячитесь, мистер Бейкерсфелд?

— Нет, не кажется. — Мел усмехнулся. — Мне жаль вас огорчать, но я вполне владею собою. — Он почувствовал, что преимущество сейчас на его стороне: его неожиданный отпор застал адвоката врасплох, и тот растерялся. Спеша воспользоваться достигнутым, Мел продолжал: — Вы очень много говорили здесь, господин Фримантл, и не всегда достаточно вежливо. Но и я, со своей стороны, тоже хочу кое-что сказать. И я уверен, что представителям прессы интересно выслушать обе стороны, даже если больше никого из присутствующих моя точка зрения не интересует.

— Почему же, очень даже интересует, только мы уже сыты по горло всякими пустыми отговорками. — Эллиот Фримантл и на этот раз, как всегда, быстро оправился. Однако он должен был себе признаться, что мягкая поначалу манера Мела Бейкерсфелда усыпила его бдительность, а последующая внезапная атака застала врасплох. Управляющий аэропортом оказался далеко не таким простаком, как могло показаться с первого взгляда.

— Я не позволял себе никаких отговорок, — заметил Мел. — Я только предложил рассмотреть вопрос о шуме с более широкой точки зрения.

Фримантл пожал плечами. Рассматривать вопрос с любой другой позиции — тем более если она может заинтересовать представителей печати, — никак не входило в его планы, поскольку грозило отвлечь внимание от него самого. Но как этого избежать, он не смог придумать с ходу.

— Леди и джентльмены! — начал Мел. — В самом начале нашей сегодняшней встречи говорилось о том, что разговор с обеих сторон должен идти начистоту. Мистеру Фримантлу была предоставлена эта возможность, и он воспользовался ею. Теперь настала моя очередь, и я так же буду вполне откровенен.

Мел заметил, что медоувудцы — две женщины и четверо мужчин — слушают его так же внимательно, как и репортёры. Даже Синди исподтишка наблюдала за ним. И очень спокойно он продолжал:

— Все вы знаете — во всяком случае, должны бы знать, — какие меры принимались в международном аэропорту Линкольна, чтобы по

возможности уменьшить шум и облегчить жизнь тем, кто проживает в непосредственной близости от аэропорта. Некоторые из этих мер вам известны, но, помимо них, существуют и другие: испытание двигателей, например, производится в наиболее удалённых частях аэропорта и в строго установленные часы.

Эллиот Фримантл, который уже начал ёрзать на стуле, прервал его:

— Но вы же сами признали, что все эти ваши так называемые «меры» на деле не применяются.

— Ничего подобного я не говорил, — резко возразил Мел. — В большинстве случаев они неизменно применяются. Я признал, что сегодня они действительно не применялись ввиду совершенно исключительных обстоятельств, и, откровенно говоря, приведись мне самому пилотировать сейчас самолёт и поднимать его в воздух при такой погоде, я бы воздержался от дросселирования двигателей для снижения шума тотчас после отрыва от земли. И скажу больше — такие условия неизбежно будут время от времени повторяться.

— Не время от времени, а постоянно!

— Нет, сэр! И позвольте мне закончить! — Не давая Фримантлу возможности вставить ещё хоть слово, Мел продолжал: — Не секрет, что аэропорты — как здесь, так и повсюду, — дошли до предела своих возможностей по части снижения шума. Вам не понравится то, что я сейчас скажу, и не все в нашем деле это признают, но тем не менее это так: в настоящее время в этом направлении мало что можно ещё сделать. Вы не можете заставить двигаться бесшумно, как на цыпочках, тяжёлую машину с мощными двигателями и весом в триста тысяч фунтов. И естественно, что, когда вы сажаете или поднимаете в воздух большой лайнер, он сотрясает всё вокруг и вытряхивает душу из всех находящихся поблизости. — Кое у кого по лицу промелькнула улыбка, но Эллиот Фримантл нахмурился. — Так что если мы хотим, чтобы аэропорты продолжали существовать, — а, по-видимому, мы всё же этого хотим, — кому-то придётся примириться с шумом или переменить место жительства.

Теперь Мел, в свою очередь, заметил, что карандаши репортёров едва поспевают за ним.

— Не подлежит сомнению, — продолжал Мел, — что авиаконструкторы работают над проблемой уменьшения шума, но, честно говоря, мало кто в авиационной промышленности относится к этому вопросу серьёзно, и, конечно, больших успехов в этой области — таких, как в развитии самолётостроения вообще, — мы не видим. В лучшем случае кое-какие паллиативы. Мои слова, быть может, прозвучат для вас

убедительнее, если я позволю себе провести одну параллель: хотя грузовики вошли в нашу жизнь много раньше самолётов, по-настоящему эффективного глушителя для них ещё не сконструировано.

Следует также иметь в виду, что к тому времени, когда удастся усовершенствовать какой-либо тип самолётного двигателя, уменьшив его шум — если, конечно, это вообще удастся, — будут уже сконструированы новые, более мощные двигатели, которые даже с применением вышеупомянутого усовершенствования не могут не создавать больший шум, нежели предшествующие им. Как видите, я говорю с вами предельно откровенно, как и обещал.

Одна из представительниц Медоувуда мрачно пробормотала:

— Да уж куда откровеннее.

— А это заставляет меня, — сказал Мел, — заглянуть в будущее. Так вот: в недалёком будущем появится новое, если можно так выразиться, племя самолётов из семейства лайнеров «боинг-747», включая таких бегемотов, как «локхид-500», которые скоро будут введены в эксплуатацию. А следом за ними не заставят себя долго ждать и сверхзвуковые пассажирские самолёты, такие как, к примеру, «конкорд». Скорость самолётов типа «локхид-500» будет всё же меньше скорости звука, и шум от них не намного превысит тот, с каким мы имеем дело теперь. У сверхзвуковых же самолётов к обычному шуму, создаваемому мощными двигателями, прибавится ещё возникающий при полёте со сверхзвуковой скоростью удар, похожий на выстрел, и это поставит нас перед куда более сложной проблемой шума, чем та, с которой мы сталкивались до сих пор.

Возможно, вам, как и мне, приходилось слышать или читать весьма оптимистические высказывания по поводу того, что этот удар будет возникать лишь на очень большой высоте, далеко от населённых пунктов и аэропортов и на земле почти не будет ощущаться. Не верьте этому! Все мы на пороге крупных, трудно разрешимых проблем: и вы в своих домах, и мы, руководство аэропортов, и авиакомпании, вложившие миллиарды долларов в оборудование, которое должно бесперебойно эксплуатироваться, чтобы их деньги не вылетели в трубу. Поверьте мне, приближается время, когда всем нам захочется вернуться вспять к нынешним нашим проблемам шума — такими они покажутся нам тогда несущественными.

— Так что, собственно, советуете вы моим клиентам? — саркастически вопросил Эллиот Фримантл. — Чтобы они, не теряя времени даром, сами укрылись в психиатрических клиниках, пока ваши бегемоты не загнали их туда?

— Нет, — твёрдо отвечал Мел. — Этого я не говорю. Я просто

откровенно — как вы меня и просили — признаюсь, что не могу разрешить их проблемы и не собираюсь давать обещания, которые аэропорт не в состоянии выполнить. А также выражаю своё личное мнение, что шум в дальнейшем будет не уменьшаться, а возрастать. И тут мне хотелось бы напомнить вам, что это отнюдь не новая, внезапно возникшая проблема. Она существует с тех пор, как появился паровоз, а за ним — и легковые автомобили, автобусы, грузовики. Эта же проблема возникала, когда через заселённые местности прокладывались автострады или когда строились аэропорты, постепенно расширяющие свои владения. Всё это призвано служить людям — во всяком случае, мы так считаем, — однако всё это создаёт шум и, несмотря на все наши усилия, продолжает его создавать. Ничего тут не поделаешь: поезда, автомобили, автострады, самолёты и всё прочее существуют. Это одна из сторон нашего образа жизни, и, если мы не намерены его менять, нам придётся как-то приспосабливаться к шуму.

— Иными словами, мои клиенты должны до конца своей жизни отбросить всякую надежду на покой, тишину, безмятежный сон и возможность уединения?

— Нет, — сказал Мел. — Я думаю, что в конце концов им придётся переселиться. Я, разумеется, не делаю сейчас никаких официальных заявлений, но убеждён, что рано или поздно и наш аэропорт, и все прочие будут вынуждены пойти на многомиллионные расходы и откупить прилегающие к ним населённые районы. Многие из этих районов могут быть превращены в индустриальные центры, для которых шум не имеет значения. Ну и само собой разумеется, тем, кто окажется вынужденным покинуть свои владения, будет выплачена соответствующая компенсация.

Эллиот Фримантл встал и знаком предложил остальным последовать его примеру.

— Вот единственная здравая мысль, которую я услышал за всё то время, что мы провели здесь, — заявил Фримантл, обращаясь к Мелу. — Однако выплата компенсации может произойти раньше, чем вы предполагаете, и сумма может оказаться значительно более крупной. Мы с вами ещё встретимся. В суде.

Фримантл сухо кивнул и вышел. Остальные последовали за ним.

Мел услышал, как в дверях одна из женщин воскликнула:

— Вы были бесподобны, мистер Фримантл! Я так всем и скажу.

— Ну что ж, спасибо, спасибо…

Голоса замерли.

Мел пошёл притворить за ними дверь.

— Мне очень жаль, что так получилось, — сказал он, оборачиваясь к

Синди. Теперь, оставшись с нею вдвоём, он уже не знал, что могут они сказать друг другу. Синди холодно заявила:

— Этого и следовало ожидать. Тебе надо было жениться на аэропорте.

Подойдя к двери, Мел заметил, что один из репортёров — Томлинсон из «Трибюн» — вернулся в приёмную.

— Мистер Бейкерсфелд, могу я задержать вас на секунду?

— Да, в чём дело? — устало спросил Мел.

— У меня создалось впечатление, что мистер Фримантл не слишком вас очаровал.

— Это не для печати?

— Нет, сэр.

— В таком случае, вы не ошиблись.

— И я подумал, что вот это может вас заинтересовать. — Он протянул Мелу одно из отпечатанных на машинке соглашений, которые Фримантл распространял на собрании медоувудских жителей, вербуя себе клиентов.

Прочитав соглашение, Мел спросил:

— Где вы это раздобыли?

Репортёр объяснил.

— И много там было народу?

— По моим подсчётам — человек шестьсот.

— А сколько таких соглашений было подписано?

— Ну, этого я не могу с уверенностью сказать, мистер Бейкерсфелд. Думается, штук полтораста. А некоторые обещали подписать и прислать по почте.

«Вот почему он так актёрствовал», — угрюмо подумал Мел. Теперь стало понятно, на кого и с какой целью старался Фримантл произвести впечатление.

— Мне кажется, вы сейчас прикидываете в уме то же, что пытался прикинуть я, — сказал Томлинсон.

Мел кивнул.

— Да, всё это вместе складывается в довольно кругленькую сумму.

— Вот именно. Я бы не прочь заработать половину.

— Может быть, мы с вами оба ошиблись в выборе профессии? А вы давали отчёт об этом собрании в Медоувуде?

— Да.

— И неужели никто из присутствовавших там не пробовал указать на то, что общая сумма гонорара этого адвоката достигает пятнадцати тысяч долларов по самым скромным подсчётам?

Томлинсон покачал головой.

— Либо никто об этом не подумал, либо им наплевать. Кроме того, Фримантл — это личность. Он, я бы сказал, гипнотически действует на аудиторию. Они смотрят ему в рот, как зачарованные.

Мел вернул репортёру соглашение.

— Вы будете об этом писать?

— Я-то напишу, но не слишком удивляйтесь, если заведующий городской хроникой вычеркнет это. Они всегда боятся задевать этих крючкотворов. К тому же с чисто юридической точки зрения здесь, вероятно, нет ничего противозаконного.

— Конечно, — сказал Мел. — Другое дело, что это неэтично и коллегии адвокатов может не очень-то понравиться. Но ничего противозаконного тут нет. А жителям Медоувуда следовало бы, конечно, сговориться и просто сообща нанять юриста. Но если люди легковерны и хотят помочь адвокату разбогатеть — это их личное дело.

Томлинсон усмехнулся:

— Могу я это процитировать?

— Вы только что сказали мне, что ваша газета такого материала не напечатает. К тому же мы ведь договорились, что наша беседа не для печати, вы не забыли?

— Пусть так.

Если бы от этого мог быть какой-нибудь толк, думал Мел, он бы разрешил репортёру сослаться на его слова: а вдруг, чем чёрт не шутит, напечатают. Но он знал, что толку не будет. И он знал также, что множество крючкотворов вроде Фримантла рыщут по стране, вынюхивают, где что неладно, подстрекают людей, осаждают аэропорты, дирекции авиакомпаний, а иногда и пилотов.

Мела, однако, возмущала не сама по себе их активность — частная инициатива в сочетании с легальными средствами является привилегией любого, — его возмущал метод, к которому они во многих случаях прибегали, возбуждая в своих клиентах несбыточные надежды, вводя их в заблуждение, ссылаясь на убедительные с виду, но предвзято подобранные примеры из судебной практики — подобно тому, как делал это сегодня Эллиот Фримантл, и наводняя суды бесчисленными, заранее обречёнными на неудачу исками, в результате чего в барыше оставались только сами адвокаты, а клиенты лишь зря теряли время и деньги.

Мел пожалел, что Томлинсон не сделал ему своего сообщения раньше. Это дало бы ему возможность предостеречь медоувудцев против Эллиота Фримантла, показать им, в какую ловушку их заманили, и придало бы его словам вес. Теперь было уже поздно.

— Мистер Бейкерсфелд, — сказал представитель «Трибюн», — мне бы хотелось задать вам ещё несколько вопросов о работе аэропорта вообще. Если вы можете уделить мне минут пять-десять…

— В любое другое время я был бы только рад. — Мел беспомощно развёл руками. — Но как раз сейчас у нас здесь происходит слишком много событий одновременно.

Репортёр кивнул.

— Я понимаю. Но так или иначе я некоторое время побуду тут. Я слышал, что Фримантл и его шайка что-то ещё затевают там, внизу, в центральном зале. Словом, если у вас появится возможность позже…

— Я постараюсь, — сказал Мел, не предполагая, впрочем, что этой ночью у него может ещё найтись время для репортёров. Стремление Томлинсона поглубже вникнуть в события, о которых он собирался давать материал, вызывало у Мела уважение к нему, но тем не менее сегодня он был уже сыт по горло всеми этими делегациями… ну и репортёрами тоже.

Если даже там что-то и затевается, решил он, то лейтенант Ордвей со своими полицейскими справится с этим и без него.

5

Попрощавшись с репортёром «Трибюн» и притворив за ним дверь, Мел обернулся. Синди стояла и натягивала перчатки.

— Ну, конечно, как ты и говорил, наваливается сотня всяких непредвиденных дел, — язвительно заметила она. — Не знаю, что представляют собой остальные девяносто девять, но не сомневаюсь, что все они важнее для тебя, чем я.

— Ты прекрасно понимаешь, — сказал Мел, — что я выражался фигурально. И я ведь уже принёс тебе извинения. Откуда я мог знать, что это произойдёт, во всяком случае, что всё будет так — одно к одному?

— Но ты же это любишь, разве нет? Тебе всё это нравится. Для тебя всё это куда дороже, чем я, дети, наш дом, общество приличных, благовоспитанных людей.

— Вот-вот, — сказал Мел. — Я всё ждал, когда ты сядешь на своего конька… А, чёрт, мы, кажется, опять начинаем ссориться. Мы все решили, так ведь? К чему же снова пререкаться?

— Да, конечно, — сказала Синди. Неожиданно она вдруг присмирела. — Да, вероятно, ты прав.

Наступило тягостное молчание. Мел нарушил его первым:

— Подумай, развод — это очень серьёзное дело и для тебя, и для меня, и для девочек. Если ты не вполне уверена… если у тебя есть какие-нибудь сомнения…

— Мы ведь как будто уже всё обсудили…

— Конечно, но если ты найдёшь нужным, мы обсудим это заново ещё пятьдесят раз.

— Я не нахожу это нужным. — Синди решительно тряхнула головой. — У меня нет никаких сомнений. Да ведь и у тебя, в сущности, тоже, разве не так?

— Да, — сказал Мел. — Боюсь, что так.

Синди хотела что-то сказать, но передумала. Она чуть было не сообщила Мелу о Лайонеле Эркарте, однако в последнюю минуту удержалась. Успеется — Мел сам узнает. Что же касается Дерика Идена, который занимал её мысли почти всё время, пока тут в кабинете находилась делегация от Медоувуда, то о его существовании она не собиралась ставить в известность ни Мела, ни… Лайонела.

В дверь постучали — негромко, но решительно.

— О боже! — пробормотала Синди. — Неужели всё время кто-нибудь будет сюда врываться?

— Кто там? — раздражённо крикнул Мел.

Дверь отворилась.

— Это я, — сказала Таня Ливингстон. — Мел, мне нужен ваш совет… — Заметив Синди, она приросла к месту. — Простите. Я думала, что вы одни.

— Вы почти не ошиблись, — сказала Синди. — Через несколько секунд меня здесь не будет.

— Нет, прошу вас!.. — Таня вспыхнула. — Я могу прийти позднее, миссис Бейкерсфелд. Я не хотела вам мешать.

Синди внимательным взглядом окинула Таню, её форменный костюм.

— Вероятно, вы помешали нам как раз вовремя, — сказала Синди. — Во всяком случае, прошло уже добрых три минуты с тех пор, как отсюда ушли последние посетители, а мы редко бываем вместе продолжительный срок. — Она повернулась к Мелу. — Не так ли?

Мел молчал.

— Между прочим, — Синди снова обратилась к Тане, — мне бы хотелось знать, как это вы сразу сообразили, кто я такая?

На секунду Таня растерялась, что было ей совсем не свойственно. Оправившись, она слабо улыбнулась:

— Я почему-то догадалась.

Синди подняла брови.

— Может быть, и я должна проявить такую же догадливость? — Она взглянула на Мела.

— Вовсе нет, — сказал Мел и представил их друг другу.

Мел видел, что Синди мысленно оценивает Таню Ливингстон. У него не было ни малейших сомнений в том, что его жена уже строит умозаключения относительно его отношений с Таней. Синди, как он давно заметил, была наделена каким-то безошибочным чутьём по части всего, что касалось отношений между мужчинами и женщинами. К тому же Мел чувствовал, что, представляя Таню жене, он чем-то выдал себя. Этого не могло не случиться: супруги слишком хорошо знают малейшие оттенки голоса друг друга. Мел даже не очень удивился бы, если бы Синди догадалась о том, что у них с Таней назначено свидание, хотя по зрелом размышлении должен был признать, что воображение заводит его слишком далеко.

Во всяком случае, о чём бы Синди ни догадывалась, это теперь не имеет значения, сказал он себе. Ведь она же первая заговорила о разводе,

так что ей, собственно, за дело до его отношений с другими женщинами? Какую бы роль ни играла в его жизни Таня (а для него самого эта роль была ещё совсем не ясна), Синди, рассуждая логически, это не должно касаться. Но женщины, напомнил себе Мел — в том числе и Синди, а возможно, и Таня, — редко умеют рассуждать логически.

И тут он был прав.

— Как тебе повезло, милый, — притворно нежно проворковала Синди, — что на этот раз сюда не пожаловала ещё одна делегация нудных стариков со своими проблемами! — Она впилась взглядом в Таню. — Вы, кажется, сказали, что у вас какие-то затруднения?

Таня невозмутимо выдержала её испытующий взгляд.

— Я сказала, что мне нужно посоветоваться.

— Ах, вот как! О чём же вам нужно посоветоваться? По служебным делам или по личным? Или вы уже запамятовали?

— Синди, перестань, — резко сказал Мел. — Какое ты имеешь право…

— Как это — какое я имею право? И почему я должна перестать? — В голосе Синди звучала нескрываемая насмешка. Мелу показалось даже, что она получает от этого разговора какое-то извращённое удовольствие. — Не ты ли сам вечно упрекал меня, что я проявляю слишком мало интереса к твоим проблемам? Так вот, проблема твоей приятельницы пробудила во мне живейший интерес… если, конечно, такая проблема существует.

Таня сказала сухо:

— Я по поводу рейса два. — И пояснила: — Это беспосадочный перелёт до Рима, миссис Бейкерсфелд. Самолёт поднялся в воздух полчаса тому назад.

— А что там у них? — спросил Мел.

— Да, сказать по правде, — Таня замялась, — я сама не очень понимаю.

— Давайте, давайте, — сказала Синди. — Придумайте что-нибудь.

— Да замолчи же! — взорвался Мел. — В чём всё-таки дело? — спросил он Таню.

Таня поглядела на Синди и начала пересказывать свой разговор с таможенным инспектором Стэндишем. Описала мужчину, который как-то подозрительно оберегал свой чемоданчик, сказала, что у Стэндиша возникли подозрения, не везёт ли этот пассажир контрабанду.

— Он на борту рейса два? — переспросил Мел. — В таком случае, если даже и везёт контрабанду, то в Италию, и это не должно беспокоить американских таможенников. Европейские страны сами сумеют постоять за

себя.

— Я понимаю. УП сказал мне то же, слово в слово. — Таня передала свой разговор с ним и его последние слова, произнесённые с раздражением, но твёрдо: «Нас это не касается!»

Мел озадаченно посмотрел на неё.

— В таком случае я не понимаю, почему…

— Я же сказала вам, что, может быть, всё это пустяки, я сама не знаю, но отделаться от этих мыслей никак не могу. И вот я стала проверять…

— Что проверять?

Они оба уже забыли про Синди.

— Инспектор Стэндиш сказал мне, что этот человек с чемоданчиком вошёл в самолёт одним из последних. Вероятно, это было так, потому что я сама стояла в выхода и всё-таки проглядела старушку… — Таня не договорила. — Впрочем, это не имеет отношения к делу. Короче говоря, я вместе с дежурным контролёром, пропускавшим на рейс два, проверила список пассажиров и ведомость их регистрации. Контролёр не мог припомнить человека с чемоданчиком, но указал примерно пять фамилий пассажиров, которые проходили последними.

— И что дальше?

— Тогда я просто по наитию опросила все регистрационные стойки относительно этих пяти пассажиров — не бросилось ли им что-нибудь в глаза. В аэропорте никто ничего сообщить не мог. А вот один из городских агентов действительно запомнил этого пассажира — того, что с чемоданчиком. Таким образом я узнала его имя… и по описанию всё сходится.

— Я всё же не понимаю, что вы тут усмотрели. Он ведь должен был зарегистрировать где-то свой билет и предпочёл сделать это на городской станции.

— Видите ли, агент запомнил его потому, что у него не было с собой багажа — ничего, кроме чемоданчика. И ещё агенту бросилось в глаза, что этот пассажир очень нервничал.

— Тысячи людей нервничают… — Внезапно Мел умолк и нахмурился. — Никакого багажа? И он летел в Рим?

— Вот именно. Ничего, кроме чемоданчика, который привлёк внимание инспектора Стэндиша. Городской агент даже назвал этот чемоданчик портфелем.

— Но кто же отправляется в такое путешествие совсем без вещей? Это как-то нелепо.

— Так подумалось и мне. Нелепо, если только… — Таня запнулась, не

решаясь продолжить свою мысль.

— Если только?..

— Если только не знать наперёд, что самолёт не достигнет места назначения. А вот если вам это заранее известно, то и багаж никакой не нужен.

— Таня, — медленно и тихо произнёс Мел, — что вы имеете в виду?

Она ответила упавшим голосом:

— Я совсем в этом не уверена, потому и пришла к вам. Когда я начинаю раздумывать, мне самой такая мысль кажется смешной, фантастической, и всё же…

— Договаривайте.

— Хорошо. А что, если этот человек не везёт с собой никакой контрабанды… во всяком случае, в обычном смысле слова… Что, если у него потому и не было с собой багажа и потому он так нервничал и так странно держал чемоданчик — даже привлёк к себе внимание инспектора… Что, если всё это потому, что у него там не контрабанда… а бомба?

Таня и Мел уставились друг на друга. Мел быстро перебирал в уме все обстоятельства, прикидывал… Мысль Тани в первую минуту и ему показалась фантастической, нелепой. А всё же… Ведь такие случаи хоть редко, но бывали. И тотчас возник вопрос: как можно быть уверенным, что это именно такой случай? Чем больше он размышлял, тем очевиднее ему становилось, что поведение этого пассажира с чемоданчиком может иметь совершенно невинное объяснение, и скорее всего так оно и есть. А в этом случае, подняв шум, только останешься в дураках, и вполне понятно, что никому попасть в такое положение не хочется. Но если на карту поставлена судьба пассажиров и самолёта, можно ли при этом беспокоиться о том, чтобы не остаться в дураках? Ясно, нет. Но с другой стороны, чтобы забить тревогу, нужны более веские основания, чем чьи-то домыслы и предчувствия. Есть ли какая-то возможность предостеречь, принять меры, не сея паники? — думал Мел.

Пока что он такой возможности не видел.

Но проверить кое-что он всё-таки мог. Это было тоже лишь предположение… впрочем, для такой проверки достаточно телефонного звонка. Вероятно, его навела на эту мысль сегодняшняя встреча с Верноном Димирестом, напомнившая ему их стычку на заседании Совета уполномоченных.

Во второй раз за нынешний вечер Мел заглянул в свой карманный телефонный справочник. Затем подошёл к столу и набрал номер страховой

компании, продававшей страховки в центральном зале. Ему ответил хорошо знакомый голос одной из девушек, давно работающей страховым агентом в аэропорту.

— Мардж, — сказал он, — говорит Бейкерсфелд. Много ли вы сегодня продали страховых полисов пассажирам рейса два?

— Немного больше, чем обычно, мистер Бейкерсфелд. Да и на другие два рейса я продала, кажется, двенадцать, и Банни — она работает рядом со мной — тоже выписывала.

— Вот что я попрошу вас сделать, — сказал Мел. — Прочтите мне фамилии всех взявших полисы и суммы, на которые они застраховались. — Почувствовав, что девушка колеблется, Мел добавил: — Если нужно, я могу позвонить вашему управляющему и получить разрешение. Но вы знаете, что он не станет возражать, а для меня — можете поверить мне на слово — это очень важно, и я не хочу терять время.

— Хорошо, мистер Бейкерсфелд, как прикажете. Но мне нужно собрать все полисы.

— Я подожду.

Мел услышал, как Мардж положила трубку на стол и извинилась перед клиентом. Потом зашелестели бумаги, и раздался голос другой девушки: «Что-нибудь не в порядке?»

Прикрыв микрофон трубки рукой, Мел обернулся к Тане:

— Как его фамилия — этого пассажира с чемоданчиком?

Таня заглянула в свой список.

— Герреро или Берреро — один раз было записано так, а другой раз — иначе. — Она заметила, что Мел вздрогнул. — Инициалы — Д. О.

Мозг Мела напряжённо работал. Фамилия женщины, которую час назад приводили к нему в приёмную, была Герреро. Так сказал лейтенант Ордвей. Мел отчётливо это помнил. Полиция обратила на неё внимание, потому что она растерянно бродила по аэровокзалу. По словам Неда Ордвея, женщина была чем-то очень расстроена и плакала, но никто из полицейских не мог добиться от неё толку. Мел собирался сам поговорить с ней, но не успел. Когда явилась делегация из Медоувуда, женщина уже уходила. Конечно, может быть, одно к другому и не имеет отношения…

В телефоне слышны были голоса страховых агентов и пассажиров на фоне шума центрального зала.

— Таня! — Мел старался говорить спокойно. — Примерно двадцать минут назад у меня в приёмной была женщина — средних лет, в поношенной и, как мне показалось, порядком промокшей одежде. По-моему, эта женщина ушла, когда сюда набился народ, но возможно, она ещё

где-нибудь здесь, в пределах аэропорта. Приведите её сюда и, во всяком случае, как только она попадётся вам на глаза, не выпускайте её из виду. — Заметив Танин озадаченный взгляд, Мел добавил: — Её зовут миссис Герреро.

Таня поспешно вышла, и в эту минуту в телефоне раздался голос Мардж:

— Я собрала все полисы, мистер Бейкерсфелд. Можно вам прочесть?

— Да, Мардж, читайте.

Мел внимательно слушал. Список подходил к концу, когда он услышал уже ставшую знакомой фамилию, и невольно весь напрягся. Голос его зазвучал насторожённо:

— Скажите, кто оформлял этот полис — вы?

— Нет. Банни. Сейчас я передам ей трубку.

Мел выслушал рассказ Банни и задал несколько вопросов. Разговор их был краток. Мел положил трубку и тут же стал набирать другой номер. Вошла Таня.

В глазах её стоял вопрос, но Мел предпочёл пока что сделать вид, будто он этого не замечает, и она тотчас начала докладывать:

— На административном этаже никого посторонних нет. А внизу по-прежнему миллион народу; нечего и думать найти кого-нибудь в этой толпе. Может быть, объявим по трансляции?

— Что ж, попытаемся, хотя особенной надежды на успех у меня нет.

Судя по тому, что он слышал об этой Герреро, толку от неё добиться будет нелегко и едва ли объявление по трансляции что-либо даст. К тому же её, вероятно, давно нет здесь — она уже наверняка где-нибудь на полпути к городу. Мел упрекал себя за то, что не поговорил с нею, он ведь собирался это сделать, но его отвлекли другие дела. Делегация медоувудцев, тревога за Кейза… Тут он вспомнил, что хотел вернуться на КДП. Теперь и это придётся отложить… Да, ещё Синди… Он только сейчас заметил, что Синди ушла, и почувствовал себя неловко.

Он взял со стола микрофон и протянул его Тане.

В эту минуту ответил набранный им номер полицейского отделения аэропорта.

— Мне нужен лейтенант Ордвей, — сказал Мел. — Он ещё в аэропорту?

— Да, сэр. — Дежурный узнал голос Мела.

— Разыщите его как можно скорее. Я подожду. И, кстати, как имя женщины по фамилии Герреро, на которую кто-то из ваших людей обратил сегодня внимание? Мне говорили, но я хочу проверить.

— Одну минуту, сэр. — Небольшая пауза. — Её зовут Инес, сэр, Инес Герреро. Мы уже вызвали лейтенанта Ордвея по его рации.

Нед Ордвей, как и многие другие служащие аэропорта, имел при себе карманный радиоприёмник, дававший спецсигнал, как только поступал срочный вызов для лейтенанта. Значит, в эту минуту Ордвей где-то уже спешит к телефону.

Мел быстро дал Тане необходимые указания и нажал кнопку своего личного микрофона, которая одновременно отключила все другие микрофоны трансляционной сети аэропорта. Дверь в приёмную была открыта, и он услышал, как оборвалось, на полуслове очередное сообщение о посадке на самолёт. За все восемь лет, в течение которых Мел находился на посту управляющего аэропортом, только дважды прибегал он к такой мере. В первом случае — как он врезался Мелу в память! — он сделал это, чтобы объявить о смерти президента Кеннеди. Во втором — это было год назад — к нему в кабинет забрёл, рыдая, отставший от родителей малыш. Мел не стал канителиться: отвергнув обычную в таких случаях процедуру, он использовал свой микрофон, чтобы поскорее оповестить родителей, которые, конечно, уже сходили с ума от тревоги.

И сейчас он кивнул Тане, чтобы она начинала своё объявление, а мозг его тем временем сверлила мысль, что, в сущности, он до сих пор не знает, зачем нужна ему эта женщина, Инес Герреро, — ведь у пего нет даже уверенности в том, что всё это не пустые фантазии. Но подсознательно он чувствовал, что это не так, что произошло — а быть может, ещё и продолжает происходить — что-то серьёзное. В таких случаях нужно, не теряя времени, проверить каждую мелочь, в надежде, что каким-то образом, с помощью других людей удастся всё разъяснить.

— Прошу внимания! — начала Таня; голос её звучал, как всегда, ясно и спокойно, и сейчас он был слышен во всех самых отдалённых уголках аэровокзала. — Миссис Инес Герреро, или Берреро, просят немедленно явиться в кабинет управляющего аэропортом на административном этаже центрального здания аэровокзала. Любой служащий аэропорта или какой угодно авиакомпании покажет вам дорогу. Повторяю…

В телефонной трубке затрещало: лейтенант Ордвей был на проводе.

— Нам нужна эта женщина, — сказал ему Мел. — Та, что была здесь у меня в приёмной. Герреро. Мы сейчас передаём…

— Да-да, — сказал Ордвей. — Я слышу.

— Она нужна нам срочно. Объясню всё потом. А сейчас можете мне поверить…

— Понятно. Когда вы видели её в последний раз?

— Когда она была вместе с вами в моей приёмной.

— Понятно. Что-нибудь ещё?

— Да, это может оказаться очень серьёзным. Я просил бы вас всё бросить, поставить на ноги всех ваших людей. И в любом случае — найдёте вы её или нет — поскорее загляните ко мне сюда…

— Есть. — В телефоне звякнуло: Ордвей повесил трубку.

Таня закончила своё объявление, и не успела она нажать кнопку и выключить микрофон, как в отворённую дверь донеслось новое сообщение по трансляционной сети: «Внимание! Мистер Лестер Мейнуэринг! Просим мистера Мейнуэринга и сопровождающих его лиц немедленно подойти к центральному входу аэровокзала».

«Лестер Мейнуэринг» на условном языке аэропорта означало «полицейский». Сообщение расшифровывалось так: полицейский, находящийся ближе всего к указанному месту, должен немедленно явиться туда. Под «сопровождающими лицами» подразумевались все полицейские вокзала. Большинство аэропортов пользовались таким же кодом, чтобы вызывать полицию, не привлекая внимания пассажиров.

Ордвей времени не терял. Как только полицейские соберутся у центрального входа, он проинструктирует их относительно Инес Герреро.

— Позвоните Уэзерби, — сказал Мел Тане. — Попросите его как можно быстрее прийти сюда. Скажите, что это важно. — И добавил как бы про себя: — Для начала соберём всех здесь.

Позвонив, Таня сообщила:

— Он сейчас будет. — В голосе её слышалась тревога.

Мел подошёл к двери в приёмную и приотворил её.

— Вы ведь так ничего и не объяснили мне, — сказала Таня. — Что такое вы обнаружили?

Мел сказал с расстановкой, осторожно выбирая слова:

— Этот человек, Герреро, тот, что улетел в Рим без багажа с одним ручным чемоданчиком — вы ещё заподозрили, что у него там бомба, — перед вылетом застраховал свою жизнь на триста тысяч долларов в пользу некой Инес Герреро. И, оплачивая страховку, выгребал у себя из карманов последнюю мелочь.

— О господи! — Таня побелела и прошептала еле слышно: — Нет, нет… не может быть!

6

Бывали дни — и сегодня выдался один из таких дней, — когда Патрони радовался, что он работает в техническом секторе авиации, а не в коммерческом.

Эта мысль снова посетила его, когда он наблюдал, как хлопочут рабочие, подкапываясь под занесённый снегом лайнер «Аэрео-Мехикан», который всё ещё блокировал полосу три-ноль.

Коммерческий сектор, к которому Патрони причислял без разбору ведь административный состав, был, на его взгляд, скопищем чванливых бездельников, вздорящих друг с другом, как капризные подростки. И только в инженерном и ремонтно-техническом секторах сидели взрослые люди и занимались своим делом. Механики (неуклонно отстаивал свою точку зрения Патрони), даже состоя на службе в конкурирующих авиакомпаниях, работают дружно, слаженно, делятся опытом, информацией, а иной раз и профессиональными секретами во имя общего блага.

В подтверждение своих слов Патрони не раз признавался своим друзьям в том, что существует тайный обмен информацией, регулярно получаемой механиками на закрытых конференциях той или иной авиакомпании.

Руководство авиакомпании, в которой работал Патрони, как и большинство крупных рейсовых авиакомпаний, проводило ежедневные телефонные конференции, именуемые «инструктажем», в которых обязаны были принимать участие все авиабазы, аппараты управления и ремонтно-технические службы, имеющие между собой прямую закрытую междугороднюю связь. Проводившиеся под председательством вице-президента авиакомпании инструктажи представляли собой, в сущности, информацию о всей деятельности авиакомпании за истёкшие сутки и обсуждение этой деятельности. Происходил откровенный обмен мнениями между ведущими работниками всех секторов. Коммерческий сектор и сектор обслуживания ежедневно проводили свой инструктаж, так же как и ремонтно-технический, только значение последнего, по мнению Патрони, было несравненно выше.

Во время технических инструктажей, в которых Патрони принимал участие пять раз в неделю, все ремонтно-технические службы отчитывались одна за другой. Если за истёкшие сутки где-либо

происходили задержки или другие неполадки по вине технического сектора, руководство сектора должно было нести за них ответственность. Никакие отговорки во внимание не принимались. Патрони говорил: «Прошляпил — отвечай!» Сообщалось о любых, даже самых ничтожных неполадках в материальной части с целью информации и предотвращения возможности их повторения. На следующем инструктаже в понедельник Патрони предстояло доложить о случае с «боингом-707» авиакомпании «Аэрео-Мехикан» и о своём успехе или неудаче, в зависимости от того, как дальше пойдёт у него дело. Ежедневные доклады на инструктажах являлись делом отнюдь не шуточным — особенно потому, что механики были народ тёртый и не пытались обвести друг друга вокруг пальца.

А после этих официальных конференций начинались — как правило, без ведома высшего руководства авиакомпаний — приватные совещания. Патрони и другие механики обменивались телефонными звонками со своими дружками из конкурирующих авиакомпаний, делились впечатлениями и информацией, если находили её существенной. И нужные сведения очень редко не получали распространения.

А в особо серьёзных случаях — во всём, что касалось вопроса безопасности, — информация передавалась от одной авиакомпании к другой не на следующие сутки, а тут же. Если, к примеру, воздушный корабль ДС-9 авиакомпании «Дельта» терпел аварию из-за поломки лопасти винта, ремонтно-технические службы «ТВА», «Истерн», «Континентл» и других авиакомпаний, имеющих в эксплуатации самолёты ДС-9, ставились об этом в известность в течение часа. Полученная информация могла предупредить повторение такой же аварии с другим самолётом. Потом за этим сообщением последует снимок повреждённой машины и технический рапорт. И при желании техники и механики других авиакомпаний будут иметь возможность расширить свои познания, ознакомившись на месте с поломкой и прочими повреждениями.

Все, кто, подобно Патрони, работал в тесном контакте друг с другом, любили отмечать, что представители административного и коммерческого секторов конкурирующих авиакомпаний в тех случаях, когда им требовалось встретиться для консультации, редко делали это в служебной обстановке, предпочитая кафе или ресторан. Представители же ремонтно-технического сектора, в противоположность им, постоянно наведывались к своим конкурентам, зная, что им открыт туда свободный доступ как членам единого сообщества. И если ремонтно-технический сектор одной авиакомпании попадал в беду, другие помогали ему, чем могли.

Такого рода помощь была оказана сегодня Патрони.

На протяжении полутора часов, пока велись подготовительные работы для новой попытки вывести увязший самолёт, количество людей, принимавших участие в этих работах, почти удвоилось. Поначалу в распоряжении Патрони была только небольшая бригада авиакомпании «Аэрео-Мехикан», да кое-кто из его собственных ребят и «ТВА». Теперь бок о бок с ними усердно трудились рабочие-землекопы из авиакомпаний «Брани ф», «Пан-Американ», «Американ» и «Истерн».

По мере того как люди всё прибывали и прибывали на самых разнокалиберных машинах авиационной службы, становилось ясно, что весть о трудной задаче, стоявшей перед Патрони, уже успела — способом условной тайной сигнализации — распространиться по всему аэропорту, и аварийно-ремонтные бригады различных авиакомпаний, не дожидаясь, когда их попросят, энергично взялись за дело. Это пробудило доброе чувство признательности в душе Патрони.

Всё же, несмотря на прибывшую подмогу, Патрони не удалось закончить подготовительные работы за час, как он рассчитывал. Две прорытые в снегу перед колёсами самолёта траншеи удлинялись неуклонно, но медленно из-за того, что все работавшие время от времени бегали греться в два служебных автобуса, где было сравнительно тепло. Забравшись туда, люди тотчас принимались хлопать в ладоши и растирать щёки, онемевшие от колючего ледяного ветра, который всё ещё бушевал над заметённым снегом аэропортом. На ближайшей рулёжной дорожке по-прежнему теснились автобусы, грузовики, снегоочистители и прочие служебные машины, в том числе заправочная цистерна и ревущий передвижной генератор — большинство с «мигалками» на крыше. Лучи прожекторов вырывали этот кусок поля из окружающего мрака, превращая его в ослепительно-белый оазис мерцающего снега.

Две траншеи, каждая в шесть футов шириной, шли под небольшим уклоном вверх от огромных колёс лайнера к более твёрдому грунту, куда, по расчётам Патрони, лайнер должен был выбраться своими силами. В глубине траншеи под снегом была мокрая глина, в которой первоначально и застрял съехавший с полосы лайнер. Мокрый снег смешался с мокрой глиной, по по мере подъёма траншей вверх количество слякоти становилось всё менее угрожающим. Третья траншея — не такая глубокая и более узкая — прокладывалась для носового колеса. Как только удастся вывести самолёт на твёрдый грунт, освободится полоса три-ноль, перекрытая сейчас крылом лайнера. Сам же лайнер нетрудно будет перегнать на соседнюю рулёжную дорожку.

Теперь, когда подготовительные работы подходили к концу,

дальнейший успех мероприятия зависел от искусства пилотов «боинга-707», которые дожидались своего часа в кабине экипажа и взирали сверху на копошившихся внизу людей. Пилотам предстояло решить основную задачу: какую мощность должны развить двигатели, чтобы самолёт сдвинулся с места и не зарылся носом в снег.

Сам Патрони, с тех пор как прибыл на этот участок, почти не выпускал лопаты из рук и вместе с другими рыл траншею. Бездействие всегда угнетало его. К тому же порой он рад был случаю проверить свою выносливость. Прошло уже двадцать лет с тех пор, как Патрони покинул любительский бокс, однако и сейчас он был физически крепче своих сверстников и даже многих более молодых. Рабочие наземной службы «Транс-Америки» с удовольствием поглядывали на сильную, коренастую фигуру Патрони, работавшего бок о бок с ними. Он увлекал их за собой и подхлёстывал: *«А ну, пошевеливайся, сынок, мы же не могильщики, а ты не покойник… Что вас всё носит в этот автобус, ребята, может, у вас там любовные свидания?.. Если ты ещё постоишь в обнимку со своей лопатой, Джек, мороз превратит тебя в жену Лота… Ребята, нам же нужно сдвинуть это корыто с места, пока его конструкция не устарела»*.

Патрони ещё не разговаривал с командиром экипажа и первым пилотом, предоставив это Ингрему, старшему технику «Аэрео-Мехикан», который возился здесь до него. Ингрем сносился с командой по внутреннему радиотелефону и держал пилотов в курсе того, что происходило внизу.

Теперь Патрони распрямил спину и, воткнув лопату в снег, сказал Ингрему:

— Через пять минут мы закончим. Когда у вас всё будет готово, велите людям убраться и убрать технику. Лишь только эта махина сдвинется с места, — он мотнул головой в сторону лайнера, — она поведёт себя, как пробка от шампанского.

Ингрем, закутанный до ушей в свою парку и весь съёжившийся от холода, молча кивнул.

— Вы пока тут кончайте, — сказал Патрони, — а я перекинусь словечком с пилотами.

Старомодный трап, который несколько часов назад подогнали к самолёту, чтобы спустить на землю пассажиров, всё ещё стоял у передней двери. Патрони взобрался по заснеженным ступенькам, прошёл через пассажирский салон и направился в кабину экипажа, с удовольствием раскуривая по дороге свою неизменную сигару.

После мороза и снежной вьюги кабина казалась особенно уютной.

Один из радиоприёмников был настроен на городскую волну, играла музыка. Когда вошёл Патрони, первый пилот, сидевший без пиджака, в одной рубашке, выключил радио, и музыка смолкла.

— Зачем вы? Это не мешает. — Главный механик отряхнулся, словно буль-терьер, обрушив на пол лавину снега. — Я за то, чтобы никогда не вешать носа. Мы же не просим вас сойти вниз и поработать лопатой.

В кабине не было никого, кроме командира экипажа и первого пилота. Патрони вспомнил, что и бортмеханик и стюардессы отправились вместе с пассажирами в аэровокзал.

Командир, смуглый, кряжистый, чем-то напоминавший Энтони Куинна,[15] повернулся к Патрони на своём вращающемся кресле и сказал сухо:

— Каждый занимается, чем ему положено, — вы своим делом, мы своим. — Он говорил по-английски безукоризненно.

— Это правильно, — согласился Патрони. — Беда только в том, что наше дело нам часто портят и подваливают работы. Со стороны.

— Если вы имеете в виду то, что здесь произошло, — сказал командир, — Madre de Dios,[16] не думаете же вы, что я нарочно зарыл свой самолёт в снег?

— Нет, этого я не думаю. — Патрони выбросил сигару, которая уже никуда не годилась, так он её изжевал, сунул в рот другую и закурил. — Но раз уж он тут увяз, я хочу быть уверен, что мы его вытащим сразу, с первой же попытки. А если нет, то он увязнет ещё глубже, по самые уши. Как и все мы, включая вас. — Он поглядел на командирское кресло. — Что вы скажете, если я сяду сюда и попытаюсь его выволочь?

Командир вспыхнул. У него было четыре нашивки, и он не привык к такому тону, — впрочем, никто и не разговаривал так с людьми его ранга, кроме Патрони.

— Нет, благодарю вас! — холодно сказал командир. Он ответил бы ещё резче, если бы не чувствовал себя крайне неловко из-за положения, в которое попал. Он знал, что завтра в Мехико-Сити его ждёт весьма неприятный разговор со старшим пилотом компании. И всё же внутренне он весь кипел: «Jesus Cristo y por la amor de Dios!»[17]

— Там, внизу, целая орава полузамёрзших ребят, которые работали не за страх, а за совесть, — не сдавался Патрони. — Вытащить отсюда самолёт — штука тяжёлая. Мне уже приходилось, есть опыт. Так что, может, всё-таки дадите мне попробовать ещё раз?

Командир с трудом сдержал себя.

— Я знаю, кто вы такой, мистер Патрони, и мне сказали, что вы лучше любого сумеете помочь нам выбраться из этого болота. Следовательно, я нисколько не сомневаюсь, что вам разрешено маневрировать на самолёте по земле. Но позвольте вам напомнить, что мне и первому пилоту разрешено ещё и летать на нём. И нам за это платят. Так что управлять самолётом мы будем сами.

— Как вам угодно. — Патрони пожал плечами и сказал, ткнув своей сигарой в сторону рычагов подачи топлива: — Только запомните одно: когда я дам знак, двиньте секторы газа вперёд до упора. На полную катушку, понятно? Струсите — всё пропало.

И он вышел из кабины, не обращая внимания на сердитые взгляды разъярённых пилотов.

Внизу работы были закончены. Кое-кто побежал в автобус греться. Все машины отогнали подальше от самолёта.

Патрони закрыл за собой дверь кабины и спустился по трапу. Старший технолог, закутавшийся уже чуть ли не с головой в свою парку, доложил:

— Всё готово.

Патрони сделал ещё две-три затяжки и швырнул сигару в снег, где она, зашипев, потухла. Затем он указал на безмолвствовавшие двигатели лайнера:

— О'кей, запускайте все четыре.

Несколько человек уже шли обратно от автобусов. Четверо рабочих подставили плечи под трап и откатили его от самолёта. Двое других, стараясь перекрыть шум ветра, крикнули:

— Есть запускать двигатели! — после чего один из них стал перед самолётом, возле передвижного генератора. На голове у него были наушники, подключённые к радиотелефону в самолёте. Другой, со светящимися сигнальными жезлами в руках, прошёл дальше и стал так, чтобы его было видно пилотам из кабины.

Патрони, одолжив у кого-то защитный шлем, стал рядом с человеком в наушниках. Все остальные высыпали из автобусов — поглядеть.

В кабине пилоты закончили проверку перед стартом.

На земле человек с наушниками начал обычный ритуал подготовки к старту.

— Запускайте двигатели.

Пауза. Голос командира:

— Готовы запускать и форсировать.

Стартер третьего двигателя заработал от аэродромного пускового устройства, со свистом закрутился компрессор, замелькали его лопатки!

Когда скорость достигла пятнадцати процентов нормальной, первый пилот включил подачу топлива. Когда топливо воспламенилось, двигатель отрыгнул облако дыма и, глухо взревев, заработал.

— Запускайте четвёртый двигатель.

Следом за третьим заработал четвёртый двигатель, и генераторы обоих начали подавать ток.

Раздался голос командира:

— Перехожу на свои генераторы. Отключайте ваш.

— Отключено. Запускайте второй двигатель.

Заработал второй двигатель. Оглушающий рёв трёх двигателей. Вихрь снега.

Загудел и заработал первый двигатель.

Лучи прожекторов, освещавшие пространство перед самолётом, сместились в одну сторону.

Патрони поменялся наушниками со служащим, стоявшим перед самолётом. Теперь у него была прямая связь с пилотами.

— Говорит Патрони. Когда у вас там всё будет готово, начинайте действовать.

Стоявший впереди служащий поднял вверх светящиеся сигнальные жезлы, готовясь указывать путь самолёту по эллиптической дорожке за траншеями, тоже расчищенной от снега по распоряжению Патрони. Если «боинг» выедет на дорожку быстрее, чем предусмотрено, служащему придётся удирать бегом.

Патрони присел на корточки перед носовым колесом. Положение тоже небезопасное в случае, если самолёт рванёт с места. Недаром Патрони сжимал телефонный провод в месте соединения, чтобы сразу же выдернуть вилку из штепселя. Он внимательно следил за стойкой шасси — вот сейчас она начнёт перемещаться.

Голос командира:

— Даю газ.

Гул двигателей стал громче. Самолёт содрогался от этого гула, напоминавшего укрощённую грозу, земля под ним дрожала, но колёса оставались неподвижны.

Спасаясь от ветра, Патрони прикрыл микрофон ладонями и крикнул:

— Больше газу! Секторы вперёд до упора!

Рёв двигателей усилился, но лишь слегка. Колёса дрогнули, но не сдвинулись с места.

— До упора, чёрт подери! До упора!

Несколько секунд двигатели продолжали работать на прежней

мощности, потом внезапно мощность упала. В наушниках у Патрони задребезжал голос командира:

— Патрони, por favor,[18] если я дам двигателям полную тягу, самолёт станет на нос, и мы с вами вместо завязшего «боинга» будем иметь обломки «боинга».

Патрони внимательно приглядывался к колёсам самолёта, откатившимся на прежнее место, и к грунту вокруг них.

— Говорю вам, он вылезет! Наберитесь духу и дайте газ на всю катушку.

— Сами набирайтесь духу! — взбесился командир. — Я выключаю двигатели.

Патрони не своим голосом заорал в микрофон:

— Не выключайте, пусть работают вхолостую! Я сейчас поднимусь! — Выскочив из-под носа самолёта, он махнул рукой, чтобы подкатили трап. Но не успели его установить, как все четыре двигателя заглохли.

Когда Патрони поднялся в кабину, оба пилота уже отстёгивали ремни.

Патрони сказал с осуждением:

— Струсили!

Ответ командира прозвучал неожиданно кротко:

— Es posible.[19] И возможно также, что это единственный разумный поступок, который я совершил за весь сегодняшний вечер. Ваша бригада готова принять самолёт на себя? — официальным тоном осведомился он.

— О'кей, — сказал Патрони. — Примем.

Первый пилот взглянул на часы и сделал пометку в бортовом журнале.

— Когда вы так или иначе вытащите самолёт из снега, — сказал капитан, — ваша компания свяжется с нашей. А пока что — buenas noches.[20]

Лишь только оба пилота, застегнув на все пуговицы свои куртки, покинули кабину, Патрони быстрым привычным взглядом скользнул по приборам и рычагам управления. Через две-три минуты он следом за пилотом спустился по трапу.

Внизу его ждал Ингрем. Он кивком указал на пилотов, спешивших к одному из служебных автобусов.

— Так же сдрейфили они и раньше: не решились дать двигателям полную нагрузку. — Он угрюмо покосился на стойки шасси. — Потому он с самого начала и зарылся так глубоко. А теперь увяз ещё глубже.

Имение этого и боялся Патрони.

Он снова нырнул под фюзеляж — поглядеть на положение шасси; Ингрем посветил ему электрическим фонариком. Колёса ушли в мокрый снег и жидкую глину почти на фут глубже прежнего. Патрони взял фонарик, посветил под крыльями: оси всех четырёх колёс были в опасной близости к грунту.

— Крюком с неба разве что его теперь вытащишь, — сказал Ингрем.

Главный механик «ТВА» задумался и покачал головой.

— Надо попытаться ещё раз. Снова подкопать — поглубже, подвести траншеи под самые колёса и запустить двигатели. Только на этот раз вытаскивать его я буду сам.

Вокруг всё ещё продолжала завывать вьюга.

Ингрем поёжился, сказал с сомнением:

— Как знаете, доктор. Но, конечно, лучше вы, чем я.

Патрони усмехнулся:

— Если мне не удастся его вытащить, тогда, наверное, удастся разнести на куски.

Ингрем направился к одиноко стоявшему автобусу — снова собирать людей. Второй автобус уже уехал — повёз пилотов «Аэрео-Мехикан» в аэровокзал.

Патрони прикинул: теперь меньше чем за час никак не управиться. Значит, всё это время посадочная полоса три-ноль функционировать не будет.

Он направился к своему «пикапу», оборудованному рацией, чтобы доложить об этом на КДП.

7

Инес Герреро не была знакома с теорией, суть которой сводится к тому, что перенапряжённый, истощённый мозг может в целях самосохранения отключаться, и тогда человек впадает в состояние пассивного полузабытья. Однако её поведение служило наглядным подтверждением этой теории. Инес Герреро действовала бессознательно, как сомнамбула.

Вот уже несколько недель её томило беспокойство, тревога, близкая к отчаянию, а события этой ночи нанесли ей последний, сокрушительный удар. И мозг её отключился — так срабатывает предохранитель при коротком замыкании. Пока Инес Герреро пребывала в этом состоянии — временном, конечно, — она не отдавала себе отчёта ни где она находится, ни почему.

Грубоватый, разбитной шофёр такси оказал ей не слишком хорошую услугу. Они сторговались, что он отвезёт её в аэропорт за семь долларов. Выйдя из такси, Инес дала шофёру десятидолларовую бумажку — кроме этой бумажки, у неё почти ничего не было, — ожидая получить сдачу. Шофёр пробормотал, что сдачи у него нет, но он сейчас разменяет, и укатил. Инес напрасно прождала десять минут, стоя как на иголках и не сводя глаз с часов аэровокзала, стрелки которых неумолимо приближались к одиннадцати, когда должен был подняться в воздух самолёт, отлетавший в Рим, и, наконец, поняла, что шофёр такси и не подумает возвращаться. Инес не запомнила ни номера машины, ни фамилии шофёра — на что последний и рассчитывал. А если бы даже и запомнила, то писать жалобы не в её привычках, и, как видно, шофёр раскусил и эту черту её характера.

Несмотря на все препятствия, возникшие по дороге, Инес ещё успела бы попасть к посадке в самолёт, не задержись она в ожидании сдачи. А теперь, когда она отыскала выход на поле, самолёт уже бежал по рулёжной дорожке.

Всё же у Инес хватило ума воспользоваться советом, полученным по телефону от мисс Юнг, девушки из справочного бюро «Транс-Америки», и она прибегла к маленькой хитрости, чтобы выяснить, действительно ли её муж находится на борту самолёта, отлетающего в Рим. Контролёр как раз собирался покинуть свой пост у выхода сорок семь, когда к нему обратилась Инес.

По совету мисс Юнг она не стала задавать вопросов, а просто заявила:

— Мой муж находится на борту самолёта, на который только что закончилась посадка. — И она объяснила, что опоздала проводить мужа, но хочет убедиться, что он успел благополучно сесть в самолёт. Она достала жёлтенькую квитанцию, обнаруженную среди вещей мужа, и показала её контролёру. Мельком взглянув на квитанцию, контролёр стал просматривать список пассажиров.

На какую-то секунду в душе Инес затеплилась надежда; а вдруг она ошиблась, вдруг муж её и не думал никуда улетать; мысль о том, что он мог отправиться в Рим, всё ещё казалась ей слишком невероятной. Но тут контролёр сказал — да, Д. О. Герреро находится на борту самолёта, вылетающего рейсом два, и обидно, конечно, что миссис Герреро не успела проводить мужа, но сегодня из-за этого снегопада всё пошло кувырком, а теперь он просит его извинить, но ему необходимо…

Контролёр ушёл, и тут Инес расплакалась: она вдруг почувствовала себя такой одинокой среди всей этой толпы.

Сначала из глаз её выкатилось несколько слезинок, затем сразу припомнились все несчастья и беды, и слёзы хлынули ручьём. Инес скорбела о настоящем и оплакивала прошлое: был у неё дом — теперь его не стало; детей она не может содержать; был у неё муж, хоть и никудышный, но она привыкла к нему, а теперь и он улетел куда-то… Она вспоминала, какой была в молодости, и плакала о том, какой стала теперь; она плакала о том, что у неё нет денег и ей некуда идти — разве что снова в опостылевшую, кишащую тараканами квартиру, да и оттуда её завтра вышвырнут — ведь от ничтожной суммы, с помощью которой она надеялась умилостивить на время своего квартирного хозяина, ничего не осталось после того, как шофёр такси присвоил себе сдачу… Она даже не была уверена, хватит ли у неё мелочи, чтобы добраться до дому. Она плакала, потому что туфли натёрли ей ноги, и потому что она была так неприглядно одета, да ещё промокла насквозь, и потому что устала, измучилась, и потому что закоченела и её лихорадило. Она плакала о себе и обо всех разуверившихся и отчаявшихся, как она.

Наконец, заметив, что на неё стали с любопытством поглядывать, она, всё так же плача, принялась бесцельно бродить по аэровокзалу. Именно тогда защитные силы мозга пришли ей на выручку, сознание её затуманилось, и в спасительном отупении она хотя и продолжала горевать, но уже не понимала — почему.

Вскоре после этого она попалась на глаза одному из дежурных полицейских аэровокзала, и он, проявив отзывчивость, которой далеко не всегда отличаются блюстители порядка, усадил её в укромном уголке и тут

же связался по телефону со своим начальством. Лейтенант Ордвей находился неподалёку и сказал, что разберётся в этом сам. Он пришёл к выводу, что Инес, несмотря на её подавленное состояние и бессвязную речь, совершенно безопасна, и велел проводить её в кабинет управляющего аэропортом, считая, что это единственное спокойное и вместе с тем не столь устрашающее, как полицейский участок, место.

Инес покорно поднялась в лифте, прошла по коридору; она как будто даже не сознавала, что её куда-то ведут, во всяком случае, была к этому равнодушна. Потом она покорно опустилась в указанное ей кресло, радуясь, что может отдохнуть. Какие-то люди входили и выходили, говорили что-то, но всё, это происходило как во сне, а очнуться у неё не хватало сил.

Однако некоторое время спустя инстинкт самосохранения, заложенный в каждом человеке, сколь бы ни был он беспомощен и забит, заставил её очнуться и осознать, хотя и смутно, что нужно действовать, двигаться, делать что-то, так как жизнь не стоит на месте и — какие бы удары она ни наносила и как бы ни была беспросветна и пуста — неумолимо движется вперёд.

Инес Герреро встала; она ещё не отдавала себе отчёта, где находится и как сюда попала, но уже приняла решение уйти. В этот момент медоувудская делегация в сопровождении лейтенанта Ордвея вошла в приёмную Мела Бейкерсфелда, где находилась Инес. Делегация проследовала в кабинет, а Нед Ордвей вернулся, и, пока затворялась дверь, Мел успел заметить, что лейтенант разговаривает с посетительницей.

Хотя Инес и не очень хорошо соображала, однако она поняла, что этот здоровенный негр полицейский хочет ей помочь, и вместе с тем возникло неясное ощущение, что она уже видела его где-то, совсем недавно, и тогда он был тоже добр к ней, как и сейчас, куда-то отвёл её и ничего не пытался выспросить; вот и теперь он вроде понимал — хотя она ничего не говорила, — что ей надо вернуться в город, но она не уверена, хватит ли у неё на это денег. Инес принялась шарить в кошельке, хотела подсчитать, сколько у неё там осталось, но он остановил её и, повернувшись спиной к двери в кабинет, сунул ей в руку три доллара. Потом вывел её в коридор, показал, как пройти вниз к остановке автобуса, и добавил, что этих денег ей хватит на обратную дорогу и останется ещё немного, чтобы в городе добраться, куда ей нужно.

После этого полицейский ушёл, а Инес сделала, как он сказал: спустилась вниз по лестнице, потом почти у самой двери, ведущей наружу к остановке автобуса, ей бросилось в глаза нечто привычно-знакомое —

киоск, в котором продавали сосиски, — и чувство голода, жажды и смертельной усталости сразу вернуло её к действительности. Она порылась в кошельке, нашла тридцать пять центов, купила сосиску и кофе в бумажном стаканчике, и вид этих обыденных предметов подействовал на неё ободряюще. В уголке, рядом с киоском, она увидела стул и примостилась на нём. Она не отдавала себе отчёта в том, сколько времени просидела там: сосиска была съедена, кофе выпит, и пробудившееся было восприятие реальности происходящего снова стало ускользать от неё, заменяясь чувством успокоения и довольства. Сновавшие перед глазами люди, гул голосов, какие-то объявления по радио — всё это убаюкивало её. Дважды Инес показалось, будто она услышала по радио и своё имя, но она решила, что это ей почудилось, что этого не может быть, так как никому на свете нет до неё дела и никто даже не знает, где она.

Она смутно сознавала, что рано или поздно ей придётся отсюда уйти, и чувствовала, как это будет для неё трудно. Ну, а пока она тихонечко посидит здесь.

8

Все сотрудники, срочно вызванные в кабинет управляющего аэропортом, явились незамедлительно — за исключением одного. Некоторых Бейкерсфелд вызывал сам, других — через Таню Ливингстон, но во всех случаях подчёркивалась настоятельная необходимость прибыть немедленно, отложив все дела.

Первым явился шеф Тани Ливингстон — управляющий пассажирскими перевозками «Транс-Америки» Берт Уэзерби.

Почти тут же следом за ним пришёл лейтенант Ордвей, уже отдавший своим полицейским приказ разыскать Инес Герреро, но ещё не имевший ни малейшего представления о том, зачем это нужно. На это время он предоставил медоувудцам беспорядочно толпиться в главном вестибюле аэровокзала и слушать, как адвокат Фримантл усердствует перед телекамерой, защищая их права.

Берт Уэзерби спросил прямо с порога:

— Что у вас стряслось, Мел?

— Мы ещё не знаем наверняка, Берт, и ухватиться пока не за что, но не исключена возможность, что на борту вашего самолёта, выполняющего рейс два, находится бомба.

Уэзерби кинул мельком вопросительный взгляд на Таню, — почему она тоже здесь? — но не стал терять время на расспросы и снова обратился к Мелу:

— Так что именно вам известно?

Мел вкратце рассказал Уэзерби и Ордвею обо всём, что удалось установить, и о сообщении инспектора Стэндиша относительно пассажира, который как-то подозрительно, на взгляд инспектора — человека остро наблюдательного, — держал под мышкой маленький плоский чемоданчик, прижимая его к боку; о том, что человека этого, как установлено Таней Ливингстон, зовут Д. О. Герреро или, возможно, Берреро; о том, что, по словам городского агента, пассажир при регистрации не имел при себе никакого багажа, за исключением уже упомянутого чемоданчика; о том, что Д. О. Герреро выписал в аэропорту страховой полис на сумму в триста тысяч долларов, причём у него едва хватило денег, чтобы уплатить за страховку, из чего явствует, что он, по всей видимости, отправился в пятитысячемильный перелёт не только без смены белья, но и практически без денег; и наконец, о том, что миссис Инес Герреро, в чью пользу

застраховал её супруг свою жизнь на время перелёта, в чрезвычайно расстроенных чувствах только что бродила по зданию аэровокзала.

Пока он говорил, вошёл таможенный инспектор Гарри Стэндиш, не успевший даже снять формы, а за ним — Банни. Девушка вошла неуверенно, с опаской поглядывая по сторонам на незнакомых людей и незнакомую обстановку. Когда смысл сообщения Мела дошёл до неё, она побледнела и глаза её округлились от испуга.

Из всех приглашённых не явился только контролёр, дежуривший у выхода сорок семь и пропускавший пассажиров на рейс два. Когда Таня позвонила его начальнику, тот сказал, что контролёр уже сменился и уехал домой. «Передайте, — попросила Таня, — чтобы он по прибытии домой немедленно позвонил сюда». Таня решила, что вызывать его обратно нет смысла: едва ли он запомнил, сел ли Герреро в самолёт. Если же у кого-то возникнут вопросы, тогда их можно будет задать и по телефону.

— Я пригласил сюда всех, кто имеет к этому делу хоть малейшее отношение, на случай если вы или кто-то ещё пожелает что-нибудь выяснить, — сказал Мел, обращаясь к Уэзерби. — Я считаю, что нам с вами — и главным образом вам — предстоит решить, должны ли мы на основании имеющихся данных предупредить командира рейса два. — В эту минуту Мелу снова вспомнилось то, что он на время выбросил из головы: ведь командиром рейса два был его зять Вернон Димирест. Потом, сказал себе Мел, он ещё успеет хорошенько подумать о некоторых вытекающих отсюда последствиях. А сейчас не время.

— Вот что. — Вид у Берта Уэзерби был довольно мрачный. Он обернулся к Тане. — Какое бы решение мы ни приняли, я считаю, что следует поставить обо всём в известность главного пилота. Разыщите Ройса Кеттеринга. Если он ещё на базе, давайте его сюда.

Капитан Кеттеринг, главный пилот «Транс-Америки», испытывал самолёт номер 731-ТА перед его отправкой в рейс два.

— Есть, сэр.

Таня направилась к телефону; в это время зазвонил другой аппарат. Мел взял трубку.

Говорил руководитель полётов — в ответ на запрос Мела, поступивший несколько минут назад на КДП.

— Сообщаю запрошенные вами сведения о самолёте «Транс-Америки», выполняющем рейс два.

— Давайте.

— Взлетел в двадцать три тринадцать по местному времени.

Мел бросил взгляд на стенные часы. Было десять минут пополуночи:

самолёт летел уже без малого час.

Руководитель полётов продолжал:

— КДП Чикаго передал самолёт Кливлендскому центру в Двадцать четыре двадцать семь; Кливленд, в свою очередь, передал самолёт Торонто в час ноль три, то есть семь минут назад. По сообщению Торонтского центра, самолёт находится в настоящий момент близ Лондона, провинция Онтарио. Если вас интересует, могу сообщить дополнительные данные: высоту, скорость, курс…

— Пока достаточно, — сказал Мел. — Благодарю.

— Тут вот ещё что, мистер Бейкерсфелд. — И руководитель полётов пересказал сообщение Патрони: полосой три-ноль нельзя будет пользоваться ещё по меньшей мере час.

Мел нетерпеливо слушал. Сейчас на первом плане были другие, более важные дела.

Повесив трубку, Мел передал Уэзерби данные о местонахождении самолёта.

Таня тоже положила трубку и сообщила:

— Капитана Кеттеринга нашли. Он сейчас придёт.

— А эта женщина — жена подозрительного пассажира… Как, кстати, её зовут? — спросил Уэзерби.

— Инес Герреро, — сказал Ордвей.

— Где она?

— Пока неизвестно. — Ордвей добавил, что полицейские прочёсывают аэропорт, хотя, возможно, этой женщины давно уже здесь нет. Управление городской полиции тоже поставлено в известность, и полицейские проверяют каждый автобус, прибывающий в город из аэропорта.

— Она была здесь, — сказал Мел, — но тогда мы ещё ничего не знали…

— Не очень-то мы были поворотливы, — проворчал Уэзерби и поглядел на Таню, а потом на инспектора Стэндиша, который пока не произнёс ни слова. Таня поняла, что Уэзерби с досадой вспомнил сейчас, как он от неё отмахнулся: «Бросьте вы!» — Придётся нам всё-таки информировать командира экипажа, — сказал он. — Пусть у нас пока одни только предположения, он имеет право знать о них.

— Может быть, сообщить приметы Герреро, чтобы капитан Димирест мог последить за ним, не привлекая его внимания? — сказала Таня.

— Если вы найдёте это нужным, — сказал Мел, — тут мы можем вам помочь. Есть люди, которые его видели.

— Хорошо, — сказал Уэзерби, — сейчас мы этим займёмся. А пока что, Таня, свяжитесь с нашим диспетчером. Скажите, что через несколько минут нам надо будет передать важное сообщение рейсу два — пусть подключат спецсвязь. Я хочу, чтобы это прошло по закрытому каналу, а не в открытый эфир. Пока ещё не время оповещать всех.

Таня снова взяла трубку.

Мел обратился к Банни:

— Как вас зовут?

Она назвала себя, явно нервничая. Взоры всех были обращены на неё. Мужчинам невольно бросился в глаза её пышный бюст. Уэзерби чуть не присвистнул, но вовремя сдержался.

— Вы поняли, о каком пассажире идёт речь? — продолжал Мел.

— Я?.. Нет, не совсем…

— Его зовут Д. О. Герреро. Вы, кажется, час назад выписывали ему страховой полис, так?

— Да.

— Вы при этом хорошо к нему присмотрелись?

Банни покачала головой.

— Нет, особенно не присматривалась. — Ответ прозвучал тихо. Банни облизнула губы.

Мел с удивлением на неё поглядел.

— Когда я говорил с вами по телефону, мне показалось…

— Страховалась уйма народу… — попыталась оправдаться Банни.

— Но вы же сказали, что вам запомнился этот пассажир!

— Нет, это был какой-то другой.

— Значит, вы не помните пассажира по фамилии Герреро?

— Нет.

Мел был озадачен.

— Разрешите мне, мистер Бейкерсфелд. — Нед Ордвей шагнул вперёд и пригнулся почти к самому лицу Банни. — Не хотите впутываться в это дело, так, что ли? — Голос Ордвея звучал резко — это был типичный голос полицейского; мягкого тона, каким Ордвей разговаривал с Инес Герреро, не было и в помине.

Банни вздрогнула и отшатнулась, но промолчала.

— Так или нет? Отвечайте! — настаивал Ордвей.

— Я ничего не знаю.

— Неправда! Знаете. Вы не хотите помочь, потому что боитесь, как бы для вас чего худого не вышло. Мне таких, как вы, видеть приходилось. — Ордвей говорил презрительно, швыряя слова ей в лицо. Он был груб,

беспощаден — Мелу впервые открывалась эта сторона его натуры. — Ну, так вот что я вам скажу, красотка. Если вы боитесь неприятностей, то на них-то вы как раз и нарываетесь. Если же хотите избежать их — пока не поздно — надо отвечать на вопросы. И отвечать быстро! Нам каждая секунда дорога.

Банни молчала — её била дрожь.

— Послушайте, девушка, — сказал Мел. — На этом самолёте около двухсот человек. Не исключено, что их жизнь в опасности. Я спрашиваю вас ещё раз: вы помните человека по фамилии Герреро?

Банни медленно опустила голову.

— Да.

— Опишите его, пожалуйста.

Сначала запинаясь, потом всё увереннее Банни принялась описывать внешность Д. О. Герреро.

Все напряжённо слушали, и портрет Герреро возникал перед их мысленным взором: худой, костлявый человек, бледное лицо с ввалившимися щеками, острый подбородок, тонкие губы, рыжеватые усики, длинная тощая шея, трясущиеся руки, всё время нервно перебирает пальцами. Оказалось, что у Банни весьма острый, наблюдательный глаз.

Уэзерби, сидя за столом Мела, записывал этот словесный портрет для радиограммы Вернону Димиресту, которую он уже начал составлять.

Когда Банни рассказала, что у Герреро едва набралось десять долларов, чтобы заплатить за страховку, а итальянских денег не было и в помине и что он ужасно нервничал, пересчитывал мелочь, а потом невероятно обрадовался, обнаружив пятидолларовую бумажку во внутреннем кармане пиджака, Уэзерби перестал писать и с испугом и возмущением уставился на Банни.

— Боже милостивый! И вы, невзирая на это, выписали ему полис? Да вы что — рехнулись?

— Я думала… — растерянно начала Банни.

— Ах, вы думали! И всё-таки ничего не предприняли, не так ли?

Бледная, перепуганная Банни молчала.

Мел напомнил:

— Мы теряем время, Берт.

— Я знаю, знаю… — Пальцы Уэзерби судорожно сжали карандаш. — Дело не только в ней, — пробормотал он, — и даже не в тех, кто оплачивает её услуги. Дело в нас самих — себя винить надо. Мы же согласны в душе с пилотами, которые восстают против страхования жизни в аэропорту, но у нас не хватает мужества это признать. И мы позволяем

страховым компаниям делать своё грязное дело…

Мел повернулся к инспектору Стэндишу:

— А вы, Гарри, можете добавить что-нибудь по поводу этого Герреро?

— Нет, — сказал Стэндиш. — Я не был так близко от него, как эта молодая особа, и она заметила то, чего не заметил я. Но как он держал чемоданчик — это я заметил. Могу добавить только одно: если там действительно находится то, что вы думаете, пусть никто и не пытается отнять у него чемоданчик.

— Так что же вы предлагаете?

— Я ведь не специалист в таких делах, — сказал таможенник, — что я могу предложить? Но, по-моему, здесь можно действовать только хитростью. Ведь если это бомба, значит, у неё должен был взрыватель и, вероятно, с таким устройством, чтобы его можно было быстро привести в действие. Сейчас бомба у него в руках. Если кто-нибудь попытается её отнять, он сообразит, что его планы раскрыты и, значит, ему нечего терять. — Стэндиш помолчал и добавил угрюмо: — А при таком напряжении палец, лежащий на взрывателе, может дрогнуть…

— Нам, конечно, по сути дела, ещё ничего не известно, — сказал Мел. — Быть может, это просто какой-то чудак и в чемоданчике у него нет ничего, кроме пижамы.

— Если хотите знать моё мнение, — сказал таможенный инспектор, — то я думаю, что это не так. К великому моему сожалению. Тем более что этим рейсом улетела моя племянница.

Стэндиш был очень расстроен: если случится самое худшее, как сообщит он такую весть своей сестре в Денвер? Ему вспомнилось прощанье с Джуди: какая она прелестная, юная и как беззаботно играла с сидевшим рядом ребёнком. *«До свидания, дядя Гарри!»* — сказала она и чмокнула его в щёку. В бессильном отчаянии он упрекал теперь себя за то, что не действовал более решительно, не принял никаких мер в отношении человека с чемоданчиком.

«Ладно, — подумал он. — Если даже теперь уже поздно, всё равно надо пытаться что-то предпринять».

— Я хочу добавить ещё кое-что… — Все посмотрели на Стэндиша. — Сейчас не до ложной скромности, и потому я скажу напрямик: у меня есть чутьё на людей, особенно первое впечатление никогда меня не обманывает, и дурного человека я обычно чувствую сразу, только не спрашивайте меня — как и почему. Это инстинкт, ну и ещё, может быть, профессиональный навык. Я сразу обратил внимание на этого человека. «Подозрительный субъект», — сказал я себе, но по профессиональной привычке подумал о

контрабанде. Теперь, после того, что нам стало известно — пусть это ещё очень немного, — я скажу больше: этот человек, Герреро, — опасная личность. — Стэндиш взглянул на управляющего перевозками. — Мистер Уэзерби, я бы хотел, чтобы вы в своей радиограмме именно так охарактеризовали этого человека.

— Как раз это я и намеревался сделать, инспектор. — Уэзерби оторвался от своих записей. Почти всё, что говорил Стэндиш, он уже успел включить в радиограмму командиру рейса два.

Таня всё ещё разговаривала по телефону с нью-йоркским диспетчером «Транс-Америки».

— Да, сообщение будет длинное. Пожалуйста, распорядитесь, чтобы была снята копия.

Раздался резкий стук в дверь; вошёл высокий мужчина с обветренным, изборождённым морщинами лицом и пронзительным взглядом светло-голубых глаз. На нём был синий шерстяной, смахивавший на форменную одежду костюм и тёплое пальто. Он кивнул Мелу, а Берт Уэзерби сказал:

— Спасибо, Ройс, что явились так быстро. У нас тут вроде не всё благополучно. — Он протянул листок блокнота с радиограммой, которую только что набросал.

Капитан Кеттеринг, главный пилот «Транс-Америки», внимательно прочёл радиограмму. Он ничем не выдал своего волнения, пока глаза его скользили по строчкам, — только чуть твёрже стала линия губ. Главный пилот, как и многие другие, в том числе и управляющий перевозками, обычно не задерживался в аэропорту до такого позднего часа. Но пурга, бушевавшая трое суток и требовавшая срочных решений с учётом обстановки, не позволила ему уйти домой.

Зазвонил второй телефон, нарушив воцарившуюся на секунду тишину. Мел взял трубку и передал её Ордвею.

Капитан Кеттеринг дочитал радиограмму. Уэзерби спросил:

— Как вы считаете, стоит её посылать? Мы уже запросили у диспетчера канал спецсвязи.

— Правильно, — сказал капитан Кеттеринг. — Только я попросил бы добавить: «Предлагаем вернуться или совершить посадку по усмотрению командира». И пусть диспетчер радирует им последнюю метеосводку.

— Да, разумеется, — Уэзерби приписал ещё несколько слов, протянул блокнот Тане, и она тут же начала передавать радиограмму.

Капитан Кеттеринг обвёл взглядом присутствующих.

— Это всё, что нам известно?

— Да, — сказал Мел. — Пока что всё.

— Возможно, скоро прибавится ещё что-нибудь, — сказал лейтенант Ордвей, кладя телефонную трубку. — Мои ребята только что разыскали жену Герреро.

Радиограмма управляющего пассажирскими перевозками международного аэропорта Линкольна командиру рейса два начиналась так:

> «СОГЛАСНО НЕПРОВЕРЕННЫМ ДАННЫМ, ПАССАЖИР ТУРИСТСКОГО КЛАССА НА БОРТУ ВАШЕГО САМОЛЁТА Д. О. ГЕРРЕРО ИМЕЕТ ПРИ СЕБЕ ВЗРЫВНОЙ МЕХАНИЗМ. ПАССАЖИР ЛЕТИТ БЕЗ БАГАЖА И, ПО-ВИДИМОМУ, БЕЗ ДЕНЕГ, ПЕРЕД ВЫЛЕТОМ ЗАСТРАХОВАЛ СВОЮ ЖИЗНЬ НА КРУПНУЮ СУММУ. ПОДОЗРИТЕЛЬНО ОБЕРЕГАЕТ ЧЕМОДАНЧИК, НАХОДЯЩИЙСЯ ПРИ НЁМ В КАЧЕСТВЕ РУЧНОЙ КЛАДИ. ДАЁМ ОПИСАНИЕ ПАССАЖИРА…»

Для установления связи с рейсом два по радиоканалам авиакомпании потребовалось несколько минут.

Со времени первой радиограммы по спецсвязи командиру рейса два о том, что у него на борту находится «заяц» — миссис Ада Квонсетт, диспетчерская служба Кливленда уже успела передать самолёт диспетчерам Нью-Йорка. Теперь все радиограммы, посылаемые авиакомпанией рейсу два, должны были идти через КДП Нью-Йорка. Таня диктовала радиограмму, телефонистка в Нью-Йорке записывала её. Диспетчер авиакомпании «Транс-Америка» в Нью-Йорке, прочтя одновременно с телефонисткой первые несколько строк, тут же по прямому проводу связался с оператором спецсвязи, АРК — аэронавигационной радиокомпании, обслуживающей все крупные авиалинии.

Оператор АРК, находящийся в особом помещении в другой части Нью-Йорка, зафиксировав вторичный вызов диспетчера «Транс-Америки» тут же закодировал радиограмму специальным четырехбуквенным кодом, присвоенным самолёту номер 731-ТА, и снова — подобно телефонному звонку, который передаётся по общему телефонному проводу, а поступает только к одному-единственному абоненту, — спецвызов должен был прозвучать только на самолёте, выполняющем рейс два.

Наконец нью-йоркский диспетчер услышал голос капитана Вернона Димиреста, пролетавшего в этот момент над Канадой, в районе Онтарио:

— Говорит рейс два «Транс-Америки», спецвызов принят.

— Рейс два «Транс-Америки», говорит диспетчерская служба Нью-

Йорка. Для вас получено важное сообщение. Примите радиограмму.

Короткая пауза — и снова голос Димиреста:

— О'кей, Нью-Йорк. Давайте ваше сообщение.

— Командиру рейса два, — начал диспетчер. — «Согласно непроверенным данным, пассажир туристского класса…»

Инес Герреро всё ещё тихонько сидела в углу у киоска, когда кто-то потряс её за плечо.

— Инес Герреро! Вы миссис Инес Герреро?

Инес подняла глаза. Она не сразу собралась с мыслями — они были где-то далеко и так сумбурны, — но всё же до её сознания постепенно дошло, что перед ней стоит полицейский.

Он снова потряс её за плечо и повторил свой вопрос.

Инес неуверенно кивнула. Она поняла, что это не тот полицейский, который разговаривал с ней раньше. Этот был белый и говорил совсем по-другому, — жёстко, без всякого сочувствия.

— Ну-ка, леди, подымайтесь! — Полицейский больно ухватил её за плечо и грубо заставил встать. — Слышите? Пошли! Все уже надорвали глотку, вас вызывая. Подняли на ноги всю полицию.

Когда Инес через десять минут появилась в кабинете Мела, все уставились на неё. По просьбе Мела здесь остались все присутствовавшие ранее: Таня, инспектор Стэндиш, Банни, Уэзерби и капитан Кеттеринг. Полицейский подвёл её к стулу, стоявшему посреди комнаты, усадил и ушёл. К ней подошёл лейтенант Ордвей.

— Миссис Герреро, — начал Нед Ордвей. — Почему ваш муж полетел в Рим?

Инес тупо смотрела на Ордвея и молчала. Полицейский заговорил более жёстко, но не грубо.

— Миссис Герреро, пожалуйста, слушайте меня внимательно. Я должен задать вам несколько очень важных вопросов. Они касаются вашего мужа, и вы можете мне помочь. Вы меня понимаете?

— Нет… А почему…

— Вам не нужно понимать, почему я задаю эти вопросы. Об этом мы поговорим потом. Сейчас я хочу только, чтобы вы на них отвечали и этим помогли мне. Вы согласны отвечать? Я вас об этом прошу.

Уэзерби не вытерпел:

— Лейтенант, мы не можем возиться всю ночь. Самолёт удаляется от нас со скоростью шестисот миль в час. Раз иначе не выходит, беритесь за неё покрепче.

— Предоставьте это дело мне, мистер Уэзерби, — резко сказал Ордвей. — Если мы все начнём кричать, толку будет вдвое Меньше, а времени уйдёт вдвое больше.

Уэзерби промолчал, всем своим видом, однако, выражая нетерпение.

— Инес… — снова начал Ордвей. — Можно, я буду называть вас Инес?

Инес молча кивнула.

— Инес, вы будете отвечать на мои вопросы?

— Буду… если смогу.

— Почему ваш муж улетел в Рим?

Она прошептала еле слышно:

— Я не знаю.

— У вас есть там друзья? Родственники?

— Нет… В Милане есть дальний родственник, но мы его совсем не знаем.

— Ваш муж состоит в переписке с этим родственником?

— Нет.

— Мог ваш муж почему-либо вдруг пожелать навестить этого родственника?

— Нет.

— Послушайте, лейтенант, — вмешалась Таня, — никто же не летит в Милан рейсом два. Для этого существует «Алиталия» — прямой рейс до Милана, да и он дешевле. И сегодня вечером самолёт «Алиталия» улетел тоже.

— Да, видимо, мы можем забыть об этом родственнике, — согласился Ордвей. — Есть у вашего мужа какие-нибудь дела в Риме? — спросил он Инес.

Она отрицательно покачала головой.

— А чем вообще занимается ваш муж?

— Он берёт… брал подряды.

— Какого рода подряды?

Мало-помалу Инес начинала приходить в себя.

— На постройку зданий, жилых домов…

— Вы сказали «брал». Он больше этим не занимается? Почему?

— Дела пошли плохо…

— Вы имеете в виду денежную сторону?

— Да… А почему вы спрашиваете?

— Пожалуйста, поверьте мне, Инес, у меня есть на то серьёзные основания. Речь идёт о жизни вашего мужа… и ещё многих других.

Поверьте мне на слово.

Инес подняла глаза на Ордвея. Их взгляды встретились.

— Хорошо.

— У вашего мужа и сейчас денежные затруднения?

Инес помедлила лишь секунду.

— Да.

— Серьёзные?

Инес молча наклонила голову.

— Он разорился? У него долги?

Совсем шёпотом:

— Да.

— А где он раздобыл денег на полёт в Рим?

— Мне кажется… — Инес хотела было сказать, что муж заложил её кольцо, но внезапно вспомнила про квитанцию «Транс-Америки» о выдаче ему билета в кредит. Она вынула измятую жёлтую бумажку из сумочки и протянула её Ордвею. Уэзерби тоже подошёл взглянуть.

— Она выписана на «Берреро», — заметил Уэзерби. — А подпись неразборчива — можно понять и так и этак.

— Он и в списке пассажиров значился как Берреро, — напомнила Таня.

— Сейчас это не имеет значения, — сказал Ордвей, — но в общем-то это старый трюк, к которому прибегают, когда человек неплатежеспособен. Подменяют первую букву другой, чтобы платёжеспособность нельзя было проверить — во всяком случае, сразу. А потом, когда ошибка обнаруживается, сваливают всю вину на того, кто выписывал квитанцию. — Держа жёлтую бумажку в руке, Ордвей повернулся к Инес и спросил сурово: — Почему вы на это согласились? Вы же знали, что это мошенничество.

— Я совсем ничего про это не знала, — возмутилась Инес.

— Откуда же у вас эта бумажка?

Инес довольно сбивчиво принялась рассказывать, как она обнаружила квитанцию и поспешила в аэропорт, надеясь перехватить мужа, пока он не сел в самолет.

— Значит, до сегодняшнего вечера вы понятия не имели о том, что ваш муж собирается куда-то лететь?

— Нет, сэр.

— Ни малейшего?

— Нет.

— И даже сейчас вы не понимаете, зачем ему это понадобилось?

Инес поглядела на Ордвея с тревогой.

— Нет.

— Ваш муж совершал когда-нибудь нелогичные поступки?

Инес колебалась.

— Ну, так как же, — допытывался Ордвей, — случалось с ним такое?

— Случалось, иногда… в последнее время.

— Он был неуравновешен?

Шёпотом:

— Да.

— Впадал в ярость?

Помолчав, Инес утвердительно кивнула, хотя и с явной неохотой.

— У вашего мужа был сегодня с собой чемоданчик, — спокойно, не меняя тона, проговорил Ордвей. — Маленький плоский чемоданчик, вроде портфеля. И, по-видимому, он представлял особую ценность для вашего мужа. Вы не знаете, что у него могло там быть?

— Не знаю, сэр.

— Вы сказали, Инес, что ваш муж брал подряды — строительные подряды. Приходилось ли ему в процессе работы пользоваться взрывчаткой?

Вопрос был задан как бы вскользь и так неожиданно, что не сразу привлёк к себе внимание. Но когда он дошёл до сознания каждого, в комнате внезапно воцарилась напряжённая тишина.

— О да, — сказала Инес. — Очень часто.

Ордвей помедлил и спросил:

— Ваш муж хорошо разбирается во взрывчатых веществах?

— Мне кажется, да. Ему нравилось с ними работать… Но он… — внезапно Инес умолкла.

— Что — он, Инес?

— Он обращается с ними очень осторожно… — Апатия Инес прошла, она теперь явно нервничала. Взгляд её перебегал с одного лица на другое. — А почему вы об этом спрашиваете?

— А вы совсем не догадываетесь, почему, Инес? — вкрадчиво спросил Ордвей.

Она молчала, и тогда Ордвей снова спросил, как бы между прочим:

— Где вы проживаете?

Инес сообщила адрес, и он его записал.

— Ваш муж был дома сегодня днём или вечером перед тем, как отправиться на аэродром?

Инес подняла испуганные глаза на полицейского.

— Был.

Ордвей повернулся к Тане и сказал вполголоса!

— Соедините меня, пожалуйста, с полицейским отделением этого района. — Он набросал на бумажке несколько цифр. — Пусть не кладут трубку…

Таня поспешила к телефону.

Ордвей снова обратился к Инес:

— Ваш муж держал дома взрывчатку? — Инес явно колебалась и медлила с ответом. Голос Ордвея внезапно стал резок: — Вы до сих пор говорили мне правду. Не лгите же теперь! Была у него взрывчатка?

— Была.

— Какая именно?

— Динамит… и капсюли… Они у него остались…

— С тех пор, когда он работал подрядчиком?

— Да.

— Говорил он вам про них что-нибудь? Объяснял, зачем он их держит?

Инес отрицательно покачала головой.

— Нет, Он говорил только, что это не опасно, если… если знать, как с ними обращаться…

— А где он их хранил?

— Просто в ящике стола.

— Какого стола, где?

— В спальне. — Внезапно Инес покачнулась, лицо её побелело. Это не укрылось от Ордвея.

— Вы что-то вспомнили! Что именно?

— Ничего! — Но голос и глаза Инес выдавали охвативший её ужас.

— Да, вспомнили, не запирайтесь! — Ордвей наклонился к Инес, лицо его стало жёстким, суровым. Снова от былой обходительности не осталось и следа: перед Инес стоял полицейский, грубый, беспощадный; ему нужен был ответ, и он знал, что получит его. — Не вздумайте запираться или лгать! — выкрикнул Ордвей. — Не поможет. Говорите, о чём вы подумали. — Инес всхлипнула. — Бросьте это! Говорите!

— Сегодня вечером… я как-то не обратила на это внимания сначала… эти штуки…

— Динамит и капсюли?

— Да.

— Ну, что вы тянете? Говорите, в чём дело?

Инес прошептала едва слышно:

— Их не было на месте!

Послышался ровный голос Тани:

— Я вас соединила, лейтенант. Дежурный на проводе.

В комнате царила мёртвая тишина.

Ордвей махнул рукой Тане, не отрывая взгляда от Инес.

— Известно ли вам, что сегодня вечером, перед тем как сесть в самолёт, ваш муж застраховал свою жизнь на крупную, очень крупную сумму в вашу пользу?

— Нет, сэр, клянусь, я ничего не знаю…

— Я вам верю, — сказал Ордвей. Он умолк, что-то соображая. Когда он снова заговорил, голос его звучал ещё резче: — Инес Герреро, слушайте меня внимательно. У нас есть основания полагать, что ваш муж сегодня вечером имел при себе эти взрывчатые вещества, о которых вы нам сообщили, и, улетая в Рим, взял их с собой. Поэтому — так как иного объяснения его поступку нет — мы считаем, что он сделал это с намерением взорвать самолёт и убить себя и всех находящихся на борту. Теперь я хочу задать вам ещё один вопрос, но прежде чем вы на него ответите, подумайте хорошенько, подумайте о тех, кто находится там, в самолёте, обо всех этих ни в чём не повинных людях, среди которых есть дети. Вы знаете вашего мужа, Инес, вы должны знать его лучше, чем кто-либо другой. Способен ли он… ради страховой премии, ради вас… способен ли он сделать то, о чём я только что сказал?

По лицу Инес Герреро струились слёзы. Казалось, она вот-вот лишится чувств. Еле слышно, запинаясь, она пролепетала:

— Да… да, мне кажется, он способен.

Нед Ордвей отвернулся от неё. Он взял у Тани телефонную трубку и заговорил быстро, понизив голос. Он сделал краткое сообщение, попутно отдавая распоряжения. Потом снова обернулся к Инес Герреро:

— Мы должны обыскать вашу квартиру и можем, разумеется, получить ордер на обыск. Но вы облегчите нам дело, если сами дадите на это согласие. Ну, как?

Инес тупо кивнула.

— Отлично. — В телефонную трубку Ордвей сказал: — Она согласна. — И, опустив трубку на рычаг, повернулся к Уэзерби и Мелу. — Поищем улик у него на квартире. Это всё, что мы можем пока предпринять.

Уэзерби проговорил мрачно:

— Да и мы тоже мало что можем сделать, — остаётся только молиться. — Лицо у него сразу осунулось, потемнело; он начал составлять новую радиограмму командиру рейса два.

9

Пилотам рейса два подали горячую закуску, заказанную капитаном Димирестом. Тарталетки, принесённые стюардессой из салона первого класса, быстро исчезали с подносов. Димирест, надкусив тарталетку с омаром и грибами, сдобренными пармезанским сыром, одобрительно хмыкнул.

Стюардессы, по обыкновению, продолжали усиленно заботиться о тощем Сае Джордане. Украдкой, за спиной двух других лётчиков, они сунули ему ещё несколько тарталеток на отдельном подносе, а когда Джордан повернулся к приборам, следя за системой перекачки топлива, за щекой у него был изрядный кусок бекона, нафаршированного куриной печёнкой.

Вскоре всем трём пилотам, отдыхавшим по очереди в мягком полумраке кабины, будет подано ещё одно изысканное блюдо и десерт, какими авиакомпания потчует своих пассажиров первого класса. И только столовое вино и шампанское оставались привилегией пассажиров и не подавались команде.

«Транс-Америка», как и большинство авиакомпаний, старалась вовсю обслуживать свои рейсы в полёте первоклассной кухней. Это встречало возражения: кое-кто считал, что авиакомпании — даже международные — должны заниматься исключительно проблемами транспорта, свести обслуживание пассажиров к определённому среднему стандарту и покончить со всякими излишествами, включая сюда и еду более высокого качества, чем обычный стандартный обед. По мнению же других, слишком многое в современном транспорте свелось к такому среднему стандарту, и они одобряли хорошую кухню на самолётах, считая, что это придаёт полёту известный шик. Жалобы на недостаточно хорошую еду поступали к авиакомпаниям чрезвычайно редко. Для большинства пассажиров — как первого, так и туристского класса — еда в полёте представлялась своего рода развлечением, и они поглощали её с аппетитом.

Вернон Димирест, посасывая последние сочные кусочки омара, думал по этому поводу примерно то же, и в этот момент в кабине прозвучал громкий сигнал вызова по каналу спецсвязи, и на панели вспыхнула жёлтая лампочка.

Брови Энсона Хэрриса поползли вверх. Радиограмма по спецканалу — явление необычное, а два спецвызова меньше чем за час — нечто вообще

из ряда вон выходящее.

— Нет, определённо нам нужно засекретиться, — прозвучал сзади голос Сая Джордана.

Димирест протянул руку к регулятору радио.

— Я приму.

После обмена позывными между рейсом два и нью-йоркским диспетчером Вернон Димирест принялся записывать радиограмму в блокнот, пришпиленный под затенённой козырьком лампочкой. Радиограмма была от управляющего пассажирскими перевозками международного аэропорта имени Линкольна и начиналась словами:

«СОГЛАСНО НЕПРОВЕРЕННЫМ ДАННЫМ…»

По мере того как Димирест писал, лицо его, на которое падали отблески света, становилось всё более угрюмым, сосредоточенным. Он подтвердил приём и отключился, не прибавив ни слова. Всё так же молча он протянул блокнот Энсону Хэррису. Наклонившись к свету, тот прочёл радиограмму, негромко свистнул и передал блокнот через плечо Саю Джордану.

Текст заканчивался словами:

«ПРЕДЛАГАЕМ ВЕРНУТЬСЯ ИЛИ СОВЕРШИТЬ ПОСАДКУ ПО УСМОТРЕНИЮ КОМАНДИРА».

Оба старших пилота понимали, что возникает вопрос о том, кто будет принимать решение. Хотя самолёт в этом рейсе пилотировал Энсон Хэррис, а Вернон Димирест выполнял обязанности пилота-контролёра, всё же решающее слово оставалось за ним как за командиром экипажа.

В ответ на вопросительный взгляд Хэрриса Димирест буркнул:

— Кто в левом кресле — вы или я? Чего же мы ждём?

Хэррис размышлял недолго. Он сказал:

— Повернём обратно, но очень пологим разворотом — так, чтобы не заметили пассажиры. И пошлём Гвен Мейген опознать этого типа, из-за которого там подняли переполох: никто из нас, само собой разумеется, не может появиться в салоне — это его вспугнёт. Ну, а потом, — он пожал плечами, — я полагаю, придётся действовать сообразно с обстоятельствами.

— Согласен, — сказал Димирест. — Вы разворачивайте машину, а я возьму на себя салон. — Он трижды нажал кнопку, вызывая Гвен.

Тем временем Энсон Хэррис связался по радио с воздушным диспетчером и кратко сообщил:

— Говорит «Транс-Америка», рейс два! У нас возникли трудности. Прошу разрешения на возвращение в аэропорт Линкольна и на ведение радаром отсюда до аэропорта.

Хэррис уже прикинул в уме возможности посадки в каком-либо другом аэропорту. Оттава, Торонто и Детройт, как им сообщили при взлёте, были закрыты из-за снегопада. К тому же, чтобы обезвредить опасного пассажира, команде требовалось время, что также говорило в пользу возвращения на базу.

Хэррис не сомневался, что Димирест пришёл бы к такому же решению.

Откуда-то снизу, преодолев расстояние в шесть миль, до них долетел голос диспетчера Торонтского центра:

— «Транс-Америка», рейс два, вас понял. — И после короткой паузы: — Можете начинать разворот влево, курс два-ноль. Готовьтесь к перемене эшелона.

— Вас понял, Торонто. Начинаем пологий разворот.

— «Транс-Америка», рейс два, пологий разворот одобрен.

Как обычно в таких случаях, переговоры велись тихо. Как в воздухе, так и на земле понимали, что спокойствием можно достичь большего, чем излишним волнением и нервозностью. По характеру полученного сообщения диспетчер на земле сразу понял, что самолёт терпит или может потерпеть бедствие. Лайнеры, совершающие рейсовый полёт, не прерывают его внезапно и не поворачивают обратно без серьёзной причины. Вместе с тем диспетчер знал, что командир корабля в случае необходимости сразу подаст сигнал бедствия и незамедлительно сообщит причину. А пока этого не произошло, диспетчер не должен отвлекать команду и задавать ненужные вопросы.

Любая помощь, какая потребуется, будет оказана с максимальной быстротой и без лишних расспросов.

Но уже и сейчас машина наземных служб заработала вовсю. В Торонтском центре, расположенном в красивом современном здании милях в четырнадцати от города, диспетчер получив сообщение рейса два, подозвал старшего по группе. Старший немедленно установил контакт с другими секторами и стал расчищать воздушное пространство как впереди попавшего в беду самолёта, так и непосредственно под ним — последнее из предосторожности, на всякий случай. Тотчас оповестили Кливлендский центр о том, что рейс два, недавно переданный им Торонтскому центру,

возвращается обратно и надо следить за его полётом. Оповестили и Чикагский центр, которому предстояло принять рейс от Кливлендского.

В кабину самолёта тем временем поступило указание от диспетчера:

— Начинайте спуск до эшелона два-восемь-ноль. Доложите освобождение эшелона три-три-ноль.

Энсон Хэррис подтвердил приём:

— Торонтский центр, говорит рейс два «Транс-Америки», Начинаем снижаться.

Сай Джордан по распоряжению Хэрриса уже сообщил диспетчеру авиакомпании по её радиоканалу о решении возвратиться в аэропорт.

Дверь кабины отворилась. Вошла Гвен Мейген.

— Если меня вызвали потому, что вам нужны ещё тарталетки, — сказала она, — то прошу прощения, но вы их не получите. К вашему сведению, у нас на борту, кроме вас, есть ещё и пассажиры.

— Вашим нарушением субординации я займусь позднее, — сказал Димирест, шутливо подражая её безупречному произношению. — А сейчас… У нас тут небольшая неприятность.

На первый взгляд, в кабине пилотов ничего не изменилось с тех пор, как была получена радиограмма управляющего перевозками, однако чувствовалось, что от прежнего спокойно-безмятежного настроения не осталось и следа. Несмотря на внешнее спокойствие, все трое пилотов были собранны, каждый находился в состоянии полной готовности и ощущал эту готовность в других. Для достижения этого умения быстро и квалифицированно принимать ответственные решения в трудной обстановке пилоты на своём пути к креслу командира корабля проводили долгие годы в упорных тренировках и накапливали опыт. Само по себе умение пилотировать воздушный корабль приобреталось без особого труда, и не просто за это пилоты пассажирских рейсов получали своё хорошее жалованье, а за высокое искусство пилотирования и самолётовождения, требующее находчивости, самообладания и особой авиационной мудрости. И сейчас Вернон Димирест, Энсон Хэррис и — хотя и в меньшей степени — Сай Джордан проявляли эти свои качества на деле. Положение на борту самолёта ещё не стало критическим, и при удаче всё вообще могло обойтись. Но если катастрофа неизбежна, команда была готова к ней.

— Мне нужно, чтобы вы опознали одного пассажира, — сказал Димирест, повернувшись к Гвен. — Но он не должен знать, что вы ищете его. Мы получили его словесный портрет. Ознакомьтесь с ним. — Он протянул ей блокнот с записью спецсообщения.

Гвен придвинулась ближе — так, чтобы свет из-под козырька падал на

листок.

Самолёт слегка качнуло: рука Гвен коснулась плеча Вернона Димиреста, он вдохнул тонкий аромат духов и остро ощутил её близость. Скосив глаза, он увидел в полумраке её профиль. Она читала радиограмму; лицо её стало серьёзным, но не растерянным. Димиресту вспомнилось, как несколько часов назад она восхитила его силою духа, что отнюдь не уменьшало её женственности. И мгновенно промелькнула мысль о том, что дважды за этот вечер он слышал из уст Гвен признание в любви. Это признание заставило его тогда задуматься: а сам он был ли когда-нибудь по-настоящему влюблён?

Человеку, который привык всегда держать свои чувства в узде, трудно ответить на этот вопрос. Однако сейчас он вдруг понял, что его чувства к Гвен больше похожи на любовь, чем всё, что он испытывал когда-либо прежде.

Гвен уже вторично, более медленно, перечитывала радиограмму.

На миг Димирестом овладела слепая ярость: из-за этой дурацкой истории, которая разрушала его планы, теперь ему уже не удастся отдохнуть и развлечься с Гвен в Неаполе. Но он тут же взял себя в руки. Сейчас не время для личных эмоций. К тому же вся эта история может привести всего лишь к задержке — возможно, даже на сутки после их возвращения в аэропорт, — но в конечном счёте рейс всё равно состоится. Ему и в голову не пришло, что им, быть может, не удастся сразу разделаться с этой бомбой или что эта история может окончиться не так благополучно, как в большинстве подобных случаев.

Сидевший рядом с Димирестом Энсон Хэррис заканчивал пологий разворот с самым малым креном. Это был превосходный, мастерски выполненный разворот, как показывал прибор «пионер» — своего рода дедушка авиационных приборов, — указатель крена и скольжении, подобный тому, какой был установлен ещё на самолёте Линдберга «Спирит ов Сент-Луис» и на предшествовавших ему самолётах и по-прежнему применявшийся на современных лайнерах. Стрелка указателя стояла вертикально, шарик — неподвижно в центре. И только гирокомпас позволял догадываться, что самолёт отклонился от курса, сделав разворот на сто восемьдесят градусов. Хэррис заявил, что пассажиры не заметят изменения курса (и он был прав), разве только кто-нибудь, знакомый с картой звёздного неба и расположения светил по отношению к востоку и западу, не глянет случайно в окно. Тогда он несомненно заметит, что самолёт изменил курс, но на этот риск приходилось идти — другого выхода не было. По счастью, земля была скрыта облаками, и огни городов не могли

служить ориентиром. Теперь Хэррис начал понемногу снижаться, нос самолёта слегка пошёл вниз, секторы были лишь прикрыты, так что гул двигателей почти не изменил тембра. Хэррис осторожно, сосредоточенно, словно по учебнику, вёл самолёт, со скрупулёзной точностью выполняя все правила, не глядя в сторону Гвен и Димиреста.

Гвен вернула блокнот.

— Идите в салон и отыщите этого субъекта, — инструктировал её Димирест. — Посмотрите, при нём ли чемоданчик и нет ли способа его отобрать. Вы понимаете, что ни один из нас не должен появляться там — пока, во всяком случае, — чтобы не спугнуть его.

— Конечно, — сказала Гвен. — Я понимаю. Но и мне туда идти незачем.

— Как так?

— Я уже знаю, где он сидит, — спокойно сказала Гвен. — Место 14-А.

Вернон Димирест испытующе на неё поглядел.

— Вероятно, мне не нужно предупреждать вас, как важно, чтобы тут не произошло ошибки. Если есть хоть малейшее сомнение, ступайте и проверьте.

— У меня нет сомнений.

Примерно полчаса назад, пояснила Гвен, после того, как пассажиры первого класса отобедали, она прошла в туристский салон, чтобы помочь стюардессам. Один из пассажиров — у окна слева — задремал. Когда Гвен заговорила с ним, он мгновенно проснулся. На коленях у него лежал чемоданчик. Гвен предложила взять его и положить куда-нибудь на время ужина, но пассажир отказался. Он продолжал крепко держать чемоданчик, словно какую-то драгоценность. А потом, вместо того чтобы достать складной столик, пассажир использовал чемоданчик, поставив на него поднос с едой. Гвен, привыкшая к чудачествам пассажиров, не придала этому значения, однако человека этого она, конечно, запомнила. Все приметы, перечисленные в радиограмме, совпадали с его внешностью.

— Я хорошо его запомнила ещё и потому, что он сидит как раз рядом со старушенцией — безбилетной пассажиркой.

— Вы сказали, что он сидит у окна, верно?

— Да.

— Это несколько осложняет дело — не так-то легко будет дотянуться и вырвать у него чемоданчик… — Но тут Димиресту вспомнилась та часть радиограммы от УП, которая гласила:

«ЕСЛИ ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ ПРАВИЛЬНО, СПУСКОВОЕ

УСТРОЙСТВО СКОРЕЕ ВСЕГО НАХОДИТСЯ СНАРУЖИ И МОЖЕТ БЫТЬ ЛЕГКО ПРИВЕДЕНО В ДЕЙСТВИЕ. ПРОЯВЛЯЙТЕ ОСОБУЮ ОСТОРОЖНОСТЬ, ЕСЛИ РЕШИТЕ СИЛОЙ ЗАВЛАДЕТЬ ЧЕМОДАНЧИКОМ».

Димирест почувствовал, что Гвен сейчас тоже вспомнила это предостережение.

И впервые не то чтобы страх, но какая-то неуверенность нарушила чёткий ход его мыслей. Страх мог прийти потом, пока его ещё не было. Возможно ли, что эта угроза взрыва может оказаться не просто угрозой? Вернону Димиресту не раз приходилось обсуждать такого рода ситуации, но у него как-то не укладывалось в голове, что он сам может попасть в такое положение.

Энсон Хэррис теперь — всё так же плавно — выводил самолёт из разворота. Они уже летели в противоположном направлении.

Сигнал вызова по каналу спецсвязи прозвучал снова. Димирест сделал знак Саю Джордану, тот переключился на спецсвязь, дал сигнал приёма и начал записывать радиограмму.

Энсон Хэррис тем временем снова вызвал Торонтский центр.

— Я вот о чём думаю, Гвен, — сказал Вернон Димирест, — нельзя ли под каким-нибудь предлогом убрать оттуда двух соседей Герреро? Когда он останется один, может быть, кому-нибудь из нас удастся подойти сзади, наклониться над пустыми сиденьями и выхватить чемоданчик.

— Он сразу заподозрит неладное, — решительно заявила Гвен. — И, разумеется, насторожится. Он и так уже весь как на иголках. Если мы уберём его соседей, то какой бы мы при этом ни изобрели предлог, он тотчас заподозрит подвох и будет смотреть в оба.

Второй пилот протянул им блокнот с последней радиограммой, полученной по спецсвязи. Радиограмма была от УП аэропорта Линкольна. Димирест и Гвен, наклонившись к свету, прочли:

«ПО ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМ СВЕДЕНИЯМ, НАЛИЧИЕ У ПАССАЖИРА ГЕРРЕРО ВЗРЫВНОГО УСТРОЙСТВА ПОЛНОСТЬЮ ПОДТВЕРЖДАЕТСЯ. ПОВТОРЯЮ: ПОЛНОСТЬЮ ПОДТВЕРЖДАЕТСЯ. ПАССАЖИР ПСИХИЧЕСКИ НЕУРАВНОВЕШЕН. НЕ КОНТРОЛИРУЕТ СВОИ ПОСТУПКИ. ВТОРИЧНО РЕКОМЕНДУЕМ ДЕЙСТВОВАТЬ С ВЕЛИЧАЙШЕЙ ОСТОРОЖНОСТЬЮ. ЖЕЛАЕМ УДАЧИ».

— Вот это последнее мне особенно понравилось, — сказал Сай Джордан. — Ну, как это мило с их стороны, какая трогательная заботливость!

— Заткнись! — резко оборвал его Димирест.

На несколько секунд в кабине воцарилось молчание.

— Если б можно было придумать что-то, — медленно проговорил Димирест, — как-то отвлечь его внимание, чтобы он выпустил из рук чемоданчик. Нам нужно всего несколько секунд, чтобы завладеть им… две секунды, если действовать быстро.

— Он даже на пол его не ставит, — заметила Гвен.

— Я знаю! Знаю! Я просто рассуждаю сам с собой, вот и всё. — Он помолчал. — Давайте обдумаем всё сначала. Между Герреро и проходом находятся двое пассажиров. Один из них…

— Один из них мужчина; он сидит у прохода. Кресло посередине занимает миссис Квонсетт. Дальше сидит Герреро.

— Значит, бабуля сидит непосредственно рядом с Герреро, рядом с чемоданчиком?

— Да, конечно, но что нам это даёт? Даже если мы посвятим её во всё, едва ли она…

Димирест перебил Гвен:

— Вы ещё ничего ей не говорили? Она не знает, что мы её поймали?

— Нет. Вы же сами не велели.

— Да, да. Просто я хотел ещё раз удостовериться.

Снова наступило молчание. Вернон Димирест напряжённо думал, взвешивал все «за» и «против». Наконец он проговорил с расстановкой:

— У меня возникла идея. Быть может, её не удастся воплотить в жизнь, но другой возможности я пока не вижу. Теперь слушайте внимательно, я объясню вам, что нужно делать.

В салоне туристского класса большинство пассажиров уже покончили с ужином, и стюардессы собирали подносы. На этот раз ужин прошёл быстрее обычного, отчасти потому, что из-за опоздания с отлётом многие пассажиры подкрепились в аэровокзале, и теперь, в этот поздний час, одни совсем отказались от еды, а другие лишь слегка поковыряли вилкой в тарелке.

Миссис Ада Квонсетт продолжала болтать со своим новым приятелем — музыкантом. Одна из стюардесс — бойкая молодая блондинка — обратилась к ним:

— Вы уже закончили, можно взять подносы?

— Да, пожалуйста, мисс, — сказал музыкант.

Миссис Квонсетт приветливо улыбнулась:

— Спасибо, душенька, можете взять мой поднос. Всё было очень вкусно.

Угрюмый человек, сидевший по левую руку от миссис Квонсетт, вернул свой поднос, не произнеся ни слова.

И тут маленькая старушка из Сан-Диего заметила другую стюардессу, стоявшую в проходе.

Миссис Квонсетт ещё раньше обратила внимание на эту девушку, по-видимому, старшую стюардессу. Это была жгучая брюнетка с очень привлекательным, широкоскулым лицом и решительным взглядом тёмных глаз; сейчас взгляд её был холодно и непреклонно устремлён на Аду Квонсетт.

— Извините, мадам. Разрешите проверить ваш билет.

— Мой билет? Извольте. — Миссис Квонсетт изобразила удивление, хотя мгновенно поняла, что кроется за этой просьбой. Видимо, они уже пронюхали или почему либо заподозрили, что билета у неё нет. Но миссис Ада Квонсетт ещё никогда не сдавалась без боя, и мозг её тотчас заработал с лихорадочной быстротой. Сейчас главное выяснить — насколько осведомлена эта девица.

Миссис Квонсетт открыла сумочку и сделала вид, что роется в её содержимом.

— Где-то он у меня здесь, моя дорогая. Должен быть где-то здесь. — Она с самым невинным видом подняла глаза на стюардессу. — Должен быть здесь, если только контролёр не отобрал его у меня при выходе из вокзала. Может, он оставил его у себя, а я не обратила внимания.

— Нет, — сказала Гвен Мейген, — он этого сделать не мог. Если это обратный билет, у вас должен остаться купон на обратный полёт. А если билет в один конец, у вас остался бы корешок от билета и посадочный талон.

— Да, странно… — Миссис Квонсетт продолжала рыться в сумочке.

Гвен сказала жёстко:

— Разрешите, я погляжу сама. — Во время этого диалога обычную её обходительность как рукой сняло. — Если билет лежит у вас в сумке, я его найду. Если же его там нет, это избавит нас с вами от излишней потери времени.

— С какой это стати! — возмутилась миссис Квонсетт. Впрочем, она тут же сбавила тон: — Я понимаю, что вы не хотели меня обидеть, моя дорогая, но у меня здесь, помимо всего прочего, лежат личные бумаги. А

вы, особенно вы, как англичанка, должны уважать неприкосновенность личности. Вы ведь англичанка, не правда ли?

— Кто я такая, не имеет ни малейшего отношения к делу. Сейчас нас интересует ваш билет. Если, конечно, он у вас есть. — Гвен повысила голос, слова её были слышны теперь другим пассажирам. Кое-кто повернул голову в их сторону.

— О господи, да есть у меня билет. Вопрос только в том, куда я его сунула. — Миссис Квонсетт дружелюбно улыбнулась. — А вот то, что вы англичанка, я сразу поняла, как только вы заговорили. В устах некоторых людей — вот как в ваших, например, — английская речь звучит так пленительно. Обидно, что мало кто из нас, американцев, обладает таким произношением. Мой покойный супруг не раз, бывало, говорил мне…

— Что говорил ваш супруг, нас не интересует. Где ваш билет?

Нелегко было Гвен держаться так нелюбезно, даже грубо. В обычных обстоятельствах она обошлась бы с этой старушкой хотя и твёрдо, но добродушно и даже дружелюбно; запугивать женщину вдвое старше себя было очень не по душе Гвен. Но когда она покидала кабину пилотов, Вернон дал ей на этот счёт строжайшие указания.

Миссис Квонсетт была, казалось, несколько оскорблена.

— Я терплю ваши грубости, милочка, но как только найду билет, я не премину объяснить вам, что ваше поведение…

— В самом деле, миссис Квонсетт? — От Гвен не укрылось, как вздрогнула старуха, когда она назвала её по имени: впервые её спокойное благодушие было поколеблено. А Гвен неумолимо продолжала: — Вы ведь Ада Квонсетт, не так ли?

Старушка приложила к губам кружевной платочек и вздохнула.

— Ну, раз уж вам известно моё имя, было бы бесполезно его скрывать, верно?

— Безусловно, тем более что мы знаем про вас всё. Вы настоящая уголовница, миссис Квонсетт.

Теперь уже многие пассажиры смотрели в их сторону и прислушивались к разговору, а некоторые даже покинули свои места и подошли поближе. Симпатии всех были явно на стороне старушки, все неодобрительно поглядывали на Гвен. Пассажир, сидевший у прохода и беседовавший с миссис Квонсетт, когда появилась Гвен, беспокойно заёрзал на сиденье и сказал:

— Если произошло недоразумение, может быть, я могу помочь…

— Никакого недоразумения не произошло, — сказала Гвен. — Вы путешествуете вместе с этой дамой?

— Нет.

— Тогда это вас не касается, сэр.

До этой минуты Гвен ни разу не позволила себе взглянуть на пассажира, сидевшего у окна. И он тоже не смотрел на неё, однако его поза и наклон головы свидетельствовали о том, что он внимательно прислушивается к происходящему. Украдкой бросив взгляд в его сторону, Гвен успела заметить, что он по-прежнему держит чемоданчик на коленях. При мысли о том, что он там прячет, она похолодела, предчувствуя беду, и по телу её побежали мурашки. Ей захотелось повернуться, кинуться в кабину экипажа, сказать Вернону, чтобы он справлялся с этим делом сам. Но она взяла себя в руки и преодолела минутную слабость.

— Я ведь сказала, что нам всё про вас известно, — повторила она. — Не далее как сегодня вас уже поймали без билета на одном из наших лос-анджелесских рейсов. Вы даже были сняты с самолёта, но вам удалось улизнуть. А потом вы обманом ухитрились пробраться на этот самолёт.

Маленькая старушка из Сан-Диего заметила небрежно:

— Если вам всё известно или кажется, что всё известно, разубеждать вас нет смысла. — Ну что ж, решила она про себя, стоит ли расстраиваться? В конце концов, она ведь была готова к тому, что её поймают. И всё-таки она успела пережить интересное приключение и хорошо поужинать. Да и что такого особенного случилось? Эта рыжеволосая там, в аэропорту, сама сказала, что авиакомпании никогда не возбуждают дела в суде против безбилетных пассажиров.

Однако ей было любопытно, что же последует дальше.

— Мы что же, повернём теперь назад в аэропорт?

— Ну, не такая уж вы важная персона. Мы сдадим вас в Италии тамошним властям. — Вернон Димирест предупредил Гвен, что все должны по-прежнему считать, будто самолёт летит в Рим, ни в коем случае нельзя говорить, что они уже довернули обратно. Он несколько раз повторил, что Гвен должна быть груба со старушкой. Гвен вовсе не улыбалось выполнять такую роль, но это было необходимо, чтобы произвести соответствующее впечатление на Герреро и выполнить задуманный Димирестом план.

Герреро, конечно, не подозревал, — и в случае удачи догадается, когда будет уже поздно, — что вся эта сцена разыгрывается только для него.

— Пройдёмте со мной, — сказала Гвен миссис Квонсетт. — Командиру сообщили о вас, и он должен дать соответствующий ответ. Но сначала он хочет поговорить с вами. — И, обратившись к пассажиру, занимавшему кресло у прохода, она сказала: — Будьте любезны,

пропустите эту даму.

Впервые за всё время старушка проявила нервозность.

— Командир хочет со мной говорить?

— Да, и ждать он не любит.

С явной неохотой миссис Квонсетт поднялась с места. Музыкант, весьма расстроенный, вышел в проход, чтобы дать ей пройти. Гвен взяла её под локоть и повела вперёд, чувствуя на себе враждебные взгляды остальных пассажиров.

Она с большим трудом преодолела желание обернуться и поглядеть, наблюдает ли за ними пассажир с чемоданчиком.

— Меня зовут капитан Димирест. Пожалуйста, подойдите поближе. Гвен, будьте любезны, закройте дверь — как-нибудь разместимся. — Вернон Димирест улыбнулся миссис Квонсетт. — К сожалению, конструкторы самолёта не учли, что сюда могут пожаловать гости.

Старушка из Сан-Диего устремила внимательный взгляд на говорившего. После ярко освещённого салона она ещё не успела освоиться с полумраком кабины. Она различала лишь неясные очертания какой-то фигуры на фойе десятка светящихся красным циферблатов. Но голос звучал несомненно дружелюбно. А миссис Квонсетт уже мужественно приготовилась к разговору в совсем другом тоне.

Сай Джордан откинул подлокотник на свободном кресле позади Энсона Хэрриса. Гвен мягко и предупредительно — совсем не так, как несколько минут назад, — усадила старушку в кресло.

Самолёт не качало, поэтому передвигаться в нём было легко. Он продолжал снижаться, но до тех слоёв атмосферы, где бушевала пурга, было ещё далеко, и самолёт летел со скоростью пятьсот миль в час легко и плавно, словно плыл по заштилевшему морю.

— Миссис Квонсетт, — сказал Вернон Димирест, — забудьте о том, что произошло за стенами этой кабины. Мы пригласили вас сюда по другой причине. — Он обернулся к Гвен: — Вы были достаточно грубы с этой дамой?

— К сожалению, да.

— Мисс Мейген действовала по моим указаниям. Я ей подробно рассказал, как она должна себя вести. Мы знали, что одно интересующее нас лицо будет за этим наблюдать. Мы хотели, чтобы всё выглядело естественно и можно было, не вызывая подозрений, пригласить вас сюда.

Большая тёмная фигура в кресле справа начинала мало-помалу приобретать более отчётливые очертания. Ада Квонсетт, вглядываясь в

лицо этого человека, нашла, что оно не выглядит злым. Пока ещё она, разумеется, совсем не понимала, к чему он клонит. Она огляделась по сторонам. Всё это было чрезвычайно интересно. Ещё ни разу в жизни не доводилось ей бывать в кабине экипажа. Кабина оказалась куда меньше, чем она предполагала. Здесь было очень тесно. И тепло. Все трое мужчин сидели в одних рубашках. Да, теперь уже ей действительно будет о чём рассказывать своей дочери в Нью-Йорке, если она когда-нибудь доберётся туда.

— Мамаша, — сказал человек, отрекомендовавшийся капитаном. — Вы ведь не робкого десятка?

Вопрос был странный. Миссис Квонсетт задумалась и ответила не сразу:

— Да, мне кажется, я не особенно труслива. Случается, конечно, и понервничать, но только теперь это реже со мной бывает. С годами начинаешь пугаться всё меньше и меньше.

Пристальный, испытующий взгляд капитана был прикован к её лицу.

— Я решил рассказать вам кое-что, а затем попросить вас помочь нам. Времени у нас мало, я буду краток. Вероятно, вы заметили пассажира, который сидит рядом с вами — у окна.

— Такой тощий, с тоненькими усиками?

— Да, — сказала Гвен. — Этот самый.

— Как же, заметила. Очень странный господин. Ни с кем не разговаривает и не выпускает из рук чемоданчика. Мне кажется, он чем-то очень обеспокоен.

— Мы тоже обеспокоены, — негромко произнёс Вернон Димирест. — У нас есть основания предполагать, что у него в чемоданчике бомба. И мы хотим её забрать. Вот почему нам потребовалась ваша помощь.

«Самое удивительное, — пронеслось у Ады Квонсетт в голове, — что здесь у них такая тишина». В этой тишине и в наступившем после слов Димиреста молчании Ада Квонсетт услышала, как где-то у неё над головой заговорило радио:

— «Транс-Америка», рейс два, говорит Торонтский центр. Вы находитесь в пятнадцати милях к востоку от Клейнбергского маяка. Сообщите вашу высоту и намерения.

Человек, сидевший впереди слева — Ада Квонсетт не видела его лица, — ответил:

— Торонтский центр, говорит «Транс-Америка», рейс два. Снижаемся, покидаем эшелон два-девять-ноль. Просим разрешения продолжать медленно снижаться. Намерение совершить посадку в аэропорту

Линкольна остаётся неизменным.

— «Транс-Америка», вас понял. Освобождаем вам путь следования. Можете продолжать медленно снижаться.

Третий человек, сидевший справа от Ады Квонсетт за маленьким столиком, перед которым были расположены ещё какие-то приборы, сказал:

— По моим подсчётам, мы должны быть на месте через час семнадцать минут. Это — если ветер будет как по сводке; если же фронт шторма приблизился, то прилетим позже.

— Так мы, значит, всё-таки возвращаемся? — Голос Ады Квонсетт выдавал охватившее её волнение.

Димирест кивнул.

— Да, но, кроме вас, никто из пассажиров этого не знает. И пока вам придётся держать это в секрете, причём главное, чтобы Герреро — пассажир с чемоданчиком — ничего не заподозрил.

У Ады Квонсетт даже дух перехватило. «Неужели это в самом деле происходит со мной?» — думала она. Потрясающее приключение, не хуже тех, что показывают по телевизору. Немножко опасное, конечно. Но она тут же сказала себе: об этом не стоит думать. Главное — она здесь, участвует во всём этом, разговаривает запанибрата с командиром корабля, и он доверяет ей свои тайны. Да, будет что порассказать дочери!

— Ну как, согласны вы нам помочь?

— Разумеется, согласна. Как я понимаю, вы хотите, чтобы я попробовала отобрать у него чемоданчик…

— Ни в коем случае! — Вернон Димирест обернулся и для большей убедительности перегнулся к ней через спинку кресла. Он сказал твёрдо: — И не вздумайте даже прикасаться к этому чемоданчику.

— Раз вы так говорите, — кротко согласилась миссис Квонсетт, — не буду.

— Да, я именно так говорю. И запомните: очень важно, чтобы Герреро не заподозрил, что мы обратили внимание на его чемоданчик и знаем о его содержимом. А теперь я проинструктирую вас — как раньше инструктировал мисс Мейген — насчёт того, что вы должны делать, когда вернётесь в салон. Пожалуйста, слушайте меня внимательно.

Когда он закончил, старушка из Сан-Диего позволила себе улыбнуться уголками губ.

— О да, да! Мне кажется, я сумею это проделать.

Она уже вставала с кресла, а Гвен открывала дверь кабины, когда Димирест спросил:

— Мне сказали, что вы летели без билета из Лос-Анджелеса… как

будто в Нью-Йорк. Зачем?

Миссис Квонсетт объяснила, что она порой чувствует себя одиноко на Западном побережье и ей хочется повидать дочь, живущую на востоке страны.

— Бабушка, — сказал Димирест, — если мы всё это провернём, я лично обещаю вам, что обо всех неприятностях, которые с вами произошли, будет забыто, и более того: наша авиакомпания даст вам бесплатный билет до Нью-Йорка и обратно, первый класс.

Миссис Квонсетт была так растрогана, что едва не расплакалась.

— О, благодарю вас, благодарю! — От волнения голос её дрогнул. «Какой изумительный человек, — подумала она. — Какой добрый, очаровательный человек!»

Пережитое Адой Квонсетт неподдельное волнение пришлось весьма кстати и немало помогло ей справиться со своей задачей, когда она прошествовала через салон первого класса к своему креслу. Гвен Мейген, крепко ухватив безбилетную пассажирку за локоть, подталкивала её вперёд, а та прикладывала кружевной платочек к глазам и являла собой весьма волнующее зрелище донельзя расстроенной пожилой дамы. Вытирая слёзы, Ада Квонсетт внутренне ликовала: ведь она разыгрывала уже вторую сцену за сегодняшний вечер. Сначала на аэровокзале притворилась больной и одурачила этого мальчишку, Питера Кокли. Ей это прекрасно удалось — значит всё удастся и теперь.

И в самом деле, спектакль был настолько убедителен, что один из пассажиров даже спросил Гвен довольно сердито:

— Послушайте, мисс, я не знаю, чем провинилась эта дама, но почему вы позволяете себе так грубо обращаться с ней?

Гвен, зная, что Герреро уже может её услышать, ответила резко:

— Прошу вас не вмешиваться, сэр.

Выполняя указания Вернона, Гвен, как только вошла в туристский салон, тут же задёрнула за собой портьеру, разделяющую салоны. При этом она успела бросить взгляд назад и заметила, что дверь кабины слегка приоткрылась. Гвен знала, что там, за дверью, стоит Вернон, наблюдает и ждёт. Как только портьера между салонами первого и туристского класса задёрнется, Вернон пройдёт вперёд, станет за портьерой и будет следить за происходящим в щёлку, которую Гвен должна была предусмотрительно оставить. А затем в нужный момент он откинет портьеру и быстро шагнёт вперёд.

При мысли о том, что произойдёт через несколько минут — и чем всё это может кончиться! — предчувствие беды снова охватило Гвен, и сердце

её сжалось от страха. И снова она нашла в себе силы победить страх. Она заставила себя вспомнить о том, что в её руках жизнь экипажа и пассажиров, которые даже и не подозревают, какая драма разыгрывается сейчас у них на глазах, и подтолкнула миссис Квонсетт к её креслу.

Пассажир по фамилии Герреро быстро вскинул на них глаза и тут же отвёл взгляд. Гвен заметила, что чемоданчик всё так же лежит у него на коленях и он не выпускает его из рук. Когда они подошли ближе, третий пассажир, гобоист, поднялся со своего сиденья с краю, рядом с креслом миссис Квонсетт. Всем своим видом выражая ей сочувствие, он вышел в проход, чтобы пропустить старушку на место. Гвен проворно шагнула вперёд, преградив ему дорогу обратно. Место музыканта должно было оставаться пустым, пока Гвен не отойдёт в сторону. Глаза Гвен уловили какое-то движение за портьерой. Значит, Вернон Димирест уже занял свой наблюдательный пост и готов действовать.

— Прошу вас! — Всё ещё стоя в проходе, миссис Квонсетт с мольбой обратила к Гвен полные слёз глаза. — Умоляю: попросите командира отменить своё решение. Я не хочу, чтобы он передавал меня в руки итальянской полиции…

Гвен сказала грубо:

— Об этом надо было думать раньше. И я не могу указывать командиру, что ему делать.

— Но вы можете попросить его! Он вам не откажет.

Герреро повернул голову в их сторону, прислушался и снова отвернулся.

Гвен схватила старушку за плечо.

— Говорят вам — садитесь на своё место!

Ада Квонсетт начала всхлипывать:

— Я же вас только об одном прошу: отправьте меня обратно! Передайте меня полиции, но только дома, не в чужой стране!

За спиной Гвен послышался протестующий голос гобоиста:

— Мисс, неужели вы не видите, как расстроена эта дама?

— Пожалуйста, не вмешивайтесь, — огрызнулась Гвен. — Эта пассажирка вообще не имеет права здесь находиться. У неё нет билета.

Гобоист сказал возмущённо:

— Пусть так, но перед вами всё-таки пожилая дама.

Не обращая внимания на гобоиста, Гвен толкнула миссис Квонсетт, и та пошатнулась.

— Вы что, не слышите? Садитесь на своё место и сидите тихо!

Ада Квонсетт упала на сиденье и взвизгнула:

— Вы мне сделали больно! Больно!

Несколько пассажиров, протестуя, вскочили с мест.

Герреро сидел, не поворачивая головы. Гвен видела, что руки его по-прежнему сжимают чемоданчик.

Миссис Квонсетт снова начала всхлипывать.

Гвен сказала холодно:

— У вас истерика! — наклонилась вперёд и неторопливо, хорошо рассчитанным движением влепила миссис Квонсетт пощёчину, внутренне содрогаясь от того, что ей приходится делать. Звук пощёчины звонко прокатился по салону. Пассажиры онемели. Две другие стюардессы смотрели на Гвен, разинув от изумления рот. Гобоист схватил Гвен за руку; она поспешно оттолкнула его.

Дальше всё произошло с такой стремительностью, что никто из присутствующих, даже из тех, что находились в непосредственной близости от происходящего, не смог бы точно пересказать последовательность событий.

Миссис Квонсетт повернулась к пассажиру слева — к Герреро.

— Сэр, умоляю вас! Помогите мне! Помогите!

Но Герреро продолжал сидеть с каменным лицом, игнорируя её вопли.

Потеряв, по-видимому, самообладание от волнения и страха, Ада Квонсетт вскинула руки и, истерически всхлипывая, обхватила Герреро за шею.

— Умоляю вас, умоляю!

Герреро завертелся на сиденье, пытаясь высвободиться. Ему это не удалось. Ада Квонсетт лишь крепче сжала его шею.

— Спасите меня!

Лицо Герреро стало пунцовым; чувствуя, что задыхается, он попытался разорвать сжимавшее его шею кольцо рук. Ада Квонсетт мгновенно вцепилась в обе его руки.

В ту же секунду Гвен Мейген наклонилась и одним ловким и, казалось, даже неторопливым движением схватила лежавший на коленях у Герреро чемоданчик. Ещё какая-то доля секунды — и чемоданчик находился уже в проходе, а между ним и Герреро встал непреодолимый барьер в лице Ады Квонсетт и Гвен.

Портьера, разделявшая салоны, раздвинулась. Вернон Димирест, высокий, внушительный в своей капитанской форме, стремительно шагнул вперёд. Лицо его выражало облегчение; он уже протягивал руку, чтобы взять чемоданчик.

— Отлично сработано, Гвен. Давайте его сюда.

Не вмешайся в дело судьба, на этом всё бы и кончилось, если не считать кары, которая ждала Герреро. Но случилось иначе — единственно во вине некоего Маркуса Расбоуна.

До этой минуты Расбоун был никому не известным и никого не интересующим пассажиром, занимавшим место 14-Д через проход от гобоиста. И хотя никто не обращал на него внимания, этот самодовольный, надутый человек был, как всегда, преисполнен сознания собственной значимости.

В маленьком городке штата Айова мелкий торговец Маркус Расбоун был известен всем как зануда. Любому делу, любому начинанию своих сограждан он неизменно старался ставить палки в колёса. Его возражения и протесты по любому вопросу — значительному или пустяковому — сделались притчей во языцех. Он возражал против выбора книг для местной библиотеки, против плана установки домовых антенн, против взысканий, наложенных в школе на его сына, против цвета общественных зданий. Незадолго до этой поездки в Рим ему удалось провалить проект единого оформления вывесок, что значительно украсило бы главную улицу их городка. И при этом никто не помнил, чтобы «зануда» сам внёс когда-нибудь хоть одно дельное предложение.

Другой отличительной чертой характера Расбоуна было то, что он презирал женщин, в том числе и свою собственную жену. Восставая против чего-либо, он никогда не руководствовался интересами женщин. Вот почему его ничуть не задело унизительное обращение с миссис Квонсетт, но зато когда Гвен Мейген схватила чемоданчик Герреро, этого Расбоун уже стерпеть не мог.

Женщина, да ещё в форменной одежде, покушалась на права такого же рядового путешественника, как он сам, — так воспринял это Маркус Расбоун. Пылая негодованием, он поднялся с кресла и встал между Гвен и Верноном Димирестом.

В ту же секунду Герреро, весь побагровев и бормоча что-то нечленораздельное, кое-как высвободился из цепких объятий Ады Квонсетт, вскочил на ноги и шагнул в проход. Маркус Расбоун выхватил у Гвен чемоданчик и с учтивым поклоном протянул его владельцу. Словно дикий зверь, Герреро метнулся вперёд и завладел своей собственностью.

Вернон Димирест бросился к нему, но было уже поздно. Он хотел схватить Герреро — и не смог: проход был узок, и в нём стояли Гвен, Расбоун и гобоист. А Герреро, проскочив у них за спиной, уже мчался по проходу. На его пути пассажиры вскакивали с мест. Димирест, видя, что всё пропало, крикнул:

— Держите его! У него бомба!

Кто-то взвизгнул, кто-то выскочил в проход, закупорив его ещё больше. Но Гвен Мейген, работая локтями, плечами, коленями, сумела оказаться ближе всех к Герреро.

Добежав до конца салона, Герреро обернулся, точно загнанное животное. Позади него были двери трёх туалетов; световые указатели оповещали, что два из них свободны, а один занят. Стоя спиной к туалетам, Герреро вытянул вперёд руки с чемоданчиком. Одной рукой он держал ручку чемоданчика, другой — петлю шнурка, который теперь был отчётливо виден всем. Сдавленным голосом он предостерегающе прорычал:

— Стойте! Не приближайтесь!

Вернон Димирест снова крикнул, перекрывая шум:

— Герреро, вы слышите меня? Слушайте! Слушайте, что я вам скажу!

На мгновение воцарилась тишина, все замерли — слышно было только, как гудят двигатели.

Герреро стоял, повернувшись лицом к преследователям, и затравленно поглядывал на них.

— Мы знаем, кто вы и что вы задумали, — продолжал Димирест. — Мы знаем про вашу страховку и про бомбу, и на земле об этом тоже известно, и страховка ваша аннулирована. Вы понимаете? Ваша страховка недействительна, она уже ни гроша не стоит. Если теперь вы взорвёте бомбу, то ни за что ни про что убьёте себя. Никто от этого не выиграет — и меньше всего ваша семья. Ваша семья, наоборот, только пострадает: её будут винить во всём и преследовать. Вы слышите меня? Подумайте хорошенько.

Какая-то женщина испуганно вскрикнула. Герреро продолжал стоять в нерешительности.

— Герреро, — снова обратился к нему Вернон Димирест, — успокойте этих людей, пусть они сядут. Тогда, если хотите, мы с вами поговорим. Можете задавать мне любые вопросы. Обещаю, что никто к вам не подойдёт, пока вы сами этого не захотите. — Димирест быстро прикидывал: если ему удастся достаточно долго отвлекать внимание Герреро, возможно, за это врём я проход очистится. После этого он попытается убедить Герреро отдать ему чемоданчик. Если же тот откажется, можно наброситься на него, сбить с ног и выхватить чемоданчик, прежде чем Герреро успеет дёрнуть за петлю. Риск, конечно, отчаянный, но ничего другого не оставалось.

Пассажиры начали понемногу боязливо возвращаться на свои места.

— Вы понимаете, Герреро, что раз нам всё известно, значит, доводить ваш план до конца бессмысленно. Поэтому я предлагаю вам отдать мне чемоданчик. — Димирест старался говорить спокойно, рассудительно, понимая, что сейчас очень важно не делать пауз. — Если вы поступите так, как я предлагаю, даю вам слово: никто вас не тронет.

В глазах Герреро был страх. Он облизнул свои тонкие губы. Гвен Мейген стояла совсем близко от него.

Димирест произнёс негромко:

— Спокойнее, Гвен. Сядьте-ка лучше. — Надо, чтобы между ним и Герреро никого не было, если ему придётся силой отбирать чемоданчик.

Дверь одного из туалетов отворилась. Молодой человек в круглых очках, делавших его похожим на сову, вышел из туалета и остановился, близоруко щурясь. Он явно ничего не слышал и не подозревал о том, что происходит.

И тут кто-то из пассажиров крикнул:

— Хватайте этого малого, у него в портфеле бомба!

Когда дверь туалета щёлкнула у него за спиной, Герреро повернул голову. Услыхав возглас пассажира, он оттолкнул человека в очках и юркнул в туалет, из которого тот только что вышел.

При первом же движении Герреро Гвен Мейген бросилась следом за ним. Позади неё Вернон Димирест, расталкивая пассажиров, устремился туда же.

Дверь туалета уже захлопывалась, когда к ней подбежала Гвен. Она успела просунуть ногу в щель и всем телом налегла на дверь. Нога помешала двери затвориться, но распахнуть её у Гвен не хватило сил. Она почувствовала острую боль в ноге: Герреро налегал на дверь с другой стороны.

В голове у него был полный сумбур. Он даже не понимал, что произошло в последние минуты, не слышал и половины того, что говорил Димирест. Одно только отчётливо дошло до его сознания и подавило все остальные мысли и чувства: он понял, что и этот замысел, подобно всем его великим начинаниям, потерпел фиаско. В чём-то он просчитался, как всегда. Вся жизнь его была сплошной неудачей. И завершающей неудачей будет смерть — теперь он с горечью осознал это.

Он навалился спиною на дверь туалета. Он чувствовал, как на дверь налегают с противоположной стороны, и понимал, что стоит им надавить сильнее, и его сопротивление будет сломлено, дверь распахнётся. Он судорожно нащупал под ручкой чемоданчика шнур, который был присоединён к квадратику пластика, — квадратик вылетит, концы защепки

сомкнутся, и произойдёт взрыв. Когда пальцы Герреро нащупали петлю и потянули за неё, в голове его пронеслась последняя мысль: а что, если и тут осечка, если бомба тоже подведёт…

В последний, предсмертный миг, прежде чем сознание его померкло, Герреро понял, что на этот раз осечки не произошло.

10

Взрыв на борту лайнера «Транс-Америки», рейс два «Золотой Аргос», был ошеломителен и страшен. В герметически закрытом пространстве самолёта он прозвучал подобно стократно усиленному удару грома — язык пламени взметнулся вверх, словно вырвавшись из гигантского горна.

Смерть Герреро наступила мгновенно: он находился в центре взрыва, и его разорвало на куски. Миг назад он жил — и вот от человека остались лишь кровавые лохмотья.

Взрывом повредило фюзеляж.

Гвен Мейген, находившуюся ближе всех к Герреро, взрывной волной ударили в грудь и в лицо.

Повреждение фюзеляжа тотчас повлекло за собой разгерметизацию. С оглушительным воем воздух устремился через образовавшееся отверстие в разреженные высокие слои атмосферы. Искусственно поддерживаемое в самолёте нормальное давление начало падать; в клубах поднявшейся пыли, подобно обломкам кораблекрушения, пронеслись по салонам — от носа к хвосту самолёта — все незакреплённые предметы независимо от их величины и веса: подносы, газеты, винные бутылки, кофейные чашки, одежда, ручной багаж, различные вещи, принадлежащие пассажирам; они уносились, крутясь в воздухе, словно всасываемые гигантским пылесосом. Портьеры слетели с колец. Двери кабин и туалетов сорвало с петель и унесло туда же — в хвост самолёта.

Нескольких пассажиров сбило с ног. Те, кто не был пристёгнут ремнями к креслу, ухватились за что попало, чтобы их не унесло.

Над сиденьями распахнулись дверцы аварийного устройства и оттуда выпали жёлтые кислородные маски, соединённые пластмассовой трубкой с цистерной кислорода.

Внезапно вихрь улёгся, в салоны проник мглистый ледяной воздух. Рёв двигателей и вой ветра заглушали все звуки.

Вернон Димирест, ухватившись за спинку ближайшего сиденья, чтобы удержаться на ногах, крикнул что было сил:

— Надевайте маски! — И сам схватил маску.

Он знал то, чего не знало большинство пассажиров (это дали ему годы обучения и тренировок): воздух в самолёте был теперь разрежен и не годился для поддержания жизни. Если сейчас люди не получат кислорода, то через пятнадцать секунд их сознание начнёт меркнуть.

Небольшое же помутнение сознания — из-за отсутствия необходимого количества кислорода — возникнет уже через пять секунд.

Ещё через пять секунд появится состояние эйфории, после чего многим покажется, что кислородные маски им ни к чему, и тогда они безмятежно лишатся чувств.

Уже давно все, понимавшие опасность разгерметизации, настаивали на том, чтобы авиакомпании перед каждым полётом более тщательно и продуманно разъясняли пассажирам, как пользоваться кислородным оборудованием в случае аварии. Пассажирам надлежит сказать следующее, утверждали они: *«Как только перед вами повиснет кислородная маска, хватайте её и прижимайте к лицу. Вопросы будете задавать потом. Если возникла разгерметизация, нельзя терять ни секунды. Если же тревога окажется ложной, вы снимете маску, и дело с концом: она не причинит вам вреда»*.

Пилотам, подвергавшимся испытаниям на разгерметизацию, демонстрировалось действие кислородной недостаточности в разреженной атмосфере тренажёра. Надев кислородную маску, пилоты должны были поставить на листе бумаги свою подпись, но как только они начинали писать, им предлагали снять маску, и подпись тут же превращалась в каракули или просто обрывалась. Затем, прежде чем пилоты успевали потерять сознание, им снова надевали маску.

Глядя потом на свою подпись, пилоты не верили собственным глазам.

Однако руководство авиакомпании полагало, что слишком пристальное внимание к кислородным маскам может посеять тревогу среди пассажиров, и настаивало на самом поверхностном ознакомлении пассажиров с ними. Улыбающиеся стюардессы со скучающей или иронической миной нарочито небрежно демонстрировали, как пользоваться кислородной маской, и чей-то голос, явно торопясь поскорее покончить с этой ненужной процедурой, трещал тем временем по трансляции заученные фразы, как попугай: *«…в случае крайне маловероятной неполадки… утверждённые правительством правила требуют, чтобы мы объяснили вам…»* О необходимости действовать в этом случае быстро не упоминалось вообще.

Всё это приводило к тому, что пассажиры с таким же безразличием наблюдали демонстрацию кислородных масок, с каким обслуживающий персонал самолёта её проделывал. Какие-то чиновники — маньяки, размышляли пассажиры, придумали эти коробки у них над головой и эти нудные, из раза в раз повторяющиеся демонстрации с масками. (Зевок!) Им лишь бы изобрести что-нибудь похитрее, чтобы повысить подоходные

налоги и оправдать всё возрастающую дороговизну жизни. Так какого чёрта!..

И когда на регулярных рейсах над головой пассажира вдруг открывался люк и оттуда вываливалась кислородная маска, большинство с любопытством взирало на неё и даже не пыталось её надеть. Примерно то же произошло и теперь — только на этот раз опасность была реальной.

Вернон Димирест увидел реакцию пассажиров и чуть не взревел от ярости, вспомнив о том, как он сам и другие пилоты тщетно пытались добиться, чтобы демонстрации с кислородными масками перестали носить полушутовской характер. Но не было времени ни предостеречь людей, ни хотя бы подумать о Гвен, которая, быть может, была уже мертва или умирала в нескольких шагах от него.

Сейчас необходимо было немедленно вернуться на своё место и помочь спасти самолёт, если это ещё возможно.

Вобрав в лёгкие кислород из маски, Димирест ринулся вперёд.

В салоне туристского класса над каждым рядом кресел по обе стороны от прохода повисли четыре кислородные маски — три для пассажиров, занимающих кресла, и одна на всякий случай — для того, кто может оказаться в проходе. Одну из таких масок и схватил Димирест.

Но чтобы добраться до кабины, он должен был бросить эту маску и взять другую, переносную, с которой можно было бы передвигаться.

Два переносных кислородных баллона находились впереди, в сетке под потолком у входа в салон первого класса. Димирест знал, что если он доберётся туда, то с помощью одного из баллонов сможет преодолеть расстояние до пилотской кабины.

Он продолжал продвигаться вперёд, хватая одну кислородную маску за другой — из тех, что были свободны. Однако в одном из рядов впереди свободной маски не оказалось: три маски надели пассажиры — в том числе какая-то девочка-подросток, а четвёртую та же девочка прижимала к лицу ребёнка, лежавшего на коленях матери. Девочка, судя по всему, уже овладела положением и жестами показывала пассажирам, что надо делать. Димирест повернулся в другую сторону и увидел свободную маску: сделав последний глубокий вдох, он бросил свою маску и устремился к той, свободной. Прижав её к лицу, он снова глубоко втянул в себя кислород. Он не прошёл ещё и половины туристского салона.

Он сделал ещё рывок вперёд и вдруг почувствовал, что самолёт резко накренился на правый борт и начал падать.

Димирест замер на месте. Он понял, что сейчас уже ничего не может изменить. Дальнейшее зависело от двух обстоятельств: от того, насколько

сильно повреждён самолёт и насколько искусен окажется Энсон Хэррис, оставшийся один там, у штурвала.

Для тех, кто находился в пилотской кабине, всё, что произошло за эти несколько секунд, явилось не меньшей неожиданностью, чем для всех остальных. С тех пор как Гвен Мейген с миссис Квонсетт, а следом за ними и Вернон Димирест покинули кабину, двое оставшихся членов экипажа — Энсон Хэррис и второй пилот Сай Джордан — понятия не имели о том, что происходило у них за спиной, в пассажирских салонах, пока самолёт не тряхнуло взрывом, мгновенно вызвавшим разгерметизацию.

Как и в пассажирских салонах, в кабине поднялось густое облако пыли, которая тотчас улетучилась, лишь только дверь сорвало с петель и унесло. И всё, что не было прочно прикреплено, унеслось в вихре обломков.

Под столиком бортинженера надрывно загудел сигнал бедствия. Над креслами обоих пилотов вспыхнули ярко-жёлтые огни. И звуковые и световые сигналы оповещали об одном — об опасном для жизни низком давлении воздуха.

А на смену облаку пыли в кабину вполз ледяной туман. Энсон Хэррис почувствовал мучительную боль в барабанных перепонках.

Но в это время он уже начал действовать — многолетний опыт и тренировка сделали своё.

На долгом и трудном пути к креслу командира воздушного корабля пилоты проводят долгие часы в упорных тренировках в учебных аудиториях и тренажёрах, изучая теоретически и практически все непредвиденные тяжёлые ситуации, которые могут возникнуть в воздухе как вследствие аварии, так и вследствие чисто психологических причин. Цель этих тренировок — воспитать в пилоте быструю и точную реакцию в любых неожиданных положениях.

Тренажёры имеются на всех крупных аэродромах всех рейсовых авиалиний.

Снаружи тренажёр выглядит, как нос самолёта, отрубленный от всего остального фюзеляжа. Внутри он оборудован совершенно так же, как нормальная кабина экипажа.

Пилот проводит несколько часов в закрытом тренажёре, в обстановке, полностью имитирующей дальний беспосадочный перелёт. Когда дверь захлопывается, отрезая пилота от внешнего мира, ощущение возникает несколько жуткое; с абсолютной точностью воспроизводятся и движение и шум, пилот физически как бы ощущает себя в воздухе. Предусмотрено всё

для воспроизведения картины полёта: перед лобовыми стёклами помещён экран, на котором возникают аэропорты и взлётно-посадочные полосы, то вырастающие, приближающиеся, то остающиеся позади, создавая впечатление приземления или взлёта. Единственное отличие тренажёра от кабины настоящего самолёта лишь в том, что тренажёр никогда не отрывается от земли.

Пилот в тренажёре, так же как и в обычном полёте, связан с диспетчерами по радио. В диспетчерской опытные операторы-инструкторы с пульта управления имитируют всю процедуру управления полётом в различных условиях. Оператор-инструктор может без предупреждения создавать для пилота крайне неблагоприятные условия, имитируя всевозможные аварийные ситуации, начиная от перебоев в работе двигателей и кончая пожаром, воздушным порывом, нехваткой горючего, повреждением электропроводки, взрывной разгерметизацией, выходом из строя приборов и прочими аварийными положениями. Даже столкновение в воздухе может быть имитировано. Иной раз тренажёры используются для того, чтобы пилот сумел задним числом разобраться в причинах аварии.

Иногда оператор-инструктор может создать для пилота несколько критических ситуаций одновременно, в результате чего пилот вылезает потом из тренажёра совершенно измочаленный и взмокший от пота. Большинство пилотов тем не менее успешно проходят эти испытания, те же, кому это не удаётся, получают соответствующую пометку в своей служебной характеристике; им назначается новая проверка, и за их работой в дальнейшем ведётся пристальное наблюдение. Проверки в тренажёре приводятся систематически несколько раз в год на протяжении всего срока службы пилота, вплоть до его выхода на пенсию.

В результате этих тренировок при возникновении того или иного ЧП пилоты крупных рейсовых авиалиний точно знают, что им надлежит делать, не теряются и не тратят зря ни секунды драгоценного времени. Именно это, наряду с некоторыми другими факторами, и сделало рейсовые лайнеры наиболее безопасным средством передвижения за всю историю человечества. Вот почему и Энсон Хэррис мгновенно, автоматически, начал применять все необходимые меры для спасения самолёта.

В процессе тренировки на разгерметизацию от членов экипажа требуют соблюдения одного основного правила: они прежде всего обязаны позаботиться о себе. Вернон Димирест выполнил это требование. Точно так же поступили Энсон Хэррис и Сай Джордан.

Прежде всего — кислород; им — даже раньше, чем пассажирам. А когда нормальная деятельность мозга будет обеспечена, можно уже

принимать решения.

У каждого пилота на спинке кресла с наружной стороны висела кислородная маска, похожая на маску бейсбольного вратаря. Привычным, тысячу раз отработанным движением Хэррис сорвал с головы наушники и закинул руку за спину. Он дёрнул с такой силой, что отодрал держатель, и мгновенно натянул маску на голову. В маску, подсоединённую к цистерне с кислородом, вмонтирован микрофон. Для приёма же Хэррис, после того как снял наушники, включил на большую громкость динамик над головой.

Сай Джордан, сидевший позади, молниеносно проделал то же самое.

В следующем автоматическом движении Энсона Хэрриса проявилась забота о пассажирах. В случаях разгерметизации система кислородного снабжения работала автоматически. Но из предосторожности — на случай, если она не сработает, — над головой у каждого из пилотов имелся выключатель. Он обеспечивал автоматический выброс кислородных масок пассажирам и подачу к ним кислорода. Хэррис щёлкнул выключателем.

Затем правой рукой он взялся за секторы и уменьшил подачу топлива. Скорость снизилась.

Необходимо было снизить её ещё больше.

Слева от секторов находилась рукоятка воздушных тормозов. Хэррис до отказа взял рукоятку на себя. На обоих крыльях самолёта поднялись спойлеры, создавая дополнительное сопротивление, способствуя уменьшению скорости.

Сай Джордан выключил сигнал тревоги.

До этого мгновения все действия производились автоматически. Теперь настало время решать, как быть дальше.

Прежде всего необходимо было снизить самолёт, перебраться в те слои атмосферы, где человек может дышать. С двадцати восьми тысяч футов над землёй самолёт должен спуститься на три с половиной мили — там воздух не так разрежен и можно уже существовать без кислородной маски.

И вот перед Хэррисом встала дилемма: снижаться постепенно или пикировать?

Ещё два года назад инструкция безоговорочно предписывала пилотам при разгерметизации в результате взрыва немедленно пикировать. Однако выполнение этой инструкции уже привело к тому, что один самолёт разлетелся на куски, в то время как при медленном снижении, быть может, и удалось бы избежать катастрофы. Теперь пилотам было сказано: *сначала проверьте серьёзность повреждений. Если самолёт сильно повреждён, пикирование может привести к аварии, в таком случае снижайтесь медленно*.

Но и это было чревато опасностями, И Энсон Хэррис сразу понял, чем грозит им медленное снижение.

В фюзеляже несомненно образовалась пробоина. Это доказывала внезапная разгерметизация; только что прогремевший — меньше минуты назад — взрыв мог произвести большие разрушения. При других обстоятельствах Хэррис немедленно послал бы Сая Джордана выяснить, насколько серьёзны повреждения, но отсутствие в кабине командира корабля предписывало бортмеханику оставаться на месте.

Однако независимо от величины повреждений одно было неоспоримо и, быть может, наиболее важно. Температура окружающей среды приближалась к пятидесяти градусам ниже нуля. Судя по парализующему холоду, который ощущал Хэррис, температура в самолёте упала примерно до такого же уровня. При подобной температуре и при отсутствии специальной одежды продолжительность жизни для любого человека измерялась минутами.

Каков же выбор: погибнуть от холода или рискнуть и спикировать?

Приняв решение, правильность которого могло подтвердить или опровергнуть только будущее, Энсон Хэррис крикнул в микрофон Саю Джордану:

— Предупредите КДП! Мы пикируем.

И тут же резко положил самолёт в правый крен, одновременно переведя рычаг шасси вниз, на выпуск. Вираж перед пикированием преследовал двойную цель: пассажиры и стюардессы, стоявшие или не успевшие пристегнуться, будут удержаны на месте центробежной силой, в то время как при прямом пикировании их подбросило бы к потолку. И второе: вираж уведёт самолёт в сторону от трассы, и, надо надеяться, от других воздушных кораблей, следующих тем же курсом, но ниже.

Выпущенное же шасси должно ещё больше затормозить самолёт и позволить ему круче спикировать.

Из репродуктора у себя над головой Хэррис услышал голос Сая Джордана, монотонно оповещавшего о бедствии:

— Майский день, майский день, говорит «Транс-Америка», рейс два. Разгерметизация от взрыва. Мы пикируем, пикируем!

Хэррис резко отдал штурвал и крикнул в микрофон:

— Проси десять!

— Прошу дать эшелон десять тысяч футов, — передал в эфир Сай Джордан.

Энсон Хэррис переключил радар на семьдесят семь — радарный SOS. Теперь там, на земле, на экранах всех радаров вспыхнет «двуцветка» —

сигнал, не оставляющий сомнения в том, что самолёт терпит бедствие, и точно указывающий, где именно.

Самолёт пикировал, обезумевший альтиметр раскручивался, как часы со сломанным анкером. Двадцать шесть тысяч футов… двадцать четыре… двадцать три… Вариометр показывал спуск восемь тысяч футов в минуту… Сверху, из динамика, раздался голос диспетчера Торонтского центра:

— Все эшелоны ниже вас свободны. Как только сможете, сообщите ваши намерения. Держитесь, мы с вами…

Хэррис, выведя самолёт из виража, круто пикировал; предпринимать что-либо против холода не было времени. Если они успеют достаточно быстро спуститься, люди могут выжить… Лишь бы самолёт не рассыпался… Хэррис уже заметил, что тяги руля высоты и руля направления неисправны: руль направления заедало… Двадцать тысяч… девятнадцать… Судя по поведению самолёта, взрывом была повреждена хвостовая часть; насколько сильно — станет ясно, когда он будет выводить машину из пике. В этот момент всё решится. Если повреждение серьёзно, самолёт не выйдет из пике, и тогда… Хэррису сейчас очень не хватало соседа справа, но пересаживать туда Сая Джордана было уже поздно. И, кроме того, бортмеханику надлежало быть на своём месте — закрывать воздушные клапаны, обеспечивая максимальный обогрев салонов, проверять, нет ли повреждений в системе питания и в пожарной сигнализации… Восемнадцать тысяч футов… семнадцать… На четырнадцати тысячах, решил Хэррис, он начнёт выходить из пике: с тем чтобы на десяти тысячах перейти на горизонтальный полёт… Пятнадцать тысяч… четырнадцать… Ну, вот теперь — попробуем!

Тяжело, с трудом, но самолёт всё же подчинился управлению… Хэррис с силой тянул на себя штурвал. Нос самолёта начал подниматься, система управления сработала, самолёт выходил из пике. Двенадцать тысяч футов — теперь они уже снижались медленнее. Одиннадцать тысяч… десять с половиной… десять!

Самолёт вышел из пике! Пока что всё прошло благополучно. На этой высоте уже можно было нормально дышать, дополнительного кислорода не требовалось. Термометр показывал минус пять градусов — всё ещё холодно, конечно, но уже не тот убийственный холод, как там, на высоте.

Весь их спуск продолжался две с половиной минуты.

Динамик над головой снова ожил:

— «Транс-Америка», рейс два, говорит Торонтский центр. Как у вас дела?

Сай Джордан подтвердил приём. В разговор включился Энсон Хэррис:

— Вышли из пике на десяти тысячах, возвращаемся на курс два-семь-ноль. Взрывом повреждён фюзеляж, степень повреждения не выяснена. Запрашиваем погоду, трассу Торонто — Детройт — аэропорт Линкольна. — Перед мысленным взором Хэрриса промелькнули аэропорты — достаточно крупные для «боинга-707» по своим наземным возможностям, отвечающие требованиям, обеспечивающие необходимые условия для посадки.

Вернон Димирест, перешагнув через сорванную с петель дверь и кучу ещё каких-то обломков, быстро вошёл в кабину и опустился на кресло справа.

— Нам не хватало вас, — сказал Энсон Хэррис.

— Машина слушается управления?

Хэррис утвердительно кивнул.

— Если не отвалится хвост, мы ещё можем выкарабкаться из этой передряги. — Он добавил, что руль направления заедает. — Кто-то из пассажиров решил устроить небольшой фейерверк?

— Вроде того. И пробил в самолёте довольно-таки большую дыру. Забыл измерить.

Их беспечно-небрежный тон был лишь маской, и оба это понимали. Хэррис всё еще продолжал выравнивать самолёт, удерживая его на постоянной высоте и на курсе. Он сказал, желая приободрить коллегу:

— План у вас был отличный, Вернон. Всё могло бы пройти как по маслу.

— Могло бы, но не прошло. — Димирест повернулся ко второму пилоту. — Ступайте в туристский салон. Осмотрите повреждения и доложите по внутреннему телефону. Потом помогите, чем сможете, людям. Нам надо знать, много ли пострадавших и насколько серьёзно. — И только тут впервые Вернон Димирест позволил себе сформулировать ту мысль, которая подсознательно жгла его мозг. — И выясните, что там с Гвен.

С Торонтского центра начали поступать сведения, которые запросил Энсон Хэррис: аэропорт Торонто всё ещё закрыт — все взлётно-посадочные полосы заметены снегом. В Детройтском аэропорту все взлётно-посадочные полосы закрыты для регулярных рейсов, но в случае крайней нужды и экстренной посадки снегоуборочные машины могут расчистить полосу три, левую. На полосе — пять-шесть дюймов снега, под ним — лёд. Видимость в Детройте — шестьсот футов и перемежающийся шквальный снегопад. В аэропорту Линкольна все взлётно-посадочные полосы расчищены и могут быть использованы, кроме полосы три-ноль, которая заблокирована и потому временно закрыта. Видимость — одна

миля; ветер северо-западный, порывистый, тридцать узлов в час.

Энсон Хэррис сказал Димиресту:

— Я не намерен выливать горючее.

Димирест понял ход мыслей Хэрриса и утвердительно кивнул. Даже если им удастся довести самолёт до аэропорта, посадка неизбежно будет трудной и опасной из-за большого запаса горючего, которое они должны были израсходовать в полёте до Рима. Тем не менее при наличии повреждения выливать горючее ещё рискованнее. В результате взрыва и поломок в хвосте могло возникнуть короткое замыкание или трение металла о металл, вызывающее искры. При сливе горючего в полёте одной искры будет достаточно, чтобы лайнер превратился в пылающий жертвенный костёр. Оба пилота рассуждали так: лучше не рисковать в воздухе и пойти на тяжёлую посадку.

Однако по тем же соображениям посадку в Детройте — ближайшем крупном аэропорту — можно было производить лишь в самом крайнем случае. При большом весе самолёт приземлится на повышенной скорости. Нужна длинная посадочная полоса, чтобы за время пробежки успеть затормозить. А полоса три, левая, — самая длинная в Детройтском городском аэропорту, — покрыта снегом и обледенела, условия — хуже не придумаешь.

Было и ещё одно обстоятельство: где бы ни совершил посадку повреждённый самолёт, нельзя было предугадать, в какой мере он будет управляем при неисправности руля направления — а то, что он неисправен, пилоты знали, хотя не знали — насколько.

Наиболее безопасные условия посадки мог предложить только аэропорт Линкольна. Но до него оставалось ещё по меньшей мере час лёта. Они летели со скоростью в двести пятьдесят узлов, то есть значительно медленнее, чем на большой высоте, и Энсон Хэррис продолжал снижать скорость, чтобы не усугублять повреждений. К несчастью, и это не облегчало их положения. На десяти тысячах футов самолёт начало трясти и появилась вибрация в хвостовой части. На этой высоте всё ещё бушевала снежная буря, для которой в более высоких слоях атмосферы самолёт был недосягаем.

Таким образом, основным и решающим был сейчас вопрос: смогут ли они продержаться в воздухе ещё час?

Трудно было поверить, но с момента взрыва и начала разгерметизации прошло меньше пяти минут.

А тем временем воздушный диспетчер запрашивал снова:

— «Транс-Америка», рейс два, сообщите ваши намерения.

Вернон Димирест ответил, запросил курс на Детройт и добавил, что размеры повреждений ещё уточняются. А где они будут садиться — в Детройте или где-либо ещё, — он сообщит через несколько минут.

— «Транс-Америка», рейс два, вас понял. Детройт освобождает от снегоуборочных машин полосу три, левую. Впредь до дальнейших указаний там будут готовиться к экстренной посадке.

Звякнул телефон внутренней связи. Говорил Сай Джордан, стараясь перекричать рёв ветра:

— Капитан, здесь большая пробоина, примерно в шесть футов, позади задней двери. Кухня, туалеты и всё вокруг завалено обломками, но, насколько я могу судить, машина пока не рассыпается. Бустер оторвало к чёрту, но тросы управления как будто в порядке.

— А плоскости оперения как? Видно вам что-нибудь?

— Похоже, сорвало обшивку, она попала на стабилизатор, и его заклинило. Помимо этого, я вижу снаружи несколько дыр и вмятин, — по-моему, от обломков. Но так вроде ничего не болтается — по крайней мере, на виду. Основная сила взрыва, должно быть, пошла вбок.

Этого-то и не предусмотрел Герреро. Он с самого начала ошибся в расчётах. Его и тут постигла неудача.

Он не учёл — и в этом заключался его главный просчёт, — что, как только фюзеляж будет пробит, взрывная волна устремится наружу и разрежённая атмосфера сразу ослабит силу взрыва. Кроме того, он не знал, как прочно сконструирован современный воздушный лайнер, и в этом был его второй просчёт. В пассажирском лайнере предусмотрено такое дублирование всех систем, при котором повреждение одной из них не может вывести из строя всю систему управления. Лайнер может быть уничтожен бомбой, но лишь в том случае, если взрывом — случайно или преднамеренно — будут выведены из строя все наиболее важные его узлы. Всего этого и не учёл Герреро.

— Сможем мы продержаться в воздухе ещё час? — спросил Димирест Сая Джордана.

— Самолёт, мне кажется, выдержит. Насчёт пассажиров — не уверен.

— Пострадавших много?

— Трудно сказать. Я прежде всего обследовал, как вы велели, повреждения. Пока что весёлого мало.

Димирест распорядился:

— Оставайтесь там, сколько потребуется. Сделайте всё, что в ваших силах. — Он помедлил, не решаясь задать следующий вопрос, страшась возможного ответа; потом всё же спросил: — Гвен не попадалась вам на

глаза? — Он ведь до сих пор ничего не знал о судьбе Гвен; её могло унести за борт взрывной волной. Такие случаи бывали, и даже если этого не произошло, Гвен так или иначе находилась ближе всех к месту взрыва.

— Гвен тут, но, признаться, в тяжёлом состоянии, — ответил Сай Джордан. — На борту оказалось трое врачей, и они занимаются ею и остальными ранеными. Я сообщу, как только что-нибудь прояснится.

Вернон Димирест повесил трубку. Хотя он и позволил себе задать мучивший его вопрос, однако по-прежнему старался гнать прочь все сугубо личные мысли и чувства. Всё это потом. Сейчас надо принимать решения, спасать самолёт, экипаж, пассажиров. Он коротко пересказал Энсону Хэррису сообщение второго пилота.

Хэррис размышлял, взвешивая все «за» и «против». Вернон Димирест не проявлял желания взять на себя управление самолётом и, по-видимому, одобрял его действия. Даже сейчас он предоставлял Хэррису самому решать вопрос о посадке.

Несмотря на критическую ситуацию, капитан Димирест вёл себя так, как положено пилоту-контролёру.

— Попробуем дотянуть до Линкольна, — сказал Хэррис. Главное — спасти самолёт; что же до пассажиров, то в каком бы тяжёлом положении они ни находились, оставалось надеяться, что они выдержат перелёт.

Димирест кивнул в знак согласия, вызвал КДП Торонто и сообщил о принятом решении. Ещё несколько минут — и заботу о них возьмёт на себя Кливленд. Димирест попросил, чтобы аэропорт Детройта на всякий случай был готов принять их самолёт, хотя намерения у них вряд ли изменятся. И пусть предупредят международный аэропорт Линкольна о том, что самолёт, выполняющий рейс два, потребует аварийной посадки.

— «Транс-Америка», рейс два, вас понял. Детройт и Линкольн оповещаются.

После этого самолёт несколько изменил курс. Они приближались к западному берегу озера Гурон, недалеко от границы между США и Канадой.

Оба пилота знали, что там, на земле, всё внимание теперь сосредоточено на их самолёте. Диспетчеры и старшие по смене в соответствующих центрах наблюдения за воздухом напряжённо работают, согласовывая свои действия, убирая все машины с их пути. Центры передают их самолёт друг другу и расчищают ему путь следования. Любое требование, поступившее с рейса два, будет мгновенно выполнено.

Когда они пересекали границу, диспетчер Торонтского центра, расставаясь с ними, радировал:

— Счастливого пути, желаю успеха.

А через несколько секунд их позывные принимал уже Кливленд.

Когда Димирест бросал взгляд назад, в дверной проём, он различал в неясном полумраке пассажирского салона какие-то движущиеся фигуры. (Сай Джордан, как только сорвало дверь, уменьшил свет в салоне первого класса, чтобы он не бил в кабину.) По-видимому, кто-то пересаживал пассажиров вперёд, ближе к носу самолёта, скорее всего, это был Сай Джордан, и Димирест с минуты на минуту ждал от него сообщения. В самолёте, даже в кабине, всё ещё было нестерпимо холодно, а в салонах, разумеется, того холоднее. Снова промелькнула мучительная мысль о Гвен, но Димирест тут же безжалостно прогнал её и заставил себя сосредоточиться на том, что предпринять дальше.

Смелое решение продержаться в воздухе ещё час было принято всего несколько минут назад, однако уже пора было планировать вход в зону аэропорта имени Линкольна и посадку там. Самолёт продолжал вести Энсон Хэррис. Вернон Димирест достал карты зоны наблюдения и взлётно-посадочных полос аэродрома и разложил их на коленях.

Международный аэропорт имени Линкольна был воздушной базой и родным домом обоих пилотов, и они как свои пять пальцев знали его воздушную зону и все взлётно-посадочные полосы. Однако опыт и требования безопасности обязывали их не полагаться на память и проверять себя.

Карты подтвердили то, что было им хорошо известно.

Такая посадка, как у них — с большим грузом и на большой скорости, — требовала самой длинной полосы. А неисправность руля поворотов требовала, чтобы эта полоса была и максимально широкой. При этом следовало учитывать направление и силу ветра, а ветер, согласно метеосводке из Линкольна, был северо-западный, порывистый, тридцать узлов. Только одна полоса — три-ноль — отвечала всем требованиям.

— Нам нужна три-ноль, — сказал Димирест.

— В последнем сообщении говорилось, что эта полоса временно закрыта, там какой-то затор, — заметил Хэррис.

— Я это слышал, — сердито буркнул Димирест. — Она уже чёрт знает сколько часов закрыта, и всё потому, что там застрял мексиканский лайнер. — Он свернул карту зоны наблюдения и прикрепил её к штурвалу. — Затор, чёрт бы их побрал! — выбранился он в сердцах. — У них есть ещё пятьдесят минут, чтобы от него избавиться!

Он нажал кнопку микрофона, собираясь передать сообщение на КДП, и в этот момент Сай Джордан, бледный как смерть, потрясённый всем

виденным, вошёл в кабину.

11

Адвокат Фримантл был озадачен.

«Как это понять? — недоумевал он. — Никто из администрации аэропорта не обращает внимания на то, что толпа недовольных жителей Медоувуда заполнила добрую половину главного зала ожидания и шумит всё больше и больше».

Когда Эллиот Фримантл несколько часов назад обратился к негру, лейтенанту полиции, и попросил у него разрешения провести в зале митинг протеста, ему было самым решительным образом отказано. Однако вот они собрались, а вокруг них — ещё целая толпа зевак, и что же? Ни один полицейский даже носа сюда не кажет!

«Это просто загадочно!» — думал Фримантл.

Чем это объяснялось, он, конечно, не мог знать.

После встречи с управляющим аэропортом делегация медоувудцев во главе с Эллиотом Фримантлом спустилась из административного крыла здания в главный зал ожидания. Здесь ребята из телевидения, с которыми Фримантл договорился заранее, уже установили свою аппаратуру.

Медоувудцы — их к тому времени набралось человек пятьсот, не меньше, и новые продолжали прибывать — толпились вокруг.

Один из съёмочной бригады сказал:

— Мы к вашим услугам, если вы готовы, мистер Фримантл.

Телевизионных съёмочных бригад прибыло две — каждая с намерением получить интервью для завтрашней передачи. Фримантл, стреляный воробей, тотчас осведомился, по каким каналам они будут передаваться, и приготовился вести себя соответственно вкусам определённых категорий телезрителей. Первое интервью, как он выяснил, пойдёт по первому каналу, весьма популярному, рассчитанному на зрителей, которым подавай горячие споры, стычки, даже эксцентричные выходки. Фримантл был вполне готов подладиться под их вкусы.

Репортёр телевидения, красивый молодой человек с модной стрижкой, спросил:

— Мистер Фримантл, почему вы пришли сюда?

— Потому что этот аэропорт — разбойничий притон.

— Вы можете пояснить ваши слова?

— Разумеется. Жители Медоувуда регулярно подвергаются грабежу. У них крадут их покой, их право на уединение, их трудом заработанный

отдых и, наконец, их сон. Их обкрадывают, отнимая у них радость досуга; обкрадывают, подрывая их физические и психические силы, их здоровье, а также здоровье и благополучие их детей. Все эти исконные права человека — права, гарантируемые нашей конституцией, — бесстыдно попираются управлением аэропорта имени Линкольна без всякой компенсации.

Репортёр осклабился, обнажив два ряда безупречных белых зубов.

— Это смелые слова, господин адвокат.

— А мы — я и мои клиенты — не побоимся и подраться.

— Это желание зародилось у вас после того, как здесь произошли какие-нибудь события?

— Вот именно, сэр. После того, как управление аэропорта продемонстрировало своё бездушное отношение к судьбе моих клиентов.

— Что же вы намерены предпринять?

— В суде — и, если потребуется, то в самой высокой судебной инстанции — мы будем добиваться закрытия некоторых взлётных полос, а на ночное время — и всего аэропорта. В Европе, где цивилизация достигла в этом отношении более высокого уровня, чем у нас, в парижском аэропорту, к примеру, введено запрещённое для полётов время. Если же мы не сможем этого добиться, то потребуем соответствующей компенсации в пользу домовладельцев, которым наносится тяжёлый ущерб.

— Насколько я понимаю, ваши действия в настоящий момент имеют целью получить общественную поддержку?

— Да, сэр.

— Вы полагаете, что общественность поддержит вас?

— В противном случае я предложу тем, кто с нами не согласен, провести сутки в Медоувуде, если, конечно, их барабанные перепонки и психика выдержат это испытание.

— Но в аэропортах безусловно выработана определённая система мероприятий для снижения шума, не так ли, господин адвокат?

— Надувательство, сэр! Шарлатанство! Обман общественного мнения! Управляющий этим аэропортом сам признался сегодня, что даже эти жалкие меры для так называемого снижения шума и то не соблюдаются.

И так дальше и всё в таком же духе.

Впоследствии Эллиот Фримантл задавал себе вопрос: не следовало ли, говоря о признании, сделанном Бейкерсфелдом, упомянуть — в соответствии с его заявлением — об особых погодных условиях, создавшихся сегодня вследствие бурана? Однако без этого упоминания его слова прозвучали сильнее, а если в них и была полуправда, то едва ли его станут притягивать за это к ответу. Так или иначе и в первом интервью, и

во втором ему удалось произвести впечатление на своих слушателей. И камера несколько раз запечатлела взволнованные напряжённые лица присутствовавших при этом интервью медоувудцев. Эллиот Фримантл очень рассчитывал на то, что, увидя себя завтра на экранах своих телевизоров, они с благодарностью вспомнят того, чьими стараниями было достигнуто оказанное им столь большое внимание.

Он был немало удивлён числом жителей Медоувуда, последовавших за ним — словно за Дудочником из поэмы Браунинга — в аэропорт. На митинг в Медоувудской воскресной школе собралось, по самым грубым подсчётам, человек шестьсот. Фримантл полагал, что ввиду позднего часа и плохой погоды будет совсем неплохо, если до аэропорта доберётся хотя бы половина этих люден. Однако не только почти все присутствовавшие в школе пришли сюда, но кое-кто из них, должно быть, позвонил но телефону своим друзьям и соседям, и те присоединились к ним. А некоторые даже выразили желание, чтобы он представлял их интересы в суде, и попросили дать им бланки, которые он с немалым удовольствием тут же роздал. Заново произведя в уме кое-какие несложные подсчёты, Фримантл увидел, что его первоначальные надежды на сумму гонорара в двадцать пять тысяч долларов могут сбыться даже с лихвой.

Когда с телевизионными интервью было покончено, репортёр из «Трибюн» Томлинсон, успевший записать кое-что во время съёмок, спросил:

— Что вы думаете предпринять дальше, мистер Фримантл? Вы хотите провести здесь своего рода демонстрацию?

Фримантл покачал головой.

— К сожалению, свобода слова не в почёте у администрации аэропорта, и нам было отказано в элементарной просьбе — мы просили разрешения созвать здесь небольшой митинг. Тем не менее я намерен сказать несколько слов этим дамам и господам.

И Фримантл указал на заполнявших зал медоувудцев:

— Разве это не то же самое, что митинг?

— Нет, не то же самое.

Однако, думал про себя Эллиот Фримантл, и это неплохо, тем более что он твёрдо решил устроить публичную демонстрацию, если это ему удастся. Он намеревался выступить с яростными нападками на администрацию аэропорта в расчёте на то, что местная полиция прикажет ему заткнуться. Фримантл не собирался оказывать полиции сопротивление и попадать под арест. Вполне достаточно будет, если полиция прервёт его выступление — желательно в разгар красноречия — и тем самым сделает

его в глазах медоувудцев этаким мучеником, борцом за правду, а заодно даст неплохую пищу завтрашним газетам. (Утренние газеты, вероятно, уже печатают интервью с ним о положении в Медоувуде, редакторы же вечерних выпусков будут благодарны за новые сообщения.)

А главное — медоувудские домовладельцы получали ещё одно подтверждение тому, что в его лице они приобрели умелого адвоката и энергичного вожака, который не зря будет получать свой гонорар. Можно предположить, что первые чеки начнут поступать уже послезавтра.

— Мы решили — надо открывать здесь митинг, — сказал ему Флойд Занетта, председатель митинга в Медоувуде.

Пока Фримантл давал интервью репортёру «Трибюн», кто-то из медоувудцев торопливо приладил портативную усилительную установку, привезённую из воскресной школы, и Фримантлу сунули в руки микрофон. Обращаясь к толпе, он начал вещать:

— Друзья мои, мы пришли сюда сегодня с конструктивными предложениями, настроенные на деловой разговор. Мы надеялись поделиться своими соображениями с управлением аэропорта, считая, что наши проблемы достаточно насущно важны и неотложны, чтобы привлечь к себе пристальное и сочувственное внимание. Отстаивая ваши интересы, я попытался настойчиво и твёрдо, однако в рамках практически осуществимого, изложить эти предложения. Я надеялся, что в результате такого собеседования получу возможность передать вам обещание, что ваше положение будет облегчено, или — на худой конец — хотя бы выражение сочувствия и понимания. С огорчением должен сообщить вам, что ваши представители рассчитывали на это напрасно. Мы встретили здесь только враждебность, оскорбления и бесстыдно циничное утверждение, что в ближайшем будущем шум, сотрясающий ваши жилища, должен ещё возрасти.

Раздались возмущённые крики. Фримантл поднял руку.

— Да, поверить трудно, но спросите тех, кто был там вместе со мной. Пусть они вам расскажут. — Он ткнул пальцем в стоявших возле. — Говорил нам управляющий аэропортом, что дальше будет ещё хуже?

Сначала несколько нерешительно, а потом всё более уверенно кое-кто из членов депутации закивал головой. Ловко исказив откровенно честное признание, сделанное Мелом Бейкерсфелдом, Эллиот Фримантл продолжал:

— Я вижу здесь, помимо моих медоувудских друзей и клиентов, ещё и других лиц, заинтересовавшихся, по-видимому, нашими проблемами. Мы вполне понимаем их интерес. Поэтому позвольте мне вкратце

информировать… — И он продолжал ораторствовать в обычном для него трескучем стиле.

Толпа, довольно внушительная с самого начала, теперь заметно увеличилась и продолжала расти. Пассажиры, направлявшиеся к выходам на лётное поле, пробивались сквозь неё с трудом. Шум толпы заглушал объявления о прибывающих и отлетающих самолётах. Кое-кто из медоувудцев поднял над головой наспех нацарапанные плакаты:

ЛАЙНЕРЫ БЕСЧИНСТВУЮТ НАД МЕДОУВУДОМ!..

НАРОД ИЛИ САМОЛЁТЫ?..

ПОКОНЧИМ С ПРОКЛЯТЫМ ШУМОМ!..

МЕДОУВУД ТОЖЕ ПЛАТИТ НАЛОГИ…

К СУДУ АЭРОПОРТ ЛИНКОЛЬНА!

Как только Фримантл умолкал, крики и шум возрастали. Седовласый мужчина в спортивной куртке орал во всю мочь:

— Дадим-ка этим аэропортовским заправилам почувствовать шум на собственной шкуре!

Его слова вызвали рёв одобрения.

«Интервью» Фримантла явно перерастало в демонстрацию. Теперь с минуты на минуту, по его расчётам, в дело должна была вмешаться полиция.

Однако адвокат Фримантл находился в полной неизвестности о том, что в то время как в главном зале заработали телекамеры и стала расти толпа, в управлении аэропорта возникла тревога по поводу возможности взрыва на «Золотом Аргосе», и вскоре все полицейские аэровокзала устремились на розыски Инес Герреро, и демонстрация медоувудцев не привлекла к себе внимания.

И даже после того, как Инес Герреро удалось разыскать, лейтенант Ордвей всё ещё находился на чрезвычайном совещании в кабинете Мела Бейкерсфелда.

Прошло ещё минут пятнадцать, и Эллиота Фримантла охватило беспокойство. Хотя митинг и выглядел довольно внушительно, однако, если власти не начнут его разгонять, заряд, можно сказать, пропал даром. Куда же, чёрт подери, думал Фримантл, подевалась вся полиция, почему она не исполняет своих обязанностей? Наконец на лестнице административного этажа появились лейтенант Ордвей и Мел Бейкерсфелд и стали спускаться вниз.

Минуту назад все, кто находился в кабинете Мела, разошлись по своим делам. После того как Инес Герреро допросили, а «Золотому Аргосу» отправили вторую радиограмму с предостережением, оставаться здесь было бессмысленно. Таня Ливингстон, управляющий перевозками и старший пилот «Транс-Америки» разошлись по своим служебным помещениям и стали с тревогой ждать новых известий, и все остальные — за исключением Инес Герреро, которую передали для дальнейшего опроса агентам городской полиции, — тоже вернулись к своим непосредственным обязанностям. Таня пообещала таможенному инспектору Стэндишу, чрезвычайно обеспокоенному судьбой своей племянницы, тотчас сообщить ему, как только поступят какие-нибудь сведения с борта самолёта.

Мел вышел из кабинета вместе с Недом Ордвеем, ещё не решив для себя, где он будет нести эту ночную вахту.

Первым толпу медоувудцев и прежде всего Эллиота Фримантла заметил Нед Ордвей.

— Опять этот чёртов адвокат! Я же сказал ему: никаких демонстраций! — И Нед быстро направился к собравшимся в зале ожидания. — Ну, я их живо разгоню.

Мел, спеша за ним следом, предупредил:

— Возможно, он именно на это и рассчитывает — хочет стать в их глазах героем.

Они подошли ближе — Ордвей плечами прокладывал путь в толпе — и услышали, как Эллиот Фримантл вещает:

— Невзирая на заверения управляющего аэропортом, который принимал нас не далее как сегодня вечером, огромные тяжёлые машины с душераздирающим рёвом продолжают взлетать даже в столь поздний час. Даже в эту самую минуту…

— А ну, прекратите, — без церемоний заявил Нед Ордвей. — Я ведь предупреждал вас, чтоб вы не устраивали здесь демонстраций.

— Позвольте, лейтенант, уверяю вас, что это вовсе не демонстрация. — Фримантл по-прежнему говорил в микрофон, и его слова были слышны во всех уголках зала. — Просто я обещал после беседы с

администрацией вашего аэропорта — беседы, должен признаться, совершенно не удовлетворившей меня, — сказать несколько слов для телевидения, а затем отчитаться перед собравшимися здесь людьми…

— Отчитывайтесь в другом месте! — Ордвей повернулся к нему спиной и обратился к тем, кто стоял ближе: — Давайте, давайте расходитесь!

В толпе сердито зашумели, лица стали злыми, враждебными. Ордвей снова повернулся к Фримантлу, и в этот момент защёлкали фотоаппараты, вспыхнули потушенные было прожекторы, услужливо высвечивая для телекамер два лица, и Эллиот Фримантл подумал: наконец-то всё пошло как надо.

Стоя несколько в стороне, Мел Бейкерсфелд разговаривал с одним из сотрудников телевизионной компании и Томлинсоном из «Трибюн». Репортёр начал проглядывать свои заметки и, перевернув страницу блокнота, прочёл какую-то запись вслух. Лицо Бейкерсфелда гневно вспыхнуло.

— Я весьма уважаю вас, лейтенант, и исполнен такого же глубокого уважения к мундиру, который вы носите, — говорил тем временем Эллиот Фримантл, обращаясь к Ордвею. — Тем не менее должен заметить, что мы уже пробовали провести сегодня митинг в другом месте — у нас в Медоувуде, — но из-за шума, который создаёт ваш аэропорт, мы не слышали самих себя.

— Я здесь не для того, чтобы вступать с вами в споры, мистер Фримантл, — оборвал его Ордвей. — Если вы не подчинитесь, я вас арестую. Приказываю вам увести отсюда этих людей.

Из толпы кто-то крикнул:

— А если мы не уйдём, тогда что?

— Стойте здесь, и всё! Всех не арестуют! — крикнул кто-то другой.

— Ни в коем случае! — Эллиот Фримантл, исполненный сознания своей правоты, поднял руку вверх. — Прошу вас, выслушайте меня! Мы не позволим себе никаких непорядков и неповиновения закону. Друзья мои и подопечные! Этот лейтенант полиции приказал нам разойтись и покинуть здание. Мы подчинимся его приказу. Мы имеем основание рассматривать это как грубое посягательство на свободу слова… — Ликующие возгласы в толпе. — Однако никто не посмеет сказать, что мы хоть на йоту нарушили закон. — И уже более деловым тоном он добавил: — Заявление для прессы я сделаю вне стен этого здания.

— Одну минуту… — Голос Мела Бейкерсфелда прозвучал громко и резко. Мел прокладывал себе путь сквозь толпу. — Я позволю себе

поинтересоваться, Фримантл, какого рода заявление собираетесь вы делать представителям прессы. Будет ли это ещё одна попытка подтасовать факты? Или ещё одна порция предвзято подобранных судебных решений с целью дезинформировать и завлечь публику, которая плохо разбирается в этих делах? Или обыкновенный, старый как мир способ обмана путём прямых измышлений, в котором вы так понаторели?

Мел говорил громко, его слова отчётливо были слышны всем находившимся не слишком далеко. По толпе пробежал гул голосов. Многие, направлявшиеся уже к выходу, остановились, заинтересованные происходящим.

— Это злостное, клеветническое утверждение! — по укоренившейся привычке воскликнул Эллиот Фримантл. Но тут же, почуяв опасность, пожал плечами: — Впрочем, я не желаю на это отвечать.

— Почему же? Если это клевета, вам ли не знать, как в таких случаях поступают? — Мел преградил адвокату дорогу. — Или вы боитесь, что клевета обернётся правдой?

— Мне нечего бояться, мистер Бейкерсфелд. Этот полицейский только что объявил нам, что митинг закрыт. Так что, с вашего позволения…

— Мои слова относились только к вам, — сказал Ордвей. — А мистеру Бейкерсфелду я не указ. Он здесь хозяин. — Ордвей придвинулся поближе к Мелу. Теперь они вдвоём преграждали адвокату дорогу.

— Если бы вы правильно понимали свои обязанности полицейского, — возразил Фримантл, — то не стали бы делать между нами различия.

Мел неожиданно согласился с ним:

— Мне кажется, адвокат прав. — Ордвей с любопытством поглядел на Мела. — Вы действительно не должны делать между нами различия. И вместо того чтобы закрывать этот митинг, вы, надеюсь, предоставите мне такую же возможность поговорить с этими людьми, какой только что воспользовался мистер Фримантл. Если, конечно, вы правильно понимаете свои обязанности.

— Мне кажется, я их понял. — По тёмному лицу лейтенанта Ордвея, на голову возвышавшегося над всеми, скользнула усмешка. — Вы… и мистер Фримантл хорошо мне их разъяснили.

Мел с вежливой улыбкой обратился к Эллиоту Фримантлу:

— Вы видите, нам удалось склонить его на нашу сторону. И теперь, раз мы оба тут, попробуем привести кое-что в ясность. — Он протянул руку. — Дайте-ка мне микрофон.

Гнев, владевший Мелом, был сейчас не так очевиден, как несколько

минут назад. Когда Томлинсон, репортёр «Трибюн», рассказал ему, что лежало в основе интервью Фримантла для телевидения и о его последующих выступлениях, Мела это взбесило. И Томлинсон, и представитель телевидения попросили Мела прокомментировать эти высказывания, и он заверил их, что сделает это непременно.

— Ну нет! — Фримантл энергично затряс головой. Опасность, которая почудилась ему минуту назад, внезапно обрела вполне реальную, осязаемую форму. Он сегодня один раз уже недооценил этого человека — Бейкерсфелда, — и ему отнюдь не улыбалось повторить ошибку. Фримантлу для осуществления поставленных перед собой целей чрезвычайно важно было не выпустить собравшихся здесь медоувудцев из-под своего влияния, и единственное, чего он сейчас жаждал, это чтобы все они как можно скорее разошлись теперь по домам. — Уже вполне достаточно было сегодня говорено! — высокомерно заявил он. Отвернувшись от Мела, он протянул микрофон одному из медоувудцев: — Забирайте вашу аппаратуру, и пошли.

— Дайте-ка сюда, — сказал Нед Ордвей, перехватывая микрофон. — И ничего не трогайте. — Он кивком подозвал к себе полицейских, появившихся позади толпы. Полицейские начали проталкиваться вперёд. Пока Фримантл беспомощно оглядывался по сторонам, Ордвей передал микрофон Мелу.

— Спасибо, — сказал Мел и повернулся к медоувудцам. Многие из них смотрели на него с явной враждебностью. Кое-кто из проходивших мимо останавливался послушать. В эту субботнюю ночь поток пассажиров в главном зале ожидания нисколько не редел, невзирая на то, что время уже перевалило за полночь. Вследствие задержек, происходивших с отправкой самолётов, такое положение, видимо, не могло измениться до утра. Оно осложнялось ещё и тем, что в конце недели наплыв пассажиров, как правило, возрастал. Некоторый спад мог наступить лишь после того, как аэропорт начнёт работать по графику. Если медоувудцы поставили себе одной из задач увеличить неразбериху и усилить недовольство пассажиров, думал Мел, то этой цели они достигли. Около тысячи людей попусту толпились в зале, и поток пассажиров с трудом прокладывал себе путь сквозь толпу, как сквозь живую плотину. Ясно было, что необходимо как можно быстрей разрядить обстановку.

— Я буду краток, — сказал Мел в микрофон и представился слушателям, назвав своё имя и должность. — Не далее как сегодня вечером я принял ваших представителей. Я объяснил им, какие трудности стоят перед управлением аэропорта, и заверил их, что мы понимаем ваше

положение и сочувствуем вам. Я ждал, что сказанное мной будет передано вам — если и не от слова до слова, то, во всяком случае, хотя бы самое существенное. Однако я узнал, что вас обманули, передав вам мои слова в совершенно искажённом виде.

— Это ложь! — завопил Эллиот Фримантл. Лицо его пылало. Безукоризненно прилизанные волосы растрепались.

Лейтенант Ордвей крепко взял его за локоть:

— А ну, потише! Вы сегодня уже имели возможность наговориться всласть!

Микрофон у Мела в руке был подключён к телеустановке. Мел продолжал говорить, и в лицо ему ударил луч юпитера.

— Мистер Фримантл обвинил меня во лжи. Сегодня он вообще не воздерживался от крепких выражений. — Мел заглянул в свой блокнот. — Мной отмечены: «враждебность», «наплевательство», «оскорбления», с которыми якобы столкнулись ваши представители при встрече со мной. Было также произнесено слово «грабёж». Далее, меры, принимаемые для снижения шума, адвокат Фримантл охарактеризовал как «надувательство», «шарлатанство» и «обман общественного мнения». Ну, так вот, сейчас вы сами рассудите, кто здесь лжёт или вводит вас в обман.

Мел понял теперь, что совершил ошибку, разговаривая сегодня с небольшой группой представителей медоувудцев, а не со всеми, собравшимися здесь. Он надеялся достичь понимания и вместе с тем избежать беспорядков, но его надежды не оправдались.

Однако он постарается достичь понимания хотя бы теперь.

— Позвольте мне сейчас разъяснить вам, какую позицию занимает управление аэропорта в вопросе снижения шума.

Вторично за этот день Мел рассказал о предписаниях, полученных всеми пилотами от их авиакомпаний. Затем он добавил:

— В обычных условиях мы требуем неукоснительного выполнения этих предписаний. Но в трудных погодных условиях, в такую, к примеру, пургу, как сегодня, на первый план выступает вопрос безопасности, и пилотам даётся право действовать сообразно обстановке. Что же касается использования взлётно-посадочных полос, то при малейшей возможности мы стараемся избежать использования полосы два-пять для взлёта, дабы самолёты не поднимались над Медоувудом. Однако в отдельных случаях — в том числе и сегодня — приходится всё же этой полосой пользоваться, поскольку полоса три-ноль не функционирует.

— Мы делаем для вас всё, что в наших силах, — утверждал Мел, — и мы отнюдь не безразличны к вашим неудобствам, как это пытались тут

изобразить. Но мы существуем для того, чтобы обеспечить воздушный транспорт. Мы не можем уклоняться от выполнения своих основных задач и в первую очередь должны нести ответственность за безопасность пассажиров и воздушных кораблей.

Слушатели явно были всё ещё настроены враждебно, но вместе с тем начинали проявлять интерес.

Последнее не укрылось от Эллиота Фримантла, злобно пожиравшего Мела глазами.

— Насколько мне известно, — сказал Мел, — мистер Фримантл не счёл нужным изложить вам суть тех разъяснении, которые я давал вашей депутации по поводу производимого аэропортом шума. Никакого, — он снова заглянул в блокнот, — «бесстыдного цинизма» не содержалось в моих словах. Была лишь попытка говорить честно и с полной откровенностью. Теперь я намерен быть столь же откровенным здесь, с вами.

И Мел снова с полной откровенностью признал, что надеяться на большие успехи в области снижения шума нет оснований. Когда он сказал, что с введением в эксплуатацию самолётов с новым типом двигателя шум неизбежно должен ещё возрасти, лица медоувудцев помрачнели. Но вместе с тем Мел уловил и одобрение — слушатели оценили его объективность и откровенность. Раздалось несколько взволнованных восклицаний, но в основном Мела не прерывали и слова его были отчётливо слышны на фоне шума аэровокзала.

— Беседуя с вашими представителями, я не упомянул двух обстоятельств, теперь я сделаю и это. — Голос Мела зазвучал жёстче. — Боюсь, что вам это может не понравиться. Двенадцать лет тому назад вашего городка не существовало. На этом месте был пустырь — клочок никчёмной земли, ценность которого значительно возросла после того, как здесь заложили аэропорт. В этом отношении ваш Медоувуд ничем не отличается от тысяч других городков, которые, словно грибы после дождя, вырастают вокруг всех аэропортов мира.

— Когда мы тут поселились, никто не знал, что от ваших самолётов будет такой адский шум! — крикнула из толпы какая-то женщина.

— Но мы это знали! — Мел повернулся к женщине. — Руководство аэропорта знало, что будут выпущены новые сверхмощные лайнеры, знало, какой они будут производить шум, и мы предупреждали об этом отдельных лиц и действующие в этом районе комиссии и уговаривали их не строить здесь домов. Я ещё не работал тогда в аэропорту, но в нашем архиве сохранились фотографии и протоколы. Аэропорт расставил вокруг стенды

— как раз там, где сейчас расположен ваш городок:

«САМОЛЁТЫ БУДУТ ВЗЛЕТАТЬ И ИДТИ НА ПОСАДКУ НАД ЭТИМ УЧАСТКОМ».

Другие аэропорты делали то же самое. И повсюду торговцы и агенты по продаже земельных участков срывали эти объявления. Потом продавали участки и дома таким же вот людям, как вы, а насчёт шума и насчёт того, как будет расти аэропорт, помалкивали, хотя обычно были об этом хорошо осведомлены, так что, насколько я понимаю, эти дельцы перехитрили и вас и нас.

Теперь выкриков из толпы уже не было, и Мел увидел перед собой море встревоженных лиц; он понял, что его слова не пропали даром, и почувствовал острую жалость к этим людям. Перед ним были не противники, с которыми ему надлежало бороться, а простые, славные люди со своей невыдуманной бедой. И он был бы рад помочь им, как своим ближним.

Он заметил, что Эллиот Фримантл саркастически усмехнулся.

— Вы, по-видимому, находите, что вели себя крайне мудро, Бейкерсфелд. — Адвокат повернулся к нему спиной и крикнул в толпу, уже не прибегая к помощи микрофона: — Не верьте этой болтовне! Вас пытаются одурачить! Держитесь крепко, держитесь за меня, и мы возьмём их тут за глотку! Так возьмём, что не отвертятся.

— На случай, если кто-нибудь не расслышал, — сказал Мел в микрофон, — я повторяю, мистер Фримантл советует вам держаться за него. По этому поводу я тоже хочу кое-что сказать.

Теперь его уже слушали внимательно.

— Многие предприимчивые люди наживались на таких, как вы: они продавали землю и дома в районах, где земельные участки не должны были застраиваться или застраиваться только промышленными предприятиями, которым шум аэропорта не может мешать. Отдав свои деньги, вы не оказались у разбитого корыта: у вас есть участки и дома, но, к сожалению, и то и другое значительно упало в цене.

— Что верно, то верно, чёрт подери, — мрачно произнёс кто-то.

— А теперь появились люди, которые уже разрабатывают новый план, как выманить у вас денежки. Крючкотворы во всех концах страны почуяли, что на этом пресловутом шуме можно нагреть руки, и обшаривают все жилые уголки вблизи аэропортов в поисках наживы!

— Ещё одно слово, и я подам на вас в суд за клевету, — взвизгнул Фримантл. Он побагровел, лицо его исказилось от ярости.

— За какую клевету? Разве вы уже догадались, о чём я собираюсь говорить? — Что ж, подумал Мел, возможно, впоследствии Фримантл и притянет его к ответу за клевету, хотя едва ли. Он почувствовал, как в нём пробуждается спортивный азарт: захотелось, была не была, идти напролом, взять верх — и плевать на последствия. За последние годы это бывало с ним не часто. — Жителей таких городков, — продолжал он, — стараются убедить, что они могут защитить свои права через суд и выиграть процесс. Владельцам домов, расположенных вблизи аэропорта, сулят мешок с деньгами, словно в конце каждой взлётно-посадочной полосы зарыт клад. Я не хочу сказать, что с аэропортом нельзя судиться или что на свете нет честных, трезвых юристов, которые готовы потягаться с нами. Я хочу только предостеречь вас: среди юристов немало людей и совсем другого сорта.

Та же женщина, что кричала из толпы, спросила — на этот раз более миролюбиво:

— А как мы можем распознать, где кто?

— При вашей неосведомлённости это трудно. То есть пока вы не знаете действующих в этом вопросе законов. Поэтому вас легко одурачить тенденциозно составленной подборкой судебных прецедентов. — Секунду поколебавшись, Мел сказал: — Я слышал здесь сегодня упоминание о некоторых из таких прецедентов. Если хотите, я обрисую их вам более подробно и под другим углом зрения.

Кто-то из стоявших впереди мужчин сказал:

— Что ж, послушаем вашу версию, мистер.

В толпе начинали с любопытством поглядывать на Эллиота Фримантла.

Мел был в нерешительности, чувствуя, что всё это отняло больше времени, чем он предполагал. Но ещё несколько минут, подумал он, ничего не решают.

Где-то с краю, за толпой, промелькнула фигура Тани Ливингстон.

— Судебные процессы, — сказал Мел, — которые здесь так бойко перечислялись, — старая как мир история, памятная всему руководящему персоналу аэропортов. Первым, насколько я помню, был процесс «Соединённые Штаты против Каузби». Решение по этому иску, положенное в основу всего хитросплетения фактов, с помощью которого Фримантл пускал пыль в глаза жителям Медоувуда, было принято более двадцати лет назад, — разъяснил Мел. — Фермер-куровод подал в суд на военные

самолёты, беспрестанно летавшие над его домом на высоте шестидесяти семи футов — то есть так низко, как не пролетал ещё ни один самолёт над Медоувудом. Куры были в панике, и некоторые из них даже околели. После многих лет тяжбы дело это попало наконец в Верховный суд. Иск был удовлетворён, потерпевший получил возмещение убытков в сумме четырёхсот долларов — стоимости погибших кур. Фермер не слишком-то разбогател в результате этого иска, и вам перспектива такой тяжбы тоже не отнюдь сулит горы золота, — добавил Мел.

Он бросил взгляд на Эллиота Фримантла, лицо которого то багровело от ярости, то становилось белым как мел. Нед Ордвей снова взял его за локоть.

— А вот ещё один судебный процесс, который мистер Фримантл предпочёл обойти молчанием. Этот процесс для вас важен — он также решался в Верховном суде и получил широкую огласку. Но, к несчастью для мистера Фримантла, этот процесс не только не льёт воду на его мельницу, а является прямым аргументом против него. Я имею в виду, — сказал Мел, — иск «Баттен против Баттена», по которому в тысяча девятьсот шестьдесят третьем году Верховным судом было принято решение: только «физическое вторжение» подлежит судебной ответственности. Шум под эту категорию не подпадает. Другое судебное решение такого же плана, — продолжал Мел, — было принято в тысяча девятьсот шестьдесят четвёртом году Верховным судом Калифорнии по иску Городского клуба «Лома Портал» к «Америкой Эйрлайнз». Здесь суд определил, что владельцы недвижимой собственности не имеют права добиваться каких-либо ограничений движения самолётов над их домами, находящимися вблизи аэропорта. На первом месте должны стоять интересы общественного воздушного транспорта, они имеют превалирующее значение, говорится в решении калифорнийского суда…

Мел без запинки, не заглядывая в блокнот, цитировал решения судов. Это явно производило впечатление на слушателей. Он улыбнулся.

— Тут как со всякой статистикой, — сказал он. — Умело её подтасовывая, можно доказать всё, что угодно. Вам совершенно не обязательно принимать мои слова на веру. Загляните сами в материалы архивов. Там всё чёрным по белому написано.

Какая-то женщина, стоявшая рядом с Эллиотом Фримантлом, набросилась на него:

— Вы нам этого не говорили! Вы рассказали только о том, что вам выгодно.

Кое-кто уже начал своё враждебное отношение к Мелу переносить на

адвоката.

Фримантл пожал плечами. В конце концов, решил он, в запертом на ключ портфеле, который он предусмотрительно оставил в автомобиле, уже лежит сто шестьдесят с лишним заполненных и подписанных бланков. Кто бы что бы тут ни говорил, это сделано и вспять не повернёшь.

Но прошло ещё несколько минут, и его начали одолевать сомнения.

Вот уже несколько человек один за другим стали обращаться к Мелу Бейкерсфелду по поводу этих подписанных ими сегодня бланков. Голоса этих людей выдавали их тревогу. Как видно, слова Мела и его манера держаться произвели на них сильное впечатление. Толпа стала разбиваться на отдельные маленькие группки; все возбуждённо переговаривались.

— Тут интересуются моим мнением по поводу подписанных вами соглашений, — сказал Мел. — Я полагаю, все знают, о каких соглашениях идёт речь? Я видел бланк такого соглашения.

Эллиот Фримантл рванулся вперёд.

— Вас это не касается. Вы не юрист. Мы уже, кажется, один раз это установили. И всякого рода контракты не входят в вашу компетенцию. — Теперь уже Фримантл протолкался достаточно близко к микрофону, чтобы его слова были услышаны всеми.

— Контракты — это моя повседневная работа — резко возразил Мел. — Каждый из арендаторов этого аэропорта, от крупнейших авиакомпаний до владельцев аптечных киосков, не может заключить контракта без моего ведома и одобрения, и все соглашения оформляются моими сотрудниками под моим руководством.

Он снова обратился к толпе:

— Мистер Фримантл совершенно справедливо указал на то, что я не юрист. Поэтому я дам вам не юридический, а деловой совет: соглашения, подписанные вами сегодня, могут иметь исковую силу. Соглашение есть соглашение; Вас и в самом деле могут притянуть к суду и принудительным путём взыскать указанную в соглашении сумму. Однако я считаю, что в том случае, если вы незамедлительно их опротестуете, никакого иска не воспоследует. Прежде всего адвокатское поручение ещё не было выполнено, вам не было оказано каких-либо услуг. Ну, и при том каждому из вас должен быть предъявлен самостоятельный иск. — Мел улыбнулся. — А ведь это тоже, доложу я вам, работёнка. И ещё вот что. — Тут Мел поглядел в упор на Фримантла. — Вряд ли какой-нибудь суд одобрительно посмотрит на то, что гонорар за юридические услуги весьма сомнительного, мягко выражаясь, свойства составляет около пятнадцати тысяч долларов.

Уже говоривший прежде человек спросил:

— Что же нам теперь делать?

— Если вы действительно пересмотрели ваше решение, я советую вам сегодня же утром, не откладывая, написать письмо мистеру Фримантлу. Сообщите ему, что вы больше не нуждаетесь в его услугах в качестве вашего юридического представителя, в том виде, как это было оформлено соглашением, и объясните — почему. Но не забудьте оставить себе копию письма. После чего — но это просто моё личное мнение — вы больше о нём не услышите.

Всё получилось резче и грубее, чем хотелось Мелу, и, вероятно, он сильно рисковал, зайдя так далеко. При желании Эллиот Фримантл мог наделать ему больших неприятностей. Мел позволил себе встать между клиентами и их адвокатом в вопросе, который затрагивал интересы аэропорта, а следовательно, и самого Мела, как его представителя. Глаза адвоката пылали такой ненавистью к Мелу, что он, без сомнения, не пожалеет сил, чтобы ему навредить. Однако внутреннее чутьё подсказывало Мелу, что Фримантл вовсе не заинтересован в том, чтобы его методы вербовки клиентов и прочие профессиональные уловки выплыли на свет божий. Судья, небезразличный к нарушениям профессиональной этики, может припереть Фримантла к стенке двумя-тремя каверзными вопросами, да и Ассоциация адвокатов также может доставить ему несколько неприятных минут. Поразмыслив немного, Мел перестал тревожиться.

А мысли Эллиота Фримантла текли в том же направлении, хотя Мелу это и не было известно. При всех прочих своих качествах Эллиот Фримантл был ещё и прагматик. Он уже давно пришёл к убеждению, что в жизни удачи всегда сменяются неудачами и наоборот. Иной раз неудача бывает непредвиденной и абсурдной. Случай, причуда судьбы, мелкая оплошность могли превратить уже почти состоявшийся успех в чудовищное поражение. Утешением служило то, что бывало и наоборот.

Встреча с управляющим аэропортом Мелом Бейкерсфелдом была именно такой оплошностью, которой следовало избежать. Даже после первого с ним столкновения, служившего — как теперь уже понимал Фримантл — явным ему предостережением, он всё еще продолжал недооценивать своего противника и торчать в аэропорту, вместо того чтобы поскорее отсюда убраться. И ещё одно обстоятельство слишком поздно обнаружил для себя Фримантл: Бейкерсфелд отнюдь не прост — он игрок и умеет рискнуть. Только азартный игрок мог сделать такую ставку, как сделал Бейкерсфелд минуту назад. И только Эллиот Фримантл сразу же

понял, что Бейкерсфелд сорвал банк.

Фримантл знал, что Ассоциация адвокатов может весьма отрицательно отнестись к его сегодняшней деятельности. Более того: у него уже были однажды неприятные столкновения с наблюдательным комитетом Ассоциации, и ему отнюдь не улыбалось снова попасться ему на крючок.

Бейкерсфелд прав, думал Фримантл. Взыскивать судебным порядком причитающийся ему на основе подписанных с ним соглашений гонорар он не станет. Риск слишком велик, а шансы на победу ничтожны.

Но он, конечно, не сложит оружия. Завтра, решил Фримантл, он составит обращение к жителям Медоувуда, подписавшим эти соглашения. Он постарается убедить их сохранить его как своего постоянного юрисконсульта за оговорённую ранее сумму гонорара. Впрочем, он не надеялся, чтобы многие откликнулись на его предложение. Слишком большие сомнения удалось Мелу Бейкерсфелду — чтоб он пропал, наглая рожа! — поселить в их душах. Какую-то малость всё же он, верно, наскребёт — у тех, кто найдёт для себя приемлемым продолжать вести с ним дела. Ну, а дальше уж ему придётся решать, стоит ли овчинка выделки. О том же, чтобы сорвать большой куш, больше не приходится и мечтать.

Но не сегодня-завтра подвернётся что-нибудь ещё. Так всегда бывает. В результате усилий Неда Ордвея и ещё нескольких полицейских толпа начала постепенно расходиться — в зале ожидания восстанавливалась нормальная циркуляция пассажиров. Микрофоны и телекамеры убрали.

Мел Бейкерсфелд увидел Таню Ливингстон — она пробиралась сквозь редевшую толпу.

В эту минуту одна из жительниц Медоувуда — она уже не раз попадалась Мелу на глаза в этот день — преградила ему дорогу. У неё было выразительное интеллигентное лицо и каштановые волосы до плеч.

— Мистер Бейкерсфелд, — негромко произнесла женщина, — мы тут много говорили между собой-и теперь понимаем некоторые вещи лучше, чем раньше. И всё же я не услышала ответа на вопрос: что же мне сказать моим детям, когда они плачут и спрашивают: почему не велят этому шуму, чтобы он перестал шуметь и не мешал нам спать?

Мел грустно покачал головой. Безыскусные слова этой женщины заставили его почувствовать, насколько бесплодно было всё, что здесь сегодня происходило. Он понимал: ему нечего ей ответить. И сомневался, что такой ответ может быть найден — до тех пор, во всяком случае, пока жилища людей и аэропорты будут соседствовать друг с другом. Он всё ещё раздумывал над ответом, когда Таня Ливингстон протянула ему сложенный листок бумаги.

Развернув его. Мел прочёл отпечатанное на машинке сообщение, носящее явные следы спешки:

«рейс 2
взрыв воздхе.
смлет повржднестьраненые.
взрщается сюда, трбует
экстрнн. псадки, ориент. время прибл. 0130.
кмдир запршвает впп три-ноль.
кдп сообщ. три-ноль блкрвана».

12

Доктор Милтон Компаньо, практикующий терапевт-хирург, делал всё, что подсказывали ему наука и опыт, чтобы спасти жизнь Гвен Мейген, лежавшей среди груды залитых кровью обломков в конце салона туристского класса. У него не было ни малейшей уверенности в том, что его старания увенчаются успехом.

Когда бомба взорвалась, ближе всех к месту взрыва, если не считать самого Герреро, находилась Гвен Мейген.

Её могло убить на месте — как Герреро. Но этого не произошло; она ещё была жива — в силу двух обстоятельств.

Находясь в непосредственной близости от места взрыва, Гвен в то же время была защищена от него дверью туалетной комнаты и телом Герреро. Каждой из этих преград в отдельности было бы недостаточно, чтобы спасти жизнь Гвен, однако вместе они в какой-то мере ослабили силу удара.

В то же мгновение был повреждён фюзеляж, и произошёл второй взрыв — и взрывная разгерметизация.

Динамитным взрывом тяжело ранило Гвен, и она, обливаясь кровью, отлетела назад; однако силе взрыва теперь противостояла другая сила — волна сжатого воздуха, рвавшаяся наружу в пролом фюзеляжа. Было так, словно сшиблись два урагана. Но уже в следующую секунду разгерметизация одержала верх, подхватила взрывную волну и увлекла за собой в непроглядный мрак разрежённых атмосферных высот.

Динамитный взрыв был мощным, но нанесённые им повреждения ограничились узким участком.

Сильнее всех пострадала Гвен, лежавшая теперь без сознания в проходе. Второй жертвой оказался очкастый молодой человек, который, выйдя из туалета, испугал Герреро. Раненный, оглушённый взрывом, он был весь в крови, но не потерял сознания и устоял на ногах. Ещё человек пять-шесть были ранены и контужены различными обломками. Остальные получили ушибы и лёгкие ранения от пронёсшихся через салон предметов, которые волна разгерметизации потащила в пролом фюзеляжа.

В первые мгновения после разгерметизации всех, кто не был пристёгнут к сиденью, повлекло к зияющей дыре в фюзеляже, и в наибольшей опасности оказалась снова Гвен Мейген. Однако при падении она инстинктивно, а быть может, случайно зацепилась рукой за ножку кресла. Это спасло её, а её тело послужило преградой для других.

Через несколько секунд вихрь, созданный разгерметизацией, начал слабеть.

Теперь самую грозную опасность для всех — как для раненых, так и для непострадавших — представляла нехватка кислорода.

Хотя кислородные маски тотчас выпали из своих гнёзд, лишь немногие пассажиры не растерялись и сразу воспользовались ими.

Впрочем, кое-кто начал действовать тут же, пока было ещё не поздно. Все стюардессы, где бы они ни находились, мгновенно — вот когда сказалась тренировка — схватили кислородные маски и показали пассажирам, что надо делать. Среди пассажиров было трое врачей, отправившихся на время своих каникул в путешествие вместе с жёнами. Понимая, что дорога каждая секунда, они надели маски и заставили окружающих тоже их надеть. Джуди, племянница таможенного инспектора Стэндиша, проворная восемнадцатилетняя девушка, не только сама без промедления надела маску и на себя, и на ребёнка в соседнем кресле, но и показала знаками родителям ребёнка и другим пассажирам через проход от неё, чтобы они сделали то же самое. Миссис Квонсетт, старый опытный «заяц», много раз во время своих полётов без билета наблюдавшая, как стюардессы демонстрируют применение кислородных масок, тоже не растерялась, схватила одну маску для себя, а другую для своего приятеля-гобоиста, которого она силой заставила опуститься в кресло рядом с собой. У миссис Квонсетт уже не было уверенности, что она выйдет из этой переделки живой, но это не слишком её тревожило; однако как бы ни развернулись дальше события, она хотела присутствовать при них до конца.

Кто-то успел сунуть маску раненому молодому человеку в очках, и тот, едва держась на ногах и, по-видимому, плохо отдавая себе отчёт в происходящем, сумел всё же прижать её к лицу.

Тем не менее по истечении критического периода — то есть через пятнадцать секунд после разгерметизации — лишь около половины пассажиров были в кислородных масках. Те же, кто не обеспечил себя кислородом, один за другим начали впадать в дремотное оцепенение, а ещё через пятнадцать секунд большинство из них потеряли сознание.

Гвен Мейген в первые мгновения не оказали помощи, и она лежала без кислородной маски. Её обморок, вызванный взрывом, стал ещё более глубоким вследствие недостатка кислорода.

В эту минуту в пилотской кабине Энсон Хэррис, идя на риск ещё сильнее повредить самолёт и, быть может, даже разнести его на куски, принял решение пикировать, чтобы спасти жизнь всех, кому грозила смерть

от удушья, и в том числе Гвен.

Самолёт вошёл в пике на высоте двадцати восьми тысяч футов и вышел из пике через две с половиной минуты на десяти тысячах футов.

Человек может прожить без кислорода от трёх до четырёх минут, и мозг его при этом не пострадает.

В первую — одну с четвертью — минуту пикирования, пока самолёт не снизился до девятнадцати тысяч футов, он находился в слишком разреженных для поддержания жизни слоях атмосферы. Ниже этой границы содержание кислорода в воздухе уже настолько возросло, что он стал пригоден для дыхания.

На двенадцати тысячах футов начало восстанавливаться нормальное дыхание. На десяти тысячах футов — когда последние критические секунды уже истекали — сознание начало возвращаться ко всем лежавшим без чувств, за исключением Гвен Мейген. Многие не успели даже заметить, что теряли сознание.

Когда первое потрясение прошло, все мало-помалу начали ориентироваться в происходящем. Одна из стюардесс, энергичная блондинка из Иллинойса, вторая по старшинству после Гвен, поспешно направилась в конец салона к наиболее тяжело раненным. Увидав их, она страшно побледнела, но продолжала настойчиво спрашивать:

— Нет ли здесь врача? Скажите, нет ли здесь врача?

— Есть врач, мисс! — Доктор Компаньо поспешил навстречу ещё прежде, чем услышал этот призыв. Это был маленький, остроносый, подвижный человечек, с быстрой речью и заметным бруклинским акцентом. Он оглядывался по сторонам, чувствуя пронизывающий холод — ветер с резким шумом врывался в пробоину в фюзеляже. На месте туалетов была груда искорёженных, залитых кровью железных обломков. В фюзеляже самолёта в хвостовой его части зияла дыра, сквозь которую видны были рулевые тросы… Он старался перекричать вой ветра и рёв двигателей, ставшие оглушительными после повреждения фюзеляжа. — Я бы перевёл всех, кого можно, вперёд, подальше от пролома. Надо постараться как-нибудь их обогреть. А раненых нужно укрыть одеялами.

Стюардесса сказала с сомнением:

— Попытаюсь что-нибудь найти.

Почти все одеяла, лежавшие, как обычно, наверху, в сетках, унесло вместе с одеждой пассажиров и прочими предметами в момент разгерметизации.

Ещё двое врачей из той же туристской группы, что и доктор Компаньо, присоединились к нему. Один из них сказал стюардессе:

— Тащите сюда все медикаменты, какие у вас есть для оказания первой помощи.

Доктор Компаньо уже стоял на коленях возле Гвен: из трёх врачей только у него оказалась при себе медицинская сумка.

Носить её с собой повсюду было характерной особенностью доктора Милтона Компаньо. И теперь он сразу овладел положением и взял на себя руководство, хотя, будучи всего лишь врачом общей практики, был официально ниже рангом остальных двух врачей — профессиональных терапевтов.

Милтон Компаньо считал, что врач всегда на дежурстве. Выходец из нью-йоркских трущоб, нелёгким трудом выбившийся в люди, он тридцать пять лет назад начал вести частный приём в итальянском квартале Чикаго, неподалёку от Милуоки и Гранд-авеню, и с тех пор, по утверждению его жены, не занимался медициной лишь в те часы, когда спал. Он хотел быть полезным людям — это давало ему радость. А своей профессией доктор Компаньо дорожил, как высокой наградой, которую он завоевал и должен сохранить. Он не отказывал ни одному пациенту, в какое бы время дня и ночи ни стучались к нему в дверь, и не было случая, чтобы он не поехал по вызову к больному. И если, проезжая по улице, доктор Компаньо становился свидетелем несчастного случая, он немедленно выходил из машины и оказывал посильную помощь — не в пример многим своим коллегам, которые, будучи уверены в роковом исходе катастрофы, боялись в дальнейшем обвинения в преступной небрежности. И ещё: доктор Компаньо считал своим долгом быть в курсе всех новейших достижений медицины. И чем напряжённее он работал, тем больше, казалось, прибавлялось у него сил. Этот человек словно бы стремился за каждый день помочь стольким страждущим, чтобы остатка его жизни хватило на исцеление всех недугов человечества.

В Риме, на родине своих предков, посетить которую он собирался уже много лет, доктор Компаньо предполагал пробыть вместе с женой месяц и ввиду преклонных лет дал на сей раз согласие провести этот месяц в полном покое. И всё же он знал, что где-то в пути или в Италии (плевать он хотел на отсутствие итальянского патента!) кому-то может потребоваться его помощь. Если это случится, он должен быть готов. И сейчас, когда его помощь потребовалась, это не застало его врасплох.

Доктор Компаньо прежде всего направился к Гвен, чьё положение явно было наиболее тяжёлым. На ходу он крикнул своим коллегам:

— А вы займитесь остальными.

В узком проходе между креслами доктор Компаньо осторожно

перевернул тело Гвен и наклонился к ней — дышит или не дышит? Гвен ещё дышала, но дыхание было почти неприметно. Доктор Компаньо крикнул стюардессе, которая только что говорила с ним:

— Дайте сюда маску.

Стюардесса подбежала к нему с переносной маской; он раскрыл Гвен рот, чтобы проверить, не препятствует ли что-нибудь дыханию. Рот был полон крови и выбитых зубов; доктор Компаньо извлёк их и принял меры, чтобы кровотечение не мешало ей дышать.

— Прикладывайте маску, — сказал он стюардессе.

Послышалось лёгкое шипение, кислород начал поступать. Минуты через две мертвенно-бледное лицо Гвен чуть заметно порозовело.

Доктор Компаньо начал обследовать окровавленное лицо и грудь, — то, что сильнее всего пострадало от взрыва. Быстро, с помощью гемостата, он остановил кровотечение из лицевой артерии — здесь оно было наиболее обильным, — затем начал обрабатывать другие раны. Он обнаружил перелом левой ключицы и левой руки — надо было бы наложить гипс, но сейчас это не представлялось возможным. С чувством глубокой жалости доктор Компаньо заметил острые осколки в левом глазу Гвен; правый глаз как будто остался неповреждённым, но поручиться было трудно.

Второй пилот Сай Джордан, осторожно обойдя доктора Компаньо и Гвен, принялся помогать стюардессам переводить пассажиров в передний отсек самолёта. Часть пассажиров перевели из туристского салона в салон первого класса, втиснув, где только можно, по два человека в кресло; других разместили в маленькой полукруглой гостиной первого класса — там было несколько свободных мест. Всю уцелевшую одежду, независимо от принадлежности, распределили между теми, кто больше других в ней нуждался. Как это нередко бывает в часы таких бедствий, люди проявляли готовность помогать друг другу, забывая о себе, и даже не теряли чувства юмора.

Два других врача оказывали помощь пассажирам, получившим различные повреждения; впрочем, особенно тяжело пострадавших не оказалось. Молодой человек в очках, находившийся позади Гвен в момент взрыва, получил глубокую рваную рану в предплечье, но рана была не опасна. Помимо этого, ему порезало осколками плечи и лицо. Рану обработали, руку перевязали, впрыснули морфий и сделали всё возможное, чтобы согреть раненого и устроить его поудобнее.

Теперь, когда они спустились, ураган, бушевавший в нижних слоях атмосферы, давал себя знать, и самолёт отчаянно болтало, что затрудняло работу врачей и передвижение пассажиров. Самолёт тяжело вибрировал,

время от времени он словно проваливался вниз или кренился набок. У многих пассажиров ко всем пережитым волнениям прибавилась ещё морская болезнь.

Доложив ещё раз о положении дел, Сай Джордан вернулся из пилотской кабины к доктору Компаньо.

— Доктор, капитан Димирест просил меня передать вам и вашим коллегам благодарность за оказанную помощь. Он будет вам чрезвычайно признателен, если вы улучите минуту и зайдёте в кабину экипажа — ему надо знать, что радировать о состоянии людей.

— Подержите-ка этот бинт, — распорядился доктор Компаньо. — Прижмите покрепче, вот здесь. А теперь помогите мне наложить лубок. Мы используем для этой цели твёрдые обложки журналов и полотенце. Раздобудьте мне журнал побольше форматом и сорвите с него обложку.

Минуту спустя:

— Я приду, как только смогу. Можете передать вашему командиру, что, по-моему, ему надо бы сказать несколько слов пассажирам. Люди уже начинают приходить в себя после первого потрясения. Их не мешает подбодрить.

— Хорошо, сэр. — Сай Джордан поглядел на Гвен, которая по-прежнему лежала без сознания. Меланхоличное худощавое лицо его стало ещё более угрюмым и озабоченным. — А как она, доктор? Есть надежда?

— Надежда есть, сынок, но положение не из лёгких. Очень многое зависит от её жизнестойкости.

— Я всегда считал, что этого ей не занимать.

— Она была красива?

Изуродованное, окровавленное лицо, копна спутанных, грязных волос — составить себе представление о её внешности было трудно.

— Очень.

Компаньо молчал. Как бы ни обернулось дело, девушка, лежавшая на полу самолёта, уже не будет красивой… Разве что с помощью пластических операций.

— Я передам командиру ваше пожелание, сэр. — Сай Джордан, явно очень расстроенный, вернулся в пилотскую кабину.

Прошло несколько минут, и пассажиры услышали в репродукторе спокойный голос Вернона Димиреста:

— Леди и джентльмены, говорит капитан Димирест…

Сай Джордан включил радио на полную мощность, и каждое слово командира корабля звучало отчётливо, перекрывая вой ветра и гул двигателей.

— …Вы все знаете, что нас постигла беда… большая беда. Я не собираюсь преуменьшать её размеры и не стану пытаться с помощью шутки поднять ваш дух. Здесь, в кабине экипажа, мы не усматриваем ничего смешного в создавшемся положении и вы, очевидно, тоже. Все мы прошли через такое испытание, какого нам ещё не выпадало и, я надеюсь, больше не выпадет. Но мы прошли через него, оно позади. Теперь самолёт полностью управляем, мы повернули обратно и собираемся осуществить посадку в международном аэропорту имени Линкольна примерно через три четверти часа.

В обоих пассажирских салонах, где пассажиры туристского класса уже смешались с пассажирами первого, всё на мгновение затихло и замерло, все взгляды были прикованы к репродукторам; люди напряжённо слушали, боясь пропустить хоть слово.

— Вам известно, конечно, что самолёт повреждён. Но повреждение могло оказаться куда более значительным — это истинная правда.

В пилотской кабине Вернон Димирест с микрофоном в руке задумался на секунду: в какой мере может он позволить себе быть профессионально точным и… честным. Вернон не одобрял командиров кораблей, которые, заигрывая с пассажирами, в течение всего полёта бомбардировали свою пленную аудиторию всевозможными сообщениями. Сам он в полётах сводил обращения к пассажирам до минимума. Однако он чувствовал, что на этот раз ему следует изменить своему правилу, так как сейчас пассажиры должны знать истинное положение вещей.

— Не стану от вас скрывать, — сказал Димирест в микрофон, — что нам ещё предстоит разрешить несколько проблем. Посадка будет нелёгкой, и мы не знаем, как и в какой мере имеющиеся в самолёте повреждения могут ещё осложнить её. Я говорю вам об этом потому, что, как только я закончу сообщение, члены нашего экипажа начнут инструктировать вас — они скажут, как вы должны сидеть и как вести себя при посадке. Затем вам объяснят, как, если понадобится, быстрее выбраться из самолёта после приземления. В этом случае прошу вас действовать быстро, но сохранять спокойствие и неукоснительно выполнять указания любого члена экипажа.

— Позвольте мне заверить вас, что на земле сейчас делают всё возможное, чтобы нам помочь. — Димирест вспомнил про полосу три-ноль и подумал: «Хорошо, если б так». Про то, что у них заело стабилизатор, он решил промолчать — не было смысла вдаваться в различные технические подробности аварии, которые для большинства пассажиров всё равно останутся непонятными. И он продолжал — теперь уже с лёгким оттенком юмора в голосе: — Но отчасти вам сегодня всё-таки повезло, ибо у нас в

кабине не один опытный пилот, а целых два — капитан Энсон Хэррис и ваш покорный слуга. Мы — два старых воздушных волка, за плечами у нас больше лётных часов и лет, чем нам хотелось бы в этом признаться, — разве что сегодня, когда наш совместный опыт может всем нам весьма и весьма пригодиться. Мы будем всемерно помогать друг другу. Вместе с нами летит второй пилот Сай Джордан, который часть времени уделит вам. Прошу и вас, в свою очередь, помогать нам. В этом случае обещаю, что мы благополучно закончим полёт.

Димирест выключил микрофон.

Не отрывая глаз от приборов, Энсон Хэррис пробормотал:

— Очень это у вас здорово получилось. Вам бы политикой заняться.

— Никто не станет за меня голосовать, — угрюмо сказал Димирест. — Люди не любят прямого, откровенного разговора и боятся правды. — Не без горечи вспомнил Димирест заседание Совета уполномоченных, где он яростно выступал против продажи страховок в аэропорту. Откровенный разговор привёл его тогда к поражению. Интересно, что скажут члены Совета и его достопочтенный шурин теперь, когда стало известно, что этот маньяк Д. О. Герреро застраховал свою жизнь с намерением взорвать самолёт. Очень может быть, думал Димирест, что их и этим не проймёшь, и только вместо обычного: «Такого не может случиться» ему заявят: «Это случай из ряда вон выходящий, такие вещи не повторяются». Ну, ладно, лишь бы благополучно посадить самолёт, а там уж, будьте спокойны, он задаст им жару с этими их страховками, какую бы чушь они ни пороли. И на сей раз к нему прислушаются. То, что произошло Сегодня — чем бы это ни кончилось, — несомненно, привлечёт к себе внимание прессы — уж он об этом позаботится. Он выложит репортёрам всё напрямик — и насчёт этих страховок, и насчёт Совета уполномоченных, и, уж конечно, насчёт его драгоценного родственничка Мела Бейкерсфелда. Пресс-бюро «Транс-Америки» постарается, конечно, опровергнуть его сообщение «во имя общих интересов». Ладно, пусть только попробуют!

Снова прозвучали сигналы радиосвязи.

— «Транс-Америка», рейс два, говорит Кливленд. Аэропорт Линкольна сообщает — полоса три-ноль временно закрыта. Делаются попытки убрать помеху до вашего прибытия. Если не удастся, примут вас на два-пять.

Димирест подтвердил приём. Лицо Энсона Хэрриса помрачнело. Полоса два-пять была на две тысячи футов короче, да ещё и уже и — по последней метеосводке — под скверным поперечным ветром. Посадка на два-пять сильно увеличивала опасность аварии.

Выражение лица Вернона Димиреста, принявшего радиограмму, яснее слов говорило о том, что он по этому поводу думал.

Буря не утихала, продолжало жестоко болтать. Энсон Хэррис старался по возможности выровнять самолёт.

Димирест повернулся ко второму пилоту:

— Сай, ступайте снова к пассажирам, займитесь ими. Проследите, чтобы девушки продемонстрировали всё, что может потребоваться при посадке, и постарайтесь, чтобы все это усвоили. Потом отберите несколько пассажиров понадёжнее. Объясните им, где расположены аварийные выходы и как ими пользоваться. Если мы выскочим за пределы полосы — а при посадке на два-пять, несомненно, так оно и будет, — всё полетит кувырком. В этом случае мы все, конечно, поспешим на помощь пассажирам, но можем и не успеть.

— Есть, сэр. — Сай Джордан снова, уже в который раз, встал со своего кресла.

Димирест предпочёл бы сам пойти в пассажирский салон поглядеть, что с Гвен, но сейчас ни он, ни Хэррис не могли покинуть кабину.

Не успел Сай Джордан уйти, как появился доктор Компаньо. Джордан уже оттащил в сторону сорванную с петель дверь, и теперь ничто не преграждало доступ в кабину.

Милтон Компаньо коротко представился Вернону Димиресту.

— Капитан, — сказал он, — я готов сделать доклад о пострадавших, как вы просили.

— Будем вам очень признательны, доктор. Если бы не вы…

Но доктор Компаньо нетерпеливо отмахнулся.

— Потом, потом. — Он открыл кожаную записную книжечку, в которой тонким золотым карандашиком была заложена страница. С характерной для него пунктуальностью он уже выяснил фамилии пассажиров, записал, какие у кого повреждения и какая оказана помощь. — Тяжелее всех ранена ваша стюардесса, мисс Мейген. У неё много рваных ран на лице и на груди и большая потеря крови. Кроме того, сложный перелом левой руки и ключицы, ну и, разумеется, сотрясение мозга. Прошу также сообщить кому следует в аэропорт, что вам немедленно по прибытии потребуется помощь хирурга-окулиста.

Вернон Димирест, стараясь сохранять самообладание, записывал сообщение доктора Компаньо в бортовой журнал, лицо его было бледно как полотно. Внезапно он перестал писать.

— Хирурга-окулиста… Вы хотите сказать… у неё повреждены глаза?..

— Боюсь, что да, — хмуро подтвердил доктор Компаньо. — Во всяком

случае, в левом глазу есть осколки, — уточнил он. — Что это — дерево или металл, — сказать не могу. Специалист определит, уцелела ли сетчатка. Правый глаз, насколько можно судить, не пострадал.

— Великий боже! — Димирест закрыл лицо руками; он чувствовал, как тошнота подступает у него к горлу.

— Пока ещё рано делать выводы, — сказал доктор Компаньо. — Современная хирургия творит чудеса. Но здесь дорога каждая минута.

— Мы сейчас же пошлём радиограмму, — заверил его Энсон Хэррис. — Они успеют всё подготовить к нашему прибытию.

— Тогда я продиктую вам остальное.

Димирест продолжал автоматически записывать то, что говорил ему доктор. По сравнению с Гвен Мейген остальные пассажиры пострадали довольно незначительно.

— Теперь я, пожалуй, вернусь туда, — сказал доктор Компаньо. — Надо поглядеть, всё ли там в порядке.

— Обождите, — резко сказал Димирест.

Доктор поглядел на него с недоумением, но приостановился.

— Гвен… мисс Мейген… — Голос Димиреста показался ему самому неестественным и чужим. — Она была… она ждёт ребёнка… Это может как-то сказаться на её состоянии?

Димирест заметил, что Энсон Хэррис бросил на него изумлённый взгляд.

— Как можно знать наперёд? — сказал доктор с оттенком раздражения в голосе. — Вероятно, у неё самое начало беременности?

— Да. — Димирест отвёл глаза в сторону. — Да, самое начало. — Минуту назад он принял решение не задавать этого вопроса. А потом решил, что должен знать правду.

Доктор Компаньо задумался.

— На способность организма к восстановлению это, разумеется, повлиять не может. Что же касается ребёнка, то мать не так долго находилась без кислорода, чтобы это могло оказать воздействие на плод, — никто ведь серьёзно от этого не пострадал. А внутренних повреждений у неё нет. — Доктор помолчал и добавил не очень уверенно: — Нет, на ребёнке сказаться не должно. Если мисс Мейген выживет — а при быстрой госпитализации на это, несомненно, есть надежда, — ребёнок должен родиться нормальным.

Димирест молча кивнул. Доктор Компаньо постоял с минуту в нерешительности и ушёл.

На некоторое время в кабине воцарилось молчание. Первым его

нарушил Энсон Хэррис:

— Вернон, я бы хотел немного отдохнуть перед посадкой. Можете сменить меня пока?

Димирест кивнул. Его рука автоматически потянулась к штурвалу, ноги легли на педали. Он был благодарен Хэррису за то, что тот не стал задавать вопросов и вообще обошёл Гвен молчанием. Что бы там Энсон Хэррис ни думал, у него хватило такта оставить это при себе.

Хэррис взял бортовой журнал с записью сообщения доктора Компаньо.

— Я займусь этим, — сказал он и вызвал по радио диспетчерскую «Транс-Америки».

После только что пережитых волнений Вернон Димирест сел за штурвал с чувством физического облегчения. Как знать, быть может, Хэррис предвидел это, обращаясь со своей просьбой. Но так или иначе, решение отдохнуть перед посадкой, чтобы сберечь силы, было, несомненно, разумным.

Посадку же, хотя она и обещала быть тяжёлой, Энсон Хэррис, очевидно, намеревался произвести сам, и Димирест не видел оснований возражать против этого, поскольку в течение всего полёта самолёт пилотировал Хэррис.

Хэррис передал радиограмму и откинул кресло назад, давая отдых телу.

А в соседнем кресле Димирест упорно старался сосредоточиться на полёте, но это ему никак не удавалось. Искусному и опытному пилоту во время управления самолётом нет необходимости полностью отключаться от всего — даже в таких трудных условиях. И сколько бы Димирест ни гнал от себя мысли о Гвен, они продолжали кружить у него в мозгу.

Гвен… Ещё сегодня вечером такая красивая, оживлённая, и вдруг… «Если мисс Мейген выживет…» И уже никакого Неаполя, рухнули все их планы… Гвен… Всего два-три часа назад она сказала ему — её безупречный английский говор, её нежный голос всё ещё звучал в его ушах: «Дело в том, что я люблю тебя…» Гвен… Ведь он тоже любит её, к чему себя обманывать…

С мучительной тревогой он думал о ней, и воображение рисовало ему, как она лежит там, на полу самолёта, окровавленная, без сознания… с его ребёнком во чреве… Он так настойчиво понуждал её отделаться от этого ребёнка… Она сказала ему с горечью: *«Я всё ждала, как и когда ты к этому подберёшься…»* А потом она была так взволнована: *«…Это как подарок… Кажется, что произошло что-то непостижимое — огромное и*

замечательное. И вдруг мы с тобой должны разом покончить с этим, отказаться от такого чудесного подарка».

Но он был настойчив, и кончилось тем, что она уступила: *«Ну, что ж, в конце концов я поступлю так, как подсказывает здравый смысл. Сделаю аборт»*.

Ни о каком аборте теперь не могло быть и речи. В клинике, куда отправят Гвен, аборт невозможен — разве что встанет вопрос о спасении жизни матери. Но судя по тому, что сказал доктор Компаньо, вопрос так не встанет. А потом, после клиники, будет уже поздно.

Значит, если Гвен выйдет живой из этой переделки, ребёнок появится на свет. Вернон Димирест не в силах был разобраться сейчас в своих чувствах: не понимал — огорчает его это или радует.

Ему вспомнились и другие слова Гвен:

«Разница между нами в том, что у тебя уже есть ребёнок… где-то есть живое существо, и в нём продолжаешься ты».

Она говорила о ребёнке, которого он никогда не видел, не знал даже его имени, — о девочке, сразу же после появления на свет навсегда исчезнувшей из его жизни в соответствии с «Тремя пунктами». Когда Гвен стала расспрашивать его, он не мог не признаться, что порой мысль об этой девочке, о том, что с ней сталось, мучает его. Однако он не признался в другом — в том, что эта мысль посещает его чаще, чем ему бы хотелось.

Ей, его дочери, теперь уже должно быть одиннадцать лет. Димирест помнил день её рождения, хотя и старался выкинуть эту дату из головы. Каждый год в этот день у него возникало желание что-то сделать для неё — может быть, просто послать поздравление… Вероятно, это потому, думал он, что у них с Сарой нет детей (хотя они оба хотели бы их иметь) и ему неведома радость, какую доставляет родителям день рождения ребёнка… А потом внезапно его начинали терзать вопросы, на которые не было ответа: где его дочь? Какая она? Счастливо ли сложилась её жизнь? Иной раз он невольно вглядывался в лица девочек на улицах, и, если их возраст казался ему подходящим, мелькала мысль: а вдруг… Потом он издевался над собственным идиотизмом. Иногда его охватывала тревога: может быть, его дочери плохо, может быть, её обижают и она нуждается в помощи, а он ничего не знает и ничем не в силах ей помочь… Рука Вернона Димиреста судорожно сжала штурвал.

И тут он впервые отчётливо понял: повторения ещё раз всей этой муки он не вынесет. По самой своей натуре он не мог мириться с неизвестностью. Другое дело аборт — это было что-то определённое, окончательное. И даже то, что говорил Энсон Хэррис не могло бы

поколебать его решения. Конечно, впоследствии могли бы возникнуть сомнения — правильно ли он поступил. Впоследствии он, возможно, мог бы и пожалеть. Но он бы знал: что сделано, то сделано.

Течение его мыслей резко нарушил голос в динамике над головой.

— «Транс-Америка», рейс два, говорит Кливленд. Левым заходом берите курс два-ноль-пять. При готовности начинайте спуск на шесть тысяч. Сообщите, когда уйдёте с десяти.

Димирест взял на себя все четыре сектора и начал спуск. Затем переставил указатель курса и плавно вошёл в вираж.

— Говорит «Транс-Америка», рейс два, ложимся на курс два-ноль-пять. Уходим с десяти тысяч, — передал Энсон Хэррис Кливленду.

Когда самолёт начал снижаться, болтанка усилилась, но с каждой минутой они были ближе к цели и надежда на спасение росла. Теперь они приближались к невидимой воздушной границе, где Кливлендский центр передаст их Чикагскому. После этого ещё тридцать минут лёта, и они войдут в зону наблюдения аэропорта Линкольна.

Энсон Хэррис проговорил негромко:

— Вернон, вы, конечно, понимаете, как я расстроен из-за Гвен… — Он умолк, потом нерешительно добавил: — Что у вас там с ней, меня не касается, но если я по-товарищески могу быть чем-то полезен…

— Ничего не требуется, — сказал Димирест. Он отнюдь не собирался раскрывать душу Энсону Хэррису, который в его глазах был хотя и отличным пилотом, но типичной старой девой в штанах.

Димирест уже пожалел о том, что так разоткровенничался несколько минут назад, когда чувства взяли верх над сдержанностью, а это случалось с капитаном Димирестом не часто. Лицо его стало замкнутым — обычная маска, под которой он привык скрывать свои переживания.

— Восемь тысяч футов, продолжаем снижаться, — передал Энсон Хэррис центру наблюдения за воздухом.

Димирест, следуя заданным курсом, неуклонно вёл самолёт на снижение. Глаза его в строгой последовательности перебегали с прибора на прибор.

А мысли снова невольно возвратились к этому ребёнку — его ребёнку, появившемуся на свет одиннадцать лет назад. Он долго колебался тогда — не мог решить, не признаться ли во всём Саре. Они могли бы удочерить эту девочку, вырастить её как родную дочь. Но у него не хватило духа. Он побоялся, что его признание будет слишком большим потрясением для Сары, что она не согласится взять ребёнка — ведь в каком-то смысле он служил бы ей вечным укором.

Но потом — к сожалению, слишком поздно — он понял, что был к Саре несправедлив. Конечно, его признание должно было потрясти и оскорбить её… Так же, как и теперь она будет потрясена и оскорблена, если узнает про Гвен. Но со временем её умение применяться к обстоятельствам взяло бы верх. Несмотря на всю ограниченность Сары и её пустопорожний образ жизни, несмотря на её мелкобуржуазные замашки, любительские потуги в живописи и клубное честолюбие, Димирест знал, что он может положиться на её преданность и здравый смысл. Вероятно, это и делало их брак прочным, думал он, — ведь даже сейчас он не помышлял о разводе.

В конечном счёте с помощью Сары всё как-нибудь обошлось бы. Она заставила бы его некоторое время помучиться, вымаливая у неё прощение, может быть, довольно долго. Но потом она всё же согласилась бы взять ребёнка, и, уж конечно, ребёнку страдать бы не пришлось. Об этом Сара позаботилась бы — это в её характере. Если только…

— Слишком уж много этих «если только», будь они прокляты! — произнёс он вслух.

Он снизил самолёт до шести тысяч футов и увеличил подачу горючего, чтобы не сбавлять скорость. Гул двигателей усилился.

Энсон Хэррис переключил радио на другую волну — они пересекли воздушную границу — и начал вызывать Чикагский центр.

— Вы что-то сказали? — спросил он Димиреста.

Димирест промолчал.

Снежный буран продолжал бушевать, самолёт швыряло из стороны в сторону.

— «Транс-Америка», рейс два, видим вас на экране, — сказал новый голос: говорил чикагский диспетчер.

Энсон Хэррис продолжал приём.

А Вернон Димирест думал: как бы ни обернулось дело с Гвен, надо принимать решение сейчас, не откладывая. Ну что ж, придётся выдержать всё — слёзы Сары, её гнев, упрёки, — но он должен сказать ей про Гвен.

И признаться в том, что он — отец ребёнка.

Начнутся истерики и, вероятно, будут продолжаться не день и не два, а потом ещё долго — неделями, месяцами — ему придётся сносить многое. Но в конце концов самое тяжелое останется позади, всё мало-помалу образуется. Как ни странно, он ни на секунду не усомнился в этом — вероятно потому, что верил в Сару.

Как они всё это уладят, он пока ещё себе не представлял; многое, конечно, будет зависеть от Гвен. Что бы там ни говорил доктор, а Гвен выкарабкается — Димирест был в этом уверен. У неё такая сила духа,

столько мужества. Пусть даже бессознательно, она всё равно будет бороться за жизнь, и, как бы её ни искалечило, это её не сломит, она сумеет справиться и с этим. И в отношении ребёнка она, скорее всего, рассудит по-своему. Вполне возможно, что её будет не так-то легко уговорить отдать его; скорее всего, она и вообще не согласится. Гвен не из тех, кого можно вести на поводу, ею не покомандуешь. У неё своя голова на плечах.

Видимо, он окажется с двумя женщинами на руках. И в довершение всего — с ребёнком. Тут будет над чем задуматься!

И снова возникал вопрос: до какого предела можно рассчитывать на благоразумие Сары?

О чёрт! Вот история.

И тем не менее после того, как для себя он принял решение, его не покидала уверенность в том, что рано или поздно всё уладится. И он подумал угрюмо: да, уж надо надеяться, особенно если посчитать, чего это будет стоить — каких денег и каких мук.

Стрелка альтиметра показывала, что они снизились до пяти тысяч футов.

Значит, он станет отцом. Теперь это представлялось ему уже в несколько ином свете. Разумеется, распускать по этому поводу слюни, как некоторые, как тот же Энсон Хэррис, ни к чему, но что ни говори, это будет его ребёнок. А подлинных отцовских чувств ему ещё не доводилось испытывать. Как это сказала Гвен, когда они ехали на машине в аэропорт? *Если это будет мальчик, мы можем назвать его Вернон Димирест-младший, совсем на американский лад.* Что ж, может быть, это и не такая уж плохая идея. Димирест хмыкнул.

Энсон Хэррис покосился на командира:

— Почему вы смеётесь?

— Я и не думал смеяться, — вспыхнул Димирест. — Какого чёрта стал бы я смеяться. Кажется, нам тут не до смеха.

Энсон Хэррис пожал плечами.

— Значит, мне послышалось.

— Вот уже второй раз вам что-то слышится. Когда мы закончим этот проверочный полёт, советую вам прежде всего хорошенько проверить ваши уши.

— Можно бы обойтись и без грубостей.

— Можно? Вы в этом уверены? — раздражённо спросил Димирест. — А если при такой ситуации это просто необходимо?

— Ну, если так, — сказал Хэррис, — лучше вас этому никто не обучен.

— В таком случае, когда вы кончите задавать идиотские вопросы,

займитесь-ка снова своим делом, а мне дайте поговорить с этими тупицами на земле.

Энсон Хэррис поднял спинку своего кресла.

— Как угодно. Я готов.

Оставив штурвал, Димирест включил микрофон. Теперь, придя к решению, он чувствовал себя спокойнее, увереннее. Пора было заняться наиболее неотложными делами. Он заговорил намеренно резко:

— Чикагский центр! Говорит капитан Димирест, самолёт «Транс-Америки», рейс два. Вы нас слушаете или уже приняли снотворное и отключились?

— Говорит Чикагский центр. Мы вас слушаем, капитан, и никто не отключался. — В голосе диспетчера прозвучала обида, но Димирест не счёл нужным обратить на это внимание.

— Тогда почему, чёрт подери, вы бездействуете? У нас ЧП. Нам нужна помощь.

— Не отключайтесь, пожалуйста.

Пауза. Затем заговорил другой голос:

— Говорит главный диспетчер Чикагского центра. Командир рейса два «Транс-Америки», я слышал вашу последнюю фразу. Прошу понять, что мы делаем всё от нас зависящее. Вас ещё не успели передать нам, а у нас уже десять человек расчищали вам путь. И продолжают это делать. Мы даём вам зелёную улицу, первоочередность радиосвязи и прямой курс на международный Линкольна.

— Этого недостаточно, — всё так же резко сказал Димирест. Он помолчал, не отключаясь, и продолжал: — Главный диспетчер, слушайте меня внимательно. Прямой курс до Линкольна ничего нам не даст, если нас посадят на ВПП два-пять или любую другую, кроме три-ноль. Не говорите мне, что три-ноль не функционирует. Я это уже слышал и слышал даже — почему. А сейчас запишите то, что я вам скажу, и постарайтесь, чтобы в международном Линкольна это уразумели: самолёт тяжело нагружен, садиться будем на большой скорости. А у нас повреждён стабилизатор и ненадёжен руль направления. Если нас посадят на ВПП два-пять, меньше чем через час вы будете иметь разбитую машину и груду трупов. Так что радируйте международному Линкольна, приятель, и прочистите им мозги. Скажите им: нам нужна три-ноль. Меня не касается, как они это сделают — пусть хоть взрывают к чёрту то, что у них там застряло, если не могут иначе. Вы меня поняли?

— Да, «Транс-Америка», рейс два, мы хорошо вас поняли. — Голос главного диспетчера звучал всё так же невозмутимо, но уже не столь

холодно-официально. — Вашу радиограмму сейчас же передаём международному Линкольна.

— Отлично. — Димирест сделал паузу и снова нажал кнопку микрофона. — У меня ещё одно сообщение. Мелу Бейкерсфелду, управляющему аэропортом имени Линкольна, лично. Передайте ему предыдущую радиограмму, а затем добавьте следующее: «Моему шурину персонально. Это по твоей милости, сукин ты сын, заварилась вся эта каша. Ты не хотел слушать, когда я говорил: к дьяволу страховки в аэропорту! Теперь я от лица всех находящихся в этом самолёте требую, чтобы ты пошевелил своей поросячьей задницей и очистил для нас три-ноль».

— «Транс-Америка», рейс два, мы записали вашу радиограмму. — Голос главного диспетчера звучал неуверенно. — Вы настаиваете на том, чтобы мы употребили именно эти выражения, капитан?

— Чикагский центр! — рявкнул Димирест. — Извольте употребить именно эти выражения, чёрт подери! Я требую, чтобы вы передали эту радиограмму немедленно, громко и абсолютно точно.

13

Ведя машину на большой скорости, Мел Бейкерсфелд слышал по радио, как в аэропорту вызывают со стоянок санитарные автомобили и направляют их к месту возможного приземления рейса два.

— Говорит наземный диспетчер, вызываю город двадцать пять.

Это был кодовый номер аэропортовской пожарной команды.

— Город двадцать пять на выезде слушает. Продолжайте.

— Передачу продолжаю. ЧП второй категории ожидается примерно через тридцать пять минут. Упомянутая машина повреждена, будет садиться на полосу три-ноль, если её освободят. В противном случае самолёт посадят на полосу два-пять.

Диспетчеры аэропорта в своих переговорах по радио старались по возможности умалчивать о том, какой именно самолёт терпит аварию. Выражение «упомянутая машина» служило именно этой цели. Авиакомпании были чрезвычайно щепетильны в этих вопросах, считая, что чем реже их будут упоминать в связи с несчастными случаями, тем лучше. Тем не менее Мел не сомневался, что всё случившееся сегодня ночью получит самую широкую огласку — вероятнее всего, и за рубежом.

— Говорит город двадцать пять. Вызываю наземного диспетчера. Просит ли пилот дать пену на посадочную полосу?

— Пены не требуется. Повторяю: пены не требуется.

Если пилот не требовал пены, значит, шасси не было повреждено и сажать самолёт на брюхо не понадобится.

Мел знал, что сейчас уже все машины аварийной колонны — автопомпы, спасательные и пожарные машины, машины «скорой помощи» — приведены в действие и следуют за машиной брандмайора, у которого есть индивидуальная радиосвязь с каждой из них. При ЧП задержек не бывает. Все руководствуются одним правилом: лучше раньше, чем позже. Аварийная колонна остановится сейчас между двумя взлётно-посадочными полосами и затем двинется туда, куда будет надо. Делалось это не по наитию. Передвижение каждой машины было заранее предусмотрено и зафиксировано в подробном плане на случай аварийных ситуаций. Голоса в радиотелефоне умолкли. Мел включил свой микрофон.

— Наземный диспетчер, говорит машина номер один.

— Машина номер один, наземный диспетчер слушает.

— Поставлен ли в известность о создавшейся аварийной ситуации

Патрони, который занимается самолётом, блокировавшим полосу три-ноль?

— Так точно. Держим с ним связь.

— Что говорит Патрони? Как у него дела?

— Он рассчитывает убрать застрявший самолёт через двадцать минут.

— Есть у него стопроцентная уверенность?

— Нет.

Мел отключился. Одна рука на баранке, другая — на кнопке микрофона, он вёл машину на максимальной скорости, какую можно было развить при плохой видимости в такую метель. Уже второй раз за этот вечер приходилось ему объезжать на машине аэропорт. Огни рулёжных дорожек и взлётно-посадочных полос, словно путеводные звёзды, мелькали мимо. Таня Ливингстон и Томлинсон, репортёр из «Трибюн», сидели на переднем сиденье рядом с ним.

Несколько минут назад Таня передала Мелу свою записку с известием о том, что на рейсе два произошёл взрыв и самолёт возвращается на базу, и Мел, вырвавшись из окружавшей его толпы медоувудцев, тотчас бросился к эскалаторам, ведущим в подземный гараж, где стояла его служебная машина. Таня бежала за ним. Сейчас его место — на полосе три-ноль, где, если потребуется, он должен взять всё в свои руки. В центральном зале, прокладывая себе путь к эскалаторам, он увидел репортёра «Трибюн» и бросил ему на ходу:

— Идёмте со мной. — Репортёр помог Мелу, сообщив то, что знал об Эллиоте Фримантле, — и о подписанных им контрактах, и о его позднейших лживых утверждениях, — и Мел решил отплатить ему услугой за услугу. Видя, что Томлинсон стоит в нерешительности, Мел крикнул: — Я не могу терять ни минуты! Вы очень пожалеете, если не воспользуетесь возможностью, которую я вам даю!

Томлинсон не стал задавать вопросов и последовал за Мелом. И сейчас, пока Мел гнал машину, опережая, где только можно, выруливавшие впереди самолёты, Таня передавала репортёру содержание полученных с рейса два радиограмм.

— Постойте, дайте-ка мне разобраться, — сказал Томлинсон. — У вас здесь, значит, всего только одна полоса имеет достаточную длину для таких посадок и при этом идёт в нужном направлении?

— Да, только одна, — угрюмо подтвердил Мел. — Хотя полагалось бы иметь две. — Он с досадой вспомнил о том, как на протяжении трёх лет много раз ставил вопрос о постройке ещё одной взлётно-посадочной полосы, дублирующей полосу три-ноль. Это было насущно необходимо.

Объём работы аэропорта и требования безопасности свидетельствовали о том, что предложение Мела надо претворять в жизнь, тем более что на постройку полосы ушло бы не менее двух лет. Однако сторонники иной точки зрения взяли верх. Денег на новую взлётно-посадочную полосу не нашлось, и она не была построена. Более того — даже не запланирована, несмотря на все старания Мела.

Во многих других случаях Мелу удавалось склонить на свою сторону Совет уполномоченных. По поводу новой взлётно-посадочной полосы он беседовал с каждым из членов Совета в отдельности и заручился поддержкой каждого из них, однако потом все их обещания оказались пустым звуком. Теоретически Совет уполномоченных являлся организацией, как бы не зависимой от политических влияний, но на деле назначение в Совет зависело от мэра города, да и большинство членов Совета сами были политическими деятелями. Если на мэра оказывалось давление с целью продвинуть какой-нибудь другой проект, также требующий финансирования, но зато весьма заманчивый в глазах избирателей, это давление быстро давало результаты.

Вот почему, с горькой иронией думал Мел, проект новой взлётно-посадочной полосы заваливали трижды, в то время как строительству трёхэтажной стоянки для автомашин, далеко не столь необходимой, но зато более наглядно демонстрирующей заботу об избирателях, не чинили никаких препон.

Кратко и без обиняков Мел обрисовал Томлинсону положение, не преминув упомянуть о его политической подоплёке, чего он прежде никогда не позволял себе делать, разве что в частных беседах.

— Мне бы хотелось иметь право сослаться на вас. — Голос Томлинсона выдавал охватившее его волнение. Репортёр уже понял, что ему дают в руки сенсационный материал. — Вы разрешите?

Мел понимал, что появление этого в печати вызовет чёрт знает какой вой. Уже в понедельник утром начнутся возмущённые звонки из муниципалитета. Но кто-то должен сказать правду во всеуслышание. Люди имеют право знать, какой опасности они подвергаются.

— Валяйте, — сказал Мел. — Я сейчас в подходящем настроении для такого интервью.

— Я как раз об этом и подумал. — Репортёр пытливо, с любопытством поглядел на Мела. — Не обижайтесь, но вы сегодня, что называется, в форме. И сейчас, и раньше — когда разговаривали с этим адвокатом, а потом — с медоувудцами. Совсем как в былые времена. Давненько я не видал вас таким.

Мел смотрел прямо перед собой на рулёжную дорожку, намереваясь обогнать самолёт компании «Истерн», заворачивавший налево. Он думал: неужели то, что происходило с ним последние два-три года, даже другим бросалось в глаза, неужели этот упадок духа был столь очевиден?

Таня, сидевшая совсем рядом, так что он ощущал её близость и исходившее от неё тепло, проговорила негромко:

— Мы вот всё время толкуем о взлётно-посадочных полосах, об этих медоувудцах, об общественном мнении и всякое такое прочее, а меня не покидает мысль о тех, кто там, в этом самолёте. Что они сейчас чувствуют, как им, наверное, страшно.

— Да, им, конечно, страшно, — сказал Мел. — Если они не потеряли сознания и отдают себе отчёт в случившемся. Мне бы тоже было страшно на их месте.

Мелу припомнилось, какой ужас пережил он много лет назад, когда у него зажало ногу в потерявшем управление военном самолёте. И при этой мысли тотчас заныла старая рана, словно воспоминание пробудило к жизни уснувшую боль. Волнения последних часов заглушили всё остальное, но сейчас, как всегда в минуты усталости и перенапряжения, рана снова дала себя знать. Мел, сжав губы, ждал, когда боль утихнет.

Он прислушался по радио к переговорам наземных служб. Затем снова включил свой микрофон.

— Говорит машина номер один, вызываю наземного диспетчера. Вы получили сообщение о том, в каком положении окажется пострадавший самолёт, если ему не дадут полосы три-ноль?

— Машина номер один, мы вас слышим, чрезвычайность положения понимаем. Это вы, мистер Бейкерсфелд?

— Да, это я.

— Не отключайтесь, пожалуйста, сэр. Мы сейчас принимаем ещё одну радиограмму.

Машина Мела уже приближалась к полосе три-ноль. От того, что сейчас сообщат, будет зависеть, придётся ли Мелу прибегнуть к самым крайним, отчаянным мерам, мысль о которых его не покидала ни на секунду.

— Машина номер один, говорит наземный диспетчер. Только что получена радиограмма с интересующего вас самолёта, — передал Чикагский центр. — Начинаю: «Прямой курс до Линкольна ничего нам не даст, если нас посадят на ВПП два-пять… Самолёт тяжело нагружен, садиться будем на большой скорости…»

В машине управляющего аэропортом трое людей напряжённо слушали

радиограмму Вернона Димиреста. При словах: «Если нас посадят на ВПП два-пять… вы будете иметь разбитую машину и груду трупов…» Мел слышал, как Таня тихонько ахнула, и почувствовал, что она вся дрожит.

Мел собирался уже подтвердить приём и отключиться, когда наземный диспетчер заговорил снова:

— Машина номер один… мистер Бейкерсфелд, получена ещё одна радиограмма, дополнительно к предыдущей, адресована лично вам — от вашего зятя. Может быть, примете её по телефону?

— Исключено, — сказал Мел. — Передавайте, я слушаю.

— Мистер Бейкерсфелд, — диспетчер явно колебался. — Радиограмма сугубо личного характера…

Диспетчер, так же как и Мел, знал, что передачу по радио в аэропорту будет слушать много посторонних ушей.

— Радиограмма имеет отношение к создавшейся ситуации?

— Безусловно.

— Тогда читайте.

— Слушаюсь, сэр. Начинаю: «Это по твоей милости, сукин ты сын, заварилась вся эта каша. Ты не хотел слушать, когда я говорил: к дьяволу страховки в аэропорту…»

Мел, сжав зубы, прослушал радиограмму до конца, затем бесстрастно подтвердил приём: «Вас понял», — и отключился. Должно быть, несмотря на катастрофическое положение, в котором находился самолёт, Вернон получал большое удовольствие, посылая эту радиограмму, думал Мел, а узнай он о том, при каких обстоятельствах была она передана по назначению, это порадовало бы его вдвойне.

По существу же, вторая радиограмма была излишней. Мел принял решение уже после первой.

Он выехал на полосу три-ноль. В лучах прожекторов видно было кольцо служебных машин вокруг застрявшего в снегу «боинга». Мел с облегчением отметил, что снега на полосе немного и вся она, за исключением участка, занятого самолётом, уже расчищена.

Мел переключился на волну технических служб аэропорта.

— Машина номер один вызывает пульт управления снежной командой.

— Пульт управления слушает. — Голос Дэнни Фэрроу звучал устало, что было совсем не удивительно. — Валяй, что там у тебя?

— Дэнни, — сказал Мел, — разъедини «Анаконду». Снегоочистители «ошкош» и тяжёлые грейдеры срочно отправь на полосу три-ноль к застрявшему самолёту, и пусть ждут там дальнейших распоряжений. Как

только они туда двинутся, тотчас сообщи мне.

— Вас понял, исполняю. — Мелу показалось, что Дэнни хотел что-то спросить, но раздумал. Секунду спустя сидевшие в машине услышали, как он на той же волне даёт распоряжение «лидеру» «Анаконды».

Репортёр «Трибюн» наклонился к Мелу за спиной у Тани.

— Я всё пытаюсь как-то увязать одно с другим, — сказал он. — Насчёт страховок… Ваш зять — один из наиболее влиятельных членов Ассоциации пилотов гражданской авиации, не так ли?

— Так. — Мел остановил машину в нескольких футах от ярко освещённого прожекторами участка полосы, в центре которого находился огромный лайнер. Работа здесь кипела вовсю. Вокруг самолёта и под его брюхом — везде люди трудились лихорадочно, ожесточённо. Мелькнула коренастая фигура Патрони, отдававшего распоряжения. Мел ждал ответа от Дэнни Фэрроу, чтобы затем присоединиться к Патрони.

Томлинсон проговорил с расстановкой:

— Я сейчас припоминаю, что уже слышал как будто об этих страховках. Кажется, ваш зять поднял большой шум по поводу страхования жизни в аэропорту, против которого восставала и Ассоциация пилотов, но вы уложили его на обе лопатки — так?

— Не я уложил, а Совет уполномоченных, но я был согласен с ним.

— Мне бы хотелось, если позволите, задать вам несколько нескромный вопрос: события этой ночи не заставили вас изменить вашу точку зрения?

— Но послушайте, право же, сейчас не время… — вмешалась Таня.

— Я вам отвечу, — сказал Мел. — Я не изменил своей точки зрения, пока ещё не изменил. Но я буду над этим думать.

Мел рассуждал так: сейчас не время менять свою позицию в этом вопросе (если вообще её следует менять). Нет, во всяком случае, не сейчас, в горячке, в смятении чувств, в обстановке катастрофы. Пройдёт день-другой, и трагические события этой ночи получат более ясную и трезвую оценку. Тогда он и сможет решить, надо ли ему настаивать на том, чтобы Совет уполномоченных пересмотрел своё отношение к этому вопросу. Вместе с тем никто, конечно, не станет отрицать, что всё случившееся значительно укрепило позицию Вернона Димиреста и Ассоциации пилотов гражданской авиации.

Возможно, думал Мел, и удастся прийти к какому-то компромиссу. Один из представителей Ассоциации признался ему как-то, что никто из пилотов не рассчитывает полностью и быстро одержать победу в этом споре; борьба будет тянуться годами: «Им придётся отхватывать себе

кусочек за кусочком — тоненькими ломтиками, как режут копчёную колбасу». Сначала они добьются запрещения страховых автоматов в Линкольнском аэропорту, как уже добились этого в некоторых других аэропортах. В штате Колорадо такое запрещение было проведено законодательным порядком, а в других штатах этот вопрос стоит сейчас на обсуждении в законодательных органах, что, впрочем, не мешает аэропортам действовать пока что по собственному усмотрению.

Система страховых автоматов казалась самому Мелу наименее приемлемой, хотя в случае с Герреро страховой полис и был приобретён другим путём. Ну, а если система страхования через агентов будет действовать по-прежнему ещё в течение нескольких лет — до тех пор, пока общественное мнение в этом вопросе не оформится с полной очевидностью, — тогда, может быть, удастся выработать какие-то меры, гарантирующие невозможность злоупотреблений…

Но хотя Мел и решил не делать пока окончательных выводов, тем не менее он чувствовал, что прежняя его уверенность поколеблена.

Радио, всё ещё настроенное на волну технических служб, снова заговорило:

— Машина номер один, говорит пульт управления снежной командой.

— Валяй, Дэнни, — сказал Мел.

— Четыре снегоочистителя и три грейдера во главе с «лидером» направляются, как было ведено, к ВПП три-ноль. Какие будут приказания?

Мел заговорил неторопливо, тщательно подбирая слова: он знал, что где-то в недрах КДП всё записывается на магнитофонную ленту. И за каждое слово ему придётся потом держать ответ. Но и помимо этого он хотел, чтобы всё, что он скажет, было понято абсолютно точно.

— Пульт управления снежной командой, говорит машина номер один. Все снегоочистители и грейдеры расположить под руководством «лидера» в непосредственной близости от «боинга-707», застрявшего на ВПП три-ноль. Машины не должны, повторяю: не должны преграждать путь самолёту, который через несколько минут попытаются своими силами сдвинуть с места. В случае, если эта попытка не даст результатов, снегоочистители и грейдеры получат распоряжение очистить полосу — столкнуть самолёт. Это необходимо сделать любой ценой и максимально быстро. ВПП три-ноль должна быть очищена и приведена в готовность не позже чем через тридцать минут. К этому времени и застрявший самолёт, и всю технику нужно отвести на безопасное расстояние. В соответствии с сообщениями КДП я дам указание, когда снегоочистители и грейдеры должны быть приведены в действие, если это окажется необходимым.

Подтвердите приём и получение инструкций. Всё ли ясно?

Томлинсон негромко свистнул. Таня повернулась к Мелу, пытливо вглядываясь в его лицо.

Радио молчало. Затем послышался голос Дэнни Фэрроу.

— По-моему, ясно. Но проверить не мешает. — И Дэнни кратко повторил основной смысл распоряжения. Мел понимал, что Дэнни сейчас взмок не меньше, чем он сам.

— Правильно, — сказал Мел. — И особенно учти одно: если придётся пускать в ход тяжёлую технику, делать это будете по моему указанию, только по моему.

— Что ж, — сказал Дэнни, — по мне, лучше ты, чем я. Ты, конечно, понимаешь, Мел, что наша техника сделает с этим «боингом»?

— Она его уберёт оттуда, — сказал Мел сухо. — А в настоящий момент это самое главное.

Мел знал, что в распоряжении технических служб аэропорта имеется немало всевозможного оборудования для выполнения такой грубой работы, как расчистка территории, но «Анаконда», уже находившаяся на лётном поле, могла сделать это быстрей и надёжней. Он отключился и положил микрофон.

Томлинсон сказал с сомнением:

— Уберёт?! Лайнер стоимостью в шесть миллионов долларов вы будете убирать с помощью снегоочистителей? Но, чёрт побери, вы же разнесёте его в клочья! А потом «Аэрео-Мехикан» и страховые компании сделают то же самое с вами.

— И это меня не удивит, — сказал Мел. — Хотя, конечно, многое зависит от точки зрения. Если бы владельцы и страхователи «боинга» находились сейчас на борту того, другого самолёта, который вот-вот должен сесть, они, вероятно, кричали бы: «Давай! Давай!»

— Ну что ж, — сказал репортёр, — одно несомненно: надо обладать большим присутствием духа, чтобы принять такое решение.

Таня украдкой сжала руку Мела; она проговорила негромко, взволнованно:

— Я тоже кричу: «Давай». Вы правильно поступаете. Что бы ни случилось потом, этой минуты я не забуду.

Вдали уже показалась вызванная Мелом колонна снегоочистителей и грейдеров; они быстро приближались, мерцая сигнальными огнями на крыше.

— Но, может быть, ещё ничего не понадобится. — Мел стиснул руку Тани, потом отпустил её и распахнул дверцу машины. — В нашем

распоряжении двадцать минут. Будем надеяться, что этого окажется достаточно.

Патрони топал ногами, пытаясь согреться, но все его усилия были тщетны, несмотря на меховые сапоги и парку. Тут к нему подошёл Мел. Если не считать нескольких минут, которые Патрони провёл в пилотской кабине после того, как её покинули командир и первый пилот «Аэрео-Мехикан», всё остальное время — уже три с лишним часа — он, невзирая на вьюгу, находился у самолёта. Он замёрз и отчаянно устал от напряжения и треволнений последних суток, а две неудачные попытки сдвинуть самолёт с места довели его до белого каления.

Услышав, что намерен предпринять Мел, Патрони едва не потерял самообладания.

Будь на месте Мела кто-нибудь другой, Патрони не постеснялся бы и отвёл душу. Но Мел был его закадычным другом, и Патрони только уставился на него, словно не веря своим глазам; потом вынул изо рта изжёванную нераскуренную сигару и сказал:

— Сдвигать снегоочистителями совершенно целый самолёт? Да ты что — ума лишился?

— Нет, — сказал Мел. — Я лишился нужной мне для посадки полосы.

На какую-то секунду Мела охватило отчаяние: он видел, что никто из ответственных лиц, кроме него самого, не понимает, сколь необходимо любой ценой очистить полосу три-ноль. Если он осуществит своё намерение — а он готов был это сделать, — лишь немногие одобрят его действия. Более того, он нисколько не сомневался, что найдутся и такие — особенно среди представителей компании «Аэрео-Мехикан», — кто станет задним числом утверждать, что он мог бы попытаться сделать ещё и то и это или что повреждённый самолёт можно было бы в конце концов посадить и на полосу два-пять. Да, как видно, принятое им решение ни у кого, даже у друзей, не найдёт поддержки. И всё же это не поколебало его решимости.

Поглядев на грейдеры и снегоочистители, выстроившиеся в колонну справа от лайнера, Патрони швырнул сигару в снег. Потом достал другую и проворчал:

— Попробую спасти тебя от этого безумия. Убери свои заводные игрушки подальше от самолёта, да так, чтобы они не мозолили мне глаза. Через пятнадцать минут, а может, и раньше, я выкачу его отсюда.

Мел крикнул, стараясь перекрыть шум ветра и рёв машин:

— Джо, запомни одно: когда КДП скажет, что наше время истекло — никаких споров, никаких возражений. На карту поставлена жизнь всех, кто

прибывает с этим самолётом. Если двигатели будут запущены, ты немедленно заглушишь их. И тотчас уберёшь с дороги всё своё снаряжение и людей. Предупреди их заранее, чтобы каждому было ясно. Машины приступят к делу по моему приказанию. А когда я дам сигнал, времени терять они не станут.

Патрони угрюмо кивнул. Мел видел, что хотя главный механик и отвёл душу, его обычная задиристая самоуверенность несколько поколеблена.

Мел вернулся к своей машине. Таня и Томлинсон, поёживаясь от холода, стояли возле неё и смотрели, как подводят траншеи под самолёт. Как только Мел залез в машину, они последовали его примеру: приятно было очутиться в тепле.

Мел снова вызвал по радио КДП — на этот раз непосредственно руководителя полётов. После короткой паузы он услышал его голос. В нескольких словах Мел изложил ему свой план.

Он добивался от диспетчерской службы только одного: ему необходимо было знать точно, сколько ещё он может ждать, прежде чем приводить в действие снегоочистители и грейдеры, которым потребуется всего несколько минут, чтобы убрать самолёт с полосы.

— Согласно последним сообщениям, — сказал руководитель полётов, — упомянутый самолёт войдёт в нашу зону наблюдения раньше, чем мы предполагали. Чикагский центр рассчитывает передать его нам через двенадцать минут, после чего ещё восемь-десять минут мы будем контролировать полёт. Приземление произойдёт самое позднее в ноль один двадцать восемь.

Мел бросил взгляд на часы. Стрелки на тускло освещённом циферблате показывали час одну минуту пополуночи.

— Решение о том, на какую полосу сажать самолёт, — продолжал руководитель полётов, — должно быть принято не позже чем за пять минут до посадки. После этого участь самолёта будет решена: мы уже не сможем его завернуть.

Следовательно, мысленно подсчитал Мел, до момента, когда надо принимать окончательное решение, остаётся семнадцать минут, а может быть, и меньше — всё зависит от того, когда самолёт войдёт в зону наблюдения аэропорта. Значит, времени оставалось даже меньше, чем он сказал Патрони.

Мел почувствовал, что снова весь взмок.

Может быть, сказать Патрони, предупредить, что времени у них меньше, чем они рассчитывали? Нет, решил Мел. Главный механик и так не теряет ни секунды. Подгонять его было бы бессмысленно.

Мел снова взял микрофон:

— Говорит машина номер один, вызываю КДП. Мне нужна постоянная информация об идущем на посадку самолёте. Прошу оставить эту частоту исключительно в моём распоряжении.

— Есть, — последовал ответ руководителя полётов. — Мы уже переключили все регулярные рейсы на другую частоту. Будем давать вам постоянную информацию.

Мел подтвердил приём и отключился.

— Что теперь будет? — спросила Таня.

— Будем ждать. — Мел снова поглядел на часы.

Прошла минута. Две минуты.

Из автомобиля было видно, как рабочие продолжают лихорадочно рыть траншеи впереди и по бокам застрявшего лайнера. Прорезав мрак светом фар, подкатил ещё один грузовик. Откинув задний борт, рабочие выпрыгнули из кузова и присоединились к тем, кто уже трудился возле самолёта. Коренастая фигура Патрони появлялась то здесь, то там; он давал указания, подбадривал.

Снегоочистители и грейдеры стояли, вытянувшись в цепочку, и ждали. «Прямо как стервятники», — подумалось Мелу.

Молчание нарушил Томлинсон.

— Знаете, о чём я думаю? Когда я был мальчишкой — и ведь не так уж много с тех пор воды утекло, — здесь были ещё поля и луга… Летом колосились пшеница и ячмень, на выгоне паслись коровы. И был маленький травяной аэродром, совсем крошечный — никто и подумать не мог, что он разрастётся в махину. Рейсовые самолёты принимал только городской аэропорт.

— На то вам и авиация, — сказала Таня. Она рада была перевести разговор на другое, отвлечься на минуту от мыслей о том, чего они все ждали в таком напряжении. — Мне кто-то говорил, что, когда работаешь в авиации, жизнь кажется длинней, потому что всё здесь так часто и так быстро меняется.

— Ну, не всё и не так уж быстро, — возразил Томлинсон, — а аэропортах, например, перемены происходят не слишком-то быстро. Как вы считаете, мистер Бейкерсфелд, это верно, что через три-четыре года в авиации будет сплошной хаос?

— Хаос — вещь относительная, — сказал Мел. Всё его внимание по-прежнему было приковано к тому, что происходило за стеклом его машины. — В жизни, мы сталкиваемся с ним в самых разных проявлениях и так или иначе приспосабливаемся.

— Вам не кажется, что вы уклоняетесь от прямого ответа?

— Да, — сказал Мел, — вероятно.

И не удивительно, подумал он. До философии ли сейчас, когда такое происходит. Но он чувствовал стремление Тани хоть как-то — хотя бы внешне — ослабить напряжение. Он без слов остро ощущал все нюансы её чувств и настроений, и это лишний раз подтверждало ему, как крепнет их духовная связь. К тому же, сказал он себе, ведь этот самолёт, которого все они ждут, не зная, сможет ли он сесть без аварии или нет, — эго самолёт «Транс-Америки», а Таня — одна из служащих этой компании, она помогала отправлять его в полёт. Именно она ближе всех соприкоснулась с людьми, которые находились сейчас там, на борту этого самолёта.

Сделав над собой усилие, Мел постарался вникнуть в слова Томлинсона.

— Так было всегда, — сказал Мел, — в авиации прогресс в воздухе постоянно опережал прогресс на земле. Временами нам казалось, что мы нагоним и пойдём в ногу — в середине шестидесятых годов мы почти достигли этого. И всё же так не получилось. Видимо, самое большее, чего мы можем добиться, — это не слишком плестись в хвосте.

Но репортёр не унимался.

— Что же мы должны предпринять в отношении аэропортов? Что мы можем предпринять?

— Прежде всего мы должны научиться мыслить шире, давать волю воображению. Нужно освободиться от железнодорожного способа мышления.

— Вы считаете, что мы от него ещё не освободились?

Мел кивнул.

— К несчастью, мы сталкиваемся с ним довольно часто. Все наши старые аэропорты представляют собой просто имитацию железнодорожных вокзалов, потому что их строителям приходилось опираться на опыт своих предшественников. Потом это стало уже шаблоном. Вот почему и в наши дни так много «вытянутых» аэропортов, где здание аэровокзала тянется до бесконечности и пассажиры вынуждены вышагивать не одну милю.

— А их не перестраивают? — спросил Томлинсон.

— Только кое-где, и то очень медленно. — Несмотря на серьёзность момента, разговор этот задел Мела за живое. — Кое-где строятся циркообразные аэропорты — вроде пирога с начинкой, с автомобильными стоянками, расположенными внутри самого аэровокзала, а не за его стенами; там пешее передвижение пассажиров по аэровокзалу сокращено

до минимума с помощью скоростных горизонтальных эскалаторов, а кроме того, самолёты подъезжают к пассажирам, а не наоборот. Это говорит о том, что аэропорт начинает завоёвывать себе место как самостоятельная единица, а не просто приставка к чему-то. Творческая мысль прокладывает себе путь, и мы даже начинаем прислушиваться к заокеанским веяниям. Лос-Анджелес предлагает соорудить большой океанодром; Чикаго — аэропорт на искусственном насыпном острове на озере Мичиган. И это ни у кого не вызывает улыбки. «Американ Эйрлайнз» проектирует постройку гигантского гидравлического лифта, с помощью которого самолёты будут размещаться один над другим на время погрузки и разгрузки. Но все эти нововведения внедряются медленно, авиакомпании действуют несогласованно, и мы строим аэропорты без всякого полёта фантазии, как лоскутное одеяло. Это всё равно, как если бы каждый абонент сам соорудил себе телефон, а затем все начали бы включать их, кто как сумеет, в общую сеть.

Радиопозывные прервали слова Мела.

— КДП — машине номер один и городу двадцать пять. Чикагский центр сообщает: по его расчётам, интересующий вас самолёт войдёт в зону наблюдения и будет передан КДП Линкольна в ноль один семнадцать.

На часах Мела было один час шесть минут пополуночи. Значит, самолёт прибывал на минуту раньше, чем рассчитывал руководитель полётов. В распоряжении Патрони оставалось на минуту меньше времени; в распоряжении Мела — только одиннадцать минут. После чего он должен будет принять решение.

— Машина номер один, произошли ли изменения на ВПП три-ноль?

— Изменений нет.

Не слишком ли он рискует, дотягивая до последнего, думал Мел. Он с трудом удерживался, чтобы не дать сигнала машинам снежной команды, но всё же взял себя в руки. И в том и в другом случае ответственность, ложившаяся на его плечи, велика. Не так-то просто отдать приказ, который превратит в обломки мощный современный лайнер стоимостью в шесть миллионов долларов. Ещё оставалась надежда, что Патрони справится со своей задачей, но с каждой секундой это становилось всё более сомнительным. Мел увидел, что прожекторы, установленные перед «боингом-707», и некоторое другое оборудование отводят в сторону. Но двигатели ещё не были запущены.

— А кто они такие — эти творцы нового, о которых вы говорите? — спросил Томлинсон. — Кто это?

— Ну, перечислять их по именам было бы нелегко, — рассеянно

ответил Мел.

Он напряжённо наблюдал за происходившим на поле. Теперь всё пространство перед «боингом-707» было очищено от машин, и Мел увидел запорошённую снегом фигуру Патрони, поднимавшегося по трапу в пилотскую кабину лайнера. На последней ступеньке Патрони остановился, обернулся и махнул кому-то рукой; видно было, что он кричит что-то стоявшим внизу. Вот он открыл дверь самолёта и исчез за ней, и почти тотчас другая, более стройная и подвижная фигура поднялась по трапу за ним следом. Дверь самолёта захлопнулась. Трап откатили. Томлинсон снова спросил:

— Мистер Бейкерсфелд, не назовёте ли вы хоть кого-нибудь из этих людей — из тех, кто не лишён воображения и яснее представляют себе будущее аэропортов.

— Верно, — сказала Таня, — если можете, назовите…

«Они затеяли игру в шарады, когда в доме пожар», — промелькнуло в голове у Мела. Ну что ж, если Таня хочет, чтобы он принял участие в этой игре — пожалуйста.

— Надо подумать, — сказал он. — Фоке из Лос-Анджелеса; Джозеф Фостер из Хьюстона — сейчас он в Американской ассоциации воздушного транспорта; Элан Бонд из правительства и Томас Сюлливан из управления Нью-Йоркского порта. Затем из авиакомпаний: Хейлеби из «Пан-Ам»; Херб Годфрей из «Юнайтед». В Канаде — Джон С. Паркин. В Европе — Пьеро Кот из «Эйр-Франс»; граф Кастелл в Германии. Есть и другие.

— Плюс Мел Бейкерсфелд, — вставила Таня. — Надеюсь, вы его не забыли?

Томлинсон, делавший пометки у себя в блокноте, проворчал:

— Этого-то я и сам записал. Тут всё ясно без слов.

Мел улыбнулся. Но так ли уж всё ясно, подумалось ему. Когда-то, и не столь давно, это несомненно было так. Но он знал, что в общенациональном масштабе его имя уже перестало звучать. Когда это случается, когда по тем или иным причинам тебя оставляют за бортом, ты обречён на скорое забвение, и потом, тебе уже не может быть возврата назад, как бы ты к этому ни стремился. Это не значит, что его работа в международном порту Линкольна не имела прежнего значения или что он делал её хуже. Свои обязанности управляющего аэропортом он исполнял не хуже, а возможно, даже лучше прежнего, и он сам это понимал. Но его вклад в общее дело больше не привлекал к себе внимания. Он поймал себя на том, что эти мысли посещают его уже второй раз за сегодняшний вечер. Но так ли уж всё это важно? Имеет ли это значение для него самого? Да,

признался он себе: имеет!

— Смотрите! — воскликнула Таня. — Запускают двигатели!

Репортёр прильнул к окну. Мел почувствовал, как забилось у него сердце.

Позади третьего двигателя застрявшего «боинга» появилось сероватое облачко дыма, сгустилось и взвилось вверх. Двигатель завыл, вой перешёл в ровное гудение. Струя воздуха прорвала и рассеяла пелену снега. Второе облачко дыма поднялось над четвёртым двигателем, и снова закрутился снежный вихрь, уносящийся прочь.

— Машина номер один и город двадцать пять, говорит наземный диспетчер. — Радиоголос прозвучал так внезапно, что Мел почувствовал, как вздрогнула Таня. — Чикагский центр передаёт новые данные. Упомянутый самолёт войдёт в зону приближения в ноль один шестнадцать, то есть через семь минут.

Самолёт прибывает ещё раньше, понял Мел, и, следовательно, в их распоряжении остаётся ещё на минуту меньше.

Мел снова бросил взгляд на часы.

На самолёте запустили второй двигатель, затем первый. Мел сказал тихо:

— Он ещё может успеть. — И тут же вспомнил, что все четыре двигателя уже дважды запускались сегодня вечером и обе попытки выкатить самолёт потерпели неудачу.

Тёмная фигура со светящимися жезлами, маячившая перед самолетом, отодвинулась дальше, чтобы её было видно из пилотской кабины. Сигнальщик поднял жезлы над головой. Это означало: «Путь свободен». Мел прислушивался к гулу моторов и понимал, что они работают ещё не на полную мощность.

Оставалось шесть минут. «Почему Патрони не даёт до отказа?»

Таня произнесла каким-то странным, не своим голосом:

— Нет, я, кажется, не в состоянии этого выдержать.

— А меня даже пот прошиб, — сказал репортёр.

«Патрони даёт полный! Наконец-то!» — подумал Мел, услышав нарастающий, оглушительный рёв двигателей, и всем телом почувствовал их вибрацию. За хвостом самолёта во мраке, прорезанном мерцанием ограничительных огней, бешено взметнулись ввысь снежные вихри.

— Машина номер один, — прозвучал резкий радиоголос. — Говорит наземный диспетчер. Как с ВПП три-ноль? Есть ли какие-нибудь изменения?

Мел взглянул на часы: в распоряжении Патрони оставалось три

минуты.

— Самолёт не стронулся с места, — сказала Таня, тоже прильнувшая к ветровому стеклу машины. — Все двигатели работают, но он не трогается с места.

Однако там ещё не сложили оружия. Об этом говорили снежные вихри. И всё же Мел видел, что Таня права. Самолёт был недвижим.

Снегоочистители и грейдеры подошли ближе. Ярко поблёскивали сигнальные мигалки.

— Подождите ещё, — сказал Мел в микрофон. — Воздержитесь направлять самолёт на ВПП два-пять. Положение на три-ноль сейчас изменится.

И он переключил радио на волну пульта управления снежной командой, чтобы двинуть вперёд технику.

14

Обычно после полуночи напряжение в диспетчерской немного спадало. Но сегодня этого не произошло. Из-за бурана аэропорт имени Линкольна продолжал принимать и отправлять самолёты с опозданием на несколько часов. И то, что они запаздывали, увеличивало неразбериху на взлётно-посадочных полосах и рулёжных дорожках.

Большинство диспетчеров закончили в полночь свою восьмичасовую вахту и, еле волоча ноги, отправились домой. На их место заступили другие. Поскольку людей вообще не хватало, да и к тому же кто-то ещё был болен, некоторых попросили остаться и сверхурочно поработать до двух часов утра, и в том числе руководителя полётов, главного диспетчера радарной Уэйна Тевиса и Кейза Бейкерсфелда.

Полтора часа назад, после волнующего и столь внезапно оборвавшегося на полуслове разговора с братом, Кейз, стараясь обрести душевное равновесие, сосредоточил всё внимание на экране радара, перед которым он сидел. Если ему удастся не отвлекаться мыслями ни на что другое, решил он, оставшееся время — последняя в его жизни вахта — пролетит быстро. Кейз продолжал принимать самолёты с востока: слева от него сидел помощник — молодой человек, проходивший обучение на радаре. Уэйн Тевис продолжал наблюдать за работой, разъезжая по диспетчерской на своём высоком табурете, который он сдвигал с места, отталкиваясь от пола высокими каблуками своих сапог, — правда, менее энергично, чем в начале смены.

Кейзу как будто удалось сконцентрировать своё внимание на экране — и в то же время удалось не вполне. У него было какое-то странное ощущение, будто мозг его раскололся и он мыслит сразу в двух плоскостях. Часть его мозга была занята самолётами, прибывавшими с востока, — в данную минуту тут не возникало проблем. А другая часть размышляла над его собственной судьбой и занималась самоанализом. Такое положение, конечно, не могло длиться долго; Кейзу казалось, что мозг его подобен электрической лампочке, которая перед тем, как погаснуть, вспыхивает особенно ярко.

О себе он думал сейчас бесстрастнее и спокойнее, чем раньше, — возможно, помог разговор с Мелом, если не что-то ещё. Всё было продумано и решено. Смена Кейза рано или поздно окончится; он уйдёт отсюда, и вскоре ожидание и все тревоги останутся позади. В нём зрело

убеждение, что его жизнь уже отделена от окружающих и ничто больше не связывает его ни с Натали, ни с Мелом, ни с Брайаном или с Тео… как и их — с ним. Он принадлежит уже к мёртвым. Да, он уже с теми, кто ушёл, — с Редфернами, погибшими в обломках своего самолёта, с маленькой Валери… Ведь в этом же суть! Почему только теперь стало ему ясно, что смертью он искупает свою вину перед Редфернами? «Интересно, уж не сумасшедший ли я?» — бесстрастно размышлял Кейз. Говорят, что жизнь кончают самоубийством сумасшедшие. Впрочем, какое это имеет значение? Он сделал выбор между мукой и покоем, и ещё до наступления утра к нему придёт этот покой. И снова, как уже неоднократно бывало на протяжении последних нескольких часов, рука его опустилась в карман, нащупывая ключ от комнаты 224 в гостинице «О'Хейген».

А другая часть его мозга, та, что ещё сохранила прежнее чутьё, автоматически продолжала следить за самолётами, прилетавшими с востока.

И лишь постепенно до сознания Кейза дошло, что рейс два «Транс-Америки» терпит бедствие.

Сообщение о намерении экипажа вернуться в аэропорт поступило на КДП примерно час назад и через несколько секунд после того, как стало известно решение, принятое Энсоном Хэррисом. Старший диспетчер Чикагского центра сообщил об этом по особому телефону руководителю полётов, предварительно предупредив центры в Кливленде и Торонто. Поначалу требовалось лишь поставить в известность начальство аэропорта имени Линкольна о том, что самолёт просит разрешить посадку на полосу три-ноль.

А когда центр в Кливленде передал рейс два Чикагскому центру, началась уже конкретная подготовка к приёму самолёта.

Руководитель полётов лично явился в радарную и поставил Уэйна Тевиса в известность о взрыве на рейсе два, о предполагаемом времени его прилёта и о том, куда сажать самолёт — на полосу два-пять или три-ноль.

Тем временем наземная диспетчерская предупредила аэропортовскую аварийку: будьте наготове и, как только самолёт начнёт снижаться, выезжайте на поле.

Наземный диспетчер по радиотелефону связался с Патрони и сообщил ему, что срочно нужна полоса три-ноль. Впрочем, Патрони уже знал об этом.

Затем на резервной волне установили контакт между КДП и кабиной самолёта «Аэрео-Мехикан», чтобы заранее обеспечить двустороннюю связь, которая могла понадобиться, когда Патрони сядет за штурвал.

В радарной Уэйн Тевис, выслушав сообщение руководителя полётов, невольно взглянул на Кейза. Если оставить всё так, как оно есть, то именно Кейзу придётся принимать рейс два от Чикагского центра и сажать самолёт.

Тевис тихо спросил руководителя полётов:

— Может, нам снять Кейза и заменить кем-то другим?

Тот был в нерешительности. Он вспомнил о ЧП с военным самолётом КС-135. Тогда он под каким-то предлогом отстранил Кейза и потом всё думал, правильно ли поступил. Когда человек не очень уверен в себе и может в любую минуту утратить остатки уверенности, достаточно пустяка, чтобы перетянуть в гибельную сторону чашу весов. К тому же руководитель полётов чувствовал себя неловко от того, что помешал разговору Кейза с братом в коридоре. В тот момент он вполне мог бы подождать, но не подождал.

Кроме того, руководитель полётов сам до смерти устал — не только за сегодняшний день, но и за все предыдущие. Он вспомнил, что недавно где-то читал, будто в середине семидесятых годов появятся такие системы наблюдения за воздухом, благодаря которым диспетчеры будут в два раза меньше утомляться и меньше нервничать. Правда, руководитель полётов отнёсся к этой информации скептически. Он сомневался в том, что удастся когда-либо избежать профессиональных перегрузок: если в чём-то диспетчерам станет легче работать, им придётся затрачивать больше нервной энергии в другом. Это пробуждало в нём сочувствие к Кейзу — бледному, худому, напряжённому как струна, да и не только к Кейзу — ко всем, кого доводила до такого состояния существующая система организации труда.

Всё так же тихо Уэйн Тевис снова спросил:

— Так снимать его или нет?

Руководитель полётов отрицательно покачал головой. И, понизив голос, ответил:

— Не будем ускорять ход событий. Не снимайте Кейза, но и не отходите от него.

Тут Кейз заметил двух шептавшихся начальников и догадался, что надвигается нечто серьёзное. Как-никак он был матёрый волк, которому хорошо знакомы признаки близкой беды. Кроме того, инстинкт подсказывал, что речь шла и о нём. И он понимал почему. Теперь Кейз уже не сомневался, что через несколько минут его освободят от работы или же переведут на менее важное направление. Как ни странно, ему было всё равно.

Он был очень удивлён, когда Тевис, не делая никаких перемещений,

оповестил всех диспетчеров о том, что самолёт «Транс-Америки», рейс два терпит бедствие, возвращается на базу и его надо принимать вне всякой очереди.

Диспетчеру, сидевшему на отлетах, было дано указание убирать все машины с предполагаемого курса рейса два.

И уже отдельно Кейзу Тевис изложил проблему посадки: решение о том, на какую полосу сажать самолёт, предстояло принять в последнюю минуту.

— Разработай свой план посадки, мальчик, — сказал ему Тевис, на техасский манер растягивая слова. — И когда самолёт передадут тебе, займись им. Все остальные мы возьмём на себя.

Сначала Кейз только кивнул, нимало не обеспокоенный поставленной перед ним задачей. И машинально принялся производить расчёт подхода самолёта. Такого рода расчёты всегда делают в уме. На бумагу наносить их нет времени, да и потом, как правило, приходится на ходу всё менять.

Как только Чикагский центр передаст ему самолёт, решил Кейз, он поведёт его к полосе три-ноль, но с таким допуском, чтобы можно было завернуть машину влево, — но не слишком резко, учитывая небольшую высоту, — если придётся сажать её на полосу два-пять.

Кейз подсчитал: вести самолёт ему предстоит минут десять. А Тевис предупредил его, что, по-видимому, лишь минут за пять до посадки он узнает о том, на какую полосу можно будет сажать машину. Времени, конечно, в обрез, и в радарной все изрядно вспотеют — как и в воздухе. Но справиться можно — хотя будет и нелегко. И Кейз снова мысленно прочертил траекторию полёта и зафиксировал направление.

А на КДП уже стали просачиваться — неофициальным путём — некоторые подробности. В свободные минуты диспетчеры сообщали их друг другу… На самолёте в воздухе произошёл взрыв. Он кое-как летел, несмотря на повреждённый фюзеляж и наличие раненых… Неизвестно, работает ли управление самолётом. Пилотам нужна самая длинная полоса, которая ко времени посадки, возможно, уже будет очищена, а возможно, и нет… Все повторяли слова Димиреста: *«…самолёт повреждён, есть жертвы…»* Капитан послал невероятно злую радиограмму управляющему аэропортом. Управляющий находится сейчас на полосе три-ноль, делается всё возможное, чтобы очистить её… А время быстро истекало. И теперь заволновались даже они, привыкшие к сложностям воздушного транспорта.

Помощник, сидевший рядом с Кейзом, рассказывал ему о случившемся по мере того, как узнавал сам. Кейз всё понял и уже страшился того, что на него свалилось. *Не хочет он принимать в этом*

участия — ни малейшего, никакого! Не стремится он — да и не может — что-то там такое доказать себе. И даже если он хорошо справится с задачей — разве этим что-нибудь изменишь? А если не справится, если где-то ошибётся, погибнет самолёт, полный людей, как уже погиб один.

На другом конце радарной Уэйна Тевиса вызвал по прямому телефону руководитель полётов. Несколько минут тому назад он поднялся на этаж выше — в «будку», чтобы быть рядом с наземным диспетчером.

Опустив на рычаг трубку, Тевис на своём табурете подкатил к Кейзу.

— Старик, только что получил сигнал из Чикагского центра. Рейс два передадут нам через три минуты.

И Тевис переехал к диспетчеру, сидевшему на вылетах, и проверил, нет ли на пути рейса два вылетающих самолётов.

Помощник сообщил Кейзу, что на поле всё ещё стараются вытащить застрявший самолёт и освободить полосу три-ноль. Они уже включили двигатели, но самолёт так и не сдвинулся с места. За дело взялся брат Кейза (так сказал помощник), и, если самолёт не двинется сам, снегоочистители разнесут его на куски, чтобы освободить полосу. Но всех волнует, хватит ли на это времени.

Раз Мел принял такое решение, подумал Кейз, значит, он уверен, что хватит. Мел всегда со всем справляется, он умеет подчинить себе ход событий. А вот у Кейза не выходит — или, во всяком случае, не всегда и не так, как у Мела. В том-то и разница между ними. Прошло уже почти две минуты.

Помощник, стараясь говорить спокойно, заметил:

— Самолёт появился на экране.

В самом углу экрана Кейз увидел двойную звёздочку — сигнал бедствия, несомненно исходивший от рейса два.

Скорее бежать отсюда, не хочет он! *Ему с этим не справиться.* Пусть кто-то другой возьмёт это на себя — хотя бы Уэйн Тевис. Пока ещё есть время.

Кейз резко повернулся, ища глазами Тевиса. Тот в этот момент стоял спиной к Кейзу возле диспетчера по вылетам.

Кейз открыл было рот, чтобы позвать его, но, к своему ужасу, не смог издать ни звука. Он попытался снова — безуспешно.

Всё было как во сне, как в том кошмаре, который преследовал его: ему отказал голос… Но ведь это не сон — это происходит наяву! Разве?! Паника охватила его.

А на табло загорелся белый свет: их вызывал Чикагский центр. Помощник снял трубку прямого телефона и сказал:

— Валяй, центр, — Потом повернулся к селектору и передвинул рычажок, включив динамик над головой, чтобы и Кейз мог слышать.

— Линкольн, рейс два находится в тридцати милях к юго-востоку от аэропорта. Курс два-пять-ноль.

— Центр, вас понял. Он появился у нас на радаре. Переключайте его на нашу частоту. — И помощник повесил трубку.

Сейчас центр даст указание самолёту переключиться на другую радиоволну и пожелает ему благополучной посадки. Самолёту, который терпит бедствие, всегда желают благополучной посадки: они-то на земле находятся в безопасности, так надо же хоть как-то приободрить тех, кто в воздухе. Вот и теперь, сидя в этой тёплой, изолированной от внешнего мира, тихой комнате, трудно было поверить, что где-то там, высоко в ночном небе, где гуляют ветер и метель, раненый самолёт пробивает себе путь на землю и может погибнуть, так и не долетев.

Включилось радио на частоте прибывавших с востока самолётов. Раздался резкий голос — это Вернон Димирест, его ни с кем не спутаешь. Кейз только сейчас вспомнил, кто командир потерпевшего аварию самолёта.

— Диспетчерская Линкольна, говорит «Транс-Америка», рейс два, держимся на высоте шесть тысяч футов, курс два-пять-ноль.

Помощник молчал. Теперь Кейз должен подтвердить приём и взять на себя руководство полётом. *Но он не хочет, не хочет!* А Уэйн Тевис по-прежнему сидит спиной к нему. И голос по-прежнему не слушается Кейза.

— Диспетчерская Линкольна, — снова затрещало радио, — куда вы провалились, чёрт возьми!

Куда, чёрт возьми… Да что же не обернётся Тевис!

Безудержная ярость охватила вдруг Кейза. Чёрт бы побрал этого Тевиса! Чёрт бы побрал диспетчерскую! Чёрт бы побрал его покойного отца, который заставил сыновей заняться тем, что никогда не было по душе ему, Кейзу! Чёрт бы побрал Мела с этой его уверенностью в себе и умением справиться с любым делом! Чёрт бы побрал всех и вся!

Помощник недоуменно смотрел на Кейза. Рейс два сейчас снова вызовет диспетчерскую. Кейз понимал, что он в ловушке. Вовсе не уверенный в том, что голос его послушается, он включил микрофон.

— «Транс-Америка», рейс два, — сказал Кейз, — говорит диспетчерская Линкольна. Извините за задержку. Мы всё ещё рассчитываем посадить вас на ВПП три-ноль — будем знать точно через три-пять минут.

Радио в ответ прорычало:

— Вас понял, Линкольн. Информируйте нас дальше.

Теперь Кейз был весь внимание: та часть его мозга, которая была занята посторонними мыслями, выключилась. Он забыл про Тевиса, про своего отца, про Мела, про самого себя. Всё исчезло, кроме рейса два.

И он спокойно и чётко произнёс:

— «Транс-Америка», рейс два, вы находитесь в двадцати пяти милях к востоку от границы поля. Начинайте спуск по собственному усмотрению. Заворачивайте вправо, курс два-шесть-ноль…

Наземный диспетчер, сидевший в своей стеклянной будке этажом выше, сообщил Мелу Бейкерсфелду о том, что Чикагский центр передал им рейс два для посадки.

Мел ответил по радио:

— Снегоочистителям и грейдерам дано указание убрать самолёт «Аэрео-Мехикан» с полосы. Сообщите Патрони, чтобы немедленно выключил двигатели. Скажите ему: если может, пусть вылезает оттуда, если не может — пусть держится покрепче. Не отключайтесь — как только полоса освободится, нужно будет посоветоваться.

Руководитель полётов на другой волне уже сообщал Патрони о принятом решении.

15

Патрони и сам уже знал, что время его истекло.

Он намеренно не включал двигатели «боинга» до последней минуты: ему хотелось дать возможность рабочим получше расчистить пространство под самолётом и вокруг него.

Когда Патрони понял, что ждать дольше нельзя, он в последний раз огляделся по сторонам. И то, что он увидел, отнюдь его не воодушевило. Шасси всё ещё не удалось полностью очистить от грязи и снега. Да и траншеи, продолженные от основных колёс вверх до заасфальтированной полосы, не были достаточно широкими и глубокими. Чтобы сделать всё как надо, не хватало каких-нибудь пятнадцати минут.

Но Патрони знал, что этих пятнадцати минут у него нет.

Нехотя взошёл он по трапу, чтобы вторично попытаться сдвинуть с места самолёт, — теперь он уже сам сядет за штурвал.

Он крикнул Ингрему:

— Велите всем убраться подальше! Включаю двигатели!

Из-под самолёта вынырнули фигуры людей. Снег всё ещё падал, но уже не валил, как два-три часа назад.

Патрони снова крикнул с высоты трапа:

— Мне нужен механик сюда наверх, но чтоб был полегче. Пошлите какого-нибудь тощего парня, который бывал в кабине экипажа.

И он вошёл в самолёт. Из кабины Патрони увидел служебную машину Мела Бейкерсфелда — она казалась ярко-жёлтым пятном среди окружающей тьмы. Машина стояла на полосе, ближе к левому краю. Подле неё вытянулись в ряд снегоочистители и грейдеры — напоминание о том, что в распоряжении Патрони осталось всего несколько минут.

Главный механик ушам своим не поверил, когда узнал о намерении Мела убрать самолёт с полосы, если понадобится, с помощью механической силы. И такая реакция была вполне естественна, хотя его не меньше других волновала судьба тех, кто находился на борту самолёта «Транс-Америки». Но Патрони всю жизнь заботился о сохранности самолётов, в этом состояла его работа. И у него просто не укладывалось в голове, что такой красавец самолёт можно своими руками разом превратить в груду лома. В глазах Патрони самолёт — любой самолёт — был плодом ума, самопожертвования, инженерной сноровки, многих часов труда и порой даже любви. И вдруг взять и разрушить всё это? Да как можно!

И Патрони решил попытаться спасти самолёт.

За его спиной отворилась и снова захлопнулась дверь. Отряхиваясь от снега, подошёл молодой механик, маленький, худенький. Патрони уже скинул парку и пристёгивался в левом кресле.

— Как тебя зовут, сынок?

— Роллинг, сэр.

— Что ж, Роллинг,[21] может, твоё присутствие здесь — добрый для нас знак, — усмехнулся Патрони.

Пока Роллинг сбрасывал парку и усаживался в правое кресло, Патрони посмотрел в окно. Трап уже отогнали.

Звякнул внутренний телефон, и Патрони поднял трубку. Звонил Ингрем снизу:

— Мы готовы.

Патрони кинул взгляд на соседа:

— Порядок, сынок?

Тот кивнул.

— Включить третий двигатель.

Молодой механик включил стартер.

— Третий двигатель включён.

Гул мотора стал ровным.

Один за другим заработали четвёртый, второй и первый двигатели.

По внутреннему телефону голос Ингрема, заглушаемый наземным ветром и рёвом двигателей, произнёс:

— Все машины внизу убраны.

— О'кей! — крикнул Патрони. — Отсоедините внутренний телефон и сами убирайтесь подальше. — И, обращаясь к Роллингу, посоветовал: — Держись крепче, сынок, прижмись к спинке. — Главный механик «ТВА» перекинул в самый угол рта сигару, которую он вопреки обыкновению раскурил, не изжевав, несколько минут назад. Затем, растопырив короткие пальцы, двинул от себя все четыре рычага.

Гул двигателей усилился.

Перед самолетом стоял человек, держа высоко над головой светящиеся сигнальные жезлы. Патрони усмехнулся.

— Надеюсь, этот малый хорошо умеет бегать, а то вдруг мы рванём.

Все двигатели были включены, закрылки приспущены, чтобы способствовать взлёту. Механик потянул на себя штурвальную колонку. Патрони по очереди нажимал на педали руля направления в надежде, что, если чуть развернуть машину, самолёту легче будет сдвинуться. Взглянув в окно, он снова увидел машину Мела Бейкерсфелда. Патрони знал, что

остаются считанные минуты — может быть, даже секунды.

Теперь двигатели развили уже более трёх четвертей полной тяги. По высокому тону их гула он определил, что они работают на большую мощность, чем в тот раз, когда пилот «Аэрео-Мехикан» пытался сдвинуть самолёт с места. А по вибрации фюзеляжа Патрони понял, почему пилот тогда отступил. При нормальном положении вещей самолёт уже быстро катил бы по взлётно-посадочной полосе. Но сейчас он стоял на месте, сдерживаемый глубоко застрявшими в грязи колёсами, и весь трясся, как в лихорадке. Было ясно, что он вот-вот встанет на нос. Молодой механик, которому явно уже было не по себе, искоса взглянул на Патрони.

Патрони перехватил этот взгляд и буркнул:

— Если машина не сдвинется, из неё сделают дохлую утку.

Но, как и во время двух предыдущих попыток, самолёт упрямо буксовал на месте.

Патрони решил раскачать самолёт, надеясь таким образом высвободить колёса из грязи. Он сбавил тягу двигателей, потом снова резко её увеличил.

Но самолёт по-прежнему не двигался.

Изжёванная сигара во рту Патрони потухла. Он с омерзением выплюнул её и полез за другой. В кармане оказалось пусто — сигара была последней. Патрони ругнулся и снова взялся за рычаги. Двинув их ещё больше вперёд, он рявкнул:

— Да вылезай же! Вылезай, сукин ты сын!

— Мистер Патрони! — крикнул ему механик. — Машина больше не выдержит.

Внезапно у них над головой ожило радио. Послышался голос руководителя полётов:

— Патрони, говорит КДП. Мистер Бейкерсфелд передал: «Время истекло. Заглушите двигатели».

Глянув наружу, Патрони увидел, что снегоочистители и грейдеры пришли в движение. Он знал, что они не подойдут близко, пока на самолёте работают двигатели. Но он вспомнил предупреждение Мела: *«Когда КДП скажет, что время истекло, — никаких споров»*.

Он подумал: «А кто спорит?»

Снова раздался настойчивый голос по радио:

— Патрони, вы меня слышите? Подтвердите приём.

— Мистер Патрони! — заорал молодой механик. — Вы слышали? Глушите двигатели!

Патрони крикнул в ответ:

— Ни черта не слышу, сынок. Слишком много шума.

Любой дошлый аварийщик знает, что в его распоряжении есть ещё минута, когда эти паникёры у себя там, наверху, говорят, что время истекло.

Ох, как ему нужна была сейчас сигара! И вдруг Патрони вспомнил: несколько часов назад Мел Бейкерсфелд поспорил с ним на коробку сигар, что он не сдвинет этот самолёт с места.

И он крикнул механику:

— Я проигрываю пари. Иду ва-банк. — И быстрым, решительным движением двинул вперёд рычаги до упора.

Звон и вибрация и прежде были устрашающими. А теперь они стали просто невыносимы. Самолёт трясло так, что казалось, он вот-вот развалится. Патрони снова изо всей силы качнул педали руля направления.

В кабине на приборной доске вспыхнули огни, предупреждающие о перегреве моторов. Впоследствии механик описал это так: «Огни замелькали, точно на игральном аппаратов Лас-Вегас».

— Температура выхлопного газа — триста семьдесят один градус. — В голосе молодого механика слышалась тревога.

По радио продолжали сыпаться приказы, в том числе и приказ поскорее убраться из самолёта. Патрони и сам чувствовал, что пора это сделать. Рука, лежавшая на рычагах, напряглась.

И вдруг машина качнулась. Сначала она только чуть-чуть сдвинулась с места, а потом со всё возрастающей скоростью рванулась вперёд к рулёжной дорожке. Молодой механик что-то крикнул предостерегающе. Патрони мгновенно оттянул назад все четыре рычага и скомандовал:

— Выпустить закрылки!

Оба видели, как от самолёта бросились врассыпную фигурки людей.

До рулёжной дорожки оставалось всего пятьдесят футов, а самолёт ещё катил вовсю. Если его не завернуть, он промчится по бетону и снова увязнет в снегу по другую сторону дорожки. Почувствовав под колёсами бетон, Патрони изо всех сил налёг на левый тормоз и двинул вперёд два правых рычага. Тормоз и рычаги сработали, и самолёт, описав крутую дугу, завернул влево. Патрони снова убрал оба рычага и налёг на все тормоза. «Боинг» ещё немного прокатился, замедлил бег и стал как вкопанный. Патрони осклабился: самолёт стоял как раз посредине рулёжной дорожки.

Взлётно-посадочная полоса три-ноль — в двухстах футах позади них — была свободна.

В машине Мела Бейкерсфелда раздался возглас Тани:

— Он сделал это! Сделал!

Мел, сидевший рядом с ней, уже связался по радио с пультом управления снежной командой и приказал убрать с поля снегоочистители и грейдеры.

А всего несколько секунд назад Мел в третий раз гневно потребовал, чтобы КДП велел Патрони немедленно выключить двигатели. Мелу ответили, что его требование передано, но Патрони не подчиняется. Мел до сих пор ещё не остыл и мог устроить большие неприятности Патрони, не подчинившемуся приказу управляющего и даже не подтвердившему его получение. В то же время Мел знал, что никакого разноса он не устроит: Патрони с честью вышел из тяжелейшего положения, а ни одному разумному человеку и в голову не придёт выносить порицание за успех. Знал Мел и то, что после сегодняшнего вечера в легенде о Патрони прибавится ещё одно звено.

Снегоочистители и грейдеры уже уходили с полосы три-ноль. Мел снова переключился на частоту КДП:

— Машина номер один вызывает наземного диспетчера. Самолёт, мешавший движению, убран с ВПП три-ноль. Машины тоже покидают полосу. Остаюсь для проведения инспекции.

Мел включил прожектор и направил его луч на поверхность взлётно-посадочной полосы. Таня и Томлинсон внимательно вглядывались в неё вместе с ним. Случалось, что после таких происшествий рабочие оставляли на полосе инструменты или материалы, что могло причинить серьёзный ущерб взлетающим или садящимся самолётам. Однако сейчас при свете прожектора не видно было ничего, кроме неровной поверхности, занесённой снегом.

Снегоочистители один за другим на ближайшем перекрёстке сворачивали с полосы. Мел нажал на газ и последовал за ними. За последние минуты и он, и Таня с Томлинсоном до того перенервничали, что сейчас были совсем без сил, хотя и понимали, что главная нервотрёпка ещё впереди. Когда его машина, в свою очередь, свернула влево, Мел радировал:

— ВПП три-ноль очищена и свободна для эксплуатации.

16

Самолёт, летевший рейсом два «Золотой Аргос», находился среди облаков в десяти милях от аэропорта на высоте полутора тысяч футов.

Энсон Хэррис, отдохнув немного, снова взялся за штурвал.

Аэропортовский диспетчер — голос его показался Вернону Димиресту смутно знакомым — последовательно менял им курс, слегка заворачивая самолёт по мере того, как они снижались.

Оба пилота понимали, что курс им прокладывает человек опытный и, следовательно, посадку на любую из двух полос можно будет осуществить без особого маневрирования. Решение о том, на какую полосу их будут сажать, могло поступить в любую минуту. И по мере того, как приближалась эта минута, напряжение у обоих пилотов росло.

Второй пилот Сай Джордан только что по приказу Димиреста вернулся в кабину, чтобы подсчитать приблизительный вес самолёта за вычетом израсходованного горючего. Теперь, выполнив всё, что требовалось от бортинженера, Джордан вернулся на своё место у запасного выхода в голове пассажирского салона.

Энсон Хэррис с помощью Димиреста уже разработал все детали посадки самолёта, учитывая, что заело стабилизатор.

Они как раз закончили приготовления, когда позади них появился доктор Компаньо.

— Хочу сообщить вам, что ваша стюардесса — мисс Мейген пока держится. Если нам удастся быстро доставить её в больницу, я почти убеждён, что она выкарабкается.

Димирест, чувствуя, что голос может выдать его волнение, промолчал. А Энсон Хэррис обернулся и сказал:

— Благодарю вас, доктор, нам осталось лететь всего несколько минут.

В обоих пассажирских салонах были приняты все меры предосторожности для посадки. Всех раненых, за исключением Гвен Мейген, пристегнули поясами к сиденьям. Два врача находились по бокам Гвен, чтобы поддержать её, если самолёт тряхнёт. Остальным пассажирам объяснили, как они должны вести себя в условиях предстоящей тяжёлой посадки, чреватой любыми неожиданностями.

Старенькая миссис Квонсетт наконец по-настоящему испугалась и крепко вцепилась в руку своего недавно обретённого друга. Да и усталость начала брать своё — ведь день у неё выдался на редкость утомительный.

Только что она буквально расцвела, когда стюардесса передала ей слова капитана Димиреста. Стюардесса сказала, что капитан благодарит её за помощь и, поскольку миссис Квонсетт выполнила обещанное, капитан Димирест намерен сдержать слово и, когда они приземлятся, отправить её в Нью-Йорк. Милый, чудесный человек, подумала Ада Квонсетт: вспомнил о ней, когда голова другим забита… Вот только, мелькнула у неё мысль, будет ли она жива, чтобы лететь в Нью-Йорк?

Джуди, племянница таможенного инспектора Стэндиша, снова взяла было младенца у своих соседей. Теперь она вернула его матери. Младенец, не ведая о нависшей над ним опасности, крепко спал.

А в кабине пилотов Вернон Димирест определил по таблице на приборной доске скорость подхода к земле при том весе, который сообщил ему второй пилот, и сухо произнёс:

— Держите скорость сто пятьдесят узлов.

Это была скорость, на которой они должны пролететь над границей лётного поля, учитывая перегрузку и заевший стабилизатор.

Хэррис кивнул. Насупившись, он протянул руку и включил ограничитель на своём индикаторе скорости. То же проделал и Димирест. Даже на длинной полосе посадка будет опасной.

Скорость свыше ста семидесяти миль в час была дьявольски большой для посадки. Оба пилота знали, что при таких условиях самолёту надо долго бежать после того, как он коснётся земли, а скорость из-за их большого веса будет спадать очень медленно. Однако подлетать на скорости ниже той, какую только что установил Димирест, было бы самоубийством: самолёт может камнем упасть вниз.

Димирест потянулся к радиомикрофону, но, прежде чем он успел что-либо сказать, голос Кейза Бейкерсфелда произнёс:

— «Транс-Америка», рейс два, заворачивайте вправо, курс два-восемь-пять. ВПП три-ноль свободна.

— О господи! — вырвалось у Димиреста. — Самое время!

Он включил микрофон и подтвердил приём.

Оба пилота быстро проверили, всё ли готово к посадке.

Раздался глухой стук — выпустились шасси.

— Да, — сказал Хэррис, — скоро будем садиться… Нам и этой-то полосы дай бог чтобы хватило.

Димирест что-то буркнул в знак согласия. Он напряжённо смотрел вперёд, словно хотел пробить взглядом облака и тьму и увидеть сквозь них огни аэропорта, которые вот-вот должны были появиться. Несмотря на внешнее спокойствие, он очень волновался. Они до сих пор не знали,

насколько серьёзно повреждена взрывом машина и какие ещё поломки произошли во время весьма нелёгкого обратного полёта. Во-первых, была эта чёртова дыра в хвосте, а при тяжёлой посадке на большой скорости… *Да вся хвостовая часть может отлететь к чёрту…* И если это произойдёт, думал Димирест, то при скорости сто пятьдесят узлов… *Какая всё-таки сволочь этот мерзавец с бомбой!* Жаль, что он подох! Димирест с радостью растерзал бы его своими руками, сам прикончил бы гада…

Рядом с ним Хэррис, снижая самолёт по приборам, увеличил скорость спуска с семисот до восьмисот футов в минуту.

Димирест искренне жалел, что не он пилотирует машину. Будь на месте Хэрриса пилот помоложе или младше по чину, Димирест принял бы на себя командование. Но Хэрриса он не мог пока упрекнуть ни в чём… Оставалось только надеяться, что он так же безупречно проведёт и посадку… Мысли Димиреста вернулись к тому, что происходило в пассажирском салоне. *«Гвен, мы почти прилетели! Продержись ещё немного»*. Он уже не сомневался, что они втроём — он, Гвен и Сара — сумеют всё уладить, если Гвен и ребёнок останутся живы.

Снова раздался голос Кейза Бейкерсфелда: «„Транс-Америка“, рейс два, идёте и снижаетесь хорошо. На полосе лёгкое снежное покрытие. Ветер северо-западный, тридцать узлов. Вам даётся первоочерёдность при посадке».

Через несколько секунд они вынырнули из облаков и увидели прямо впереди огни взлётно-посадочной полосы.

— КДП Линкольна! — вызвал по радио Димирест. — Видим полосу.

— Рейс два, вас понял. — В голосе диспетчера звучало явное облегчение. — Даём разрешение на посадку. Переключайтесь на частоту наземного диспетчера. Благополучной посадки. Всё.

Вернон Димирест дважды нажал на кнопку микрофона: по авиационному коду это означало «спасибо».

Энсон Хэррис сухо скомандовал:

— Включить посадочные огни. Закрылки — под углом пятьдесят градусов.

Димирест выполнил команду.

Самолёт стремительно снижался.

Хэррис предупредил:

— Если не справлюсь с рулём направления, поможете.

— Есть.

Димирест поставил обе ноги на педали руля. Когда скорость спадёт, руль из-за искорёженного стабилизатора заест. И на земле обоим пилотам,

возможно, придётся пустить в ход всю свою силу, чтобы удержать управление.

Самолёт с рёвом пронёсся над краем поля — вдаль жемчужной цепочкой убегали огни взлётно-посадочной полосы. По обеим сторонам полосы высились сугробы, за ними тьма. Близость земли делала ощутимей необычную скорость полёта. Обоим пилотам эти две мили бетона впереди никогда ещё не казались такими короткими.

Хэррис выровнял машину и прикрыл все четыре рычага. Рёв реактивных двигателей затих, и стал слышен пронзительный вой ветра. Когда они подлетали к самой полосе, перед глазами Димиреста промелькнули сгрудившиеся машины «скорой помощи» и аварийки — он знал, что они сейчас помчатся следом за ними по полосе. И подумал: *«А они ведь могут нам понадобиться. Держись, держись, Гвен!»*

Самолёт всё ещё был в воздухе — скорость его почти не уменьшилась.

И вдруг он сел на землю. Тяжело. И помчался вперёд.

Хэррис быстро поднял закрылки и включил реверс. Двигатели, взревев, действовали теперь уже как тормоз: их тяга противостояла инерции самолёта.

Пробежав три четверти полосы, машина стала замедлять ход, но очень незначительно.

— Право руля! — крикнул Хэррис.

Самолёт уводило влево. Димирест и Хэррис совместными усилиями старались удержать самолёт на полосе. Но кран полосы, за которым громоздились сугробы, быстро приближался.

Энсон Хэррис изо всех сил нажал на педали тормозов. Металл повизгивал, скрипела резина. А мрак всё ближе. Но вот машина замедлила бег… пошла медленнее… ещё медленнее…

Самолёт остановился в трёх футах от конца полосы.

17

Взглянув на часы в радарной, Кейз Бейкерсфелд увидел, что до конца смены осталось ещё полчаса. Ему было всё равно.

Он отодвинул табурет от консоли, снял наушники и встал. Окинул взглядом комнату, понимая, что видит всё это в последний раз.

— Эй, — окликнул его Уэйн Тевис, — в чём дело?

— Вот, — сказал ему Кейз, — возьми. Кому-нибудь пригодятся.

Он сунул наушники в руки Тевису и вышел из комнаты. Кейз понимал, что должен был так поступить много лет тому назад.

Он чувствовал какую-то странную приподнятость, почти облегчение. И, выйдя в коридор, подумал: отчего бы это?

Не потому же, что он посадил рейс два: на этот счёт иллюзий у него не было. Да, конечно, Кейз квалифицированно провёл посадку, но любой другой на его месте провёл бы её так же, а может быть, и лучше. И притом события сегодняшнего дня — как он и предугадывал — ничего не изменили: ни искупить прошлое, ни зачеркнуть его они не могли.

Не имело значения и то, что ему удалось преодолеть внутреннюю скованность, которая охватила его десять минут тому назад. Всё было ему сейчас безразлично — он только хотел побыстрее отсюда уйти. Ничто не могло поколебать его решения.

Быть может, подумал он, тут помогла ярость, внезапно овладевшая им несколько минут тому назад, мысль, которой он прежде ни на миг не допускал, что он ненавидит авиацию, всегда ненавидел. Сейчас, с опозданием на пятнадцать лет, он пожалел, что не понял этого раньше.

Он вошёл в гардеробную, где стояли деревянные скамьи и висела заклеенная объявлениями доска. Открыл свой шкафчик и снял с вешалки костюм. На полках лежало несколько его личных вещей. Пусть они лежат. Ему хотелось взять с собой только цветную фотографию Натали. Он осторожно отодрал её от дверцы шкафчика.

Натали — в бикини; озорное смеющееся лицо эльфа в веснушках… распущенные волосы… Он посмотрел на снимок и чуть не расплакался. За паспарту фотографии была заткнута записка:

«Я счастлива, милый, что нежность и страсть
Имеют над нами по-прежнему власть».

Кейз сунул снимок и записку в карман. Остальные вещи кто-нибудь выбросит отсюда. А ему не нужно ничего, что напоминало бы об этом месте.

И вдруг он замер.

Замер, осознав, что незаметно для самого себя пришёл к новому решению. Он ещё не знал, к чему это решение приведёт, каким оно покажется ему завтра, и даже — сможет ли он жить, приняв его. Но если не сможет, выход у него всегда есть: бежать из жизни с помощью таблеток, лежащих в кармане.

А пока главное то, что он не пойдёт в гостиницу «О'Хейген». Он поедет домой.

Только одно он теперь уже знал твёрдо: если он останется жить, авиации в его новой жизни не будет места. Правда, осуществить это не так-то просто, как уже обнаружили до него многие, кто раньше работал диспетчером.

«И даже если удастся вырваться, — сказал себе Кейз, — учти: прошлое то и дело будет напоминать о себе». Он будет вспоминать международный аэропорт Линкольна, Вашингтонский центр в Лисберге — и то, что произошло и здесь и там. Можно от всего убежать, но нельзя убежать от воспоминаний. А воспоминания о гибели семейства Редфернов… о маленькой Валери Редферн… никогда не покинут его.

Однако память ведь приспосабливается — правда? — ко времени, к обстоятельствам, к реальности жизни. Редферны мертвы. А в Библии сказано: «Пусть мёртвые хоронят своих мертвецов». Что было, то прошло.

И Кейз подумал: может быть… может быть… теперь… он сумеет жить, если будет думать прежде всего о Натали и о своих детях, а Редферны останутся грустным воспоминанием, и только.

Он не был уверен, что ему это удастся. Не был уверен, что у него хватит моральных и физических сил. Давно прошло то время, когда он вообще был в чём-то уверен. Но попытаться можно.

Он сел в лифт и спустился вниз.

На дворе, по дороге к своей машине, Кейз остановился. Движимый внезапным импульсом, сознавая, что, может быть, позже он пожалеет об этом, Кейз вынул из кармана коробочку и высыпал таблетки в снег.

18

Из своего автомобиля, стоявшего на ближайшей к полосе три-ноль рулёжной дорожке, Мел Бейкерсфелд видел, как самолёт «Транс-Америки», не задерживаясь, покатил к аэровокзалу. Мела отделяла от самолёта уже половина лётного поля, однако, несмотря на дальность расстояния, ему отчётливо были видны быстро удалявшиеся огни. По радио, настроенному на «землю», Мел слышал, как диспетчеры задерживают у перекрёстков другие самолёты, чтобы дать пройти пострадавшей машине. Ведь на борту её находились раненые. Рейсу два было приказано подрулить прямо к выходу сорок семь, где их ждала «скорая помощь» и служащие компании.

Мел смотрел, как уплывают огни самолёта, сливаясь с галактикой аэровокзальных огней.

Машины «скорой помощи» и аварийки, так и не понадобившиеся, стали разъезжаться.

Таня и Томлинсон были уже на пути к аэровокзалу. Они ехали с Патрони, который поручил кому-то отрулить самолёт «Аэрео-Мехикан» в ангар.

Таня непременно хотела быть у выхода сорок семь, когда с самолёта начнут сходить пассажиры. Похоже, что она могла там понадобиться.

Прежде чем расстаться с Мелом, она спокойно спросила:

— Вы всё-таки приедете ко мне?

— Мне бы очень хотелось, — сказал он. — Если вы не считаете, что уже слишком поздно.

Он смотрел на Таню. Она отбросила с лица прядь рыжих волос, устремила на него свой прямой, открытый взгляд и улыбнулась.

— Нет, не поздно.

Они условились встретиться у главного выхода через три четверти часа.

Томлинсон намеревался взять интервью сначала у Патрони, а потом у команды рейса два. Ведь через несколько часов члены команды, как и Патрони, станут героями. Драматическая история бедствия, которое терпел самолёт, и его благополучное возвращение на землю, подумал Мел, наверняка затмят его высказывания по поводу более обыденных проблем, связанных с трудностями, переживаемыми аэропортами.

Хотя, может быть, и не совсем. Томлинсон, с которым Мел поделился своими соображениями, был репортёр вдумчивый, умный, которому,

возможно, придёт в голову связать нынешнюю драматическую ситуацию с не менее серьёзными и не сиюминутными проблемами.

Мел увидел, как покатили куда-то «боинг» компании «Аэрео-Мехикан». Самолёт был, видимо, целёхонек. Теперь его вымоют, тщательно обследуют и отправят в беспосадочный полёт в Акапулько.

Следом за ним двигались разнообразные служебные машины, неотлучно находившиеся при нём, пока он был в плену у стихий.

Мел тоже мог больше не задерживаться на поле. Он сейчас уедет — через минуту-другую. Но уединённость лётного поля, непосредственная близость к полётам — всё это настраивало на размышления.

Именно здесь несколько часов назад, вспомнил Мел, у него возникло предчувствие беды. Ну, и в известной степени оно оправдалось. Беда случилась, хотя, по счастью, и без-рокового исхода. И не аэропорт — будь он плохой или хороший — виноват в том, что произошло.

А катастрофа ведь могла произойти и в аэропорту — тогда она была бы грандиозной, — и всё из-за несоответствия его современным требованиям авиации, что Мел давно уже предсказывал и тщетно пытался выправить положение.

Ведь аэропорт имени Линкольна безнадёжно устарел.

Устарел — и Мел это прекрасно понимал, — несмотря на хорошие кадры, сверкающее стекло и хром, несмотря на объём воздушных перевозок, рекордное число пассажиров, Ниагару грузов, несмотря на перспективу роста и самонадеянную вывеску: «Воздушный перекрёсток мира». Аэропорт устарел потому, что, как это часто случалось на протяжении коротких шести десятков лет существования современной авиации, прогресс в воздухе превзошёл все предсказания. Здесь опять-таки эксперты-прогнозисты оказались неправы и правы — мечтатели, провидцы.

И то, что происходило с аэропортом имени Линкольна, происходило везде.

Не только по всей стране, но и по всему миру. Очень много шло разговоров о росте авиации, её потребностях, развитии воздушного сообщения, которое постепенно станет самым дешёвым в мире видом транспорта и средством для перевозки грузов, — видом транспорта, благодаря которому народы, живя в мире, смогут лучше узнать друг друга, смогут легче торговать. Однако на земле, учитывая масштабы проблемы, очень мало что делалось.

Конечно, ничей одинокий голос не способен что-либо изменить, но всякий, кто может что-то сказать со знанием дела и убеждённостью в своей правоте, тем самым внесёт свою лепту. За последние несколько часов Мел

понял — сам не зная почему он это понял именно сейчас, — что будет и дальше открыто высказывать свои мысли, как сделал это сегодня и как не делал уже давно.

Завтра — или, вернее, ещё сегодня — он начнёт звонить аэропортовским уполномоченным и в понедельник утром созовёт чрезвычайное заседание Совета. Когда Совет соберётся, Мел потребует разрешения немедленно приступить к строительству новой взлётно-посадочной полосы параллельно полосе три-ноль.

Сегодняшнее происшествие необычайно подкрепило доводы в пользу увеличения числа взлётно-посадочных полос, о чём Мел давно уже говорил. Но на этот раз он решил дать бой — прямо, в открытую предупредить, что катастрофы неизбежны, если о проблемах безопасности будут только болтать, не обращая внимания на то, что жизненно необходимо для нормальной деятельности аэропорта, или бесконечно откладывая решение насущных вопросов. Уж он проследит за тем, чтобы пресса и общественное мнение были на его стороне, иными словами, окажет все меры давления на столичных политиков.

После того как вопрос о строительстве новых полос будет решён, надо настаивать на осуществлении и других проектов, о которых до сих пор только говорят или только мечтают, в частности, на сооружении нового аэровокзала с новым взлётно-посадочным комплексом, с более разумным распределением потоков людей и грузов, с наличием небольших полей-сателлитов для вертикально взлетающих самолётов и самолётов с короткой пробежкой, которые скоро должны появиться.

Либо международный аэропорт имени Линкольна принадлежит реактивному веку, либо нет, а если он принадлежит, то должен шагать в ногу со временем.

Аэропорты ведь, думал Мел, это не роскошь и не уступка вкусам публики. Почти все они самоокупаются, дают доходы и работу многим людям.

Все битвы за прогресс на земле и в воздухе, конечно, не выиграть, — этого никогда не будет. Но некоторые выиграть можно, и кое-что из того, что говорилось здесь и делалось, благодаря положению, которое занимал Мел, может быть распространено на всю страну, а то и на весь мир.

Если это произойдёт, тем лучше! Английский поэт Джон Донн, вспомнил вдруг Мел, однажды написал: «Человек — это не изолированный остров; нет, каждый человек — это кусочек континента, частица Большой земли». И аэропорт — это тоже не остров, а уж международный — тем более, и всё в нём должно оправдывать это высокое звание. Быть может,

работая рука об руку со своими коллегами, Мелу и удастся показать, что надо делать.

И сейчас Мел твёрдо решил: те, кто забыл о его существовании, скоро услышат о нём.

Ему предстоит много дел, а если он к тому же возьмётся за прежнее — активно включится в борьбу за прогресс не только в воздухе, но и на земле, — это займёт его ум и отвлечёт от личных проблем. Во всяком случае, Мел очень на это надеялся. Тут он вспомнил, что надо будет позвонить Синди — быть может, даже завтра — и условиться, когда он заберёт свои вещи. Это будет неприятная процедура, и оставалось только надеяться, что удастся осуществить всё в отсутствие дочерей. Для начала, решил Мел, он переедет в гостиницу, а потом подыщет себе квартиру.

Но одно он знал твёрдо: его решение о разводе — как и решение Синди — бесповоротно. Оба понимали это и сегодня просто решили убрать фасад, за которым была пустота. И сами они, и дети ничего не выигрывали — так к чему оттягивать неизбежное?

И всё же на это потребуется время.

Ну, а Таня? Мел не был уверен, что их ждёт совместная жизнь впереди. Возможно, конечно, хотя время для решительного шага — если он вообще его предпримет — пока не настало. Мел только чувствовал, что сегодня, в конце этого долгого и трудного рабочего дня, ему очень хочется тепла, нежности и дружеского участия. А из всех его друзей лишь Таня могла ему это дать.

Время прояснит, к чему это может привести его и Таню.

Мел включил мотор и свернул на дорогу, огибавшую поле. Справа от него уходила вдаль полоса три-ноль.

Он видел, как, несмотря на поздний час, на неё непрерывной чередой, один за другим садились самолёты. Мимо промчался «конвейер-880» компании «ТВА» и сел. А всего в какой-нибудь миле позади него уже мигали посадочные огни другого самолёта. За второй машиной виднелась третья.

Раз третья машина идёт на посадку, значит, подумал Мел, облака поднялись. И только тут он обнаружил, что снегопад прекратился, а на южной стороне неба даже проглядывает синева. И с облегчением подумал: буран кончился.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net

Оставить отзыв о книге

Все книги автора
Другие книги серии «Золотой фонд мировой классики»

---

notes

Примечания

1

«О моё солнце» *(итал.)*

2

Герой старинной шотландской баллады, который с помощью волшебника Мерлина отправился на поиски своей сестры и вывел её из страны эльфов, куда её утащили злые духи.

3

День независимости, национальный праздник США

4

сладкой жизни *(итал.)*

5

Джеймс Уистлер (1834–1903) — американский художник-эклектик; в Лувре висит знаменитый портрет его матери, весьма своеобразно названный «Композиция из серого с чёрным».

6

Букв.: белый бланк *(франц.)*; употребляется обычно для обозначения полной свободы действий; в данном случае название одного из крупнейших европейских кредитных обществ

7

Имеются в виду члены семьи президента Джона Кеннеди.

8

извините *(итал.)*

9

слишком уж расшумелся *(итал.)*

10

да *(итал.)*

11

убирайся *(итал.)*

12

Узел равен одной миле в час (1,609 км/час).

13

Чарльз Линдберг (род. в 1902 г.) — американский лётчик, совершивший в 1927 г. беспосадочный перелёт через Атлантику (Нью-Йорк — Париж)

14

Орвилл Райт (1871–1948) — американский изобретатель, авиаконструктор и лётчик; вместе со своим братом Уилбэром сконструировал аэроплан с двигателем внутреннего сгорания и в 1903 г. совершил на нём первый в мире успешный полёт продолжительностью в 59 секунд

15

Энтони Куинн — известный английский киноактёр.

16

Матерь божья *(исп.)*

17

О господи, ради всего святого! *(исп.)*

18

ну, пожалуйста *(исп.)*

19

возможно *(исп.)*

20

доброй ночи *(исп.)*

21

Роллинг — по-английски означает «катящийся».